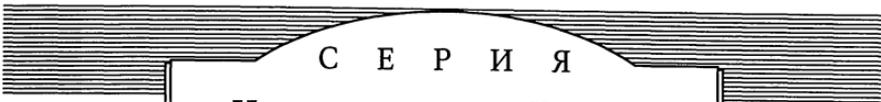

ТЕАТР ЗОЩЕНКО

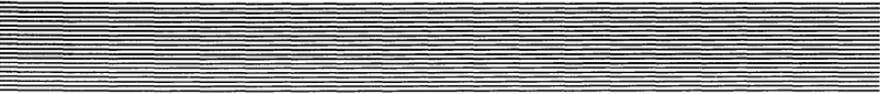
ТЕАТР ЗОЩЕНКО

С Е Р И Я

Неизвестный XX век

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ТЕАТР
ЗОЩЕНКО**

ООО «Родник»
2018
Санкт-Петербург

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТЕАТР ЗОЩЕНКО

ООО «Родник»

2018

Санкт-Петербург

ББК 83.3(2Рос=Рус)
УДК 821.161.1-94-97
Т30

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»*

Т30 **Театр Зощенко** / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент.
В. П. Муромского. — СПб.: ООО «Родник», 2018. — 704 с.

ISBN 978-5-9905251-8-4

Сборник пьес М. М. Зощенко издается впервые. Его мастерство как драматурга ценили В. Э. Мейерхольд, Н. П. Акимов, Е. Л. Шварц, И. А. Груздев и др. В книгу вошли десять многоактных пьес Зощенко, которые, как ни странно, современному читателю еще менее известны, чем его одноактные комедии (последние иной раз не только публиковались, но и экранизировались).

Цель данного издания — представить Зощенко прежде всего как автора «больших» театральных пьес. Собранные вместе, они позволяют говорить о драматургии Зощенко — наименее изученной части его наследия — как особом и целостном эстетическом явлении. И тем самым восстановить в правах возникший еще при жизни писателя «театр Зощенко».

Сборник предназначен не только для искусствоведов, филологов, но и для широкого круга читателей.

В оформлении обложки
использована работа Ю. П. Анненкова (1926).

© Собрание Р. Герра

ISBN 978-5-9905251-8-4

© М. М. Зощенко, наследники, 2018
© В. П. Муромский, составление, вступ. статья, комментарии, 2018
© ООО «Родник», оформление, 2018

СУДЬБА ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ М. М. ЗОЩЕНКО

Зощенко-драматург напоминает сегодня некий неопознанный объект: наличие его признается, но представление о нем еще не приобрело достаточно ясных очертаний. Удивляться этому не приходится. До сих пор усилия исследователей прилагались главным образом к изучению прозы Зощенко. Пьесы же его если и удостоивались внимания, то, как правило, попутного и беглого¹.

Драматургическое наследие Зощенко не только мало изучено, но даже и не собрано. В трехтомном собрании сочинений писателя (Л., 1986–1987) драматургия его вообще не представлена, в пятитомном (М., 1994) появились лишь одна многоактная и четыре одноактные его пьесы 1930-х годов. В последнем по времени семитомном собрании прозы Зощенко (М., 2008) том драматургии изначально отсутствует. Между тем известно, что Зощенко является автором около двадцати драматургических произведений, не считая либретто и эстрадных сценок-миниатюр. Лишь некоторые из них были изданы при жизни писателя. Не будет преувеличением сказать, что и у сегодняшнего читателя нет ясного и целостного представления о Зощенко как драматурге.

Зощенко обратился к драматургии на исходе 1920-х годов, будучи уже зрелым художником, вкусившим плоды писательской славы как автор сатирико-юмористических рассказов. Свои пробы в новом для

¹ В ряду монографических трудов о писателе лишь книга Л. Ф. Эршова «Из истории советской сатиры: М. Зощенко и сатирическая проза 1920–40-х годов» (Л., 1973) содержит специальный раздел, посвященный комедиографии Зощенко. Но из всех разделов книги он как раз наименее удачен, сугубо описателен и очень не полон.

Ситуация, сложившаяся вокруг Зощенко-драматурга, в немалой степени обусловлена и некоторыми объективными факторами. Пьесы его, за исключением, может быть, «Парусинового портфеля», не оставили достаточно заметного следа в истории драматургии и театра. Несомненным упрощением выглядит сегодня попытка объяснить это якобы свойственной им «вялостью действия», «монотонностью диалога»⁶ и тому подобными причинами. Сценическая, судьба пьес Зощенко зачастую складывалась по «сценарию», зависящему не столько от самого драматурга, сколько от разного рода привходящих обстоятельств. Потому и результаты здесь в целом малоутешительны.

Любопытно, что *проза* Зощенко сформировала великолепных ее чтецов в лице И. Ильинского и В. Яхонтова, исполнявших его рассказы со сцены в совершенно различной, даже противоположной манере. В то же время *пьесы* Зощенко, те, которым удавалось выйти на театральную сцену, не породили выдающихся актерских работ, хотя за сценическое их воплощение брались порой знаменитые режиссеры.

Первую комедию Зощенко «Уважаемый товарищ» (1929) намеревался ставить Вс. Мейерхольд, поручив роль Барбарисова И. Ильинскому. Некоторые литераторы одобрили сам факт появления зощенковской комедии⁷, обладающей оригинальным сюжетом: вычищенный из партии коммунист пытается наверстать упущенное за время пребывания в ней и устраивает себе разгульную жизнь. Выбор Мейерхольда не случайно пал на эту пьесу: она, как и близкий ей «Клоп» В. Маяковского, безусловно, отвечала его творческим принципам.

На первых порах все как будто складывалось удачно. В январе 1930 года Мейерхольд обратился к Зощенко с просьбой: «Прошу Вас приехать в Москву числа 15.1.30, так как 16.1.30 (во вторую половину дня) необходимо прочитать Вашу пьесу труппе и художественно-политическому совету при нашем театре. Подготовлю благоприятную обстановку для Вашего выступления. Я уже (выделено Мейерхольдом. — В. М.) сочинил конструкцию для Вашего спектакля (“Уважаемый товарищ”). Пока ее знают только два лица: Зинаида Николаевна (Райх. — В. М.) и архитектор С. Е. Вахтангов, который будет делать модель»⁸.

Спустя два с половиной месяца З. Н. Райх сообщала автору «Уважаемого товарища»: «Ваша пьеса пойдет в начале сезона 1930—31. Вы не бойтесь, что потеряется острота — эта тема еще долгая, и у Вас ведь

⁶ Театральная энциклопедия. М., 1963. Т. 2. С. 807.

⁷ См. письмо И. Груздева М. Горькому от 6 февраля 1930 года // Архив А. М. Горького. М., 1966. Т. 11. С. 215.

⁸ Мейерхольд В. Э. Переписка: 1896—1939. М., 1976. С. 304.

вопрос не о чиновнике, а о человеке, а “прием” он прочный (так в тексте. — В. М.)». В том же письме Мейерхольд сделал приписку, в которой извещал Зошенко: «В Главрепертком не посылал Вашей пьесы *заблаговременно* (подчеркнуто Мейерхольдом. — В. М.) потому, что всегда так делаю: посылаю в период репетиционной работы. <...> Однако план подготовки я все время обдумывал, и летом Вы уже увидите макет “Ув<ажаемого> т<оварища>”. «Будет замечательный спектакль»⁹, — заверял писателя режиссер.

Тем не менее премьере «Уважаемого товарища» в мейерхольдовском театре не суждено было осуществиться. Объясняя причины этого, И. Ильинский осенью 1930 года писал Зошенко в Ленинград: «Ваша пьеса и пьеса Эрдмана (“Самоубийца”. — В. М.) запрещены Главреперткомом. Но Всево<лод> Эм<ильевич> категорически заявил, что он будет всю бороться за разрешение и той и другой пьесы. Но, мол, это не сразу делается. Будем верить и ждать»¹⁰. В результате замысел Мейерхольда так и не обрел окончательного сценического решения. И надежды автора увидеть свою пьесу воплощенной на сцене знаменитым режиссером не оправдались.

В мае 1930 года пьеса все же была поставлена в Ленинградском театре сатиры, но спектакль в конечном счете не имел ожидаемого успеха. Большинство рецензентов отозвалось о нем критически, предъявив упреки не только пробующему свои силы в драматургии автору, но и режиссуре (Э. П. Гарину и Х. А. Локшиной), а также исполнителю главной роли (Л. О. Утесову)¹¹.

Намечавшаяся в Москве постановка сатирической комедии Зошенко «Опасные связи» (в Малом театре) опять-таки не состоялась. Пьеса, созданная в 1939 году, была посвящена актуальной тогда теме «вредительства» и «разоблачительства», когда под маской уважаемого советского или партийного работника обнаруживалось лицо классового врага. Правда, у Зошенко эта тема получила свой, сугубо бытовой поворот: «ответственное лицо» попадает под влияние некоего дельца и интригана Сечинского, который пытается с его помощью «обеспе-

⁹ Письмо З. Н. Райх М. Зошенко от 22 марта 1930 года // РО ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 3. Ед. хр. 279. Л. 1.

¹⁰ Письмо И. В. Ильинского М. Зошенко от 13 октября 1930 года // РО ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 3. Ед. хр. 166. Л. 3.

¹¹ Подробнее см.: История одной пьесы. Из воспоминаний В. В. Зошенко / Предисловие и подготовка текста Г. В. Филиппова, комментарии В. П. Муромского // Русская литература. 1998. № 4. С. 185–196.

читать себе праздное и «красивое» существование»¹². Предполагалось, что роль Безносова, «ответственного лица», будет играть все тот же И. Ильинский. Актеры театра тепло приняли комедию и хотели ее ставить, но из-за вмешательства Государственного комитета по делам искусств работа над ней была сначала отложена, а затем и вовсе отменена. В высоких инстанциях сочли пьесу неприемлемой, и вскоре она подверглась резкой критике в редакционной статье журнала «Литературное обозрение» под типичным для подобных статей заглавием — «За идейную большевистскую принципиальность». Пьеса Зощенко критиковалась здесь в одном ряду с такими произведениями, как «Волк» и «Метель» Л. Леонова, «Закон жизни» А. Авдеенко и др. Суть претензий заключалась в искажении облика советских людей («в пьесе, что ни персонаж, то идиот»¹³), в неумении или нежелании показать достойного времени «положительного» героя. При этом полностью игнорировалось жанровое и стилевое своеобразие комедии Зощенко, критика ее велась, как тогда было принято, преимущественно с идеологических позиций. Роковое по своим последствиям обстоятельство заключалось в том, что сатирические персонажи пьесы Зощенко (это, впрочем, касается и его прозы) воспринимались официальной печатью не как отступление от общепринятых норм морали и нравственности, наблюдаемое в самой жизни, а как намеренное искажение писателем облика советских людей. Этот постепенно утвердившийся и поощряемый в критической практике принцип существенно ограничивал, если вообще не исключал, саму возможность заниматься сатирой в условиях социалистического общества.

Отдельные замечания редакционной статьи все же попадали в цель. Это относится прежде всего к образу молодого лейтенанта Сережи — типичного резонера, пытающегося воздействовать на окружающих его людей, зараженных мешанским «вирусом», с помощью цитат из Н. Г. Чернышевского. Здесь свойственная Зощенко некоторая назидательность и в самом деле предстала не в лучшем виде.

Автор «Опасных связей» отнюдь не избежал типичных для того времени стереотипов драматургического мышления. Даже в доброжелательной по отношению к нему статье в журнале «Ленинград» отмечалось, что в пьесе есть персонажи, «роль которых сомнительна» (Мамаша, Сережа, Курц), что «разоблачение Безносова как бывшего провокатора и врага делается молниеносно, в последнем акте» и пото-

¹² *Танк Евг.* Разговор с Михаилом Зощенко // Резец. 1999. № 19—20. С. 3 обложки.

¹³ Литературное обозрение. 1940. № 18. С. 5.

Наблюдение это по-своему примечательно. Как ни странно, но пьесы Зощенко, подобно его рассказам, диалогичны лишь по форме, а по сути — монологичны. Авторский голос и авторская интонация в них преобладают над всем остальным. Зощенко-драматург интересен не столько характерами своих персонажей (тем более психологически малоразработанными), сколько авторским взглядом на них, который определяет тональность всего действия и который не всегда поддается воплощению обычными театральными средствами. Это не живые, исполненные внутренних противоречий характеры, а скорее театральные маски, с помощью которых выражается его, зощенковское, отношение к действительности. Недаром, по свидетельству того же В. Полякова, Зощенко очень любил цирк, буффонаду, клоунов²⁵. Драматургическая манера Зощенко отнюдь не требовала углубленной разработки характеров, их «психологизации». Она основывалась на другом — на предельной четкости облика персонажей с их заранее определенной функцией при обязательном сохранении всех особенностей авторского отношения к ним.

Интересно, что в одной из своих записных книжек 1940-х годов Зощенко многократно пытается классифицировать характеры, составить нечто вроде типологии их. Под рубрикой «Характеры» он записывает: «Утешитель. Деятель. Неудовлетворен собой. Скептик. Гуманист. Бездеятельный. Властолюбивый. Обжора. Неудачник. Удачник... Деспот. Временщик... Делец. Злорадный... Строгий. Любезный» и т. д. Отдельно выписаны варианты женских характеров: «Капризный. Кокетка. Болтливая... Хохотушка. Хвастливая. Хочет всем нравиться. Сплетница... Презрение к мужчинам. Веселая. Жизнерадостная. Поэтическая особа. Наивная»²⁶. Писатель, как видим, выделяет всего лишь одну определяющую черту того или иного характера, оттенки его не интересуют.

Для понимания своеобразия Зощенко-драматурга очень важно одно его высказывание, относящееся к 1939 году. «Искусство создается, — говорил он, — не путем показа действующих лиц, оно создается путем одухотворения этих лиц. Искусство литератора заключается не в умении показывать, а в умении одухотворять»²⁷. Это одно из принципиальных положений эстетики Зощенко. Пьеса рождается у него как сугубо литературное произведение, предназначенное вроде бы не для

²⁵ Там же.

²⁶ РО ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 1. Ед. хр. 455. Л. 9, 23.

²⁷ Зощенко М. О литературном искусстве // Литературный современник. 1941. № 3. С. 124.

игры, а для чтения. Или, точнее, для такой игры, в которой «одухотворяющее» начало, идущее от автора, не должно пропадать. Поэтому, когда пьесы Зощенко разыгрывали как обычные драматические произведения, с акцентом на психологическое наполнение характеров, их столкновение, минуя своеобразную авторскую интонацию, не находя адекватных сценических средств для ее воплощения, — результат получался разочаровывающим. И для драматурга, и для зрителей.

Показательно, что Зощенко не нравилась излишняя «театрализация» его рассказов при чтении их актерами. Вероятно, именно потому, что она затеняла собой авторское начало. Такая манера исполнения была свойственна И. Ильинскому и обеспечивала ему немалый успех у слушателей. Это не было, однако, чисто субъективным привнесением. Рассказы Зощенко как бы невольно провоцировали исполнителей на то, чтобы сделать из них нечто вроде маленького спектакля. Этому способствовала прежде всего колоритность облика и речи зощенковских персонажей. Современники не зря отмечали, что «в чисто языковом отношении, в комизме слова Зощенко изобретателен»²⁸ и, добавим, изобретателен более чем где-либо. Важной особенностью его развития как новеллиста является, по наблюдению исследователя, «разрастание диалога и постепенное заполнение им всей ткани рассказа»²⁹. При желании почти каждый его рассказ потенциально мог быть развернут в пьесу.

Но сам Зощенко (чему имеется немало свидетельств) читал свои рассказы совсем в ином ключе, с подчеркнуто спокойной, ровной интонацией, без малейшего намерения рассмешить, «разыграть сцену». И этим достигал еще большего воздействия на публику. В воспоминаниях о Зощенко имеется один характерный эпизод: на примере своей знаменитой «Аристократки» писатель наглядно показал И. Ильинскому разницу между театрализацией рассказа и чтением его вслух. Актер был благодарен Зощенко за этот урок³⁰. Если продолжить эту мысль, то можно сказать, что пьесы Зощенко по своей литературной природе побуждали не к «театральной игре» в обычном ее понимании, а, условно говоря, к «чтению вслух». Это не значит, что он считал их противопоказанными театру. Напротив, прижизненные издания пьес Зощенко, включенные в сборники его прозаических произведений, публиковались им под рубрикой «Театр». Этим подчеркивалась их предна-

²⁸ Шкловский В. О Зощенко и большой литературе // Шкловский В. Гамбургский счет: Статьи, воспоминания, эссе (1914–1933). М., 1990. С. 419.

²⁹ Чудакова М. О. Поэтика Михаила Зощенко. М., 1979. С. 53.

³⁰ См.: Иванова Т. О Зощенко // Вспоминая Михаила Зощенко. С. 173.

значенность для сцены. Но их сценическая интерпретация требовала в первую очередь чуткого вслушивания в авторскую интонацию и обязательного донесения ее до зрителей³¹. По словам С. Юрского, «Зощенко — великий мастер перевоплощения, он перевоплощается не только литературно-языково, лексически, но и актерски-голосово, интонационно, ритмически. Он надевает на себя маски то мешанина-недотепы, то хама, то наивного недалекого правдолюбца. Это театр. Особенный, уникальный театр сотен персонажей и одного автора-исполнителя, театр Зощенко»³².

Опыт сценических постановок зощенковских пьес (в количественном отношении, к сожалению, небольшой) свидетельствует о том, что не было проявлено должного внимания к творческой индивидуальности драматурга. Это та самая неуловимая константа, которую, по справедливому замечанию одного из исследователей, «театр проигнорировал почти безоговорочно»³³. Вот почему возможности театрального воплощения пьес Зощенко, в том числе и тех, что уже были когда-то поставлены на сцене, еще далеко не исчерпаны. В этом убеждают и более поздние попытки возродить имя Зощенко на советской театральной сцене. В 1985 году в Московском драматическом театре имени Н. В. Гоголя был возобновлен спектакль «Уважаемый товарищ». Другой московский драматический театр — имени К. С. Станиславского — в 1994 году предложил вниманию зрителей спектакль «Уважаемые граждане» (по произведениям Зощенко). К сожалению, петербургские театры, которые когда-то лидировали по количеству сценических постановок пьес Зощенко, не проявили и не проявляют ныне подобной заинтересованности.

Нуждаются в уточнении и некоторые оценки драматургии Зощенко в литературе о нем, где еще ощутимо сказывается инерция прошлых лет. Довольно часто за недостатки его пьес принимают отказ от психологизма, однотонность сатирических героев, ненавязчивый дидактизм и т. д., то есть то, что как раз органически присуще комедийному таланту этого писателя.

³¹ По свидетельству Н. Баилова, подобное требование выдвигал В. Маяковский на репетициях «Клопа» в театре Мейерхольда, побуждая актеров придерживаться своего интонирования: «Вы ничего не играйте. Вы читайте Маяковского и больше ничего» (Встречи с Мейерхольдом: Сб. воспоминаний. М., 1967. С. 368).

³² Юрский Сергей. Кто держит паузу. М., 1989. С. 89.

³³ Филиппова А. «Дело в том, что я — пролетарский писатель...» Михаил Зощенко. С. 402.

Не получили выхода на сцену и не были опубликованы при жизни автора пьесы Зоценко, созданные в последнее десятилетие его творческой деятельности. Среди них — комедии «Пусть неудачник плачет», «Здесь вам будет весело» (другое ее заглавие «За бархатным занавесом»), «Дело о разводе», пьеса о М. Горьком «Первые шаги», созданная совместно с И. Груздевым, а также несколько одноактных пьес (они хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ). Названные произведения относятся к наиболее трудному периоду жизни писателя, когда имя его было фактически под запретом и перед ним во всей остроте стояла проблема публикации своих сочинений, литературного заработка. Упомянутый «приговор» 1946 года, разумеется, не прошел бесследно. Душевные и творческие силы Зоценко были подорваны, но они не иссякли. Подтверждением этого как раз и являются драматургические произведения, занявшие в ту пору преобладающее место в его творчестве. Несмотря на попытки властей изолировать Зоценко от литературной жизни, его пьесы тех лет прочно связаны со своим временем, с теми проблемами, которыми жила послевоенная советская драматургия. Они естественно вписываются в контекст тогдашней литературы, со всеми ее слабостями и противоречиями, и потому по-своему важны для понимания эволюции писателя в те годы.

Еще в период войны, находясь в алма-атинской эвакуации, Зоценко продолжил свои поиски в жанре «легкой» (но отнюдь не легкомысленной) комедии на бытовой основе. В своей пьесе «Маленький папа» (1942, соавтор В. Павловский) он едва ли не первым в русской литературе тех лет затронул тему сопутствующей войне детской бездомности. Драматическую по сути тему автор раскрыл как комедиограф, в полном соответствии с природой своего таланта. В центре пьесы коллизия, связанная с усыновлением подростка, потерявшего на войне своих родителей. Необычность ситуации в том, что взять на себя отцовские обязанности готов еще совсем юноша «с детским лицом» — техник-лейтенант Новиков, временно направленный в тыл после ранения. По возрасту он всего лишь на десять лет старше того, кого хочет усыновить, а по виду — почти его сверстник. Данное обстоятельство как раз и является основным источником комического в пьесе. Обнаруживается острое противоречие между сугубо мальчишеским видом лейтенанта и его старанием изо всех сил казаться более взрослым, солидным. Ему надлежит преодолеть немало комических ситуаций и связанных с ними предубеждений со стороны окружающих, прежде чем он делом докажет, что обладает качествами настоящего мужчины, достойного быть отцом для осиротевшего Мишки.

Остальным же послевоенным пьесам Зощенко вообще не довелось увидеть сцены. Между тем попытки творческого соприкосновения драматурга с известными театрами и режиссерами не прекращались и в эту мрачную пору его жизни. Свою комедию «Дело о разводе» (1950—1951) Зощенко намеревался отдать Центральному театру кукол под руководством С. В. Образцова. Столь неожиданное на первый взгляд решение было оправдано характером данной пьесы, как, впрочем, и всей драматургии Зощенко, отнюдь не противопоказанной эстетике «театра марионеток». На этот раз писатель положил в основу своей комедии неприхотливую историю молодой супружеской пары, которая проходит путь от семейной идиллии к нелепой ссоре и оказывается на грани развода, но с помощью друзей и соседей преодолевает возникшие недоразумения, вновь обретает мир и любовь. Необычность замысла писателя состояла в том, что супружеский развод, то есть по сути семейную драму, он сделал предметом веселой комедии. Здесь, может быть, больше, чем в других его пьесах, ощутимо «игровое» начало. Это как раз тот случай, когда понятия «игра» и «пьеса» становятся действительно синонимичными.

Сохранилось письмо С. В. Образцова к Зощенко от 24 октября 1953 года³⁸ с пожеланием видеть последнего в числе авторов театра. Но до постановки в нем упомянутой зощенковской комедии дело не дошло.

Это не было, конечно, простым «невезением». В те годы имя Зощенко вызывало внешне не всегда заметную, но вполне объяснимую реакцию: оно одновременно и привлекало театры, и поневоле настораживало их после столь мощной кампании, инициированной против него сверху. И хотя его пьесы предназначались, как правило, для конкретных сценических площадок, всегда получалось так, что неожиданно возникало какое-нибудь препятствие на пути их к зрителю, чаще всего искусственно созданное. Как писал сам Зощенко в официальном обращении к А. Фадееву 27 августа 1949 года, «всякий раз я наталкивался на такие преграды, которые не позволяли думать, что работы мои могут быть напечатаны или поставлены без особого разрешения»³⁹. Этого «особого разрешения» он пытался добиться от властей, но так и не дождался.

◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆
медий, тенденциозных по своему содержанию: «Парусиновый портфель», «Очень приятно» (Власть и художественная интеллигенция: Документы 1917—1953 гг. М., 1999. С. 587).

³⁸ РО ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 3. Ед. хр. 257.

³⁹ Письмо М. Зощенко А. А. Фадееву от 27 августа 1949 года // Дружба народов. 1988. № 3. С. 177.

Сатирическая подоплека пьесы заключалась в несоответствии деклараций героя и действительности. Жестокая конкурентная борьба вынуждает Робинзона прибегнуть к помощи двойника — некоего мистера Браунинга. Нанятый с целью обезопасить своего хозяина, он, однако, благополучно избегает риска и из всех перипетий выходит невредимым. Миллионер же несколько раз подвергается нападениям, получая при этом легкие огнестрельные раны. Мало того, используя внешнее сходство с Робинзоном, Браунинг неожиданно и небезуспешно пытается вытеснить своего хозяина и занять его место. Основные сатирические стрелы автора были направлены не столько против миллионера, сколько против его вероломного двойника⁴⁶.

Ситуация с двойником, коварно обернувшаяся для Робинзона, осложняется еще и внутрисемейной коллизией: любимая дочь миллионера и сын разоренного им конкурента намерены пожениться. В своем стремлении помешать этому браку миллионер выступает в роли заботливого отца, который печется о благополучии дочери. Но и здесь он действует скорее не как отец, а как беспощадный финансист, привыкший любыми путями избавляться от конкурента.

Тем самым в комедии наглядно демонстрировалась антигуманная, хищническая основа социального строя, восхваляемого ее героем. Этой своей стороной она невольно ассоциируется с нынешней нашей действительностью. Самодовольные рассуждения Робинзона о «животворных силах капитализма», позволяющих сделать богатство и счастье доступными каждому и превращающих финансовых тузов в цвет нации, «ум и совесть страны», в условиях сегодняшней России обретают неожиданную актуальность, новый сатирический смысл.

Работая над пьесой, Зоценко не имел и не мог иметь непосредственного контакта с тогдашней американской действительностью. Возможно, поэтому социально-политический фон в комедии получился скорее обобщенно-западным. Да и само мышление героя, как правило, не выходит за рамки прочно утвердившегося шаблона. Свои личные успехи он склонен объяснять живительными стимулами капитализма, а неудачи — исключительно происками коммунистов. Пожалуй, лишь в бытовых ситуациях Робинзон сохраняет в себе черты живой личности. Таковым, например, он раскрывается во взаимоотношениях с дочерью, пастором, доктором и т. д. Здесь сатирические краски в его облике несколько смягчаются и на первый план выступают иные, юмористические.

⁴⁶ Недаром один из вариантов пьесы, по свидетельству В. Лифшица, назывался «Двойник (Американская комедия)». См.: Михаил Зоценко в воспоминаниях современников. С. 258.

Нетрудно заметить связь этой пьесы с другими произведениями послевоенной драматургии, посвященными теме «холодной войны» и ее последствий: «Русский вопрос» К. Симонова, «Голос Америки» Б. Лавренева, «Миссурийский вальс» Н. Погодина и т. д. Их актуальность для своего времени была несомненной, хотя и скоротечной. В этом ряду оказалась и зощенковская «За бархатным занавесом», с той, однако, разницей, что злободневная политическая тема воплощалась здесь в жанре сатирической комедии, ставшем к тому времени большой редкостью в советской драматургии.

Многое сближает пьесу Зощенко с незавершенной комедией А. Платонова «Ноев ковчег» (1950)⁴⁷ при всем несовпадении художественного почерка их авторов. Обе пьесы вызваны к жизни послевоенными событиями, резко обострившими борьбу двух миров. Объектом изображения у обоих писателей является американская действительность, которую они знали лишь по материалам печати, так как в отличие от того же К. Симонова и некоторых других литературных деятелей не имели возможности увидеть воочию. В известной мере это предопределило слабые места пьес Зощенко и Платонова, несмотря на то что написаны они крупными художниками. Во многом сходна и жанровая природа обеих пьес — политическая комедия с элементами сатиры. Близки они и по своей структуре: если пьесы Платонова критика определяет как «пьесы-кентавры»⁴⁸ (то есть нечто среднее между прозой и драмой), то подобный принцип построения драматического произведения наблюдается и у Зощенко. Наконец, судьба обеих пьес по воле обстоятельств оказалась связанной с журналом «Новый мир», отвергнувшим их по довольно сходным мотивам.

Пьеса «За бархатным занавесом» прошла через немалые мытарства. Ленинградский Театр комедии, взявшись ее поставить, вынужден был через некоторое время отказаться от своего намерения. Не появилась она и на страницах «Нового мира», куда Зощенко направил ее для публикации. Редактор журнала К. Симонов отклонил ее, сославшись в письме к автору пьесы на то, что мир капитализма выглядит в ней «не страшно, а... забавно-страшно, причем акцент стоит на слове “забавно”». К тому же, по его мнению, пьесе недостает политической конкретности: она изображает скорее «Америку эпохи Аль Капоне, чем нынешнюю

⁴⁷ См.: Платонов А. Ноев ковчег (Каиново отродье). Комедия / Публикация М. А. Платоновой, подгот. текста и коммент. Н. В. Корниенко // Новый мир. 1993. № 9. С. 97–140.

⁴⁸ Крезетова Р. Встреча с кентавром // Советская культура. 1987. 29 окт. С. 2.

Говоря о Зощенко-драматурге, нельзя пройти мимо того факта, что несколько пьес написано им в соавторстве с другими писателями. Здесь труднее, а иногда и попросту невозможно выделить его индивидуальные приметы. Не всегда ясна степень его участия в разработке основных коллизий и образов этих пьес. Среди соавторов Зощенко были такие известные писатели, как Е. Шварц, И. Груздев. Большинство «соавторских» пьес относится к неблагоприятным для Зощенко послевоенным годам, когда рассчитывать только на собственные силы он не мог. Он соглашался на соавторство не потому, что чувствовал себя неуверенно в области драматургии, а потому, что нуждался тогда в активной помощи и опоре, без которых нельзя было надеяться на публикацию своих произведений или постановку их на сцене. При этом он пытался скрыть свое имя под разными псевдонимами (Эмзе, Мих. Сурин, М. Михайлов), чтобы не осложнять и без того нелегкое прохождение сценических произведений по инстанциям.

Среди пьес, над которыми Зощенко работал совместно с другими авторами, одна представляет, пожалуй, особый интерес. От остальных пьес писателя она отличается тем, что написана не в привычном для него комедийном жанре, а скорее в жанре биографической драмы. Построена она (и это уже другое ее отличие) на материале сугубо литературном — автобиографической трилогии М. Горького и некоторых его рассказов. Речь идет о пьесе под названием «Первые шаги, или О том, как Горький стал писателем» (1954, в соавторстве с Ильей Груздевым). В ней прослеживается путь молодого героя от младшего посудника на волжском пароходе до первых шагов в литературе, то есть до публикации рассказа «Макар Чудра» в тифлисской газете «Кавказ». В соответствии с духом времени — времени создания пьесы — акцент сделан на формировании революционного сознания молодого героя, будущего писателя, убежденного в том, что «книга, пожалуй, сильнее, чем даже револьвер и бомба»⁵⁶. Утверждению этой мысли служит и финальная сцена пьесы, где под аплодисменты рабочих тифлиских железнодорожных мастерских Алексей Пешков выбирает себе писательский псевдоним — Максим Горький. Судьба юного Алеши Пешкова выстраивается в пьесе как поучительный пример для молодежи, которая должна быть благодарна Октябрьской революции и советской власти за то, что ей (молодежи) не приходится преодолевать тех огромных тягот и лишений, которые выпали на долю героя.

⁵⁶ Груздев Илья, Сурин Мих. Первые шаги, или О том, как Горький стал писателем. Пьеса в 4-х действиях // РО ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 1. Ед. хр. 439. 95 л. Машинопись.

Сюжетно-событийная канва пьесы «Первые шаги» в ее исходном варианте была разработана И. Груздевым. Как биограф Горького, ставший таковым с одобрения последнего, он способствовал популяризации горьковской биографии не только своими научными трудами, но, пожалуй, в еще большей степени своими литературными произведениями. В предвоенные годы по сценариям Груздева режиссером М. Донским были сняты фильмы «Детство Горького» и «В людях». В 1941 году издательство «Искусство» опубликовало пьесу «Начало пути» (по автобиографическим повестям М. Горького), написанную Груздевым совместно с О. Форш. Позднее она печаталась и ставилась на сцене под названием «Алеша Пешков». На протяжении 1920–1950-х годов многократно переиздавалась книга И. Груздева «Жизнь и приключения М. Горького (по его рассказам)». Одно из последних ее изданий (1954) вышло под заглавием «Молодые годы М. Горького (по его рассказам)». Работа, над ним шла параллельно созданию пьесы «Первые шаги». Многие эпизоды в книге и пьесе сходны, напрямую соотносимы, вплоть до текстуального совпадения. Все это говорит об особой роли Груздева в творческом соавторстве драматургов. Его преимущество состояло в том, что он обладал уникальными сведениями о биографии Горького. На это в свое время обратил внимание Н. К. Пиксанов. В одной из своих статей он писал: «Увлекаясь воспоминаниями, Горький посылал Груздеву письма, иногда создающие как бы дополнительные главы к автобиографической трилогии»⁵⁷.

Вероятно, и само предложение о совместной работе над пьесой исходило от Груздева. Он лучше других знал, в каком положении находился в то время Зощенко, и пытался по-своему облегчить его участь, оформив соавторство официально, через договор. Это было своеобразной формой помощи друга опальному писателю. В пользу такого предположения говорит и то, что Зощенко никогда до этого не писал историко-биографических пьес. Его любимым и единственно предпочитаемым жанром в области драматургии была комедия.

В то же время Зощенко отнюдь не случайно оказался соавтором данной пьесы. Горьковская тема, естественно, не могла оставить его равнодушным, учитывая ту роль, которую сыграл Горький в его литературной судьбе. «Горькому я добром обязан»⁵⁸, — говорил он. Поэтому участие Зощенко в работе над пьесой можно рассматривать как знак уважения и благодарности Горькому. Влияние последнего на Зощенко (и это хорошо осознавал он сам) невозможно свести лишь к под-

⁵⁷ Пиксанов Н. К. Книга о Горьком // Звезда. 1939. № 5–6. С. 299.

⁵⁸ Тулякова-Хикмет В. Аплудисменты // Вспоминая Михаила Зощенко. С. 409.

в печати, но все же довольно редко и разрозненно, как некое дополнение к его прозе. Можно, конечно, считать определенным достижением, когда та или иная пьеса Зощенко возникает перед современным читателем словно из небытия. Но это тем не менее не восполняет главного и очевидного пробела — отсутствия отдельного издания театральных работ писателя, и прежде всего наиболее крупных, многоактных его комедий. Лишь собранные воедино, они дают возможность вполне обоснованно определить их действительное место и роль как в творчестве самого Зощенко, так и в истории русской драматургии.

В. П. Муромский

1870
The first of the year was a very
dry one, and the crops were
very poor. The weather was
very hot, and the crops were
very dry. The crops were
very poor, and the weather
was very hot. The crops were
very dry, and the weather
was very hot.

The second of the year was a
very wet one, and the crops
were very good. The weather
was very cool, and the crops
were very green. The crops
were very good, and the
weather was very cool.

The third of the year was a
very dry one, and the crops
were very poor. The weather
was very hot, and the crops
were very dry. The crops
were very poor, and the
weather was very hot.

The fourth of the year was a
very wet one, and the crops
were very good. The weather
was very cool, and the crops
were very green. The crops
were very good, and the
weather was very cool.

The fifth of the year was a
very dry one, and the crops
were very poor. The weather
was very hot, and the crops
were very dry. The crops
were very poor, and the
weather was very hot.

УВАЖАЕМЫЙ
ТОВАРИЩ

.....

.....

.....

.....

Действующие лица:

Петр Иванович Барбарисов.
Анисья Николаевна Барбарисова, его жена.
Полина Захаровна Блюдечкина, его любовница.
Василий Васильевич Растопыркин, уполномоченный квартиры.
Гражданка Попова, жена инженера.
Николай Антонович Патрикеев, б. частник.
Товарищ Настин, приятель Барбарисова.
Товарищ Репин.
Фотограф.
Неизвестная барышня.
1-й посетитель.
2-й посетитель.
Милиционер.
Дежурный член контрольной комиссии.
Секретарь.

Кроме того, в пьесе участвуют: жильцы коммунальной квартиры, посетители пивной и уличная толпа.

Действие происходит в Ленинграде, осень 1929 г.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА 1-я

Комната коммунальной квартиры. На стенах портреты видных деятелей. Лозунги: «Не пьет, не курит пионер — берите взрослые пример», «Мойте руки перед едой» и др. Петр Иванович Барбарисов лежит на кровати в подтяжках, без сапог. Одна нога на кровати, другая на полу. На одной ноге болтаются завязки от подштанников. Барбарисов задумчиво курит. Его жена, Анисья Николаевна, простодушная женщина, собирает белье в корзину после стирки.

А н и с ь я Н и к о л а е в н а. Вы бы, Петр Иванович, в книжку бы почитали, чем лежать-то задеря морду. Ну-те вас чего-нибудь спросят на этой вашей проклятой чистке. А вы не в зуб толкнуть.

Б а р б а р и с о в. Мне читать нечего. Я наскрозь все знаю. Теоретическая часть меня отнюдь не пугает. Это пора бы вам знать, а не разные дамские предположения строить. Меня более пугают бытовые признаки... Вот, скажут для примера, супруга у вас, скажут, какая-то такая, пес ее знает, крикливая мелкобуржуазная особа. Чего вы ее не погоните по шеям.

А н и с ь я Н и к о л а е в н а. Да ну вас, ей-богу! У меня и без того на душе коломитно от вашей предстоящей чистки. А я вам еще помехой являюсь. Вы бы вместо, чем на меня тень наводить, на свои другие признаки посмотрели. Это чистая срамота.

Б а р б а р и с о в. Какая срамота? Какие признаки?

А н и с ь я Н и к о л а е в н а. Обыкновенно какие. Вы коло бабы спокойно пройти не можете без того, чтобы ей спасибо не сказать. Всю коммунальную квартиру отравили своим любовным поведением. Это просто при жене не бывает.

Б а р б а р и с о в. А! Ну, про это я ничего не скажу. Я нервный на женщин. Этого я не могу скрывать. Только это не есть какое-нибудь там вредительство или маловерие или сползание с классовой линии. Это есть вполне допустимый факт. Это есть, так сказать, явление нашей природы. Это биология, Анисья Николаевна. И тем более, про это лишнего звону нету, так что нам с вами пугаться не приходится.

А н и с ь я Н и к о л а е в н а. А вот я пойду, да и все выскажу.

Б а р б а р и с о в. Чего ты выскажешь? Ну, говори. Договаривай. Я не пугаюсь твоих безответственных слов. Чего ты выскажешь? Чего я тебя по морде колочу? Или я тебе ежедневно жрать не даю? Выскажу! У меня нету таких, знаешь ли, делов, про чего можно высказывать. Я весь тут. Выскажу! Какая холера нашлась — высказывать.

А н и с ь я Н и к о л а е в н а. За дамами ходите. Тоже другая комиссия за это вас может не похвалить.

Б а р б а р и с о в. Ой, дура! За дамами ходите! Ну побеге, ну выскажи. Ну предположим, меня согнали для вашего интереса, — тебе же, дура, жевать будет нечего. Тьфу, ей-богу!

А н и с ь я Н и к о л а е в н а. Я, Петр Иванович, для примера говорю.

Б а р б а р и с о в. Выскажу! Это можно высказать, если человек взятки берет или там разные свои канальские делишки обстрипывает или там супругу свою утюгом ударяет. В таком случае надо определенно высказать. А мне моя общественная физиономия не позволяет вас

со спокойной совестью по морде ударить... Вы меня лучше не доводите до ручки, Анисья Николаевна. Тьфу на вас!

Анисья Николаевна. Ну, ну, расплевался, сукин сын. Тьфу на тебя тоже! Лучше пойди рыло помой перед чисткой. Может, комиссии глядеть неинтересно будет на такое неумытое рыло...

Барбарисов (*встает с кровати, подходит к зеркалу*). Н-да... Маленько пополоскаться не мешает. Морда действительно не горазд чистая...

Анисья Николаевна. Еще, ей-богу, запоздаете. На это тоже могут косо посмотреть.

Стучат в дверь. Входит уполномоченный квартиры Раstopыркин.
Он суетлив и юрок.

2

Раstopыркин. Я извиняюсь. Проходя коло вашей комнаты, услышал разные слова...

Барбарисов. Ну говори — не тяни меня за душу.

Раstopыркин. Я говорю — услышал разные слова... Не могу ли я, Петр Иванович, полезным быть. Как я есть уполномоченный коммунальной квартиры, то я могу вам удостоверение выдать.

Барбарисов. Чего?

Раstopыркин. Удостоверение, я говорю, могу вам выдать. Дескать, дано сие, будьте любезны и так далее, товарищу Бар-ба-ри-сову, дескать, он ни в чем не замечен... Возвращается завсегда в своем трезвом, первоначальном виде. Печать. Подпись руки... В этом, Петр Иванович, я вам, ну, не могу отказать, поскольку я есть уполномоченный квартиры. И это, я думаю, может сыграть решительную роль в смысле чистки.

Барбарисов (*смеется*). Ой, дурак! Вот дурак! Вот это дурак. Да ты понимаешь ли, чего ты говоришь? Это будет чего? Это же будет простая беспартийная бумажка. Она весу не имеет.

Раstopыркин. Я извиняюсь.

Барбарисов (*сердито*). А тем более, мне от вас бумаг не требуется поскольку я чистый во всех делах. Меня даже, знаете, может быть оскорбляют ваши тому подобные гнусные предложения.

Раstopыркин. Извиняюсь... Так сказать, от всей души и кто чем может. И поскольку вы есть действительно чистый ну все равно как стеклышко...

Барбарисов (*перебивает*). Безусловно. За мной лишних делов не наблюдается.

Раstopыркин. Скажу вам откровенно, в любое время дня и ночи — никаких лишних делов за вами не наблюдается. И если чистка

происходит, то это есть вполне формальное дело и оно ах как гладко кончится.

Б а р б а р и с о в (*садится в кресло. Говорит более мягко*). Это да. Это конечно... Я это сам понимаю. Ну, мало ли чего. Вот, скажут, между прочим выпиваете...

Р а с т о п ы р к и н (*подмигивает*). Да уж... Я извиняюсь... Это, действительно, верно...

Б а р б а р и с о в. Да ты мне не подмаргивай, сукин сын! Чего я безобразно пью? Или я харей на тротуарах лежу? Ну, я немного выпиваю. Мне подмаргивать нечего.

Р а с т о п ы р к и н. Я извиняюсь, конечно...

Б а р б а р и с о в. У меня эксцессов не бывает. Я тихо себе пью. Без эксцессов.

Р а с т о п ы р к и н. За сколько лет, Петр Иванович, вы только раз и ссыпались с лестницы...

Б а р б а р и с о в (*недовольно*). Ну, ссыпался... Это каждый ребенок с лестницы может ссыпаться... Зато в другом я действую аккуратно и сознательно. Я им взятки не беру. Денег им не растрачиваю. Кумовства не имею. Одного государственного займу 106 процентов, я как миленький заплатил...

Р а с т о п ы р к и н. 106 процентов?!

Б а р б а р и с о в. 106 процентов. В силу социалистического соревнования... А гляди другие мои дела? Опять-таки в их ничего лишнего не замечено... Или вот, гляди, фактическая жена. Другой бы на моем месте нарочно взял бы и женился на хорошенькой. А я с этой кикиморой продолжаю жить... Тем более, мне, ну, неприятно будет ей алименты платить, в случае ежели ее бросить. Так через это и живу с ней геройским образом. Тьфу! (*Плюет в сторону жены*.)

А н и с ь я Н и к о л а е в н а (*тоже плюет*). А ну вас! (*И, собрав бельё в корзину, уходит*.)

Б а р б а р и с о в. Валяй, валяй! (*Обращается к собеседнику*.) А у меня положение, товарищ Растопыркин, дозволяет любую развитую дамочку иметь. Все-таки у меня положение, сам знаешь какое. Если по старому быту взять, это будет — будьте любезны.

Р а с т о п ы р к и н (*вдохновенно*). Это, Петр Иванович, будет, ну, не менее, как начальник отдельной единицы.

Б а р б а р и с о в. О! Видал! Начальник отдельной единицы. Да другой бы рукосуй на моем месте жильцов бы в коридоре вешал!

Р а с т о п ы р к и н. Истинный господь.

Б а р б а р и с о в. Ну, не вешал, ну, без внимания бы мимо проходил. Или бы выделял кого-нибудь своим личным расположением. А я со

всеми одинаково здоровкаюсь. Мне они все равны и противны. Я предпочтения никому не даю.

Р а с т о п ы р к и н. Зато, Петр Иванович, вас жильцы любят и уважают, это невозможно как.

Б а р б а р и с о в (*улыбается*). Ну? Чего ж они про меня говорят?

Р а с т о п ы р к и н. Да разное говорят. Очень, говорят, вы какой-то такой, не подлый человек. Не подлец, говорят. Они на вас прямо молются, Петр Иванович.

Б а р б а р и с о в (*смеется*). Меня любить можно. Меня жильцы, это действительно верно, одобряют. Я в этом отношении испытываю полную любовь и нежность со стороны жильцов. Но только я этим зря не пользуюсь, товарищ Растопыркин. Нет. Ну, разве там перед краном. Ежели мне мыться... Ну, уступят, имея в виду мои дела. Дескать, полощитесь, Петр Иванович, вам нужней. Или там в кооперацию побегут. Ежели мне папиросок купить... Мне мое законное равенство важней. Ух, я что-то последнее время равенством интересуюсь.

Открывается дверь. Входит Полина Захаровна Блюдечкина.
Она в ярком капоте. Кокетливая, простоватая мешанка.

3

Полина Захаровна (*жеманно*). Здравствуйте пожалуйста! Холера-то ваша, наконец, ушедши?

Б а р б а р и с о в. А, Поля! Валяй, заходи.

Полина Захаровна. К вам как ни придешь — завсегда у вас народ топчется. То один, то другой, то уполномоченный приходит.

Р а с т о п ы р к и н. Ну, так я пошел, Петр Иванович. Так сказать, счастливого вам пути и так далее и все такое...

Б а р б а р и с о в. Погоди. (*Показывает рукой на Полю*.) Или вот взять — дамы... Гляди, они сами ко мне набегают. Сами прутся. Я их за волосья к себе в комнату не тащу. Тут никакой такой грубой ситуации нету. Тут, скорей всего, бескорыстная любовная ситуация...

Р а с т о п ы р к и н. Это без сомнения, Петр Иванович, женская любовь. Вы для них очень лакомая приманка. Так я пошел, Петр Иванович.

Б а р б а р и с о в. Ну, валяй, иди... Погоди. Так, значит, ты думаешь, все аккуратно кончится? Вот спасибо тебе, Василий Васильевич.

Р а с т о п ы р к и н. Это будьте покойны, Петр Иванович. Я за вас не волнуюсь. Все слишком аккуратно кончится. У вас нету таких дел, недозволенных правительством. У вас все по закону.

Полина Захаровна. Ну, завели волынку.

Р а с т о п ы р к и н. Петр Иванович, дама чересчур страдает.

Б а р б а р и с о в. Пущай страдает. Любовь без страдания не обходится. *(Машет рукой.)* Тем более, меня знаешь ли, товарищ Растопыркин, буквально ну не за что выгонять, я за собой ничего такого не чувствую, товарищ Растопыркин. Я с нэпом не дружу. Я за ними не ухаживаю. У меня нету такой привычки с торговцами дружбу водить.

Р а с т о п ы р к и н. Безусловно, Петр Иванович. Откуда у вас такие знакомые. Только разве что наша, так сказать, квартирная гидра Николай Антонович, — это вообще чуждая прослойка нашей квартиры...

Б а р б а р и с о в. Один только Николай Антонович Патрикеев у меня и есть. И то он частник умеренный. Он сам социализмом интересуется.

Р а с т о п ы р к и н. И тем более, Петр Иванович, какой он частник, когда он член артели. Вы же сами его в артель устроили.

Б а р б а р и с о в. Вот именно. Какой он частник. Я сам его в артель устроил. Он умеренный частник.

Р а с т о п ы р к и н. Он очень умеренный, Петр Иванович. Он только немного дыхнуть себе просит.

Б а р б а р и с о в. Нет, меня не могут выгнать. Меня буквально не за что выгонять. Я на чистку иду, товарищ Растопыркин, ну прямо со светлой распростертой душой. Действительно верно, сейчас строго, сейчас другой подход к человеческой единице, чем раньше. Сейчас требуется такая какая-то, пес ее знает, какая-то такая личная, что ли, порядочность, чистота. Им обязательно чтоб человек не мерзавец был. А где их взять?

Р а с т о п ы р к и н *(с восторгом)*. А где их взять, Петр Иванович?! Ну откуда таких взять? Они сами не знают, что они делают и какие они несуразные распоряжения дают.

П о л и н а З а х а р о в н а. Завели волынку на три часа. Хоть бы подтяжки отцепили, когда с дамой разговариваете.

Б а р б а р и с о в. А ну тебя! Мне собираться надо. *(Открывает сундук. Сундук открывается со звоном. Сундук собственника. Мелодичный звон и даже почти музыка наполняет комнату при повороте ключа. Ротается. Достает рубашку. Одевается. В дверь стучат.)*

П о л и н а З а х а р о в н а. Вон опять кто-то идет. Это, ей-богу, не любовь, а чистое наказание.

Б а р б а р и с о в *(томно)*. Это еще какая там скотина в дверь лопится?

Входит фотограф с аппаратом. Раскланивается.

Р а с т о п ы р к и н. Это, Петр Иванович, наш фотограф. Поскольку вы дали свое обещание на карточку заснять вместе с квартирной группой, так вот он и заявился со своим препаратом.

Б а р б а р и с о в (*капризно*). Да мне сейчас некогда. Я не могу сейчас. (*Надевает сапоги. До этого ходил в носках.*)

Ф о т о г р а ф (*обращаясь к уполномоченному*). Так это одна минута, товарищ Растопыркин.

Р а с т о п ы р к и н. Петр Иванович, он говорит — это одна минута... Жильцы уж очень горят желанием поскорей вместе заснять. Так сказать — вы в окружении... И эту группу в переднюю комнату повесим. Входишь — а она напротив двери висит и напоминает о незабываемых минутах.

Б а р б а р и с о в (*густит сапоги одеялом*). Ах, ей-богу! Да мне идти надо. У меня же чистка наступает, товарищи.

Р а с т о п ы р к и н. И тем более, Петр Иванович, в такой грозный, ответственный час... Тем более в такой час заснять поучительно. Ну мало ли, я извиняюсь, ну мало ли чего бывает на этом свете, Петр Иванович. Все-таки личико у вас уж не будет такое оживленное... Оно не будет такое смелое выражение давать, в случае ежели чего такое случится после чистки... Я извиняюсь, конечно.

Б а р б а р и с о в. Ну, тогда ладно, сейчас. (*Пригесывается.*)

Р а с т о п ы р к и н (*фотографу*). Петр Иванович говорит — сейчас. (*Открывает дверь, кричит:*) Эй там, народ! Приготовляйся на карточку сыматься. Живо!

Б а р б а р и с о в (*томно*). А где, впрочем, сыматься-то будем?

Р а с т о п ы р к и н (*фотографу*). Петр Иванович спрашивает — где сыматься будем. Пушай в нашем клубе.

Ф о т о г р а ф. Хорошо-с. Пойду жильцам сказать. (*Уходит. Вместе с ним идет к выходу раздраженная Полина Захаровна.*)

П о л и н а З а х а р о в н а. Это всякая симпатия может засохнуть. Я к вам, Петр Иванович, в таком случае, вечером еще загляну. (*Уходит.*)

Б а р б а р и с о в. В крайнем случае, можешь не заглядывать... Ах, мне ее пылкая любовь прямо ужасно надоела, тов. Растопыркин!.. (*Подходит к зеркалу.*) Ну как теперича? Подходяще выгляжу? (*Отходит от зеркала, потом возвращается.*)

Р а с т о п ы р к и н. То есть, ну, в самый раз, Петр Иванович. Чистка не требует крахмальных манжеток.

Б а р б а р и с о в (*представляет себя на густке*). Биография моей жизни, товарищи... Но отличается разными разностями... Мой отец, обыкновенный небогатый, но зажиточный крестьянин, был всегда

на страже своих интересов... Нет, погоди... Дай я другую рубашку переодену... А то скажут — эвон как жених разodelся и расфуфырился... (Снова со звоном открывает свой сундук. Роется. Достает новую рубашку. Переодевается.)

Р а с т о п ы р к и н. Петр Иванович, как я есть беспартийный товарищ, так я хотел насчет чистки поинтересоваться. Ну зачем это, Петр Иванович? Я говорю: ну зачем вам чистка? Это беспокоит, Петр Иванович...

Б а р б а р и с о в (не слушая). Нет, погоди, дай я совсем темную рубашку переодену. Меня сегодня темная больше интересует.

Р а с т о п ы р к и н. Так было бы славно, прекрасно, Петр Иванович. Вы бы себе оделись, бутончик прикрепили, мордочку бы одеклоном попрыскали и пошли бы себе на дамочек глядеть... Ну, а которые жулики, тех, конечно, пушай народный суд определяет.

Б а р б а р и с о в (без рубашки). Товарищ Растопыркин, меня удивляет ваша полная несознательность... А разное бытовое загнивание? А мешанство?.. Да разве суд это может определить? Ну как же это можно такие слова произносить.

Р а с т о п ы р к и н. Это конечное дело... Я с этим соглашаюсь...

Б а р б а р и с о в. Разве суд может выявить такую разную ситуацию. Или там чванство? Кумовство? Протекция? Да это надо каленым железом выжигать.

Р а с т о п ы р к и н. С этим я не спорю. Но только зачем же это, Петр Иванович, все сразу выжигать. Это людям беспокоит.

Б а р б а р и с о в (развораживает новую рубашку). Людям, товарищ Растопыркин, раньше было более беспокоит. (Надевает рубашку.) Дворянство, так сказать... с точки зрения экономической политики... Являясь небольшой кучкой, завсегда имело в своих руках полное богатство и великолепие... Они ходили в своих цилиндрах и были у них фраки со шпагами... А большая часть населения определенно голодала... Оно находилось в полной темноте и неизвестности... И через это назревало холуйство, подхалимство, чванство и так далее и тому подобное. А теперича, если мы хотим страну переделать, если мы хотим все переделать — надо эти данные изменить, ай нет?.. А ну тебя к черту. Ты меня перед самой чисткой расстраиваешь своими глупыми беспартийными вопросами. Сколько часов?

Р а с т о п ы р к и н. Сорок минут шестого.

Б а р б а р и с о в. Ах ты, боже ж мой! Я тороплюсь, а тут еще сыматься. Какая неувязка. (Идет к выходу.) Биография моей жизни, товарищи, не отличается разными разностями. Мой отец, небогатый, но зажиточный крестьянин, врать не буду, завсегда стоял на страже своих интересов...

КАРТИНА 2-я

Комната увешана плакатами, флажками, диаграммами, портретами и т. д. У стены, против фотоаппарата, стоит стул. Аппарат на треножнике. Входит Барбарисов, за ним Раstopыркин.

1

Барбарисов. Только скорей, товарищи. Я не могу много ждать.
Раstopыркин. Эй там, народ, выходи скорей сыматься на карточку!

Постепенно входят самые разнообразные типы жильцов: домашние хозяйки, спец, заспанная мадам, инвалид, барышня, конторщик. Все они входят в комнату и чрезвычайно почтительно и даже подобострастно здороваются с Барбарисовым. Фотограф суетится. Раstopыркин ставит стул ближе к аппарату.

Барбарисов. Ну зачем мне посередке стул? А другие чего? Другие, значит, будут стоять?

Раstopыркин. Поят, Петр Иванович. Не маленькие. Не в трамвае.

Барбарисов. Нет, тогда пушай все будут сидячие. Я так не желаю. Я так сыматься не буду. Я вам откровенно скажу. Пушай все до одного сидячие. Мне мое равенство важней. Я последнее время равенством очень шибко интересуюсь.

Раstopыркин. Становь стулья, черти! Бродяги такие... Стоят, как бесчувственные скоты. Паразиты...

Патрикеев (*полный, бритый, интеллигентного вида человек. Подходит к Барбарисову. Подмигивает*). Ну как, Петр Иванович, сердешко, небось, замирает? Хе-хе... Чистка дело серьезное, уважаемый товарищ... Как ваше драгоценное самочувствие?

Барбарисов (*недовольно*). Чего? У меня завсегда хорошее самочувствие. У меня, товарищ Патрикеев, имейте в виду, нету таких, знаете, делов, через что обыкновенно самочувствие портится. (*Отворачивается и подходит к Поповой.*) Гражданка Попова, здравствуйте, будьте любезны.

Попова. Здравствуйте, товарищ Барбарисов.

Барбарисов. Гражданка Попова, я знаете, про вас имею думы дни и ночи.

Попова (*улыбается*). Ну, опять поехали...

Барбарисов. Дни и ночи вы мне снится в своей полной нежной красоте. И я горю желанием сойтись с вами.

Попова. Ну, Петр Иванович, у вас, кажется, других идей нету для разговора.

Б а р б а р и с о в. Другие идеи у меня есть, но по другим идеям выходит, что мне нету никакой возможности к вам в гости в комнату зайти.

П о п о в а. Отчего же, заходите.

Б а р б а р и с о в. И хотя супруг ваш, это действительно верно, часто бывает ушедши на производство, но меня беспокоит другая ситуация. Ваша престарелая мамаша постоянно в комнате колбасится и прямо затемняет нам с вами горизонты.

П о п о в а. Ну довольно, Петр Иванович. Я решительно не понимаю, почему вы мне говорите такие вещи. У меня все-таки муж есть.

Б а р б а р и с о в. Как же-с! Инженер-вредитель путей сообщения гражданин Попов, Иннокентий Михайлович. Имею честь с ним завсегда здороваться. Только я вам скажу, гражданка Попова. Он не может вам чего-нибудь такое оригинальное предоставить, как он есть утомленный своим средним образованием.

Р а с т о п ы р к и н. Готово, Петр Иванович! Пожалуйте.

Б а р б а р и с о в. Сейчас! Видишь — с дамой разговариваю. Через тебя я только красивые мысли теряю... А я бы вам интересенькую жизнь устроил, гражданка Попова... Поскольку вы мне слишком нравитесь, как таковая. Я скажу — вы такая сытная, аккуратная особа.

Р а с т о п ы р к и н. Петр Иванович, жильцы явились.

Б а р б а р и с о в. Очень великолепно. Пущай они пока рассаживаются... Так как же, гражданка Попова? Какие будут ваши последние слова? Могу ли я на вас смотреть и вами любоваться. Или, может, мне камень на шею прицепить и с моста в речку сигануть. Жду и решительно надеюсь.

П о п о в а. Напрасно надеетесь, Петр Иванович.

Б а р б а р и с о в. Ну, это предположим. Не такие через меня проходили.

П о п о в а. Что вы сказали?

Б а р б а р и с о в. Нет, ничего. Я только подумал — вот, мол, другие меня любят и сердечно уважают. И только вы есть довольно горделивая особа.

П о л и н а З а х а р о в н а. Петр Иванович! Вас же сниматься кличут.

Б а р б а р и с о в. Слышу, Полина Захаровна, слышу. *(Обращаясь к Поповой.)* Вот, обратите ваше внимание, мучается особа. Она меня каждую минуту любит... А я бы вот ее *(Показывает на всех пальцем.)*, вот тую черненькую Нюшку, и вот тую домашнюю работницу — этих всех бы я задаром отдал взамен нашей с вами встречи и чего-нибудь еще приплатил.

П о п о в а. Ну, бросьте, Петр Иванович. Идемте. На нас смотрят.

Барбарисов. И очень великолепно что смотрят, я никогда этим не стесняюсь. На меня всегда много смотрят. На меня, может, сейчас будут тысяча глаз смотреть, поскольку мне сейчас чистка предстоит. В аккурат через полчаса...

Попова (*безразлично*). Ах, это очень интересно.

Барбарисов. Очень интересно. Очень оградный интерес вызывает. Кому, гражданка Попова, интерес, а кому, знаете, мало интересу.

Полина Захаровна. Петр Иванович!..

Барбарисов. Да подавитесь вы, Полина Захаровна. Вот, ей-богу, какая ревнивая дама. Не дают о государственных делах поговорить.

Растопыркин. Жильцы все, как один, явились, не считая больных и отлучившихся.

Полина Захаровна. Они, Василий Васильевич, щелкают, что соловей на своей ветке... Это чистое хулиганство с ихней стороны...

Растопыркин. Полина Захаровна, не расстраивайте свое здоровье. Гражданка Попова, садитесь. Петр Иванович, пожалуйста сюда... Вас, Петр Иванович, дамы прямо ну на части разрывают.

Барбарисов. Да! Прямо я не понимаю, за что они так мной интересуются.

Растопыркин. Пожалуйста сюда. В это креслице.

Барбарисов. Только скорее, товарищи. Я запоздать могу.

Все рассказываются.

Растопыркин (*фотографу*). Вы там поскорее свою пластинку настраивайте. Петру Ивановичу торопиться надо. Хорошо ли вам, Петр Иванович, сидится? Или, может быть, кресло прикажете жильцам за ножки держать?

Барбарисов. Пушай так, как есть.

Растопыркин. И чтоб не скучно сыматься — учительша, мадам Ершова, в порядке общественной нагрузки, пушай на рояле нам чего-нибудь такое божественное сочинит, какой-нибудь там собачий вальс Шопена.

Барбарисов. Только пушай она, зараза, по роялю не шибко бьет. Меня более привлекает тихая музыка — Шопен.

Учительница Ершова подходит к роялю. Играет. Фотограф готовится магний для вспышки. Петр Иванович что-то шепчет на ухо Поповой.

Растопыркин. Петр Иванович, вы махните ручкой, когда можно начинать.

Барбарисов. Чего? (*Машет рукой.*)

Фотограф приготовился снимать, но в эту минуту раздается телефонный звонок. Подбегает Растопыркин.

Растопыркин. Петр Иванович, вас. (*Шепотом.*) С контрольной комиссии.

Барбарисов (*в телефон*). Сейчас. Сию минуту. Общественная нагрузка, ну, не позволяет мне сразу поспешать. Сию минуту. Выхожу. (*Фотографу.*) Сымайте, что ли, черт побери! Я через вашу съемку на свою чистку запаздываю.

Музыка играет. Вспышка. Кто-то взвизгивает. В конце съемки в комнату бежит приятель Барбарисова — тов. Настин.

2

Настин. Вот где ты! А я тебя по всем комнатам ищу. Да ты что, обалдел? Нашел время сниматься. Мы и так запаздываем.

Барбарисов. Сию минуту, тов. Настин. Сию секундочку. Вот только фуражку надену. (*Ищет фуражку.*)

Настин. Ну, я пошел...

Барбарисов. Иди, я тебя догоню.

3

В комнату входит жена Барбарисова, Анисья Николаевна.

Растопыркин (*смеется*). Петр Иванович, а Петр Иванович. Мадам Барбарисиху заснять забыли. Как же теперь? Или прикажете предняться? Ах, ты сделай одолжение!

Барбарисов (*машет рукой*). А ну ее в болото!

Растопыркин. Поспешайте, Петр Иванович.

Патрикеев. Идите, товарищ Барбарисов.

Барбарисов. Да, да, иду, иду... Кто спер мою фуражку?.. (*Ищет. Бормогет.*) Биография моей жизни, товарищи, не отличается разными разностями... Где моя фуражка? Это невозможно на людях ценные предметы положить. А, вот она... Мой отец, небогатый, но зажиточный крестьянин, завсегда стоял на страже своих мелких интересов...

Жильцы. До свиданья, Петр Иванович. Счастливо чиститься.

Попова. Вот, возьмите на счастье... Мою роговую шпильку.

Барбарисов. Мерси-с, гражданка Попова. Ужасно вас мерси. Будьте любезны. Я буду ее хоронить коло сердца.

Растопыркин (*дирижируя музыкой*). Давайте веселей, товарищ Ершова.

Гремит музыка. Барбарисов торжественно выходит.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА 3-я

Комната Барбарисова. Анисья Николаевна сидит, попивши чай, за столом. По комнате ходит уполномоченный Ра ст о п ы р к и н. На лице его явное оживление и веселость.

1

Ра ст о п ы р к и н (*потирая руки*). Ай, ей-богу, что делается! Мешалкой, значит, поперли вашего супруга. (*Смеется.*) Ай, ей-богу!.. Я извиняюсь, конечно... Ах, ты черт!

А н и с ь я Н и к о л а е в н а. Да чего вы смеетесь-то, Василий Васильевич?

Ра ст о п ы р к и н (*смеется*). Да я не смеюсь, Анисья Николаевна. Только мне смешно, ей-богу, — как это их так шарахнули. Ай, ей-богу, какой дуб подрубили.

А н и с ь я Н и к о л а е в н а. Ну уж, ты уж, Василий Васильевич...

Ра ст о п ы р к и н (*более серьезно*). А только я вам так скажу, Анисья Николаевна — этого надо было вполне ожидать. (*Смеется.*) Ай, ей-богу!

А н и с ь я Н и к о л а е в н а. Чего ожидать?

Ра ст о п ы р к и н. Я говорю — надо было ожидать, чего с Петром Ивановичем будет. И хотя я им ничего такого не говорил и, напротив, успокаивал их, но я, Анисья Николаевна, каждую минуту ожидал ихнего падения. (*Смеется.*) Ай, ей-богу! Какую штуку подпилили.

А н и с ь я Н и к о л а е в н а. Да что он сделал такого, Василий Васильевич? За что его вычистили? Что он — мазурик или сукин сын?

Ра ст о п ы р к и н. Нету, Анисья Николаевна, нету. Я про них ничего такого не скажу. Петр Иванович человек милый и вполне прелестный товарищ, но только у них общественная физиономия отстает. У них общественное лицо не соответствует своему назначению.

А н и с ь я Н и к о л а е в н а. Ну уж, ты уж, Василий Васильевич...

Ра ст о п ы р к и н. У них, я извиняюсь. Анисья Николаевна, душевные данные не те. Я им не враг, я им даром рыть яму не согласен. Но только я должен сказать — они мелочь, дурак.

А н и с ь я Н и к о л а е в н а. Ну уж, ты уж, уж очень уж, Василий Васильевич...

Ра ст о п ы р к и н. Я извиняюсь, конечно, Анисья Николаевна. Вам, как супруге, неловко слушать такие слова и узнавать в этом своих ближайших родственников. Но только я не говорю от слова дурак. А просто у них, как бы сказать, крупного плану нету. У них колибр чересчур мелкий. У них, я говорю, главное горе от ума. У них ум туман

ный. Они сами не знают, чего думают. А мне их очень жаль. Я их очень жалею... Ну, и что ж они, Анисья Николаевна, сильно ругаются?

Анисья Николаевна. Конечное дело, ругается. Антиполитические речи произносит.

Растопыркин. Да что вы, дорогая Анисья Николаевна! Ну? И чего они, к примеру, говорят?

Анисья Николаевна. Да разное говорит. Это, говорит, чего-нибудь да будет в аккурат вскоре после моей чистки.

Растопыркин. Ай-яяй! М-да... (Пауза.) А я, собственно говоря, Анисья Николаевна, к вам по делу зашел, а не так. Мне надо с Петром Ивановичем потолковать об одном интересе. Да я все с ним разминаюсь. Где их теперь собаки носят?

Анисья Николаевна. А пес его знает! Он забрал все выигрышные займы 26 года и, скорей всего, их пропивает.

Растопыркин. Ну? Займы, Анисья Николаевна? Ай-яяй! М-да... Это, я извиняюсь... Это, знаете, интересно получается... И чего же они при этом говорят?

Анисья Николаевна. А он ничего лишнего не говорит. А чуть что — бьется по морде. Я, говорит, сколько годов вас не тронул — сдерживал свой характер, а теперича, говорит, стесняться перед вами не намерен. Мне, говорит, поскольку я вычищен, стесняться нечего.

Растопыркин. М-да... Бешеный супруг. А я, собственно говоря, зашел, Анисья Николаевна, по делу. Я хотел, Анисья Николаевна, насчет квартиры разговор иметь. Я хотел с Петром Ивановичем комнаткой поменяться по случаю такого вашего бедствия.

Анисья Николаевна. Ну, ну?..

Растопыркин. Я говорю — комнату вы имеете большую. Площадь в ней сверх установленной нормы. Так что платить вам теперь будет дорогонько. А тут я вам хочу свою комнату даром отдать.

Анисья Николаевна. Ну уж, ты уж, Василий Васильевич.

Растопыркин. Ей-богу, Анисья Николаевна. У меня очень интересная комната. Но только она мне чересчур мала по причине разбухания штатов моей семьи. Как в ней всего четыре метра... А вам бы она теперь очень наглядно подошла. А? Ей-богу, Анисья Николаевна, чего там.

Анисья Николаевна. Ну, я таких делов сама не понимаю, Василий Васильевич. У меня слабая голова. Я не могу лишнее думать. Вот Петр Иванович, может быть, вскоре возвратится и тогда вы с ним разговоритесь.

Растопыркин. С ним я разговарюсь, Анисья Николаевна. Это вы не беспокойтесь. А только я вам откровенно скажу: я вашей комна-

той очень интересуюсь. Я сколько лет ждал, когда Петр Иванович ослабнет ее держать. Такая крупная веселая комната.

Входит Барбарисов. Слегка навеселе... Он одет празднично и даже ослепительно. Стоячий крахмальный воротничок подпирает голову. Розовый галстук. На голове мягкая шляпа. В руке сигара, которой Барбарисов по временам затягивается.

2

Барбарисов (*весело напевает и даже слегка подтанцовывает*):

Венера проснулася,
Охотничка видит.
Ахти, ужаснулася,
Чем хочишь обидеть?
А ён задрожал, задрожал.
Упал, упал.
Венера, Венерочка,
Тихонько сказал.

Растопыркин. Вы себе отдыхайте, Петр Иванович. Я к вам после заскочу... Прямо это такая грустная драма, Петр Иванович. Ай-яй!

Барбарисов. Какая драма? Тю! Ты какую драму замечаешь? Чего я у тебя три рубли схватил? Драма!

Растопыркин. Я извиняюсь, конечно... Я думал, поскольку вас... (*Показывает жестом — выгистили.*)

Барбарисов. А ты не думай... (*Поет.*) «Тело ее белое, обвито цветами, груди ее полные, прикрытые руками»... Думал! Какая Спиноза нашлась... Думал! Это глупые люди имеют привычку думать. А умные и без того чересчур умны. (*Поет:*) «А ён задрожал, задрожал, упал, упал»... Драма! Была драма, а теперича нету драмы.

Растопыркин. Это безусловно, Петр Иванович, об этом плакать и страдать не приходится. Это даже тем лучше.

Барбарисов (*напевает*). «Венера, Венерочка, тихонько сказал»... Драма! Теперича только самый оригинальный интерес наступает и полное мелкобуржуазное веселье. (*Поет.*) «Венера проснулася, охотничка видит. Ахти, ужаснулася»... Драма! А если ты на моей морде замечаешь сколько-нибудь грустное расстройство (*делает грустное лицо*), то на это у меня есть другие веские причины. Меня, товарищ Растопыркин, одна интеллигентка с комиссии очень глубоко оскорбила.

Растопыркин (*вздыхая*). Ах, какие бывают подлые люди, Петр Иванович. Я всегда этому удивляюсь.

Барбарисов (*вздыхая*). Она мне, товарищ Растопыркин, на чистке говорит своим тонким голосом: (*Передразнивает.*) «А почему

вы, товарищ, на фронте не были?» Глядите, какая холера нашлась! Какие тонкие вопросы задает. «А ты, — говорю, холера — была?»

Р а с т о п ы р к и н. Ай-яяй!

Б а р б а р и с о в. Другие с комиссии ничего. Другие только мне мило улыбаются, ручками мне шевелят, перешептываются и против меня ничего такого крупного, кроме мелочей, не имеют, а этой ренегатке не сидится. Она карьеру себе делает. Она такую фразу отмочила (*Передразнивает.*) — «а почему, вы, товарищ, на фронте не были?» (*Орет.*) А, может, я был на фронте! Может, я не попал на фронт, завозившись по хозяйственной части! Это, говорю, различать надо, а не карьеру себе строить на несчастье ближних.

Р а с т о п ы р к и н. Ай-яяй! И что же они, Петр Иванович?

Б а р б а р и с о в. Что? Ничего. Особого, говорят, загнивания мы в вас пока не видим, но, говорят, в вас наблюдается какое-то, пес их знает, чего они сказали, какое-то, говорят ненастоящее наблюдается. Видал?! Ненастоящее.

Р а с т о п ы р к и н. Ай-яяй!

Б а р б а р и с о в (*курит сигару, потом сквозь зубы поет*). «А ён задрожал, задрожал, упал, упал»... Видал? А теперича чего выходит? Теперича выходит, что сколько годов я, как сукин сын, крепился и зря сдерживал свою бурлацкую натуру. И шел, не сползая с классовой линии. Сколько годов я, ну, буквально не позволил себе никого даже легонько по морде ударить, не говоря уже про чего-нибудь такое крупное.... С женой миролюбиво обходился...

Р а с т о п ы р к и н. И займу, Петр Иванович, вы на 106 процентов заплатили.

Б а р б а р и с о в. А? (*Роется в кармане.*) И займу я 106 процентов, как миленький заплатил. А теперича мне такие песенки поются. Пожалуйста! (*Пытается сорвать плакаты и лозунги.*) Пожалуйста! Будьте любезны... Была драма, а теперича нету драмы. Теперича только осталось оскорбление личности через тую проклятую бабу. (*Передразнивает.*) «А почему вы на фронте не были?..» Ух, я бы, товарищи, из нее сметану сделал...

Р а с т о п ы р к и н. Так я пойду, Петр Иванович? Я к вам, Петр Иванович, после заскочу, поскольку вы чересчур утомленный событиями...

Б а р б а р и с о в. Погоди. Мне с тобой сейчас пойти нужно в одно место. Я желаю с тобой пойти выпить на брудершафт.

Р а с т о п ы р к и н. С превеликим удовольствием, Петр Иванович. Только, разрешите сказать, мои финансы поют романсы.

Б а р б а р и с о в (*роется в карманах*). Я желаю тебя угостить, как ты мне являешься единственный заслуженный друг... Другие от меня

морду отвертывают. Полька, сейчас ее встретил, на меня не глядит. Другие тоже безразлично мимо проходят. А я вхожу в мою комнату и вдруг — чего я вижу. Я вижу — товарищ Растопыркин тут. Он один пришел в мою комнату меня утешать разными словами.

Р а с т о п ы р к и н. Я, Петр Иванович, действительно... Я даже могу вам мою комнату уступить. У меня, Петр Иванович, комнатка такая небольшая... В силу разбухания семейства... Она вам очень отлично подойдет.

Б а р б а р и с о в. Пес с ней, с комнатой. У меня теперича мелькают другие, более крупные мысли. Я сколько годов сдерживал свой характер. Я ничего такого оригинального себе не позволял. И через это, может быть, здоровье себе окончательно, расшатал. *(Со слезой.)* У меня, может, невроз сердца наступил от такой тихой ненатуральной жизни. *(Оконгательно срывает лозунги и портреты.)*

А н и с ь я Н и к о л а е в н а. Вы бы, Петр Иванович, полежали бы при вашем нездоровьи.

Б а р б а р и с о в *(не слушая)*. Пойдем, я желаю тебя угостить... Ага! Я разложился? Нету, я не разложился, но я вам разложусь. Я вам сию минуту разложусь. Я сколько годов жил со скукой в сердце, но теперича довольно. Хватит. Я, может быть, тоже желаю получить свое какое-нибудь веселье. Я, может, желаю знать, чего такого я промигал за эти годы, находясь со своими ураганными идеями... Чего-то такое, я наверное, упустил... Но теперича я хочу откровенно пожить.

А н и с ь я Н и к о л а е в н а. Петр Иванович...

Р а с т о п ы р к и н. Погодите, Анисья Николаевна. Дайте им высказаться по наболевшему вопросу.

Б а р б а р и с о в. Теперича я желаю знать свое полное развлечение. Полную мелкобуржуазную жизнь. Полное категорическое веселье. Я опущусь на дно морское. Я сам не знаю, чего я сейчас сделаю, но я чего-то такое сделаю... *(Фальцетом.)* Я котлеты де-валяя буду кушать!

А н и с ь я Н и к о л а е в н а. Петр Иванович...

Б а р б а р и с о в. И я теперича горюю, чего я раньше за ум не взялся. Пойдем, мой единственный друг, Василий Васильевич. Я желаю с тобой все мелкобуржуазное веселье испытать.

Р а с т о п ы р к и н. Прихватите шапочку, Петр Иванович, неравно застудитесь во время веселья.

КАРТИНА 4-я

Ресторан. Эстрада. На эстраде музыкальные номера. Певица. Чревовещатель. Входят и садятся за столик — слегка подвыпивший Барбарисов, Растопыркин и неизвестная на вид простоватая барышня в шляпке. Барбарисов держит в руках большой букет цветов.

1

Р а с т о п ы р к и н. Ну вот, садитесь, Петр Иванович. Сейчас они нам чего-нибудь такое оригинальненькое изобретут... Нюхайте пока цветы, Петр Иванович. Какая дивная красота.

Б а р б а р и с о в. Да, красивые цветки... Ничего себе. Интересно воняют.

Р а с т о п ы р к и н. Вот, Петр Иванович, взять — цветы. А эти цветы громадную красоту придают. Если особенно человек интересуется буржуазной жизнью — ему без цветов ни в какую. Нюхайте, Петр Иванович.

Б а р б а р и с о в. Интересные цветочки. Нюхать можно.

Р а с т о п ы р к и н. Нюхайте, Петр Иванович. Бабочка — почти безголовый мотылек и носа не имеет и то всегда любит цветочки нюхать. Не говоря про человека, которому после чистки интересно полной грудью вздохнуть... В Европе, Петр Иванович, куда ни плюнь — кругом цветы. Это элегантно, Петр Иванович. В этом есть красота.

На сцене — эстрадные номера.

Р а с т о п ы р к и н. Видали?

Б а р б а р и с о в. Да это у них элегантно получается.

Р а с т о п ы р к и н. Выпьем, Петр Иванович.

Б а р б а р и с о в. Пожалуйста. Я с вами любовно выпью. Вы, Василий Васильевич, мой единственный друг и на вас я буду смотреть с полным почтением до последнего дыхания. Я, безусловно, не слишком образованный господин. Я крупного образования не получил, врать не буду. Я не профессор. Я им там городских двухклассных училищ не кончал, но я очень даже прекрасно разбираюсь, какая теперича происходит со мной довольно странная ситуация. Теперича все как-то не так со мной з,оровкаются, как бывало раньше.

Р а с т о п ы р к и н. Люди совести не понимают, Петр Иванович, а я совесть понимаю. Мне моя совесть не позволяет покидать единственных друзей. Выпьем, Петр Иванович, на брудершафт. (*Обращается к барышне.*) А ты, холера, чего не пьешь?

Б а р ы ш н я. Меня не тянет на этот напиток, товарищи. Я бы вина выпила. Я для пива есть нездоровая.

Р а с т о п ы р к и н (*смеется*). Ах, сволочь какая! Ей, Петр Иванович, шампанское вино лакать хочется. Ну, не велика птица. Пей, чего дадено.

Б а р б а р и с о в (*кричит*). Эй лакейская морда, подай еще!

Р а с т о п ы р к и н (*барышне*). Вообще, гражданка, вы как-то мало подходите к текущему моменту дня. Нам с Петром Ивановичем веселиться хочется, а вы весь вечер вроде какая-то безразличная дама.

Тьфу, ей-богу! Мне на вас глядеть противно. (К Барбарисову.) Петр Иванович, может, ей отказать? Пушай идет.

Барбарисов. Пушай сидит. Она меня пока не раздражает. Я только думаю: какое есть еще веселье, кроме того?

Растопыркин. Если вам, Петр Иванович, конечно, охота узнать полную гамму веселья, то надо еще обратно выпить. И, находясь в стадии опьянения, вы будете легко глядеть на текущие события и у вас, Петр Иванович, не будет таких разных тревожных проблем.

Барбарисов. Ты мне шарики не крути. Ты мне сообщи, какое еще бывает веселье или там небесное мелкобуржуазное наслаждение. Ну, чего? Еда? Ну, еду жрали... Раки? Ну, чего еще? Скажи же, черт побери! Чего еще бывает на свете. Чего я такое промигал?

Растопыркин. Вот, я говорю, можно обратно выпить, Петр Иванович. А потом можно еще чего-нибудь такое сочинить... Или вот обратно к этой шкуре можно пойти. (Показывает на свою даму.)

Барбарисов. Нет, ты скажи, чего еще бывает?

Растопыркин. Да больше и желать нечего, Петр Иванович.

Барышня. А чего вы хотите? Чего вы хотите, господа?

Барбарисов. Все бабы и бабы, Василий Васильевич. Этой продукцией у меня дома вполне завалиться можно. Нет, ты скажи, чего еще?

Растопыркин. Ну уж вы, Петр Иванович, фигуриете... Я извиняюсь, конечно...

Барышня. А чего вы хотите, господа?

Растопыркин. Да вот они хочут после одной драмы рассеяться.

Барбарисов. Нет, вы не понимаете моей глубины. Я не с горя пью и веселюсь. Я, может, за свои деньги желаю узнать полное веселье, какое только бывает и какое случается. Я желаю знать, чего такое я промигал. А я чего-то такое промигал. Но я не намерен более себя сдерживать. Вот чего я скажу, а вы как хотите.

Барышня. Или, может быть, в кино пойти? Там, в другой раз, очень чудные бывают моменты.

Растопыркин. А ну тебя... Петр Иванович, а Петр Иванович, вон, глядите, никак наша квартирная прослойка выступает на своих ножках.

Мимо проходит б. частник Патрикеев.

Патрикеев. А, привет... Господам гусарам... Легкий ужин... Цветы... Изящные дамы... Так сказать, в социализм вростаете?

Растопыркин. Хе-хе... Немножко выпиваем, Николай Антонович. Без этого невозможно — жизнь для некоторых становится очень хмурая — вон Петра Ивановича обратно лишили многих интересных возможностей. (Смеется.) Ай, ей-богу!

Патрикеев *(улыбается)*. Как же, как же... Имел удовольствие слышать.

Барбарисов *(напевает, как будто безразлично)*. «Тело ее белое»...

Растопыркин. Да вы бы присели, Николай Антонович... Вот тут, Николай Антонович, промежду нас горячий спор идет. Какое нам веселье придумать. Петр Иванович имеет интерес повеселиться, но мыслей у них на это мало. Им чего-то хочется и чего-то колетса. Они, одним словом, сами не разбираются в своих естественных потребностях. И прямо не знают, куда им пойти рассеять свой организм.

Барбарисов *(напевает)*. «Тело ее белое»...

Патрикеев. Ну, мало ли... Ну поезжайте куда-нибудь... Поезжайте в «Европейскую»... Иностранцев посмотрите... Любопытно... *(Тяжко вздыхает.)* Забываешь, так сказать, нашу грустную действительность... Ай, я не могу!.. Я не могу... Как вспомнишь, что где-то идет другая, красивая жизнь... Где рабочие есть рабочие, крестьяне — крестьяне... А капиталисты — капиталисты. Где нету ре-во-лю-ции... Ай, я не могу!.. Я задыхаюсь от нашей жизни... Я буквально зо-де-ха-юсь... *(Машет безнадежно рукой и отходит от столика. Потом снова возвращается.)* Пардон. Вы, товарищ Барбарисов, извините. Теперь когда вы, так сказать, вышли из вашей касты — я вам, как брат брату, говорю — я зо-де-ха-юсь...

Барбарисов *(безразлично)*. Это да... это безусловно...

Патрикеев снова машет рукой и поспешно уходит.

Растопыркин. Расстраивается, квартирная прослойка... Петр Иванович, а Петр Иванович. Может, действительно пойти иностранцев поглядеть, как это они вилочками щепетильно жрут.

Барбарисов. К этому у меня нету интереса... *(Показывает рукой на свою даму. Раздраженно.)* Чего она не пьет? Товарищ Растопыркин, она меня беспокоит.

Растопыркин. Гражданка! Почему вы такая невеселая? Мы вас взяли нашу славную компанию поддержать, а вы — здравствуйте пожалуйста — сидите, как чахоточная дама, и пива не жрете. Только от вас, ну, перевод денег. Захватите свою сумочку и съмайтесь, сделайте одолжение, с этих местов. Раз вы такая невеселая.

Барышня. Я веселая. Зачем вы напрасно на меня такие слова говорите. Только я сегодня безусловно нездоровая, поскольку у меня запор. Только вы не обращайтесь на это своего внимания... А я очень всегда веселая.

Растопыркин. Я извиняюсь. Как же не обращать внимания, когда мы вас взяли как раз в обратном порядке. Или, Петр Иванович, ей отказать?

Барбарисов. Пушай сидит. Пушай она чего-нибудь нам оригинальное расскажет. Ты с каких слоев? Мелкобуржуазна?

Барышня *(врет)*. Я с очень даже хорошей семьи, товарищи. Я два года училась, как таковая. Мой отец был бывший генерал, и он помер от инфантерии.

Барбарисов. Уйди! Василий Васильевич, скажи ей, пушай она уйдет. Чего она мне про смерть разговаривает?

Растопыркин. Вот чего, гражданка — сымайтесь вы со своего стульчака и будьте любезны. *(Гонит.)*

Барышня. Ах вы паразиты рабочего класса! Ах вы сукиновы дети!.. Тогда давайте мне еще шесть челковых. Чего я на вас больше часу через бутылки гляжу и даже никаких фруктов не вижу.

Барбарисов. Уходи, зараза! Василий Васильевич, скажи ей, пушай она уйдет. Она меня начинает беспокоить.

Растопыркин. Уйди, ситцевая морда!

Первый посетитель. Эй, вы там, гражданин. Не особенно руками махайте.

Растопыркин. А ты кто такой? Петр Иванович, какой, глядите, нашелся характерный — он вам все время замечания делает.

Барбарисов *(посетителю)*. Ты чего меня беспокоишь, а? Ты чего суешься не в свое семейное дело? Василий Васильевич, ну чего он меня беспокоит?

1-й посетитель. Так не поступают с женщинами. Прохвосты!

2-й посетитель. Это хамство! Бить женщину.

Барбарисов. Кто сказал про меня — хамство? *(Растопыркин показывает пальцем.)* Ах ты, еврейская образина! *(Бросается на него с бутылкой.)*

Крики. Драка. Свистки. Звон разбитого стекла. На эстраде обрывается музыка. Вскоре появляется милиционер.

3

Милиционер. А ну, закройте дверки! А ну, не выпускайте никого! Будьте добры, приготовьте документы.

КАРТИНА 5-я

Невский. Тротуар. Гуляют люди. Внизу пивная. По временам, когда открывается дверь, оттуда слышен звон бубен и музыка. Рядом аптека. Горят фонари. На первом плане, у киоска, Барбарисов с Растопыркиным. Оба они после драки сильно потрепаны. Растопыркин охает, хватаясь за побитые места.

Барбарисов зашлифовывает роговой шпилькой разорванные брюки.

1

Р а с т о п ы р к и н. Зашились мы с вами, Петр Иванович.

Б а р б а р и с о в. А ни хрена. Мне теперича стесняться некого.

Р а с т о п ы р к и н. В былое время вы бы, Петр Иванович, так не сказали. Вы бы очень смущались составлением протокола в силу своего общественного положения. А теперь про это легче думаете.

Б а р б а р и с о в. Вот, видал! Хотя бы этот факт взять. Это, ну просто выгодней получается при такой ситуации. Чего хочу, того и делаю. Как хочу веселюсь. *(Вытаскивает битое стекло из-за воротника.)* Все пути для меня раскрыты.

Р а с т о п ы р к и н. Безусловно выгодней. Об чем речь... Чегой-то у вас, Петр Иванович, никак с пальчика кровь сочится?

Б а р б а р и с о в. Ну? *(Осматривает руки.)* Это буфетчик, толстая морда, должно быть, штопором меня зацепил.

Р а с т о п ы р к и н. Зайдите в аптеку, Петр Иванович. Всячески жалко из себя кровь без нужды выпускать. Зайдите себе в аптеку, а я вас тут подожду и на публику погляжу.

Б а р б а р и с о в идет в аптеку. Р а с т о п ы р к и н гуляет в толпе. На-встречу идет Полина Захаровна с кавалером.

2

Р а с т о п ы р к и н. Полине Захаровне, так сказать, с прекрасной прогулкой, будьте добры.

П о л и н а З а х а р о в н а. А, это вы! Чего вы тут делаете? Проветриваетесь?

Р а с т о п ы р к и н. И да, и нет, Полина Захаровна, — Петра Ивановича поджидаю. Они в аптеку зашедши. Им ручку в борьбе штопором отдавили... Не подождете ли вы их, очаровательная Полина Захаровна? Они будут очень горячо обрадованы.

П о л и н а З а х а р о в н а. Ну его к свиньям! Мне его ждать нечего. Тем более, они мне наскучили со своей любовью и с ихними некультурными манерами. Познакомьтесь — это мой прежний кавалер.

Из аптеки вышел П е т р И в а н о в и ч и, остановившись позади, слушает. На лице его удивление и почти страх.

Р а с т о п ы р к и н. Это да. Это конечно, дорогая Полина Захаровна. Какая от них культура? От них культура, как от блохи. Смешно! Это же, извиняюсь, дурак, холуй... Это форменная, как бы сказать, поганка... Но поскольку раньше вы им увлекались... *(К кавалеру.)* Я извиняюсь, конечно... То я и имею, так сказать, данные просить вас...

Полина Захаровна. Вот уж нет, Василий Васильевич. Я ими никогда горячо не увлекалась. Так, без интересу. Думаю, на автомобилях будут взад и вперед возить и так далее... А тем более, их теперь погнали, так что и вовсе интересу мало...

Растопыркин (*улыбается*). Мешалкой погнали, Полина Захаровна. (*Смеется*.) Ай, ей-богу!

Полина Захаровна. Ну, до свиданьица, Василий Васильевич.

Растопыркин. Ауфвидерзейн, Полина Захаровна, будьте добры. Осторожненько ступайте, не сковырнитесь со своих миленьких ножек.

Полина Захаровна отходит. Растопыркин оборачивается. Видит Барбарисова. Сильно смущен и даже потрясен. Барбарисов с искаженным лицом смотрит на него, сжимая от ярости кулаки.

Растопыркин. А... Это вы... Петр Иванович... Я с Полей сейчас разговорился... Она про вас... Она, Петр Иванович, про вас очень даже нетактично отзывается... (*более уверенно*.) Она говорит — это некультурный дурак... Она про вас холуй говорит, Петр Иванович... Честное слово... Я ей говорю: будьте добры, осторожней поступайте, Полина Захаровна, это, говорю, нетактично так поступать, поскольку человека погнали. А она говорит: мне, говорит, интересу нету, раз его, как блоху, погнали.

Барбарисов (*совершенно растерянный и сбитый с толку*). Как же так, Василий Васильевич... Ну, пушай ее...

Растопыркин (*орет*). Будьте, говорю, добры, Полина Захаровна! Я вам не позволю Петра Ивановича обижать!

Барбарисов. Ах, какая холера нашлась...

Растопыркин. Это форменная холера нашлась, Петр Иванович. Это прохвост. Я ей так и сказал: Ауфвидерзейн, говорю, Полина Захаровна. Безобразие, говорю, некрасиво. Это, говорю, неожиданное нахальство с вашей стороны.

Барбарисов. Василий Васильевич, товарищ Растопыркин! Только я тобой и люблюсь, а на других мне мало интересу глядеть... Я тем более не те мысли держал в голове. Я завсегда держал в голове те мысли, что меня все знают и все меня уважают за мой ум, за мою душевную красоту. А теперича наступает какая-то такая другая ситуация. Я еще сам не знаю, какая такая, но какая-то она такая другая... Какой-то такой ауфвидерзейн наступает...

Растопыркин. А ну вас, Петр Иванович! Раз объявлен мелкобуржуазный лозунг — веселиться, так и нечего вам хрюкать по ночам Займы-то у вас еще имеются?

Барбарисов. Имеются... только куда мы сейчас подадимся, единственный друг, Василий Васильевич Растопыркин? Я желаю на все деньги испытать, чего я промигал, и вас желаю тем же попотчевать.

Растопыркин. Можно, Петр Иванович, немного обратно выпить и чего-нибудь такое сообразить или там к кому-нибудь пойти... Эвон, какая славная безлошадная дамочка стремится... Я извиняюсь, гражданка... *(Оба идут за женщиной.)*

Барбарисов. Да брось ее, Василий Васильевич. Или пусти, дай я... Гражданочка... Мадам... А, ну ее! Мне скучно за ней идти... Василий Васильевич, ты лучше скажи: чего еще бывает? Ай, я чего-то такое промигал.

Растопыркин. А еще больше ничего, Петр Иванович. Больше ничего такого мелкобуржуазного не бывает.

Барбарисов. Болтай!

Растопыркин. Ей-богу, Петр Иванович.

Барбарисов. Не может быть?

Растопыркин. Можно еще, я говорю, в картишки сыграть при наличии ваших займов. А после слегка выпить обратно и чего-нибудь такое сообразить...

Барбарисов. Василий Васильевич, товарищ Растопыркин, не может того быть. Как же так? Ну что же это такое?

Растопыркин. Петр Иванович, вы себе надрались и лезете с речами. Больше ничего такого не бывает, хотя сядьте и поезжайте в Европу.

Барбарисов *(усмехнувшись)*. Ну уж, ты сморозил, Василий Васильевич. В Европу! В Европе, может быть, пес его знает, чего происходит.

Растопыркин. Ну, в Европе, может, там безусловно маленько пошикарней, но только мелкобуржуазное веселье для всех одинаково... Присядьте, Петр Иванович, на приступочку, а то вас чего-то колышет... и вы мне лучше вот чего скажите... *(Смеется.)*

Барбарисов. Ну чего? Чего, Василий Васильевич?

Растопыркин. Ай, ей-богу! Петр Иванович, а Петр Иванович. Чего я вас хотел спросить. А вдруг да, Петр Иванович, вас обратно восстановят? *(Смеется.)* Ай, ей-богу!

Барбарисов. Ну?

Растопыркин. Вдруг да вы придете сейчас домой, Петр Иванович, а там официальная извинительная бумага лежит... Мол, и так далее, и все такое — то-ва-рищ Бар-ба-ри-сов, Петр Иванович восстановлен в своих законных правах. *(Хохочет.)* Ай, ей-богу!

Барбарисов. Да нет. Ну что ты, Василий Васильевич... Меня не могут восстановить. Или восстановят? Нет!

Р а с т о п ы р к и н. Ну, безусловно нет. Я понимаю, Петр Иванович, но только я для примеру говорю. Для нашего с вами веселья. Я говорю: вот, если бы вас, не дай бог, восстановили — интересенькое бы дело возникло... Сколько вы мелкобуржуазных делов натворили, это ужаси подобно. Драка — раз. Семейная драка и буза — два. Вождей со стенки снимали — три. Не перечать. А теперь, я извиняюсь, — протокол... Еврея побили... Совершенно, ну, распустили свою душу... Это очень интересенько может получиться, ежели, в случае чего, вас восстановят. Ах, ей-богу!

Б а р б а р и с о в. Да нет, Василий Васильевич, не могут... У нас другой порядок... (*Пауза.*) Василий Васильевич, а вдруг, пес меня раздери, я прихожу в контрольную комиссию, а мне все присутствующие возражают — восстановили. А? (*Орет.*) А-а!

Р а с т о п ы р к и н. И очень просто, Петр Иванович. Сейчас это довольно часто происходит... Ай, ей-богу! Что только будет... Вам бы, Петр Иванович, надо было погодить распускать свою натуру. Месяц бы погодили, а после завили бы горе веревочкой.

Б а р б а р и с о в (*орет*). Братцы!

Р а с т о п ы р к и н. А теперь, Петр Иванович, у них сомненья явятся, мол, вон какой откровенный человек обнаружился в промежутке времени.

Б а р б а р и с о в (*орет*). Братцы! Василий Васильевич, товарищ Растопыркин, да что же это я наделал? Домой! Василий Васильевич, товарищ Растопыркин, скорей домой.

Р а с т о п ы р к и н (*смеется*). Ай, ей-богу! Кошмар!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА 6-я

Комната Барбарисова. Беспорядок. Грязь. Развал. Барбарисов лежит на кровати, без сапог. Спит, посапывая носом. Лицо в синяках, на лбу изрядная шишка. За стеной бренчат на мандолине. На полу с рулеткой возится уполномоченный Р а с т о п ы р к и н. Он измеряет комнату вдоль и поперек.

1

Р а с т о п ы р к и н (*укоризненно казает головой*). М-да... Многонько... Супротив государственной нормы отступает в четверном размере... Или в пятерном... В пятерном. Хо-хо! В пятерном размере отступает супротив государственной нормы на одну человеческую единицу... Ишь дрыхнет, лошадь... (*Громко.*) Люди, может, на мокрых бульварах

ночуют, а тут одна человеческая единица разлеглась на такой крупной площади.

Б а р б а р и с о в *(поднимает голову)*. Ты опять тут со своим кружком елозишь по полу?! Уйди от меня!

Р а с т о п ы р к и н. Но, но, но! Не возвышайте голоса, Петр Иванович. Я уйти не могу. А поскольку я официальное лицо, я имею свое право измерять чего мне потребуется в ударном порядке. А вы бы, чем лежать, уважаемый Петр Иванович, товарищ Барбарисов, вы бы, я говорю, хозяйственные шаги предприняли, поскольку супруга ушедши со двора к своей сестрице... А вы находитесь чисто как в хлеву. Только мне мою комнату гадите, стены отравляете. Ишь, как обои заплескались! *(Подходит к кровати и измеряет ее своей рулеткой.)*

Б а р б а р и с т о в. Уйди, собачий хвост! *(Пихает его ногой. Тот падает.)*

Р а с т о п ы р к и н *(поднимаясь)*. Ах, вы так! Вы ногами пихаетесь. Вы своего уполномоченного сейчас ногой пихнули. Так и запишем, Петр Иванович. Хорошо-с. Очень отлично. Вы слова говорите, но ногам воли пока не давайте. Я за это могу вас ой-ой, Петр Иванович!

Б а р б а р и с о в. А, иди ты, знаешь ли куда. Чего ты меня беспокоишь?

Р а с т о п ы р к и н. Я к вам чистосердечно относился, Петр Иванович. Я очень мягко, халатно к вам относился. Я имел к вам полное снисхождение. А за это мне брюхо лягаете?

Б а р б а р и с о в *(ворогаются на кровати)*. Уйди, собачий хвост!

Р а с т о п ы р к и н. Я хотел по-хорошему с вами, Петр Иванович. Сколько времени вы мне голову морочили — восстановят, да восстановят. Восстановят вас, видали, как лягушки скачут. А только я не могу больше ждать. Моя семья чересчур разбухает... Я сегодня же сгною вас с этой комнаты.

Б а р б а р и с о в. Чего?

Р а с т о п ы р к и н. Тово! Я вам откровенно говорю: меняйтесь со мной комнатой. Меняйтесь, Петр Иванович, пока не поздно. А то я сам шаг предприиму... Комната у меня, Петр Иванович, маленькая, удобная. В теньевую сторону глядит. В ней свет не раздражает. И, знаете, кухня как раз рядом. Чего-нибудь скипятить — будьте добры, два шага... А за эту самую комнатицу, за этот сарай вам и платить-то будет чересчур много. А тут я вам такое предложение делаю... Это и волки целы и овцы целы. Все целы... Я вам, Петр Иванович, еще в придачу чего-нибудь такое оригинальное дам. Петр Иванович, я вам диван оставляю. А вы мне кровать. Я вхожу в положение. Я мягкий человек. У меня к людям нежности много. Я не люблю их сразу за горло брать. Мне моя нежность не позволяет такие дела делать. Не вынуждайте меня,

Христа ради... Дозвольте по-хорошему, по-милому все совершить. Грубость и хамство противны моей натуре. (*Снова подходит к кровати и измеряет.*)

Барбарисов (*вскакивает*). Не трожь мою кровать, псиная морда. Не трожь, говорю, погаными руками.

Растопыркин. Но, но, но! Вы полегче, Петр Иванович. Но, но.

Барбарисов. Да я тебе, проклятая личность, сейчас буквально голову из плеч выдерну, (*Бросается на Растопыркина. Тот увертывается. Бежит. Барбарисов пытается поймать его. Тот загоразживается мебелью. Барбарисов прыгает через стол и хватает уполномоченного за горло.*)

Растопыркин. Петр Иванович, Петр Иванович...

Барбарисов. А, собака...

Растопыркин. Караул!

Шум за дверью. Дверь открывается. Входит приятель Барбарисова, товарищ Настин.

Настин. Что? Что такое? Что за крик? Это у вас орали?

Растопыркин (*поправляется*). Да вот они... (*Барбарисов свирепо на него смотрит.*) Нет... Может, это в соседней комнате... Мы не очень орали... Мы довольно тихо беседовали. (*Поправляет помятую шею. Хрипит. Пьет воду, испуганно поглядывает на Барбарисова.*)

Настин. Фу, я испугался. Я уж думал — драма происходит. Мне показалось, будто у вас кто-то в комнате закричал. (*Прислушивается. Пожимает плечами.*) Ну, здорово, брат. Сердечно тебя поздравляю... Я сам сколько раз за тебя заступался.

Барбарисов. Чего? (*Прикладывая к своим синякам тарелку.*)

Настин. Позволь... Да тебя дня три как восстановили!.. Ты ничего не знаешь?..

Барбарисов. Да нет.

Настин. Да я тебе говорю.

Барбарисов. Да нет, товарищ Настин. Ну чего ты мне мозги заворачиваешь. Может, это ошибка?.. Это ошибка, товарищ Настин!

Настин. Какая ошибка. Я тут встретил нашего секретаря, а он говорит: «Ну вот, восстановили вашу бурлацкую натуру».

Барбарисов. Не может быть, товарищ Настин. Ай, ей-богу! Да как же это так? Да нет? Да это невозможно. Ах, ты господи! Вот наказанье... Чего же они теперича говорят?

Настин. Я не знаю, что они говорят. А секретарь говорит: Как будто, говорит, за Барбарисовым ничего такого нету. За сколько лет ничего такого за ним не замечалось. Надо его восстановить.

Барбарисов. Да нет. Как же это так. Не может быть.

Р а с т о п ы р к и н. Раз они говорят, Петр Иванович, то это святое дело. Вы им доверять вполне можете.

Б а р б а р и с о в. Что за черт! Мать честная... *(Суетится.)* Я побегу сейчас в контрольную комиссию... Где мои ботинки? *(Бегает по комнате.)* Кто спер мои ботинки?

Н а с т и н. Давай вместе пойдем... Только погоди меня маленько. Минут пять. Я сейчас книги эти отнесу. Тут рядом. Одевайся пока.

Б а р б а р и с о в. Только скорей, товарищ Настин. Уважаемый голубчик мой.

Н а с т и н уходит.

3

Б а р б а р и с о в. Да что же это, братцы? *(Надевает пиджак. Потом снимает его. Переодевается.)*

Р а с т о п ы р к и н. Вот, Петр Иванович, я вам говорил. Вас, Петр Иванович, не так-то легко сколупнуть. Какие нашлись хорошие. Скидывать человека за ни за что.

Б а р б а р и с о в. Ну, прямо это не может быть. Ах, ты сделай одолжение!

Р а с т о п ы р к и н. Именно может быть, Петр Иванович. Именно правда завсегда торжествует... Может, Петр Иванович, вы чайку выпьете перед тем, как пойти на воздух. Я побегу, супруге своей скажу. Порадую свою старушеницу.

Выбегает. Вскоре за стеной смолкает шум и треньканье мандолины.

4

Б а р б а р и с о в *(один)*. Как же это так... *(Бегает по комнате. Орет.)* Братцы! *(Смотрит на стены.)* Чего же это я такое наделал в переходное время. Боже ж мой.

5

Р а с т о п ы р к и н *(входит)*. Я извиняюсь. Петр Иванович. Сейчас супруга моя чаек на примус поставила... Все жильцы, Петр Иванович, очень радуются. Они ожидали этого, Петр Иванович. Полина Захаровна говорит: поздравьте, говорит, его, мою бывшую симпатию.

Б а р б а р и с о в. Как же это так. Ну, где же это Настин? Ну, куда он, сукин сын, пропал, твою семь-восемь! *(Бегает.)*

Р а с т о п ы р к и н. Да вы бы присели, Петр Иванович. Смотрите, у вас личико дрожит от неожиданного волнения. Присядьте, Петр Иванович. Сейчас чаек будет.

Б а р б а р и с о в бросается в кресло. В комнату входит Полина Захаровна.

Полина Захаровна. Здравствуйте, Петр Иванович. Я слышала, вас как будто поздравить можно.

Барбарисов (*утомленно*). А, Поля... Здравствуй. Да, вроде как безусловно можно поздравить. Меня восстановили, Поля.

Полина Захаровна. Ах, скажите на милость, какая чудная неожиданность.

Растопыркин. Это, Петр Иванович, все таки акт крупного значения. Я удивляюсь, Петр Иванович, меня оторопь берет, как они спервоначалу могли вас угробить.

Полина Захаровна. Ну, они все могут.

Барбарисов (*томно*). Собственно говоря, меня и не за что было чистить, товарищи. Вы же мою жизнь видите.

Растопыркин. Ваша жизнь, Петр Иванович, перед нами как тихая речка протекает.

Барбарисов. За что меня можно чистить. Или мещанство? Или еще что? Это все голословные признаки. Этого не видеть.

Растопыркин. Делов у вас, Петр Иванович, или там преступлений, ну никаких не было.

Барбарисов. Ничего такого у меня не было.

Растопыркин. Просто они ошибочно вас согнали, Петр Иванович.

Барбарисов. Я тоже теперича думаю: что за черт? За что они меня согнали? Чего, я им взятки брал? Или я протекцию устраивал? Или я с нэпом дружил? Я же ничего такого незаконного не делал. Ну, выпивал самую малость.

Растопыркин. Другой, Петр Иванович, так налижется, что своих родственников буквально не узнает. А вы, Петр Иванович, завсегда, как огурчик сияли.

Барбарисов (*опет*). За что они меня могли уволить... А!? Это еще что такое? Это еще какое такое безобразие? Ах, так? Почему на фронте не был? Перехлестывание! Мещанство! Я вам покажу, как меня трогать!

Растопыркин. Вы той ренегатке, Петр Иванович, при встрече кукиш покажите. Или лучше ее по морде ударьте за ее такое безобразное поведение.

Барбарисов. Безусловно. Я этого дела так не оставлю. Я ей чего-нибудь скажу. Какая мразь нашлась... Человека хотела подковырнуть.

Растопыркин. Да только ей номер не прошел, Петр Иванович. Это не так-то легко чистого человека запоганить... А я прямо не сомневался, Петр Иванович, что вам обратно в ножки поклонятся. Тем

более, и происхождение у вас, Петр Иванович, не заставляет ожидать ничего лучшего...

Барбарисов. И происхождение у меня, так сказать, правильное. Мой отец наипростой мужик. Другие там интеллигенты. Академики! Графы! Контрреволюционеры! А я им не граф. Я не знаком с графами. У нас Барбарисовы всегда несли свое крестьянское происхождение... Где моя жена Анисья Николаевна?

Растопыркин. Анисья Николаевна к сестрице своей ушедши. Как вы ее в прошлый раз отвозили по мордасам, так она и ушла себе. Но поскольку она дама, она сейчас, я думаю, явится... А происхождение, Петр Иванович, имеет громадный плюс... Если бы мне правильное происхождение, я бы всю Европу и Азию перевернул к чертовой матери.

Барбарисов (*смеется*). Ваше происхождение, Василий Васильевич, супротив моего маленько отстают. У нас чересчур правильное происхождение. Это меня прямо зря согнали. Мы, Барбарисовы, и женились завсегда на крестьянках. Ей-богу. Бывало, даже смех кругом стоит: — «Да чего вы, говорят, Барбарисовы, все на крестьянках женитесь? Женитесь, говорят, на других». — Нету, говорим, братцы. Мы знаем, что делаем, атандэ... — Ей-богу, меня зря согнали, Василий Васильевич... (*Ходит по комнате, прикрепляет сорванные плакаты.*) Тем более, так нельзя тревожить человека. То его сгонят, то его не сгонят. Ему какую линию поведения вести? Так нельзя...

Это, никак Настин идет?

7

Входит фотограф. Что-то говорит Растопыркину. Полина Захаровна прихорашивается перед зеркалом.

Полина Захаровна. Там фотограф пришедши, Петр Иванович... У вас завсегда полная толчея, завсегда народ трется... Прямо не дают с любимым человеком с глазу на глаз побыть...

Растопыркин. Он желает, Петр Иванович, обратно еще на одну пластинку разориться... Как вы ему приказали — голову в крупную величину?

Барбарисов. После. Видишь, я собираюсь. Я Настина жду.

Растопыркин (*фотографу*). Петр Иванович говорит после.

Фотограф. Прикажете завтра?

Барбарисов. Завтра, завтра...

Растопыркин (*фотографу*). Петр Иванович говорит завтра или послезавтра. Сегодня они заняты по текущему вопросу.

Фотограф. Хорошо-с, я потом зайду...

Растопыркин. У них сегодня нету свободного времени для таких мелких делов. А завтра они скорей всего с гражданкой Поповой сыматься будут. Будьте добры.

Полина Захаровна. Я от вас этого, Василий Васильевич, не ожидала. Это, ну, чистое хулиганство с вашей стороны.

Растопыркин. А, уйдите вы, Полина Захаровна. Тут у Петра Ивановича и без вас государственных делов достаточно.

Полина Захаровна. Ушла! Дождитесь.

Входит жена Растопыркина с чаем. За ней идет Патрикеев.

8

Растопыркин. А вот, Петр Иванович, и чаек прибыл. Выкушайте, Петр Иванович. Супруга сама кипятила.

Патрикеев. Примите мое поздравление, товарищ Барбарисов.

Барбарисов. Ладно. Ладно. Мерси.

Полина Захаровна. Я вам налью. Где уж вам.

Растопыркин с женой отходит в сторону и молча рукой показывает ей на комнату. Оба разводят руками — мол, пропала такая дивная комната. Растопыркин с явным огорчением пожимает плечами. Потом поднимает палец, будто чего надумал, и подходит к Барбарисову. Входит жена Барбарисова и молча начинает приводить в порядок комнату, сердито поглядывая на посетителей.

Растопыркин. Я так думаю, Петр Иванович, что вы теперь очень свободно замнете свои разные дела.

Барбарисов. Какие дела? Ты про чего говоришь?

Растопыркин. Я извиняюсь, конечно... Протокол и разные другие дела.

Барбарисов. Ах это... Да, безусловно... Братцы!.. *(Хватается за голову.)*

Растопыркин. Да вы не горюйте, Петр Иванович. Вы теперь свободно отбрыкаетесь... Ну, там жену побили... Это дело домашнее... Вот что вы, Петр Иванович, в пивной дрались, это, я извиняюсь, нехорошо. Вы еврея побили, Петр Иванович.

Барбарисов. Братцы!.. Да что же это такое я сделал в переходное время. *(Бегает по комнате.)*

Полина Захаровна. Чего вы, Василий Васильевич, человека тревожите? Петр Иванович, велите ему уйти.

Растопыркин. Я их не тревожу, Полина Захаровна. Я уйти могу. Только я за них беспокоюсь. Антиполитические речи они подряд говорили. Про это весь дом знает... И поскольку я уполномоченный, я должен за этим наблюдать.

Барбарисов. Братцы, братцы!.. *(Торопливо надевает кепку и резиновое пальто.)*

Растопыркин. Петр Иванович, погодите же товарища Настина. Хотя пальтецо получше наденьте.

КАРТИНА 7-я

Приемная комната Контрольной комиссии — так называемый предбанник. Стол секретаря. Секретарь вышел в соседнюю комнату. В ней молча сидит несколько посетителей, пришедших за справками. Один из посетителей взволнованно шагает по комнате. Входит Барбарисов.

Барбарисов. А где же секретарь? Где секретарь, товарищи? Мне секретаря надо...

Голос посетителя. Он сейчас будет. Пошел за справкой.

Барбарисов. А, это ты, товарищ Репин? Здравствуй, товарищ Репин. Чего? По разложению? Или по пьянке?

Репин (*машет рукой*). По разложению... И, вообще, знаешь, по пьянке... И разные другие дела. Одним словом, все сразу навалилось.

Барбарисов. Ай, это худо! Это, товарищ, Репин, безусловно худо. А меня, знаешь, восстановили... Они очень редко восстанавливают. Вот только меня восстановили, а больше я и не слышал ни про кого... Но, действительно верно, у меня ничего такого не было... Раз только я с лестницы ссыпался в одна тысяча девятьсот двадцать седьмом году...

Входит секретарь.

Секретарь. Ваше заявление еще не рассмотрено, товарищ Репин.

Барбарисов. Товарищ секретарь, да что же вы со мной делаете?

Секретарь. А что?

Барбарисов. Да как же что. Сначала меня чистите, а потом обратный ход даете. Как же это вы так, ей-богу.

Секретарь. Что такое?

Барбарисов. Да как же, помилуйте, что. Это же неизвестно, как человеку вести себя. И на каких правах ему жить. Или ему как беспартийцу находиться... Или, наоборот, опять сдерживаться.

Секретарь. Да ты о чем, дорогой товарищ?.. Я не могу понять.

Барбарисов. Да как же, я за это переходное время разных мелкобуржуазных делов натворил и сполз с классовой линии. И теперича, когда меня восстановили...

Секретарь. Ах, вот оно что! Да нет, ты не восстановлен, товарищ Барбарисов... Тем более, ты и заявления не подавал.

Барбарисов. Как не восстановлен? Ах, не восстановлен... А мне сейчас...

Во время разговора входит Настины и молча слушает. Разводит руками.

Секретарь. Действительно, был разговор. Кое-кто утверждал, будто тебя зря вычистили... Будто ты чище чистого... И за столько лет ни в чем не был замечен... Но оказалось — не зря... Вот как раз вчера вы

получили копию протокола — драка и буйство в пивной... Записка — избивание жены, погромные разговоры и буйство, и все наши сомнения сразу подтвердились.

Барбарисов (*орет*). Да что вы со мной делаете!.. Я так не хочу. Я не желаю так. Мне только сейчас сказали, что меня восстановили.

Секретарь. Кто тебе сказал? Пришли его сюда.

Барбарисов. Да мне товарищ Настин сказал.

Секретарь. Ах, Настин! (*Усмехается*.) Вот он и был твоим главным заступником. Да только он тоже вычищен за хорошие дела. Да вот он никак и сам явился узнать про свою участь.

Настин. За какие хорошие дела? Это что я свое происхождение скрыл. Да я его не скрыл. Я всем говорю: я сын дьякона.

Секретарь. А в анкете чего написали?

Настин (*вздыхает*. *Барбарисов подмигивает*). В анкете я, ну, не мог написать такие слова — рука не повернулась. А только я со своими родителями отношения не имею.

Барбарисов. Это истинная правда, товарищ секретарь. Он этого дьякона к себе на пушечный выстрел не подпускает.

Секретарь. А между тем, сам в церкви пел.

Настин. Так ведь это когда было! Четыре года назад. При нэпе. Раз всего и пел.

Секретарь. И ребенка своего крестил.

Настин. Да вот это тогда и пел. На крестинах. Ну, выпивши был по случаю семейной радости... А только я так не оставлю. Я заявление писать буду. Помилуйте, четыре года назад.

Барбарисов. Я тоже так не оставлю. Я не согласен. Я не дозволю. Я чистый во всех делах. Это только малехонько я оступился в переходное время.

Входит дежурный член КК.

Дежурный. Что за шум?

Секретарь. Да вот тут гражданин Барбарисов не согласен с решением комиссии...

Барбарисов. Это невозможно... Я чистый во всех делах. Это только в переходное время я слегка маленько оступился.

Дежурный. Знаете, вы, Барбарисов, нам страшней и опасней открытого мазурика и контрреволюционера. Вы полностью раскрыли свое гнилое нутро и полностью сняли маску за это, как вы говорите, переходное время. Идите, гражданин Барбарисов.

Дежурный уходит.

Барбарисов. Товарищ секретарь. Да я бы сейчас тихо стал вести себя... Может, впоследствии... Можно надеяться...

Секретарь. Ну там видно будет.

Барбарисов медленно отходит от стола. Перед выходом останавливается. Часы бьют семь. Слышно, как стучит машинка. Телефонный звонок.

Секретарь. Слушаю. Контрольная комиссия. Хорошо.

Барбарисов открывает дверь и сбегает вниз по лестнице. Потом останавливается на площадке. Секунду думает и медленно поднимается вверх. Подходит к двери. Берется за ручку. Качает головой. Медленно спускается вниз. Пожимает плечами. Видно, что человек только сейчас по-настоящему понял, все, что с ним произошло.

Барбарисов. М-да... Я бы сейчас находился тише воды, ниже травы. *(Орет.)* Братцы!.. *(Быстро во второй раз бросается вверх по лестнице. Пробегает полмарша. И снова медленно спускается вниз. Разводит руками.)*

ОПАСНЫЕ СВЯЗИ

Комедия в 3-х действиях

THE
LIBRARY OF THE
CONGRESS
510 MAHAL STREET
WASHINGTON, D. C. 20540

AMERICAN
LIBRARY

AMERICAN LIBRARY

AMERICAN LIBRARY

Действующие лица:

Базиль Сечинский
Матильда, его жена
Капочка, их племянница
Безносков Иван Петрович
Муся, его жена
Туся, его возлюбленная
Мамаша, мать Туси
Серезжа, приятель Туси
Курц, секретарь Безносова
Краюшкин, знакомый Капочки
Попугаев, домуправ

Время действия — лето 1937 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА 1-я

Скромно убранная комната. Три кровати. На стене афиша Мюзик-холла. На спинке стула — классический костюм балетной танцовщицы. На оттоманке, с учебником французского языка, полулежит Иван Петрович Безносков. Это человек средних лет, невзрачный блондин, потрепанный и помятый. Лицо у него то глуповатое, то томное. Во всем облике комическая смесь — изнеженности и грубости, властности и жалкой покорности. Безносков — в гостях у своей возлюбленной, Туси. Туся — молода и красива — танцовщица из Мюзик-холла. Речь ее — почти скороговорка.

1

Туся. Неужели ты два раза был в Париже?
Безносков (зевая). Ага... Два раза.

Туся. Ну и что же, безумно понравилось?

Безнососов (зевая). Ага... То есть, товарищи, что значит — понравилось... Советскому патриоту находиться в Париже, конечно, до некоторой степени неестественно... Товарищи... Революция воспитала в нас за двадцать лет высокие гражданские чувства... Капитализм оскорбляет эти чувства на каждом шагу...

Туся. Ну и что же, магазины шикарные, ателье?

Безнососов. На каждом шагу роскошь и нищета, эксплуатация человека человеком... У-у, ты мой арбузик... И к твоему балету, говорят, там жульническое отношение.

Туся. Ну, а Парижская выставка, Иван Петрович, это что такое?

Безнососов. Ну, обыкновенно что. Выставка... В Париже... Ну, павильоны, значит... Экспонаты...

Туся. А вдруг да тебя не пошлют на выставку?

Безнососов. У-у, ты мой воробушек... Ну, я сам себя пошлю.

Туся. Замечательно!.. Дуся... Тогда тем более надо тебе немножко подучить французский язык. Я удивляюсь. Два раза был в Париже и трех слов не может произнести. Я так за два месяца научилась. Зачем закрыл книгу? Читай.

Безнососов. Ну, неохота читать... Вот ты и будешь в Париже моей миленькой переводчицей... У-у, ты моя куропаточка...

Туся. Да, но тебя могут пригласить в какое-нибудь определенное место... Мне же неудобно будет с тобой пойти. В качестве кого я туда пойду?

Безнососов. Ага...

Туся. В качестве возлюбленной? Они спросят: почему вы не жены?

Безнососов. Ну, они так не спросят же...

Туся (обидливо). Мне это, конечно, безразлично, но вообще я удивляюсь, почему ты на мне не женишься. Наконец, это несовершенно. Ну, скажи жене, что полюбил юную женщину...

Безнососов. Ай, Тусенька, не будем об этом сейчас говорить.

Открывается дверь. Мамаша (мать Туси) просовывает голову в комнату.

2

Мамаша. А когда же ей позволите об этом говорить, если не сейчас? Девочка, естественно, заинтересована в своей судьбе... Было бы странно, если б она...

Туся. Мама! Иван Петрович сколько раз вам говорил. Не входите, когда он тут.

Безнос о в. Удивительно, какая у вас лихорадочная мамаша, ну ее к черту! Она каждую минуту норовит сунуться со своими афоризмами... Что она у вас, под дверью, что ли, сидит — каждое слово подслушивает?

Тус я. Вы же сами не велели ей в комнате находиться. Вот она и сидит там в коридоре. Когда будет у меня отдельная комната, вот тогда и делайте ей замечания... Читайте.

Безнос о в. С начала, что ли, читать? (*Читает по-французски.*)
Эн петит гар... гарь... сон... гарьсонь.

Тус я. Нет! Слушайте, Un petit garçon... Уп... понимаете. Не эн, а Уп... В нос...

Безнос о в. Я так и говорю... эн... он...

Тус я. Уп...

Безнос о в (*рычит*). Он... он-н...

Снова открывается дверь. Поспешно входит встревоженная
ма м а ш а.

3

Ма м а ш а. То есть я думала — с вами худо. Как бык замычали... Уж я думала...

Безнос о в. Думали, Кондратий Иванович меня схватил?

Ма м а ш а. А что, вы не молоденький. Свободно каждую минуту можете загнуться.

Безнос о в. Уйдите, мамаша... Тус я, что она опять об этом говорит?

Тус я. Мама, уйдите.

Ма м а ш а. Беспokoюсь — тоже нехорошо.

Безнос о в. Я на вас удивляюсь, мамаша. Каждую минуту вы бежите в комнату. Вдобавок без стука. Например, я без сапог сижу. Мне, может быть, неприятно оскорблять этим вашу нравственность. И хотя вы ее мамаша, но я откровенно вам скажу: идите отсюда к лешему!

Ма м а ш а. Вот... Вот видали?..

Тус я. Мамаша!

Безнос о в. Ах, Иван Петрович! Кэль выражанс... Я не из Пажеского корпуса. Извиняюсь. Худо воспитан. Мужик. Мещанин из города Сысольска. И тем особенно горжусь.

Ма м а ш а. Ах скажите!.. Я и сама не из деревни...

Тус я. Мамаша!

Ма м а ш а. Нет, погоди... Дай я ему скажу...

Тус я. Не смейте с ним разговаривать! Вы же знаете, как он реагирует на ваши слова, — он безумно нервничает.

Мамаша. И пушай он нервничает. Я, как дура, сижу в коридоре на сундуке. И тоже, может быть, нервничаю... Комнаты нет, ничего нет... Как от козла — ни шерсти, ни молока.

Туся. Мама, не смейте об этом говорить! Видите — его всего трясет. Ваня, выпей водички.

Мамаша. Ухожу, ухожу. Не пяльте буркалы. Не из пугливых. Не погляжу на ваше крупное положение. Я при царизме одному министру хотела в глаза плюнуть. *(Уходит, хлопнув дверью.)*

4

Туся. Вообще ты с мамой, конечно, неправ. У нее прежние понятия. Она считает — если человек, ну, там, что ли, вообще ухаживает, то он должен абсолютно все... для любимой женщины.

Безнососов *(успокаиваясь)*. Какая нахалка!

Мамаша *(приоткрыв дверь)*. От нахала слышу.

Дверь снова закрыта.

Туся. Мне от тебя ничего не надо. Что касается комнаты... Ну, конечно, неудобно. Главное — мама и брат... Они удивляются, что ты при своем положении не можешь это достать.

Безнососов. Товарищи!.. То, что принадлежит государству, для меня священо. Никаких комбинаций я не признаю... Так — пожалуйста. Вот деньги. Могу сегодня дать...

Туся. Кстати, сегодня в газете было объявление... Мама!

Тотчас открывается дверь. Входит мамаша с развернутой уже газетой.

5

Мамаша. Вот тут ногтем отмечено... Там ваш секретарь приехадши. Сказать, чтоб вошел?

Безнососов. Курц, войди!

Входит секретарь с папкой бумаг. Секретарь сдержан, вежлив, подтянут. Весьма молчалив. Голова у него выбрита. Заметна военная выправка.

Курц. Срочные бумаги.

Безнососов *(небрежно подписывая бумаги)*. Возьми, Туся, деньги и поезжай. Погляди комнату.

Курц. Позвольте идти? В четыре совещание...

Безнососов. Иди. Или подожди меня в машине. *(Берет полотенце, мыло, идет в ванную.)*

Т у с я (*быстро подходит к телефону, набирает номер. Говорит тихо, оглядываясь*). Сережа? Через двадцать минут я буду... (*Читает объявление в газете.*) Боровая, пять... Нет, насчет комнаты. Жди у дома...

М а м а ш а. И лучше бы ты вышла за Сереженьку... А этот и тебе доставит беспокойство, а про меня и говорить нечего. Меня он прямо... забодает. За всю жизнь это мне второй такой попадается, который, ну, буквально перья из меня вытряхивает.

Т у с я. Мама, уйдите, — он сейчас придет.

М а м а ш а. И пусть придет. Я на все готова. (*Уходит.*)

Входит Б е з н о с о в, утирая лицо полотенцем.

Б е з н о с о в. Миленькая, я тоже с тобой поеду, а? А то ты свою преподобную мамашу возьмешь, так она весь тот дом по ветру пустит.

Т у с я (*одеваясь*). У тебя совещание.

Б е з н о с о в. На секундочку зайду — погляжу комнату... Только, Туся, никаких там разговоров. Не афишировать наши отношения. Комната для тебя. Я ни при чем.

Т у с я. Вот видишь! Ты скрываешь наши отношения. Значит, они не советские отношения...

Б е з н о с о в (*надевая пальто*). Понимаешь, моя мадам легче землетрясение перенесет, чем развод. В прошлом году я хотел ей...

Т у с я. Ах, значит, у тебя и в прошлом году кто-то был? Очень мило!

Б е з н о с о в. У-у, ты мой воробушек!

Уходят.

Занавес

КАРТИНА 2-я

Большая комната Сечинского. Остатки былой роскоши. Мраморная фигура на пьедестале. Японские ширмы. Занавески, пианино. За пианино жена Сечинского — Матильда. Матильда — полная, не первой молодости «дама». Одета ярко, не совсем современно, с претензией на шик. Играя на пианино, Матильда густым и фальшивым голосом напевает романс. В комнату входит Базиль Сечинский. Он только что приобрел газету и сейчас жадно всматривается в последнюю страницу, где объявления. Сечинскому лет под пятьдесят. Он лысоват и полноват. Весьма в запущенном виде. Небрит. Одет крайне небрежно. Пиджак мятый, в пуху. Штаны рваные. Стоптаные ночные туфли. Воротничок и галстук отсутствуют. Матильда, оглянувшись на мужа и закончив романс, продолжает играть на пианино.

1

Сечинский (*просматривая объявления, бормочет*). Тридцатку взяли за три строчки объявления... Мародеры... Еще кто попадетса, — полкомнаты возьмут и не заплатят... Ай, чувствую — обойдут, объегорят, обведут... Этика деловых отношений забыта. Частная инициатива попрана... Веселенькая перспектива ожидает вас, уважаемый Сечинский... Последний ресурс использован. Далее тьма, тьма кромешная. Ни зги не видать. Старость хватает за глотку. И... полная невозможность что-либо предпринять деловому, переполненному бешеной энергией человеку. Господа, господа, ну, что это такое? В какой отрезок истории я попал, как кур во щи!

Матильда начинает петь: «Давай пожмем друг другу руки...»
Сечинский подходит к пианино.

Сечинский. Матильда! Прекрати свое дурацкое пение. Уже сию минуту могут прийти по объявлению... Услышат — откажутся...

Матильда. Я, Базиль, тихо пою.

За сценой неопределенный стук. Сечинский вздрагивает.
Матильда прекращает музицировать.

Сечинский. Вот! Кто-то там пришел!

Матильда. Базиль, это у соседей.

Сечинский. Ох, я нервный какой стал! Прямо меня всего пердергивает.

Матильда. Вот получим деньги за комнату, и поедешь в дом отдыха. На шесть недель.

Сечинский. Черта с два поеду в дом отдыха на шесть недель, когда такая тревожная жизнь.

Матильда. Но почему же тревожная, Базиль? Вот я буду на эстраде прилично зарабатывать... Мне уже обещали в Госэстраде...

Сечинский. А-а, не в этом дело! Я тоже надеюсь зарабатывать... Вот, кстати, в объявлениях — шкафчик продается. Надо адрес записать... Стол за сколько я купил в прошлый раз? За триста? А продал за пятьсот. Это небольшой, но заработок... И не в этом дело. Я, Матильда, не знаю, как дальше жить.

Матильда. Ну, Базиль...

Сечинский. Я в своей жизни никогда не был растерян. Всегда ясность, орлиный взгляд, взлеты, надежды, победы. Но вот восьмой год, Матильда, земля уходит у меня из-под ног. Я растерян, разбит, растоптан. Тело мое страдает. Душа горит. Я бреду в потемках, я спрашиваю вас, господа, — что мне делать?

Матильда. Базиль, ты рассуждаешь по-старому. Ты капризничаешь, как ребенок. Ты не хочешь взглянуть в глаза современности. Уж раз у них такая установка, так и надо уж...

Сечинский. Что надо уж?..

Матильда. Надо... делать то, что и другие делают, — служат, работают... Вот я...

Сечинский. Служат! Работают! Колют, рубят, пишут! Но пойми, душа у меня этого не хочет. Я интеллектуально перерос эти возможности! У меня культура четырех кровей. Может, дыхание тысячелетий живет в моем сердце...

Матильда. Ты хороший организатор, Базиль. Ты вполне можешь устроиться — руководить, управлять...

Сечинский. Конечно. Чем возить, так лучше погонять. Без тебя знаю. А какой был результат два года назад?.. Концертное бюро — дело моих рук... Делячество, сказали. Под суд отдали. В тюрьму кинули. Ну, что это такое!

Матильда. Но зато ты теперь понял...

Сечинский. Ничего не понял. Это я раньше понимал. Деньги! Человек стремился достичь, заработать. Была цель, неограниченные возможности!

Матильда. И сейчас люди стараются получше заработать... Вот я... Певцы, например, и многие другие.

Сечинский. А если голоса нет? Если у человека в горле нервный комок? Так и ему тоже прикажете петь «На земле весь род людской...»?

За сценой звонок. Сечинский вздрагивает. Матильда поспешно выходит за дверь и тотчас снова появляется на пороге.

Матильда. Базиль, там тебя управдом спрашивает.

Сечинский. Пусть войдет. *(Садится за стол и, развернув газету, записывает в книжечку адрес объявления, бормочет.)* Шкаф... красного дерева... улица Плеханова... двадцать девять...

Входит домуправ Попугаев.

2

Сечинский. А-а, это ты, Егорыч...

Попугаев. Точно так, товарищ Сечинский.

Сечинский. Сию минуту, друг ситный, — запишу тут одну штуковину...

Попугаев. Или опять газетку прорабатываете, товарищ Сечинский? Передовые вопросы...

Сечинский. Да, тут немножко гляжу...

Попугаев. Приятно видеть жильца за политучебой. Давеча зашел в седьмой номер по делу. Наоборот, — инженер Дубрасов блины пекет... Или опять вас Япония нервирует?

Сечинский. И Япония нервирует. И так вообще — гляжу в газету, где чего есть.

Попугаев. Из ста семи жильцов вы, товарищ Сечинский, идете у меня в авангарде, хотя представляете собой инвалида второй группы.

Сечинский. Ну что ты, Егорыч, разве я заслуживаю таких слов!

Попугаев. С июля будет у меня преподавать лектор. По истории движения. Жильцы исключительно неохотно записываются. Так я тебя запишу, товарищ Сечинский, а? Поскольку ты у меня поддерживаешь все начинания...

Сечинский. Только непременно запиши. Охота, как говорится, на старости лет что-нибудь приличное послушать.

Попугаев. Что касается вашей супруги, то получается вдвойне наоборот. От ее пения ваши соседи приходят в страшное беспокойство. Пишут жалобы. Взять сегодняшний день. — Действительно верно — она бренчит на рояле и завывает уже (*смотрит на часы*) один час шестьдесят восемь минут.

Сечинский. Да, но она учится, Егорыч. Она у меня с эстрады будет выступать.

Попугаев. Ах, она учится?

Сечинский. Я же и говорю: она учится и уже рвется в бой.

Попугаев. Раз она учится, то я так скажу: пушай она учится и пушай соседи прекратят свои поползновения.

Сечинский. Вообще-то, Егорыч, я вхожу в положение жильцов... У жены слух, правда, богатый, музыкальность, туалеты — это все есть, но голос у нее сумасшедший... Я даже не знаю, что это у нее за голос. По-моему, таких голосов и не бывает.

Попугаев. Бывает. Это у нее, я так думаю, дамский бас.

Сечинский. В прежнее время, Егорыч, пели — баритоны, дисканты, колоратурные, может быть, там сопрано. А сейчас у другого и баритона нет, а он поет баритоном... Раз таланты хорошо оплачиваются, вот он и поет баритоном... Частной коммерции нет, чтоб этим людям заняться... Ну, и ясно... Рады стараться...

Попугаев. Таланты у нас вперед пушают.

Сечинский. Вперед пушают, с боков и сзади напирают — вот и получается...

За дверью звонок.

Попугаев. Так я пойду, товарищ Сечинский.

Сечинский. Ну, иди, иди, Егорыч... Тут должны ко мне по делу зайти... Ах, нет, это моя племянница...

Попугаев. Честь имею кланяться. (*Уходит.*)

В комнату входят двое: Капочка и ее знакомый Краюшкин. Капочка совсем молода, красива, скромна. Краюшкин — неприятного вида. От излишней нервности дергается. Заикается.

Краюшкин *(на пороге комнаты)*. Ну вот, проводил вас до самой комнаты. До свиданья, Капочка... Привет.

Капочка. До свиданья, Краюшкин. *(Уходит в другую дверь.)*

Сечинский *(Краюшкину)*. Слушайте, молодой человек, куда же вы спешите, заскочите на минутку.

Краюшкин. Можно... Пожать вашу руку и, так сказать, улетучиться.

Сечинский *(Краюшкину)*. Дайте папироску.

Краюшкин. Кажись, нет с собой.

Сечинский. Дайте тогда три рубля... Ага, и трешки нет — для человека, который познакомил вас со своей племянницей... Слушайте, я вас не понимаю. Или вы ухаживаете за Капочкой, или что?.. Я не люблю неопределенности. Если ухаживаете — ухаживайте. Браком кончится — великолепно. А нет — так нет. Не надо тень на плетень наводить. Это не в моем характере.

Краюшкин. Вы меня простите, я прямо не привык к таким вопросам. К тому же, если хотите знать, я женат.

Сечинский. А как же вы раньше говорили...

Краюшкин. Если разведусь, я говорил...

Сечинский. Вот вы и разводитесь... Я вас за ноги не держу. Жорж Занд... Свинья!..

Краюшкин. Что вы ругаетесь — я прямо вас не понимаю. Вы, Сечинский, — обломок империи. Будь ваша эпоха, вы бы тут всех начали эксплуатировать.

Сечинский. Эко-эко! Ваша эпоха! Да, эпоха не моя... Эпоха не для делового человека.

Краюшкин. Да и Капочка...

В комнату входят Капочка и Матильда.

Сечинский. Что Капочка?

Краюшкин. И Капочка, говорю, не любит меня... Не правда ли, Капочка?

Капочка. А что: опять меня замуж выдавали? Я же вам, дядечка, сказала: я не собираюсь выходить за него. Это просто мой знакомый. Я и не люблю его.

Сечинский. И за что его любить? Я и сам, кроме отвращения, ничего к нему не чувствую... Но если он женится, так отчего бы и нет. А ну вас к черту! Делайте, как хотите.

Краюшкин. Ну, привет. Странные какие люди!

Краюшкин уходит. Матильда садится за пианино, начинает играть.

Капочка (*Матильде*). Тетечка, я сейчас Сережу встретила... Внизу, у ворот. Кого-то ждет, или я не знаю...

Матильда. Ох, кажется, ты влюблена в него...

Капочка. Он сначала не узнал меня. Потом поклонился. И если бы не Краюшкин, мы бы с ним поговорили...

Сечинский. Матильда, прекрати играть, — сейчас могут прийти по объявлению.

Капочка. Какой сердитый вы сегодня, дядечка!

Сечинский. А что прикажете — радоваться? (*Матильде*) Ну, хорошо, у тебя талант... Или этот дурак Краюшкин, пишет что-то или переделывает — пес его знает... Жорж Занд... Свинья... Тем не менее — талант, прилично зарабатывает... А те, у которых таланта нет?

Матильда. Нет, Базиль, ты неправ. Как хочешь, а в данном случае я за социализм. Лучше пусть зарабатывают таланты, чем те, которые, ну, там, при царизме торговали... И разные там дела. Я, например, спую на эстраде... Это справедливо, Базиль, — доставлять радость людям...

Сечинский. Ну, хорошо. Допускаю. Даже признаю. Но не понимаю. А куда же я должен, к черту, деваться?

Капочка. Ну, дядечка, ты уж совсем зашился. Деловые люди очень нужны. Их куда угодно возьмут. Они-то как раз и нужны.

Сечинский. Да, но я не романтик. Я материалист. Я хочу зарабатывать для себя и как раньше, — в клуб пришел, рубль поставил, триста взял.

Капочка. Ну, это какая-то допотопная психология. Теперь так никто не думает.

Сечинский. Вздор! Думают.

Капочка. Ты представитель старого мира, дядя... Вот когда я думаю о капитализме — что это такое, — вот именно я тебя представляю... У тебя только расчет, выгода, соображения...

Сечинский. А что изменилось? Только масштаб иной и денег меньше.

Капочка. Неправда, люди изменили свою психологию, перевоспитались.

Сечинский. Никто не изменил свою психологию! Чушь, обман! Я по себе вижу. Разве я, господа, перевоспитался? Меня двадцать лет утюжат, у меня морда перекосилась на сторону, а я все тот же. Только что помалкиваю в тряпочку. А в аккурат тот же. Даже я так скажу: еще того более ожесточился.

Капочка. Просто сознайся, дядечка, — ты не хочешь работать, хочешь жить праздно, паразитировать. Но наша жизнь не дает тебе этой возможности.

Сечинский. Что ты сказала?! Что ты, нахалка, сказала своему дяде?!

Матильда. Базиль!.. Ты разлагаешь девочку.

Сечинский (*неожиданно*). Предположим, не хочу работать. Не хочу протирать штаны. Меня более устраивают другие возможности...

Капочка. Вообще, дядя, я не буду с вами жить вместе. Вы... Вы...

Звонок за сценой. Сечинский вздрагивает. Матильда поправляет туалет. Капочка, всхлипывая, отходит к окну.

Сечинский. Вот, кажется, пришли.

В комнату входят Безносков, Курц и Туся. Сечинский с нескрываемым любопытством рассматривает посетителей. Безносков игриво поглядывает на ярко одетую Матильду. Потом переводит глаза на Капочку. Молодая девушка, видимо, весьма ему понравилась. Он приосанивается и старается обратить на себя ее внимание.

3

Туся. Скажите, это у вас... раздел комнаты?..

Сечинский. Эта комната, товарищ.

Матильда. Вот эту половину мы хотим взять себе. А эту... Вот так, в аккурат по этому трюмо и разделим...

Сечинский (*Матильде*). Погоди, не суйся... Вот так разделим...

Туся. Нельзя ли поставить стулья, чтоб мне вообразить?

Сечинский, Матильда и секретарь ставят стулья посредине комнаты.

Безносков. Видишь, какая у тебя будет славенькая комнатка. У-у, ты моя куколка!.. Эх, он пети гарсон...

Туся. Вот так мне очень нравится. И тебе, Ваня, будет отдельный вход — прямо, чуть что, на лестницу. И твоему секретарю будет удобно. Да, Курц?

Курц (*усмехнувшись*). Абсолютно удобно.

Безносков (*Тусе*). Я просил тебя. Не афишировать.

Туся. Как странно. Они все равно узнают. (*Подходит к Сегинскому, что-то спрашивает.*)

Безносков (*Сегинскому*). Так вот, товарищ. Это — одна моя, как говорится, родственница. Вы с ней и договоритесь. (*Целует руку Тусе, собирается уходить.*)

Сечинский. А мы почти что договорились.

Туся. Вы поезжайте. Я немного останусь. Посмотрю.

Безносов, томно поглядывая на Капочку, уходит. За ним идет секретарь.

4

Сечинский (*Матильде*). Все абсолютно ясно. Им комната нужна для встречи.

Матильда. Но он сказал — родственники.

Сечинский. Как я — папа Пий ХХ... И, кажется, не маленькая фигура, Матильда!

Туся. Напишите расписку. Вот деньги. А я пока позвоню по телефону.

Матильда. Стулик... Присядьте...

Туся (*по телефону*). Юлия? Ну, знаешь ли... да... совершенно с ума сходит... Изумительную комнату снял. Да... Нет, Юлия, это не голый расчет... Нет, я его по-своему люблю... Почему он неудачный блондин?.. Не скажи, он может нравиться женщинам. Он занимает большой пост... Это всегда женщине несколько...

Сечинский (*Матильде*). Слышишь?

Туся (*по телефону*). Да, конечно, я к нему отношусь не так, как к Сереже... Да, да, я и забыла. Сережа меня внизу ждет. Ну, прощай, целую... (*Сегинскому*.) Слушайте, нельзя ли там позвать... Там один молодой человек ожидает... В военной форме.

Сечинский. Капочка, ну-ка, смотайся вниз.

Капочка, вспыхнув, остается на месте.

Туся. Или, знаете, я его покричу в окно. (*Кричит.*) Сережа! Поднимись на минутку.

Матильда (*Сегинскому*). Боевая...

Туся (*снова по телефону*). Алло! Шофер? Пирогов? Мартынов? Мартынов, подай машину — Боровая, пять... Кто! Кто! Я говорю! Я!.. Вы нарочно не узнаете мой голос... Нет, это издевательство! Я на вас опять буду жаловаться товарищу Безносову. Он, кажется, уж раз вам сказал, чтоб вы узнавали мой голос. Второй месяц такая мотня... Ну, давайте. Только живей...

Во время телефонного разговора входит в комнату Сережа. У него искажается лицо, когда он слышит разговор Туси. Он нервно тербит свою фуражку. Капочка отворачивается к окну, украдкой поглядывая на Сережу.

5

Сечинский (*Матильде*). Ты слышала? Это — Безносос.

Матильда. Это какой же Безносос? Это который председатель этого, как его...

Сечинский. Ну да...

Туся. Сереженька, извините... Я задержалась... Сейчас поедem. Я вызвала машину.

Сережа. Зачем вы так разговариваете с шофером? Откуда у вас такой тон?

Туся. Вы опять меня пилить собираетесь? Лучше поглядите — вот это будет моя комната. Уютно, не правда ли?

Сережа. Как ты меня заставляешь страдать, Туся. Кажется, я... Я хочу с тобой серьезно поговорить... или мы...

Туся. Ну, ты мой дорогой мальчик...

Сережа, оглянувшись, видит Капочку. Он крайне смущается.

Капочка не менее смущена. На лице ее смятение и досада.

Сережа. Туся, пойдемте. (*Тянет ее к выходу.*)

Туся (*Сегинскому*). Итак, все в порядке.

Сечинский. Более чем в порядке, мадемуазель, Я буду бесконечно счастлив иметь вас своей соседкой.

Туся и Сережа уходят.

6

Сечинский (*сияя*). Ты понимаешь, что произошло?!

Матильда. Этот военный...

Сечинский. Ты дура! Да ты понимаешь ли, что за эти десять минут произошло? Матильда!.. Вот так же двадцать пять лет назад я держу газету в руках. Просматриваю справочные цены биржи... и вдруг вижу... что такое?.. Какая цена моим акциям? Не может быть!.. Они повысились в пять раз!.. В течение нескольких минут я был богат. Это был сон, сказка... Дрянные акции, купленные «на онколь»... Мог ли я думать?.. И вот сейчас, Матильда, у меня точно такое же ощущение...

Матильда. Да, но тут, Базиль... что ты можешь сделать? Товарищ Безносос, конечно, до некоторой степени... Но все-таки...

Сечинский (*вставляя цветок в петлицу своего пиджака*). А я еще не знаю, что я тут могу сделать, но мое ощущение меня никогда не обманывает. Я был как слепой щенок. Я не понимал, какую мысль мне подвести под современность, как оседлать мне это время. Боже ты мой! Теперь все ясно. Где была моя голова!.. (*Надевает халат, из шкафа вынимает новые брюки. Под халатом переодевается. Бросает в угол свои рваные штаны.*)

М а т и л ь д а. Я не понимаю тебя, Базиль.
С е ч и н с к и й. Да я еще не знаю, что я тут могу сделать. Может быть, он женится на Капочке...

К а п о ч к а. Вы спекулянт, дядя! Вы свои методы хотите внести и в нашу жизнь. Но тут ошибетесь. (*Уходит.*)

7

С е ч и н с к и й. А может быть, я понравлюсь его красотке...

М а т и л ь д а. Ты с ума сошел!

С е ч и н с к и й. Может быть, он увлечется тобой, Матильда...

М а т и л ь д а. Он так странно на меня посмотрел...

С е ч и н с к и й. А может быть, еще новый вариант. Он без меня ни шагу. Я — его ум, его рука... Плюс Капочка...

М а т и л ь д а. Но он, наверно, без ума любит эту свою Тусю... И, вероятно, у него жена...

С е ч и н с к и й. Объективных причин не бывает для серьезного делового человека. Современность требует обостренного ума. Не грубая сила решает сейчас вопросы. Не открытая война, а война ума — вот решение современных проблем. Английский полковник Лоуренс один, Матильда, один делал перевороты в странах... Так неужели же я не исправлю их жизнь так, как мне нужно!.. Его жена, тетя, дядя, любовница — это не вопрос... Мы отсеем их, как пыль... Мы...

М а т и л ь д а (*восхищенно*). Базиль!

С е ч и н с к и й. На плечах противника победители войдут в его крепость. Вот ключ к решению современной задачи на базе социализма...

М а т и л ь д а (*любясь Сечинским*). Базиль! Знаешь, ты мне сейчас напомнил прежнего Сечинского. Помнишь, когда мы с тобой сошлись... Тот же взгляд... Те же жесты. Ты помолодел на двадцать лет, мой дорогой!

С е ч и н с к и й. Матильда, мы богаты! Не то что богаты... мы не выкинуты за борт жизни.

М а т и л ь д а. Мой дорогой! (*Целует его.*)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА 1-я

1

Новая комната Туси. Ковры. Тахта. Камин. На тахте, с книгой в руках, спит Б е з н о с о в. Видно, что он заснул неожиданно, во время разговора или за уроком французского языка. Туся вертится перед зеркалом.

Туся (*напевает комическим голосом*):

В шесть часов к предмету
На свидание пришла.
Пять минут седьмого —
Его нет.
Я не стала ждать...

Безносков (*стонет во сне*.) О-ох...

Туся, поглядывая на Безноскова, подходит к телефону. Осторожно, чтобы не разбудить Безноскова, тихо говорит, набрав номер.

Туся. Сереженька? Придешь?.. Ну, на полчаса... Что противно? Что не можешь?.. Я тебе сказала: когда я вернусь из Парижа... Ну, иди к черту тогда!.. Ну, зайди, поговорим... Проводишь меня на спектакль... Ну да, уйду в семь...

Туся с раздражением бросает трубку. Ногой отодвигает стул, так что тот падает. От стука Безносков просыпается. В ужасе вскакивает с тахты. Бегает по комнате, выхватив из кармана револьвер.

Безносков. А? Что?.. Что такое?.. Кто тут?..

Туся. Ваня! Ваня, очнись!..

Безносков. Что такое?! А?.. Кто стрелял?..

Туся. Это стул. Стул упал. Никто не стрелял... (*Увидела револьвер*.) А-а!..

Безносков. Фу-у... Какой-то кошмар приснился...

Туся. Видишь, какой ты ненормальный. Ты, наверно, припадочный. (*Смеется*.) Ну, и трус же ты! Стул упал — вскочил, бегаешь — а, что, что такое, кто стрелял?.. Наверно, из эпохи гражданской войны что-нибудь тебе приснилось, да?

Безносков. Да нет...

Туся. Или как при царизме — тебе что-нибудь представилось. А правда, Ваня, что ты при царизме на каторге был?

Безносков. Да ну тебя!.. Ну, был...

Туся. Ну и что, не хотелось тебе ехать на каторгу?

Безносков. Да ну тебя с дурацкими вопросами... Конечно, не хотелось. Я и то им говорил: что вы меня-то, в самом деле... Как это странно...

Туся. Кому — им ты говорил?..

Безносков роется в шифоньерке. Что-то не находит.

Безносков. А где паспорта?

Туся. Ах, наши заграничные паспорта!.. Да вот они... Позволь, где же они?.. Ах да, вот они тут. В столе.

Безносков. Почему они не здесь, где я положил?.. Отвечай!

Т у с я. Это я... Я Сереже показывала. Он не верил.
Б е з н о с о в. Как Сереже? Значит, он опять у тебя был?
Т у с я. Да нет... Это тогда...
Б е з н о с о в. Врешь! Тогда паспортов не было. *(Дергает ее за руку.)*
Т у с я. Ну, ты не дергай! Не с баронессой имеешь дело. Тоже как развернусь...

Приоткрывается дверь. На пороге показывается мать Т у с и. Она знаками показывает, чтобы Т у с я побила Б е з н о с о в а по щекам.

Т у с я машет рукой, чтобы мать ушла. М а м а ш а скрывается.

Б е з н о с о в. Я тебе, дуре, говорил: не показывать паспорта никому! Мой паспорт на чужую фамилию — это политический секрет пока... Ворона в павлиньих перьях!.. Какому-то мальчишке... Сопляку... Ничтожному лейтенантишке...

Т у с я. Очень красиво так говорить про военных! Вот Сережа правильно сказал, что ты разложился.

Б е з н о с о в. Что? Что такое?.. Я разложился...

Т у с я. Да, Сережа говорит, что ты разложился... И теперь я сама отлично вижу: ты разложился!

Б е з н о с о в. Да как же вы смеете! Да я этому молокососу... Говори, что он еще тебе сказал?

Т у с я. Он сказал, что ты... как его... реставрируешь наихудшие капиталистические отношения к женщине... Что ты... Вообще не женился на мне. Ну, и мало ли что говорил...

Б е з н о с о в. Я тебя просил не связываться с этим нахалом.

Т у с я. Он далеко не нахал. И он лучше многих. И тебя в том числе. Тоже ты хорош! Я только молчала. Я все вижу — какой ты гусь! Что ты бегаешь за стенку к Сечинским? Капочку посмотреть? Или эта крашенная мадам своим бюстом заинтересовала? В довершение всего ты бабник! Очень мило.

Б е з н о с о в. Тусенька... Но это я просто так заходил. У-у, ты моя капелька!..

Т у с я. Тоже нашелся один такой... Еще смеет меня за руку дергать.

Открывается дверь. Снова появляется м а м а ш а.

2

М а м а ш а. Сначала, товарищ, зарегистрируйтесь с ней, потом и фордыбачьте. Какой в наше время рукосуй нашелся!

Б е з н о с о в. Опять она тут! Опять она мне на голову садится. Кажется, нарочно сняли комнату, чтоб она не смела присутствовать... Чтоб вашего духу не было!

Мамаша. Ты за горло не бери. Не на такую нарвался... Хочет мать и дочь разлучить. Кажется, сяду и поеду в комиссию советского контроля. Там не поглядят, что ты во дворе дома с детьми сымаешься. Людоед!

Безносков. Да я, мама, вам по-хорошему говорю. Спокойным тоном. Чтоб вы ушли. Вы меня до безумия доводите.

Мамаша. Вот на — ушла сию минуту. А кормить ты ее будешь? Зверь!

Туся. Мама, идите. Видите, с ним опять нехорошо.

Мамаша (уходя). Это какой-то живоглот, — все перья из меня вытряхнул. Истукан.

3

Туся. Вот уедем в Париж. Уж там мамы не будет.

Безносков. Через нее я припадочный делаюсь,

Туся. Вообще, я теперь сама вижу. Наши отношения далеко не идеальны... И мама тут и все... Если бы не заграничная поездка, я бы, кажется, с тобой разошлась... Единственно жалко — паспорта получили, столько хлопот... Читайте! Опять столько времени зря потратили.

Безносков (зитает). Эн петит... гар... гар... гарьсон...

Туся. Ей-богу, я с вами разойдусь. Уп — не может произнести. Уп!

Безносков. Кажется, я вам русским языком так и говорю — эн. (Усмехаясь и поглядывая на дверь, нарочно кричит диким голосом:) О-он... О-он...

Убегает перепуганная мать. Безносков хохочет, уткнувшись в книгу.

Туся. Мама, это он нарочно.

Безносков. Ничего, мамуля, еще не скончались. Еще танго за ваш гроб танцевать буду.

Мамаша. Провались ты совсем!.. Так нельзя... У меня невроз сердца.

В комнату, постучав, входит Базиль Сечинский, мамаша удаляется, надменно на него поглядев. Сечинский одет элегантно. Напомажен. Из кармана пиджака торчит модный платок. Движения Сечинского проворны, но сдержаны. Весь он — сияющий, молодой и даже в некотором роде великолепный. Он делает общий поклон, потом почтительно целует руку Тусе.

4

Сечинский. Только что от вашей супруги-с... Как вы и пожелали, Иван Петрович, передал товарищу Безносковой французский журнальчик. Они ожидают вас к обеду ровно к шести часам.

Безнос о в. Да это не спешно было — журнальчик. Это я так просто сказал. Чего вам было к ней ехать.

Сечинский. Напротив, сосчитал за особое удовольствие еще раз побывать в вашем доме. (Тусе.) А пропо, мадам... Что касается стенки, что чересчур, по-вашему, слышно от вас и от нас, то, по словам инженера, можно будет утолщить. Конечно, лично я не имею привычки слушать. Моя жена, Матильда, обладает абсолютным слухом, но в бытовом отношении — из пушки можете стрелять, она не услышит. Английское воспитание.

Туся. Ах, простите, мне на репетицию надо идти.

Сечинский (тихо Безносову). Так заскочите к нам, Иван Петрович? Капочка ушла, но она скоро вернется.

Безнос о в молча кивает головой. Сечинский, снова театрально поклонившись, удаляется.

5

Туся. А по-моему, жулик этот ваш Сечинский.

Безнос о в. И вовсе не жулик, а милый и сердечный человек. С ним душой отдыхаешь...

Туся. Ну, и цацкайтесь с ним. И заодно с Капочкой.

Безнос о в. У-у, ты моя куколка, моя желтенькая канареечка!

Туся. А идите вы к черту!.. На репетицию пошла. (Идет к выходу.)

Безнос о в. Тусенька, я тут подремлю. А потом и домой... Эн, эн пети гарсон...

Туся уходит, Безнос о в подходит к стене, прислушивается.

Занавес

КАРТИНА 2-я

Разделенная комната Сечинского. Великолепный Сечинский деловито ходит по комнате. У двери со шляпой в руках стоит Краюшкин.

1

Сечинский. Я вам говорю: Капочки нету. И скоро она не придет. Что она вам далась, я не понимаю. То вы вели себя как нахал, а теперь — Капочка, Капочка... Теперь Капочкой интересуется товарищ Безнос о в. Может быть, это вас устраивает? Стыдно-с, молодой человек! Неприлично!

Краюшкин. Вы, товарищ Сечинский, в человеке видите только одни гадости.

Сечинский. Я вижу в человеке одни гадости! Я вижу, что вы именно теперь мечтали бы на Капочке жениться. Видали, как лягушки скачут?.. Слушайте, не мешайте мне. Я вас как порядочного человека прошу. Я сказал: я вас с товарищем Безносовым познакомлю... Все!

Краюшкин. Вы второй месяц говорите — познакомлю, познакомлю... И все на точке замерзания.

Сечинский. Придет время — познакомлю.

Краюшкин. Видите, так-то мне ничего не надо от него. Просто, что за человек. Любопытно...

Сечинский. Любопытно и гром революции легче перенести... Хорошо, получите его.

Краюшкин (с усмешкой). Только не легко ли распоряжаетесь товарищем Безносовым? Капочка, может, и не захочет... быть его любимицей.

Сечинский. Она будет его женой! Как держава с державой я с ним породнюсь. Все!

Краюшкин. Тусю-то ведь...

Сечинский. А вот я вам говорил — займитесь Тусей. Увлеките ее в заоблачные дали... Не можете. Кишка тонка... Пару раз к ней заскочили — и все. А вот девчонку и сбросили бы со счетов.

Краюшкин. Вы думаете — все дураки, один вы чересчур умный. Вы этим и меня хотели со счетов скинуть. Только вам номер не прошел. Я вовремя спохватился.

Сечинский. Ну, хорошо. Дайте вашу руку. Я сказал: вы его получите — будете с ним знакомы. Не скажу — дружба, но вполне приличное знакомство. Даже, если хотите, на «ты». Только не мутите мне воду...

Краюшкин. Я всегда вас уважал, товарищ Сечинский.

Сечинский. Мне с вашего уважения не шубу шить...

Краюшкин. Только я думал — Туся и вдобавок его жена...

Сечинский. Ага, вспомнили. Жена... Вот где были главные бои за овладение высотами... Но ничего, молодой человек. Противник дрогнул. Кавалерия брошена во фланг. Танки наступают.

Краюшкин. Вы прямо Наполеон.

Сечинский. А случай трудный. Дама, как говорится, низменные инстинкты не признает. Говорю: измена со стороны мужа... Ноль внимания. «Разведитесь» — говорю... Куда там!.. Ему говорю: «Кругом вас безмолвное обожание, на что, говорю, вам неинтересная жена? Женитесь на хорошенькой». Куда там! Бойтся ее, как огня. Но, молодой человек...

Краюшкин. Ход нашли?

Сечинский. Не скажу — влюблена в меня, но, как говорится, уважает иль, может быть, еще нежней.

К р а ю ш к и н. Какие номера откальваете!

С е ч и н с к и й. Психологическое решение вопроса. Даме под сорок. Внешность — убийственная. Никаких мужских речей, кроме как с эстрады, не слыхала... Все!

К р а ю ш к и н. Очень, что ли, нехороша?

С е ч и н с к и й. Ну! Зеленую шляпу наденет, зонтик под бок — Клеопатра.

К р а ю ш к и н. Ну, и что ж теперь?

С е ч и н с к и й. Я так думаю — брак по любви. Уже сказал, что с женой развелся...

К р а ю ш к и н (смеется). Не женитесь же. Потом совестно будет встретиться.

С е ч и н с к и й. Стыд — не дым, глаза не ест... А может, и женюсь на месяце... Мне только из конюшни ее выгнать... Но не идет... Так, говорит, без брака сойдемтесь... Так, говорю, недостойно современности. Она говорит: никто не узнает... Я говорю: достаточно того, что я знаю, то-варищ, и то мне будет нехорошо... Хочет подумать.

В комнату входит М а т и л ь д а.

2

К р а ю ш к и н. Так я пойду, товарищ Сечинский.

С е ч и н с к и й. Ну, иди с богом. В другой раз приходи. Тогда будешь его иметь.

К р а ю ш к и н уходит.

М а т и л ь д а. Где Капа?

С е ч и н с к и й. Это я тебя хотел спросить: где Капа? Вскоре Иван Петрович может прийти, опять ее нету...

М а т и л ь д а. Ясно, он ей не нравится... Избегает.

С е ч и н с к и й. Все у меня хорошо. И только в собственном доме мне свинью подкладывают.

В стену стучат. С е ч и н с к и й стремительно подбегает к стене и стучит ответно. Знаками показывает М а т и л ь д е, что сейчас придет Безносов. М а т и л ь д а прихорашивается. Входит заспанный Безносов.

3

Б е з н о с о в. Последнее время мне почему-то кошмары снятся.

С е ч и н с к и й. Боже ты мой.

М а т и л ь д а. Может, грецкие орехи кушаете?

Б е з н о с о в украдкой от мужа посылает ей воздушный поцелуй.

М а т и л ь д а прижимает свою руку к сердцу.

Сечинский. Присядьте сюда, Иван Петрович. Матильда, выйдите на кухню. У нас с Иваном Петровичем мужской секретный разговор.

Матильда, кокетливо улыбаясь, уходит. Безносков снова посылает ей поцелуй.

4

Сечинский. Сейчас Капочка должна прийти. Мечтала повидаться с вами. И где-то задержалась.

Безносков (*показывая на шашки*). Может, пока реванш хотите?

Сечинский (*стремительно расставляя шашки*). Против вас я не игрок.

Безносков. Ну, ну, ну...

Сечинский. От счастья ходы путаю. Мог ли раньше думать, Иван Петрович, что буду играть в шашки с таким лицом.

Безносков. Ага, вот у меня и дамка вскоре...

Сечинский. Всем известно — от вас дамы без ума. Это что-то особенное, как вас женщины любят, Иван Петрович.

Безносков. Понимаешь, сам не знаю, что такое. Другие, Сечинский, красивей меня, умней...

Сечинский. Ну, насчет ума — положим, Иван Петрович, палец в рот вам не клади — откусите.

Безносков (*ласково*). Хороший ты человек, Сечинский, ну тебя к черту... Так я говорю: другие красивей меня, а бабы сами на меня глядят... А потом говорят, что я бабник.

Сечинский. А вы в глаза им плюньте, которые это говорят.

Безносков. Так-то подумать — а что другое есть привлекательное в мире? Сечинский, а?

Сечинский. А другого и нет ничего, Иван Петрович. Деньги... Если бы капитализм, между нами говоря...

Безносков. Нет, ты скажи: ну что еще? Ну, покушать. Ну, в оперу сходить... Знаешь, я последнее время «Травиату» люблю. Мелодичная музыка. И сюжет, хотя, черт его знает, мелкобуржуазный, но щекочет за нервы... (*Поет.*) «Ты забыл свой край родной»...

Сечинский. Славный у вас голосок, Иван Петрович. Не громкий, как у других, но тоже, как говорится, дает себя знать. Слышимость есть.

Безносков (*скромно*). Ну, какой там у меня голос!

Сечинский. Не скажите. Грудь хорошо развернута — вот вам и голос.

Безносков. Ну, грудь-то у меня не так уж хорошо развернута... Хотя звук голоса, может, и не оттуда идет, а?

Сечинский. Смотря как у кого. У одних из груди голос льется, а другие, как вы, поют брюшиной.

Безносков. Те тоже хорошо поют, да? Брюшиной...

Сечинский. И те и эти хорошо поют... А у вас не так даже голос берет за живое, как исполнение. Слух чуткий.

Безносков. Нет, слуха у меня нету, Сечинский.

Сечинский. Не скажите. Как «фа» взяли, так «фа» и есть. Это редко бывает. (Поет.) «Ты забыл свой край»... Видите?

Безносков. Вообще-то в детстве у меня был слух. В школьном хоре пел. И ничего... Хороший ты человек, Сечинский. Сам не знаю — к тебе как-то душа тянется...

Сечинский. А вы ее и пустите ко мне. Я ее и тово... приласкаю.

Безносков. Мне с другими порой неохота даже говорить. Избегаю. Ну, думаю, о чем с ними опять говорить? А с тобой, Сечинский, как-то спорко идет разговор... Ты что, беспартийный?

Сечинский. Увы! Ранее того мечтал включиться. Звали. И поухудеть отчасти хотелось на работе... Ну, и мировоззрение, конечно, толкало... Потом как-то так... Рекомендацию одну не сыскал.

Безносков. Это жаль. Тебе каждый должен дать рекомендацию, — ты смиренный человек.

Сечинский. Мог ли я думать, Иван Петрович?.. Эвон, глядите, у вас еще и вторая дамка...

Безносков. Где? Верно, чуть не проворонил.

Сечинский. Вы простодушный, открытой души человек, вот что я вам скажу. Часто не видите того, что бывает... Вот разрешите сказать как на духу...

Безносков. Ну, говори, Васо...

Сечинский. Конечно, это не мое дело, Иван Петрович. Но, как говорится, пламенное чувство к вам заставляет меня раскрыться... Туся... Хорошая, дельная особа. Но зачем вы, Иван Петрович, позволяете посещать ее молодому человеку? Ай, как это нехорошо!

Безносков. Что ты говоришь? И часто он ее посещает?

Сечинский. А почти он ежедневно ее посещает. Только вы не волнуйтесь, товарищ Безносков. Ну, посещает, это, может быть, каждую особу принято посещать.

Безносков. Ну, я их...

Сечинский. Вы нарочно заскочите сегодня в шесть тридцать. Они в аккурат, когда вы отобедать ходите, встречаются. Вот и убедитесь в справедливости моих слов. Конечно, убивать их не надо, Иван Петрович, но выгнать и того и другого — вот, как говорится, ваша прямая задача.

Безносков. Ну, я их...

Сечинский. Заскочите, будто что-нибудь позабыли... И, как говорится, выясните, зачем он ходит... Ну, некрасиво, Иван Петрович, что он к ней ходит. Она живет с таким порядочным лицом... Ну, зачем она еще к себе его пускает. Я болею за вас душой...

Безносов. Ах, вот как они!..

Сечинский. А пропо, Иван Петрович, к ней еще и другой ходит.

Безносов. Врешь!

Сечинский. Если вру — велите мне выколоть глаза... Конечно, он изредка ходит, но все-таки, как говорится, тоже ходит...

Безносов. А он зачем ходит?

Сечинский. А пес его знает, зачем он ходит... Это Краюшкин. Того вам тоже не надо трогать, а поугаать его следует. Прямо скажите, что хвост ему оторвете, если он еще раз осмелится заскочить... Только воду мутит... Да вы погодите уходить, Иван Петрович... Сейчас, может, Капочка придет...

Безносов. Нет, я пойду, Сечинский. Я заскочу в шесть тридцать. Вот они как...

Сечинский. Прямо на вас лица нет. Ну, как я вас пушу!.. Матильда! Иван Петрович уходит. Попрощайтесь.

Приходит Матильда. Церемонно и кокетливо прощается.

Безносов уходит.

5

Сечинский. Все великолепно, Матильда. Туси уже как бы не существует. Остальные на очереди. И вот только Капочка у меня вола вертит. Ну, погоди, я ее возьму в руки...

Матильда. Ей этот военный чересчур нравится. И пусть ее, Базиль. Ивану Петровичу, может быть, уже другая женщина тем временем понравилась... (*Прихорашивается.*)

Сечинский. Все сегодня решу! Не могу больше откладывать... Взрывы начались... Танки наступают... Противник бросает оружие... А ну, иди, Матильда. Принеси покушать...

Матильда. Ай, ну что ты задумал, Базиль?! (*Уходит.*)

6

Сечинский (*по телефону*). Товарищ Безносова?.. А-а, солнышко мое... Не узнал вас... Слушай, душка, вот какая картинка... Более не в состоянии ожидать. Как говорится в романсе: «Умоляю, отвечай скорей, ты согласна ль быть навек моей. Если только мне ответишь да, — всех счастливей буду я тогда...» Нет, правда, душка, прошу тебя — скажи окончательно... Ну, по некоторым соображениям мне надо сегодня

знать... Ну, что думать-то... Ну, хорошо. Позвони вечером... Ну, пламенный привет, Муся! С трепетом жду звонка... (*Потирая руки, отходит от телефона. Потом снова, усмехаясь и фыркая, подходит к аппарату. Говорит.*) Краюшкин. Сейчас только говорил о тебе с Безносковым... Интересноется тобой... Если хочешь, заскочи к ним около семи. Принеси букетик. Оденься почище. Ну, что мне тебя учить!.. Все! (*Отходит от телефона, давась от смеха.*)

Занавес

КАРТИНА 3-я

Комната Тус и. На тахте сидит зареванная Тус я. По комнате ходит Сер е ж а. С жалостью и огорчением поглядывает на Тус ю.

1

Сер е ж а. Я не так смотрю на жизнь, как ты. Мне неприятны, оскорбительны твои отношения с этим человеком.

Тус я. Я разойдусь с ним... Пойми, глупо же сейчас с ним разойтись. Вот вернусь из Парижа... Тогда целиком буду твоя...

Сер е ж а. Не в этом дело. Откуда у тебя, у простой, милой девочки, такой яростный расчет? Ну, еще раньше, при буржуазном строе, это в какой-то мере естественно было. А сейчас это видеть отвратительно.

Тус я. Значит, ты хочешь, чтоб я сейчас с ним разошлась и никуда бы не поехала? Очень мило!

Сер е ж а. Не в этом дело. Я ничего не хочу.

Тус я. Очень мило — ничего не хочу.

Сер е ж а. Да, ничего не хочу. Надо положить этому конец.

Тус я (*ревет*). Замечательно...

Сер е ж а. Я же тебя очень любил, дурочка. Но я привык идти к точной цели. Должно быть все ясно, определенно... А с тобой я теряю самого себя. Я становлюсь больным, неврастеником, решаю, перерешаю... Не хочу больше...

Тус я. Ну и ступай к черту, если болеешь...

Сер е ж а. Тут я с ума сойду... Знаешь: Чернышевский когда-то сказал, что люди не от мировых вопросов топятся, стреляются или сходят с ума, что поэзия сердца имеет такие же права, как и мировые вопросы... Но в наше время это все-таки не так... Личная жизнь ниже тех идей, которые осуществляются. У нас слишком много дел и обязанностей перед народом и государством, для того чтобы расценивать свою личную жизнь выше всего или даже одинаково.

Тус я. Что ты хочешь этим сказать?

Сережа. Я хочу сказать, Туся, что мы с тобой разошлись, хотя я, кажется, тебя еще люблю. Пусть лучше моя жизнь принадлежит народу, чем женщине, которая, я чувствую, уводит меня куда-то в сторону... Я пробовал на тебя влиять, — безрезультатно.

Туся. Очень мило!

Сережа. Но с ним ты должна разойтись. Не ради меня. А потому что... потому что он... Ну, что из того, что он занимает какую-то большую должность? Правда, я раньше думал, что чем больше человек, тем он светлей, лучше... Это его отношение к женщине... Этот гнусный тон... Чванство... Это отвратительный человек... Конечно, на работе он, вероятно, иной. Передовицы произносит... Сколько мы знаем прохвостов, которые так маскируются, что и лица их никогда не увидишь. И только дома, в семье, с женщиной, они немножко раскрываются, чтобы не задохнуться... Это не настоящий человек, Туся... Это не коммунист... Даю тебе слово.

Туся. Ну да, ты еще скажешь! Он с тринадцатого года на каторге...

Сережа. Ну, не знаю... Как хочешь... Ну, прощай. Извини меня... *(Собирается уйти.)*

Туся *(обнимая его)*. Мой дорогой мальчик...

Открывается дверь. На пороге появляется Безносоев. Мамаша пытается задержать его в дверях. Безносоев отстраняет ее и входит в комнату. Он взбешен. Глаза его сверкают. Кулаки сжаты. Он входит глубже в комнату, пожирая глазами любовников.

2

Безносоев. Вот как! Вот какие отношения, негодяи!

Сережа. Тихо!

Безносоев. Это кто, я разложился?! Мальчишка! Это ты осмелился ей сказать, что я разложился? Я, который...

Сережа. Вы, который. Да, это я сказал, что вы разложились. И мнения своего не изменил. Ваше отношение к женщине...

Безносоев. А твое отношение к чужой женщине, щенок...

Сережа. Без оскорблений, иначе...

Безносоев. Что иначе?.. Да я... *(Отталкивает стул ногой, так что стул падает.)*

Туся. Ваня!

Сережа. Туся, погоди. Меня даже не оскорбляет его бред. Еще более я вижу, что это за человек.

Мамаша *(в дверях)*. Ой, молодой человек, это такой фрукт, такой... Арестуйте его...

Безносоев. Уйди, старая балаболка!

Мамаша. Все слышали, как он сказал? Я всех прошу быть свидетелями.

Туся. Мама!

На шум и крики приходит Сечинский. Он несколько встревожен. Входит с осторожностью, озираясь и стараясь тотчас определить положение дел.

3

Сечинский. Иван Петрович! Не волнуйтесь... А вы, молодой человек, в чужом доме... Стыдно-с, такую завируху подняли.

Сереза. Туся, я тебе все сказал. Прощай... И помни, что я посоветовал тебе относительно этого господина...

Безносков. Что?! Что ты сказал?!

Сереза. Да, в отношении этого господина, который в нашей жизни более опасен, чем...

Сечинский. Но-но... молодой человек!.. С кем говорите... Товарищ Безносков, может, милицию позвать?

Безносков *(неожиданно спокойным тоном)*. Товарищи, я прощаю его. Человек ослеплен ревностью... Конечно, я бы мог его... Уходите... Вы!

Сечинский. Но-но, молодой человек...

Сереза. Ну прощай, Туся... *(Уходит.)*

Туся. Сережа! *(Хочет бежать за ним. Безносков хватается ее за руку.)*

Мамаша. Молодой человек!.. *(Бежит за ним.)*

Сечинский. Иван Петрович, пустите ее. Пусть и она идет по зову своего сердца... Ну вот, чего вы ее задержали?.. Теперь лишняя канитель...

4

Безносков. А! Каков гусь?

Сечинский *(ханжески)*. Современная молодежь.

Туся. Вот из-за вас меня Сережа бросил.

Безносков. Ах, бросил! Я с тобой еще поговорю... Нет, каков гусь, а?

Туся. И мне на спектакль надо идти. Куда я такая зарёванная пойду. *(Одевается.)*

Безносков. Ну, я жалею, что я его...

Сечинский. Какой нашелся особенный, — разложились, говорит, пятое-десятое...

Безносков. Я покажу ему, как я разложился... Я его, тетку его за ногу...

Сечинский. Двусмысленные слова бросает вам в лицо. Ну, что это?! Какие неприятности от них терпите.

Безносков. Еще бы немножко, и я бы его...

Стук в дверь. На пороге показывается сияющий Краюшкин с букетом цветов. Туся оторопело на него смотрит. Безносков начинает дрожать от негодования. Сечинский неопределенно пожимает плечом.

5

Краюшкин. Разрешите войти...

Туся. Ах, я ухожу... ухожу... Мама! *(Выбегает из комнаты.)*

Безносков. Это кто?.. Это что?..

Сечинский. А это Краюшкин, тот, что я вам говорил, Иван Петрович. *(Тихо.)* Следующий номер нашей программы... Этого только немного попугайте, — видите, у него и без того мандраже.

Краюшкин. Пардон... Кажется, я... не совсем вовремя.

Безносков. А ну, зайди сюда с цветками.

Сечинский. Не бойтесь, товарищ Краюшкин. Зайдите сюда на минуточку. *(Тихо.)* Не угадали мы с вами, сегодня безумствует.

Безносков. Что, цветки дарите! *(Выхватывает букет, бросает его об пол, подкидывает ногой.)* Разложились, тетку вашу за ногу!

Краюшкин. Извиняюсь... Мне товарищ Сечинский...

Сечинский. В аккурат про него, Иван Петрович, я вам и говорил, — мечтает сблизиться с вашим домом.

Краюшкин. Разрешите, я тогда в другой раз зайду...

Безносков. Я тебе зайду в другой раз, тетку твою за ногу!

Краюшкин. Ну, спасибо, Сечинский!

Сечинский. Какая неувязка, товарищ Краюшкин...

Безносков. Чуть отвернешься — копытами землю роют...

Сечинский. Иди, иди, Краюшкин. Видишь — тронулся... Я тебя в другой раз... Еще будет время...

Безносков. Всех уконтропуплю!

Краюшкин скрывается за дверью.

6

Сечинский *(смеется)*. С цветами вкатился... И смех и грех...

Безносков. Да я их двоих...

Сечинский. Прилягте на оттоманку, товарищ Безносков... Аж вспотели.

Безносков. Я их всех, мать их за ногу...

Сечинский. Ай, ей-богу... И смех и грех... Видите, Иван Петрович, какой компот вам девчонка устроила.

Безносков. Я ее...

Сечинский. Вот и бросьте ее...

Безносков. А-а? Нет, зачем я ее буду бросать...

Сечинский. Обязательно бросьте. Как же можно... Такой напористый у нее дружок... Чуть что — вставит вам перо.

Безносков. Ну, как же так он вставит мне перо! Что ты, Сечинский!

Сечинский. А так: возьмет и вставит. И ахнуть не успеете.

Безносков. За что же он мне перо-то вставит? Что ты!.. Возьми мою жизнь — увидишь, что это такое. За что он мне может перо вставить?

Сечинский. Раз он так сказал — разложились, опасны, — ну, обязательно вставит... Такие ревнивцы и не на то способны...

Безносков. Разве он так сказал?

Сечинский. А как же! Так и сказал. Чересчур, говорит, опасны для современности. Всех, говорит, их надо пришить к делу...

Безносков. Хм...

Сечинский. А зато как Тусю оставите, он враз обмякнет и перестанет беспокоиться.

Безносков. Хм... Это верно.

Сечинский. Уж так верно, что вернее и быть не может. Начнет во внутренностях копать. Пятое-десятое. А то и соврет — недорого возьмет. А потом доказывайте, что вы не верблюд.

Безносков. Тогда я ее брошу, Сечинский.

Сечинский. Ну, ясно. Для вас это чересчур опасная связь. Может быть, и кошмары у вас от этого снятся.

Безносков. Ну да, и кошмары у меня от этого снятся... Нет, позволь... Позволь... Зачем же я ее брошу? Он же с ней расстался. Зачем же я тогда...

Сечинский. Сейчас расстался, а завтра обратный ход и опять вам перо вставит.

Безносков. Да, тогда я ее брошу.

Сечинский. Вот и молодец! Прилягте на диванчик. Отдохните... А я за Капочкой смотаюсь. Она тут у своей подруги. *(Уходит.)*

7

Безносков *(один)*. Ай, ну что это такое!.. Какой неудачный день... Нет... я ее обязательно брошу... Прохвост какой! Я его, тетку его за ногу... Нет, и мама ее — ну ее к лешему! Пикнуть не дает... Нет, я их всех обязательно брошу. *(Стук в дверь. Безносков не без страха вскакивает с оттоманки.)* А? Кто?

Входит Матильда.

8

М а т и л ь д а. Ах, Базиля уже нет?

Б е з н о с о в (*оживляясь*). А ну, зайдите, зайдите... Зайдите сюда.

М а т и л ь д а. А где же ваша любовь — мадмазель Туся?

Б е з н о с о в. Разошлись, как в море корабли... То ее мамаша, то теперь этот за икры кусает... Я гляжу на вас, товарищ Матильда, и буквально испытываю головокружение.

М а т и л ь д а. Иван Петрович!

Б е з н о с о в. Некоторым нравятся худошавые. Лично я про себя этого не сказал бы... Конечно, юность очаровательна... Но и вы еще, так сказать, в своем естественном виде.

М а т и л ь д а. Когда вы в первый раз пришли, мне показалось, что я вам понравилась, да?

Б е з н о с о в. Когда в первый раз? Ах, в первый раз... Да, тогда тоже как будто понравились... Разве вы были тогда, в первый раз? Ах да, были... Да, и тогда очень понравились, исключительно...

М а т и л ь д а. Ну, говорите, говорите... (*Обнимает его.*)

Входит С е ч и н с к и й, потирая руки. Он несколько озадачен картиной.

Не знает, что предпринять. Откашливается.

9

Б е з н о с о в. Ах, это ты, Сечинский!

С е ч и н с к и й. Ничего-с! После двадцати лет не ревнив. Прикажете уйти?

Б е з н о с о в. Ну ладно, уйди!

М а т и л ь д а. Базиль, я тебя искала. Где Капочка?

С е ч и н с к и й. Капочка сюда идет.

Б е з н о с о в. Ах, Капочка идет? Боже мой, я в таком жутком виде... (*Берет полотенце, мыло, идет в ванную.*)

С е ч и н с к и й (*Матильде*). Что это вы, сударыня, вылазку произвели! Вы мне делов не напортите... Только как резерв существуете... Если Капочка, как говорится...

М а т и л ь д а. Базиль, это дело его... Он пусть сам... Ах, вот Капочка... Пожалуйста...

Входит Капочка. Матильда уходит с надменным видом.

10

К а п о ч к а. Дядя, я не понимаю, о чем мне с ним говорить?

С е ч и н с к и й. Без глупостей. Силой тебя никто не заставляет. Но если он хочет сделать тебя своей женой, то почему бы и нет?

Капочка. Но я не люблю его. Он мне не нравится. Да я просто не хочу идти за него замуж.

Сечинский. А, черт! Все хорошо и только в собственном доме собачья чепуха! Не люблю, не нравится... А что, ты своего лейтенантишку сумела обворожить? Он плюет на тебя.

Капочка *(вздыхает)*. Он...

Сечинский. Ты безмозглая дура. А будь ты женой товарища Безносова, тот же лейтенантишка перед тобой в лепешку бы разбился...

Капочка. Нет, он...

Сечинский *(вдохновенно)*. Тогда он первый к тебе придет. Или ты думаешь, он за Тусей так, здорово живешь, ходит? Ясно — Безносов. Все продается. Весь мир — кабак, люди — свиньи... Ты еще слишком молода, чтобы видеть мир таким, какой он есть. Ты еще фантазируешь вместе со своей молодежью. А я знаю, поверь... Поседел на этом...

Капочка. Дядя, нет...

Сечинский. Ах, нет! А этот, например, твой дурак, Краюшкин, шьется у Туси тоже, по-твоему, так? Дуреха! Выгода, расчет, соображения — вот на чем свет держится... Молодежь... Идеалисты... Слунтяи...

Капочка. Дядя... Неужели так... дядя...

Сечинский. А будь ты женой Безносова — все у твоих ног лежали бы... А уж за твоего лейтенанта ручаюсь...

Входит Безносов.

11

Безносов. Пardon, что я с полотенцем и с мылом.

Сечинский. Ничего, тут все свои... Вот Капочка мечтала с вами поговорить.

Безносов. Весь я к вашим услугам, Капитолина Григорьевна.

Капочка. Я не знаю, о чем говорить...

Сечинский. Сядьте, друзья, поуютней. Побеседуйте. Мысли сами собой приходят. Чувства из ничего возникают. А я, как говорится, был и весь вышел.

Безносов и Капочка усаживаются на тахту. Сечинский на цыпочках идет к выходу, потирая руки. Неожиданно открывается дверь, и порог переступает неизвестная женщина в зеленом берете и с зонтиком. Это жена Безносова — Муся. Она некрасива и нескладна. Одета чрезвычайно безвкусно. Сделав шаг в комнату и не увидев мужа и Капочку, которые скрыты от нее ширмой, Муся счастливо улыбается Сечинскому.

12

Муся. Товарищ Базиль... Слушай, я решила... Ты что — один? Я не хотела тебе звонить... Я сама, как видишь, пришла...

Сечинский. Товарищ Безносова... Муся... Вот же тут... Слушайте... *(Показывает рукой на ширмы.)*

Безносов, совершенно ошеломленный, сидит без движения.

Капочка в смятении закрывает лицо вязаным платком.

Муся *(еще не понимая, в чем дело)*. Слушай, еле тебя нашла. И то какая-то толстая дура, тут рядом, показала, где ты... Базиль, так я исчерпывающе все продумала. Пусть будет так, как я сказала. А развод, этично, неэтично — это все интеллигентская философия на мелком месте...

Сечинский. Муж... Муж-уж...

Безносова входит глубже в комнату. Видит мужа и Капочку, прикрытую платком.

Муся. А-а... Вот оно что!.. Под сирень пошли... Хорош... А эта...

Сечинский. А пропо, товарищ Безносова... Вы же находились в курсе дела... Пусть его, говорили... Не ревнуете... А потом это не та, которая... а эта...

Муся. А эта!.. *(Сдергивает платок с Капочки.)* Я не ревнива. Но я ему, подлецу, сказала: я ничего не должна знать. А если теперь эта мерзавка на моих глазах...

Капочка убегает из комнаты.

13

Безносов. Мусенька... Ты же сама вошла...

Муся. А ты хотел, чтоб я не входила?

Сечинский *(Мусе)*. Я вам говорил — разведитесь.

Муся. Ну, нет. Теперь я ему не разведусь... Ах, скажите, пожалуйста, мещанский уют... абажурчики... кушетка... *(Сегинскому)* Это что — твоя комната?.. Уступил на время?.. Молодец!

Сечинский. Товарищ Безносова, что вы! Это Ивана Петровича комната... Разве я посмел бы...

Муся. Ах, его комната? Новость... То есть как это его комната?

Безносов делает предостерегающие жесты и моргает глазами, как бы прося Сечинского не распространяться о комнате.

Сечинский. То есть, вернее говоря, комната — ее... Поскольку Иван Петрович сняли ей эту комнату.

Безносов умоляюще прижимает руки к сердцу — просит, чтобы Сечинский не касался этого вопроса. Но Сечинский, видя неожиданный эффект, усиливает нажим.

Муся. Что? Он ей... он комнату ей снял?

Безнос о в. Мусенька... Это я...

Сечинский. Я не понимаю, товарищ Безносова, чего это вас так берет за живое... Почему бы Ивану Петровичу не снять ей комнату? Девушка сама не может. А тут, как говорится...

Безнос о в. Мусенька... Видишь ли...

Мус я. Так он, может быть, ей еще оплачивает?! Может, подарки дарит этой фее?

Сечинский. Ну, а что в том, товарищ Безносова?.. Если, как говорится, мужчина... чего-нибудь такое...

Безнос о в. Мусенька...

Мус я. Ты что ж, свинья, делаешь со мной? Мне в ничтожном отказываешь, а тут деньги сыплешь!..

Безнос о в. Мусенька...

Сечинский. Товарищ Безносова, надо снисхождение понимать... Мужчине под пятьдесят лет... Как говорится, требуются добавления к дефектам...

Безнос о в. Мусенька...

Мус я. Нет. К черту! Уйти!.. Зарыться с головой в работу...

Сечинский. Многие уезжают в таких случаях, и им значительно легче бывает в пути...

Мус я. Уехать к черту на рога! Чтоб эту харю не видеть...

Безнос о в. Мусенька...

Мус я. Ты! Свинья!.. Свободен. Временно буду находиться на городской квартире... Можешь жить на даче... Никаких звонков.

Сечинский. Все!

Безнос о в. Мусенька...

Мус я. Товарищ Базиль. Позвони мне завтра...

Сечинский. Все! Будет исполнено, товарищ Безносова.

Мус я уходит.

14

Безнос о в. Мусенька...

Сечинский. Возьмите себя в руки... Некрасиво так распускаться. Вы — мужчина.

Безнос о в. Мусенька!.. Эн, он пети гарсон...

Сечинский. Ай, не канючите... Так все хорошо обошлось.

Безнос о в. Где же хорошо обошлось...

Сечинский. Очень даже хорошо, великолепно обошлось. Что вам об этом горевать! Другой, что ли, не найти? Тусю и Мусю в сторону — и, как говорится, свободный мужчина, делай, что хочешь, хоть на голове ходи...

Безнос о в *(плагущим тоном)*. Ах, да! А Туся!.. И Туси нет... Ай, ну что же это, Сечинский?

Сечинский й. Вот и хорошо, что ее нет.

Безнос о в *(капризно)*. Ну, как же это так, Сечинский? Так все было интересно, весело. Вдруг, здравствуйте, — двоих нет.

Сечинский й. Ей-богу, честное слово, какой вы занудистый человек. Так все благополучно кончилось... Ни один из нас даже по мордасам не схлопотал... А вы все недовольны.

Безнос о в *(робко)*. С Тусей я бы помирился, Сечинский, а?

Сечинский й. Опять двадцать пять. Вот он вам враз перо и вставит, если помириться.

Безнос о в *(плагущим тоном)*. А жена?.. А с женой тогда чего же я разошелся? Если и Туси нет...

Сечинский й. С женой?

Безнос о в. Ну да. Чего же я тогда с женой разошелся?

Сечинский й. С женой-то? Уж я и не помню, из-за чего вы с ней разошлись. Ах, да! Ведь она же вас бросила. Вот почему вы с ней и разошлись.

Безнос о в. Может, она это так сказала, сгоряча?

Сечинский й. Ну да, так. Она же вас застучала на месте преступления. Вот и бросила. Ясно, как апельсин.

Безнос о в. Да, но она меня не с той же застучала, Сечинский.

Сечинский й. Как не с той? Ах, верно, не с той... *(Смеется)*.

Безнос о в. Я же не с той был, а с этой. Туся же на спектакль ушла. Чего же я тогда, как дурак, с женой разошелся? С этой же я первый раз сижусь...

Сечинский й. Ай, ей-богу... Смех и грех с вами. Верно, что не с той... Какие бывают накладки, Иван Петрович! Вот вы бы ей и сказали, что не с той... Что ж вы молчали?.. Сидели, как тюфяк... Мусенька, Мусенька... А по существу вопроса ничего дельного ей не сказали. Вот Мусенька и вставила вам перо. А теперь уж поздно.

Безнос о в. А Туся?

Сечинский й. Что Туся? Ну, говорите — что Туся? Опять двадцать пять...

Безнос о в. Ай, ну что я буду делать?

Сечинский й. А дело для вас найдется. И поженим вас. И, как говорится, в Крым пошлем. И я с вами поеду. На курорт. А то нервная система у меня тоже, как говорится... Ну, поздравляю! Будьте молодцом. Поезжайте теперь с богом на дачу. Оденьте кепочку... И без глупостей.

Безнос о в. Или мне на городскую квартиру заехать, Сечинский?

Сечинский. Опять двадцать пять... На дачу! И завтра я к вам заеду... Матильда, попрощайся. Иван Петрович уходит.

Приходит Матильда. Церемонно и кокетливо прощается.
Безносов, пошатываясь, уходит.

15

Сечинский (*взволнованно*). Ну вот, ты говорила — Туся, жена, дядя, тетя... Как пыль все исчезло... Вот теперь мы имеем чистую человеческую единицу, лишённую каких-либо посторонних посягательств.

Матильда. Вот видишь...

Сечинский. Где была моя голова?! Так все просто. Те же люди, как и не я... Те же чувства, те же мысли, те же страсти... Чего же я раньше их боялся, этих, как говорится, представителей нового мира...

Матильда. Я тебе говорила — и при советской власти можно жить.

Сечинский (*торжественно*). Семнадцатого июня тысяча девятьсот тридцать седьмого года в лице товарища Безносова дан бой... Матильда, а вдруг он... Нет, нет, нет, нет!.. Обыграл советскую власть!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА 1-я

Большая комната с верандой на даче Безносова. Безносов в пижаме сидит за письменным столом — подписывает бумаги. Секретарь Курц, вынимая бумаги из папки, молча подкладывает их Безносову. Несколько в стороне скульптор лепит из глины голову Безносова. Тут же вьется Сечинский, с интересом поглядывая на работу художника.

1

Сечинский. То есть как две капли воды, Иван Петрович... Ох, здоров лепить!

Безносов. Лепит ничего. Только нос там меня опять что-то не удовлетворяет... (*Курцу*). Все, что ли?

Курц молча кивает головой, складывает бумаги, уходит.

Сечинский. И носик ничего — как живой... Интересно, если б он меня слепил, что получилось бы, а? Иван Петрович, для потехи...

Безносов. Ну, ну, еще чего... Покажи список гостей — сколько там их?

Сечинский (показывает список). Как указали — восемнадцать гостей.

Безносков. Ай, это много. Это не день моего рождения, не официальные именины...

Сечинский. Только самых близких и необходимых, Иван Петрович... Пять с вашей стороны, тринадцать — мои. Среди них два актера, писатель и одна, как говорится, певичка.

Безносков. А ученые? Ученых опять нет.

Сечинский. Вот ученых нету. Давеча один ученый обещал зайти, но, как говорится, ослаб и не может зайти. Он записку прислал с выражением своих пламенных чувств.

Безносков. А писатель какой? Опять, наверно, неизвестный или какой-нибудь замухрышка, которая в союзе не состоит.

Сечинский. Для некоторых, конечно, он неизвестный, Иван Петрович, ну, а для некоторых, и в том числе для вас, отчасти известный... Это Краюшкин. В союзе не состоит, но пишет художественную штучку: «Буря на Каспийском море»... Мечтает вам почитать, чтоб узнать ваше мнение.

Безносков. Ага. Ну, пес с ним... Пусть потом почитает... Там что — опять, говорят, моя жена заходила? Что ты мне об этом не сказал?

Сечинский. А что говорить. Заходила ваша бывшая половина. Заходила и, как говорится, ушла.

Безносков. Что же она заходила?

Сечинский. Ну, заходила... Ох, едкая бабенка, Иван Петрович! Вы должны судьбу благодарить, что с ней не живете. Уж если она меня чуть живьем не проглотила, воображаю, какие бы лепешки она с вас напекла!

Безносков. А что она — грозила?

Сечинский. Зачем грозила. Покричала и ушла... Тусина мама — вот та грозила.

Безносков. И эта опять заходила?

Сечинский. И та и эта заходила. Обе заходили... Вот старушка, Иван Петрович, как говорится, божий одуванчик, а тоже, понимаете, стремится в рыло дать.

Безносков. Ну, Тусина мама — это, знаешь...

Сечинский. Я так скажу, Иван Петрович, — это грубая старуха, недостойная войти в бесклассовое общество. Что это такое, Иван Петрович? То есть каждый норовит проехаться по морде. Я прямо не понимаю. Кажется, никого не трогаешь, живешь чинно, смиренно... Чуть что — здравствуйте, — я ваша тетя...

Безносков (смеется). А ты что, и от этой схлопотал?

Сечинский. Нет, не схлопотал от нее, конечно, но тоже, понимаете, сует руку... Вам хорошо смеяться, Иван Петрович, а мне за вас отдувайся.

Безносов *(смеется)*. Ах ты, черт!..

Сечинский. Ну, что вас разбирает?

Безносов *(сквозь смех)*. Ну, и что же старуха при этом сказала?

Сечинский. Ну, ругается, как мужчина... Про вас сказала... только не могу повторить что...

Безносов. Ну?

Сечинский *(смеется)*. Мозгляк, сказала. Что вы мозгляк, Иван Петрович... Ай, ей-богу!.. Какие бывают каверзные старухи... И смех и грех мне с вами, Иван Петрович...

Безносов. Я ее, тетку ее за ногу!..

Сечинский. Ай, ей-богу!..

Входит Матильда, наряженная и завитая.

2

Матильда. Вы что же еще не одетый-то, Ванюша? Базиль, ты что же его заговариваешь!.. Воркуют, как голубки. Уж гости могут прийти, — к пяти звали. *(Расставляет стулья. Покрывает скатертью столик. Снова уходит.)*

Безносов. Ох, верно, надо приодеться. *(Уходит.)*

Сечинский *(скульптору, который уходил во время разговора и снова пришел)*. Как-нибудь слепите мне ну хотя бы маленькую головешку. Охота мне на себя посмотреть.

Скульптор. Уж, право, не знаю...

Сечинский. Ну что вам — жалко глины!.. Слепите, ей-богу, для потехи.

Курц *(приоткрыв двери)*. Послушайте, там вас, что ли, спрашивают.

Сечинский. Меня? Пусть войдут.

Сечинский с важным видом усаживается за стол Безносова. Делает вид, что пишет. В комнату входит домуправ Попугаев. Он останавливается у двери. Почтительно смотрит на Сечинского.

Сечинский принимает вид крайне занятого человека.

3

Попугаев. Явились, товарищ Сечинский...

Сечинский. А-а... Это ты, Егорыч... Минуточку... Сейчас запишу тут одну штуковинку... Да ты подойди к столу. Присаживайся. Не бойся... Кури папироски.

Попугаев. Не тревожьтесь, товарищ Сечинский...

Сечинский. Я тебя пригласил, друг ситный, по одному скоромному делу... С вашего дома одно лицо обратилось до меня с покорнейшей просьбой походатайствовать за высланного гражданина Рябцова. Что ты можешь по этому вопросу сказать в свое оправдание? Знаешь ли такового?

Попугаев. Рябцова. Действительно верно, — Рябцов жили в седьмом номере, товарищ Сечинский...

Сечинский. Что он — контрик, или 'он по хулиганству? За что его сняли?

Попугаев. Вот это не могу знать, товарищ Сечинский.

Сечинский. Это жаль. Те говорят — контрик, наоборот, — имеются данные — по хулиганству. А это нам с Иваном Петровичем неинтересно. Это мы хлопотать не будем.

Попугаев. И товарищ Безносов за него хочет хлопотать?

Сечинский. И товарищ Безносов хочет за него хлопотать, и я хочу за него хлопотать... Только ты, Егорыч, не смей и думать, — мы с Иваном Петровичем, ни боже мой, — ни с кого ничего не берем. Только идейно хлопочем. Только идейно, Егорыч...

Попугаев. Гуманное время, товарищ Сечинский.

Сечинский. И гуманное время, Егорыч, и вообще мировая история, если хочешь знать, движется зигзагообразно. То одни, как говорится, наверху, то другие обратно внизу. И ни ты, ни я, как младенцы в облаках, ничего не знаем, что нас ожидает. Может, и я, как говорится, возвышусь, а может, и ты к черту вниз сверзишься. Так или иначе, похлопотать можно. И они в дальнейшем за нас похлопочут. Потом мы за них. Потом обратно они. И, как говорится, налицо мировая гармония. Понял?

Попугаев. Понял, только не все, товарищ Сечинский.

Сечинский. Ну, и то хорошо, друг ситный. Давай свои пять и, как говорится, — пламенный привет... Может, закусить хочешь?

Попугаев. Покорнейше благодарим. Кушали. *(Уходит.)*

Из другой двери появляется Безносов. Он одет в модный костюм.

4

Сечинский. Очень великолепно глядите, Иван Петрович.

Безносов. Что, могу еще бабам нравиться?

Сечинский. Ну! Еще двадцать пять лет пройдет, и все будете нравиться, поскольку обладаете такой выгодной позицией.

Безносов. Насчет баб я тебя, Сечинский, забью, а?

Сечинский. Ну, взять мою роль личности в истории и вашу — несравнимо... Зимой, Иван Петрович, я справлял день своего рожде-

ния. Ну, ни друзей, ни гостей. По рюмочке малаги с Матильдой выпили и, как говорится, спать легли. И возраст остался ничем не отмеченный.

Безносов. А что тебе, дураку, орден, что ли, давать?

Сечинский. Об этом и мечтать не приходится, Иван Петрович.

Безносов. А хотел бы?

Сечинский. Ну!.. Особенно последнее время, Иван Петрович, в аккурат с начала нашего знакомства, прямо горит тут. Как ляписом с неба капаят.

Безносов. За что же тебе, дураку, орден-то давать?

Сечинский. Страдал, Иван Петрович. Как говорится, двадцать лет страдал... Шутка ли, Иван Петрович!

Безносов. Да, хотя это, конечно...

5

Курц (*приоткрыв дверь*). Вас там спрашивают, товарищ Безносов.

Безносов (*удивленно*). Меня? Кто же может меня спрашивать. Как же они сюда прошли?

Курц. Одна женщина... С запиской от... (*усмехаясь и показывая глазами на Сегинского*) вот от них...

Сечинский. Ах да, Иван Петрович. Я позабыл вам сказать. Одна немолодая страдающая дама безрезультатно добивалась свидания с вами. Так я записку ей дал. Вот она и пришла.

Безносов. Вечно ты мне что-нибудь... Уж, кажется, дома я мог бы... Ну что это такое, Сечинский...

Сечинский. Как говорится, Иван Петрович, — положение ваше обязывает — ноблесс оближ... А тут страдающая дама, мать своего сына, хлопочет за него. То есть вам обязательно надо... (*Курицу повелительно:*) Велите ей обождать. Мы тут с Иван Петровичем побеседуем на принципиальные темы...

Курц. Слушаюсь. (*Закрывает дверь.*)

6

Сечинский. Ну как же вы не понимаете, Иван Петрович. Вам обязательно надо просителей принимать. Этим популярность создается. Общественное мнение — дескать, вот он какой золотой человек.

Безносов. Да на что мне твоя популярность, Сечинский. Куда мне с этим идти...

Сечинский (*фальшиво засмеявшись*). Ах, черт! Я все забываю, Иван Петрович. Это же у нас не капитализм... Вот в нормальной, в буржуазной стране, Иван Петрович, вот там за это просители деньги не-

сут. Плачут, а несут. А тут, Иван Петрович, даже я и сам теряюсь, — что можно выжать с вашего благополучия. Чепуха. Абсурд.

Безносоев. Я же и говорю — на что мне твоя дурацкая популярность. Только лишние неприятности замечать. Я, Сечинский, не люблю видеть страдания.

Сечинский. Гуманное сердце имеете, Иван Петрович. Другой бы давно ожесточился и по головам ходил, а вы, я извиняюсь, дамских слез и то не решаетесь видеть.

Безносоев. Нет, Сечинский, ты неправильно политически выражаешься. Погоди... Гуманность не позволяет мне дело иметь с врагами. Если ты враг или ты, предположим, родная мама этого врага — то я тебе фига помогу...

Сечинский. Ну да. И я тоже так понимаю, Иван Петрович. Крошить врагов — вот это наиболее разлюбезное гуманное дело, поскольку иначе они вам голову оборвут. Только я говорю — надо понимать, что вокруг этого бывает...

Безносоев. Нет, погоди... И на основе этой моей гуманности, Сечинский, все меня за это ценят. Поскольку знают — вот этот жесткий, но принципиальный человек, гуманист по природе, он не дрогнет любому врагу голову оторвать... И я действительно их много выявил. И без разбору пух и перья выпустил. Вот моя главная популярность.

Сечинский. Это все так, Иван Петрович. Только я говорю, бывает, что и вполне хорошему человеку случайно голову отвинчивают. Мало ли — ошибки, желание, чтоб заметили, оценили, за своего признали... То есть все бывает, когда человек к другим людям в лапы попадает.

Безносоев. Ну, разве это бывает...

Сечинский. Ах, вы оторваны от жизни, Иван Петрович! Вы склонны верить каждому слову. Например, такой сказочный тип, как Гарун аль Рашид, не доверяясь никому, переодевался и сам шлялся по квартирам, чтоб все видеть... И просителей у себя принимал.

Безносоев. Ну ладно. Тогда что — принять ее, а? Главное — ныть начнет, канючить... Я не люблю этого, Сечинский. И вообще, последнее время людей не люблю. Пятьсот людей за один бутерброд отдал бы. И ради их не намерен законы нарушать.

Сечинский. А вы и не нарушайте, Иван Петрович. Только обещаайте просителю — и то хлеб. Надежда питает человека. Он и за это вас чувствительно поблагодарит. Фу, опять я забываю, Иван Петрович. Поскольку это не буржуазный строй, то из их благодарности вам не шубу шить.

Безносоев. Что ты мне, Сечинский, все время буржуазный строй в нос тычешь? Что ты меня, Базиль Ефимович, в последнее время агитируешь в буржуазном смысле?

Сечинский. Ну как я смею вас агитировать, Иван Петрович. Мне ли агитировать вас в буржуазном смысле, вас, который этот...

Безносков. Вот именно.

Сечинский. Только я выражаю свои мысли, возникшие у меня в голове. Поскольку сдается мне, что насчет капитализма все в аккурат так же утвердительно думают, как и я. Только, между нами говоря, все врут, Иван Петрович, темнят, тень на плетень наводят. А вот, если так спросить, как перед богом... когда никого нет... когда нас только двое... Вы да я... Вот все и выясняется...

Безносков (*испуганно*). Да что выясняется? Что ты говоришь мне, Сечинский!

Сечинский. А то я говорю, что у меня на душе наболело... Иван Петрович, а Иван Петрович... Ну скажите мне только одно слово: да, да, ты прав, я так же, как ты, думаю. И больше не надо ничего говорить. И сразу мы оба это забудем. И никогда об этом заикаться не станем. Только мне надо одно ваше слово — да. И даже говорить словами это не надо — я понимаю ваше положение. Вы мне только мигните глазом, дескать, да, Сечинский, да, сукин сын, да, ты прав насчет капитализма...

Безносков (*крайне испуганно*). Да ты что мне говоришь, Сечинский! Как же ты смеешь?! Я тебя...

Сечинский. Ага, мигнули...

Безносков. И вовсе не мигал!

Сечинский. Опять мигнули.

Безносков. Ну да, но это так, это нервный тик. Невольно.

Сечинский. Ай, ей-богу. Ну если вы, такой человек, мигнули, ну тогда я, как говорится, могу спокойно умереть... И опять мигнули.

Безносков. Да иди ты к черту, Сечинский. Я же нервный человек. Это на нервной почве. Когда под руку говоришь. Это же невольно у меня дернулось веко.

Сечинский. А хоть бы и невольно, Иван Петрович. По Фрейду, это в аккурат так и получается. Раз невольно, то, стало быть, и выразили этим свое духовное мировоззрение... Вот и опять два раза мигнули...

Безносков (*трет глаза*). Да иди ты к лешему, Сечинский. Вот теперь я все время буду моргать... (*Рассердившись*.) Ты, ты — контрреволюционер, Сечинский. Вот ты кто такой. Я тебя...

Сечинский. Иван Петрович, это вы серьезно? Я могу обидеться на вас, Иван Петрович.

Безносков. А зачем ты меня...

Сечинский (*смеясь*). Ай, ей-богу, опять мигнули. Ну, не буду, не буду больше... Голубчик, Иван Петрович, ну дайте я вас обниму и расцелую. Вы — святой человек.

Безнос о в. Ей-богу, я и сердиться на тебя не могу... Да ты не мни, леший, на мне костюм новый.

Сечинский (фамильярно). Так, значит, примем нашу просительницу-то?

Безнос о в. Да что она тебе далась! (Подозрительно.) Уж не имеешь ли ты от этого какой-нибудь интерес? Ты гляди у меня... Я тебя в тюрьму посажу, если что...

Сечинский. Ну что вы, Иван Петрович. Я понимаю, какой момент мы переживаем. В прежнее время я бы ее, как липку, ободрал. А сейчас у нее у самой — шиш с маслом. Но родственники мои приобрели у нее отрез. Нет, за плату, Иван Петрович, что вы. Полностью оплатили по казенной цене... Я ей сдуру и обещал... Вон опять два раза мигнули... Боже ты мой, такой человек мигнул! Ну, тогда прочь все сомнения. Будущее ясно — башмак стопчется по ноге... Ой, что это у вас с глазами, Иван Петрович, — веки так и ходят...

Безнос о в. Да ну тебя к лешему...

Сечинский. Батюшки, время-то — пять часов, — гости сейчас придут. Тогда ей завтра зайти, что ли?

Безнос о в. Да, пушай она завтра зайдет. Тем более я сегодня именинник...

Сечинский. И то верно. (Приоткрыв дверь.) Курц, скажи, чтоб она завтра зашла. Иван Петрович сегодня не может...

Безнос о в. Ой, завтра тоже я не могу. Завтра у меня... Скажи там Курцу, что послезавтра.

Сечинский. А что говорить! Завтра ей об этом и скажем... От этого надежды не уменьшаются.

Безнос о в. А ну ее к черту, действительно... Ей-богу, что ты мне с глазами сделал — все время они у меня мигают. Как я перед гостями покажусь, скажут — подмаргивает.

Сечинский. Ой, глядите, Иван Петрович, уже гости никак приехали... Вы уйдите в свои комнаты, и когда все соберутся — выйдите к ним, как Юлий Цезарь. А глазки теплой водой протрите — вот они и мигать перестанут.

Безнос о в. Тогда первые гости пушай пока в ляун-теннис сыграют...

Сечинский. И так хороши, Иван Петрович!

Безнос о в уходит. Сечинский ставит на столик бутылки с шампанским. М а т и л ь д а приносит на подносе бокалы. Приходит первая партия гостей (среди них К а п о ч к а и К р а ю ш к и н). Все церемонно раскланиваются. Рядом через открытую дверь видна другая комната с накрытым столом. Там начинается музыка.

7

Сечинский (*Краюшкину*). Вот видишь, пришло время, и я тебя со спокойной душой ввел в дом... Более того, он выразил желание почитать твою штучку. Глядишь — и предисловие даст. И тогда, как говорится, загремит в кармане.

Краюшкин. Мерси.

Сечинский (*гостям*). А то, может, хотите в ляун-теннис сыграть? Или остальных подождете?.. Тогда обратите ваше внимание на стенки комнаты... Там увидите фотографии — Иван Петрович Безносов при всех обстоятельствах...

Один из гостей. Очень интересно.

Сечинский. Вот тут, прошу обратить внимание, Иван Петрович, как говорится, подросток. Заканчивает свое высшее образование в четырехклассном ремесленном училище... А это тот же Иван Петрович трех лет от роду, как Пушкин — на ручках у своей няни...

Матильда. Тут Ванюша уже восемнадцати лет, — мечтает идти против царизма...

Сечинский. Тот же Иван Петрович Безносов — ссыльно-каторжный.

Один из гостей (*многозначительно*). Да-а...

Сечинский (*не менее многозначительно*). Ну!

Один из гостей. А это?

Сечинский (*сгибает гостей*). Это... все тот же Иван Петрович в борьбе против самодержавия... Матильда, приготовьтесь разлить шампанское. И сходить за Иваном Петровичем. Скажите — все собравшись. Товарищи, минуточку внимания!.. Как и в прошлый раз споем «Славу». До-ре-ми-фа...

Матильда, выйдя из комнаты, вскоре возвращается.

Впереди выступает Безносов.

8

Сечинский. Ну! (*Нагинаяет петь*):

Иван Петрович, что за молодец...

Гости (*подхватывают*):

Пришел, пришел, пришел наконец.

С его покровительством мы не пропадем.

И за его здоровье мы все запоем:

Слава, слава, сла-ава,

Сла-а-ва...

Безносов. Ну, зачем это вы, товарищи?.. Ну, что это вы...

Сечинский. Скромность — украшение человеческой личности... Матильда, раздайте бокалы. Гости, разбирайте. Чокайтесь. Ивану Петровичу дополните бокал... Музыканты, продолжайте вашу игру!

Безносков. От души благодарю... Сердечно тронут. Взволнован теплотой...

Сечинский. А пропо... Еще минуточку внимания!.. Тут одна гражданка... Как фамилия? А? Бобрикова?.. Тут одна гражданка Бобрикова, как говорится, одна из меньших сих, незначительный сотрудник, имеющая счастье работать под руководством Ивана Петровича, хочет произнести стихи собственного сочинения, посвященные товарищу Безноскову. Произнесите, товарищ.

Бобрикова (волнуясь):

Вчера я шла по коридору
И вдруг увидела вас.
Какая радость взору,
Какой волшебный сон без прикрас.
Вы прошли мимо меня, качаясь,
И я замерла у стены...
Вы качались и шатались,
Но вы не были пьяны...
Вы были пьяны от вашей работы,
От нашей большой любви.
Какой волшебной заботой
Мы окружены, — мерси.

Гости. Bravo!

Безносков. От души благодарю, товарищ Бобрикова. (*Обнимает ее.*)

Сечинский. А пропо... Теперь выпьем по глотку шампанского за маму Ивана Петровича, которая, как говорится, подарила миру такой... такого... такое... произведение природы...

Гости. Bravo!

Безносков (*раскланивается*). Чувствительно благодарен... Мерси... До слез растроган... Кажется, не зря жил... Не зря, как это... (*Утирает слезы.*)

Сечинский. А пропо... Предлагается еще один тост... за будущую супругу Ивана Петровича — Капитолину Григорьевну, которая с цветками в руках тут же в толпе скромно стоит, сама того не подозревая, какой славный путь она будет разделять с тем, кого мы любим, чтим и обожаем, кем гордимся и кого пламенно приветствуем сегодня в день его именин.

Гости. Bravo!..

М а т и л ь д а, уйдя перед этим в соседнюю комнату, снова возвращается с торжественным видом.

М а т и л ь д а. Прошу всех к столу...

Гости стремительно проталкиваются к двери. С е ч и н с к и й под руку с Б е з н о с о в ы м замыкает шествие. В комнате у письменного стола остается секретарь К у р ц.

9

К у р ц (*по телефону*). Город... Сорок восемь... Да, это я... Ранее не мог позвонить... Как? Сегодня? Сегодня неудобно. Ну, слушаю... Хорошо... Есть... Сообщу сразу... Есть! (*Вешает трубку, кричит:*) Товарищ Безносов! К телефону.

В дверях появляется Б е з н о с о в. Он — сияющий, радостный, с салфеткой в руках. Прожевывает пищу.

Б е з н о с о в. Ну, на самом интересном месте... Писатель фокусы показывает. К телефону? А трубку что же повесил?

К у р ц. Не к телефону. Тут одно дело... (*Вынимает из кармана какие-то бумаги, фотографии, подает их Безносову.*)

Б е з н о с о в. Что?! Что это... Это что?!

К у р ц. Смотрите лучше...

Б е з н о с о в. Курц... Курц... Это что?! Это ты откуда взял, негодяй?!

К у р ц. Тихо!

Б е з н о с о в. Это не я! (*Бросает бумаги. Потом, схватив их, пытается разорвать.*)

К у р ц. Это фото... Не рвите... Копии...

Б е з н о с о в (*хватается за карман*). Я убью тебя, негодяй!

К у р ц. Тихо. Возьми руки прочь...

Б е з н о с о в. Курц, Курц...

К у р ц. Смотрите документы... Узнаете?

Б е з н о с о в. Товарищ Курц... Товарищ Курц...

К у р ц (*показывая бумаги*). Это ты в ссылке... в тринадцатом году... Так? Специально послан был полицией — присмотреть за политическими ссыльными... Как член подпольной организации, которую ты выдал. Так? Ну, отвечай!

Б е з н о с о в. Товарищ Курц...

К у р ц. Это твоя расписка в сыском отделении... на сорок рублей... Подпись — Вихрастый... Кличка Вихрастый... Так? Вихрастый?

Б е з н о с о в судорожно причесывает свои вихры гребенкой — жест, который характерен Б е з н о с о в у на протяжении всей пьесы в те моменты, когда он нервничает. Это рефлекс — желание, чтоб не узнали.

В момент напряженного разговора Курца и Безносова на пороге комнаты появляется Сечинский. Скользя у стены, он незаметно опускается в глубокое кресло у камина. Высокая спинка закрывает его от собеседников. Зрителю видно искаженное лицо Сечинского — страх, ужас и почти смерть.

Безносов. Курц...

Курц. Я спрашиваю: Вихрастый?.. Ну, отвечай, собака!

Безносов. Вихрастый... А-а, негодяй! *(Снова хватается за карман.)*

Курц. Дай сюда свой пистолет, Вихрастый.

Безносов. Курц! Ты меня погубишь?.. Если хочешь — все... Я тебе все...

Курц. Хорошо...

Безносов. Курц... Что хорошо? Что ты сказал?.. Ты спасешь меня?.. Ведь какой же я... провокатор... Тридцать лет назад... один раз всего... А все остальное время — честью и правдой... Курц... *(Пытается поцеловать руку Курцу.)*

Курц. Хорошо... Только ты, Вихрастый, выполнишь некоторые поручения...

Безносов. Чьи поручения?

Курц. Поручения нашего центра...

Безносов. Центра?.. Так ты, негодяй, член... оппозиционного центра?! Ты у меня два года...

Курц. Спокойно... Ты выполнишь поручение...

Безносов. Какое поручение?

Курц. Это тебе будет сказано в последний момент... И потом...

Безносов. И потом вы меня убьете... Так я выдам тебя... Я арестую тебя, негодяй!..

Курц. Не успеешь. Придется согласиться... Так?

Безносов. Да.

Курц. Иди к столу. Ну! Морду веселей! Брюхо подбери... И никаких там... Понял?.. Пошел!..

Качаясь, Безносов уходит в столовую.

10

Курц *(по телефону)*. Город... Сорок восемь... Я... Исполнено. Ну, конечно... Хорошо... Есть. *(Вешает трубку. Уходит.)*

Сечинский *(приподнимаясь)*. Боже мой... Боже мой... Что же это такое?.. Скорей!.. Скорей сообщить... *(Шатаясь, идет к столу, оглядывается и озирается; подходит к телефону, снимает трубку.)* Город... Ка... Ка... КВЖД... То есть... *(Бросает трубку.)* Лучше я напишу. Боже ты мой!..

Из столовой показывается Безносков. Сечинский успевает опуститься в кресло. Безносков осторожно осматривается, — никого нет. Стремительно подходит к столу.

Безносков *(по телефону)*. Гараж... Машину...

Надевает плащ, брошенный на стуле. Открывает ящик письменного стола. Вынимает какие-то бумаги, револьвер. Пихает все это в карман плаща. Озираясь, идет к веранде. На пороге комнаты появляется Курц.

Курц. Назад! Назад, свинья!.. Что? Удирать?.. *(Стаскивает с Безносова плащ. Бросает Безносова в кресло, где сидит Сечинский.)*

Безносков. Курц... Курц...

Курц. Иди в столовую... Пройдем вместе... Я хочу закусить.

Оба идут в столовую, где играет музыка.

Занавес

КАРТИНА 2-я

Комната Туси. Заплаканная Туся лежит на тахте. Мамаша нервно ходит по комнате.

1

Мамаша. А Сережа что тебе, дуре, сказал?

Туся. Сережа сказал, что Безносков мошенник и он теперь в этом убежден.

Мамаша. Вот видишь? Видишь? Я тебе говорила, что это за мужчина. Я через него на двадцать лет к гробу придвинулась.

Туся. Конечно, он не мошенник. Сережа, ясно, ревнует, только скрывает... Но, конечно, немного он мошенник, то есть не мошенник, а он любит пользоваться жизнью. Видишь, мама, он на каторге был. Вот он, ясно, и хочет теперь немножко отыграться.

Мамаша. Может, он на каторге за убийство детей был?.. А другой — этот Сечинский... Ну, милая... Видала прохвостов, но это... я вся дрожу, когда его вспоминаю...

Шумно открывается дверь. На пороге появляется Безносков. Он не в себе. Взгляд его блуждает. Рукавом пальто он вытирает пот со лба.

2

Туся. Вы?

Мамаша. Удивительно...

Безносков. Туся... А, Туся... Хочешь в Париж?.. После все объясню... Едем сейчас... Только быстро...

Т у с я. Ой, хочу!.. То есть как — сейчас?..

М а м а ш а. Да вы что — очумели? Или у вас не все дома?

Б е з н о с о в. Туся... Я свинья, конечно... Я не бросил тебя, но я...
Поедем в Париж... Только скорей. Скорей сложи... Где паспорта?.. (*Ро-
ется в шкафу, вынимает паспорта, деньги.*)

Т у с я. Нет, правда?

Б е з н о с о в. Только скорей.

Где-то за дверью шум. Б е з н о с о в вздрагивает, роняет бумаги.

Пугливо озирается.

М а м а ш а. Или вы немножко выпивши? Дыхните!

Б е з н о с о в. Идите к лешему!

М а м а ш а. Вот, Туся, видала?.. Я удивляюсь, как он еще мне глотку
не перегрыз.

Б е з н о с о в вытаскивает из-под дивана чемодан. Открывает шкаф.

Пихает в чемодан все, что попадает под руку, — пижаму, рубашки, ха-
лат. Т у с я оторопело на него смотрит.

Т у с я. Нет, вы это серьезно?.. Мама... тогда я тоже...

Т у с я мечется по комнате. Достает свой чемодан. Начинает укладывать
свои вещи.

М а м а ш а (*вырывает от нее чемодан*). Ты что — рехнулась? Да он
тебя в Париже продавать начнет.

Б е з н о с о в. Ну, скорей...

Т у с я. Я... Я не знаю...

Б е з н о с о в. Тогда я один... Прощай...

Идет к выходу. Снова стук где-то. Б е з н о с о в дергается. Чемодан
раскрывается, и оттуда вываливаются все вещи. Б е з н о с о в спешно
все запикивает обратно. Еле закрывает свой чемодан. Но закрывает
плохо, — из-под крышки чемодана торчит белье.

Т у с я. Мама, ну как же так!.. Столько ждала...

М а м а ш а (*Безносому*). Нет, слушайте, вы что — верно в Париж?

Б е з н о с о в. В... в... Париж... (*Ножницами обрезает куски белья,
торгащие вокруг крышки чемодана.*)

М а м а ш а (*Тусе*). Никуда не поедешь! Да ты погляди на его мор-
ду.

Б е з н о с о в. Прощайте! (*Стремительно уходит.*)

Т у с я. Ну, вот... Конечно... опять не поехала...

М а м а ш а. Вот и лучше, что не поехала.

Стук в дверь. Входит С е р е ж а.

3

Сережа (*торопливо*). Туся! Это что, я Безносова на лестнице встретил? С чемоданом.

Туся. Да. Это он...

Мамаша. В Париж поехал.

Сережа. Здравствуй, Туся. Прости, что я зашел... И такой взволнованный. Мне надо знать одну вещь... (*Открывает шкафчик, где лежали паспорта.*)

Туся. Нет, он взял, взял паспорта. И мой взял... Вот из-за вас я опять в Париж не поехала...

Сережа (*по телефону*). Это я... Кажется, так, как я думал... И паспорта взял... Я думаю, на вокзале... Хорошо...

Мамаша. Или вы в милицию звонили?

Сережа (*Тусе*). Ну, глупенькая, скажи спасибо, что не поехала с ним.

Мамаша. Вы бы помирились с ней, молодой человек.

Сережа. Я с ней и не ссорился. Но так уж у нас... Ну что мы опять об этом будем говорить!

Туся. И не надо. Не нуждаюсь.

Сережа. Прощай. Извини, что я тебя потревожил... (*Уходит.*)

Мамаша. Молодой человек!.. Она же нарочно так говорит. Молодой человек!..

КАРТИНА 3-я

Комната Сечинского. Сечинский, согнувшись над столом, пишет. По комнате, заламывая руки, ходит Матильда. Капочка сидит на кровати, покусывая губы.

1

Сечинский (*бормочет записывая*). «В этот момент... Его секретарь Курц... ударил его по руке... и страшным голосом сказал: "Выполнишь поручение центра"... И два раза... назвал его... Вихрастый...» Боже ты мой, боже ты мой... «Находясь как случайное лицо... в гостях, я тем самым... сигнализирую...» Боже ты мой... Боже ты мой...

За стеной слышится стук. Сечинский подскакивает к стене, прикладывает ухо.

Матильда. Я же говорила — там у них Сережа...

Сечинский. Тихо!.. Он, кажется, звонил в НКВД... А я еще мое заявление не послал... Теперь скажут — вот не сообщил... Боже ты мой... Капа... Как бы мне... его позвать. Я бы ему заявление показал и тем самым... Я же туда (*показывает на стенку*) не могу пойти...

Капочка. Я туда не пойду.

Матильда. Я постучусь и вызову его.

Сечинский. Ах, кажется, он уходит... *(Выскакивает в коридор и тотчас возвращается вместе с Сережей. Сережа здоровается с Матильдой и с Капожкой.)*

Сечинский. Товарищ... Вы не думайте... Я как честный советский гражданин тоже хотел своевременно сообщить. Но растерялся от множества событий... Но вот доказательства, что своевременно... *(Протягивает свое заявление.)*

Сережа. Что такое? *(Читает.)* Позвольте... Что такое... Как? Вихрастый?.. Нет, вы это верно?..

Сечинский *(оторопело)*. Или вы не знали об этом? А я думал, вы звонили... *(Гордо.)* Так вот я, как советский гражданин, первый, как говорится, сигнализирую...

Сережа стремительно подходит к телефону.

Сережа. Это я... Слушайте, дело необычно... Что?.. Ах, успели задержать... На вокзале... Но дело приобретает... Это больше чем мошенник. Это — провокатор Вихрастый... Да, есть точные доказательства... И его секретарь... Ах, и Курц задержан... Я привезу заявление...

Сечинский. Так вы бы мне сразу и сказали, что ничего не знаете... Я бы вам сразу и... Главное, сначала я по телефону хотел им позвонить... Потом решил написать. Все-таки, как говорится, верней на бумаге. Правда? К делу можно пришить...

Сережа. Ну, спасибо.

Сечинский. Вы им так и скажите: хотел, дескать, позвонить, но потом решил написать... Сигнализировать...

Сережа. Благодарю вас. До свиданья...

Сечинский. Так и скажите. И еще скажите, что я как случайный гость заскочил и, как говорится, услышал... Какие подлецы, а, товарищ?

Сережа. Ничего, постепенно всех их выведем на свежую воду. Очистим нашу жизнь от этой нечисти.

Сечинский. Сколько много еще ходит людей, а мы и не знаем, какие они, а, товарищ?

Сережа. Вот и надо быть более бдительным.

Сечинский. Я, товарищ, если что опять услышу, — не сомневайтесь, поставлю в известность... Или, как вы думаете, лучше в таких случаях звонить по телефону?

Сережа. Да это все равно... Прощайте.

Сечинский. Первое движение, которое я сделал, — это к телефону. Но, как говорится, в запарке не те буквы произнес. Я, молодой

человек, КВЖД сказал. Еще я удивляюсь, что я и так-то нашелся сказать.

С е р е ж а. Простите. Я спешу...

С е ч и н с к и й. Найдите еще минуточку... Поговорите с Капочкой... Все глаза об вас проревела...

К а п о ч к а. Дядя, вы с ума сошли... Как вы смеете?!

С е ч и н с к и й. Смею. Вижу ее страдание и поэтому смею. Я, товарищ, сам перед ней виноват... Скажу вам из глубины души: мечтал, чтоб вы обратили на нее свое внимание. Ради этого ложный шаг хотел сделать. Думал, заинтересуетесь ею, если она будет поближе к высоким лицам.

С е р е ж а. Однако...

К а п о ч к а. Дядя...

С е ч и н с к и й. Но она выше оказалась. Выше... Я преклоняюсь перед нею, молодой человек. Не пожелала... Дважды его к черту послала. И только в третий раз, когда я, как дядя, настойчиво потребовал...

К а п о ч к а. Я сию минуту уйду из комнаты...

С е р е ж а (*Капочке*). Товарищ! Дайте вашу руку. Вы славная де-вушка. Поверьте, я всегда о вас хорошо думал.

С е ч и н с к и й (*утирая слезы*). Боже мой... Дети мои... Подружитесь... Ради честного советского гражданина, своевременно сигнализирующего...

С е р е ж а. Непременно подружимся... Так, Капочка? Ну, я спешу... Извините. Прощайте...

К а п о ч к а. Да, прощайте...

С е ч и н с к и й. Не прощайте, а до свиданья, молодой человек. До свиданья! Пусть благородные люди почаще переступают порог моего дома.

С е р е ж а уходит.

С е ч и н с к и й. Ничего, ничего, друзья... Гроза миновала... Матильда, еще все впереди!..

Занавес

ПАРУСИНОВЫЙ
ПОРТФЕЛЬ

Комедия в 3-х действиях

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION
455 FIFTH AVENUE
NEW YORK, N. Y. 10018

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY

ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION

455 FIFTH AVENUE
NEW YORK, N. Y. 10018

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION
455 FIFTH AVENUE
NEW YORK, N. Y. 10018

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION
455 FIFTH AVENUE
NEW YORK, N. Y. 10018

Действующие лица:

Баркасов.
Зоя, его жена.
Боря, их сын.
Ядов, сосед.
Бабушка.
Тягин, сослуживец.
Софочка, сотрудница.
Настя, машинистка.
Слоняев, сотрудник.
Духоявленский, делопроизводитель.
Крутецкий, муж Софочки.
Абрамоткин, жених Насти.
Домработница.
Контролер.
Доктор.
Посетитель.

Действие происходит весной 1936 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая ДОМА

Комната нового дома. Широкие окна. Современная мебель. Радиола. Звучит негромкая музыка.

Алексей Гаврилович Баркасов проходит через комнату с полотенцем в руках. Баркасову лет 37. Лицо у него простое, приятное, несколько утомленное.

Жена Баркасова З о я П а в л о в н а стоит у окна. Она красива, изящна. Несмотря на раннее утро, она тщательно одета и причесана. Молча, с некоторой грустью она смотрит на мужа. Тот, не оборачиваясь в ее сторону, уходит. В комнату торопливо входит мать Зои — бабушка Алиса Юрьевна. Она несет утренний завтрак. Во всем облике бабушки — гордость, величие и остатки былой дворянской красоты. На самокате въезжает 12-летний сынок Б о р я. Он звонит в звонок, наезжая то на бабушку, то на мать. Снова появляется Б а р к а с о в. В момент его появления раздается телефонный звонок. Б а б у ш к а поспешно закрывает радиолу. Музыкальная увертюра прерывается.

1

Б а р к а с о в (*по телефону*). Да, это я — директор Баркасов... Что? Хорошо, я сейчас приеду... (*Вешает трубку*.)

З о я. Алеша, пока ты не поешь — я просто не пушу тебя. Ты выглядишь плохо. Ешь стоя, на ходу... Сядь, пожалуйста!

Б а р к а с о в (*присаживаясь*). Ну некогда мне, Зоюшка... (*Достает из кармана рукопись, углубляется в чтение*.)

Б а б у ш к а (*в пространство*). Кто ест и читает, тот память зачитает...

Телефонный звонок.

Б а р к а с о в (*торопливо подойдя к телефону*). Да, я... Что? Ах, это вы опять! Послушайте, я же вам сказал, что наше учреждение не возьмет этих кроликов... Кто их запланировал?.. Нет, нет, можете не приезжать... (*Раздраженно вешает трубку*.)

З о я. Алеша, эти утренние часы ты бы мог оставить для себя, для семьи...

Б а р к а с о в. Ах, Зоя, я просил тебя не касаться служебных вопросов! (*Снова гитает рукопись и делает пометки*.)

Сын Б о р я, кружась на самокате, звонит. Б а р к а с о в поспешно подходит к телефону. Снимает трубку.

Б а б у ш к а. Это не телефон звонил.

Б а р к а с о в (*в трубку*). Але!

З о я. Алеша, это Боря звонил.

Б а р к а с о в. Уберите ребенка!

Б о р я. Ладно, папка, не буду больше звонить...

Телефонный звонок.

Это не я... Телефон!

Б а р к а с о в (*по телефону*). Что? Боря Баркасов? Да, это мой сын... Что? Сейчас узнаю... (*Закрывает трубку рукой*.) Зоюшка, Боря в каком классе? В третьем?

З о я (*пожав плечами*). В третьем.

Б о р я. Я в третьем «А»... А что они там еще?

Б а р к а с о в (*в трубку*). Он в третьем «А»... Да, значит, это он... На уроках?.. Но почему об этом вы мне говорите? Передаю трубку моей жене... (*Передавая трубку*.) Зоюшка, она говорит, что Борька на уроках... кукарекает...

З о я (*по телефону*). Да, я... К директору школы?.. Хорошо, я зайду сегодня.

Б а р к а с о в (*сыну*). Ты что же это, маленький шалопай, на уроках кукарекаешь? (*Смеется*.)

Б о р я. Это я только на географии.

З о я. Ничего нет смешного. Мальчика могут из школы выгнать. (*Сыну*.) Собирай книги. Уже половина девятого.

Б а б у ш к а. Собирайся, Борюшка.

Б а р к а с о в (*по телефону*). Товарищ Гребешков? Это Баркасов беспокоит вас. Статью написал. Через час подошлю вам... Есть, договорились... (*Повесив трубку, снова углубляется в рукопись*.)

З о я. Алеша...

Б а р к а с о в. Что тебе, Зоюшка?

З о я. Я хотела с тобой поговорить. Но если ты занят...

Б а р к а с о в. Ну, говори. Я статью проверю в машине.

З о я. Алеша... Ведь ты совсем забыл о нас... обо мне...

Б а р к а с о в. Но ты сама понимаешь, что я сейчас...

З о я. Нет, твоей работе я не хотела бы мешать. Я понимаю — сейчас это самое главное. Но ведь за эти дни ты двух слов со мной не сказал. Разве это правильно?

Б а р к а с о в. Ах, Зоюшка, у меня такая уйма дел!

З о я. Ты приходишь домой поздно. Утром чуть свет уходишь. И даже эти короткие минуты, что ты с нами, у тебя постоянно заняты служебными делами, телефонными разговорами...

Б а р к а с о в. Мне не хватает времени для всего, и поэтому я...

З о я. Не хватает времени для меня, для нас?

Б а р к а с о в. Но что я могу поделаться?! Ведь работа не ждет. И поэтому мне приходится даже дома... (*Услышав за окном гудок машины, торопливо надевает пальто*.)

Б о р я. Это шофер Василий Иванович за папкой приехал.

З о я. Алеша, ты даже не договорил...

Б а б у ш к а (*шумно вздыхая*). М-да... Дела-дела...

Б а р к а с о в (*жене*). Что не договорил? О чем я? Ах, да... Мне, Зоюшка, не хватает времени, и поэтому приходится брать работу домой... Кстати, где моя статья?

З о я. Ты в карман ее сунул.

Баркасов. Ах, да... вот она...
Зоя. Ты когда вернешься?
Баркасов. Не знаю. Позвоню.
Зоя. Застегнись. Простудишься.

За окном снова продолжительный гудок.

Баркасов (*бормошет*). Иду, иду, Василий Иванович... (*Уходит.*)

2

Бабушка. Ну, знаешь ли, это какой-то бесчувственный человек.

Зоя. Мама, не надо...

Бабушка. Он видит, что жена нервически настроена, так нет — пять минут не мог ей уделить! Служба для него важнее.

Зоя. Мама, ну прошу тебя, не надо... Боре в школу пора. Собери его...

Боря. Рано же ж...

Бабушка. Не знаю... до революции... мой первый муж... Не твой отец, а мой первый муж... Он, наоборот, всегда манкировал службой ради семьи. Бывало, сидит, сидит, смотрит на меня. Уже двенадцать часов пополудни, а он никуда не торопится. Или мы с ним в «рамс» играем, или просто беседуем. В другой раз я ему говорю: «Мой друг, ну пошел бы ты, право, в учреждение...»

Зоя. Ах, мама, ну к чему ты об этом говоришь!

Бабушка. А он тогда служил в Главной канцелярии по принятию прошений на высочайшее имя... Так нет, не идет. Что, говорит, я там не видел? Мне, говорит, дороже для души с тобой в «рамс» играть, чем лоснить свои брюки в какой-то там канцелярии... Да и другой муж — твой отец, — он тоже... Правда, они оба любили меня.

Зоя. Ты хочешь сказать, что Алеша не любит меня?

Бабушка. В мое время, дитя мое, такое отношение не считалось любовью. Любящий муж стремился быть у семейного очага.

Зоя. Мама, ты не понимаешь Алешу. Он — это другой мир, другая эпоха.

Бабушка. Чем другой мир? Тем, что он в деревне родился?

Зоя. Ах, при чем тут деревня? Алеша закончил два вуза. И он теперь...

Бабушка. Вот об этом я и говорю, дитя мое! Он теперь человек образованный. Его чувства по своей тонкости уже, вероятно, сравнялись с нашими чувствами, с моими, наконец. И поэтому мне странно видеть, что он предпочитает свою дурацкую канцелярию, а не беседу с тобой.

Зоя. Его чувства, быть может, выше, чем наши чувства. Но у него другое понятие о работе, о служебном долге.

Бабушка. А ты уверена, дочь моя, что все эти служебные часы он проводит на работе?

Зоя (*испуганно*). Что ты хочешь этим сказать?

Бабушка. Нет, я не утверждаю. Но в мое время... если человек... где-то там... отсутствует... вечерами... значит, у него непременно... какая-нибудь особа...

Зоя. Мама, я запрещаю тебе так говорить об Алеше!

Бабушка. Хорошо, молчу. Но согласись сама — странное поведение у человека. Он не стремится к общению с тобой. Стало быть, у него есть иные интересы. Я помню, мой первый муж...

Зоя. Боря, собирайся в школу! И скажи учительнице, что я сегодня зайду к директору.

Бабушка. Борюшка, пойдем.

Боря. Рано же ж...

Бабушка и Боря выходят из комнаты. Зоя Павловна смотрит в окно. Потом, подойдя к стене, стучит несколько раз рукой.

3

Зоя. Ядов! Виктор Эдуардович! (*Перед зеркалом поспешно поправляет пригеску.*)

Появляется сосед Виктор Эдуардович Ядов. Он драматург. Ему лет 45. Он взлохмачен, небрит. Одет небрежно, даже неряшливо. Но лицо у него вдохновенное, умное. Говорит он патетически, почти восклицает. Но в этом — ирония, насмешка и даже отчасти шутовство.

Ядов (*театральным тоном*). Какой счастливый случай, графиня, заставил вас изменить своему слову? Ведь вы не хотели меня лицезреть!

Зоя. Забудем нашу ссору.

Ядов. Охотно! Но что случилось, ваше королевское величество?

Зоя. Ну, не шутите, Виктор Эдуардович. Я хотела с вами поговорить. Вы умный. Вы мне посоветуете.

Ядов. Мое ничтожное существование в ваших руках.

Зоя. Прошу вас — говорите проще.

Ядов. Извините, Зоя Павловна, я немножко брежу. Пишу историческую драму. В голове — туман истории, королевские дворцы, величественные речи...

Зоя. Я оторвала вас от работы? Простите.

Ядов. Ничего. Иной раз полезно спуститься на землю с облаков. На земле — вы и моя испепеленная любовь к вам. Ради вас я готов положить голову на плаху.

Зоя. Право, бросьте этот шутовской тон.

Я д о в. Это вовсе не шутовской тон, Зоя Павловна! Это всего лишь тон, несколько приподнятый над ординарной и тусклой землей и над ее унылыми шаблонами... Однако простите. Я слушаю вас. Речь несомненно снова пойдет о вашем супруге?

З о я. Да. Мой муж...

Я д о в. Ваш муж — Алексей Гаврилович Баркасов, имеющий незаслуженное счастье находиться под одной кровлей с вами, — невнимателен к вам, небрежен, равнодушен...

З о я. Это не совсем так. Я уверена, что он любит меня, но... Нет, вам не понять его. У вас шутовские слова: «сударыня... плаха... жертвую жизнь...» А тут подлинный факт — человек и в самом деле может отдать свою жизнь ради работы.

Я д о в. Допустим, сударыня.

З о я. Но только Алеша, по-моему, делает при этом ужасную ошибку. Его работа, мне кажется, не пострадает, если он поговорит со мной или займется с сыном — решит ему задачку, расскажет сказку. Ведь это был бы его отдых!

Я д о в. Несомненно, мадам! Наполеон сказал: «Отдых — это не бездеятельность, отдых — перемена впечатлений».

З о я. Его работа пойдет еще лучше, если он иногда отдохнет от нее в обыденной семейной жизни.

Я д о в. Нет сомнения, сударыня! Кто не умеет разумно отдыхать, тот не умеет работать.

З о я. Алеша решительно не умеет отдыхать. Он все время только в работе. Он целиком уходит в свои дела. И кроме них ничего не видит и ничего не замечает. Разве это правильно?

Я д о в. О, это чрезвычайно неправильно, сударыня! Скажу более: это ведет к водевильным результатам.

З о я. Сегодня уже произошло нечто комическое — он, оказывается, не знал, в каком классе учиться его сын. Ну что это такое?

Я д о в. Это? Мои современники, сударыня, на своем грубом диалекте довольно четко сформулировали это сумеречное состояние души: отрыв от жизни.

З о я. Правильно! Алеша оторвался от жизни. Он витает в облаках. Вот поэтому я и хотела посоветоваться с вами... Но только прошу вас — говорите со мной проще, без этих ваших постоянных афоризмов, от которых у меня что-то путается в голове.

Я д о в. Извольте, сударыня. Говорите. Вы получите мой ответ — простейший, как мычание.

З о я. Я хотела вас спросить — как исправить эту ошибку Алексея? Что я должна сделать для того, чтобы он стал таким, как прежде?

Я до в. Зоя Павловна, сначала надо выяснить причину возникновения этой ошибки. При этом не следует закрывать глаза. Быть может, равнодушие к вам сыграло роковую роль в его метаморфозе.

З о я. А в самом деле, может быть, он просто разлюбил меня?

Я до в. Сударыня, это только мое минутное предположение, — быть может, весьма неосторожное.

З о я (*как бы про себя*). Да, да, возможно, что он разлюбил меня. И теперь ему скучно, неинтересно быть дома. Может быть, он хочет забыть в работе. Ведь прежде было иначе...

Я до в. Спокойней, сударыня...

З о я. Неужели это так? Неужели он... (*Посмотрев в зеркало.*) Виктор Эдуардович, скажите — я хорошенькая? Я еще могу нравиться мужчинам?

Я до в (*патетически*). Вы?! Боже мой! Вы — ослепительны! Вы — маленькая языческая богиня, на которую простые смертные не могут смотреть без изумления... О, если б вы знали, сударыня, как безнадежно и пламенно я вас обожаю!

З о я. Что за тон?

Я до в. На этот раз мой трагический тон совпадает с моими чувствами. Я несчастен из-за вас...

Входит бабушка Алиса Юрьевна.

4

Бабушка. Это кто несчастен? Вы, Виктор Эдуардович?

Я до в. Я несчастен, Алиса Юрьевна.

Бабушка. Ну, разве?.. Помню, я была совсем молоденькая. И вот один юнкер Николаевского кавалерийского училища... наш хороший знакомый... «Поцелуйте, говорит, меня — я несчастен из-за вас!»... А это в театре... и мы были с мужем... Я говорю: «Нет, я этого не сделаю». Он говорит: «В таком случае поцелуйте меня как покойника»...

Я до в. Надеюсь, вы исполнили эту робкую просьбу?

Бабушка. Ну, был грандиозный скандал. Все сосчитали, что его поцелуй был слишком длительным. Мой муж хотел послать ему вызов. Но я сказала мужу: «Мой друг, что было, того уж не вернешь. Зачем же теперь посылать ему вызов? Ведь он военный. Он привык стрелять. Он непременно застрелит тебя, мой друг. Ну, хорошо ли это будет для меня и для тебя?»

З о я. Боря не опоздал?

Бабушка. Минут на пять опоздал, не более... (*Уходит.*)

З о я. Но почему вы несчастны, Виктор Эдуардович? Из-за меня? Это неправда. Вы же любите там кого-то.

Я д о в. Я люблю? Нет! Это меня любит одна женщина. Но я люблю вас, а не ее. И разница между реальностью и моей фантазией создает искусство. Вот отчего я драматург.

З о я. Но вы же и раньше были драматургом, до меня.

Я д о в. Рок преследовал на всем пути моей жизни. И до вас я любил, а меня — нет. О, это была волшебная женщина... Отчего вы нахмурились? Вы ревнуете? Это меня радует.

З о я. Ничуть не ревную. А потом это было в прошлом, до вашего чувства ко мне.

Я д о в. Да, это было в далеком прошлом. Она, так же как и вы, грубо отказалась от меня. Но я сам был виноват в той неудаче. Я тогда расставил сети слишком высоко — она летела ниже. Ее избранником оказался пронырливый кустарь, изготавливающий модные воротнички для молодых франтов... Теперь я буду умней!

З о я. Что вы хотите этим сказать?

Я д о в. Я хочу этим сказать, что теперь мои сети расставлены должным образом. Бойтесь меня.

З о я. Я говорю с вами о серьезных делах, о моей жизни. А вы... Хорошо, уходите. Мне не нужна ваша помощь.

Я д о в. Я шутил. Болтал всякий вздор. Простите... Дайте мне вашу маленькую руку. Закройте мои глаза, чтобы я не смотрел на вас. Иначе я слепну и глупею... Вот теперь говорите.

З о я. Мне больше не о чем говорить. Я спросила вас — как исправить ошибку Алексея? Но если вы думаете, что он разлюбил меня, то...

Я д о в. Даже если это так — я верну вам прежнюю любовь вашего мужа!

З о я. Как?

Я д о в. В арсеналах жизни есть одно средство — древнее, как мир: ревность... Вы должны вызвать его ревность.

З о я. Ерунда. Вы не знаете его. Он тогда совсем уйдет от меня.

Я д о в. Сомневаюсь... В один прекрасный день он войдет в эту комнату и увидит вас в объятиях другого. Он пойдет на все, чтобы вернуть вас. Не спорьте, я знаю все извилины мужского ума — ума собственника.

З о я. Значит, по-вашему, я должна...

Я д о в. Вы должны встречаться с каким-нибудь человеком, допустим со мной. И мы с вами разыграем этот маленький фарс, цель которого — вызвать его ревность.

З о я. Нет, я не хочу участвовать в этом фарсе.

Я д о в. Жаль. Я уверен, что мы вернули бы ту любовь, которая затерялась, быть может, всего лишь в дебрях канцелярии.

З о я. А если эта любовь не затерялась в канцелярии? Если Алеша полюбил другую?

Я д о в. Другую? У вас есть какие-нибудь факты?

З о я. Нет, но он...

Я д о в. Вам кажется, что он утешается на стороне?

З о я (*в смятении*). Я вам этого не сказала... Боже мой! А что, если это и в самом деле так? Ведь могла же мама подумать, что он... у него...

Я д о в. О, так подумала ваша мама — столь искушенная в житейских делах?

З о я. Нет, ей просто показалось, что Алеша...

Я д о в. Минуточку! Допустим, что ваш Алексей Гаврилович прикрывает службой свои какие-нибудь личные дела. Спокойно! Это только предположение... Как же нам тогда поступить? Совершенно одинаково, как и в первом случае. Ревность! И тогда он снова вернется к вам.

З о я. То есть, по-вашему, я должна...

Я д о в. Не вы должны, а я должен. Или вернее: он должен увидеть вас в моих объятиях.

З о я. Почему же в ваших?

Я д о в. А кого же вы найдете на такую фальшивую игру? Ведь это будет только игра. Инсценировка... Ну? Вы согласны?

З о я. Нет. Уйдите...

Я д о в. Жаль. Было бы забавно разыграть этот фарс... Все-таки не отказывайтесь категорически. Не так уж трудно вам будет привыкнуть к этой игре. Ведь это же не всерьез. (*Обнимает ее.*)

З о я. Нет, нет. Прошу вас...

Входит бабушка Алиса Юрьевна. Увидев свою дочь в объятиях Ядова, старуха хочет ретироваться.

6

Бабушка (*улыбаясь*). Пардон...

З о я. Мама, войди. Это была шутка...

Бабушка. Шутка?

З о я. Нет, верно, это была только шутка.

Я д о в (*бабушке*). Прошу, извините меня, сударыня, за эту шутку.

Бабушка. Однажды, когда моя мать — стало быть, твоя бабушка — вошла в комнату и увидела точно такую же картину, я, Зоюшка, не пыталась рассказывать ей сказки.

З о я. Но право же, мама!

Я до в. Зоя Павловна, имею честь откланяться. Я полностью к вашим услугам... *(Бабушке.)* Мейн гроссмуттер... *(Театрально поклонившись, уходит.)*

Бабушка *(вслед)*. Заходите почаще, Виктор Эдуардович.

7

Зоя. Мама, а что если ты права?

Бабушка. Я всегда права, дитя мое. И поэтому не советую тебе прикрываться сказками.

Зоя. Нет, я о другом! Я говорю: что, если Алеша и в самом деле разлюбил меня. А теперь не верен мне?

Бабушка. И поэтому ты хочешь немного развлечься? Ну что ж — правильно. Значительно легче перенести горечь утраты. Тем более что Виктор Эдуардович вполне, по-моему, соответствует выбору...

Зоя. Ах, он — совсем иное дело! Ты не поймешь.

Бабушка. Я не пойму? Я, которая... Ну, бог с тобой... А что касается твоего мужа, то я не хотела тебя заранее огорчать, но я давно была в этом уверена.

Зоя. В чем уверена? В том, что Алеша проводит время где-то там... на стороне?

Бабушка. Ну конечно же, дочь моя.

Зоя. Нет, этого не может быть! Алеша чистый и светлый человек. Он не способен на такой низкий обман. Не способен так подло врать да еще прикрываться работой. Алексей — коммунист в высоком значении этого слова...

Бабушка. Ах, доченька, в этом отношении все они одинаковы — и коммунисты, и эти, как их... ну... беспартийные. Все они одним миром мазаны.

Зоя. Мама, ты помнишь только прошлый мир, прежних людей. И ты не понимаешь Алешу. Не понимаешь, что значит для него труд, стремление принести пользу своей стране... Нет, я с ума сошла — подумать, что Алексей обманывает меня... *(Уходит.)*

Бабушка *(вслед)*. Ты плохо знаешь мужчин, дочь моя... *(Задумчиво.)* Я никогда не проливала напрасных слез. Так пусть же и она... Но тут я, кажется, должна помочь моей глупой дочке.

Картина вторая НА РАБОТЕ

Учреждение. Стеклопанная перегородка разделяет сцену. Направо — кабинет директора. Налево — канцелярия.

В кабинете идет совещание. Клубы табачного дыма, как дым пожара, окутывают сидящих за столом.

Рядом с директором Баркасовым — его заместитель Иван Силыч Тятин. Он в меру толстоват. Его цветущее здоровье придает ему сияющий вид. В канцелярии служащие усердно работают, склонив головы над бумагами. Молоденькая и бойкая машинистка Настя Тройкина энергично бьет по машинке. Сотрудница Софочка Крутецкая внимательно листает канцелярскую книгу. Делопроизводитель Антон Духоявленский величественно восседает за конторкой. Он — в толстовке. Лицо у него благостно. По временам он медленно щелкает костяшками на счетах.

И только сотрудник Володя Слоняев не находит себе покоя. Он вертится, шумно вздыхает и поглядывает на машинистку Настеньку, стараясь привлечь ее взгляд.

1

Баркасов. В январе текущего тысяча девятьсот тридцать шестого года мы уже имели сто два процента плана. Год назад мы были бы довольны достигнутым. Но теперь внешняя обстановка такова, что мы не можем почить на лаврах. И поэтому шаг за шагом движемся вперед... В феврале мы имели сто четыре процента плана, в марте — сто шесть и, наконец, в апреле — сто десять. Эти показатели дают нам великую надежду на дальнейший успех.

Тятин. Правильно!

Баркасов. Кто желает высказаться по этому вопросу?

Тятин. Дозвольте мне.

Баркасов. Слово имеет мой заместитель Иван Силыч Тятин.

Тятин неторопливо встает из-за стола, откашливается, выпивает стакан воды и, достав из кармана гребеночку, тщательно приглаживает прическу. После чего, снова выпив стакан воды, принимает позу оратора.

Тятин (*официальным тоном*). Товарищи! Я взял слово для того, чтобы... (*Бытовым голосом*.) Алексей Гаврилыч, только сними, понимаешь, трубочку с телефона. Не люблю, когда телефонные звонки мою речь перебивают. Теряю мысли... (*Снова официально*.) Товарищи! Я взял, понимаете ли, слово для того, чтобы подвести итоги нашей полугодовой работе... Товарищи! Что мы видим в данном отрезке времени? В данном отрезке времени мы, так сказать, наглядно или, проще сказать, воочию видим достаточно, в сущности, яркие показатели. Показатели, которые с полной очевидностью сигнализируют нам, иными словами, дают нам знать, поясняют нам — каковы сами по себе эти показатели как таковые. И как таковые они сами по себе указывают нам, каковы результаты нашей полугодовой работы. И мы, учитывая данные показатели...

Баркасов (*перебивает*). Иван Силыч, да говори ты нормальным человеческим языком!

Тя т и н. А я как же говорю?

Б а р к а с о в. А ты какую-то потустороннюю речь загибаешь. Говори проще, без ораторского нажима.

Тя т и н (*расстроившись*). Нет, Алексей Гаврилыч, без ораторского нажима у меня не выйдет. Ведь если говорить проще, так и говорить, понимаешь, не о чем. Сто десять процентов плана. Что же я могу добавить к этой цифре, которая и без того поясняет картину? (*Оживившись*.) Сто десять процентов, друзья мои! А?! Ведь это же душа поет!

Б а р к а с о в. Кончил?

Тя т и н. Вообще-то я хотел еще немного сказать, но если ты против речей, то я, понимаешь, вынужден на этом закончить... Хотя нет, погоди... (*Официально*.) Товарищи! А являются ли данные показатели как таковые показательными для данного отрезка времени? Не есть ли эти показатели малопоказательны сами по себе?..

Б а р к а с о в (*укоризненно*). Иван Силыч...

Тя т и н. Сам не пойму, что со мной делается, когда речь произношу. Не те слова идут...

Б а р к а с о в. А ты поясни речь своими словами. О чем ты нам хотел сказать?

Тя т и н. Да я, понимаешь, хотел сказать, что за этими цифрами — труд. Люди как черти работали.

Б а р к а с о в. Иван Силыч правильно указал, что за этими высокими показателями — большая работа. И тут, в первую очередь, следует отметить его самого, его самоотверженный труд...

Тя т и н. Ну, меня-то зачем? Я в норме работал, не пересиливал себя.

Б а р к а с о в. Конечно, мы здесь собрались не для того, чтобы говорить комплименты, но подчеркнуть следует — люди дают нам уверенность, что мы еще крепче возьмемся за дело.

Тя т и н. Правильно!

Б а р к а с о в. Прошу взглянуть на эту диаграмму... (*Развораживает рулон*.) Тут мы ясней представим себе план нашего дальнейшего движения...

Тя т и н (*помогая развораживать рулон*). Эх, помещение тесновато для такой диаграммы.

Б а р к а с о в. Пройдемте в конференц-зал...

Участники совещания удаляются. В канцелярии — телефонный звонок.

Делопроизводитель Д у х о я в л е н с к и й снимает трубку.

2

Д у х о я в л е н с к и й (*по телефону*). Слушаю вас... (*Небрежно*.) Баркасов на совещании... Не знаю. Позвоните позже.

Н а с т я (Слоняеву). Ай, Володя, ну что вы на меня так смотрите. Как баран на луну.

С л о н я е в. Баран смотрит на луну без особого удовольствия, чего никак нельзя сказать про меня...

Н а с т я. Отвяжитесь. Не мешайте мне работать.

Д у х о я в л е н с к и й. Попрошу без частных разговоров. (*Сотруднице Софогке Крутецкой.*) Товарищ Крутецкая, справка готова?

С о ф о ч к а. Заканчиваю, Антон Антоныч.

В канцелярию входит посетитель в макинтоше. Он толстоват, с одышкой. Платком вытирает запотевшее лицо.

2

П о с е т и т е л ь (Слоняеву). Директор еще не выходил?

С л о н я е в. Он на совещании.

П о с е т и т е л ь. Пожалуй, я подожду его. А то ведь кролики у менядохнут...

С л о н я е в (*улыбаясь*). Ах,дохнут они у вас?

П о с е т и т е л ь. Околевают без еды. До тридцатого числа я получил на их кормежку. А с первого числа все кролики должны быть на довольствии в тех учреждениях, какие у нас запланированы.

С л о н я е в (*посмеиваясь*). Нынче уже пятое число.

П о с е т и т е л ь. Вот я и говорю: положение критическое с теми кроликами, которых я еще не успел распределить по учреждениям.

Д у х о я в л е н с к и й (*сняв трубку с телефона, который звонит*). Слушаю вас... (*Медовым голосом.*) Ах, это вы, товарищ Гребешков. Там, вероятно, трубочка снята... Сию минуту, товарищ Гребешков. Сейчас я лично схожу за ним... (*Бережно кладет трубку на стол.*)

П о с е т и т е л ь. Что, директор сюда придет?

Не отвечая посетителю, делопроизводитель торопливо и почти рысцой выходит из помещения. П о с е т и т е л ь приводит в порядок свой туалет.

4

С л о н я е в (*машинистке*). Так и не позовете меня к себе, уважаемая Настенька?

Н а с т я. Я, кажется, сказала вам — нет.

С л о н я е в. А то сегодня суббота. Завтра — выходной. Пошли бы в кино. Погуляли бы. А?

Н а с т я. Нет, нет, Володя.

С л о н я е в. А вот я когда-нибудь возьму и нарочно войду к вам без приглашения. Не выгоните же.

Н а с т я. Ей-богу, выгоню. Лучше не приходите... (*Сердито.*) Ай, не мешайте мне, Володя! У меня же срочная работа... (*Отвораживается от собеседника.*)

С л о н я е в (*достав из кармана какую-то игрушку*). Минуточку, Настенька. Хотел показать вам последнюю заграничную новинку...

Н а с т я (*с любопытством*). Ой, что это?

С л о н я е в. Танцующая свинка. И при этом она хрюкает.

Н а с т я (*присаживается рядом*). Ах, и хрюкает она?

С л о н я е в. И тихонько хрюкает, если потянуть за хвостик. А тут на спинке у нее — зеркальце и карандаш для губ.

Н а с т я. Ой, какая прелесть!

С л о н я е в. Сильней тяните за хвостик — тогда она хрюкнет.

В канцелярию входит Баркасов. Вслед за ним Тятин и делопроизводитель. Посетитель торопливо подходит к директору.

5

П о с е т и т е л ь. Товарищ Баркасов, ну как же насчет кроликов?

Б а р к а с о в. Ай, слушайте, меня к телефону...

П о с е т и т е л ь. Нет, вы только мельком взгляните на эту бумагу, из которой видно, что кролики запланированы для вашего учреждения.

Б а р к а с о в. Кто их запланировал? (*На ходу просматривает бумагу.*)

Т я т и н (*негромко Слоняеву*). Да это вы что? (*Взяв со стола свинку.*) В игрушки играете вместо работы?

С л о н я е в. Иван Силыч, отдайте мою свинку.

Т я т и н. Нет, прежде директору расскажу, чем вы заняты в такое напряженное время...

С л о н я е в (*просительно*). Товарищ Тятин...

Б а р к а с о в (*посетителю*). Потом, потом я посмотрю эту бумагу. (*По телефону.*) Слушаю вас, товарищ Гребешков... Да, но для выступления по радио мне надо подготовиться... Значит, мне позвонят из радиоцентра?.. Есть, договорились, товарищ Гребешков.

П о с е т и т е л ь (*снова порываясь к директору*). Товарищ Баркасов...

Д у х о я в л е н с к и й (*отстраняя посетителя*). Алексей Гаврилыч, потрудитесь подписать это отношение в главк.

Б а р к а с о в (*зitata*). Нет, не так! Эти фразы лишние. Исправьте.

Т я т и н (*делопроизводителю*). А справка готова?

Б а р к а с о в. Ах, да, где же справка?

С о ф о ч к а (*торопливо подкрасив губы*). Справочка готова, Алексей Гаврилович. Вот она...

Посетитель. Товарищ Баркасов...

Баркасов (*зитая справку на ходу*). Извините. Потом. У меня сейчас совещание.

Посетитель. А главное, товарищ Баркасов, все другие учреждения охотно берут кроликов. И только вы почему-то...

Баркасов, Тятин и посетитель уходят.

6

Духоявленский (*машинистке*). Товарищ Тройкина, перепечатайте это отношение в главк... (*Прохаживаясь по канцелярии.*) Да, друзья мои, неорганизованно работает наш директор...

Софочка (*горяго*). Это неправда! Товарищ Баркасов у нас один за всех работает!

Духоявленский. Но это и есть крупнейший минус для руководителя учреждения.

Слоняев (*засмеявшись*). Он во все дела нос сует.

Духоявленский. Причина такой несостоятельности директора более чем ясна. Он не сумел подобрать себе настоящего заместителя. Тятин не оправдывает своего высокого назначения.

Настя (*горяго*). Иван Силыч Тятин очень хороший человек!

Духоявленский. Это не качество для ответственного работника... (*Расправив грудь.*) Заместитель директора должен быть таким человеком, который каждую минуту может принять то или иное самостоятельное решение.

Слоняев. Был слух, Антон Антоныч, что вас хотели назначить заместителем Баркасова.

Духоявленский. Слух! Мне товарищ Гребешков лично сказал об этом. Но Баркасов и некоторые райкомовцы заартачились...

Слоняев. Телефончик звонит, Антон Антоныч.

Духоявленский (*в трубку*). Слушаю... Баркасова? Сейчас. (*Софогке.*) Товарищ Крутецкая, попросите директора. Из радицентра ему звонят.

Софочка (*перестав шептаться с машинисткой*). Иду... (*Поправив пригеску и подкрасив губы, уходит.*)

Духоявленский (*Слоняеву*). Вот вы говорите — Тятин. Да разве он на своем месте работает? У него нет масштаба, нет горизонта. Он недалновидный человек для такой высокой должности.

Слоняев (*угодливо*). Его при гардеробе надо держать.

Духоявленский. Вот именно. Он каждую минуту может директора чем-либо подвести. И так подведет, что их обоих к черту турнут...

Входит Баркасов и вслед за ним — посетитель и Софочка Крутецкая.

7

Посетитель. Товарищ Баркасов... Минуточку...

Баркасов. Слушайте, меня к телефону...

Посетитель (*Слоняеву*). Дожал, кажется, его. Дрогнул.

Баркасов (*в трубку*). Слушаю... Понимаю... Завтра в двадцать один час?.. Есть. Договорились... (*Вешает трубку.*)

Посетитель. Товарищ Баркасов, вы только взгляните на эти бумаги, из которых видно, что все мои кролики...

Духоявленский (*заслоня посетителя*). Алексей Гаврилыч, вот отношение в главк. Мы перепечатали. Подпишите.

Посетитель. Товарищ Баркасов...

Баркасов (*просматривая отношение*). Я же вам сказал, что эти фразы лишние. Вы что, хотите меня подвести? Исправьте.

Духоявленский. Виноват. Недоглядел. Машинистка перепутала.

Посетитель. Товарищ Баркасов, вот эти бумаги...

Баркасов. Завтра, завтра зайдите. Я сейчас занят.

Посетитель. Нет, до завтра я никак не могу, товарищ Баркасов. До завтра они не выдержат.

Баркасов (*проведя рукой по глазам*). Кто? Что не задержит?

Посетитель (*идя к выходу вслед за директором*). До завтра, товарищ Баркасов, они все могут очокуриться.

Духоявленский. Товарищ Тройкина, еще раз перепечатайте это отношение в главк.

Баркасов и вслед за ним Тятин входят в кабинет. Посетитель останавливается в дверях. Баркасов, схватившись рукой за сердце, беспомощно опускается в кресло.

8

Тятин. Что с тобой? Тебе худо?

Баркасов. Сердце что-то...

Тятин. Доктора, доктора... Ему худо...

Посетитель. Вызвать по телефону?

Баркасов. Пустяки... Сердце немного... Не надо врача...

Тятин. Ну нет, как же без врача... (*Посетителю.*) Попросите сюда доктора. Он там, в санитарной тройке... Вторая дверь направо... (*Посетитель уходит.*)

Баркасов. Да уверяю тебя, все прошло.

Посетитель (*снова появляясь*). Сейчас врач придет... Ну как, товарищ Баркасов, легче вам? Уже можете на мою бумагу взглянуть, из которой вам сразу станет ясно, что кролики за вами запланированы?

Входит врач в белом халате. Тятин закрывает дверь кабинета, вытеснив посетителя в коридор.

9

Баркасов. Извините, доктор, мы зря потревожили вас...

Тятин. Нет уж, доктор, проверьте больного. Сердце у него что-то. Чуть не упал.

Доктор. Ну-те вашу руку... Сейчас... Так... Ничего... Пульс нормальный... Небольшие перебои... Ничего особенного...

Тятин. Вон бледный какой...

Доктор. Нервное переутомление. В отпуск надо идти.

Баркасов. Нет, в отпуск я сейчас...

Тятин. В отпуск он сейчас категорически не может.

Доктор. Тогда вот что я вам скажу...

Тятин. Алексей Гаврилыч, прислушайся к голосу науки. А я уж запишу, что доктор скажет.

Баркасов. Только, доктор, в пределах моих возможностей.

Доктор. Потребую самое малое — выслушать краткую лекцию о гигиене труда.

Баркасов (сухо). Ну уж это в другой раз, доктор.

Доктор. Все-таки в двух словах скажу. Ведь разумное отношение к своей работе — это, батенька мой, кардинальный вопрос нашего времени, это основа производительности труда.

Тятин (жмурясь). Мы все сейчас должны, засучив рукава...

Доктор. Не возражаю. Но и при штурмовщине следует разумно относиться к своему телу. Человек способен удивительно много работать. Отдых его может быть весьма кратким. Но этот отдых должен быть правильным, ритмичным...

Тятин. Не знаю, если я переутомился — сразу на диван и, как говорится, немного «храповицкого».

Доктор. Но это не всегда достигает цели. При значительном нервном перераздражении мозг продолжает работу, и полного отдыха не получится.

Баркасов. А как же в таком случае поступить?

Доктор. В этом случае нужно резко переключить свое внимание. Ну, допустим, в театр сходить.

Тятин. Не знаю. Не думаю...

Доктор. А вот медицина за вас думает. Впрочем, я случайно назвал театр. Это может быть все — понянчили ребенка, послушали радио, почитали занимательную книгу. Все, что по-настоящему займет ваше внимание, — это и будет вашим отдыхом.

Баркасов. Это верно. Помню, я готовился к государственным экзаменам. По двадцать часов в сутки занимался. А в перерывах бежал к реке, купался либо играл в волейбол. И возвращался к книгам без тени утомления.

Доктор. Вот вы правильно поняли мои слова. И теперь я со спокойной совестью покидаю вас... Что опять за сердце беретесь? Сердце у вас здоровое. Забудьте о нем, не думайте.

Баркасов. Да оно бьется — как его забыть?

Доктор. Вот я и говорю: сходите в кино, в театр. И тогда ваше излишнее внимание к сердцу переключается на иные интересы... Желая здравствовать... *(Направляется к выходу.)*

Тятин *(негромко)*. Доктор, простите, а куда ему лучше сходить? В оперетту, чтоб было посмешней? Или в драму?

Доктор. Да и то и другое хорошо.

Тятин. И что ему — одному пойти или, например, в компании?

Доктор. Нет, одному-то, конечно, нехорошо. Допустим, неважная пьеска — вот и не отвлекся. И поговорить не с кем. Лично я про себя скажу. У нас в поликлинике. Сотрудница. Любительница театров. Берет она меня под руку и ведет. Шутим, острым с ней. И прямо скажу: душой отдыхаю... Ну, еще раз желаю здравствовать. *(Уходит.)*

10

Тятин. Доктор-то нам попался какой-то особенный.

Баркасов. Нет, он вещи говорил разумные.

Тятин. Где же разумные? Сходите, говорит, в театр с одной сотрудницей. При чем тут сотрудница, если человек, как говорится, с катушек падает.

Баркасов. Это он к примеру сказал.

Тятин. Отвлекитесь, говорит, переключитесь!.. Да ты что опять за сердце берешься? Перебой?

Баркасов *(просматривая бумаги)*. Немножко. Пустяки.

Тятин. А все-таки, Алексей Гаврилыч, ты выполни предписание науки. Сходи, понимаешь, в театр. Может, и верно на пользу пойдет. Сейчас тебе болеть — зарез для всего учреждения.

Баркасов. Да нет у меня времени для театров.

Тятин. Нет уж, сделай милость, не отказывайся. Конечно, медицина дело темное, но черт его знает, может, и в самом деле эта процедура тебе поможет. А?

Баркасов. Вряд ли пойду... Иван Силыч, попроси сюда делопроизводителя. Боюсь, что он опять бумагу в главк не так сочинит... *(Углубляется в работу.)*

Тятин входит в канцелярию. За ним посетитель.

11

Посетитель. Ну как, лучше директору? Можно к нему?

Тягин. Нет, еще нельзя. (*Делопроизводителю.*) Антон Антоныч, директор просит отношение на подпись.

Посетитель. Тогда я, пожалуй, схожу еще в одно учреждение, где у меня не взяли кроликов. А через часок я снова к вам. (*Уходит.*)

Духоявленский. Товарищ Крутецкая, отнесите эту бумагу директору. А то он меня что-то не переваривает.

Софочка (*подкрасив губы*). Сейчас... (*Идет к выходу.*)

Тягин (*негромко*). Софья Васильевна, дельце у меня к вам... Вот какая вредная история случилась. Доктор, понимаете, посоветовал нашему Алексею Гавриловичу в театрах бывать. Так уж вы иной раз не откажите разделить с ним это грустное путешествие...

Софочка. Да, но почему вы мне говорите об этом?

Тягин. Зная вашу симпатию к нему, я...

Софочка. Моя симпатия к нему — в высшем смысле! Но я вовсе не собираюсь устраивать какие-нибудь там...

Тягин. Зная ваш высокий моральный облик, я и обращаюсь к вам...

Софочка. Но мое или ваше желание — недостаточно! Тут надо, чтобы сам товарищ Баркасов...

Тягин. Так вы же знаете, какой он. Ежели его не подтолкнуть на эту врачебную процедуру, то он сам и не подумает об этом. Он забывает про себя.

Софочка. Право, не знаю. Хорошо. Попробую.

Тягин. Попробуйте, голубушка. А то в эти ответственные дни ему никак нельзя болеть... Сейчас я в оперетку позвоню, чтобы они два билетика на сегодня прислали...

Оба выходят из канцелярии. Софочка Крутецкая входит в кабинет директора.

12

Софочка (*подавая бумагу*). Как вы себя чувствуете?

Баркасов. Спасибо. Сейчас лучше.

Софочка. Алексей Гаврилович, говорят, что вам доктор посоветовал в театрах бывать?

Баркасов. Да, представьте себе — велел ходить по театрам... (*Читая отношение.*) Вот теперь правильно.

Софочка. Как раз я собиралась в театр... и если вы... то я буду очень рада... с вами пойти...

Баркасов. Благодарю вас, Софья Васильевна. Как-нибудь непременно пойдем... Вот, я подписал отношение в главк...

Софочка. Но я как раз сегодня собиралась...

Баркасов. Нет, сегодня я никак не могу. *(Схватившись рукой за сердце.)* А верно, может, нам сегодня пойти? *(Еще раз приложив руку к сердцу.)* Да, пожалуй, надо сегодня пойти... Благодарю вас, Софья Васильевна...

Софочка. Тогда я сейчас... Только узнаю... *(Убегает.)*

13

Духоявленский. Товарищ Слоняев, если вы исправили подсчет, то отнесите директору. Пусть он сам проверит.

Слоняев. Иду-с... *(Собирает бумаги в папку.)*

Софочка *(войдя в канцелярию, склоняется к машинистке.)* Ты знаешь, Настенька, Баркасов пригласил меня в театр.

Настя. Ну? Не может быть! Как странно! Он всегда на меня смотрел. А тут вдруг...

Софочка. Тем не менее он меня пригласил в театр на сегодня...

Делопроизводитель прислушивается к разговору. Сотрудницы умолкают. Слоняев входит в кабинет директора.

14

Баркасов. Исправили подсчет?

Слоняев. Исправил, товарищ директор.

Баркасов. Потом проверю. Ступайте... Погодите, я хотел вас спросить... Ну, как вы вообще живете?

Слоняев *(сумражно)*. Товарищ директор, я исправил ошибку и впредь буду внимателен. Что касается «танцующей свинки», то...

Баркасов. К-какой свинки?.. *(Проведя рукой по глазам.)* Да, что-то мне опять нездоровится. Какой-то туман в голове... Вот поэтому я и хотел поговорить с вами... Как вы проводите время?

Слоняев. Если вы думаете, что я... то это злостная клевета... Я почти не пью...

Баркасов. Ах, я не об этом! Я спрашиваю: как вы развлекаетесь? В чем состоит ваш отдых?

Слоняев. Культурные развлечения, товарищ директор. Книги. Разнообразное чтение.

Баркасов *(смеясь)*. Врете ведь! Но я спрашиваю вас не как директор. Просто мне интересно узнать, как сейчас отдыхают люди...

Слоняев. Благодарю вас за доверие, товарищ Баркасов.

Баркасов. Что у вас на сегодня задумано? Расскажите.

Слоняев. Ну, приду домой. Покушаю, конечно. А вечером, может быть, зайду к одной знакомой. Что-нибудь принесу ей...

Баркасов. То есть что принесете?

Слоняев. Ну, пирожные, тортик. Или цветы...

В кабинет входит Тятин. Взяв папку с бумагами, собирается уйти.
Однако, услышав последние фразы, задерживается в дверях.

15

Тятин. Прислушайся к жизни, Алексей Гаврилыч. Я сам, понимаешь, когда ходил в женихах, непременно с коробочкой конфет являлся. Без этого меня хмуро встречали. (*Уходит.*)

Слоняев (*вдохновенно*). Вот я и говорю вам, товарищ директор: без этого прямо хоть не являйся! Женщины, Алексей Гаврилыч, любят знаки внимания. Иная сама недурно зарабатывает, а принесешь ей пару цветочков — и она приходит в полный восторг. И уж тут, как говорится...

Баркасов. Гм... Ну, спасибо. Ступайте...

Слоняев возвращается в канцелярию.

16

Софочка (*шепотом*). Настя, а что мне мужу сказать?

Настя. М-да, твой Юрий всегда жутко переживает, если у тебя что-нибудь такое...

Софочка. Юрий прямо с ума сойдет, если вдруг Баркасов за мной зайдет!

Настя. А ты не говори ему, что с Баркасовым в театр идешь. Скажи, что идешь со мной.

Софочка. А как же Баркасов?

Настя. Нет, ты не понимаешь. Ты приходи ко мне. Баркасов зайдет за тобой тоже ко мне. И ты прелестно пойдешь с ним в театр.

Софочка. А верно, я ему твой адрес дам...

Настя. Ясно. Мой адрес напиши ему на записке.

Духоявленский прислушивается к разговору. Софочка направляется в кабинет директора.

17

Софочка (*положив записку на стол*). Вот я тут написала...

Баркасов. То есть что написали? (*Смущенно.*) Ах, это! Благодарю вас, Софья Васильевна.

Софочка убегает.

В кабинет директора входит Тятин с большой коробкой конфет.

Тя т и н. Ну вот, браток, снаряжу тебя сейчас в путь-дорогу... Эта коробочка конфет «Жар-птица» осталась у нас, понимаешь, еще со дня восьмого марта. Правда, коробочка немного почата, но не слишком заметно... Вот я ее в твой портфель положу...

Б а р к а с о в. Ах, не надо мне этого.

Тя т и н. То есть как это не надо? Обязательно надо...

Тя т и н укладывает коробку конфет в портфель Б а р к а с о в а. Затем, усмехнувшись, вытаскивает из кармана «танцующую свинку», отобранную у С л о н я е в а. И, оглянувшись на работающего Б а р к а с о в а, запихивает ее в портфель.

Б а р к а с о в. Нет, Иван Силыч, неохота мне идти в театр.

Тя т и н. А ты перебори свое нежелание.

Б а р к а с о в. Да уж тогда лучше я в театр с женой пойду.

Тя т и н (*всплеснув руками*). Ох, черт! Я же совсем позабыл, что у тебя жена. Вот не познакомил меня с ней, а у меня из головы вон... Фу ты, что получилось! Сейчас я Софе Крутецкой скажу, чтобы она с тобой не ходила...

Б а р к а с о в. Верно, Иван Силыч, скажи ей, что я сегодня... Да нет, неловко ее обижать... (*Схватившись рукой за сердце.*) А впрочем, пожалуй, схожу... Отвлекусь, рассеюсь...

Тя т и н. Вот и пошел бы с супругой... Ох, этот врач...

Б а р к а с о в. Ладно, не брюзжи... Вот часок поработаю и...

Тя т и н. Э-э, нет, иди-ка ты домой. Пусть у тебя будет сегодня полнейший отдых... Домой, домой, Алексей Гаврилыч... А я тебя маленько провожу. Освежусь на воздухе А то сегодня я тоже как в тумане.

Одевшись, оба уходят.

Д у х о я в л е н с к и й набирает номер телефона.

19

Д у х о я в л е н с к и й (*в трубку*). Это квартира товарища Крутецкого? А что, его самого нет?.. С кем имею честь?.. Его мамаша?.. Передайте Крутецкому, что его жена встречается с директором Баркасовым на квартире машинистки Тройкиной... Если он пожелает проверить, пусть зайдет туда в девятнадцать ноль-ноль... Это неважно — кто. Говорит человек, который заинтересован в повышении морального облика советских людей... (*Вешает трубку.*)

В канцелярию входит посетитель.

Посетитель. А где же товарищ Баркасов?

Духоявленский. Домой ушел. Завтра зайдите.

Посетитель. Так ведь завтра же воскресенье! А до понедельника мои кролики категорически... Ой, что же мне делать? Придется к Баркасову домой ползти. Пусть он мне в виде аванса выдаст хотя бы пятьдесят рублей. *(Идет к выходу.)*

Духоявленский. Стойте. Подойдите сюда ближе... Вот что я вам скажу... Но только пусть это между нами...

Посетитель. Извольте. Мое дело маленькое.

Духоявленский. Баркасова сегодня дома не будет. Он по субботам заходит, ну... к одной особе...

Посетитель *(ухмыляясь)*. Понимаю, я сам иной раз...

Духоявленский. Вот вы и зайдите туда. Лесная четыре, квартира Тройкиной.

Посетитель. Так он же выгонит меня оттуда!

Духоявленский. Напротив. Люди в такие часы добреют, настроены благодушно...

Посетитель. Это верно. Я сам однажды нищему трешку дал — шел с одной интересной особой. Психологический момент...

Духоявленский. Вот и зайдите туда в девятнадцать ноль-ноль...

Посетитель. От души благодарю. Зайду. Попрошу сотняжку. А то мои кролики до понедельника не выдержат испытания... *(Поспешно уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая СНОВА В СЕМЬЕ

Декорация первой картины. На диване жена Баркасова Зоя Павловна. В ее руках книга. Перед диваном — Виктор Эдуардович Ядов. Он в пальто, в руках сверток бумаг и кепка.

1

Ядов *(театрально)*. Повторите эти слова, что вы мне сказали. Я хочу вторично выпить яд из ваших милых рук.

Зоя *(менее театрально)*. Извольте, синьор. Я никогда вас не люблю. И никогда вашей женой не буду.

Ядов. Прощайте. Иду в ночь...

Зоя. Погодите. Я не могу отпустить вас в таком состоянии. Вы настроены...

Я д о в. Расстроен? Это слишком незначительное слово для моего душевного состояния. Не расстроен, мадам, а — перестала играть музыка, под которую плясала моя жизнь! Иду в небытие...

З о я. Виктор Эдуардович...

Я д о в. Я пошутил, сударыня. Я иду к моей маленькой машинистке Насте — она сегодня будет переписывать первый акт моей исторической драмы. Я буду нищий, если через месяц не сдам мою работу. Театр не соглашается ждать.

З о я. Мне решительно все равно, куда вы идете... Вы знаете, Виктор Эдуардович, после наших разговоров я всегда невольно вспоминаю моего мужа...

Я д о в. Мило!

З о я. Как с ним легко, просто. У него нет игры ни в словах, ни в чувствах... Кстати, наше дикое предположение, что он... ну — о чем мы говорили утром... это чепуха. Если он любит, так любит, а нет — так он скажет об этом.

Я д о в. Радуюсь вашему семейному счастью.

З о я. Вы запутали меня своими афоризмами. И мне бог знает что показалось. Обман не вяжется с ним. Он цельный и ясный человек. Он знает, для чего живет, для чего работает... А вы? Разве вы знаете, для чего живете? И кому принесете пользу или радость?

Я д о в. Знаю, сударыня! Через тысячу лет я принесу людям эстетическую радость. На моей могиле вырастет прелестный голубой цветок. И какая-нибудь волшебная женщина будущего воскликнет: «Какое дивное растение!»

З о я. А мой муж не так смотрит. Он хочет не таким способом принести пользу людям. Но только при этом он, несомненно, совершает ошибку. Он работает не замечая жизни — в ущерб здоровью, в ущерб семье. И даже, мне думается, в ущерб делу — потому что качество его работы при таких условиях не может быть высоко...

Я д о в. В дальнейшем, сударыня, люди будут гармонически развиты. И такие происшествия будут исключены.

З о я. Но и сейчас не следовало бы допускать такой оплошности!

Я д о в. Эту оплошность вашего мужа мы исправим ревностью.

З о я. Нет, я отказываюсь от этого способа...

Звонок.

Я д о в. Это он... На всякий случай обнимите меня. Это зрелище будет ему полезно...

З о я. Нет.

Я д о в (обнимая). Зоя...

Входит бабушка.

2

Бабушка. Дочь моя... Опять!.. Ну, в уме ли ты?

Зоя. Мама, а где Боря?

Бабушка. Он на пионерском сборе... Дочь моя, в квартире моего мужа я никогда не могла помыслить даже о простом свидании...

Зоя. И долго его там задержат?

Бабушка. Нет, он скоро придет... И даже когда я была с мужем в Париже... И я, казалось бы, не могла поступить иначе, тем не менее... (Задумчиво.) Ах, как все быстро проходит...

Ядов (в тон бабушке). О, сказкой ставшая воскреснувшая была! О, крылья бабочки, с которых стерлась пыль!

Бабушка. Так я буду накрывать на стол... Не уходите, Виктор Эдуардович. Оставайтесь пообедать. (Уходит.)

Ядов. Ухожу-с... Зоя Павловна, свидетельствую вам мое почтение. До скорого свидания.

Зоя. Прощайте... Я хотела вам сказать... такие люди, как вы... быть может, мне ближе, но... Вот мне сейчас тридцать лет...

Ядов. Вам тридцать один, Зоя Павловна. Восток разумно исчисляет возраст с момента утробной жизни.

Зоя. Ну хорошо — тридцать один. И я смутно помню то, что было до революции. Но я почему-то хорошо запомнила таких людей, как вы. Таких мужчин, у которых «настроение», «переживания», поэтические слова. А за этим — пустота и никакой цели... Я боялась таких людей.

Ядов. У меня есть цель в жизни — это вы. А что касается моего настроения, то...

Зоя. Нет, я вообще говорю...

Ядов. А вообще астрологи считают, что созвездия влияют на человеческий организм. Космический флюид пронизывает вселенную и отражается на всей материи, включая вас и, увы, меня.

Зоя (прислушиваясь). Кажется, Алеша пришел...

Ядов (театрально раскрыв объятия). Зоя... (Отступив.) Э-э, нет, это, вероятно, опять ваша почтеннейшая мамаша.

Входит Баркасов. В руках у него коричневый кожаный портфель.

3

Баркасов (положив портфель на стул). А-а, Виктор Эдуардович! Что вы теперь так редко посещаете нас?

Ядов. Напротив. Слишком часто захожу...

Зоя (перебивая). Алеша, я...

Баркасов (целуя жену). Зоюшка...

З о я. Я так рада, что ты сегодня рано пришел.

Б а р к а с о в. До, но, к сожалению, я должен вскоре уйти.

З о я. Ах, вот как... уходишь?

Входит б а б у ш к а. Накрывает на стол.

4

Б а б у ш к а. Вот и чудесно. Прямо к обеду.

Б а р к а с о в. Я сам огорчен, Зоюшка, что не могу побыть дома, но как раз сегодня я... случайно... с одной...

Б а б у ш к а (*торопливо перебивая*). Пальто хоть снимите... (*Помога я повесить пальто.*) Ни слова ей об этом.

Б а р к а с о в. То есть вы о чем, Алиса Юрьевна?

Б а б у ш к а (*тихо*). Мужчина не должен посвящать жену в свои шалости.

З о я. Алеша, ты сегодня ужасно бледный. Тебе необходимо посидеть дома.

Б а р к а с о в. Но сегодня я обязательно должен... Мне не хочется идти, однако... Так было бы славно побыть с тобой, с Борей.

З о я. Я так рада, что ты об этом говоришь.

Б а б у ш к а (*Ядову*). Оставайтесь. Пообедайте. Не надо вам сейчас уходить. Поверьте мне.

Я д о в (*бабушке*). Мирные отношения налаживаются. Я лишний.

З о я. Мама, давайте обедать.

Б а б у ш к а уходит.

Я д о в. Я отбыл, Зоя Павловна, с вашего разрешения, я зайду к вам позже.

З о я. Нет, сегодня не стоит, Виктор Эдуардович.

Б а р к а с о в. Зоинька, пусть Виктор Эдуардович к тебе зайдет. Тебе же одной скучно.

З о я (*волнуясь*). А ты разве долго удержишься?

Б а р к а с о в. Я в двенадцать вернусь.

З о я. Виктор Эдуардович, приходите тогда...

Я д о в. Всенепременно.

Уходя, Я д о в сталкивается в дверях с Б о р е й.

Почтительно раскланивается с ним. Уходит.

5

Б о р я. Мама, учительница жутко сердилась, что ты не пришла.

З о я. Ах, я и позабыла об этом!

Б о р я. И папа не пришел, и мама не пришла. Ясно, говорит, оттого и сын на уроках кукарекает... Что же это вы? Вот поэтому я, наверно, и кукарекаю.

Б а р к а с о в. Зоюшка, ты завтра сходи в школу... (*Взглянув на часы.*) Да, но мне надо торопиться.

Б а б у ш к а (*входит с миской*). Кушать подано.

Б о р я. Все за стол!

Б а б у ш к а. Я включу радио.

Б о р я. Я... я включу...

Б а б у ш к а. Мой первый муж всегда говорил, что за едой должна играть музыка. Это благотворно влияет на пищеварение.

Б а р к а с о в. Вы, как всегда, правы, Алиса Юрьевна. Бойцы в походе меньше устают, если идут под музыку. Вообще, Зоюшка, врачи утверждают, что музыка и театр — наиболее разумный отдых. Это отвлекает...

З о я. Алеша, ты сегодня добрый, милый...

Б о р я. Да, папка у нас сегодня хороший. Не особенно нервный.

Б а р к а с о в (*усмехаясь*). Постараюсь и впредь быть таким.

З о я. Я так рада, Алеша... Ты что-то передумал, да? Я была уверена в тебе, но страшно боялась...

Б а р к а с о в (*целует жену*). Да, чуть тебя с Борькой не проглядел. Прости...

З о я (*настороженно*). Ах, вот даже как...

Б а б у ш к а. Вот о семье, Алексей Гаврилыч, надо всегда помнить. Даже в экстраординарных случаях.

Б а р к а с о в. Оказывается, нельзя все помыслы направлять только лишь на одно и больше ничего не видеть... Ах, Зоюшка, так досадно, что мне надо идти. Ну, просто неловко было отказать. Но я о тебе буду думать.

Б а б у ш к а. Какая прекрасная музыка по радио. Как она изумительно действует на настроение...

Звонок. Входит к о н т р о л е р Электротока. В руках у него потрепанный парусиновый портфель.

6

К о н т р о л е р. Электроток пришел...

З о я. Вот счетчик. Направо.

Б о р я. Вот, вот наш счетчик!

Б а р к а с о в. Ну, Зоинька, я пойду.

З о я. Иди, Алеша. (*Целует мужа.*)

Б а р к а с о в. Ну, сынок, дай свою лапку...

Бабушка. Часы-то у нас на пять минут отстают...
Баркасов. Да, иду, иду... Где же моя шляпа?
Боря. Это я спрятал шляпу, я...
Зоя. Боря, отдай отцу шляпу!
Боря. Да вот она — на шкафу...
Баркасов *(встав на стул)*. Ах, плутишка...
Боря. Ничего, это папке полезно. А то он по утрам физкультурой не занимается.
Контролер *(выписав квитанцию)*. Примите квиточек.
Зоя. Смотри, Алеша, у нас опять экономия...
Баркасов. Прости, Зоюшка, я опаздываю...
Поспешно одевшись, Баркасов целует жену и, схватив вместо своего портфеля парусиновый портфель контролера, стремительно уходит.

7

Зоя. Вам сейчас уплатить, товарищ контролер?
Контролер. Нет, платить надо в кассу. *(Ищет портфель.)*
Зоя. Вы что-нибудь потеряли?
Контролер. Да, портфель мой. Куда-то я его сунул...
Бабушка. Вот ваш портфель — на стуле.
Боря. Нет, это папкин портфель — коричневый.
Контролер. Мой портфель обыкновенный, парусиновый. Вот сюда я на стул положил. А теперь его нету...
Бабушка. Я тоже видела — он тут на стуле был.
Зоя. Ну, деться-то он никуда не мог.
Бабушка. Товарищ, а вы вспомните хорошенько — может быть, его у вас и не было? Или, может, быть, вы его в другой квартире оставили?
Контролер. То есть как это оставил в другой квартире? Да что вы, бабушка-старушка! Вашу карточку-то я вынул из портфеля — вот она, карточка. Записал на ней последнее показание счетчика.
Зоя. В таком случае ваш портфель несомненно где-нибудь здесь...
Боря, ты не брал дядин портфель?
Боря. А какой портфель?
Контролер. Да такой он — беловатый, парусиновый.
Боря. И с такой ручкой?
Контролер. Да, и ручка у него сверху.
Боря. Нет, такого портфеля я не брал.
Бабушка. А вообще брал какой-нибудь портфель?
Боря. Когда?

Бабушка. Ну, когда-нибудь.
Боря. Когда-нибудь брал.
Контролер. Ну, ясно — это он взял. Раз он отцовскую шапку на шкаф закинул, — значит, он! Говори: куда ты его дел?
Боря. Да не брал я ваш портфель!
Зоя. Он бы сказал, если б взял.
Контролер. Вот он и говорит, что брал портфель.
Боря. Я брал, когда в школу шел.
Контролер. Это, значит, он в школу мой портфель занес? Вот тебе здравствуйте, бабушка-старушка!
Бабушка. Ай, я-то при чем?
Боря. Не брал я в школу ваш портфель. Я мой брал.
Контролер. Но тогда спрашивается, где же мой портфель?
Зоя. Надо поискать.
Бабушка. Посмотрите за диваном.
Контролер. Ну-ка, бабушка-старушка, помогите мне диван отодвинуть.
Бабушка (*помогая*). Борюшка, погляди под диваном.
Боря (*радостно*). Ага, и тут нету вашего портфеля!
Контролер. Ой, граждане, да что же это! Как же я теперь буду без портфеля? Ведь там электрическое хозяйство всего района. Да ведь мне за это...
Зоя. Успокойтесь. Найдется ваш портфель.
Бабушка. Значит, этот коричневый портфель — не ваш?
Боря. Нет, это папкин. Я же знаю.
Контролер (*зуть не плача*). Ой, да что же я буду делать? Обыкновенный парусиновый портфель... И теперь его нет...
Бабушка. Но я отлично видела, что Алексей Гаврилыч вышел с портфелем.
Зоя. Может, по ошибке он не тот портфель взял?
Контролер. Граждане, да, может, он вместо своего портфеля мой унес? Вот это будет номер!
Зоя (*взяв коричневый портфель*). Странно. Это Алешин портфель. Он всегда с ним ходит... (*Открыв портфель, снова захлопывает его, как бы не желая видеть, что там.*) Мама!
Бабушка. Ну, что ты? Что с тобой?
Зоя (*снова открыв портфель*). Мама... мама...
Бабушка неторопливо вынимает из портфеля коробку конфет «Жар-птица» и «танцующую свинку».
Бабушка. М-да, знаешь ли...
Боря. Ого! Конфеты... И какая-то свинка с зеркальцем...
Зоя (*пронзительно*). Мама!

Бабушка. Ну, Зоюшка, не волнуйся так, не волнуйся...

Зоя. Что ж это? Значит, он... Значит, все это было обман, ложь...

Бабушка. Но, может быть, он для тебя это принес...

Зоя. Нет, он хотел взять с собой этот портфель. Значит, он собрался к кому-нибудь и... забыл портфель...

Контролер. Нет, граждане, он не забыл портфель, а переменял. Вместо своего портфеля он взял мой. А свой оставил.

Бабушка. Успокойся, успокойся, доченька. Ну что в этом особенного? Конечно, он виноват, но... Ну, это всегда так у них. Обычная картина...

Зоя (*стучит в стену*). Виктор Эдуардович!

Бабушка. Его же нет. Он ушел... Вот, действительно, чурбан какой! Взял и ушел, когда он так нужен.

Зоя. Как это подло, низко! Значит, он всякий раз прикрывался работой, а сам шел к какой-нибудь там...

Бабушка. Лично я давно была уверена в этом.

Контролер. Граждане, я целиком сочувствую вашей семейной драме, но войдите и в мое положение. Не могу же я без портфеля уйти.

Бабушка. Теперь отыщется ваш портфель.

Контролер. Но я тут не могу до ночи ждать. Хотя бы выяснить адрес — куда именно мой портфель пошел... Бабушка-старушка, пожалуйста действуйте в этом!

Бабушка. Ай, слушайте, не до вас сейчас! Зайдите завтра в это время.

Контролер. Хорошенькое дело — «завтра в это время!»! А как же я работать буду? Вы отдаете себе отчет?.. Нет, до завтра я никак не могу, бабушка-старушка... Хорошо, ладно, справляйтесь со своим горем — я тактичный человек, подожду. Но без портфеля я отсюда не уйду. Это я вам заранее заявляю.

Бабушка. Тогда не мотайтесь, а сядьте тут и ждите.

Контролер. Я мотаюсь благодаря тому, что я нервничаю. Шутка ли сказать, что случилось! Нет, бабушка, я вам откровенно признаюсь: либо я от вас уйду с портфелем, либо меня отсюда вперед ногами вынесут. Иного положения не будет. Так и знайте...

Бабушка (*отмахиваясь*). Да сядьте, говорят вам, в сторонку! (*Догери.*) Успокойся, успокойся: ну, право, в этом ничего особенного. Все они такие. Слава богу, знаю жизнь...

Зоя (*страда*). Алеша... Алеша...

Бабушка. Если хочешь знать — я и не видела иных мужчин.

Зоя. Значит, он... и в прошлом году...

Бабушка. Или, например, мой первый муж... Уж, кажется, на что обожал меня... Но вот однажды стало мне известно... передали

люди... дескать, певичка одна и он... в зоологическом саду на свидании... А я, Зоюшка, была тогда молоденькая, неопытная — только что выпорхнула из родительского гнездышка... Ничего! Еду в зоологический сад. Той — публично оплеуху, этому — зонтиком по физиономии. Дома съедаю фосфорные спички. И на другой день мой муж на коленях вымаливает у меня прощение. И снова разрешает бывать у нас в доме Борису Ивановичу Нелькину, который в то время очень меня любил...

К о н т р о л е р (*улыбаясь*). Ай, ей-богу... Вот так бабушка-старушка — справилась с задачей... А певичка что? Схлопотала и пошла?

З о я (*снова стучит в стену*). Виктор Эдуардович!

Б а б у ш к а. Да говорят тебе — нет его... Вот дерево — ушел в такое время! Нет, когда у меня случилась эта история...

К о н т р о л е р. Ах, с певичкой-то?

Б а б у ш к а. Да... Так Борис Иваныч Нелькин в тот же миг был у меня...

К о н т р о л е р. И не допустил вас кушать фосфорные спички?

З о я. Боре спать пора. Уложи его... Ну, смотрите — он все конфеты съел!

Б о р я. Завтра воскресенье — не хочу спать.

К о н т р о л е р (*с нетерпением*). Бабушка... ну, ну... Пришел Борис Иваныч... и что?.. отнял спички?

Б а б у ш к а. Пришел Борис Иваныч и буквально три часа утешал меня, как ребенка...

З о я (*с отгаянием стучит в стену*). Виктор Эдуардович!

Б а б у ш к а. Вот чурбан! Уйти в такой момент!

Картина вторая НА КВАРТИРЕ У ТРОЙКИНОЙ

Комната машинистки Насти Тройкиной. Тахта. Разноцветные подушечки на тахте. На письменном столе — пишущая машинка и фотографии в рамках.

Юная, но бойкая домработница Анята Фиолетова готовится к вечеру жактовской самодеятельности — читает отрывок из романа «Война и мир».

1

А н ю т а (*декламирует*). «Князь Андрей подошел к ней, опустив глаза. “Я полюбил вас с той минуты, как увидел вас. Могу ли я надеяться?” Она...»

Телефонный звонок.

Ало! Это кто там у телефона?.. Нет, Тройкиных никого нет. Они в Лугу уехали, к сыну. А Настенька еще с работы не возвращалась... Что?.. Это

их домработница Анюта говорит... Не сомневайтесь — передам... (*Повесив трубку, снова декламирует.*) «Она приблизилась к нему и остановилась. Он взял ее руку и поцеловал. “Любите ли вы меня?” — “Да, да”, — как будто с досадой проговорила Наташа, громко вздохнула и зарыдала...»

Без стука входит драматург Виктор Эдуардович Ядов.
Он в пальто. В руках сверток бумаг.

2

Ядов (*театрально*). Дульцинея Тобосская, привет!.. Прелестно декламируете.

Анюта (*без смущения*). Это я, Виктор Эдуардович, выступать буду. У нас сегодня в жакте вечер самодеятельности.

Ядов. Ваш эстрадный номер будет иметь фантастический успех... А где же наша милейшая хозяйка?

Анюта. Настенька еще с работы не вернулась... Виктор Эдуардович, придите на наш вечер. Я бы для вас особенно постаралась.

Ядов. Не могу-с. Сегодня мне предстоит иной — более скучный — спектакль!

Анюта. Ах, вы на спектакль идете? В театр? С Настенькой?

Ядов. Идем с ней в театр жизни, дорогая! Но отчего же ее нет до сих пор?

Анюта. Она сейчас придет. Обождите.

Ядов. Ожидать — не в моем характере. В этом есть что-то унижительное... Анюта, скажи ей, что я заходил и через час снова зайду... Постой, я напишу ей записку...

Анюта. Вот карандашик...

Ядов (*пишет, паясничая*). «Божественная! Мой театр ждать больше не соглашается. Сегодня абонирую вас на весь вечер. Умоляю: гоните каждого, кто осмелится к вам зайти. В противном случае наглец будет пронзен моей шпагой и выкинут в окно... Ваш доблестный кавалер и драматург Виктор Ядов».

Анюта (*улыбаясь*). Ах, как у вас складно получается! Вот бы мне так научиться.

Ядов. Анюта, это в пределах возможного!.. Привет, дорогая. Через час я снова здесь... (*Уходит.*)

Анюта (*набрав номер телефона*). Ало! Кто это? Товарищ Васин?.. Это Анюта Фиолетова говорит... Товарищ Васин, не сомневайтесь — ровно к восьми я приду... Нет, нет, я не согласна срывать вашу программу. Пока... (*Вешает трубку.*)

В комнату торопливо входят Настя Тройкина
и Софочка Крутецкая. Обе в пальто.

3

Н а с т я. Анюта, никто не заходил?

А н ю т а. Виктор Эдуардович заходил. Написал вам записку.

Н а с т я (*взглянув на записку*). Ладно. Потом...

А н ю т а. Здравствуйте, Софья Васильевна. Вы у нас целую вечность не были.

С о ф о ч к а. Здравствуйте, Анюточка.

Н а с т я. А где же мои родители?

А н ю т а. Они в Лугу уехали. (*Уходит.*)

4

Н а с т я. Видишь, как хорошо получилось. Мой предки уехали к брату.

С о ф о ч к а. Да, я тебе очень благодарна, а то мой Юрий...

Н а с т я. Конечно. Зачем тебе его зря сердить... (*Показывая фото.*) Софочка, вот мой покойный муж — ты хотела взглянуть... Но это два года назад... аппендицит и... в три дня... Ну как — пойдем в парикмахерскую?

С о ф о ч к а (*поправляя пригеску*). Пойдем, а то у меня...

Н а с т я. Но как это неожиданно, что Баркасов тебя пригласил. Он всегда на меня смотрел.

С о ф о ч к а. Не знаю. По-моему, он постоянно смотрел на меня. Иначе он пригласил бы тебя.

Н а с т я. Да, это верно... Ну что ж, твое счастье. Заедет на машине. И, уж конечно, первые места. И сам очень интересный... А вот мне все попадаются какие-то неполноценные мужчины, какие-то неотесанные, недостаточно культурные...

С о ф о ч к а. Ты о своем фотографе говоришь?

Н а с т я. Да, и он. И отчасти Володя Слоняев... Мне даже как-то неловко с ними в кино пойти... (*Торопливо.*) Ну, если идти в парикмахерскую, то надо скорей. И я заодно... Тут внизу, в нашем доме...

С о ф о ч к а. Тогда я, пожалуй, шляпку не надену.

Н а с т я. Накинь мой платок... Да, вот уж никогда не думала, что ты Баркасову нравишься... (*Кричит.*) Анюта!

5

А н ю т а (*появляясь*). Уже уходите?

Н а с т я. Мы скоро вернемся. Только в парикмахерскую. А если без нас придет один такой человек...

С о ф о ч к а. Некто товарищ Баркасов. Он меня спросит.

Н а с т я. То пусть он обязательно подождет.

С о ф о ч к а. Пусть он тут посидит. Мы сейчас вернемся.

А н ю т а. Понимаю, Так ему и скажу... Но только вы скорей возвращайтесь, Настенька. Я ведь должна уйти. У нас к восьми сбор.

Н а с т я. Ясно, скоро вернемся, если начало в театре в восемь.

А н ю т а. Ах, вы в театр идете?

С о ф о ч к а. Да...

Обе уходят.

А н ю т а (*набрав номер телефона*). Товарищ Васин?.. Ну, как дела идут? Уже собираются люди?.. Да, пожалуй, еще рановато для этого... Нет, нет, я к восьми приду. Я не из таких, которые обманывают... Привет...

В комнату стремительно входит жених Настеньки — Павел Неселович Абрамоткин. В руках у него пухлый черный портфель.

6

А б р а м о т к и н. А где же Настенька?

А н ю т а. Фу, как вы меня всякий раз пугаете, товарищ Абрамоткин! Слишком торопливо входите.

А б р а м о т к и н. Извиняюсь, Анюта... А Настенька где?

А н ю т а. В парикмахерскую пошла... (*Правоугодно.*) Надо культурно постучать, Павел Неселович. И когда получите ответ: «Войдите», то и входите себе. Да не с разбегу, а тихо, культурно входите...

А б р а м о т к и н. Тихо зайдешь — ничего не заметишь.

А н ю т а. Культурные люди не позволяют себе ничего лишнего сказать. А если вы тем более жених Настеньки, то вы всякий раз обязаны...

А б р а м о т к и н. Ай, перестань меня учить!

А н ю т а. Вас всякий день надо учить. Такая у вас передовая профессия — фотограф, а сами вы... Да и вообще вы напрасно пальто снимаете — Настенька нынче в театр идет.

А б р а м о т к и н. В театр идет? Нет, она мне велела сегодня прийти. (*Вынимает из портфеля закуску.*)

А н ю т а. А зачем опять еду принесли?

А б р а м о т к и н. Я сегодня именинник. Она позволила.

А н ю т а. Все равно напрасно расставляете. Настенька в театр идет.

А б р а м о т к и н. Врешь. Нарочно меня изводишь.

А н ю т а. На этот раз, вот честное слово, не извожу. И советую вам спокойненько одеться, пока не перекисли от ревности... и идите себе. А завтра зайдете на черствые именины.

А б р а м о т к и н. Значит, про меня она тебе ничего не сказала?

А н ю т а. Про вас она ну ни словечка не сказала. Как будто вас и на свете в живых нет. А вот про других она сказала.

А б р а м о т к и н. А что же она про других сказала?

А н ю т а. Уж это мое дело, что она про других сказала. Я вам не обязана отчет отдавать... Про других она сказала мне: «Пусть те обождут. Пусть те непременно обождут — они мне нужны больше жизни!»

А б р а м о т к и н. Ведь зря мелешь. Нарочно меня изводишь.

А н ю т а. Ничуть не зря. Это я вам факт говорю.

А б р а м о т к и н. А с кем же она в театр идет?

А н ю т а. Ну, идет с одним человеком. Он куда интересней вас. И такой умный, что вы против него — тьфу! Он вас двумя словами в гроб заколотит.

А б р а м о т к и н. Меня не заколотит.

А н ю т а. Свободно заколотит. И даже в ответ вы ничего не сможете ему возразить — до того он вас своим умом забудет.

А б р а м о т к и н. Не забудет. Я тоже ему так отвечу, что он у меня...

А н ю т а. Пока вы за ответом в карман полезете, он вас — в минуту сто слов. И от вас только дым пойдет!

А б р а м о т к и н. Я тоже ему... сто слов... И он тоже... дым пойдет...

А н ю т а. А Виктор Эдуардович вас как...

А б р а м о т к и н. Ах, это тот драматург, о котором ты мне говорила? Он что — сейчас придет?

А н ю т а. Вскоре придет. И в театр, сказал, пойдет с Настенькой. И Софочка в театр, и эти в театр...

А б р а м о т к и н. А зачем же она мне велела прийти?

А н ю т а. Уж не знаю зачем. Наверно, чтобы над вами подшутить.

А б р а м о т к и н. Она сама сказала: «Зайдите...»

А н ю т а. А не хотите уходить, так сидите, ожидайте Настеньку. А то ходите скрозь по комнате — только ветер гоняете. А я разгорячившись. Сядьте и сидите, если вы именинник. А мне пора идти одеваться. (*Уходит.*)

А б р а м о т к и н нервно ходит по комнате.

7

А б р а м о т к и н. Гм... В театр идет... Какие номера откалывает... (*Увидев записку драматурга.*) Ага, оставила мне записку... Нет, это ей кто-то пишет... Ага, драматург ей пишет. (*Читает.*) «Бо-жест-венная... театр ждать больше не соглашается. Сегодня абонирую вас...» (*Опустив записку.*) Ага, абонирует ее в театр... (*Читает дальше.*) «Гоните каждого, кто осмелится к вам войти... В противном случае...» Что? что такое? (*Взгитываясь.*) «...пронзен моей шпагой и будет выкинут в окно...»

(Прогитав записку, Абрамоткин улыбается.) Конечно, понимаю, это шутливо написано. Но только спрашивается: к чему такие дикие шутки?.. «Пронзен будет шпагой и выкинут в окно...» Пошутил, называется...

Взор Абрамоткина останавливается на окне. Положив записку на стол, Абрамоткин подходит к окну и, раскрыв его, смотрит вниз. После чего стремительно возвращается к столу и торопливо укладывает в портфель продукты.

Абрамоткин. Нет, эти писатели и композиторы... Недаром их прорабатывают...

Входит Баркасов. Он в пальто, в руке — парусиновый портфель. Рядом с Баркасовым домработница Анята. Она делает гримасу Абрамоткину, который не без страха, но с любопытством смотрит на Баркасова, принимая его за драматурга — Виктора Эдуардовича Ядова.

8

Анята. Они просили вас обождать. Они решили перед театром в парикмахерскую зайти... Пройдите в комнатку.

Баркасов. Благодарю вас.

Анята. Снимите ваше пальто.

Баркасов. Да нет, мы сейчас в театр идем. Пальто я снимать не буду.

Анята. В таком случае садитесь на диванчик. Ожидайте их. (*Сделав гримасу Абрамоткину, уходит.*)

9

Баркасов. Позвольте познакомиться — Баркасов...

Абрамоткин. Виктор Эдуардович?

Баркасов (*не разобрал*). Как вы сказали?

Абрамоткин. Нет, я говорю: решили в театр сходить? Сейчас она придет. Разберемся.

Баркасов (*смущенно*). Собрались в театр... с вашей супругой?

Абрамоткин. Нет, но мы вскоре запишемся.

Баркасов. Ах, вот как. Простите, я не знал...

Абрамоткин. Я сам недавно получил ее согласие.

Тяжелая пауза.

Интересно то, что она мне про вас ничего не сказала. И вот только сейчас от домработницы узнал, что она с вами в театр идет.

Баркасов. Простите, но если вам это неприятно...

Абрамоткин. Нет, отчего же — прыгаю от радости.

Баркасов (*встает*). В таком случае я...

Абрамоткин. Нет уж, прошу вас обождать хозяйку. Иначе она мне...

Баркасов. Извольте, я подожду ее, но... Я, право, никак не предполагал, что этим доставлю кому-нибудь огорчение...

Смущенный вид Баркасова смягчает Абрамоткина.

Он начинает говорить с оттенком пренебрежения.

Абрамоткин. А что там домработница про вас какие-то байки рассказывает?

Баркасов. Домработница? А что же она про меня может рассказывать?

Абрамоткин. Да говорит, будто вы одними словами людей в гроб заколачиваете.

Баркасов. Помилуйте, откуда ей знать?

Абрамоткин. Сто, говорит, слов в минуту, и из человека дым идет...

Баркасов. Простите, я вас что-то не понимаю.

Абрамоткин. Нет, теперь-то я сам вижу, что это она сказала мне нарочно...

Пауза.

А вы что, Настеньку давно знаете?

Баркасов. Кого? Кого?

Абрамоткин. Настю, говорю, Тройкину давно знаете?

Баркасов. Ах, Тройкину? Да, я ее давно знаю. Отличная машинистка.

Абрамоткин. Отличная машинистка и, как говорится, интересная женщина?

Пауза.

Значит, все пишете и пишете?

Баркасов. Да, приходится и писать...

Абрамоткин (*агрессивно*). Значит, один пишет, а другая ему переписывает?

Баркасов. Я, право, не понимаю вашего тона. Извините, должен идти. Прошу передать вашей... супруге, что я не смогу сегодня в театр идти.

Абрамоткин. Об этом плакать не будем!

Баркасов. Имею честь кланяться... (*Стремительно уходит, оставив парусиновый портфель на полу у тахты.*)

А б р а м о т к и н. Нет, эти писатели и композиторы... Они заслуживают того...

Поспешно входит А н ю т а. Она в пальто.

10

А н ю т а. Вы зачем же человека отпустили? Он выскочил из квартиры сам не свой. Чего вы тут с ним произвели?

А б р а м о т к и н. А еще говоришь: сто слов в минуту — и из меня дым пойдет. Да только не с меня, а с него дым пошел.

А н ю т а. Или вы думаете, что это был Виктор Эдуардович?

А б р а м о т к и н. Ах, это не он? А ты мне сказала...

А н ю т а. Я сказала: Виктор Эдуардович само собой придет — за Настенькой. А этот за Софочкой пришел. Ну теперь вам будет нашлапка от Настеньки!

А б р а м о т к и н. Ай, слушай, тогда я побегу в парикмахерскую. Пусть они позвонят ему... В какую они парикмахерскую пошли? А?

А н ю т а. А я почему знаю. Вышли и пошли... Ну, теперь получите по заслугам к своим именинам.

А б р а м о т к и н. Сейчас найду их... (*Торопливо уходит.*)

А н ю т а (*по телефону*). Товарищ Васин?.. Немного задержалась, но вскоре выхожу... Ах, вы уже начали сомневаться, что я не приду? Нет уж, если сказала, значит, приду. Все кину, но приду... Нет, на свидание это не всегда так бывает. Общественное дело для меня неизмеримо важнее... Значит, не сомневайтесь — сейчас выхожу...

В дверях снова появляется Б а р к а с о в.

11

Б а р к а с о в. Простите, я тут мой портфель оставил...

А н ю т а. Да вот ваш портфель у дивана.

Б а р к а с о в (*взяв в руки парусиновый портфель*). Нет, это не мой портфель. Мой был коричневый...

А н ю т а. Вот оставайтесь и поищите. А я должна идти. Но только вы непременно Софью Васильевну обождите. Иначе она будет сердиться. (*Уходит.*)

Б а р к а с о в (*разыскивая портфель*). Черт дернул меня пойти... Не подумал, в самом деле... Ведь муж у нее или этот... жених... Фу, глупость какая получилась... Ай, так и надо мне, дураку, — своими руками фарс устроил... Мало еще получил... (*Найдя герновый портфель Абрамоткина.*) Да нет, это тоже не мой портфель.

С треском открывается дверь. Вбегает запыхавшийся человек. Это муж Софьи Васильевны — Юрий Николаевич Крутецкий. Черный портфель Абрамоткина так и остается в руках изумленного Баркасова.

12

Крутецкий. Где... где моя жена?

Баркасов. Вы о ком говорите?

Крутецкий. Она там? *(Вбегает в соседнюю комнату и тотчас возвращается.)* Нет... Значит, просто меня обманули, разыграли! Да и она, поймите, не могла бы пойти на это...

Баркасов. Успокойтесь. Вы так взволнованы...

Крутецкий. Еще бы... *(Смеется.)* Но я, я какой осел! Незнакомый человек звонит мне, и я, как дурак, мчусь сюда, чтобы застать ее, уличить... Вы, конечно, скажете, что это ревность. Но вы ошибаетесь, уважаемый товарищ! Я прежде всего культурный человек. И смею сказать, что низменные пережитки в моем сознании начисто ликвидированы мной!

Баркасов. Да вы сядьте, успокойтесь.

Крутецкий. Конечно, не скрою, я немного понервничал. Но не в силу ревности. А просто я хотел уточнить мои отношения с женой.

Баркасов *(подавая стакан воды)*. Выпейте воды.

Крутецкий *(пьет)*. Благодарю вас. Теперь я совершенно спокоен. *(Ставит стакан на стол и там видит шляпу жены.)* Боже мой! Да ведь это ее шляпа. Да, это ее шляпка. *(Мнет шляпу в руках.)* Софа... Софочка... Значит, она тут? Значит, она просто спряталась от меня... Где? где моя жена, а?!

Баркасов. Вы о ком говорите?

Крутецкий. Я вас спрашиваю: где Софья Васильевна?!

Баркасов. Крутецкая?.. А вы кто же?

Крутецкий. Как кто? я ее муж, муж... Где она? Здесь? Вот ее шляпа... *(Терзает шляпу так, что от нее отлетает цветок.)*

Баркасов. Ах, вы ее муж? А тот, с кем я сейчас говорил?

Крутецкий. Тот? Тот, с которым она здесь? Тот, вероятно, и есть этот самый... Баркасов!

Баркасов. Нет, Баркасов — это я.

Крутецкий. Ах, вы Баркасов?! Так это вы осмелились встретиться здесь с моей женой?!

Баркасов. Но это недоразумение, уверяю вас. Я просто не понимаю, о каких встречах вы говорите...

Крутецкий. Ах, вы не понимаете, черт возьми! Так я вас заставляю понимать! Вы, как начальник, позволяете себе...

Баркасов. Давайте выясним, поговорим...

Крутецкий. Мы в народном суде с вами поговорим! Я потребую показательного суда! Ваш аморальный поступок слишком очевиден! Я так не оставляю этого дела... *(Жадно пьет воду.)*

Баркасов. Нет, с вами, я вижу, нельзя сейчас разговаривать. *(Идет к выходу, захватив с собой герный портфель Абрамоткина.)*

Дверь медленно приоткрывается, и в комнату просовывается корпус Володи Слоняева. В руке у Слоняева небольшой тортик. На лице умильная улыбка.

13

Слоняев *(негромко напевает)*. «Где эта улица, где этот дом? Где эта барышня, что я влюблен...» *(Увидев директора, роняет торт.)* Товарищ Баркасов... я... я не знал, что вы здесь бываете.

Баркасов. Позвольте пройти...

Слоняев *(подняв торт)*. Минуточку, товарищ Баркасов... Я только хотел сказать... я случайно здесь... без ее разрешения. Я сейчас же уйду, если вам неприятно...

Баркасов, ничего не ответив, стремительно уходит.

Крутецкий. Всех под суд! *(Слоняеву.)* А вы кто такой? Что вы здесь?! Ах, вы тоже посетитель этого вертепа?! С тортом явились?!

Слоняев *(снова роняет торт)*. Я... я не знал... я...

Крутецкий бьет по коробке с тортом, как по футбольному мячу.

Торт вылетает в открытую дверь. Слоняев выскакивает вслед.

14

Крутецкий. Боже мой!.. И это ты, моя Софочка, на которую я молился. Ты попала в эту жуткую аморальную компанию. Ты... ты... *(Агрессивно.)* Но нет, прощенья не будет! Разрыв! Показательный суд... *(Снова взяв шляпу жены.)* Да, но ведь это, кажется, не ее шляпа? Я точно помню: ее шляпа была гладкая и с красным цветком. А эта — без цветка и мятая, как тряпка. Нет, это не ее шляпа. Значит, я зря погорячился... Софочка, Софочка, простишь ли ты меня... Позвольте, а зачем же в таком случае здесь был директор Баркасов?! О, как бы все это узнать, выяснить, уточнить...

В комнату несмело входит посетитель в макинтоше.

Посетитель. Мне бы на минуточку товарища Баркасова...

Крутецкий. Баркасова? А вам зачем он?

Посетитель. Я по делу... Мне сказали, что он...

Крутецкий. Что вам сказали? Все, все говорите мне!

Посетитель. Но я ничего не знаю. Мне просто сказали, что товарищ Баркасов здесь бывает по субботам.

Крутецкий (*нервно засмеявшись*). Ах, так! Он по субботам встречается здесь... О-о-о...

Посетитель. Но если он занят сейчас, то я попозже найду... (*Ухмыляясь*.) Я сам не люблю, когда меня тревожат в лирические минуты...

Крутецкий опускается в кресло и, обхватив голову руками, неподвижно сидит. Посетитель уходит, осторожно ступая на цыпочки.

16

Крутецкий (*вяло*). Напрасно я его отпустил. Надо бы выяснить, с кем Баркасов бывает здесь по субботам. Может, вовсе не с Софочкой. Тем более это не ее шляпа... (*Неожиданно увидев на полу красный цветок, оторванный от шляпы*.) Позвольте, но это ее цветок... (*Приставив цветок к шляпе*.) Это ее шляпа! В таком случае где же она сама? А не все ли равно — где она! К прошлому нет возврата! Всех под суд! Хозяев квартиры тоже под суд!

Входит Абрамоткин. Он озадачен безумным видом Крутецкого. И без малейшего сомнения принимает его за Виктора Эдуардовича Ядова.

17

Абрамоткин (*бормогет*). Вот этот может сто слов в минуту...

Крутецкий (*не замедляя вошедшего*). Не пощажу никого! Сам произнесу речь вместо прокурора! Докажу, что таких аморальных людей нельзя щадить. Их надо безжалостно выбрасывать из жизни...

Абрамоткин. Виктор Эдуардович, зачем же людей из окон выбрасывать, успокойтесь...

Крутецкий. А вы тут кто? Вы кто такой?

Абрамоткин (*отступая*). Но, но, тихо... Еще неизвестно, с кого из нас дым пойдет...

Крутецкий. Милицию сюда!

Абрамоткин. Зачем же, понимаете, милицию? Давайте по-хорошему договоримся. Если вы непременно желаете с Настенькой в театр идти — то идите себе. Я, Виктор Эдуардович, не намерен из-за этого скандал поднимать...

Крутецкий. Какой я к черту Виктор Эдуардович?

Абрамоткин. Может, я спутал? Мне Аня сказала...

Крутецкий. Да я вас всех тут...

Абрамоткин. Меня-то за что? Я сам зашел в гости — тихо, благородно. Вижу — безумствует человек. Конечно, я понимаю, что писатели и композиторы не могут иначе...

Крутецкий. Вы что бред несете? Пьяны, что ли?

Абрамоткин. Не прикасался даже, Виктор Эдуардович.

Крутецкий. Вам сказано, я не Виктор Эдуардович!

Абрамоткин. Позвольте, уважаемый, кто же вы такой?

Крутецкий. А вам что до этого? Я... я ее муж...

Абрамоткин. Ах, вы ее... покойный... муж?

Крутецкий. Почему «покойный»? Я просто ее муж.

Абрамоткин. Тот, который два года назад... я извиняюсь... умер... от воспаления слепой кишки? Это она мне так сказала — не знаю зачем...

Крутецкий. Не знаю, как вы, но я еще отчасти жив... Софа, Софочка, куда ты попала...

Абрамоткин. Вы сказали «Софочка»... Значит, вы Софочкин покойный муж? То есть я говорю: Софочкин муж?

Крутецкий. Да... Но с этой минуты я больше ей не муж.

Абрамоткин. А что же вы тогда?

Смеется, вбегают подружки — Настя и Софочка.

18

Настя. Софа, твой муж...

Софочка. Юрий...

Крутецкий. Дома поговорим! Идемте отсюда...

Настя. А где Баркасов?

Крутецкий. Я выгнал его отсюда.

Софочка. Как? Почему?

Настя. В чем дело?

Абрамоткин. Лично я понятия не имею.

Софочка. Юрий, но пойми — ничего же особенного...

Крутецкий. Об этом мы дома поговорим!

Настя. Но это возмутительно! Ко мне приходит директор, чтобы передать мне, может быть, срочную работу, а его в моей квартире... (Крутецкому.) Да как вы посмели это?

Крутецкий. Но я... Мне сказали, что он...

Настя. Значит, вы просто попросили его уйти?

Софочка. Ну, это уже слишком!

Крутецкий. Софочка, но мне так сказали. Позвонили по телефону...

Софочка. Ну, Юрий!

Абрамоткин. Что же это вы, Юрий? Человек пришел по делу. Вот он даже свой портфель забыл... со служебными бумагами. А вы его выгнали. Нет, Юрий, так нельзя некультурно поступать.

Софочка. Конечно, Юрий, я не хочу скрывать — мы предполагали в театр пойти, но это было... служебное дело. Меня лично замдиректора об этом просил.

Настя *(тихо)*. Ах, вот что — тебя замдиректора пригласил, а не Баркасов?.. *(Крутецкому, гневно.)* У нас это было чисто служебное дело! Культпоход! И вы осмелились при этом выгнать его из моего дома?

Абрамоткин. Ну, Юрий...

Крутецкий. Софочка... Софа... Идем скорей домой. Там все обдумаем, позвоним ему, извинимся... *(Подает жене растрепанную шляпку.)* Скорей...

Софочка. Боже! Моя новая шляпка... Настя, погляди, что он со шляпкой сделал... Нет, Юрий, об этом мы дома поговорим...

Абрамоткин. Зачем же вы, Юрий, дамскую шляпку так отвозили? Нет, вас надо учить и учить культуре...

Крутецкий. Софочка, простишь ли ты меня?

Софочка. Настя, прощай... Юрий, за мной!

Крутецкий. Софа, я напишу твоему директору извинительное письмо...

Абрамоткин. Юрий, в письме вы припишете, что я другой, — тот, с кем он говорил, тоже немножко извиняется...

Супруги Крутецкие уходят.

19

Настя *(смеясь)*. Оказывается, не сам Баркасов ее пригласил. Это резко меняет дело.

Абрамоткин. Настенька, а где мой портфель? Хотелось бы немножко закусить, подкрепиться, а портфеля нет.

Настя *(прихорашиваясь у зеркала)*. Баркасов обычно на меня глядел. Я не могла так грубо ошибиться...

Абрамоткин *(в поисках портфеля)*. Ах, он все-таки на тебя смотрел?

Настя. Ясно, не на нее. Такие тихони ему не могут нравиться. А уж она вообразила...

Абрамоткин *(двигая мебель)*. Ну, этот чертов сын Баркасов! Вот его парусиновый мусор тут, а моего портфеля нет...

Настя. Разве этот парусиновый портфель Баркасова?

Абрамоткин. Да, он с ним пришел... Ну, если он мой портфель взял, то я не погляжу, что он директор... Я ему... Он у меня... Дым пойдет...

Н а с т я. Вероятно, он ошибся, перепутал. Сейчас я позвоню Баркасову. Быть может, в его портфеле нужны деловые бумаги.

А б р а м о т к и н. И позвоним, и лично съездим, но свое вернем. И для этого все перевернем!

Н а с т я (*набрав номер телефона*). Але! Это квартира товарища Баркасова?.. (*Томно.*) Я попрошу к телефону Алексея Гавриловича... Говорит одна знакомая...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина пятая ВОЗВРАЩЕНИЕ

Снова квартира Баркасова. В углу на стуле дремлет контролер Электротока. Бабушка Алиса Юрьевна раскладывает пасьянс. По комнате из угла в угол нервно ходит Зоя Павловна.

1

Б а б у ш к а. Нет, все будет хорошо. Пасьянс сходится.

З о я (*стучит в стену*). Виктор Эдуардович!

К о н т р о л е р (*вскогив от стука*). Что? Кто?.. Ах, это вы опять. Ну как, граждане, выяснилось что-нибудь?

Б а б у ш к а. Этот пасьянс, Зоюшка, очень редко выходит. А тут он вышел. Значит, все сложится хорошо.

З о я. Не думаю...

Б а б у ш к а. Увидишь... Алексей Гаврилыч полностью раскается. А Виктор Эдуардович решительно будет у твоих ног...

К о н т р о л е р. А портфель, бабушка-старушка?

Б а б у ш к а. Про ваш портфель я не загадывала, но думаю, что и портфель где-нибудь найдется.

К о н т р о л е р. Но где? когда? Не могу же я, граждане, тут до ночи...

З о я (*иронически*). «Решительно у моих ног»... Но я не для этого зову Виктора Эдуардовича.

Б а б у ш к а. Дитя мое... Нет, я отказываюсь понимать современность! Нельзя же одной остаться в критический момент. Необходима моральная поддержка... Нет, нет, в мое время было значительно больше поэзии!

З о я. У меня есть сын, мать. Это моя поддержка.

Б а б у ш к а. У меня тоже была мать. Но если б в тот момент у меня не оказалось друзей, то я... Ведь тогда... с этой... певичкой...

К о н т р о л е р (*оживляясь*). Ах, с певичкой-то?

Б а б у ш к а (*догери*). Ведь эта история имела тяжкое продолжение...

К о н т р о л е р (просительно.) Ну, ну?

Б а б у ш к а. Только что все успокоилось, муж вымолил у меня прощение... И вдруг я узнаю — он опять с ней встречается...

К о н т р о л е р. И зонтик, значит, не помог?

Б а б у ш к а (догери). Но уже встречается с ней не в зоологическом саду, а у нее на квартире.

К о н т р о л е р. И вы махнули к ней, прямо на квартиру?

Б а б у ш к а. Борис Иванович Нелькин берет ландо. И мы с ним едем...

К о н т р о л е р. Прямо к певичке?

Б а б у ш к а. Я отстраняю горничную рукой и вхожу в ее будуар. Вижу, мой муж сидит в кресле, ноги на пуфике... А та стоит у зеркала. В бриллиантах. На шее — страусовое боа. Куда-то собираются... Увидев меня...

К о н т р о л е р. А у вас в руках зонтик?

Б а б у ш к а. Увидев в зеркале меня, она оборачивается вот так через плечо. И тогда я, забыв обо всем, подхожу к ней...

К о н т р о л е р. И значит, опять ее, певичку-то? Ай да бабушка-старушка!

Б а б у ш к а. Подхожу к ней, а она, как разъяренная тигрица, кидается на меня. Я падаю на ковер, кричу мужу: «Анатолий!» А он ноль внимания.

К о н т р о л е р. И здорово она вас отвозила, между нами говоря?

Б а б у ш к а. От всех этих нравственных переживаний я, конечно, теряю сознание и только тогда вижу, что Анатолий поднимается с кресла и подходит...

К о н т р о л е р. К певичке?

Б а б у ш к а. И говорит ей: «Убедительно прошу вас, Эльвира, — довольно...»

К о н т р о л е р. Ах, он говорит ей: довольно, дескать, ее тузить, хватит, мол, на первый раз? А что же Борис Иванович? Он так и не вмешался в побоище?

Б а б у ш к а (оборазиваясь к контролеру). Борис Иванович Нелькин остался внизу, в ландо... (Догери.) Нет, за Нелькина я не вышла замуж, но нравственно он меня очень-очень поддержал. Он возил меня по ресторанам, на острова...

К о н т р о л е р. Интересные картинки прошлого...

Б а б у ш к а. Вот я и говорю: в прошлом было больше поэзии, которая так необходима нам — женщинам... Ах, вот как раз и Виктор Эдуардович!

Входит Я д о в.

2

З о я. Я стучала вам несколько раз!

Я д о в. Этот стук отозвался в моем сердце. Я услышал его за три квартала. И вновь пришел к вам.

Б а б у ш к а. Снимите пальто, Виктор Эдуардович.

Я д о в. Не могу-с. Меня ждет машинистка, которой я оставил записку.

Б а б у ш к а. Но у нас такие события... Зоя! То звала-звала, а как пришел — молчишь... Я приготовлю чай. (*Уходит.*)

3

З о я. Виктор Эдуардович, мне не хочется возвращаться к моему горю... Но вот взгляните... Вот что оказалось у него в портфеле, который он забыл, торопясь...

К о н т р о л е р. Нет, граждане, он не забыл, а перепутал. Его портфель остался здесь, а мой... где-то там...

Я д о в. Убийственные улики... Стало быть, предположение вашей матушки...

З о я. Да, она была права. Но я считала его... Он был для меня самым чистым человеком из всех, кого я встретила...

Я д о в. Не надо такого горя!

З о я. У меня горе оттого, что я и теперь почему-то не разлюбила его...

Я д о в. Наполеон считал, что любовь есть явление социально опасное как для целого общества, так и для личного счастья. И теперь я вижу, что это так, — и на вас, и на себе.

Телефонный звонок.

З о я (*в трубку*). Да... Нет, Баркасова нет дома. Что? (*Ядову.*) Поговорите с ней. Это та женщина, где он был. Какая гадость....

Я д о в (*по телефону*). Что-с? Портфель? Чей портфель? Ваш?.. Кто его захватил?.. Да, но Баркасова нет дома. Позвоните позже! (*Вешает трубку.*)

К о н т р о л е р. Не вешайте, не вешайте трубку. Это про мой портфель. Ай, ну зачем же вы повесили?!

Я д о в. Извините, не знал. Да, она говорила про какой-то парусиновый портфель.

К о н т р о л е р. Ой, ну что же это, граждане... (*Сняв трубку, дует в нее.*) Але... Станция... (*Вешает трубку.*)

Входит б а б у ш к а с чаем.

4

Б а б у ш к а. Выпейте чайку. (*Ядову.*) Да сядьте вы рядом с ней. Скажите ей что-нибудь, утешьте. То трещите без умолку, а когда надо, так...

Я д о в. Уста немеют, бабушка!

З о я. Мама, оставьте нас.

Б а б у ш к а. Когда мы ехали в ландо... после этой истории...

К о н т р о л е р. Ну? Ну?

Б а б у ш к а. Так Борис Иваныч Нелькин утешал меня, находил такие слова, которые доходили буквально до сердца.

К о н т р о л е р. А что он, что?

Я д о в. Это, вероятно, был молодой пшют?

Б а б у ш к а. Да уж одет он был не так, как вы, Виктор Эдуардович. В мое время мужчина в таком непрезентабельном виде не котировался... А вот, если хотите знать, этот пшют, как вы сказали, оказался джентльменом чистой воды. Он тут же, в ландо, сделал мне официальное предложение, видя, что я решила расстаться с мужем...

З о я. Мама, вы, кажется, сватать нас собираетесь?

Я д о в. Что ж... я не отказываюсь...

Б а б у ш к а (*возмущенно*). Знаешь, Зоюшка, если б в мое время мужчина ответил бы таким расслабленным тоном, то...

Я д о в. Мой тон, сударыня, был и в самом деле расслабленный, ибо я думал о моем преклонном возрасте.

З о я (*вспыхнув*). Я, кажется, не предлагала вам себя в жены.

Я д о в. Нет, я просто подумал:

«Но старость, черт ее дери,
С котомкой и клюкой,
Стучится, черт ее дери,
Костлявою рукой...»

З о я. Виктор Эдуардович! Вы — это фразы, нарядные слова... И никаких чувств.

Б а б у ш к а. А у Бориса Иваныча были и фразы и чувства.

К о н т р о л е р. Ну? Бабушка, ну?

Входит Баркасов. В его руках черный портфель. А брамоткина.

К о н т р о л е р приходит в смятение — портфель не его.

Появляется Бор я. Он не без интереса посматривает на принесенный портфель.

5

Б а р к а с о в (*глухо*). Зочка...

К о н т р о л е р. Граждане, ну что вы со мной делаете? Это не мой портфель. Мой был парусиновый. Где же он?

Баркасов. Зюшка, что с тобой?
Ядов (Зое). Спокойно. Не унижайте себя слезами.
Контролер. Гражданин, послушайте... вы сменили мой на свой...
то есть свой на мой...
Баркасов. Что? (Жене.) Зоюшка...
Зоя. Алексей Гаврилыч... ты забыл свой портфель — извини, пришлось его раскрыть... Вот твои вещи...
Ядов. Я отбыл, Зоя Павловна. (Идет к выходу.)
Бабушка. Виктор Эдуардович, два слова.

Оба уходят.

6

Баркасов. Зоя, я тебе сейчас все объясню...
Контролер. Нет, я уж попрошу сначала выяснить мое дело.
Баркасов. Слушайте, товарищ, я занят сейчас... (Жене.) Зоюшка, тут вот в чем дело...
Контролер. Товарищ, я вхожу в ваше критическое положение, но две-то минуты вы мне можете уделить?
Боря (раскрыв герметичный портфель). Ого! (Извлекает из портфеля вино и закуску.) Бабушка! (Убегает сообщить бабушке.)
Баркасов. Ты не должна думать, что это что-нибудь такое... Это я...
Контролер. Ладно, справляйтесь со своей драмой. Я обожду. Но потом я попрошу вплотную заняться моим вопросом.
Зоя. Кому предназначались эти подарки? Только не лги. Той женщине, о которой ты...
Баркасов. Да, эти конфеты я взял для одной... нашей служащей. А эту... свинку... я в первый раз вижу.

Входит бабушка. Услышав слова Баркасова, она торопливо подходит к дочери.

7

Бабушка. Зоюшка, Алексей Гаврилыч признался. Смотри как он мягко, застенчиво сказал: «Да, эти конфеты я взял для одной особы...» Зоя, повинную голову и меч не сечет!
Баркасов. Алиса Юрьевна, я прошу вас не вмешиваться в это дело.
Зоя. Мама, уйдите.
Контролер. Уж если на то пошло, бабушка, то я прежде вас имею слово. Я тут три часа, как рыба об лед...
Бабушка. Зоя, но я не могу безучастно смотреть, что происходит на моих глазах. Человек во всем признается, а ты...

Баркасов (*раздраженно*). Алиса Юрьевна!
Бабушка. Зоя, это бывает у них. Уж на что Борис Иванович Нелькин... жизнь готов был отдать за меня... и то он...
Контролер. Ну? Бабушка, ну?
Зоя. Мама, вы хотите, чтобы я ушла из дома?
Баркасов. Я попрошу вас оставить меня с женой.
Бабушка (*с обидой*). Пожалуйста. Я для вас же стараюсь.
Контролер. Бабушка, на минуточку... Доскажите мне про Бориса Ивановича...

Оба тихо беседуют.

Баркасов. Зоя...
Зоя. Мне не надо твоих объяснений, Алексей. Не унижай себя враньем... Сейчас, кстати, звонила твоя дама... Ты взял у нее какой-то портфель...
Контролер. Ага! Теперь все ясно. Мой портфель остался там, а ихний вы по ошибке оттуда вынесли.
Зоя. Наконец, надо же его отпустить.
Баркасов (*порывшись в карманах*). Вот их адрес. Я прошу вас, товарищ, поехать туда. Там ваш портфель. У тахты.
Зоя (*глухо*). У тахты...
Контролер. А этот черный портфель им отнести?
Баркасов. Да, возьмите этот портфель — отнесите им.
Контролер (*взяв портфель, из которого Боря вынул закуску и вино*). Ну вот, теперь все прояснилось. Сейчас я живехонько доеду туда и произведу обмен... Сожалею, бабушка-старушка, что не дослушал вашу повесть про Бориса Ивановича. Служба для меня превыше всего. Счастливо оставаться.

Уходит с бабушкой.

8

Баркасов. Зоюшка, прости меня. Я просто невменяемый сегодня. Ну, врач мне так посоветовал. Я сам не знаю, как все это получилось...
Зоя. Что ты вздор мелешь? Какой врач? Зачем тебе это новое вранье? Впрочем, у тебя опыт нескольких лет...
Баркасов. Зоя, ты не должна так говорить! Я сейчас позвоню врачу, и он тебе подтвердит...
Зоя. Мне не нужны свидетели, Алексей. Но приплетать к своему вранью какого-то врача — это, это... слишком. Не надо мне твоих объяснений! Я больше не жена тебе...

Зоя Павловна уходит в соседнюю комнату. Баркасов стучит в дверь. Входит бабушка.

9

Б а р к а с о в. Зоя... Зоюшка... Открой... Ну, тогда я и в самом деле позову этого врача — он подтвердит тебе, что я не вру... Зоя, послушай...

Б а б у ш к а. Погодите, не троньте ее. Я по себе помню — я не любила, когда меня окликали. Она сама выйдет.

Б а р к а с о в *(по телефону)*. Але... Але... Товарищ Тятин?.. Иван Силыч, голубчик, мне надо бы узнать — где тот врач, который меня сегодня обследовал?.. Да нет, сейчас другое дело. Потом тебе объясню... Ну, узнай хотя бы его фамилию... Жена думает, что я вру... Ну, тогда умоляю, приезжай сам. Ведь ты можешь ей подтвердить... От этого все зависит... Только скорей. Возьми машину...

Во время телефонного разговора входит Б о р я. Вместе с б а б у ш к о й он рассматривает закуску и вино, вынутые из портфеля А б р а м о т к и н а. Окончив разговор, Б а р к а с о в опускается в кресло и руками закрывает лицо.

10

Б о р я. Это все папа принес.

Б а б у ш к а. Ну, ясно: он раскаялся и вот хотел загладить свою вину. И на месте твоей матери я бы его простила. *(Ставит в буфет вино и закуску.)*

Б о р я. Папа, ты что — расстроен?

Б а р к а с о в. Да, сынок. Я с мамой поссорился.

Б о р я. Ну, я думал — что-нибудь серьезное! Я каждый день с ней ссорюсь. *(Уходит.)*

Б а б у ш к а. Алексей Гаврилыч, успокойтесь. Зоя отойдет, простит. Я вам гарантирую это. Я по себе знаю...

Торопливо входит Т я т и н. Б а б у ш к а уходит.

11

Б а р к а с о в. Иван Силыч...

Т я т и н. Я говорил тебе... Ну, этот врач...

Б а р к а с о в. При чем тут врач? Просто ей нужно сказать, что врач действительно посоветовал мне в театры ходить. Это, может быть, мелочь, пустяк, но это очень важно сейчас. А то она думает, что я унился до такого вранья.

Т я т и н. Сейчас я скажу ей...

Б а р к а с о в *(постунав в дверь)*. Зоя... Зоюшка, открой...

Т я т и н. Постой, я сам... *(Постунав.)* Зоя Павловна...

З о я *(открыв дверь)*. В чем дело?

Баркасов. Зоя, вот он тебе сам подтвердит, что я не врал, говоря о театре.

Зоя (*Тятину*). Доктор, я никогда не думала, что медицина может предлагать такие странные средства...

Баркасов. Нет, Зоюшка, ты не поняла. Он...

Тятин (*тихо, Баркасову*). Ай, не тревожь ее — пусть я врач! (*Зое*.) Успокойтесь, гражданка. Я сам теперь вижу, что не то посоветовал.

Зоя. С каких это пор, доктор, медицина дает такие советы, которые разрушают семью...

Тятин. Всецело признаю: медицинская ошибка.

Баркасов. Видишь ли, Зоюшка, мне сегодня было плохо...

Тятин. Человек в кресло упал...

Зоя (*встревоженно*). Ах, вот как...

Баркасов. И вот врач мне посоветовал...

Тятин. Уж извините — ошибочный совет дал...

Вбегает взволнованная бабушка.

12

Бабушка. Зоя... Алексей Гаврилыч... Там Борька...

Зоя. Что, что такое?

Бабушка. Там Боря пуговицу в нос засунул. И так она глубоко... он даже хрипеть стал...

Зоя (*Тятину*). Доктор, скорей... посмотрите... (*Бежит к выходу, но в дверях сталкивается с Борей*.) Боря, что с тобой?

Боря (*шмыгая носом*). Пуговица туда попала...

Баркасов. Ну как же так...

Бабушка. Вертел пуговицу в руках, и я оглянуться не успела, как он взял и ее...

Боря (*хныга*). И теперь достать не могу...

Зоя. Доктор, взгляните, что у него там...

Тятин (*теряясь*). Что у него там... Ясно, пуговица, если бабушка говорит...

Баркасов. Зоя, я «неотложную» вызову.

Зоя. Нет, пусть пока доктор посмотрит...

Тятин (*падая духом*). Посмотреть, конечно, можно, да что толку-то? От этого она обратно не выскочит.

Баркасов. Нет, верно, я лучше «неотложную» вызову, а?

Зоя. Вот сейчас доктор посмотрит... Боря, подойди к дяде!

Тятин (*бодрясь*). Ты что ж это, батенька, пуговицы в нос суешь? Вот и будешь теперь всю жизнь с пуговицей ходить.

З о я. Вам посветить, доктор?
Т я т и н. При свете, конечно, пуговица будет заметнее.
З о я. Доктор, а это опасно?
Т я т и н. Нет, мелкая пуговица не опасна. Вот если бы он пуговицу от пальто... Вот тогда, понимаете ли, опасно...
Б а р к а с о в. Я вызываю «неотложную»...
Т я т и н. Да, зови врача, Гаврилыч. Это не шутка.
З о я. Ах, значит, вы... не врач?
Т я т и н. Да нет, я...
Б а р к а с о в. Зоя, видишь ли...
З о я. Ах, вот что! Значит, ты попросил человека, чтобы он мне подтвердил... Какая низость!.. *(Падает, теряя сознание.)*
Б а р к а с о в. Скорей воды!
Т я т и н. Положим на диван...
Б а б у ш к а. Дочь моя... Выпей водички...
Т я т и н. Ух ты, черт, что у нас получилось...
Б а р к а с о в *(по телефону)*. «Неотложная»?.. Попрошу врача...
Улица Толстого, два. Квартира Баркасова...
Б о р я *(чихнув)*. Ой, вот она, пуговица...
Т я т и н. Сам, что ли, вынул?
Б о р я. Чихнул, а она — вот она...
Т я т и н. Покажи...
Б о р я. Ну, если вы не доктор, то я не стану вам показывать. *(Матери.)* Мама, вот пуговица...
З о я. Боря... сядь со мной...
Б о р я. Сейчас. Только соседям пуговицу покажу. *(Уходит.)*
Б а р к а с о в. Зоюшка, вот подушка. А то тебе неудобно.
Б а б у ш к а. Не тревожьте ее. Еще не время...
Входят контролер и Абрамоткин. В руках у последнего два портфеля: парусиновый и черный.

13

К о н т р о л е р. Граждане, ну что это делается! Захожу к ним, гляжу: мой парусиновый портфель. А эта заскорузлая личность не отдает...
А б р а м о т к и н. Сказано: не отдам, пока не выясню, где мои продукты.
К о н т р о л е р. Он говорит, что в его черном портфеле находились боеприпасы...
А б р а м о т к и н. Да, тут у меня были шпроты, сыр и вино. Где все это? Может быть, он съел...
К о н т р о л е р. Я съел?! Граждане, не велите ему...

З о я. Это невыносимо. Мама, узнайте, что им надо.

Т я т и н. А ну-ка, орлы, объясните, что тут у вас?

Б а б у ш к а. Только без криков — среди нас находится больная...

Б а р к а с о в (*Абрамоткину*). Вы говорите, что в этом портфеле находились ваши продукты?

А б р а м о т к и н. Вот именно! С этим моим портфелем я к Настеньке пришел. А вы этот портфель взяли оттуда. А свою парусину у меня оставили. А где теперь мои продукты — я сам не знаю. Может, он их продал.

К о н т р о л е р. Я продал?! Граждане, не велите ему...

Б а р к а с о в. Но где же в таком случае продукты?

Б а б у ш к а. Ой, батюшки! Да ведь эти продукты я в буфет поставила... (*Достает продукты.*)

З о я (*брезгливо*). Какая гадость...

А б р а м о т к и н. Какая же, помилуйте, гадость — шпроты, сыр, вино. (*Контролеру.*) Погодите трогать ваш портфель. Я сначала проверю, все ли тут мои боеприпасы... Да, все. Теперь берите вашу парусину.

Б а б у ш к а. Да уйдите вы куда-нибудь! Загородили всю комнату.

К о н т р о л е р. Уходим, уходим, бабушка-старушка... Ох, прямо меня шатает от переживаний...

А б р а м о т к и н. Да вы идете не как люди. Если хотите, я вам дам глоток мадеры, подкрепиться. Если хозяйева разрешат.

К о н т р о л е р. То есть прямо идти не могу. Ноги не двигаются. Полглотка мадеры, и я бы вновь воскрес... (*Бабушке.*) Бабушка, нет ли у вас какой-нибудь посудинки? Человек хочет меня выручить — хочет дать полглотка мадеры.

Б а б у ш к а (*дает стакан*). Только сразу уходите. Тут и без вас суеты хватает... Ах, вот, кажется, и доктор!

Входит врач — тот самый, который выслушивал Баркасова на работе. Контролер и Абрамоткин усаживаются в углу комнаты и начинают мирно закусывать. Появляется Бор я.

14

Д о к т о р. Где больной?.. А, старый знакомый.

Б а р к а с о в. Как я рад, доктор, что именно вы пришли.

Т я т и н. Про себя я этого не сказал бы...

Д о к т о р. Опять сердце?

Б а р к а с о в. Нет, жена что-то...

З о я. Сейчас мне уже лучше...

Т я т и н. Неосторожные рецепты, доктор, прописываете.

Д о к т о р. Вы о чем говорите?

Баркасов. Иван Силыч, доктор мне посоветовал совершенно правильно. Я сам кругом виноват. Какое-то затмение на меня нашло...

Тятин. Человек чуть в обморок не упал, а вы его в театр суете. Супругу до сумасшествия довели.

Зоя. Нет, нет, мне теперь хорошо. *(Целует сына.)*

Тятин. Сказали бы ему: «Пойдите в театр с женой...»

Доктор. А я что сказал? Да, но я сказал про себя.

Тятин. А хоть бы и про себя! *(Передразнивает.)* «Сотрудница берет меня под руку и ведет...» Могли бы с женой ходить.

Баркасов. Иван Силыч, прекрати.

Доктор *(смеется)*. К вашему сведению: у меня и жены нет, я вдовец.

Бабушка. Господа, если доктор вдовец, так смешно же предъявлять ему какие-то претензии.

Тятин. Ах, вы вдовец! Так бы сразу и говорили. Да, откровенно сказать, я и не надеялся, что с вашим методом лечения у вас супруга в живых осталась.

Баркасов. Товарищ Тятин, прекрати этот разговор!

Тятин. Нет уж, выскажусь до конца... Ты тоже хорош, Алексей Гаврилыч. Вместо жены сотрудницу пригласил... Ой, матушки, да ведь это я сам состряпал всю эту историю. Я же сам уговорил Крутецкую пойти с тобой!

Баркасов. Ах, вот как? Не она сама?

Тятин. Ой, чувствую — врач тут ни при чем...

Доктор. Я говорил о разумном отдыхе, а у вас, друзья, получилось что-то не то.

Баркасов. Еще раз извините, доктор... Прошу вас посмотреть мою жену. Ей было нехорошо.

Зоя. Нет, Алеша, мне сейчас... совсем хорошо.

Баркасов *(обнял ее)*. Зоюшка...

Доктор. Ну, я очень рад, что теперь все хорошо.

Баркасов. Доктор, я сердечно благодарю вас... Иван Силыч, голубчик, спасибо тебе...

Тятин. Ну, меня-то не за что благодарить. Пуговицу и ту не мог доглядеть.

Доктор. Желаю здравствовать.

Тятин. В общем, мы — медики — пошли!

Баркасов. До свидания. Спасибо!

Тятин и доктор уходят. Зоя и Баркасов тихо беседуют.

Контролер и Абрамоткин продолжают мирно закусывать.

15

Бабушка. Друзья мои, да вы что тут расселись?

Контролер. Беседуем, бабушка, по случаю благополучной находки портфеля.

Абрамоткин. Сейчас, сейчас снимемся с якоря...

Бабушка. Зоя, я приготовлю чай... Борюшка, идем... (*Уходит с внуком.*)

Зоя. Алеша, только ты не думай, что все это было из ревности. Мне просто было страшно разувериться в тебе.

Баркасов (*просительно*). Ну хоть немножко-то, Зоюшка, была ревность, а?

Зоя (*усмехнувшись*). Ну — была... это в те минуты, когда я думала о моей сопернице... которая оказалась... твоей работой...

Баркасов (*целуя руку жене*). У тебя, Зоюшка, и в дальнейшем только одна эта соперница...

Входит Крутецкий — муж Софочки.

16

Абрамоткин. Глядите — Юрий пришел! Вы что, Юрий?

Крутецкий. Товарищ Баркасов, я прошу извинить, что вторгнусь в ваш дом...

Баркасов. Ах, это вы... который меня сегодня...

Абрамоткин. Он не только вас. Он и меня в угол загнал. Да еще говорит: «Я ее покойный муж...»

Крутецкий. Я пришел принести вам мое глубочайшее извинение.

Баркасов. Напротив, товарищ Крутецкий, я сам кругом виноват.

Крутецкий. Я прошу вас забыть об этом недоразумении. Какой-то низкий человек позвонил мне, оклеветал вас. И вот я понервничал...

Зоя. Вы знаете — и мне тоже кто-то звонил по этому поводу. Но я повесила трубку.

Крутецкий. Еще раз прошу извинить меня. Я очень тронут вашим сердечным отношением.

Баркасов. Прошу передать вашей жене привет и мои извинения.

Крутецкий уходит. Входит бабушка с чаем.

17

Зоя. Мама, Алеша устал, хочет отдохнуть. Вы отнесите чай в нашу комнату.

Оба уходят.

Бабушка. Вот и хорошо. Я тоже обыкновенно...
Контролер. Ну? Бабушка, ну?
Бабушка. Господа, вы еще не ушли? И, кажется, тут ужин раскинули? Ну как это можно!
Абрамоткин. Уходим, уходим. Немножко подзакусили.
Контролер. С этой целью он свои продукты пожертвовал. В день своих именин.
Бабушка. А торопились на работу!
Контролер. У меня труд ненормированный, бабушка-старушка. Сегодня десять квартир посетил, а завтра — сто десять.
Входит делопроизводитель Духоявленский.

18

Духоявленский. Мне нужно видеть супругу товарища Баркасова...
Бабушка. Сейчас я позову ее... Зоя! Зоюшка, на минуту...
Зоя (*появляясь*). Меня? В чем дело?
Духоявленский (*негромко*). Извините, мадам, что снова тревожу вас. Я вам звонил сегодня, но вы не пожелали со мной беседовать. Однако мой долг порядочного человека — предупредить вас о поведении вашего мужа...
Зоя. Я прошу вас уйти отсюда!
Духоявленский. Извольте — уйду. Однако учтите — именно сейчас, в эту минуту, ваш супруг под руку с одной дамой...
Баркасов (*появляясь в дверях*). Что? Что такое?
Духоявленский, подняв воротник своего пальто, делает попытку бежать. Абрамоткин и контролер задерживают его.

19

Абрамоткин. От нас не уйдешь.
Контролер. Не на таких напал.
Духоявленский. Руки пустите...
Баркасов. Товарищи, не вертите ему руки.
Контролер. Уйдет же, товарищ Баркасов.
Абрамоткин. Не уйдет от нас...
Зоя. Алеша, этот человек звонил мне сегодня...
Баркасов. Вы и Крутецкому звонили?
Духоявленский. Я сам был введен в заблуждение...
Баркасов. Какой вы негодяй!.. Ступайте отсюда...
Зоя. Алеша, не волнуйся так. Идем...
Абрамоткин. Неужели его так отпустить?

Баркасов. Пусть идет. Я потом с ним поговорю. (*Уходит с женой.*)

Контролер. А ну, пулей отсюда!

Абрамоткин. А не то мы тебя... дым пойдет...

Контролер. Кепку-то забыл, собака. Прими ее... (*Кидает кепку вслед.*)

Входит Виктор Эдуардович Ядов.

20

Ядов. Чуть с ног не сбил меня какой-то пьяный осел!

Бабушка. Нет, он не пьяный, он... Да, Виктор Эдуардович, тут была у нас история...

Абрамоткин (*со страхом, контролеру*). Это он — Виктор Эдуардович, о котором я вам рассказывал...

Ядов (*резко обернувшись*). Что-с? Вы меня?

Абрамоткин. Нет, нет, это я просто так, Виктор Эдуардович...

Идем, идем скорей, товарищ контролер.

Контролер (*Абрамоткину*). Да погодите вы меня так тянуть. Дайте мне хоть с бабушкой попрощаться... (*Положив кепку и портфель на стул, прощаясь с бабушкой.*) До свидания, бабушка-старушка. Мерси за гостеприимство.

Бабушка (*любезно*). Заходите к нам... как-нибудь...

Контролер. С вашего разрешения, через месяц всенепременно зайду. (*Показывает рукой на счетчик.*)

Абрамоткин, продолжая не без страха поглядывать на Ядова, уходит, увлекая за собой контролера, который в спешке оставляет свой портфель на стуле.

21

Бабушка. Да, Виктор Эдуардович, все кончилось у нас далеко не так, как мы думали. Полное примирение, счастье и, что самое странное...

Ядов (*в тон ей*). ...и комическое...

Бабушка. Да, пожалуй, и комическое: Алексей Гаврилыч решительно ни в чем не виноват.

Ядов. А вы уверяли, что он...

Бабушка. Ошиблась, мой друг. Я была уверена, что у него адюльтер. Весь опыт моей жизни говорил об этом. Но оказалось — всего лишь... работа. Видимо, изменился мир, изменились люди.

Ядов. Нет сомнения, сударыня, люди изменились, однако не настолько, чтоб мы с вами сочли себя лишними среди них... Разрешите позвонить одной прелестной даме?

Бабушка. Вот и чудесно. Звоните ей. И тогда успокойтесь в отношении Зоюшки.

Ядов. И без этого звонка я спокоен, как пульс покойника... *(По телефону.)* Настенька, вы?.. Что-с? Сегодня не можете?.. Тем лучше! Пойду домой работать... *(Вешает трубку.)*

Во время телефонного разговора в дверях, на пороге, снова появляются
Абрамоткин и смущенный контролер.

22

Контролер *(негромко)*. Нет, без портфеля я отсюда не уйду...

Абрамоткин. Да вот, вот ваш портфель. На стуле.

Контролер. Тсс... бабушка-старушка, на минутку...

Бабушка. Ах, это вы опять прибыли, господа?

Контролер. Не могу же я, бабушка, без портфеля уйти!

Абрамоткин. Вот, вот их парусиновый портфель. Виктор Эдуардович на нем сидит.

Ядов. Что-с? Вы меня?

Абрамоткин. Нет, это я просто так, Виктор Эдуардович.

Бабушка *(отдавая портфель)*. Вот ваш портфель.

Контролер *(прижимая портфель к груди)*. Вот теперь я спокоен... *(Театрально раскланивается.)* Мерси, бабушка-старушка...

ПОД ЛИПАМИ
БЕРЛИНА

1. The first part of the document is a list of names and addresses of the members of the committee.

2. The second part of the document is a list of names and addresses of the members of the committee.

3. The third part of the document is a list of names and addresses of the members of the committee.

4. The fourth part of the document is a list of names and addresses of the members of the committee.

5. The fifth part of the document is a list of names and addresses of the members of the committee.

6. The sixth part of the document is a list of names and addresses of the members of the committee.

7. The seventh part of the document is a list of names and addresses of the members of the committee.

8. The eighth part of the document is a list of names and addresses of the members of the committee.

9. The ninth part of the document is a list of names and addresses of the members of the committee.

10. The tenth part of the document is a list of names and addresses of the members of the committee.

Действующие лица:

Ведущий.

Гитлер.

Дежурный генерал.

Министр пропаганды.

Шутт — астролог и лицо, приближенное к Гитлеру.

Дежурный офицер.

Минна

Гретхен

Лотхен

Старик

Петер

Марта

Гретель

Ганс

Декан.

Профессор.

Ассистентка.

Дурак.

Доктор.

Сумасшедшие.

Сиделки.

Смотритель.

Наполеон

Нерон

Фридрих

Александр Македонский

Полицейские.

} статс-дамы.

} крестьяне.

} императоры.

Пролог

В е д у щ и й. В городе Берлине, товарищи, очень много липы. Там даже целая улица есть, которая называется «Унтер ден Линден», что значит «Под липами». Всей берлинской липы не опишешь в одной только пьесе, и поэтому изобразили мы пока что основную, известнейшую, самую, так сказать, явную липу. Один очень крупный бандит захватил в Берлине власть. И сразу он поднял такой шум, что даже люди неглупые растерялись. Воплями, барабанным боем, ложью и казнями оглушил и отуманил бандит несчастную Германию. И потащил ее за собой в разные бандитские предприятия. Но его рекламные штучки подействовали мало на нас лично. Мы-то видим его как облупленного. Этот страшный великан — не железный, а липовый. Жестокость его, правда, огромна. Лживость — тоже незаурядна. Но в основном этот полуграмотный крикун — просто человек с мелкой душонкой. Для нас он — не великий канцлер Адольф Гитлер. Не Наполеон — хорош Наполеон, который даже ротой в жизни своей не командовал! Для нас он просто зарвавшийся аферист. Адольф Иванович. Для ясности мы его так и называем иногда. Мы знаем, что в наших условиях слава его не пошла бы дальше народного суда... (*За занавес.*) Ну что там, одели Гитлера?

Г о л о с. Да нет еще...

В е д у щ и й. Почему?

Г о л о с. Да дрыхнет он еще. Просыпаться ему не хочется...

В е д у щ и й. Все равно давайте занавес! Показывайте его таким, как он есть.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Спальня Гитлера.

Д е ж у р н ы й о ф и ц е р. Ать-два, ать-два... Стой... Тише, господа, разбудите нашего ангела. На цыпочках, на согнутых коленях шагом арш... Стой... Военно-колыбельную песню начинай...

Караул поет военно-колыбельную песню.

Г и т л е р (*звонит*). Дежурного генерала! Астролога! Завтрак подать.

Входит дежурный генерал. За ним Шутт.

Г е н е р а л. Мой фюрер, дежурный генерал честь имеет явиться.

Г и т л е р (*генералу*). Где Шутт?

Ш у т т. Доброе утро, мой фюрер! Прикажете завтрак подать? (*Звонит.*) С пяти утра наблюдаю за небом по вашему приказанию.

Г и т л е р. Ну и что же планеты говорят?

Ш у т т. Планета Марс без перемен. Юпитер как с ума сошел — еще быстрее поворачивается вокруг своей оси...

Г и т л е р. Вот как! Это о чем говорит?

Ш у т т. Это предсказывает день удач. Все, за что вы сегодня возьметесь, мой фюрер, будет исключительно удаваться...

Г е н е р а л улыбается — он скептик.

Г и т л е р. Ну, а более подробно, мой друг.

Ш у т т. Более подробно... Некоторое... что ли...

Г и т л е р. Ну, я слушаю. Что говорят планеты?

Ш у т т. А более подробно... Ну, во-первых... (*Смотрит, как Гитлер ест.*) Некоторое отсутствие аппетита у вас будет наблюдаться сегодня...

Г и т л е р. Да, ты прав. Что-то я сегодня не особенно.

Ш у т т. Засим... (*Прислушивается к шуму улицы.*) Восторженные овации со стороны народа...

Г е н е р а л. Ну так ясно — с утра народ под балконом...

Ш у т т. Не знаю, генерал, я говорю то, что мной прочитано на языке звезд...

Г и т л е р. Не мешайте ему.

Ш у т т. Генерал, не мешайте мне сосредоточиться... Далее — какой-то сюрприз или приятное известие...

Г и т л е р. А, вероятно, с восточного фронта.

Ш у т т. Совершенно верно, с восточного фронта, поскольку звезды — не скажу были на востоке, но вроде того. Далее — удача в научных или в коммерческих делах. Приятное времяпровождение в семейном кругу... И так далее...

Г и т л е р. Ну, благодарю, мой друг. Сегодня у нас деловой день, и удача мне весьма желательна. Генерал, огласите вопросы. (*Подает блокнот.*)

Г е н е р а л (*зчитает*). «Первый вопрос. Проблема увеличения народонаселения Германии за счет собственных ресурсов».

Г и т л е р. По этому вопросу пригласить фрау Минну и ее секретарей на двенадцать часов тридцать шесть минут.

Г е н е р а л. Есть. «Второй вопрос. Научное оглупление человека без потери боеспособности».

Г и т л е р. Пригласить ученого, ведающего этим вопросом, на одиннадцать часов шестьдесят восемь минут... (*Неожиданно выкрикивает.*) Интеллигенция — это отбросы нации!

Молчание.

Генерал. Разрешите продолжить?.. «Третий вопрос. Снижение срока беременности в военное время».

Гитлер. Этот вопрос надо еще проработать...

Шутт. Я проработаю, Адольф Иванович.

Гитлер. Ну, проработай. Поговори с врачами — может быть, они найдут возможным убавить этот срок хотя бы до пяти месяцев.

Шутт. Путем гипноза или что-нибудь в этом духе...

Гитлер (*генералу*). И все?

Генерал. Еще имеется «разное». (*Читает.*) «Несговорчивость Швеции. Нетактичное поведение Америки...»

Входит министр пропаганды.

(*Докладывает.*) Министр пропаганды.

Министр. Хайль Гитлер. Экстренное сообщение, господа.

Гитлер. Ну?

Шутт. Не томите...

Министр. Гениальное открытие. Блестящий научный опыт... Престарелый ученый... Выживший из ума... Кто бы мог думать...

Гитлер. А что он сделал?

Министр. Он выкачал кровь из лица неарийского происхождения и влил в него кровь арийца. Правда, и тот и другой умерли. Но они могли бы и не умереть. И тогда неариец стал бы арийцем. А ариец...

Генерал. Неарийцем...

Министр. А ариец остался бы арийцем в силу своего арийского происхождения...

Гитлер. Гениально. Главное, мне нравится, что они оба умерли арийцами. Сделайте доклад в институте «Чистота расы».

Министр. Есть. В каком плане вести дальнейший поиск?

Шутт. Разрешите предложить... «Выкачивание неарийской крови из лиц наполовину арийского происхождения без особого вреда для человека».

Гитлер. Ну это на вечер, господа... Кто там? Войдите...

Входят фрау Минна, фрау Лотхен
и фрау Гретхен.

Дамы (*хором приветствуют*). Хайль Гитлер!

Гитлер (*потирая лоб*). Зачем я их пригласил? Не помню...

Генерал. Проблема увеличения народонаселения Германии за счет собственных ресурсов.

Гитлер. Ах да... Ну как, фрау Минна? Как наши брачные пункты? Организовали?

Минна. Так точно, мой фюрер. Пункты организованы.

Гитлер. Превосходно... Ах да, господа. Вы же не в курсе дела... Мне пришла блестящая мысль... Германия спасена. Фрау Минна, доложите собравшимся.

Минна (*смущенно*). Так что вот... Мой фюрер приказал организовать... Эти, как их... встречи. Для того чтобы, так сказать... Ну, сами понимаете, господа...

Гитлер. Господа! Солдаты оторваны от семьи. Дети почти не рождаются. Война и реформы усугубляют дело. Государство не может равнодушно смотреть на гибель нации. И вот я приказал ей...

Минна (*по-солдатски*). Организовать районные брачные пункты. Все. Блестяще, изумительно... Гениальный полет мысли...

Гитлер. Фрау Минна, доложите, как идут дела на брачных пунктах...

Минна (*мнется*). Дела идут отлично. Мужчины и особенно подростки с утра торчат у подъездов...

Гитлер. А дамы?

Минна (*с улыбкой*). Ну, с этой стороны не предвижу затруднений... Не знаю, как другие... А лично я уже записалась. Так сказать, подала личный пример.

Лотхен и Гретхен. И мы тоже.

Гитлер. Благодарю вас от имени нации.

Дама (*хором*). Рады стараться, мой фюрер.

Офицер (*входит*). Разрешите войти... Хайль Гитлер!.. Войска желают попрощаться с вами. Горят желанием увидеть вас...

Гитлер. Ай, я еще не одет.

Генерал. Надо выйти. Ваш вид вдохновит войска на новые победы...

Гитлер. А где там у вас эти войска?

Офицер. Со вчерашнего вечера неподвижно стоят под вашим балконом.

Гитлер. Подать мундир!

Минна. Разрешите уйти?

Гитлер. Смирно! Всем оставаться на своих местах. (*Надевает мундир. Выходит на балкон. Раздается нечто вроде лая.*) Зольдатен. Дас фенстер ист вайс. Дер тыш ист браун. Хойте ин ди шуле геен да зо шоне веттер ист. Найн. Воцу ден иммер лернен вас ман шпетер дох фергис. Гинденбург. Бисмарк. Мольтке. Блют. Блю. Ист рот. Хаймат. Дойчланд. Хаймат. Хаймат. Хаймат. Гау... гау... гау...

Гремит музыка. Гитлер возвращается.

Генерал. Народ прямо обожает вас...

Ш у т т. И, главное, непонятно, за что... То есть пардон... Понятно, но неестественно... Извиняюсь, сбился с интересной мысли... Потом доскажу...

Г и т л е р *(принимает позу)*. Ну, а как вы вообще нашли мой выход?

Г е н е р а л. Изумительно.

Ш у т т. Как Юлий Цезарь.

Г и т л е р. Вот только, господа, не знаю, как лучше руки держать... Так — Наполеон держал. Так — Фридрих Великий... А для меня решительно ничего не остается...

Ш у т т. А если так? *(Показывает.)*

Г и т л е р. Я и то — иногда так. А некоторые смеются, думают, что живот болит... *(Офицеру.)* Что еще?

О ф и ц е р. Честь имею доложить — принесли военную сводку с восточного фронта.

Ш у т т. Вот я говорил вам, Адольф Иванович, — сюрприз или приятное известие...

О ф и ц е р. Разрешите сводку отправить в печать?

Г и т л е р. Э, нет... Дай сюда эту сводку. Отныне я сам решил ее проверять... Отойдите дальше, господа, мы с генералом посмотрим.

Г е н е р а л. Есть.

Г и т л е р *(звучит)*. Не может быть! Сколько, сколько? За один день мы потеряли четыреста тридцать танков... Ай, это много, генерал...

Г е н е р а л. А вы первую четверочку скиньте. Вот оно и будет в самый раз.

Г и т л е р. И то правда. *(Исправляет.)* Значит, мы потеряли тридцать танков... А не много ли мы потеряли, генерал?

Г е н е р а л. И то много.

Г и т л е р. Вы находите? Тогда нолик сократим. Он в математике ничего не выражает... Ноль — ноль и есть... Итого — мы потеряли три танка. *(Исправляет.)* Вот теперь бери сводку, пусть печатают. *(Дает офицеру.)* Погоди, погоди... Ну куда бежишь? Государственное дело, а он бежит. *(Генералу.)* Может, лучше не мы потеряли три танка, а они?

Г е н е р а л. А в самом деле, мой фюрер, пусть это они три танка потеряли. Что же нам с противником церемониться.

Г и т л е р. Правильно. Так им. *(Исправляет.)* На сводку, бери. Погоди-погоди... *(Генералу.)* Слушайте, они потеряли только три танка. Как вы это находите?

Г е н е р а л. Это они мало потеряли. Не прибавить ли нам нолик?

Г и т л е р. Правильно, прибавим нолик. Потеряли они, значит, тридцать танков.

Генерал. Если бы они, мой фюрер, еще больше потеряли — это вдохновило бы армию.

Гитлер. Тогда прибавим впереди единичку... Сто тридцать танков потерял противник.

Генерал. Тогда уж лучше первоначальную цифру оставить. Зачем же нам исказить действительность?

Гитлер. Да уж, исказить действительность нехорошо... Поправим... Итого противник потерял четыреста тридцать танков. На, бери сводку.

Офицер уходит.

Генерал. И правильная цифра сохранилась. И авторитет не нарушен.

Шутт. Я же говорил: будет приятный сюрприз с восточного фронта.

Шорох за дверью.

Гитлер. Войдите. Кто там?

Генерал. Это прибыл ученый по второму вопросу нашей повестки дня.

Входит профессор.

Гитлер. Здравствуйте, профессор.

Профессор. Здравия желаю, ваше превосходительство.

Гитлер. Ну как ваш опыт?

Профессор. Осмелюсь доложить, операция прошла удачно. В настоящее время подопытный субъект имеет великолепное самочувствие, ходит, кушает...

Гитлер. Ну, а вообще — он воевать может?

Профессор. И воевать может, и приказания слушает... Только что дурак, кретин. А так он все может.

Гитлер. Ну, если так — поздравляю с великой победой. (*Кричит.*) Сознание принесло людям неисчислимые беды! (*Спокойно.*) Ваши заслуги перед человечеством будут оценены. В дальнейшем... сознание не будет больше бедствием для человечества.

Министр. Скажите, а массовое, серийное производство операций возможно?

Профессор. Полагаю, что вполне.

Гитлер. Интересно посмотреть вашего дурака.

Профессор. Он здесь. Внизу... в машине.

Все. Приведите... Интересно...

Профессор уходит.

Ш у т т. Только не думаю, чтобы его дурак был глупей, чем обычно. Наверное, как и все мы...

Л о т х е н. Интересно, что он женщинам будет говорить?

Г р е т х е н. Наверное, то же, что и все.

М и н и с т р. В крайнем случае полицию можно будет распустить — не нужна будет, если все дураки...

П р о ф е с с о р (*входит со своим подопытным дураком*). Имею честь представить моего подопытного субъекта.

Д у р а к (*смеется*). Хы-и...

Г и т л е р. Здорово, дурак...

Д у р а к. А, здравствуйте...

Г и т л е р (*недовольно*). Как-то он у вас равнодушно отвечает. Все-таки видит перед собой такое лицо, а он еле цедит. Объясните ему научно, что я — это я...

П р о ф е с с о р (*дураку*). Это Гитлер... Надо ему отвечать как следует. Громко — «Хайль Гитлер!»

Д у р а к (*посматривая на Лотхен*). Ну, ладно... Чего пристааете...

Г и т л е р. Здорово, дурак!

Д у р а к (*равнодушно*). Хайль Гитлер...

Г и т л е р. Дурак, может быть, и хорош, но я у него чувства не вижу.

П р о ф е с с о р. Да, чувства у него притуплены, естественно — дурак.

Г и т л е р. Если у него нет энтузиазма при виде меня, то у него нет и ярости к врагу.

П р о ф е с с о р. Да уж, конечно. Ну, дурак, что с него взять.

Г и т л е р. Э, нет. Такой дурак мне не годится. Вы мне дайте дурака со всеми чувствами.

П р о ф е с с о р. Помилуйте, это же совершенно невозможно. Вырезается часть мозга, где сосредоточены некоторые жизненные центры.

Г и т л е р. Какое мне дело, что там вырезается. Мне нужен солдат.

Г е н е р а л. А мне так нравится дурак... А что, он у вас щекотки боится? (*Щекогет дурака.*)

Д у р а к. Ну, ты, как ахну тебя.

Ш у т т. Видите — некоторые чувства он проявляет.

П р о ф е с с о р. Это когда касается его.

Г и т л е р. Эй ты, оболтус...

Д у р а к (*кокетливая с Гретхен*). Да отвяжитесь вы. У меня тут по-важней дела...

Г и т л е р. С таким дураком мы еще больше зашьемся.

Л о т х е н. Мне тоже дурак не нравится. Сначала на меня смотрел, а теперь с Гретхен флиртует.

Г р е т х е н. А по-моему — дурак хоть куда.

Гитлер. Вот мы и поженим тебя с дураком.
Дурак. Э, нет. Жениться я на ней не буду. Она, я так думаю, с генералом живет.

Министр. Нет, по-моему, он не дурак...
Генерал. Нахал какой.
Дурак. Сам нахал.
Гретхен. Ужасно.
Профессор. Лучше я его уведу, а то он наговорит лишнего.
Дурак. Да уж, сейчас я тут наговорю...
Министр. Уберите, уберите его...
Профессор. Ну, пойдем, что ли...
Дурак. Ну, пойдем. А то они кушать не дают... И девицы надоели мне — какие-то посредственные...

Генерал. Нахал какой...
Дурак. От нахала слышу.
Гитлер (*профессору*). Так, извольте продолжать опыт. Такой вялый мне не годится.

Дурак. Ну, пойдем... Надоело их чепуху слушать.
Профессор (*Гитлеру*). Попробую, ваше превосходительство. (*Дураку.*) Идем!

Профессор и дурак уходят. За ними Минна,
Лотхен и Гретхен.

Гитлер. А ты говоришь — научный сюрприз. Опыт неудачный.
Министр. Да уж, знаете ли...
Генерал. Дурак просто. Дурак. Не знаю, господа. Я знал дураков...
Шутт (*в тон*). И сам дурак...
Генерал. Но, честно говоря, этот дурак меня не совсем удовлетворяет.

Шутт. Про себя скажи.
Генерал. Я про себя и говорю... То есть, пардон, с таким дураком, говорю, — намучаешься...

Шутт. Адольф Иванович, извините за нескромный вопрос. Так сказать, горю желанием вам помочь. А какие именно дураки вам желательны?

Гитлер. Современное человечество меня не удовлетворяет. Оно мыслит, рассуждает... Министр пропаганды, да объясните же ему, какие мне нужны дураки.

Министр. Ну, вроде генерала.

Генерал. Опять меня задевает.

Министр. Пардон, нечаянно. Нужны дураки этикие...

Шутт. Темпераментные?

М и н и с т р. Темпераментные... Чтобы драться лезли. Чтоб из них бойцы были этакие... для войны...

Г и т л е р. И вместе с тем, чтоб они... что?

М и н и с т р. И вместе с тем, чтоб они... что... Полное послушание. И чтоб...

Ш у т т. И тогда...

М и н и с т р. И тогда по их образцу оперировать все население.

Ш у т т. И генерала?

Г е н е р а л. Нет, я и так в норме.

Г и т л е р (*мегтательно*). А потом весь мир оперировать. И тогда уж я буду...

Ш у т т. Господином всего мира... А то у нас с вами без этого что-то не получается мировое господство.

На улице крики: «Хайль Гитлер!»

Г е н е р а л. Внизу собрался народ. Требуется вас. Покажитесь им, мой фюрер. Это вдохновит народ на новые жертвы.

М и н и с т р. Слышите? Видите? Вот вам народ... А вы меня браните. Подозревали, что народ мыслит, критикует... Народ критикует? Он безропотный ягненок. Он с обожанием взирает на пустой балкон. Из вашего народа вы можете веревки вить.

Г и т л е р. Благодарю. Я ошибался... Теперь вижу... (*Идет на балкон.*)

Крики усиливаются. На балкон и в комнату летят букеты цветов. Один из букетов с силой ударяется об Г и т л е р а. Фюрер хватается за голову, возвращается в комнату, покачиваясь.

Г е н е р а л. Что с вами, мой фюрер?

Г и т л е р. Букет... в голову попал. Ошеломило немножко...

Г е н е р а л. Ого... Изрядный букетик.

Ш у т т. Адольф Иванович, я всегда говорил, что у вас слабая голова.

Г е н е р а л. Однако, господа... В букете булыжник.

М и н и с т р. Молчите!

Ш у т т. Боже мой... Камешек кило два весом... Не мудрено, что вы закачались, Адольф Иванович...

Г и т л е р. Мой народ не мог в меня кинуть... Это...

М и н и с т р. Недоразумение...

Ш у т т. Хорошенькое недоразумение — камешек-то кило два весом.

Г и т л е р (*министру*). Это что значит, любезный? Критикуют?

М и н и с т р. Не могу знать. Чистая случайность. Народ в порядке... помалкивает.

Гитлер. Враньем занимаетесь. Лакируете действительность. Что же это, я сам должен проверкой заниматься?

Шутт (*министру*). Что же, Адольф Иванович сам должен, что ли...

Гитлер. Хорошо-с... Я сам, как Гарун аль Рашид, пойду сейчас к моему народу. Удостоверюсь...

Министр. Ну уж это лишнее...

Генерал поддакивает.

Гитлер. Ваши слова меня еще более убеждают, как мне поступить... И если я найду, что народ по-прежнему мыслит... Ну, тогда держись... Мне надо помыться. Отведите меня в ванну.

Шутт. Идемте, Адольф Иванович.

Шутт под руку уходит с Гитлером.

Министр. Ну, кажется, я пропал.

Генерал. Надо выяснить, куда он поедет. И надо будет вперед него и натаскать население. Указать, как им отвечать на вопросы.

Министр. Вы — мой спаситель. Правильно. Но как выяснить его маршрут?

Входит Минна.

Генерал. Минна, надо срочно выяснить, куда едет фюрер. После все объясним...

Министр. Умоляю, господа, спасите дело.

Минна. Постараюсь.

Министр. Господа, у меня к вам нижайшая просьба. Давайте всей бригадой поедем вперед и на месте проинструктируем население...

Генерал. Мы согласны.

Министр. Тсс... Идет...

Входят Гитлер и Шутт.

Мой фюрер, мы хотели погулять по саду. Мы вам не нужны?

Гитлер. Вы все свободны, господа. Кроме моего личного астролога и вас, фрау Минна, с которой я хотел еще иметь короткую беседу.

Министр и генерал уходят.

(*Минне.*) Милейшая, мы уезжаем в Гарт. К вечеру извольте окончательно наладить брачные пункты.

Минна. Есть. (*Уходит.*)

Гитлер. Надену штатское платье. В таком виде меня никто не узнает...

Шутт. И уж тогда, Адольф Иванович, мы все узнаем.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

1

Комната в крестьянском доме.

Петер. Марта, слышишь? Иди сюда, старушка. Скорей. Скорей.

Выходит Марта.

Марта. Хайль...

Петер. Не надо, старушка, не надо. Можно говорить по-человечески.

Марта. А Гретель где?

Петер. Вон она, бедная, стоит со своим женихом... у ворот.

Марта. А он вытянулся, как палка, бедный дурачок.

Петер. Садись, старушка, у окошечка в кресло, а я сяду напротив, закурю трубку, и мы поболтаем, мирно-мирно, как в старые добрые времена...

Марта. А дедушка? Может быть, дедушка дома.

Петер. Нет, я заглядывал к нему. Ушел наводить страх на всю округу...

Марта. Ах, бедный, бедный дедушка. Что они с ним сделали!

Петер. Да. Был разумен, честен, прост, добр, как и мы с тобою...

Марта. А теперь смотрит волком.

Петер. И рывкает каждые пять минут: «Бисмарк»...

Марта. Правда, они дедушку за это любят. А нам-то каково? Вдруг среди ночи рев: «Бисмарк...» И без того жить страшно, а тут еще Бисмарк...

Петер. Ну, господь с ним. Старику восемьдесят один год. А вот дети, дети...

Марта. Страшно признаться, но вбили они, вбили в наших детей что-то свое... зверское.

Петер. Марта, ведь мы одни. Зачем же ты бодро улыбаешься?

Марта. Разве? Ну, значит, и в меня что-то вбили. Да и ты, старик, скалишь зубы, как Ганс Вурст. Говоришь грустно, а глядишь бодро.

Петер. Довели. Отца-старика боимся, дочки родной боимся, жениха ее боимся. Зубы скалим, как куклы. А бывало...

Марта. Бывало, в певческом ферейне ты, чуть что не так, подымаешь спор. Ты не глядел, кто неправ — бакалейщик, или пастор, или даже сам господин обер-кондуктор королевской железной дороги.

Петер. Хе-хе...

Марта. Я помню: стоит он, синий от злости, подбородок выпятил, и ты ему режешь прямо в глаза: «Вы ошибаетесь, господин обер-кондуктор королевской железной дороги».

Петер. Хе-хе...

Марта. «Я — это ты так ему режешь — если вижу, что в нотах бемоль, то и говорю бемоль. И буду говорить, что бемоль, хотя бы мне возражал сам начальник станции».

Петер. А он говорит: «А если кайзер будет возражать?»

Марта. А ты отвечаешь: «В нотах я не уступлю самому Фридриху Великому, господин обер-кондуктор».

Петер. Хе-хе...

Марта. Вот тогда я тебя и полюбила, мой старичок, на всю жизнь... А господин обер-кондуктор королевской железной дороги вышел из ферейна.

Петер. Но зато он теперь директор Берлинской консерватории. И если он говорит диез там, где стоит бемоль, то все профессора отвечают ему: «Хайль Гитлер», и наш лучший в мире оркестр фальшивит во славу старого дурака обер-кондуктора. Обезобразили, изуродовали, искалечили добрую, честную, трудолюбивую родину.

Марта. Тихонечко, тихонечко. Давай отдохнем, старичок...

Петер. Ну давай, старушка...

Марта. Конечно, это тяжело. Добрый человек живет себе, и вдруг влезают в его жизнь большие деревянные куклы. И в руках у них оружие... Но мы тоже себе на уме, милый мой Петер. Хоть минутку в день мы урываем, чтобы вздохнуть...

Петер. Подумать, подумать, подумать...

Марта. вспомнить, что мы люди... И почему это подлецы всегда берут над людьми верх?

Петер. А потому, что они проще. И дела себе берут попроще... Вырастить хлеб, построить машину — трудно. А отнять хлеб, захватить машину, дать по зубам — дело простое. Марта...

Марта. Что, Петер?

Петер. Я тихонько-тихонько спою. Ты смеяться не позволишь себе?

Марта. Петер...

Петер. Голос-то у меня ведь уже старческий.

Марта. Что ты. У тебя был драматический тенор, а теперь стал такой лирический-лирический...

Петер. Когда вот так ходишь и думаешь, то начинаешь сочинять. Ну вот... Кхы... кхы... Если будет почему-либо неприятно мое пение, то ты прерви меня.

Марта. Петер...

Петер. Ну... Так, значит, я начинаю. Вот это... Название... Ну, названия нету. Это в тоне а моль, Марта. Ничего.

Марта. А моль — я обожаю с детства.

Петер. Ну, хорошо. Кгм... Кхе... (*Поет тихо-тихо, старчески, но приятным голосом.*)

Ах, я мечтаю стать цветком:
Кивает он головкой,
Благословляет все кругом
И не грозит винтовкой.

Ах, я мечтаю птичкой быть:
Она щебечет звонко,
И ей не повелят убить
Невинного ребенка.

Я ручейком бы стать хотел:
Он никого не губит.
Но немцем быть мне бог велел —
Никто меня не любит.

Марта (*после песни, сквозь слезы*). Послушала бы тебя наша молодежь, Петер.

Петер (*сквозь слезы, мягко*). Она сразу засадила бы меня в гестапо, Марта.

Марта (*вскрикивает*). Ой... Дочка идет сюда.

Петер. Ах, горе, горе... Родной дочки пугаемся, как жандарма. Надоело... Я сейчас ей все скажу. Нет, не скажу. Не могу. Идем...

Марта. Идем, дружок. Посидим наверху, на балкончике.

Петер. Как ты думаешь, они не слышали?

Марта. Нет, что ты... Ты ведь пел так осторожно. Идем, идем...

Входят Ганс и Гретель.

Ганс и Гретель. Хайль Гитлер.

Петер и Марта. Хайль Гитлер. (*Уходят.*)

Пауза.

Ганс. Что они — совсем ушли?

Гретель (*выглядывает в окно*). Да, их уже не видно, Ганс. Они пошли в садик, наверное...

Ганс. Тогда будь так добра, сядь у окна, в кресло, а я сяду здесь так, чтобы никто меня не видел. Ты понимаешь, зачем?

Гретель. Конечно, Ганс. Ты хочешь отдохнуть.

Ганс. Я хочу снять маску и стать человеком.

Гретель. Я понимаю тебя.

Ганс. Как мне надоело тянуться, притворяться, играть дурака... Думаешь, мне легко? Разве мне легко говорить с тобой, как с дурочкой...

Г р е т е л ь. Ганс...

Г а н с. Не смотри на меня и слушай. Я не по правилам люблю тебя. Не по их чертовым правилам. Я не могу больше покрикивать на тебя, как подобает каждому северогерманскому идиоту. Ты моя маленькая, умная, славная Гретель...

Г р е т е л ь. Говори, говори еще об этом. Только подробнее.

Г а н с. О, мы несчастные добрые, послушные, мечтательные немцы. Я думал: чтобы учиться, чтобы жить — я буду внешне послушен. Я разделил жизнь на две части: в одной я молчал, не разговаривал и только кричал, когда требуется, «Хайль Гитлер». Я думал — другая половина жизни будет моя, совсем моя. Но это не так. Меня затянуло в рабство, как в машину, когда туда попадает часть одежды.

Г р е т е л ь. Не надо волноваться, Ганс. Ты отдохай..

Г а н с. Я смеялся над моими товарищами коммунистами. Мне казалось, что наука, которую я, крестьянский парень, обожествлял — выше всякой политики. О, я дурак! Политика — все. И вот теперь я одинок. Я хожу, не снимая маски. Мой бедный профессор занимается тем, что prepares искусственного дурака для нашего проклятого автомата-фюрера. Я не смею жениться на тебе, не смею говорить с тобой по-человечески, скалю зубы, хороню убитых товарищей, кричу «хайль» автомату и сам превращаюсь в автомат.

Г р е т е л ь. Не надо так говорить, Ганс. Ты был в школе славным, добрым мальчиком, таким ты остался до сих пор.

Г а н с. Я тебя очень люблю.

Г р е т е л ь. Да, ты меня очень любишь. И сейчас я почти счастлива. Трудно быть совсем счастливой, когда знаешь, что по нашей вине столько несчастий совершается каждую минуту.

Г а н с. Да.

Г р е т е л ь. Мы молчим, а сколько слез по всему миру. Из-за того, что мы молчим, сколько умирает, сколько...

Г а н с. Да. Не будем об этом говорить больше... *(Вскакивает.)* Что там славно, так бодро шуршит, невеста?

Г р е т е л ь. Там никого нет, Ганс... Это кошка.

Г а н с. Погляди методично, аккуратно, точно, как подобает женщине северной расы... Что ты плачешь?

Г р е т е л ь. Ах, Ганс! Только что ты разговаривал со мной, как человек...

Г а н с. Гретель...

Г р е т е л ь. Ты был такой храбрый мальчик. Когда бык погнался за рыжей Магдой, ты, крошечный — ведь тебе было только двенадцать лет, — как храбро ты бросился прямо к быку... Пыль, крик, шум... Ах, как я помню это... Бык ударяет тебя в плечо, но ты молчишь и отбива-

ешься ногами. Все девчонки влюбились тогда в тебя. Но я куда больше других...

Ганс (*улыбаясь*). Нет.

Гретель. Ганс?

Ганс. Уверю тебя — нет. Магда влюбилась больше...

Гретель. Ганс, но ведь она рыжая!

Ганс. Мало ли что... Но... Ты уверена, что это была кошка, а не твои родители?

Гретель. Ах, Ганс. Какие это были славные, добрые старики. Но когда я приехала из Берлина, они хором сказали мне: «Хайль Гитлер!». На добром папином лице появилась страшная каменная улыбка... Мама пробует маршировать... Ганс, моя мама шагает, как солдатик. Ах...

За окном вырастают Петер и Марта. Ганс отшатывается.

Гретель закрывает лицо руками.

Петер. Дети, спокойно.

Марта. Девочка, это я.

Родители скрываются.

Гретель. Куда они побежали?

Ганс. Надеюсь, что не в гестапо.

Вбегают Петер и Марта.

Петер. Дети, ни с места. Дайте мне собрать мысли. Дети, мы сидели на балкончике и все слышали. Дети, мы боялись вас... А вы нас... Марта — это наша дочь! Гретель — это я. Ганс, славный бурш, дай лапу. Дай левую — ведь правая у тебя слаба и не может сильно пожать мне руку. Твоя бедная правая пострадала, когда ты спасал от смерти девочку... Значит, мы не одни. Дети...

Обнимаются. С шумом распахивается дверь. Все застывают в страхе.

Входит высокий, белый как снег, суровый старик.

Старик (*резко, холодно*). Бисмарк.

Петер. Что ты сердисься, отец? Ведь мы ничего худого не сделали.

Старик. Бисмарк... (*Грозно.*) Бисмарк. (*Грозит кулаком. Уходит.*)

Петер. Ганс. Ну, пусть отец неисправим, но зато мы... Мы все вместе... Вот что... Позовите господина декана.

Марта. Петер, но ведь отец может услышать...

Петер. Ничего. Этот несчастный, выгнанный из Берлина, доставший нам по разверстке, живущий в коровнике, — камнем лежит на моей совести. Я из-за вас не смел ему слова сказать. (*Кричит.*) Господин декан, идите сюда!

М а р т а. Я запру дверь к отцу.
Г а н с. Вот он идет.

Входит почтенный, высоколобый, седой старик в очках — декан. Он одет в обтрепанный, но опрятный костюм. Внимательно оглядывает всех.

Здравствуйте, господин декан.

Д е к а н. Декан? Ведь я уволен с должности декана. Как неариец. (Еще внимательнее оглядывает всех.) Я понял, что здесь произошло.

П е т е р. Ну? Быть этого не может.

Д е к а н. У вас случайно свалились маски, которые нацепил нам наш великий фюрер. И все вдруг увидели, что вы славные люди.

П е т е р. Вы правы. Вы иностранец, а все поняли.

Д е к а н. Я немец, друг мой. Много веков предки мои прожили в Германии. Я думал, как немец, поступал, как немец, и дал кое-что немецкой науке. Вот этот бывший студент может подтвердить, что бывший его декан был добросовестным медиком.

Г а н с. Еще бы.

Д е к а н. То, что случилось сегодня в вашей семье, случится скоро во всей стране.

Г р е т е л ь. Ах, скорее бы, господин декан.

Д е к а н. Видите ли... Я, конечно, несправедливо и нелепо лишен должности декана. Но бумажка пришла из министерства, все было сделано в законных формах, и мне теперь искренне неудобно, когда меня называют деканом. Однако простите, меня ждут пациенты.

П е т е р. Какие пациенты?

Д е к а н. Односельчане ваши проведали, что я врач. Они осторожно, поодиночке пробираются ко мне, точнее — к вам, в коровник. Чуть стемнеет — целая очередь выстраивается у коровника. И какая своеобразная очередь! Все глядят в разные стороны. Кто на звезды. Кто как бы собирает цветы. Кто будто бы гоняется за бабочками. Особенно почему-то это охотно делают ревматики.

П е т е р. А я-то думал, что односельчане собираются, чтобы следить за моим поведением.

М а р т а. О! Принимать больных в коровнике. Мне так неловко...

Д е к а н. Напрасно. У вас в коровнике такая образцовая чистота. К тому же мне никто не мешает, так что я не испытываю никаких неудобств.

П е т е р. Хе-хе...

М а р т а (вскрикивает). Бог мой!

Г р е т е л ь. Шпоры звенят...

Г а н с. Это за мной.

Декан (*спокойно*). Нет, студент, это за мной. Кто-то из пациентов донес на меня.

Марта. О, Петер. Это, наверное, за тобой.

Распахивается дверь. Входят строем министр пропаганды, дежурный генерал, Минна, Лотхен, Гретхен.

Прибывшие. Хайль Гитлер!

Все остальные. Хайль Гитлер!

Генерал. Здорово, славные земледельцы!

Все. Здравия желаем, ваше превосходительство.

Генерал. Сейчас министр пропаганды объяснит вам, что от вас ждет родина. А я с дамами осмотрю местность. (*Командует дамам.*) Шаг-о-ом марш!

Генерал уходит, сопровождаемый Минной, Лотхен и Гретхен.

Министр. Слушайте меня внимательно. Я скажу речь. Сам все объясню. Я говорю, не думая. Я отдаюсь бурному потоку истинно германских чувств. И этот поток всегда сам выносит меня на берег. Я начинаю. Вот... (*Дико орет.*) Немцы! Бах-бах... бум-бум. Пу-у. Бей. Бей. Бей! Все духовное нам опостылело. Галлы — нахалы. Французы — толстопузы. Голландцы — оборванцы. Американцы — евреев новобранцы. Бритты — ядовиты. Индусы — трусы. Арабы — слабы. Греки — калеки. Шведы — дармоеды. Все народы подлецы, а мы, тевтоны, молодцы. Аминь. Поняли вы меня?

Все (*кроме декана, который стоит отвернувшись*). Так точно, поняли, ваше превосходительство.

Министр. Умом или сердцем?

Все. Чем прикажете, ваше превосходительство.

Министр. Приказываю сердцем.

Все. Ну тогда сердцем, ваше превосходительство.

Министр. Ну-ну. Неплохо отвечаете. Можно объяснять дальше. (*Замечает декана.*) А это что за интеллигентная фигура? (*Кричит.*) Интеллигенция — это отбросы нации...

Петер. Это, извините, декан.

Министр. Ну? Вот гадость какая! До чего я их ненавижу, это уму непостижимо. Как он сюда попал?

Петер. Выгнан из Берлина. Приказано отвести ему место в коровнике.

Министр. Эй, ты! Проклятый интеллигент. Повернись ко мне!

Декан выполняет приказание. Лицо его сурово и спокойно.

(Издает странный вопль, полный ужаса и тревоги.) У-у-у... (Приходит в себя.) Поселяне! Сейчас я скажу речь этому отщепенцу. Выйдите отсюда. Скорей, а то я начну. Бах-бах, бум-бум, пу-у-у...

Все, кроме д е к а н а, выбегают прочь. Пауза.

Здравствуйте, господин декан.

Д е к а н. Я не декан больше.

М и н и с т р. Я в этом не виноват.

Д е к а н. Будто?

М и н и с т р. Честное слово. Я как раз уезжал из города. В командировку. Скажите... Это у вас?

Д е к а н. Что «это»?

М и н и с т р. Ну, вы знаете...

Д е к а н. Ваш матрикул, в котором двойку, поставленную мной, вы переделали на пятерку?

М и н и с т р. Тсс... Это была юношеская проделка.

Д е к а н. Нет, это был подлог.

М и н и с т р. Но вы тогда простили меня.

Д е к а н. Я не выношу слез. А кроме того, я надеялся, что из вас выйдет честный человек.

М и н и с т р. Ну вот, из меня и вышел министр.

Д е к а н. Да, мои надежды не сбылись.

М и н и с т р. Слушайте, продайте мне этот матрикул.

Д е к а н. Я сжег его.

М и н и с т р. У, хитрая нация. Я с немецкой прямоотой заменил двойку пятеркой. А вы теперь душите меня с еврейской ловкостью.

Д е к а н. Даю вам слово — матрикул сожжен.

М и н и с т р. У-у, ловкач. Кто вам поверит? Слушайте, хотите в арийцы?

Д е к а н. Нет.

М и н и с т р. Напрасно. Фюрер всех нужных ему евреев обращает в почетных арийцев. Я вам устрою такие документы, что вы сами поверите в то, что вы настоящий немец.

Д е к а н. Я и так верю в это.

М и н и с т р. Так не идете в арийцы?

Д е к а н. Нет, лучше умереть.

М и н и с т р. Я устроил бы вам это, если бы верил, что документ сожжен. Возьмите деньги. Продайте документик.

Д е к а н. Пустите меня. Мне душно с вами.

М и н и с т р. Хорошо, хорошо, не будем ссориться. А скажите, декан, как относятся к вам здешние крестьяне?

Д е к а н. Как приказано. Разрешите... (Уходит.)

Министр. Вот история... Нельзя, нельзя фюрера допускать до разговора с этими поселянами. Подлог он простил бы, подумаешь тоже. Но он не простит, что я когда-то учился в университете. Правда, в последнее время любимое правило фюрера: не вглядывайся, не спрашивай, не вникай, а то опомнишься. Однако...

Возвращается дежурный генерал со своей свитой.

Ну что?

Генерал. Зажиточные мужики. Хлеба, правда, нет.

Минна. Но амбар очень чистенький.

Генерал. Свиной тоже нет.

Лотхен. Но хлев очень уютный.

Генерал. В погребе у них совершенно пусто.

Гретхен. Но зато сухо.

Министр. Все это нехорошо. Они, наверно, настроены критически.

Генерал. Ничего подобного. Все это доказывает, что они лояльные поселяне. Все фюреру отдали, а себе ничего не оставили.

Министр. Но...

Генерал. Кроме того, нам доложили, что отец поселянина — лихой старик. Чуть что — орет: «Бисмарк!»

За дверью вопль: «Бисмарк!»

Министр. Ого, верно. И больше ничего?

Генерал. Ни-ни.

Министр. Проверим. Поселяне — бегом сюда!

Входят Петер, Марта, Ганс, Гретель.

Правда, что ваш дедушка только одно слово и говорит?

Петер. Правда, ваше превосходительство.

Министр. И больше ни-ни?

Петер. Ни-ни, ваше превосходительство.

Министр. Ввести его сюда!

Петер выходит и тут же приводит старика.

(Задумчиво.) Ничего старикан. А?

Генерал. Пистолет.

Старик. Бисмарк...

Генерал. Отчетливо говорит.

Старик. Бисмарк.

Лотхен. Обаятельный старичок.

Старик. Бисмарк!

Минна. Все Бисмарк, Бисмарк, Бисмарк... Право, в его упорстве есть что-то волнующее.

Старик (*яростно напирая на министра*). Бисмарк... Бисмарк!

Министр. Ой, он, кажется, хочет что-то добавить...

Старик. Бисмарк... Бисмарк был подлец, а ваш Гитлер и того хуже. Вот вам... Давно собирался сказать, да не смел, а теперь нате, нате, нате...

Министр. Уведите их. Они довольны — смотрите, они довольны тем, что старик заговорил...

Автомобильный сигнал.

Бандит приехал... То есть что это я говорю? Бах-бах... бум-бум... Пу-у... Идите спрячьте настоящих крестьян. Переоденьтесь в их одежду... и возвращайтесь. Авось фюрер не вникнет. Я его задержу...

Все уходит.

Ах, что будет, что будет?

Дверь широко распахивается. Входят Гитлер и Шутт.

Гитлер угрюм. Садится за стол, не поднимая глаз.

Гитлер. Здравствуйте, мои добрые крестьяне.

Министр. Хайль Гитлер!

Гитлер. Что такое? Почему такой знакомый голос? Шутт, пойдите разберитесь...

Шутт. Да все в порядке, ваше превосходительство. Крестьян тут нет. Один министр пропаганды.

Гитлер. Зачем?

Шутт. А это вы у него спросите.

Гитлер (*подымает глаза*). Эй ты! Где крестьяне? Чего ты молчишь?

Шутт. А он, наверное, их речами своими загнал подальше...

Гитлер. Ну, я жду ответа, министр.

Министр. Хайль Гитлер.

Гитлер. Допустим. Дальше.

Министр. Желтый цвет.

Гитлер. Чего?

Министр. Желтый цвет — к разлуке.

Гитлер. Это что же, примета такая?

Министр. Да.

Гитлер. Верная?

Министр. Вернее некуда. А крестьяне, как на грех, все были одеты в желтую одежду. Встретить фюрера впервые в жизни в платье, предвещающем разлуку...

Ш у т т. Действительно, безобразие...

М и н и с т р. И я приказал им всем переодеться.

Г и т л е р. Молодец. (*Записывает в записную книжку.*) Примета номер двести сороковая: желтый цвет — к разлуке.

Ш у т т. Ох, до чего же удивительно, до чего гениально! Двести сорок примет — и мы в них не запутываемся. Хорошо еще, что войной у нас занимаются военные профессора...

Г и т л е р. Вы что сказали?

Ш у т т. Не слушайте. Забудьте скорей.

Г и т л е р. Почему?

Ш у т т. Я сказал неприятность, а сегодня четверг.

Г и т л е р. Ну и что?

Ш у т т. А кто в четверг после обеда слушает неприятности и за это наказывает, у того бывает воспаление.

Г и т л е р. Чего?

Ш у т т. Чего попало.

Г и т л е р. Врешь, наверное...

Ш у т т. В жизни еще не врал. Самая верная примета.

Г и т л е р (*достаёт записную книжку*). Запишем. Чего зубы скалишь, дурак? Заберись-ка ты на такую высоту, как я.

Ш у т т. Боже избави!

Г и т л е р. Вот то-то и есть... На такой высоте, брат... Это высота, брат...

Ш у т т. Да уж, на такой высоте приходится не думать, а гадать. Это прежде надо было думать...

Г и т л е р. Прежде, прежде... Почем же я знал... Я думал: я ее начну, я ее и кончу.

Ш у т т. Это кого же «кончу»? Германию, что ли?

Г и т л е р. Да нет, болван. Войну. А она, проклятая, не кончается, и все тут. Не мирятся. Уж я их и бомбами, и расстрелами, и пожарами — и ничего. Ты знаешь, во сколько мне каждая бомба обходится? Я буквально никаких средств на них не жалею... А враги только озлобляются.

Ш у т т. Неблагодарные.

Г и т л е р. А все потому, что думают больно много. Даже там, где поздно думать. Дания, например. Зажата как мышь. Уж кажется — чего тут думать? А она все думает освободиться.

Ш у т т. Дура такая.

Г и т л е р. Или Болгария там. Греция... Норвегия тоже... И на фронтах напирают... Вот ты говоришь, у меня ученые профессора фронтами командуют. Верно... Это так... Но если бы ты знал, какие они грубые. Их торопишь, а они: «Не болтайся под ногами. Заварил кашу, а нам

расхлебывать. Иди, говорят, ты солдатам речи говорить, а нам, говорят, ты ни к чему». Вон какие слова себе позволяют. А еще образованные, в очках. Тут, брат, погадаешь.

Министр. Разрешите для утешения позвать крестьян. Я так полагаю, что они уже переоделись.

Гитлер. Зови. Утешай меня.

Министр. Крестьяне!

Голос генерала. Мы тут, ваша милость.

Гитлер. Какой знакомый голос.

Министр. Ну? Я лично не узнаю.

Шутт. Вот потеха-то...

Министр. В комнату сюда — шагом марш!

Гитлер (*опускает глаза*). Не вдумывайся, не вглядывайся, утешайся.

Входят переодетые крестьянами дежурный генерал,
Лотхен, Гретхен.

Все. Хайль Гитлер!

Гитлер. Ладно, ладно...

Минна. Ах, боже мой! Кто же это сидит за нашим столом? Муженек? Нет-нет. Это, конечно, сон.

Генерал. Мамочка, фюрер!

Лотхен. Душечка.

Гретхен. Поцеловала бы, но природная скромность немецкой девушки заставляет меня наотрез отказаться от этой мысли.

Гитлер. Ничего... Они ничего себе говорят, министр.

Министр. Ну так ведь. Делаем, что можем.

Генерал. Фюрер! Я лично как крестьянин в восторге.

Гитлер. От чего?

Генерал. Буквально от всего.

Шутт. Борода отклеилась.

Генерал. Я тебе сейчас... Гхм... Кха... Я тебе, фюрер, по-простому, патриархальному, старонемецкому скажу: я счастлив.

Гитлер. Ну, а мысли у тебя в голове не копошатся?

Генерал. Обижаете, ваша честь.

Минна. С неделю назад, фюрер, я так испугалась. Он сидел, сидел, да ка-а-ак задумается. Оказалось, что задумался-то он о том, как он счастлив.

Гитлер. Ну, это ничего. Ты с него за это не взыскивай. Ну, а еще. Если я, скажем, прикажу умереть за меня?

Генерал. Марта, принеси сюда ножик. До свидания, дети, сейчас я зарежусь во славу фюрера.

Ш у т т. Не надо, Марта.
Г е н е р а л. Нет, отчего же?
Ш у т т. Вот мой перочинный, острый, как бритва. На. Нет, режься, режься, дядя.

Г и т л е р. Да ладно уж, не надо.

Г е н е р а л. Нет, отчего же?

Ш у т т. Ох, фюрер, пусть он лучше зарежется.

Г и т л е р. А что?

Ш у т т. Есть такая примета.

Г е н е р а л. Врешь, нет такой приметы.

Ш у т т. Ан есть.

Г и т л е р. Смирно! А какая примета?

Ш у т т. Если хозяин обещал зарезаться да раздумал — гости к вечеру помрут.

Г е н е р а л. Фюрер, ну что он выдумывает...

Г и т л е р. Подожди, мужичок, не мешай. (*Записывает.*) Так. Я тебя хотел только испытать, крестьянин.

Г е н е р а л. Нет, отчего же.

Г и т л е р. Но постольку, поскольку есть такая примета, то придется тебе зарезаться. Бог предназначил меня спасти Германию. Сам посудите — не могу же я ее бросить на краю гибели. Прощай, герой!

Г е н е р а л. Вот история-то... Ну, ладно. (*Хватает Шутта, вытаскивает его за дверь.*) Прощайте, землячки. Чик. (*Проводит тупой стороной ножа по горлу.*) Хайль Гитлер! (*Падают, шепчет женщинам.*) Уносите живее, дурищи.

Женщины волокут генерала прочь.

Г и т л е р. Симпатичный старик. А?

М и н и с т р. Ну так ведь. Обработали все-таки...

Г и т л е р. Фу-у. Как-то легче стало на душе. Женщины, вы расстроились?

М и н н а. Я? Я лично в восторге. Умереть для славы фюрера — хехе — все соседи лопнут от зависти.

Г р е т х е н. Мы так рады.

Л о т х е н. Мы, как и все без исключения немецкие девушки, готовы свою жизнь отдать за фюрера, не говоря уже о жизни наших родственников.

Г и т л е р. Молодцы!

Дверь с грохотом распахивается. Влетает генерал, одетый крестьянином. За ним Ш у т т.

Г е н е р а л. Ой, ха-ха-ха, спасите. Ой, ха-ха-ха... Уморит... (*Визжит.*) Щекочет он меня.

Гитлер. Ты жив? Негодяй! *(Хватает генерала за приклеенную бороду, которая остается у него в руках.)* Генерал!..

Генерал. Если бы вы знали, как я счастлив, дорогой фюрер, видеть вас, так сказать... Того этого...

Гитлер. Министр, что это значит?

Министр. Не сойти мне с этого места.

Гитлер. Ну, ладно. Введите сюда настоящих крестьян.

Шутт. А их след простыл, фюрер...

Гитлер. Дьяволы! Лжецы! Я из-за вас не мог поговорить с моим народом. Идем, друг мой. Войдем в первую попавшуюся дверь... Там нас не ждут и не надуют. Уу-у, я еще до вас доберусь.

Занавес

2

Просторная и по-немецки уютная комната. Мягкая мебель. На стенах салфетки. На салфеточках вышитые готическими буквами изречения: «У кого совесть чиста, для того жизнь проста», «Кухня да дети — жене милей всего на свете», «Культура — дура, а танк — молодец». За столами и на диванах компания веселых, жизнерадостных людей. Поют негромко и мечтательно:

«Еловый лес,
Еловый лес,
Как твой наряд прекрасен.
Своею елкой
В рождество
Ты доставлял нам
Торжество.
Еловый лес,
Еловый лес,
Как твой наряд прекрасен».

Первая дама *(после паузы)*. Очень трогательная, очень милая песенка. Я, правда, больше люблю солдатские песни, но иногда вечером не прочь послушать и что-нибудь такое... философское. *(Задумчиво.)* «Своею елкой в рождество ты доставлял нам торжество...»

Первый мужчина. Да, вы правы... Солдатские песни хороши. Особенно кавалерийские.

Вторая дама. Или матросские.

Третья дама. Ах, все хорошо в нашей мужественной стране. Как писал любимый поэт нашего фюрера:

Как хорошо в краю мужчин,
Имеющих военный чин...
Пиф-паф. Пиф-паф...

Второй мужчина. Глубокие стихи. Пиф-паф — это, правда, несколько старомодно. Лучше та-та-та... Та-та-та... Пиф-паф — так говорит винтовка. Язык пулемета энергичнее.

Четвертая дама. Не будем критиковать...

Пятая дама. Будем радоваться.

Первая дама. Вы правы.

Стук в дверь.

Войдите.

Входят Гитлер и Шутт.

Все. Хайль Гитлер!

Гитлер. Здравствуйте.

Шутт. Простите, здесь живет господин фон дер Штуббе?..

Третья дама. Нам очень грустно, но здесь нет такого, дорогой друг.

Шутт. Ах, ах, до чего же это ужасно — вы не представляете себе. Нам, значит, дали неверный адрес... Мы надеялись провести вечер в кругу друзей.

Первая дама. Вы арийцы, господа?

Гитлер. Ого!

Первая дама. Какого сорта?

Шутт. Люкс.

Вторая дама. Ну, тогда посидите с нами. Здесь собрались все старые друзья...

Шутт. Ах, нам совестно. Мы ворвались в тесный семейный круг...

Третья дама. Но разве истинные немцы не одна тесная семья? А?

Шутт. Ну, конечно, разумеется, правильно. Тогда, с вашего позволения, мы отдохнем тут немного.

Четвертая дама. Милости просим.

Гитлер. Спасибо, господа. (*Усаживается.*)

Первая дама (*Гитлеру*). Скажите, почему вы не на фронте?

Гитлер. Я в отпуску.

Первая дама. Воображаю, как вы скучаете без свиста пуль.

Шутт. Это трудно даже вообразить.

Первая дама. Люблю войну.

Вторая дама. Скажите, пожалуйста, неужели вы расстроены?

Гитлер. Кто, я? Какая вы странная... Я совершенно великолепно себя чувствую...

Первый мужчина. Да иначе и быть не может, конечно. Я не могу себе представить человека, который у нас в Германии был бы несчастен.

Ш у т т. Да уж, действительно.
В т о р о й м у ж ч и н а. Первая раса на всем земном шаре. «Та-та-та — говорит пулемет».

П е р в ы й м у ж ч и н а. «Иго-го-го-го — кричат кони».

В т о р о й м у ж ч и н а. И мы побеждаем.

Г и т л е р (*Шутту*). Видал...

Ш у т т. Интересно, как это они нас обогнали?

Г и т л е р. Кто?

Ш у т т. Генерал да министр.

Г и т л е р. Кто?..

Ш у т т. Генерал да министр.

Г и т л е р. С чего ты взял, что нас обогнали?

Ш у т т. Да уж больно народ тут от всего в восторге, не иначе пре-
дупрежден.

Г и т л е р. Да ведь мы вошли в первую попавшуюся дверь.

Ш у т т. Эх, фюрер. Мало ли до чего доходит немецкая техника.
Может, по телефону их напугали. Или сигналами какими.

Г и т л е р. Молчи!

Ш у т т. Пожалуйста! Я же для вас стараюсь. Хочу, чтобы все было
понятно.

Г и т л е р. Так, по-твоему, это непонятно, когда народ ликует?

Ш у т т. Вполне понятно, если этот народ предварительно кто-то
тук-тук по шейке...

Г и т л е р. Молчи, подлец...

П е р в а я д а м а. Простите меня за солдатскую немецкую прямо-
ту. Нам грустно, что вы шепчетесь о чем-то. Вы скрываете что-то от
нас.

Г и т л е р. Дамы и господа. Я хочу порадовать вас, сказать, кто я та-
кой. Я — Гитлер.

Пауза. Затем восторженные крики: «Как? Хайль Гитлер! Ура!»

Г и т л е р а целуют. Обнимают. Качают.

(*Освобождаясь.*) Ну, молодцы, просто молодцы. Если бы не женщины,
так я мог бы подумать, что принимаю парад. Вольно... Оправиться.
Можно покурить.

Ш у т т заглядывает под столы, диваны, кресла.

Садитесь, господа. Милая дама, подойдите сюда.

П е р в а я д а м а. Хайль Гитлер!

Г и т л е р. Благодарю вас. Вы счастливы?

П е р в а я д а м а. О, еще бы, еще бы...

Г и т л е р. Прекрасно. И вы послушны?

Первая дама. Конечно. Тот, кто приказывает, должен уметь повиноваться.

Гитлер. А вы приказываете?.. Не женское дело. Что же, занимаете какую-нибудь должность?

Первая дама (*скромно*). Я генерал, фюрер.

Гитлер. Что такое?

Первая дама. Я генерал.

Гитлер. Но это невозможно!

Первая дама. Это трудновато, фюрер, но возможно. Прежде мне было куда трудней.

Гитлер. Когда прежде?

Первая дама. Когда я, как все истинные германские женщины, занималась хозяйством. Я просто чуть с ума не сошла. Но тут, к счастью, пришел ваш приказ о назначении меня генералом, и я спаслась от безумия. Хайль Гитлер!

Гитлер. Дорогая дама, вы послушны, милы, но одно мне что-то не нравится. Зачем вы утверждаете, что вы генерал?

Первая дама. А в чем дело?

Гитлер. Не хочу вникать, но мне это не нравится.

Шутт. Мне тоже. Она злится, фюрер.

Гитлер. Ладно. Вы кто?

Первый мужчина. Лошадь. Хайль Гитлер!

Гитлер. Ничего подобного.

Первый мужчина. А вот я тебя лягну, тогда узнаешь.

Шутт. Тпррру...

Первый мужчина. Иго-го-го... (*Успокаивается.*)

Гитлер. Вы кто?

Третья дама. Я — фрау Мюллер.

Гитлер. Наконец-то... Вот... Значит, есть тут все-таки понятные люди. Не лошади...

Третья дама. Что вы, фюрер...

Гитлер. И не генерал...

Третья дама. Это не женское дело, фюрер...

Гитлер. Молодец!

Третья дама. Спасибо, милый. Когда же вы придете взглянуть на нашего Вилли, фюрер?

Гитлер. А что это такое?..

Третья дама. Это наш с вами сынок, которого мы с вами называли в честь кайзера Вильгельма — Вилли.

Шутт. Вот тебе и на! Наследничка бог послал нам. Поздравляю, фюрер. Как это вы вдруг ухитрились?

Гитлер. Молчи, дурак. Фрау Мюллер, это недоразумение. Я вас вижу первый раз в жизни.

Третья дама. Адольф, милый. Ведь у нас с вами сорок сыно-
вей.

Шутт. Многовато...

Гитлер. У нас с вами нет сыновей, фрау Мюллер. Приказываю
вам усвоить это.

Третья дама. Обманщик... соблазнитель... негодяй...

Шутт. Тише, фрау Мюллер. Папа только шутит.

Гитлер. Черт знает что такое... Вы кто?

Второй мужчина. Пулемет.

Гитлер. Не буду с вами спорить. Все-таки оружие... А вы...

Четвертая дама. После того как вы отрубили папе голову —
я просто серая мышка, фюрер.

Гитлер. А вы кто?

Вторая дама. Я — подводная лодка, фюрер. Только я затонула
в прошлом году у берегов Англии.

Гитлер. А почему же вы тут сидите?

Вторая дама. Официальное сообщение о моей гибели еще не
появилось, фюрер.

Шутт. Да, это бывает.

Гитлер. А вы...

Пятая дама (*тихо*). Я здесь от гестапо, чтобы следить за пове-
дением окружающих...

Гитлер. Они ведут себя странно...

Пятая дама. Нет, в будни — ничего. Только по воскресеньям
они обращаются в ангелов и летают в Америку слушать антифашист-
ские передачи.

Гитлер (*орет*). Прекратить безобразие!.. С кем вы говорите!..
Знаете, что я последнее время расстраиваюсь, и хотите меня с толку
сбить. Не собьете. Я знаю, знаю, знаю, что женщины не бывают под-
водными лодками.

Первая дама. Смирно!

Гитлер. Нечего, нечего... Ты не из главного штаба, чтобы орать
на меня.

Первая дама. Немцы! Этот субъект — марксист!

Шутт. Догулялись...

Первая дама. Он нарушил великий принцип Гитлера: созна-
ние — бич человечества.

Первый мужчина. Иго-го-го...

Первая дама. Он пробует анализировать, он ученый.

Шутт. Да бросьте вы, он и среднего образования не имеет.

Второй мужчина. Тра-та-та... тра-та-та...
Первая дама. Бей его!

Вопли: «Бей!.. Ура!..» Все двигаются на Гитлера.

Гитлер. Шутт, прикрывай отступление. (*Бросается к окну, распахивает штору.*)

На окнах решетки.

Решетки... Я в ловушке... Помогите!..

Шутт. Помогите!

Вбегают доктор, две сиделки, санитар.

Доктор. Что здесь за шум? Смирно.

Шутт. Хозяин, это Гитлер.

Доктор. Да. Серьезный случай. Когда сходят с ума из-за Гитлера, я понимаю, но помешаться на том, что ты Гитлер, — это уже верх сумасшествия. Но вы не отчаивайтесь! Господа, оставьте меня на минутку с этими людьми. (*Сиделкам и смотрителю.*) Стойте за дверью, наготове. Если поднимется крик — вы знаете, что делать.

Все уходят, кроме Гитлера и Шутта.

Как это вы попали сюда без звонка?

Шутт. Дверь была не заперта.

Доктор. Ну... Я в последнее время рассеян до ужаса. Впрочем, к черту, займемся делом. Встаньте в сторонке.

Шутт. Хозяин, напоминаю вам, я привел к вам Гитлера.

Гитлер. Тут все такие странные, что я ничего уж не соображаю.

Доктор. Ладно. (*Подходит к Гитлеру.*) Ах, кого я вижу, да ведь это, кажется, сам Гитлер!

Гитлер. Узнал?

Доктор. Ну как же можно не узнать... Такое лицо...

Гитлер (*усаживается в кресло*). Ну-ну, а еще что?

Доктор. Взгляд...

Гитлер. Да уж, взгляд у меня действительно исключительный.
А еще...

Доктор. Да мало ли симптомов...

Гитлер. Постой, постой... ты тоже что-то странно на меня смотришь...

Доктор. Нет, что вы... Это я просто ошеломлен. Такая честь...

Гитлер. А, ну это другое дело. Ты кто?

Доктор. Доктор медицины.

Гитлер. Всем довольны?

Доктор. Просто до сумасшествия. (*Внезапно ударяет Гитлера по коленке.*)

Нога Гитлера взлетает высоко вверх.

Гитлер (*шепотом*). Ты что?

Доктор. Ничего... не обращайтесь внимания, фюрер.

Гитлер. Нет, ты что сделал?

Доктор. Ничего особенного.

Гитлер (*шепотом, Шутту*). Ты куда меня привел, скотина?

Шутт. Ваше высокопревосходительство, вы сами выбрали. Первая попавшаяся дверь.

Гитлер. Вот я вас сейчас обоих. (*Вскакивает. Идет на доктора, вытянув руки.*)

Доктор. Рубашку!

Вбегают смотритель и сиделка. Набрасывают на Гитлера смиренную рубашку.

Гитлер. Это что же... бунт? Шутт, на помощь!

Шутт. Сию минутку. (*Шепотом доктору.*) Гражданин, а гражданин... Вы меня не трогайте. Я ведь у него на службе, вроде бы как бы мобилизованный.

Гитлер. Беги в гестапо.

Шутт. Да, беги. Они и меня тоже свяжут.

Гитлер. Что вы собираетесь делать?..

Доктор. Лечить. У нас лучший сумасшедший дом в Берлине.

Гитлер. Что?!

Шутт. Так вот мы куда попали! (*Хохочет.*) Матушки-батюшки, отлегло.

Гитлер. Объясни им сейчас же все.

Шутт. Сейчас. Дайте полюбоваться.

Входит вторая сиделка.

Вторая сиделка. Камера готова.

Шутт. Господа и госпожи! Сейчас вы увидите маленький фокус. Удостоверение личности при вас, фюрер?

Гитлер. А как же. В боковом кармане.

Шутт. Один момент. (*Достает удостоверение.*) А теперь, как говорят арийцы, ейн, цвей, дрей — читайте. (*Протягивает доктору удостоверение.*)

Доктор (*прогитав*). Ку-ка-реку...

Первая сиделка. Ну, вот...

Доктор. Ку-ка-реку...

Шутт. Чего это он петушится?

Доктор. Ку-ка-реку...

Вторая сиделка. Капель, капель выпейте.

Доктор. Ку-ка-реку... (*Пьет капли.*) Ку-ка-реку... Это действительно фюрер. Ура... Хайль Гитлер!

Первая сиделка. А вы, доктор, того... часом не рехнулись ли сами? У вас давно были признаки...

Вторая сиделка. С психиатрами это сплошь да рядом.

Первая сиделка. Я в газете видела портрет фюрера.

Вторая сиделка. И я тоже. Он там куда красивее.

Гитлер. Дуры... Мало ли что в газетах бывает — куда красивее! Доктор! Покажите им мое удостоверение. Я приказываю.

Доктор. Читайте, несчастные. (*Протягивает им удостоверение.*) Видите? Предъявитель сего есть действительно Гитлер, что подписью и приложением печати удостоверяется.

Первая сиделка. Пропала моя головушка! (*Рыдает.*)

Вторая сиделка. Ох, казнит! (*Рыдает.*)

Смотритель. Бедная моя мама...

Доктор. Ку-ка-реку...

Гитлер. Ну, довольно вам психовать. Развяжите же меня, наконец. Черт знает что! (*Смотрителю.*) А ты на чем помешан?.. Экая морда...

Смотритель. А я смотритель. Нормальный.

Гитлер. Ну, черт с тобой. Что... Что уставились? Думаете, у меня неудача. Думаете — неудачную прогулочку совершил фюрер. Так знайте — завтра же мой министр пропаганды так ее распишет, что мы сами поверим в полную удачу нашего путешествия.

Шутт. Конечно, поверим. Мы забудем, что крестьян нам подсунули липовых, что на улице мы затыкали уши, дабы не вникать в разговоры прохожих, что единственно счастливые люди, которых мы встретили, — были сумасшедшие, да и тех мы довели до буйного припадка.

Гитлер. Ты что-то больно красноречиво заговорил, негодяй.

Шутт. Понятно. С кем поведешься...

Гитлер. Замолчи! Я вам всем еще покажу. Вы у меня еще попрыгаете. Забыть все, что было! Изъять из мозгов. За мной, Шутт. Не смей кукарекать, доктор.

Гитлер и Шутт уходят.

Доктор (*кудахчет жалобно*). Куд-кудах-тах-тах-тах...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

1

Лаборатория профессора. На операционном столе — подопытный дурак.

У стола профессор, Ганс и ассистентка. Они в белых халатах.

Профессор. Не скрою от вас, молодые друзья, — я волнуюсь...
Позвольте, я сяду в кресло...

Ганс. Опыт закончился?

Профессор. Сейчас мы увидим результаты... Пульс?

Ганс (*трогает руку дурака*). Нормальный.

Профессор. Реакция на свет?

Ганс (*зажигает спигку, проводит перед глазами дурака*). Реагирует...

Профессор. Раздражители?

Ганс. Муха села на нос... Grimаса весьма явственная. Дергает головой. Гм... простите, профессор, он ругается.

Ассистентка (*шепотом*). Лично я почти ничего не слышала...

Профессор. Ах, даже ругается? Отлично. Это меня радует... Я боялся, что будет субъект со слабо выраженным темпераментом. Именно за это фюрер и сделал нам замечание.

Ассистентка. Ого, опять выругался.

Ганс. Убил муху и сказал: «Вот я тебе...»

Профессор. Отлично. Значит, имеются признаки раздражения и гнева.

Ассистентка. Ай, кажется, он хочет встать.

Профессор. Ганс, положите ему на лицо марлю, смоченную перекисью водорода. Несколько минут он должен спокойно полежать.

Ганс. Есть...

Дурак. Господа, что вы мне мокрую тряпку прямо на физиономию... Ну это же хамство, господа.

Ганс. Сбрасывает, господин профессор.

Профессор. Несколько капель эфира на марлю.

Ассистентка. Есть.

Дурак. Господа, это не чутко... Ну зачем же вы мне...

Профессор. Спокойно, мой друг.

Дурак. Позвольте, на каком основании вы мне... Я вам, черт возьми... Все ваши банки-склянки...

Профессор. Успокойтесь. Так, отлично. Пусть полежит. Опыт, кажется, весьма удачен. Признаки гнева просто великолепны!

Ассистентка. Я прошу извинить, господин профессор. Я считала нескромным спрашивать вас... Но сейчас, когда опыт закончился, я хотела...

Профессор. Вы хотели узнать, дитя мое, зачем нам этот дьявольский опыт. Разве Ганс вам не рассказывал? Это опыт по оглуплению человека. Сознание создает нелояльных людей, как сказал Геббельс. Мыслящие люди — это лишний балласт для государства. И вот господин фюрер дал мне задание — освободить человека от высокого

сознания. Для того, чтобы по образу и подобию такого человека оперировать все человечество.

Ассистентка. И вы согласились?

Профессор. Дитя мое... Наука больше не принадлежит ученым. Наука на службе у государства. Нам, как и солдатам, не велено много рассуждать, а велено делать. Опыт есть опыт. Он позволяет мне заниматься наукой в адских условиях нашего времени. Я не вижу пользы вставать в романтическую позу... А практическое внедрение нашего опыта — это же чистый бред. Это фантазия больного мозга.

Ганс. Значит, вы думаете, что наш фюрер...

Ассистентка. Что он...

Профессор. Я этого не сказал, господа. Но наука считает, что страх перед сознанием — это первый признак безумия. Человек, который хочет освободить людей от сознания, скорее всего освободится от него сам... Впрочем, забудем, что я говорил, — перейдем к нашей ближайшей задаче... Мой первый опыт, господа, был признан неудачным. Я создал кретина, а надо было...

Ганс. Просто дурака.

Профессор. Вот тут и был мой промах... Я пошел по другому пути. Я изучил сочинения господина фюрера — то есть все его отдельные высказывания и возгласы как с балкона, так и произнесенные за столом за бокалом пива. И я понял, что хотелось бы фюреру. Ему нужен человек, возвращенный к степени варварства... Я это сделал, господа.

Ганс. Но как, господин профессор?

Профессор. В коре мозга лежат все навыки и все рефлексы, приобретенные за тысячи лет культурной цивилизованной жизни... И все это убрал ланцет!

Ганс. И теперь он возвращен вами на самую низшую ступень?

Профессор. Вот этого, дорогой мой, я еще не знаю... Сейчас мы его поднимем и по его поведению увидим, сколько тысячелетий с него снято.

Ассистентка. Я боюсь, господин профессор... Он будет браться... Я ведь женщина.

Профессор. Вот и отлично, что вы женщина. По его поведению мы и увидим его звериные инстинкты.

Ганс. Прикажете снять марлю?

Ассистентка. Минуточку, господа... Я приведу себя в порядок. *(Поправляет пригеску.)*

Профессор. Снимите марлю. Так...

Ганс. Вздыхает.

Ассистентка. Да погодите же, господа. Ну что вы, в самом деле, торопитесь. *(Пудрится.)*

Профессор. Ну как, мой друг?

Дурак. Что как... Положили мокрую тряпку на лицо, а потом спрашиваете, как. Естественно, неприятно. Вот возьму сейчас эту тряпку и всех вас тут...

Профессор и ассистенты прячутся за стулья.

Профессор. Осторожней, господа. Это пещерный житель. Шесть тысяч лет — не меньше.

Дурак. Ну ладно, ладно, пошутил я, господа. Ну, куда вы попрятались. Что вы, шуток не понимаете?

Профессор. Пошутили?

Дурак. Просто пошутил... Ах да, кстати, чего же я на стол взобрался. (*Смеется.*) Лежу на столе — боже мой...

Профессор. А вы небось привыкли лежать, грубо говоря, прямо на... траве?

Дурак. На траве, на софе, на оттоманке...

Ганс. Пожалуй, шести тысяч лет не будет, господин профессор.

Профессор. Похоже на то, что немножко меньше... Впрочем, речь не показательна. Обнажены только инстинкты... (*Ассистентке.*) Душечка, пройдите мимо него.

Дурак. Ах, вот как — среди нас находится женщина... Батюшки-светы, а я без галстука.

Профессор. Смотрите — сейчас он ее схватит.

Дурак. Мадам, глубоко извиняюсь... Я не совсем одет. Где мой бант? А... великолепно. (*Смеется.*)

Профессор. Ничего не понимаю... Операция была правильная.

Ганс. Тогда дурак хоть сердитый был, а теперь он все время смеется.

Профессор. Покажите ему еду... Делайте вид, что кушаете... О, сейчас он вцепится в горло...

Дурак. Кажется, еда, господа?

Профессор. Еда, еда. Сейчас мы все съедим. А уж вам — извините...

Дурак. Это же нечестно, господа. Сами едите, а другие смотрят. Надо разделить... Прямо противно смотреть на вас. (*Отвораживается.*)

Профессор. Мы пропали. Операция дала какие-то обратные результаты.

Ганс. Может быть, вы ему не то вырезали?

Ассистентка. А может, в то время такие и были люди... симпатичные.

Профессор. Возможно... возможно, из коры головного мозга я ему вырезал те чувства и рефлексы, которые образовались за последние годы... А ведь в то время не было...

Ганс. Фашизма.

Ассистентка. Министерства пропаганды.

Профессор. Не было фюрера... Попробуем задать ему два-три вопроса. И если он ответит неудовлетворительно — надо бежать, пока не пришел фюрер... Послушай-ка.

Дурак. Вы мне?

Профессор. Тебе, тебе... Слушай, дружок, хочешь служить у господина фюрера?

Дурак. А что мне это даст?

Профессор. Ну, даст известные блага — еду, жалованье...

Дурак. А что надо делать?

Профессор. Воевать.

Дурак. А с кем? Для чего? Какие цели войны?

Профессор. Мы пропали, господа. *(Лихорадожно собирает вещи в чемодан.)*

Дурак. Я привык, господа, знать, прежде чем с кем-нибудь драться... Зачем же я пойду воевать? Это только разбойники...

Профессор. Бежать... бежать...

Ганс. Может быть, подкупить его можно. Чтоб он при фюрере не ляпнул чего лишнего.

Профессор. Послушай, дружок, на вот тебе конфетку. Сейчас придет фюрер. И я дам тебе целую коробку леденцов, если ты... будешь немножко другим. Бросайся на всех, слушай приказания, ори...

Дурак. Для чего?

Профессор. Для чего... Ну для того, чтобы ты понравился фюреру... Вот дурак!

Дурак. Ах, нет, господа, это неудобно... Это же обман... Нет, ну что вы меня смущаете. Я люблю пошутить, но на обман, господа... Нет, я отказываюсь.

Ассистентка. Подъехала машина фюрера.

Профессор. Он меня повесит...

Ганс. В таком случае, я буду ваш подопытный. *(Ложится на операционный стол.)*

Дурак. Смотрите, и этот лег...

Входят Гитлер и Шутт.

Шутт. Смирно! Равнение на середину, господа ученые.

Гитлер. Вольно... Ну как, господин профессор?

Шутт *(профессору)*. На вас, как говорится, вся Европа смотрит... А то нам тут с Адольфом Ивановичем поднесли дулю... со стороны народа. Теперь осталась единственная возможность — ваш научный опыт.

Гитлер. Да перестань ты трещать.

Профессор. Вот ваш подопытный.

Гитлер. А эти?

Профессор. Мои ассистенты, ваше превосходительство.

Дурак. Ну какой же я ассистент... Ах так, шутки ради... Я люблю пошутить. *(Незаметно хлопает по затылку Шутта.)*

Тот думает, что его хлопнул ученый. Свирепо смотрит на ученого.

И в свою очередь незаметно хлопает ученого. А тот уставился на Гитлера.

Гитлер. Ну так покажите нам вашего субъекта. Как он — подходит теперь, по вашему мнению?

Профессор. Затрудняюсь еще сказать. Ваши требования к человеку...

Гитлер. Требования простые. Полное и беспрекословное послушание. Отсутствие мыслей и тем более критики. Любовь ко мне. Ненависть к врагу. Автоматизм действия. Все.

Профессор *(Гансу)*. Слышали? Встаньте...

Гитлер. Позвольте, я сам хочу...

Дурак снова незаметно хлопает по затылку Шутта. Тот думает, что его хлопнул Гитлер.

В свою очередь хлопает Гитлера. Гитлер хлопает ученого.

Профессор *(Гансу)*. Вы видите перед собой Гитлера.

Ганс. Хайль Гитлер!

Гитлер. Приказываю вам... Ну, что бы, господа, ему приказать?

Шутт. Да вот окно... Пусть он в окно сиганет.

Профессор *(тихо Гансу)*. В последний момент я задержу вас. Не бойтесь.

Гитлер. Правильно. Эй, ты... Из любви ко мне — прыгай в окно.

Ганс. Есть. *(Бежит к окну.)*

Дурак *(лишается чувств)*. Ах...

Профессор *(задерживает Ганса у окна)*. Браво!..

Гитлер. Ну зачем вы его задержали?.. Так бы интересно — нырнул бы туда...

Профессор. Единственный экземпляр...

Шутт. А что там у вас... слабонервный ассистент... никак в обморок грохнулся.

Дурак *(приходит в себя)*. Можно ли так пугать меня.

Гитлер. Дурак, кажется, хорош... *(Гансу)*. Эй, ты... Хватай его. *(Показывает на дурака.)*

Ганс. Сейчас. *(Бросается на дурака.)*

Дурак. Караул!

Гитлер. Дурак мне просто нравится. Меня подкупает автоматизм его действия... Ну, что бы, господа, еще придумать?

Шутт. Сейчас я придумаю, Адольф Иванович. Не пугливый ли он. (Посмотрев в окно, орет.) Идут советские танки!..

Гитлер вскакивает и прячется за шкаф. Все смеются.

Дурак. Да это он нарочно, господа.

Гитлер. Ну можно ли так пугать...

Дурак снова хлопает Гитлера по затылку. Тот хватается за руку.

Дурак. Это я пошутил...

Гитлер. Однако... ваш ассистент осмелился меня...

Профессор. Умоляю вас... это не ассистент, это подопытный дурак. Он не отвечает за свои действия.

Гитлер. Позвольте... Это — дурак. А это?..

Шутт. По-моему, это липа. Я же, Адольф Иванович, сразу увидел, что тут дело нечисто. Разве бывают такие дураки?

Гитлер (*профессору*). Что это значит? Объясните.

Профессор. Чистое недоразумение, мой фюрер... Вот он, дурак. Вторично оперировали его... опыт удался... Но не смели демонстрировать его... Заменяли в последний момент.

Гитлер. Отчего же?

Профессор. Неукротим. Совершает рискованные поступки... Мыслит. Еще более опасен, чем кто-либо другой...

Гитлер (*дураку*). Ты что же это, каналья?

Дурак. Сударь, прошу повежливее выражаться. Вы не в трактире.

Шутт. Боже мой, Адольф Иванович...

Гитлер. Да я тебя вместе с твоим профессором!..

Профессор. Умоляю, не сердите его. Это же первобытный житель. И кроме того... он не привык к нашему режиму.

Гитлер. А вот я этого первобытного жителя...

Дурак (*Гитлеру и Шутту*). А ну оба... отсюда... в два счета.

Гитлер. Арестовать их. Всех. Немедленно в гестапо!

Дурак (*берет за шиворот того и другого, сталкивает их друг с другом, тянет к выходу*). А ну моментально, или я вас...

Шутт. Караул!!!

Гитлер. Господа, что же это... Полицию!!!

Дурак выталкивает обоих за дверь и сам выбегает на лестницу.

На лестнице раздается шум, звон, треск, крики.

Профессор. Боже мой... Он там их. Это же дикарь...

Ганс. Вот теперь я вижу — надо бежать. (*Садится без сил.*)

Вновь появляется дурак. Он спокоен. На его лице улыбка, в руках у него шапка Шутта и плащ Гитлера. Дурак небрежно бросает эти вещи в кресло.

Дурак. Пardon, господа. Кажется, я немножко погорячился. Но очень не люблю негодяев. Я их всегда одергиваю...

Ассистентка. Он был великолепен. Я вышла на лестницу и видела, как он их...

Профессор. Фюрера? *(Падает в обморок.)*

Ганс. Сейчас могут прийти за нами. *(Расстаккивает профессора.)*

Профессор и ассистенты с чемоданами в руках бегут к выходу.

Ассистентка задерживается в комнате.

Ассистентка. Я хотела вам сказать... что вы... что я... Вы мне нравитесь.

Дурак. Я счастлив услышать эти слова.

Громкий стук в дверь. На пороге полиция.

Полицейский. Вы арестованы, господа.

Дурак. Сомневаюсь. *(Расстаккивает полицейских так, что те падают)*. Мадмуазель, вашу руку!

Схватив девушку за руку, дурак убегает с ней. Захлопывает дверь так, что полиция не сразу открывает.

Полицейский *(свистит)*. В погоню!

2

Вечер. Снова комната Гитлера. Открывается дверь, и на пороге появляются Гитлер и Шутт. Оба в весьма растерзанном виде. Идут, пошатываясь, поддерживая друг друга.

Шутт. Ать-два, ать-два, левой, левой. Вот и дошел до комнатки.

Гитлер. Фу, ноги подгибаются.

Шутт. Еще бы им не подгибаться. Шутка ли — человека с лестницы ссыпали. Вот вам и научный опыт.

Гитлер. Ну, я этого ученого непременно расстреляю.

Шутт. А вы, Адольф Иванович, сами виноваты. Напросились... Психические вам не годятся. Обыкновенные дураки вам тоже не нравятся. Ну чем вам генерал не по душе? Так нет — вот вынь и положь ему дурака искусственного. Вот и схлопотали.

Гитлер. Прямо все болит, и спина ноет.

Шутт. Еще скажите спасибо, что ноги унесли. Ведь он, Адольф Иванович, сначала на меня бросился. Я прямо его как... Не знаю, остался ли он жив. А уж потом он кинулся на вас... Да уж, денек нам выпал...

Гитлер. Да уж, денек... Ох, спина...

Ш у т т. Полное крушение надежд. А утром-то вас еще камнем подбили. Выдумали же, честное слово, камень в цветы запихнули. И шлеп по лбу! Покажите ваш лобик. Ого... Ух ты, черт, какая шишка... синяя даже... Дайте, я вам примочку сделаю.

Г и т л е р. И что, заметно?

Ш у т т. Не только заметно — фонарь. Снимите брючки и ложитесь — я вам компресс поставлю. (*Ставит компресс.*) Да-с, это со стороны народа некрасиво, Адольф Иванович, камнями швыряться.

Г и т л е р. Ну, может быть, это так, чисто случайно...

Ш у т т. То есть как это «чисто случайно»? В деревню приехали — недовольство. В городе — звон как разукрасили вас. Где же случайно?

Г и т л е р. Ну, ты вечно меня расстроишь...

Ш у т т. А зато у вас утешение, Адольф Иванович. Уж высоко стоите — дух захватывает.

Г и т л е р (*радостно*). Да уж стою я... Мало кому этак высоко удавалось... А?

Ш у т т. Да и нет никого, чтобы так высоко... Наполеон да вы...

Г и т л е р. А что, действительно, я... ты думаешь... Если историю посмотреть... Я и...

Ш у т т. Вы и Наполеон. Как сказал поэт: «Вам стоять почти с ним рядом — он на “эн”, а вы на “ге”»... Только двое вас и есть. А с другой стороны, Адольф Иванович, я извиняюсь, конечно, многие вас почему-то не считают великим.

Г и т л е р. Ну кто же меня не считает — враги?

Ш у т т. И враги и многие другие... разные. А вы не отчаивайтесь. Современники обычно не признают своих. А вот, дай бог, умрете... Шутка ли, столько делов наделали. Города разбили, деревни сожгли... Ну, спите, спите. Эвон, совсем разгулялись... Признают, признают, успокойтесь...

Г и т л е р (*встает*). Погоди, не уходи...

Ш у т т. Ну что вы еще... Великий человек, а без кальсон вскакиваете...

Г и т л е р. Умру — пропадет интересная мысль.

Ш у т т. Лягте и успокойтесь. Ведь каждый день из пустого в порожнее. Говорю вам, признают. Они скорей Наполеона не признают, а уж вас-то признают.

Г и т л е р. Ну, спасибо. Теперь я засну спокойно, а то прошлую ночь кошмары меня мучили...

Ш у т т. Закройте глазки и спите. И вместо кошмаров пусть вам приснятся ваши великие. И вы там во сне с ними договоритесь...

Г и т л е р. С великими я, конечно, договорюсь. Они меня сразу поймут. Погоди... А Нерон...

Ш у т т. Что — Нерон?

Гитлер. Нерон, говорю, великий?

Шутт. Великий, великий... Спите.

Гитлер. А этот... исторический деятель... Ну, длинный такой еще...

Шутт. И длинный такой — тоже великий. Чистое наказание мне с вами, Адольф Иванович.

Гитлер. Ну, если Нерон — великий, тогда уж я и подавно. (*Засыпает.*) А то он только Рим и сжег.

Шутт выходит из комнаты на цыпочках. Тотчас раздается храп фюрера. Фюрер видит сон.

Комната наполняется людьми. Тут — сумасшедшие, доктор, старик крестьянин, подопытный дурак и профессор. Взявшись за руки, они распевают «Еловый лес»... Раздается барабанный бой. Все с визгом разбегаются.

На пороге появляется Наполеон. На его лице умильная улыбка. Он сконфуженно потирает руки. Откашливается. Одергивает свой сюртук. И, поглядывая в осколок зеркала, приводит в порядок свою прическу.

К Наполеону подходит дежурный генерал.

Генерал. Что вам, любезный?

Наполеон (*робко*). Да вот... так сказать, с визитом... Засвидетельствовать свое почтение... Не занят сам-то?

Генерал. Отдыхает.

Наполеон. Ах ты, боже мой, какая неувязка... Может, доложите, дескать, Наполеон заскочил... засвидетельствовать.

Генерал. Уж не знаю, уважаемый. Не велел будить. (*Сердито.*) Вон как на полу наследили. Наш этого не любит.

Наполеон. Походные сапожки-с...

Генерал. Надо было в передней ожидать, а не лезть в чистые апартаменты.

Наполеон. Извиняюсь.

Гитлер. Там кто?

Наполеон (*робея*). Неужели сам?

Генерал. Наполеон тут. Просит принять, Адольф Иванович.

Гитлер (*томно*). Пусть войдет.

Генерал. Большая честь — запросто принимает. Подойдите прямо к кровати.

Наполеон (*мнется*). Я извиняюсь... Я тут не один, ваше превосходительство.

Гитлер. А кто такие с вами?

Наполеон. Народ тихий... все императоры... Александр Македонский, значит, Фридрих Великий и этот, как его, — Нерон... В передней ожидают.

Гитлер. Пусть тоже войдут.

Наполеон (*открывает дверь*). Господа императоры, входите. Разрешил.

Входят три императора — Нерон, Фридрих, Александр
Македонский.

Генерал. Ноги, ноги вытирайте, любезные.

Наполеон (*генералу*). Те двое у меня в сандалиях на босу ногу — так вы не сомневайтесь — это у них форма такая.

Гитлер. Здорово, господа императоры.

Императоры. Здравствуйте, ваше превосходительство.

Гитлер. Ну что скажете, почтеннейшие?

Наполеон. Да вот к вашей милости. (*Показывает на своих коллег.*) Народ любознательный. Интересуется военным делом. Хотели бы у вас поучиться. (*Спутникам.*) Да кланяйтесь же, господа.

Александр. Уж не оставьте, поделитесь опытом.

Фридрих. Научите нас, дураков.

Нерон. Выведите из темноты...

Гитлер. А что именно, господа, вас интересует?

Наполеон. Да вот, ваша милость, хотели бы прикоснуться к секрету ваших успехов.

Гитлер. Ну, если в двух словах... Все дело в военной хитрости, господа.

Наполеон. Пардон?

Гитлер. Военная, говорю, хитрость — основной залог моего успеха... Сначала делаю вид, как будто я ничего... Ну, дружба там, пятое-десятое... Потом — хлоп!

Наполеон. Скажите на милость...

Фридрих. А что те, которых «хлоп»?

Гитлер. Ну те — натурально теряются. Некоторые из них — да что скромничать, господа — все не успевают. Вот я их и причисляю!

Александр. В мое время, ваше превосходительство, такая хитрость называлась несколько иначе.

Фридрих. И в мое время тоже.

Гитлер. А как же она называлась, а? Ну говорите же, господа... Хотя бы на какую букву это слово?

Александр. На «о».

Фридрих. Последняя буква «н».

Нерон. В середине «б» и «м».

Гитлер. О-бе-ме-н... Обмен... Не понимаю.

Наполеон. Почти что «обмен». Только другая гласная — «а».

Гитлер. О-ба-ма-н... нет, не понимаю. Ну, суть не в этом. Так что же вас еще интересует, господа?

Императоры шепчутся.

Наполеон. Вот Нерон интересуется... серьезный вопрос...

Гитлер. Не стесняйтесь, господа.

Нерон. А Рим вы сожгли?

Гитлер. Рим? Зачем же... союзники, в некотором роде... Нет, Рим я не сжигал.

Наполеон. Тогда плохо...

Гитлер. Господа, вы пугаете меня.

Императоры опять шепчутся.

Господа! Надеюсь, мне не надо подавать заявление о приеме меня в ряды великих завоевателей? По-моему, и так все ясно.

Наполеон. Теперь все ясно.

Нерон. Не принимаем того, кто Рим не сжигал.

Александр. Такое правило.

Фридрих. Закон истории.

Гитлер (*не выдерживает*). Ах так! Ну, так я же вас всех, черт возьми! Бомбами закидаю! Весь мир спалю... один останусь, а докажу, что я — великий! Хайль! Хайль Гитлер! Хайль! Хайль!

С криком просыпается. Бредит и снова засыпает.

(*Сквозь сон.*) Подумаешь — земной шар. Тоже мне планета... Весь земной шар сожгу... Эй, кто там... Принесите мне бомб! Живенько...

Вбегает Шутт.

Рим! Завтра Рим сожгу! Бомбы мне!

Шутт. Матушки... На своих уж начал бросаться. Все пропало. Вот и решай тут, как быть. Бежать... А вдруг он еще не совсем погиб. Поймает и голову отрубит... Оставаться... А вдруг он уже погиб... Тогда и меня вместе с ним заметут. (*Гадает, закрыв глаза, сводя указательные пальцы.*) Бежать... не бежать...

Входит на цыпочках генерал.

Генерал. Что это он делает?

Шутт. Бежать — не бежать...

Генерал. Бежать собирается... Вот, все умные люди укладываются уже, один я даже и билеты еще не заказал.

Шутт (*открывает глаза*). Выходит, что надо бежать... (*Замекает генерала.*) Ты что?

Генерал. А ты что?

Шутт. Я ничего...

Генерал. Врешь, ты собираешься удрать.

Шутт. Какая нелепость!

Генерал. Брось, брось. (*Умоляет.*) Дорогой, если ты узнал что-нибудь наверняка, то скажи.

Ш у т т. Да ничего я не знаю.

Г е н е р а л. Слушай, я могу тебе пригодиться. Купе могу в штабном вагоне устроить... Денщика пришлю, чемоданы нести. Скажи, что узнал?

Ш у т т. *(тихо)*. Он, понимаешь ли, Рим собирается сжечь.

Г е н е р а л. Врешь. Зачем?

Ш у т т. А кто его знает.

Г е н е р а л. Сам сказал?

Ш у т т. Сам.

Г е н е р а л. В бреду?

Ш у т т. А какая разница...

Г е н е р а л. Это верно, что никакой. Черт... Как же быть?

Ш у т т. Вот что надо сделать. Муссолини в Берлине?

Г е н е р а л. Да. Утречком приехал. Сегодня ему зарплату выдают.

Ш у т т. Звони ему. Пусть приедет, попросит. Может, его фюрер и простит.

Г е н е р а л. Хорошо, действительно, если бы простил. Ну к чему нам еще один фронт. К чему? *(Звонит по телефону.)* Алло. Дайте мне меблированные комнаты «Победа». Это дуче? Немедленно бегите... Что... Алло... Верните его, я недоговорил. Тащите его насильно к телефону. Убежал... Не так меня понял. Подумал, что вообще нужно бежать... *(Смотрит на Шутта.)* Да и нам пора...

Ш у т т. Карта железных дорог есть?

Г е н е р а л достает большую истрепанную карту и раскладывает на полу. Оба тихо совещаются, вода по карте пальцами. Входит м и н и с т р
п р о п а г а н д ы.

М и н и с т р. Ой! Карта железных дорог... Они собираются бежать. А я все медлю да медлю. Честность дурацкая одолела. *(Падает на колени.)* Братцы, возьмите меня с собой.

Ш у т т. А ну тебя.

Г е н е р а л. Сам посуди. Ведь ты лицо известное, вечно вылезает с речами... Ты нам не компания.

Ш у т т. Да и что с тебя толку...

М и н и с т р. А документы? Кто вам достанет документы? У меня есть такие специалисты...

Ш у т т. Вот разве что документы...

Г е н е р а л. Ну ладно, ладно... обсудим потом.

М и н и с т р. Только не тяните, братцы. Тут важно момент поймать.

Вбегает дежурный о ф и ц е р.

О ф и ц е р. Сводка генерального штаба германской армии.

Г е н е р а л. Давай сюда.

О ф и ц е р. Приказано в собственные руки фюрера.

Г е н е р а л. Спорить! Под расстрел захотелось. Давай сюда. Пошел вон!

О ф и ц е р уходит. Вбегает М и н н а.

М и н н а. Что за шум? Случилось...

Г е н е р а л. Вот что, господа. Что на самом деле творится на фронтах, знает только фюрер. Мы читаем ту сводку, которую фюрер выправил. А что, если... *(Показывает на папку.)*

Ш у т т. Заглянуть...

М и н н а. Страшновато.

М и н и с т р. Но зато мы сразу узнаем — ехать или не ехать.

Г е н е р а л. Заглядываю. *(Заглянув, захлопывает папку.)* Ух...

М и н и с т р. Что...

Г е н е р а л. Огромные потери.

М и н и с т р. У нас?

Г е н е р а л. Не смею прочесть.

Ш у т т. Да ну тебя, дьявол. Что ты из нас жилы тянешь? И без того тошно... Читай!

М и н н а. Откуда сводка?

Г е н е р а л. С восточного фронта. У нас...

Ш у т т. Чего у нас?

Г е н е р а л. Огромные потери... Они дерутся как бешеные.

М и н н а. Вот отчаянные какие...

Проснулся Г и т л е р. Он подкрадывается к г е н е р а л у и становится за его спиной.

Г е н е р а л. Партизаны с невероятным упорством бьются в тылу наших войск. Мы потеряли... Не могу больше читать. Голова кружится, перед глазами красные знамена, маршалы, летчики...

М и н н а. Что же делать?.. Теперь все ясно. Куда ехать?.. Думайте же, господа, думайте.

Г и т л е р. Поздно... Слишком увязли. Чего смотрите? Думаете, я сумасшедший. Тем хуже для вас. Власть-то у меня. Я — это я, и все оружие у меня. Тю-тю... ку-ку... Пока я жив, не будет вам ни мига покоя. Допустили, дали силу — теперь идите со мной до самого последнего конца. Что...

В с е. Хайль Гитлер!

Г и т л е р. Еще раз!

В с е. Хайль Гитлер!

Ш у т т *(звонит)*. Алло. Главного врача к телефону. Доктор, уходя, я записал ваш телефон на всякий случай. Нет, не надо кудахтать — это не Гитлер. Это его компаньон. Фюрер сошел... Понимаете — сошел... Ну, с чего сходят... Ну, с ума он сошел... Не понимаете. Говорю по бук-

вам: сумасшедший, умалишенный, мракобес, Адольф... Машинку бы за ним. Как это не пришлете? Вы не имеете права отказать в помощи всему миру. Как это мир сам справится? Ладно, отвезем на своей машине. Главный штаб? Срочно машину фюрера... Что? Бензина нет? Займите у летчиков. Что? И у летчиков нет? Господа, игра кончена... Мы пропали.

Входит в е д у щ и й. Паника и замешательство.

В о з г л а с ы. Как! Уже? Красная Армия? Здесь?

В е д у щ и й. Пока еще нет... Но это вопрос времени.

В о з г л а с ы. Как вы смеете!

— Кто вам это сказал?

В е д у щ и й. Это сказали Красная Армия и весь советский народ. Ваша игра кончена.

А к т е р ы (*снимая парики*). Ах, игра кончена...

Занавес

МАЛЕНЬКИЙ
ПАПА

Комедия в 3-х действиях

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

1955

1955

Сидор. Просто так зашел, Лизавета Валентинна... Прохожу коло окна, вижу — читаете... Роман...

Лиза. Стихи... Шекспир.

Сидор. Иностранные стихи?

Лиза. Перевод...

Сидор (*неопределенно*). Ай, ей-богу... А если их перевести, то что они обозначают?

Лиза. Они обозначают... Ну, как бы вам попроще сказать... «Жизнь каждого...» Понимаете?..

Сидор. Ну, это-то понятно...

Лиза. «Все то же повторяет...» Понимаете? «Что до него и прежде совершалось»... Ясно?

Сидор (*неопределенно*). Ай, ей-богу... Вы что сегодня — выходная?

Лиза. Выходная... Ну, говорите, Сидор Панфилович, зачем пришли?

Сидор. Да нет, я так... Габит тут... Секретарь комсомольской ячейки...

Лиза. Ну?

Сидор. Встал с утра пораньше. Культурно выкушался. Гляжу — обратно ходит возле вашего окна...

Лиза. Ну... Еще что?

Сидор. Ну, еще Галя... Ну, та прямо орет. Не хочу, говорит, на «Овечке» ходить. Хочу, говорит, на «Феликсе»! А «Овечка» — ничега себе паровозик. Но, конечно, прежней конструкции. Чуть что — портится. Детали отваливаются. Конечно, ей это неприятно. Но ведь «Феликса» ей не дадут... Она машинист — без году неделя.

Лиза. Конечно, не дадут...

Сидор. А главное, она чересчур грубая особа. Со всеми переругалась, перелаялась.

Лиза. Да, она сердитая,

Сидор. Чересчур сердитая... Нет, я грубых не люблю... Например, для вас я на все согласен. За вашу любезность. Скажем, Габит идет — согласен сигнализировать...

Лиза. Ну, этого не требуется.

Сидор. Нет, отчего же... Для вас я... За вашу любезность. А грубых людей я согласен совсем уничтожать.

В комнату входит сожительница Лизы — машинист Галя.

Она в грязной спецовке, кепка — козырьком на затылок.

2

Галя (*Сидору*). Ну а ты чего тут, Сидор?

Сидор (*пятясь*). Да я просто так... Между прочим...

Галя. И без тебя тут тесно. Повернуться негде...
Лиза. Ты чего сегодня такая, Галя?
Галя (*грубо*). Какая такая... Я всегда такая.
Сидор (*подмигивая Лизе*). Чересчур грубая особа... Честь имею кланяться...

Сидор уходит. Галя в сапогах и спецовке ложится на свою постель. Закуривает «козью ножку». Лиза, раскрыв книгу, садится у окна. Клубы табачного дыма окутывают Лизу.

3

Лиза (*морщась*). Ну, опять задымила... Лошадь...
Галя. Ото мне графиня-мамзель...
Лиза. Кажется, можно понять... Живешь не одна в комнате...
Галя. А ты особо не переживай, мамзель-актриса.
Лиза. Вот кончится война — ясно, с тобой не останусь. Лошадь...

Галя дымит еще сильнее, нарочно пуская дым в лицо Лизы.

Лиза (*закашлявшись*). Галочка... Ну, миленькая... Ну, славенькая... Прошу тебя.

Лицо Гали расплывается в улыбку. Тотчас она тушит папиросу.

Галя. Вот так бы сразу сказала, по-хорошему...

Лиза. Ну что с тобой сегодня?

Галя. Да этот черт — твой Габит. Страшает. С паровоза, говорит, сниму.

Лиза. За что же?

Галя. А пес его знает... Зачем ругаюсь, грязная хожу... Не на балу ведь. Все равно на фронт уеду.

Лиза. А ты всегда такая была?

На лице Гали появляется нежная улыбка.

Галя. Вот когда я, Лизанька, ходила на «Феликсе»... Ох, это дивный паровоз... Ну, я была совсем другая. Ну, я тогда как солнышко была. Самая веселая дивчина была... (*раздраженно*). А посадил меня на этот чертов самовар.

Лиза. И что же, чистенько одевалась?

Галя (*вновь с нежностью*). Бывало, оденусь, как на свидание. И в таком виде на паровоз иду... А на паровозе у меня букеты стояли... Чистота! Руки сияли. А теперь, гляди, руки... Нет, ты нарочно погляди...

Лиза. М-да...

Галя. А ведь я под бомбами паровоз водила — и не теряла себя. А тут в тылу на этой кляче...

Л и з а снова углубляется в книгу. Г а л я, сняв гитару с гвоздя, берет несколько тихих аккордов.

Г а л я. Значит, кончится война и ты в актрисы пойдешь?

Л и з а. Ясно, я уже была принята в студию. Только эвакуация помешала.

Г а л я. Значит, гнушаешься нашей работы...

Л и з а. А какая это работа — цифры мелом на теплушках ставлю.

Г а л я (*менторски*). Безразлично. Надо к каждой работе с уважением относиться. Особенно во время войны, дорогой товарищ. Кажется, надо понять, граждански осмыслить, прежде чем так говорить.

Л и з а. А ты... А ты что... Сама говоришь, на своем паровозе ходить не можешь. Со всеми перелаялась из-за этого. А меня смеешь...

Г а л я (*растерянно*). Ну, ты ведь... То другое... Просто мечтаю хороший паровоз получить.

Л и з а. Вот и я мечтаю...

В комнату входит третья сожительница — Р о з а. Она маленькая и толстенькая. На ее лице волнение и растерянность.

4

Г а л я. Дура набитая.

Р о з а. Так заменить-то некому. Никанор Иванович говорит: война, надо сознательно отнестись...

Л и з а. Ну, теперь натворишь крушение.

Р о з а. Факт — натворю.

Г а л я. Нет, уеду на фронт. Ах, вот и они... Сейчас погляжу...

Г а л я хватает гитару. Берет несколько громких резких аккордов.

Потом, мягко улыбнувшись, обращается к Л и з е.

Г а л я. Лизанька, давай споем нашу фронтовую «Как с подружками я прощалась»...

Г а л я и Л и з а начинают петь. За окном показывается фигура Г а б и т а — секретаря комсомольской ячейки. Г а б и т дважды проходит под окном, на минуту останавливается. Слушает пение, вздыхает. Вслед за ним у окна появляется улыбающееся лицо сторожа С и д о р а. Незаметно показывая пальцем на Г а б и т а, С и д о р критически усмехается.

Р о з а (*раскладывая карты*). Для дома... Для сердца. Ну, девочки, странно. Прямо скажу, очень странно. Во-первых, трефовая неожиданность. Необыкновенный сюрприз... И вдобавок письмо от друга... А друзей-то у меня и нет... Чудеса...

Л и з а подходит ближе к окну. Улыбается Г а б и т у. Переставляет свои белые тuffельки, которые сушатся на подоконнике.

Г а л я. Во-первых, это не от друга, а от военного короля. А во-вторых, нельзя верить в такую чепуху... Нет, решила, уеду от вас на фронт...

Р о з а. Это от военного короля?

Г а л я. Да, от военного.

Л и з а (*разглядывая карты*). И вовсе не от военного, а от человека, который ее любит.

Р о з а. Да, но у меня... Вы не знаете мою жизнь...

Л и з а. Значит, этот король — Никанор Иванович, начальник станции, который, несомненно, питает к тебе чувства...

Р о з а (*смущенно*). Ну уж... Ты уж...

Г а л я. К черту от вас уеду... Чтобы в военное время какие-то нежности, чувства... Хватит!

В окне появляется лицо какого-то парнишки. Быстро окинув взглядом комнату, парнишка хватается туфли с окна и исчезает.

Р о з а. Лиза! Туфли!

Г а л я (*спокойно*). Уплыли...

Л и з а. Боже мой! Кто? Это Габит взял?

Л и з а стремительно выскакивает из комнаты. Вслед за ней бежит Р о з а.

Г а л я, равнодушно взглянув в окно, берет гитару и, напевая, играет.

5

Г а л я (*напевает комическую песенку*):

В семь часов пошла к предмету на свиданье,
Пять минут восьмого — его нет...
Я не стала ждать, обернулась и пошла,
Оглянулась — позади идет...

В комнату входят Л и з а, Р о з а, Г а б и т и сторож С и д о р, Сторож держит за воротник парнишку, в руках которого туфли Л и з ы. Парнишка (М и ш к а) держится спокойно. Ему лет двенадцать.

6

М и ш к а (*Сидору*). Отпусти воротник... Еще тянет, старый черт...

С и д о р. Боже мой! Он же туфли украл, и он же смеет мне настолько грубо указывать...

Р о з а. Сидор, отпусти его...

С и д о р отпускает воротник, но придерживает М и ш к у за руки.

Л и з а. Ты кто такой?

С и д о р. Отвечай на анкету.

Галя. Не хочешь говорить, пойдешь в милицию...

Лиза. Как тебе не стыдно. Воришка. В тюрьму захотел?

Роза. Лиза, не горячись... Не кричи на него. Дай я выясню.

Галя (*усмехаясь*). А что выяснять? Пацан туфли украл. (*Мишке*). Ну, брат, за это минимум расстрел...

Роза. Галя, да подожди... Дайте я. Сидор, отпусти его руки.

Сидор. Только не отвечаю за дальнейшее...

Сидор отпускает Мишку. Роза, погладив Мишкины вихры, ласково смотрит на него.

Роза. Родители у тебя есть, мальчик?

Мишка отрицательно качает головой.

Сидор. Выходит, что нет родителей.

Роза. Вот видите, девочки. У него нет родителей. А вы кричите на него — в милицию, в тюрьму... В то время как его надо воспитывать.

Галя. Драть его надо, а не воспитывать...

Сидор. Ясно... Я вот своего внука Павлушку... Им... драть... Красота... Шелковый...

Роза. Галя, погоди... Сидор.

Галя. Как звать тебя, мальчик?

Лиза. Ну?

Галя. А ну отвечай, пацан, когда тебя спрашивают.

Лиза. Пусть не отвечает, милиция выяснит.

Сидор. Да уж, милиция... Ясно... Конечно, церемониться не будет... В одна тысяча девятьсот тридцатом году я попал, так меня... Выяснили...

Роза. Да погодите вы все... С ним надо по-хорошему, лаской... не стращать его. Да, мальчик?

Обняв парнишку, Роза целует его. Габит с нежностью смотрит на Лизу, вздыхает.

Мишка. Ну, ты, всего замусолила...

Галя. Хлопчик обстрелянный. На ласку клюет.

Роза. Тогда скажи по-хорошему, как тебя зовут.

Мишка (*тихо*). Миша...

Роза (*ликуя*). Вот видите. Если по-хорошему, лаской, он отвечает. (*Мишке*). Миша, хочешь заснуть, покушать?..

Мишка. Хочу...

Сидор. Да уж что-что, а это конечно... Бывало, я сыт, а... И ничего не входило...

Роза. Тогда пойдем к умывальнику... Я тебя немножко... А то гляди, какие руки... Некультурно.

Галя и Сидор, поглядев на свои руки, вздыхают. Роза и Мишка выходят из комнаты. Габит продолжает с нежностью смотреть на Лизу.

7

Габит (*вздыхая*). Лиза...
Лиза. Габит...

Галя с грохотом отодвигает стул.

Галя (*с возмущением*). К черту от вас уеду на фронт... Какие-то нежности... Вздохи в военное время...

Габит (*Гале*). Что ты хочешь этим сказать?

Лиза. Галя, я не понимаю. Кажется, мы ничего не говорим, молчим.

Галя. Тем более.

Сидор. Ай, ей-богу, Галина Андреевна. И ведь секретарь комсомольской ячейки.

Габит (*Сидору*). А тебе что тут надо? Ты что тут...

Сидор. Да я, товарищ Габит...

Габит. А ну-ка уходи отсюда.

Сидор. Ай, ей-богу, Галина Андреевна... Помимо того что влюблен в военное время, вдобавок на меня орет. (*Уходит.*)

8

Лиза. Нет уж, сегодня поздно. Мне в пять вставать. Приходите завтра.

Габит. Нет, завтра у нас совещание.

Лиза. Вот видите, то вы заняты, то я... А когда же мне скажете то, что хотели сказать?

Габит (*вздыхая*). Тогда уж. В другой раз.

Входят Роза и Мишка. Роза вытирает полотенцем Мишкины руки. Вслед за ними идет Галя с кувшином молока. За ней показывается Сидор. Габит уходит.

9

Роза. Ну, садитесь. Миша, сядь сюда. Сидор Панфилович, а вы?

Сидор. Не смею отказаться, товарищ Роза. Насчет еды я прямо бешеный в последнее время...

Роза. Вот хлеб, молоко.

Сидор. Насчет молока — могу выпить бидон. И ничего. Только потом, конечно... За вашу любезность, товарищ Роза, на все согласен.

Роза. Лиза, нарежь хлеб. А то у Гали руки...

Л и з а, стоящая у окна в мечтательной позе, возвращается к действительности.

Л и з а. Сейчас.

Р о з а. Кушай, Мишенька. Ну а скажи, кто твой папа?

М и ш к а молчит, жадно прожевывая хлеб.

Г а л я. Нет, он прямо меня бесит. Ну отвечай, чертенок, кто твой папа? Нет, это бывалый хлопчик, с ним надо поостроже...

С и д о р. Шкуру драть — тогда шелковый будет.

Р о з а. Мишенька, вот прожухешь хлеб и ответишь мне по-хорошему — кто твой папа... Да, милый?

М и ш к а. Мой папа полковник. Командир истребителей. Его фашисты убили.

Г а л я. На фронте?

М и ш к а. Они воздушный десант сбросили на папин аэродром.

Р о з а (*дрожащим голосом*). А мамочка твоя?

М и ш к а. А с мамой мы после этого на поезде поехали...

Р о з а. И тогда ты и потерял маму?

Г а л я. Отстал от поезда?

С и д о р. Ну, ясно. Конечно... Виснут на подножках, а потом... Уши драть. И кепки с голов снимать и прятать.

М и ш к а. Фашисты на самолетах догнали поезд... Начали бомбить... Все побежали. И мы с мамой побежали. Потом гляжу — нигде нету мамы.

Р о з а (*смахивая слезы со своих глаз*). Вот видите, девочки. А вы говорили... А он... Ведь у меня тоже все были убиты...

М и ш к а (*серьезно*). Все? И родители?

Р о з а. И родители. И братья... Их всех фашисты расстреляли.

М и ш к а. В поезде?

Р о з а. В Могилеве... Вот видите, девочки... Нельзя поспешные делать выводы... Какой же он воришка...

Л и з а. Да, но туфли-то мои он...

Г а л я. Ты что, в дороге воровать научился?

М и ш к а, вспыхнув, отрицательно мотает головой и отодвигает от себя недопитый стакан молока.

Р о з а. Ты не обижайся, Мишенька... Это она так...

М и ш к а. Я никогда не воровал.

С и д о р. Ай, ей-богу... А, извиняюсь, туфельки?

М и ш к а. Я на хлеб их хотел менять. Мне надо много хлеба.

Г а л я. А зачем тебе много хлеба?

М и ш к а. На сухари... Хочу поехать маму искать.

Сидор. Ну а если не найдешь?
Мишка. Тогда на фронт поеду..
Галля (*ласково*). Лихой хлопец.
Роза. Девочки, а что если мы его..
Галля. Конечно, пусть у нас остается.
Роза (*сияя*). Я прямо от вас не ожидала, девочки, я думала, вы будете против...

Сидор. А что, мы бесчувственные какие-нибудь?..
Лиза. Воспитаем.
Сидор. Ясно, воспитаем... Я вот своего внука воспитываю — красота...

Роза. Нет уж, воспитание я беру на себя.
Лиза. А мы что? Нет, я решительно не согласна.
Галля. Я тоже.

Сидор. А вы все вместе его воспитывайте. То одна, то другая. То я... И будем ему вчетвером вместо одной матери.
Мишка. У меня мама есть. Вот поеду — найду ее.
Лиза. Нет, сначала мы запрос пошлем насчет твоей мамы.
Галля. А потом вместе на фронт уедем. Есть такой разговор, хлопчик?

Мишка. Есть...
Галля. Но только гляди — за каждую провинность шкуру буду драть...

Сидор. Ясно... В свое время меня мамаша... Бывало, возьмет шест, а то и весло... Зато человеком стал.

Галля. Ну а если своруешь что-нибудь, ну тогда вообще без головы будешь ходить.

Сидор. Тогда снимем твою голову и ходи без нее.
Роза. Галя... У тебя совершенно неправильный метод воспитания... Кажется, ты убедилась — с ним можно только лаской. Да, Миша? (*Роза снова целует парнишку.*)

Мишка (*вырываясь*). Ну, опять всего замусолила..
Лиза. И тот и другой, — дурацкий метод воспитания. Детей надо предоставлять самим себе. Только тогда что-нибудь получится.
Галля. Да уж, этой мамзеле-актрисе дать, так она..
Лиза. Лошадь...
Роза. Девочки, прошу вас... Хотя бы при Мише... Мишенька, хочешь спать?

Сидор (*зевая*). Да уж, спать я... Немножко клонит. От всех ваших любезностей и от отсутствия грубостей.
Роза. Вот видите, Миша спать хочет. Миша, ложись сюда... А я с Лизой лягу.

Г а л я. Нет, пусть он на мою кровать ложится.

Л и з а. Ляжет, где захочет. (*Мишке.*) А завтра встанешь — выучи эти стихи.

М и ш к а. Да ну вас... То одна тянет, то другая...

Г а л я. Сюда ложись. И к черту стихи. (*Бросает книгу.*)

М и ш к а ложится на постель Г а л и. С и д о р, осторожно ступая,
идет к выходу.

С и д о р (*шепотом*). Честь имею кланяться. Покойной ночи, любезнейшие барышни... Не беспокойтесь — воспитаем! Согласен заместо матери... (*Уходит.*)

10

Л и з а (*тихо*). Я бы хотела, чтобы он стал...

Г а л я. Артистом? Нет уж, мамзель-барышня. Насчет его профессии я сама позабочусь.

Р о з а. И не в этом дело. Мальчик видел войну. Видел такой ужас. И наша задача...

Л и з а. Сделать его счастливым.

Р о з а. Чтоб он снова смеялся, шутил...

Л и з а. Чтоб у него снова было детство...

Г а л я. Ну нет, друзья, на войну закрывать глаза нельзя. Политически неверно. Пусть он полностью видит, что это такое.

Р о з а. Нет, втроем мы не сможем его воспитывать.

Л и з а. Ах, если б это был маленький мальчик!

Р о з а. Вот если б у него был отец!

Л и з а. Да, конечно, если б у него был отец... Но у него должен быть такой, чтобы авторитет чувствовался. Такой, как, например, Габит.

Р о з а. Ну уж нет. Габит чересчур молоденький. А надо, чтоб солидный был, знающий жизнь.

Г а л я (*с усмешкой*). Такой, как начальник станции Никанор Иванович? Чепуха.

Л и з а. Да уж, Никанор Иванович не будет иметь авторитета.

Г а л я. Приемного отца я ему найду.

Л и з а. Ах, она ему найдет!

Р о з а. А мы что?

Л и з а. Кажется, он мои туфли украл, а не ваши.

Стук в дверь. Входит почтальон.

П о ч т а л ь о н. Роза Рубинчик здесь?

Р о з а. Здесь такая.

П о ч т а л ь о н. При мне заказное письмо...

Г а л я. Смотрите — из действующей армии.

Л и з а. Странно.

Р о з а. Девочки, это мне. Дайте сюда письмо.

Л и з а. Да читай же...

Г а л я. Дайте мне, я прочитаю.

Р о з а. Нет, я сама.

Г а л я. Читай вслух... Иначе я.

Р о з а (*зитает*). «Уважаемая Роза! Мне досталась ваша посылка. Не хватает у меня слов выразить вам свою благодарность за вашу сердечную заботу о незнакомом для вас воине Красной...»

Г а л я. Ну, дальше! Читай же...

Л и з а. Еще паузы делает.

Р о з а (*зитает*). «Особенно благодарю вас за трубочку, с ней не расстанусь».

Г а л я. А ты что, трубочку послала?

Л и з а. Вот хитрая какая... Ну, читай же...

Р о з а (*зитает*). «Для первого знакомства разрешите рассказать вам несложную мою биографию. Я техник-лейтенант, работаю на бронепоезде; беспощадно уничтожаю фашистов, и в моей груди горит неупокоимая ненависть против этих зверей. Они убили мою сестру, а у моего старшего брата — жену и их сына...» (*Роза снова делает паузу, смахивая слезы с глаз.*)

Г а л я. Ну?

Р о з а (*зитает*). «В настоящее время мой старший брат Петр мечтает взять на воспитание какую-нибудь сироту. И я ему горячо советую, поскольку у меня обливается сердце кровью, когда я вижу ребят, потерявших на войне своих родителей...»

Р о з а делает паузу. Девушки молча смотрят на Мишку, который, открыв глаза, приподнимается на постели.

Л и з а. Ну, дальше...

Р о з а (*зитает*). «В общем, уважаемая Роза, много за этот год прожито и много пережито...»

Л и з а. Пожалуй, ему лет тридцать...

Г а л я. Нет, конечно, больше, лет сорок.

Р о з а (*зитает*). «На вид мне, уважаемая Роза, можно дать уже лет тридцать, да и я...»

Г а л я. Значит, лет двадцать восемь.

Л и з а. Двадцать семь-двадцать восемь.

Р о з а (*зитает*). «Да и сам я говорю, что за последний год сильно изменился, постарел, хотя могу вас заверить, что воля к борьбе с ненавистным врагом еще более окрепла...»

Г а л я. Лихой парень.

Л и з а. Вот это настоящий человек.

Р о з а (*звучит*). «Пишите мне, уважаемая Роза. Мне будет интересно узнать, кто вы. Пишите на прежний адрес, хотя очень возможно, что после моего ранения меня командируют в тыл работать по специальности. Я с этим энергично борюсь, но если это произойдет — мои друзья не замедлят переслать мне ваше письмо. С уважением, техник-лейтенант Гвардейской бригады Владимир Новиков».

Г а л я. Вот это молодец, гвардеец...

Л и з а. И ранен был.

Р о з а. И он молодец, и брат его Петр — молодец.

Л и з а. Что же ты ему напишешь?

Р о з а. Сама знаю, что напишу.

Г а л я. А ну ее...

Л и з а. Глупости напишет. А он не ответит. Такой умный, солидный человек... Глупости будет читать.

Г а л я. Может, ты напишешь, чтобы он Мишку усыновил?

Л и з а. С нее хватит.

Р о з а. Я не такая дура.

М и ш к а. Мой папа был полковник.

Л и з а. А тут какой-то лейтенант. Без него обойдемся.

Р о з а. В общем, не ваше дело. Буду писать, о чем хочу.

Спрятав письмо на грудь, Р о з а подходит к окну. Л и з а ложится на постель. Г а л я, взяв гитару, берет несколько звучных аккордов.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Кабинет какого-то учреждения. М а ш и н и с т к а печатает на машинке. Входят два военных — лейтенант и м а й о р. М а й о р — солидный, добродушный. Лейтенант (Н о в и к о в) — совсем молоденький, почти юноша. Лицо у него милое, детское. Щеки розовые. Рост небольшой. Искоса поглядев на лейтенанта, машинистка улыбается.

1

Н о в и к о в. Его пушка с огромным будущим. Это, понимаешь, блестящий проект. (*Машинистке*.) Что вы улыбаетесь?

М а ш и н и с т к а. Нет, я ничего, товарищ Новиков. Просто так.

Н о в и к о в. Нет, ну почему вы всякий раз, когда на меня смотрите, — улыбаетесь... Идите, я позову вас, когда нужно будет.

Сдерживая улыбку, м а ш и н и с т к а уходит.

М а й о р. Владимир, ты делаешься просто несносным...

Н о в и к о в. Ну, понимаешь, я не люблю, когда... улыбаются.

М а й о р. А сейчас на улице ты был просто невыносим...

Н о в и к о в. Да, но как они смели так сказать...

М а й о р. А что они оказали... Подумаешь! Идут две девушки и говорят: «Погляди, какой молоденький лейтенант». Ну что в этом такого... Наоборот, комплимент. Я был бы счастлив, если б так мне сказали.

Н о в и к о в (*подходя к зеркалу*). Николай... А что, я действительно так молодо выгляжу?

М а й о р. Совсем крошка... А что?

Н о в и к о в (*нахмурившись*). Понимаешь... Иногда, когда слышишь такие фразы... Ну как-то не по себе становится.

М а й о р. А что тут плохого. Молодость. Великолепно. Я бы черту душу продал, чтоб вернуть свою юность.

Н о в и к о в. Да, но мне уже двадцать два года. Скоро двадцать третий.

Н о в и к о в принимает у зеркала солидный вид. Вытащив из кармана трубочку, берет ее в рот. Так как будто солидней. В особенности если сдвинуть брови и скривить рот.

М а й о р. И все-таки я не понимаю, почему ты так горячо реагируешь на такой вздор.

Н о в и к о в. Видишь ли, Николай... Ну, мне, наконец, не полезно для дела. Я, правда, временно замещаю должность, но все-таки я сейчас начальник отделения... У меня бывает масса народу.

М а й о р. Ну?

Н о в и к о в. Приходят солидные инженеры... И естественно, они...

М а й о р. Не чувствуют доверия? Вздор!

Н о в и к о в. Нет, отчего же вздор... Я вижу это. И потом я сам, наконец, не хочу быть...

М а й о р (*смеясь*). Молодым?

Н о в и к о в. Не молодым, а не хочу выглядеть так молодо.

М а й о р. Вот чудак-то... Ну отрасти себе бороду.

Н о в и к о в. Да я думал об этом... Но я клянусь тебе — меня это тревожит главным образом по линии работы. В личной жизни я еще как-то переносу. Но для работы, я чувствую, мне не хватает... солидности.

М а й о р (*сквозь улыбку*). Ну брось, перестань. На чем мы остановились?

Н о в и к о в (*преображаясь*). Ах да... Так вот эта его пушка... Понимаешь, я посмотрел его проект и прямо ахнул. Это изумительная идея. Огромное будущее...

М а й о р. Пушка неплохая. Но ты обратил внимание на прицел? Ведь он будет сбиваться при такой скоростной стрельбе.

Н о в и к о в. Да, это я учел... И там еще есть дефекты, но в основном, в принципе... Я сегодня же доложу в Управлении...

В кабинет входит с е к р е т а р ш а. Она, улыбаясь, кладет письмо на стол.

2

Секретарша. Вам письмо, товарищ лейтенант... И потом вас ожидает посетитель...

Новиков. Пусть войдет, идите...

Майор. Ну что опять нахмурился?

Новиков. Видишь, и эта улыбается. Кладет письмо, и я чувствую, как она...

Майор. Ай, какой ты чудак...

В кабинет входит посетитель. Он солидного вида, седой. В руках у него объемистый портфель. Увидев в комнате двух командиров, посетитель подходит к майору.

3

Посетитель (майору). Мне говорили, товарищ Новиков, что мой проект...

Майор. Вот товарищ Новиков.

Новиков (сквозь зубы). Видишь? (Посетителю.) Я слушаю вас.

Посетитель. Мой проект под девизом «Смерть оккупантам»...

Новиков (закуривая трубку). Ах, этот проект. Он отослан в Управление.

Посетитель. И в основном...

Новиков. В основном он найден удовлетворительным... Справьтесь в Управлении.

Посетитель. Благодарю вас. До свидания. (Уходит.)

4

Новиков. Видишь... Я говорил... Не хватает солидности. Подходят к тебе, а не ко мне.

Майор. А что за письмо?

Новиков. Ах да, письмо... С фронта... От ребят.

Новиков распечатывает письмо, вынимает листик и второй запечатанный конверт. Улыбается. Вскрывает второй конверт. Читает.

Майор. От друзей?

Новиков. Нет, от одной девушки. Это, понимаешь, когда я был на фронте... Получаю посылку от неизвестной. Видишь, трубочка от нее. И приложено письмо — очень милое, доброе, заботливое... Я ответил ей... И вот снова ее письмецо.

Майор. Да ты прочти вслух...

Новиков. Нет, все-то читать не стоит. Вот разве кусочек. (Читает.) «И я расстроилась до слез по поводу вашего брата. Ведь у меня

тоже убиты все мои родные. Звери-фашисты расстреляли их, и только мне удалось случайно спастись...»

М а й о р. Мерзавцы... Какие мерзавцы...

Н о в и к о в. Бедная девушка... *(Читает.)* «Сейчас я работаю в Кызыл-Кургане помощником диспетчера. Я живу вместе с двумя очень хорошими девушками. И мы приютили у себя двенадцатилетнего мальчика Мишу. Его отца убили фашисты, а мать он потерял в дороге. Наш Мишенька очень хороший мальчик. Ах, как было бы хорошо, если б ваш брат согласился усыновить его».

М а й о р. Брат, почему брат?

Н о в и к о в. Нет, я ей писал, что мой брат хотел бы усыновить сиротку... Ведь он очень горюет, что потерял сына... Я напишу ему.

М а й о р. Ну, читай же...

Н о в и к о в. Да вот почти все... «У ребенка должно быть сознание, что у него есть отец. Авторитет отца и наши общие усилия помогут нам воспитать человека. Желаю вам и в дальнейшем по-гвардейски бить фашистов. С комсомольским приветом. Роза Рубинчик».

М а й о р. Славная девушка. Умница. Ты ей напиши.

Н о в и к о в. Обязательно напишу и брату сообщу. Может, он действительно усыновит ребенка. Слушай, а может быть, мне самому усыновить?

М а й о р. Ну, тебе-то... двенадцатилетний ребенок... Ну, чтобы...

Н о в и к о в. Вот и хорошо... Сыну двенадцать лет. Все-таки... По крайней мере...

М а й о р *(улыбаясь)*. Для солидности.

Н о в и к о в *(вспыхнув)*. Нет, вовсе не для этого... Мы сейчас все должны в этом вопросе... И вообще... Я давно хотел сына иметь.

М а й о р. Подумай хорошенько. Ведь это не шутка. Налагает обязательства.

Н о в и к о в. И прекрасно... Я всю жизнь мечтал сына иметь. Возьму и усыновлю...

М а й о р. Да ты сам-то еще ребенок, крошка.

Н о в и к о в. В таком случае решено — и я усыновляю этого ребенка. *(Волнуясь, Новиков закуривает трубку.)*

М а й о р *(хлопая по плегу)*. Ну, не буду тебя отговаривать. Делай, как хочешь... А проект действительно замечательный.

Н о в и к о в. Я тебе говорил... *(Взглянув на часы.)* Сейчас этот инженер должен придти.

М а й о р. Ну, привет. Будь здоров. Кстати, как твоя нога?

Н о в и к о в. Да теперь лучше. Нога в порядке *(улыбаясь)*. А вот и наш инженер...

В кабинет входит молодой, спортивного вида человек — инженер.

И н ж е н е р (*майору*). Товарищ Новиков?

М а й о р, улыбаясь, показывает на лейтенанта. И, помахав ему рукой, уходит.

5

Н о в и к о в. Прошу...

И н ж е н е р. Ах, вы товарищ Новиков?

Н о в и к о в. Вы с таким удивлением спрашиваете...

И н ж е н е р. Нет, что вы... Но просто... Ваша молодость... А я знаю вашу работу. И цену ее.

Н о в и к о в (*закуривая*). Я не так уж молод... Мне... У меня сын двенадцати лет.

И н ж е н е р. Ах вот как... Так вот мой проект скоростной пушки...

Н о в и к о в. От всей души я должен поздравить вас. Я прошу, пройдете в чертежную. Я хотел показать вам... Пройдите, я сию минуту...

И н ж е н е р скрывается за портьерой. Н о в и к о в задерживается.

Открывает другую дверь.

Н о в и к о в. Товарищ Попова. (*Входит машинистка.*) Будьте добры, напечатайте телеграмму. Срочно. Кзыл-Курган. Диспетчеру Розе Рубинчик. Согласен лично усыновить Мишу. Днями выезжаю оформить отцовство... Техник-лейтенант Владимир Новиков.

М а ш и н и с т к а. Есть...

Н о в и к о в. Немедленно пошлите курьера на телеграф.

М а ш и н и с т к а. Есть!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Площадка перед домом. Зеленый газончик. Скамейка. Налево дом. Дверь.

Окно. От дома к дереву протянута веревка — сушится белье.

С портфелем в руках медленно идет Г а б и т. На минуту останавливается перед домом. Смотрит в заветное окно. Потом, вздохнув, идет дальше.

Из-за угла появляется С и д о р. Он смотрит вслед удаляющемуся Г а б и т у.

1

С и д о р (*давясь от смеха*). Ай, ей-богу... А ведь секретарь комсомольской ячейки...

С и д о р подходит к окну, осторожно стучит. В окне показывается заспанная Л и з а.

Л и з а. Ах, это вы... Что вам, Сидор Панфилич?

Сидор. И проследовал тот... Ай, ей-богу...
Лиза. Да отвяжитесь вы наконец от меня. Ночью дежурили, а тут... с ерундой...

Сидор (*смущенно*). Сигнализирую, Лизавета Валентинна.

Лиза. Знаете, Сидор... Идите вы к черту... (*Захлопывает окно.*)

Сидор. Ах, вот какие отношения... Взамен моего благодеяния грубости слышу. Так и запишем...

В дверях показывается Мишка. Он одет ослепительно. На нем шелковая курточка с кружевным воротником, коротенькие штанишки с блестящими пуговицами. На ногах — туфельки с бантами. Волосы подстрижены и причесаны. В руках у него книга. Постояв на крыльце,

Мишка торжественно, как принц, спускается по ступенькам.

Сидор открыл от изумления рот, взирает на Мишку.

2

Сидор. Ай, ей-богу... Одели как парнишку... Ну, это Лизкина работа. Галина Андреевна на это не пойдет.

Мишка проходит мимо Сидора, надменно на него посмотрев.

Сидор. Смотрите, и не кланяется, шкет... (*Мишке.*) Ну, погоди, мой внук Павлушка придет, он с тебя живо снимет красоту.

Мишка (*иронически*). Боюсь я твоего Павлушку...

Сидор. Чтобы во время войны так одеть ребенка! Ну, за это не похвалят, если сообщить в район...

Мишка присаживается на скамейку. Раскрывает книжку.

Мишка (*неумело декламирует*). «Милосердия! — воскликнул король. — Снисхождения! Жалости! Иначе нет для него пути...»

Появляется Галия.

3

Сидор. Галина Андреевна, с превосходной погодой... Хочу обратить ваше внимание, как дореволюционно одели ребенка. И в книжку читает. Ай, ей-богу...

Галия (*с удивлением*). Мишка!

Сидор. Ну, это дело рук Лизаветы Валентинны.

Галия. Лиза!

Сидор. Те спят.

Галия. Ну, я ей... актрисе...

Возмущенная Галия стремительно открывает дверь, исчезает. Из-за дома появляется рыжий парнишка. Он высокого роста, босой. Это Павлушка, внук Сидора. Павлушка тотчас присаживается на

скамью рядом с Мишкой. Молча начинает задевать Мишку, толкая его плечом. Сначала Мишка отстраняется, потом в свою очередь толкает Павлушку плечом. Наконец Павлушка с силой толкает Мишку, так что тот едва не падает со скамейки.

4

Сидор. Ай, ей-богу... Ребятки... Ну, сейчас его мой Павлушка разрисует...

Ребята встают и, толкая друг друга плечами, молча идут в сторону. Снова Павлушка с силой толкает Мишку, так что тот падает.

Вскочив на ноги, Мишка бежит за Павлушкой. Сначала на лице Сидора улыбка. Потом лицо Сидора хмурится.

Сидор (*сердито*). Ай, ей-богу... Подмял Павлушку. Сильный ребенок... Ай, ну что это — моему Павлушке нос разбил. Ну я им сейчас... Воспитаю обоих...

Сидор, взяв жердь, собирается следовать на помощь, но тут на крыльце появляется разгневанная Галя. Она за руку тянет Лизу.

5

Лиза. А я почему знаю. Ты что ко мне пристаешь...

Галя. Я не позволю из него барчука делать... Одеди, как болонку, и...

Сидор. Главное, во время войны так одеть...

Лиза. Я почему знаю. Это, вероятно, Роза одела.

Галя. Мне безразлично кто! Одна барчуком одела, другая стихами пичкает — артиста из него готовит...

Во время разговора девушек появляется Мишка. Рубаха на нем разорвана. Кружевного воротника нет. Волосы растрепаны и взлохмачены.

Галя. И одевать, как болонку, не позволю. Взгляните, что это такое... (*Увидев Мишку, Галя с изумлением на него смотрит.*)

Сидор. И вдобавок, осмелюсь доложить, Галя Андреевна, нос моему Павлушке расквасил.

Появляется Роза. Увидев растерзанного Мишку, Роза всплескивает руками.

6

Роза. Ну, девочки... Уж этого от вас не ожидала. Я его одела, причесала... А вы опять... Ну, Галя...

Галя. Я-то при чем... Мишка, домой!

Р о з а. Мишенька, пойдй ко мне... Ах ты мой бедный мальчик. (*Целует его.*)

С и д о р. Осмелюсь доложить, товарищ Роза, — нос моему Павлушке расквасил.

Л и з а. Ваш Павлушка сам пристаёт к нему.

С и д о р. Ах вот какие отношения. Опять от вас грубости слышу. Так и запишем, Лизавета Валентинна...

Л и з а. Нет, втроем мы его воспитывать не можем. Одна орет, другая слюнявит. А надо...

Р о з а. Мишенька...

Л и з а. Пусть Мишка сам решит — кто его должен воспитывать.

Г а л я. Но знай, Мишка! Одна из тебя болонку сделает, другая — горе-артиста, а у меня будешь культурным механиком... Выбирай!

М и ш к а (*махнув рукой*). Да на кой вы мне все... У меня, наконец, мама есть.

Резко повернувшись, М и ш к а, солидно шагая, уходит.

7

Р о з а. Мишенька... Мишуня... вернись.

Г а л я. Мишка, назад! Домой. Ну погоди, чертенок...

М и ш к а. Да ну вас... Надоели...

Л и з а. Вот к чему приводит ваше воспитание... Миша, если хочешь, вернись...

С и д о р. Да разрешите мне — я его мигом за воротник и... красота.

Г а л я (*кричит*). Мишка!

Р о з а. Не надо. Он, как вчера, немного успокоится и придет.

Г а л я. Нет, без отца действительно трудно... Большой мальчик...

Л и з а. Я же говорила...

Р о з а. Девочки, у него уже есть отец. Я об этом позаботилась. Вот! (*Достав из кармана телеграмму, Роза показывает девушкам.*)

Г а л я. От лейтенанта?

Л и з а. Значит, ты ему предложила?

Р о з а. Нет, он сам...

Г а л я. А когда ты телеграмму получила?

Р о з а. Позавчера...

Л и з а. И молчала. Ну, знаешь ли...

Г а л я. «Днями приеду...» Еще поглядим, что за птица.

Л и з а. Да уж вместе будем решать.

Р о з а. Конечно, девочки, вместе.

Г а л я. Поглядим, побачим...

Л и з а. И если только увидим, что не годится...

Р о з а. Ну ладно, девочки, откажем тогда.

Г а л я. Главное, чтоб был...

Р о з а. Солидный, положительный.

Г а л я. Умный.

Л и з а. Такой, чтоб...

Р о з а. Авторитет чувствовался.

Г а л я. Ото мне налетели на хлопца, как мухи на мед.

Р о з а. Ну да, девочки... Я же забыла вам самое главное сказать...
Сейчас будет собрание.

Л и з а. А что?

Р о з а. Не знаю. Никанор Иванович просил всех прийти.

Появляются начальник станции Никанор Иванович и Габит.
Никанор Иванович — весьма добродушного вида, не старый,
вроде Розы, полноватый. Улыбка не сходит с его лица.

8

С и д о р. Никанору Ивановичу почтение...

Н и к а н о р И в а н о в и ч. Здравствуй, Сидор Панфилович. Девушки, ну что же вы...

Р о з а. Сейчас, Никанор Иванович, идем...

Г а л я. А что случилось?

Н и к а н о р И в а н о в и ч. Да вот, надо побеседовать... На руднике завал...

Г а б и т. Некому руду вывозить.

Н и к а н о р И в а н о в и ч. Если возьмемся и сутки поработаем...

Г а б и т. Можем поправить дело.

Н и к а н о р И в а н о в и ч. Ну давайте, давайте. Пошли.

Л и з а. Да, но я сегодня выходная...

Р о з а. Лиза, как не стыдно тебе так говорить.

Л и з а. Нет, я ничего, но только... Сейчас оденусь.

Лиза уходит. Роза и Никанор Иванович тоже уходят.

9

Г а л я. Слушай, Габит... Я тебя еще раз прошу, дай мне настоящий паровоз. На этом чертовом самоваре я все нервы испортила.

Г а б и т. А где я тебе возьму...

Г а л я. Не дашь — на фронт уеду.

Г а б и т. Слушай, Галя, я понимаю, с эвакуированными надо нежно обращаться. Но если ты все время орешь и требуешь, то я тоже с тебя требую... Сколько на тебя жалоб... за грубость, за грязь...

Г а л я. Подумаешь...

Г а б и т. Я тебе повторяю — не исправишься, с паровоза сниму.
Г а л я. Ах ты меня опять страшашь?
Г а б и т (*мягко*). Галя, Галочка... Я знаю, ты славный, хороший товарищ...
Г а л я. Вот так бы сразу сказал, по-хорошему.
Г а б и т. Ведь я же тебе добра желаю.
Г а л я. Знаешь, Габит... Сейчас смотаюсь на паровоз, подвинчу его. И обещаю тебе... Но вот только веселой, Габит, не буду... Бегу...
Г а б и т. Ты уж лучше после собрания.
Г а л я. Успею... Слушай, Габит... Что я хотела тебе сказать... Детей, как ты думаешь, тоже надо воспитывать... по-хорошему?
Г а б и т. Ну, это я не знаю...
Г а л я. Да, наверное, тоже надо по-хорошему.
Г а л я уходит. На дороге встречает М и ш к у. Наклонилась к нему — обнимает и целует его. М и ш к а недовольно отстраняется. Оба уходят.
Появляется приедетая Л и з а.

10

Л и з а. Что ты, Габит, такой веселый?
Г а б и т. Да так, Лизочка... Все хорошо складывается... Вот только...
Л и з а. Ну?
Г а б и т. Только у нас вот с вами... Никак не можем встретиться, чтоб поговорить.
Л и з а, Полгода собираетесь мне что-то сказать. И все откладываете... Тогда скажите — хоть о чем?
Г а б и т. Да нет, так... кое-что.
Л и з а. Бытовое?
Г а б и т. Отчасти бытовое. Вернее, личное.
Л и з а. Может, сегодня вечером скажете?
Г а б и т. Нет, сегодня часов с шести работа — руду вывозить будем.
Л и з а. Ну а завтра я на дежурстве.
Оба уходят. Появляются М и ш к а и П а в л у ш к а. Они идут, обнимая друг друга за плечи.

11

П а в л у ш к а. А что, к тебе новый отец приедет?
М и ш к а. Приедет один лейтенант-гвардеец.
П а в л у ш к а. А на кой он тебе... Еще драть будет, как мой дед.
М и ш к а. А ты бы своему деду...
П а в л у ш к а. Я ему и то стараюсь... На кой тебе отец?

Мишка. Лично мне он не нужен. Это девчонки выдумывают. Вообще, у меня папа был полковник...

Из-за угла дома показывается лейтенант Новиков. Остановившись, он вытаскивает из кармана круглое зеркальце. Внимательно осматривает свою беззаботную юную физиономию. Остается недовольный своим видом. Старается придать лицу солидность. Вытаскивает трубку. Закуривает. Подходит к дому. Мишка и Павлушка внимательно следят за Новиковым.

12

Новиков. Кажется, никого нет. Гм... Да этот ли дом? (*Смотрит в записную книжечку.*) Да, этот, жаль... Оставлю записку.

Лейтенант пишет.

Павлушка. Неужели этот?

Мишка. А почему я знаю...

Павлушка. Ясно, этот. (*Давясь от смеха.*) Дюже молоденький. На кой он тебе?

Мишка. Лично мне он не нужен. Я тебе сказал...

Павлушка. Ну и ну... Нет, такого я бы себе не хотел. Больно маленький папа...

Написав записку и повесив ее на дверь, Новиков уходит.

13

Павлушка. А поглядим, что он там написал.

Мишка (*взяв записку*). «Многоуважаемая Роза! Горю желанием поскорей увидеть Вас и моего будущего сына. Зайду в девятнадцать часов ноль-ноль минут. Ваш знакомый техник-лейтенант Владимир Новиков. Дом колхозника № 1».

Павлушка. Айда отнесем Розе.

Мишка. Успеется... Эвон твой дедушка идет.

Появляется Сидор. Собирается сесть на скамью, сдувает с нее пыль. Павлушка незаметно подкладывает под своего деда битый глиняный кувшин. Сидор, сев, вскакивает как ужаленный. Оборачивается, видит перед собой какую-то незнакомку с портфелем (*Жукова*).

14

Сидор. Вы чего тут... подкладываете...

Жукова. Видите ли, я от газеты... Собираю сведения.

Сидор. Чего? Утиль собираете. Давеча собирали уже... (*Отходит.*)

Жукова. Нет, я записываю ребят-беженцев... которые потеряли родителей.

Сидор. Ну и что вы с ними делаете?

Жукова. Отправляем в колхозы. Там их воспитывают... Есть тут такие?

Сидор. Есть. Вот Мишка, например... Только дома никого нет, замок висит.

Жукова. Тогда я потом зайду... Еще?

Сидор. Еще тут, через дом, семилетняя девочка Катя.

Жукова. Покажите, где этот дом?

Сидор. Пожалуйста, проведу вас. Слушайте, а не можете ли вы моего Павлушку в колхоз записать? Дюже беспокойный ребенок. Воспитываю, воспитываю, а он из рогатки в меня стреляет... И давеча ему нос обратно разбили...

Жукова и Сидор уходят. Появляется Новиков. На этот раз он без шинели, в кожаной куртке, в руках фуражка.

15

Новиков. Черт, как все-таки хорошо тут... Пожалуй, больше года не гулял просто так. Какая зелень, цветы... Однако таких цветов я в жизни никогда не видел... Средняя Азия! Я давно мечтал здесь побывать. Черт, какая огромная бабочка... Какой чудесный экземпляр... Дайте-ка я ее... Поближе погляжу.

Новиков подходит ближе к газону. Собирается накрыть бабочку фуражкой. Неудача. Новиков бежит по газону за бабочкой. Из-за сарая показываются Мишка и Павлушка. Парнишки с изумлением смотрят на Новикова. Стараясь не попасть на глаза Новикову, парнишки уходят.

Почти бегом идет Роза. В руках у нее записка. Роза взволнована и возбуждена. Не заметив Новикова, она бежит к дому. Новиков накрывает бабочку фуражкой в тот момент, когда Роза поравнялась с ним. Споткнувшись, оба падают. Роза гневно смотрит на незнакомца.

Роза. Вы что, с ума сошли?

Новиков. Умоляю вас. Я не ушиб вас? Простите... Не понимаю, как это получилось...

Роза. Ну вот, и платье порвали... Это уже безобразие. Ай, ну что я буду делать...

Новиков. Умоляю вас... Пустяки... Немножко разорвано.

Роза. Да, немножко! А мне надо сейчас идти... Срочно... Чтоб предупредить приезжего... Скачете тут, как баран...

Новиков. Да нет, я... Какой-то необыкновенный экземпляр... Вероятно, только в Средней Азии...

Р о з а. Какой экземпляр? Что вы бредите?
Н о в и к о в. Да нет... Бабочка тут...
Р о з а. Бабочка... Как вам, право, не совестно...

16

С и д о р (*появляясь*). В военное время...

Р о з а. Ну, будь вам десять лет... Я просто не понимаю вас.

Н о в и к о в. Видите ли... Я, собственно... это не для себя... бабочку...
для сына.

Р о з а. А что, у вас маленький сын?

Н о в и к о в. Нет, не особенно маленький... Ему двенадцать лет.

Р о з а. Двенадцать лет? Но ведь вам...

Н о в и к о в (*принимая солидную позу*). А я вам говорю. Сыну моему двенадцать лет. Кажется, мне лучше знать.

Р о з а. Да отвяжитесь вы с вашим сыном... Прямо идти не могу... ногу зашибли.

С и д о р. Что, в милицию захотел?

Н о в и к о в (*Сидору*). Да вы-то чего лезете?

С и д о р. Ах так, грубости от вас слышу. Так и запишем...

Н о в и к о в (*Розе*). Присядьте на скамейку. Я думаю, ничего... легкое растяжение...

Взяв Р о з у под руку, Н о в и к о в подводит ее к скамейке. Оба садятся. Из вежливости Н о в и к о в садится на самый край скамейки, И это губит все дело — под тяжестью Н о в и к о в а скамейка опрокидывается. Оба падают.

С и д о р. Ай, ей-богу!

Н о в и к о в. Умоляю вас!

Р о з а. Ну, знаете ли...

Н о в и к о в. Умоляю вас...

Презрительно посмотрев на Н о в и к о в а, Р о з а, слегка прихрамывая, направляется к дому. Смущенный Н о в и к о в, желая вежливостью поправить дело, поднимает веревку с бельем повыше, чтоб незнакомка свободно прошла. Веревка, развязавшись, падает вместе с бельем на Р о з у.

Н о в и к о в. Пардон... Умоляю вас...

Р о з а. Это... Это вы нарочно... Мальчишка!

Махнув рукой, Н о в и к о в стремительно уходит.

С и д о р. Уронил белье и сам тигалья дает... Так и запишем. Все грубые, орут... И только вы, товарищ Роза, завсегда ко мне любезны. И через это я для вас на все согласен. Желаете — того догоню и...

Р о з а. Да отвяжитесь вы, Сидор, не до вас...

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Станционная платформа. Рядом — полянка. На полянке ветвистое дерево. За сценой слышится — паровоз выпускает пар. Появляется Г а л я. Она в новой спецовке, с масленкой и паклей в руках.

1

Г а л я. А ну его к бесу! Я же говорила — не годен паровоз. (*Кричит.*) Габит... Габит... А черт бы его драл!

Г а л я, бросив паклю и масленку на землю, убегает.
Появляется Н о в и к о в в своей штатской кожаной куртке.

2

Н о в и к о в. Да, нехорошо получилось с этой девушкой, Черт меня дернул — погнался за бабочкой... (*Новиков с сердцем ударяет фуражкой по цветку, на котором сидит бабочка.*) Глупо, несолидно получилось. Подумает — мальчишка... Хорошая, славная девушка... А, собственно, какое мне дело до нее? Да пусть ее думает, что хочет.

Н о в и к о в снова засматривается на цветок с бабочкой. Появляются Мишка и Павлушка. У Мишки в руках самодельный маленький самолетик. Ребята молча, не отрывая глаз, следят за Н о в и к о в ы м.

3

П а в л у ш к а (*Новикову*). А вам что, надо бабочку поймать?

Н о в и к о в. Да нет, с чего вы взяли...

П а в л у ш к а. А то, если хотите, мы ее живо...

М и ш к а. А вы зачем их ловите?

Н о в и к о в (*смущенно*). Да нет, уверяю вас... Совсем не ловлю... Наоборот...

П а в л у ш к а. А вам для чего они? Ну, вообще... Зачем их ловят?

Н о в и к о в. Ну, ловят для коллекции...

П а в л у ш к а. А что такое «коллекция»?

Н о в и к о в. Коллекция — это от латинского слова. В переводе значит — собрание. То есть, понимаете, собрание однородных предметов...

П а в л у ш к а. Для чего?

М и ш к а. А как же. Надо...

Н о в и к о в. Для того, чтоб люди знали, сколько есть различных видов... Вот, например, бабочки... Ведь это очень полезно и нужно знать все породы... Некоторые бабочки приносят вред, и их нужно уничтожать... (*Увидев модель самолета.*) Это что у вас? Сами сделали?

Мишка. Сами.

Новиков. Вот молодцы-то... Ловко сделали... И летает?

Павлушка. Летает.

Мишка. Планирует, если бросить.

Новиков. Ну-ка, дайте я попробую.

Мишка. Вы не сможете...

Павлушка. Сможет.

Новиков подбрасывает вверх самолетик, и он, планируя, садится на дерево.

Мишка. Я же говорил — не сможете...

Павлушка. Больно сильно подбросили... Сейчас...

Павлушка подбегает к дереву, чтобы влезть на него. Новиков отстраняет Павлушку.

Новиков. Погоди — моя вина. Дай я сам достану.

Мишка. Не влезете...

Павлушка. Влезет.

Новиков взбирается на дерево.

Новиков. Эх, зря в тужурке полез. Жарко.

Мишка. Нет, так не достанете...

Павлушка. Достанет.

Мишка. Выше, еще выше... Погодите, мы багор принесем... Павлушка, айда за багром.

Новиков. Ну, пока вы багор принесете, я пять раз успею снять и забросить,

Ребята убегают. Новиков, сняв с себя кожаную тужурку, собирается сбросить ее вниз. Вдоль полотна идет Роза. Она идет быстро. В руках у нее папка с бумагами. Не заметив девушку, Новиков бросает свою куртку вниз. Куртка накрывает Розу.

4

Роза. Что это?! Да вы что, с ума сошли? (*Увидев Новикова на дереве.*) Ах это вы... Опять...

Новиков. Пардон... (*Узнав девушку.*) Ради бога... Я сам не понимаю... Умоляю вас...

Роза. Ну, знаете... Это слишком... Влезли на дерево и, наверное, нарочно кинули.

Новиков. Уверяю вас... Совершенно случайно... Просто жарко было лезть, и я...

Нахмурившись, Роза хочет идти дальше.

Р о з а. Безобразие...

Н о в и к о в. Минуточку... Я хочу объяснить вам... извиниться...

Р о з а. Не нужно мне вашего извинения.

Н о в и к о в. Нет, но я хочу объяснить, чтоб вы не подумали обо мне бог знает что...

Р о з а. В конце концов, что вы на дерево влезли?

Появляется С и д о р.

5

С и д о р. Влез на дерево в военное время и...

Н о в и к о в. Видите... Я хотел тут один самолетик достать.

Р о з а. Самолетик?

С и д о р (*подмигивая Розе*). Не все дома... По-моему.

Р о з а. Да вам что, пять лет, что ли...

С и д о р. А ну слазь с дерева или я сейчас тебя за ногу сыму... Снять его, товарищ Роза?

Р о з а. Да уйдите вы, Сидор, наконец...

С и д о р. Ах вот как, и вы против меня... Пожалуйста... Все грубые, орут... Только ожесточают мое сердце. (*Уходит.*)

6

Н о в и к о в (*Розе*). Одну секунду... Мне просто хочется объяснить вам... Все эти три раза... Уверяю вас... Сейчас слезу...

Повиснув на сучке, Н о в и к о в собирает ловко прыгнуть.

Однако прыгает вместе с сучком в руках. Сучок задевает Р о з у.

Р о з а. В конце концов... Это... Это...

Н о в и к о в. Не задел?

Р о з а. Конечно, задели... И вот опять, кажется, платье порвали.

Н о в и к о в. Нет, это пустяки, немножко...

Приняв солидный вид, Н о в и к о в вытаскивает трубочку из кармана.

Закуривает, стараясь придать себе еще большую солидность. Увидев знакомую трубочку, Р о з а с волнением и не без ужаса всматривается

в Н о в и к о в а.

Р о з а (*тихо*). Моя трубочка... (*Новикову.*) Так это... Так это вы... И вы рассчитывали на то, что я...

Н о в и к о в. Я рассчитывал, что вы будете добры и извините меня.

Р о з а. Вы рассчитывали, что я соглашусь...

Н о в и к о в. Что вы согласитесь простить меня за мою неловкость.

Еще более взволнованная Р о з а собирается уходить.

Р о з а. И вы могли думать, что я, что мы... Мальчишка...

Новиков (*грозно*). Что?!
Роза (*всхлипывая*). Мальчишка...
Новиков. Ну знаете... Я не позволю вам оскорблять меня... Грубиянка, толстуха!
Роза (*уходя*). Мальчишка...

Роза уходит.

7

Новиков. Бог с ней, может, и не встречу с ней никогда.

Прибегают ребята с багром.

Мишка. Я же говорил — не снимет.

Павлушка. Сейчас мы багром...

Ребята снимают самолетик. Падая, самолетик ломается.

Новиков. Жаль. Крыло сломалось.

Мишка. Это мы сейчас починим... Павлушка, айда чинить...

Ребята убегают.

8

Новиков. Неловко получилось... Еще спасибо — незнакомая.

Лежа на траве, Новиков начинает делать зарядовую гимнастику. Поднимает одну ногу, потом другую. Вдоль полотна поспешно идет Галя вместе с Габитом. Увидев Новикова с поднятой ногой, Галя улыбается.

Галя. Погоди, кажется, этот курит... Сейчас прикурю... Иди, Габит, я догоню тебя...

Габит уходит.

9

Галя. Извиняюсь, огонечек есть?

Новиков. Кажется... Не курится... Сейчас...

Галя. Гляжу, ногу поднял... Что, пузыри беспокоят?

Новиков (*смущенно*). Да нет... Я так...

Галя. Да ты кто — приезжий?

Новиков. Приезжий...

Галя. Позволь, позволь... Да ты не тот ли, кого я с таким нетерпением жду?

Новиков (*волнуясь*). А вы кто?

Галя. Я графиня НН... Одним словом, Галя Ляшко. Машинист.

Новиков (с облегчением). Ну, значит, не того ждете.

Галля. А кто же ты? Ну, говори же... Ногу быстро поднял, а языком повернуть — больной.

Новиков (смутившись). Я... Ерошкин... Тоже машинист.

Галля. С маршрутного?

Новиков. Да.

Галля. То-то я гляжу — таких не видела в наших местах... (*Собираясь уйти.*) Ну, привет, уважаемый Ерошкин.

Новиков. Да вы закурите хорошую папироску... Извольте... Бросьте вашу... Берите, берите, не смущайтесь.

Галля. Это я-то смущаюсь? (*Собирается уйти.*) Ну, привет, Ерошкин... Спасибо.

Новиков. Минуточку... Хочу вам объяснить, чтоб вы не подумали... Понимаете, я был ранен. Ну и врачи велели немного тренировать ногу... Поэтому вы и увидели меня в таком виде...

Галля. Ну, ранен был? На фронте?

Новиков. Так точно.

Галля. И что, кончил воевать? Сдрейфил на дальнейшее?

Новиков. Напротив. Прошусь на фронт. Подал заявление. Обещали.

Галля. Вот это молодец. Хвалю за это.

Показывается Габит.

10

Габит. Галя...

Галля. Сейчас... Минуточку... Закончу интересный разговор.

Габит. Знаешь, я позову механика. Без него вряд ли мы определим...

Галля. Добре...

Габит уходит.

11

Новиков. А что случилось?

Галля. Случилось — паровоз ни к черту не идет.

Новиков. Может, разрешите взглянуть?

Галля. Без тебя людей хватает... Предполагаю, котел неисправен... А, понимаешь, — срочная работа... Скандал.

Новиков. А что, другого паровоза нет?

Галля. Есть. Да, понимаешь, «Феликс». Не дают... Не знаю почему. Черт их знает... Ну, ладно. Пошла. Привет, товарищ Ерошкин.

Новиков. Жаль, что уходите.

Галля. А что?

Новиков. Да нет, так...

Галля (*вздыхнув*). Мне тоже, понимаешь, жаль. Приятно с тобой беседовать... Очень уж ты, как бы сказать, свой парень. Но дела призывают. Вот и Габит с механиком пошел.

Новиков. Может, еще когда-нибудь и увидимся?

Галля. Может, и увидимся, а может, и нет... Нашла вот тебе цветочек на память.

Новиков. Вот за это благодарю... Буду хранить, пока лепестки не отвалятся. (*Вставляет цветок в петлицу куртки.*) В свою очередь примите от меня этот цветочек небесного цвета...

Галля. Мерси... Ну, еще раз,...

Новиков. До свиданья, графиня НН... Тоже пойду, не буду вам мешать.

Новиков уходит. Галля, задержавшись, смотрит ему вслед. Уходит.

Появляется заплаканная Роза. Ее под руку поддерживает Никанор

Иванович. Вслед за ними идет Сидор.

12

Сидор. Ай, ей-богу... И ведь начальник станции... Под руку... Ну, если в район сообщить...

Никанор Иванович (*Розе*). И не надо плакать, успокойтесь...

Роза. Нет, это я так, Никанор Иванович...

Никанор Иванович. И, по-вашему, он сильно не подходит?

Роза. Абсолютно не подходит, Никанор Иванович. Какой это отец — вдруг на дерево влез... За бабочкой погнался... А для Мишки нужен авторитет, солидность.

Никанор Иванович. Главное, успокойтесь. Что-нибудь придумаем... Вот, хотите, я усыновлю Мишу... Мальчик славный... А у меня нет никого.

Роза (*восторженно*). Никанор Иванович! Да разве я могла мечтать!

Никанор Иванович. Вот и поговорим после... А сейчас, Розочка, мне надо идти... Ведь если «Овечка» неисправна — беда... Обещали за ночь руду вывезти.

Роза. Спасибо, Никанор Иванович.

Роза уходит. Появляются Габит, Галля, механик и слесарь.

13

Галля. Я же говорила — какой это паровоз.

Никанор Иванович. Ну, что с ним?

Механик. Плохо дело, Никанор Иваныч, котел неисправен.
Никанор Иванович. И, значит, до вечера не успеете отремонтировать?

Механик. Нет, до вечера не успеть.

Габит. А если постараться?

Механик. Да как тут ни старайся, не успеем... Надо же пар выпускать.

Габит. Что же делать, Никанор Иваныч? Ведь дали обещание — вывезти руду.

Никанор Иванович. Пусть Галя возьмет «Феликс» и...

Габит. Да уж придется...

Галя (*восторженно*). «Феликс»!.. Николай Иваныч, миленький! (*Габиту*.) Вот это будет работка! Ты только погляди, Габит, как я буду вкалывать...

Никанор Иванович. Вкалывать? Вот этого-то я и боюсь, сударыня моя... Расколешь мне «Феликс», а ведь знаешь, какая это машина.

Галя. Нет, вы не поняли меня, Никанор Иваныч... Разве я не знаю, какая это машина. Я его на шелковых вожжах водить буду.

Никанор Иванович. То-то мне... Смотри... Да погоди. Рано ведь... Куда ты?

Галя. Надо... Сейчас...

Галя стремительно убегает. Появляется Новиков. Рядом с ним Мишка и Павлушка. Новиков улыбается, ребята смеются.

14

Габит. Но ведь завтра у нас возьмут «Феликса».

Никанор Иванович. Да... Канальство! (*Механику*.) Приступайте к ремонту. И чтоб за сутки «Овечка» была в порядке.

Механик. За сутки, пожалуй, успеем. (*Слесарю*.) Как ты думаешь, Петрович?

Слесарь. За сутки-то успеем... Я вот думаю, нельзя ли раньше, если такая экстр... Ведь оно и за час можно.

Механик. Хватил — за час. Один пар выпускать — сколько займет времени.

Слесарь. А ведь пар-то можно и не выпускать. Так — горяченький латать.

Механик. Ну уж это ты, знаешь...

Новиков (*приближаясь*). А что, он правильно говорит... Я вот на бронепоезде ходил. Бывало, немцы паровоз в решето превратят... И ничего, на ходу горяченький латали.

С л е с а р ь. Так точно, товарищ командир... Или как мы по-красногвардейски в восемнадцатом году... Помню, немцы прострочили пулеметом котел — так я горячий залатал. Минут за двадцать, что ли, не помню.

М е х а н и к. Ну а сейчас твой возраст не позволит.

С л е с а р ь. Позволит.

Н о в и к о в (*слесарю*). Вам, папаша, для сердца будет неподходяще. Ведь жар такой — дух захватывает.

С л е с а р ь. Да жар-то, конечно, порядочный, но я бы, ничего, попробовал.

Г а б и т. Извините, мы даже не знаем, кто вы...

Н о в и к о в. Имею диплом — инженера-механика.

Отстегнув карман куртки, Н о в и к о в показывает Г а б и т у документ.

Н и к а н о р И в а н о в и ч. Уж прямо не знаем. Неловко вас затруднять...

Н о в и к о в. Напротив, товарищи, душевно рад помочь... (*Ребятам.*) Ну-ка, ребятки, подержите мои часы, а то они от жары, пожалуй, испортятся.

М и ш к а бережно берет часы.

П а в л у ш к а. Тогда мы по очереди будем держать.

Н о в и к о в. Валяйте по очереди. Да заметьте, сколько время. Интересно, успею ли за двадцать минут.

П а в л у ш к а. Мы вместе будем следить.

М и ш к а. Половина третьего. Павлик, запомни.

П а в л у ш к а. Я на песке запишу.

Все присутствующие идут в левый угол сцены, где виден тендер паровоза. Г а б и т, перед этим исчезнув на минуту, снова появляется с медработником, на плече у которого медицинская сумка с красным крестом. М е х а н и к и с л е с а р ь обертывают голову Н о в и к о в а мокрыми полотенцами. Н о в и к о в влезает на паровоз. Появляется Г а л я. Вид у нее франтоватый. Она в новом платье и в изящной кожаной куртке.

В петлице цветок, подаренный Н о в и к о в ы м.

15

Г а л я. Что случилось, товарищи?

Н и к а н о р И в а н о в и ч. Случилось то, сударыня моя, что один человек вызвался починить твою телегу на ходу.

Г а л я (*оживляясь*). Случайно, не механик Ерощкин?

Г а б и т. Наоборот, один лейтенант интересной наружности... Уж он тебе бы понравился.

Г а л я. Мне? Черта с два. (*Спохватившись.*) Ах, пардон. (*Всплеснув руками.*) Ой, лихо мне!.. Никанор Иванович, только я разогналась на «Феликсе» идти, и, значит, опять остановка? Ведь если он починит мою «Овечку»...

Н и к а н о р И в а н о в и ч. Починит ли — это еще вопрос. Иди, принимай «Феликса».

Улыбаясь и изящно шагая, Г а л я уходит.

16

Н и к а н о р И в а н о в и ч (*Габиту*). Что он починит — я уверен. Но вот отказать ей в «Феликсе» духу не хватает.

Г а б и т. Нет уж, пусть ее... на «Феликсе». Прямо с ней какая перемена... Обратили внимание — неужели же из-за этого?

Н и к а н о р И в а н о в и ч. Надо полагать, из-за этого. Больше-то ведь не с чего...

Проходят Р о з а и Л и з а.

17

Л и з а. Главное, Розочка, не волнуйся. А этому твоему лейтенанту скажем — нет. Ну а какой он по внешности?

Р о з а (*всхлипывая*). Да такой какой-то... Одним словом, очень молоденький.

Л и з а. А ты его только по трубочке узнала?

Р о з а. И по трубочке. И в Доме колхозника мне сказали — вышел в кожаной тужурке.

Л и з а. Ну а зачем ты ходила туда?

Р о з а. Да я записку отнесла. Просила в семь часов не приходите, мы же будем заняты... Просила завтра в час придти. И лучше бы я написала, чтоб совсем не приходил.

Л и з а. Нет, пусть придет, все-таки интересно.

Р о з а (*всхлипывая*). Такое умное письмо написал, солидное, положительное, а сам... Ведь это обман, Лизочка...

Л и з а. Ясно, обман.

Г а б и т. Лиза, одну минутку. Хочу вам что-то сказать.

Р о з а уходит. Л и з а остается.

18

Л и з а. То самое, что обещали? Бытовое, личное...

Г а б и т (*вздыхнув*). Нет, то в другой раз. Сейчас, Лизочка, некогда.

Л и з а. Ну а это хорошее — то, что вы хотели сказать?

Г а б и т. Очень, очень хорошее...

Л и з а. Ну, вы хотя вкратце... скажите одним словом.

Г а б и т. Нет, одним словом нельзя.

Л и з а. А что, такого слова нет?

Г а б и т. Нет, такое слово есть, но... Видите, некогда...

В углу сцены оживление. Появляется замотанный в полотенца

Н о в и к о в. М е д р а б о т н и к открывает свою сумку.

М е д р а б о т н и к. Ожоги имеются?

Н о в и к о в. Никак нет, товарищ медик.

П а в л у ш к а (*Мишке*). Видишь, что я тебе говорил — не обжегся.

М и ш к а. Я сам знал...

П а в л у ш к а. Это, брат, такой человек, что...

М и ш к а. Сам знаю.

М е х а н и к (*кричит*). Пар больше не выходит, Никанор Иваныч.

С л е с а р ь. Я же говорил, если горяченький латать... Самое верное, без ошибки.

Н о в и к о в (*ребятам*). Ну, сколько прошло? Полчаса?

М и ш к а. Меньше. Двадцать три минуты.

П а в л у ш к а. Двадцать две...

Н и к а н о р И в а н о в и ч. Двадцать две. Я тоже заметил по часам.

М и ш к а (*Новикову*). Дядя Володя... Вот часы ваши.

Н и к а н о р И в а н о в и ч. Позвольте мне от имени коллектива станции сердечно благодарить вас, дорогой товарищ.

Н о в и к о в. Ну, право, пустяки.

Н и к а н о р И в а н о в и ч (*растроганно*). Ведь вот какая молодежь — в огонь и в воду...

Н о в и к о в. Теперь вам можно двумя паровозами работать.

Н и к а н о р И в а н о в и ч. А ведь это идея... Двумя паровозами мы, пожалуй, всю руду за ночь вывезем...

Г а б и т. Так ведь второго машиниста у нас нет, Никанор Иванович...

Н и к а н о р И в а н о в и ч. Ах да... Канальство...

Н о в и к о в. Ну а насчет машиниста — пустое дело. До завтра, до часу дня я могу. Свободен.

Н и к а н о р И в а н о в и ч. Уж, право, и не знаю, дорогой товарищ... Что ж мы вас будем...

Н о в и к о в. Нет, отчего же... На руднике завал... Дело общее... С удовольствием помогу.

Н и к а н о р И в а н о в и ч. Вот ведь молодчина... Нет, право, честное слово...

Н и к а н о р И в а н о в и ч, улыбаясь, обнимает Н о в и к о в а.

Г а б и т пожимает ему руку.

Слесарь. Бывало, в восемнадцатом году... Да уж... Молодцы.
Никанор Иванович. Ну, братцы, в таком случае постарайся... Все по местам... С пяти часов начнем... Ребята, не путайтесь тут...

Все уходят. Остаются Новиков и Никанор Иванович.

19

Никанор Иванович. Сейчас кочегара пришлю. Он вам все покажет... А пока свободный часок есть — пойдите закусите. Может, до утра придется...

Новиков. Есть... Спасибо.

Никанор Иванович. Ну, еще раз... Вот и Галя подъезжает... Условьтесь с ней — какой будет порядок.

Никанор Иванович уходит. Мы слышим шум паровоза.
Появляется Галя. Вслед за ней бежит Лиза.

20

Лиза. Галя! Галя!

Галя. Ну?

Лиза. Слышала, лейтенант приехал. То есть совершенно не годится...

Галя. Ну и черт с ним. Еще и лучше... У меня есть одна думка...

Лиза. Хочу с Габитом посоветоваться. Может, он согласится быть Мишкиным отцом.

Галя. Не надо... Я же тебе говорю — у меня есть одна думка, такая, что все будете довольны... Ну, потом, некогда.

Лиза уходит. Галя подходит к Новикову.

21

Галя. А-а, товарищ Ерошкин... Вот мы и снова встретились... Что, говорят, какой-то лейтенант котел починил?

Новиков (*улыбается*). Говорят... Да это пустяки.

Галя. Это-то пустяки? Ты сам попробуй — сунься в горячий котел. Потом и говори — пустяки. Тоже нашелся мне — пустяки...

Новиков. Да я пошутил... Но вообще не раз приходилось.

Галя. Шути, да знай меру... А что тебе Никанор Иваныч говорил?

Новиков. Да решили мы в два паровоза поднажать.

Галя. Добре, товарищ Ерошкин.

Новиков. Может, посоревнуемся?

Галя. А не хватил ли ты, друже, через край... Где же тебе за моим конем угнаться?

Новиков. А мы попробуем... Наждем на все железки...

Галля. Добре... Ну, если ты на деле таков, как на словах, тогда...

Новиков. Что тогда?

Галля. Тогда... Да нет, так... Есть у меня, товарищ Ерошкин, одна серьезная думка... По-моему, ты больно подходящий человек.

Новиков. Какая думка?

Галля. Потом скажу... Но что так смотришь?

Новиков. Смотрю, мой цветочек не позабыли...

Галля (*смутившись*). Да нет, просто так, подвернулся твой цветок, случайно приколола. (*Бросает цветок.*)

Новиков (*срывает новый цветок*). Тогда другой возьмите... Фиолетовый... Пока...

Новиков уходит. Галля, задержавшись, смотрит ему вслед. Вздыхая, прикалывает подаренный цветок к своему платью. Появляется Сидор.

22

Сидор. Ай, ей-богу... Цветки подносят в военное время... Что это он, Галина Андреевна?

Галля. А что?

Сидор. Да нет, так... По-моему, подозрительный субъект. Я б его сначала в милицию отвел... И там бы поглядели, что за птица.

Галля. А что?

Сидор. Да нет, ничего... Только, говорю, странно ведет себя... Ногу сгибает... По-моему, ненормальный.

Галля. Сам ты ненормальный.

Махнув рукой, Галля уходит.

23

Сидор. Грубая. Все грубые, кроме меня... Живи я через сто лет — как было бы интересно... Тишина. Колокола звонят. Люди тихие, среди них грубых нет... Выходит, рано родился... А еще сто лет ждать — не с руки. Не выдержать. Затюкают грубые.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Станционная платформа (декорация четвертой картины). Еще темно — чуть светает. На станции постепенно гасят огни. По платформе идет Новиков. Рядом с ним начальник станции Никанор Иванович и Габит.

Никанор Иванович. Ну, молодчина вы... ну, прямо слов не нахожу... Еще шести часов нет, а уж вы...

Новиков. Ну что вы — пустяки. Подумаешь — ночь не спал.

Никанор Иванович. Не в этом дело... Вот все бы так работали...

Габит. К каждой работе относились бы, как к своему делу.

Никанор Иванович. Именно как к своему делу... Как вы отнеслись. Вот был бы толк.

Новиков. Право, мне совестно — уж вы меня захвалили.

Габит. Галину только мне жаль. Никанор Иваныч, перекрыл ведь ее на два рейса... Горюет дивчина...

Новиков. Не на два, на один... А потом, чем она виновата? Ведь у ней была авария.

Никанор Иванович. Да понимаете, колосники обвалились... И ведь нашлась... вроде нас — в топку полезла, поправила.

Новиков. Да что вы, я не знал...

Габит. А как же... Она у нас настоящая.

Новиков. Славная девушка... (*Вздохнув.*) Только мечтать о такой можно.

Никанор Иванович (*с гордостью*). Ну, она у нас единственная в своем роде... Немножко, правда, грубоватая...

Габит. И не нравится мне, как она одевается, Никанор Иваныч... Кепка на затылке... Ну что это такое...

Новиков. Разве, а мне показалось... наоборот, франтоватая.

Габит. Ну, это она только сегодня... Не знаю почему.

Никанор Иванович. Ну, идите, голубчик, отдохните...

Новиков (*всматриваясь вдаль*). Да нет, я немножко еще поброжу. Подышу утренней прохладой... Хорошо тут, черт возьми.

Никанор Иванович. Ну, тут-то чего хорошего... А вот у реченьки... Тут горная реченька недалеко — красота... Давайте я вас туда провожу.

Новиков. Нет, право, не надо... Я тут... Мне, собственно, хотелось узнать... А Галя... Вероятно, здорово устала.

Никанор Иванович. Да уж, ей досталось.

Габит. Мало того что авария — еще и кочегар захворал.

Новиков. Я ее просил — возьми моего кочегара, а я уж как-нибудь по-военному обойдусь один. Нет, у меня, говорит, тоже — как на войне: в дело введены резервы.

Новиков, Габит и Никанор Иванович смеются.

Никанор Иванович. А что вы думаете — и ведь ввела резервы. Прихватила свою подружку и парнишку.

Новиков. Вы, случайно, не знаете, как ее подружку звать?

Никанор Иванович. Ну как не знать.

Габит (*вздыхнув*). Лиза... А вот и Галин состав.

Мы слышим гудок, пыхтение паровоза, ляганье буферов.

Никанор Иванович. Ну, привет... Еще раз спасибо... Пошли, Габит, надо подвести итог.

Никанор Иванович и Габит (*вздыхая и оглядываясь*) уходят. Появляются Галля, Лиза и Мишка. Все они грязные, чумазы от дыма и копоти.

2

Новиков (*машет рукой*). Привет, славная бригада!

Галля. Победителю Ерошкину почтение. Ну как, держишься еще на ногах?

Новиков. Я-то держусь. Не знаю, как вы...

Галля. Ну, обо мне не заботься. Могу еще сутки у топки простоять... (*Лизе и Мишке.*) Ну, айда мыться... Как ты, Ерошкин?

Новиков. Я уж тут прополоскался под паровозным краном.

Галля. И тут перекрыл. Мы в грязи, а он уже аккуратненький, как ангел.

Лиза, посмотрев в карманное зеркальце, и Мишка уходят в умывалку.

Галля тоже идет, но, обернувшись, задерживается.

3

Галля. Что, решил восход солнца встречать?.. Или кому свидание назначил?

Новиков (*улыбнувшись*). Свидание назначил.

Галля. Не секрет — кому?

Новиков. Да тут одной графине, которой вторично преподнес цветок.

Галля (*бросает цветок, приколотый к своей куртке*). А ну его к бесу, твой цветок... Я же говорю — случайно остался, забыла.

Новиков. Может, присядем на скамеечку?

Галля. Ни в коем случае... Некогда. Да, перекрыл ты нас, Ерошкин. Нажал на все железки...

Новиков. Не будь у вас аварии — вышло бы поровну.

Галля (*присаживается на скамью*). Это пожалуй... Но, знаешь, я даже рада, что ты перекрыл. Сама не знаю почему. Одним словом, чувствую — молодец.

Новиков. Ну спасибо, Галя.

Галя. Ах черт, мой-то уж помылишь... А я сижу перед тобой в таком преужасном виде.

Новиков. И ничего. Знаете, Галя, вам даже это идет... И в таком виде вы даже интересней, чем вчера.

Галя. Ну, хватил... Познакомьтесь — мои любимые помощники.

К скамейке подходят Лиза и Мишка.

Лиза. Лиза...

Новиков. Очень рад... (*Увидев Мишку.*) Ну, этого помощника я знаю. Знакомы со вчерашнего дня.

Мишка. А я вас, дядя Володя, сразу узнал, когда на паровозе увидел.

Новиков. А что ж ты против меня пошел?

Мишка. Да я не хотел, а Галя велела.

Появляется Габит. Увидев Лизу, подходит к ней. Оба идут по платформе, Новиков обнимает Мишку.

4

Галя. А что ты, Ерошкин, прикидываешься к ребенку?.. Ты уж прямо скажи, чем тень на плетень наводить.

Новиков. Да славный парнишка. Ну что, устал?

Мишка. Немножко устал... Во, гляди, какая бабочка!

Мишка, сорвавшись, убегает. Появляется Сидор. Увидев две пары, Сидор ухмыляется.

5

Сидор. Ай, ей-богу... И те и эти... С утра пораньше. Ну, если в район сообщить...

Галя (*Новикову*). Мальчишка, понимаешь, очень хороший. Это ты прав. Дельный мальчишка. Не капризный. Понимаешь, безумно страдает, что у него нет отца... Конечно, я воспитываю его твердо, но без отца — сам понимаешь. И вот есть у меня одна думка, Ерошкин... Ты что, семейный?

Новиков (*смутившись*). Да нет, не семейный...

Галя. Тем лучше. Есть, понимаешь, у меня одна думка. Запала со вчерашнего дня... Людей настоящих мало... И я, знаешь, человек простой, не светский. Без всяких этих вееров. Вот я тебя увидела и...

Новиков (*с тревогой*). Ну?

Галя. Увидела тебя вчера. Побеседовала с тобой. Узнала, какой ты человек в работе, в жизни... И прямо хочу сказать тебе насчет моего парнишки, поскольку у него нет отца...

Новиков. Но, понимаешь ли, я...

Галя (*нахмурившись*). Ну, не хочешь — не надо. Молчу.

Новиков. Нет, видишь ли, Галя, я ведь сюда приехал для того, чтоб...

Галя. Довольно, нет и нет...

Новиков. Да, но я хочу тебе объяснить... Парнишка твой мне очень нравится, но, понимаешь ли, я же специально приехал, чтобы...

Галя. Баста. Довольно, человек гордый. С полнамека поняла, что не хочешь. И хватит.

Новиков. Понимаешь — не то что не хочу, а просто, понимаешь, не могу. Скажут — что же это он, ошалел... Неудобно...

Галя. Хватит, говорю тебе, или мы с тобой поссоримся. Не желаю слышать твоих объяснений.

Галя и Новиков сидят нахмурившись. Прибегает Мишка.

6

Мишка. Тетя Галя, я домой хочу.

Галя. Сейчас.

Мишка садится на скамью. Новиков обнимает его.

Галя. Но как человека, Ерошкин, я тебя терять не хочу. Скажу прямо — ты мне глубоко симпатичный. Ежели зайдешь к нам в гости, буду очень рада.

Новиков. Если позволите, с охотой зайду.

Галя. А насчет того, что сказала, — не будем возвращаться к этому вопросу. Ну а теперь, уважаемый Ерошкин, позволь пожать твою руку... Иди спать — эвон под глазами синяки какие...

Галя встает, прощаясь, вздыхает. Новиков задерживает ее руку в своей. Оба смотрят друг на друга.

Новиков. Галя...

Галя. В другой раз... (*Кричит.*) Лиза! Идем...

Появляются Лиза и Габит.

7

Лиза. Ну, так и не скажете, что хотели оказать?

Габит. Да когда же сказать, Лизочка? Только разговорились — уже прощаетесь...

Лиза. Ну, тогда в другой раз.

Габит. Да уж, в другой раз обязательно.

Лиза (*Гале*). Ну, пошли...

Новиков. Галя, только вы уж, пожалуйста, на меня не сердитесь... Бывают такие обстоятельства, когда...

Галя. Вовсе не сержусь. Наоборот. Если хочешь, завтра приходи. Погуляем, побеседуем.

Новиков (*просияв*). Обязательно приду... Только скажите, где вы живете.

Галя. А вот за путями, крайний дом.

Лиза. Семнадцатый барак.

Мишка. Комната три.

Новиков. Семнадцатый барак, комната три... Позвольте... Да ведь там Роза Рубинчик живет.

Галя. А мы там втроем живем — я, Роза и Лиза. И Мишка еще. В общем, приходи, Ерошкин.

Новиков. Позвольте... Так это Мишка? (*Мишке*.) Значит, это ты?..

Галя. Ну, ладно, ладно. Не прикидывайся к ребенку. После драки нечего кулаками махать... Пошли... Чего ты мне заморочил голову?..

Лиза. Я безумно устала.

Галя. Ну, привет, Ерошкин, завтра приходи.

Галя, Лиза и Мишка идут. Новиков стоит ошеломленный, смотрит вслед.

Мишка. Тетя Галя, а это разве Ерошкин?

Галя. Ерошкин. Механик Ерошкин.

Мишка. А я думал...

Галя, Лиза и Мишка уходят. Вслед за ними уходит и Габит.

8

Новиков. Боже мой! Что получается? Это, значит, и есть Мишка... И, значит, это ее подруга... Тогда прекрасно. Завтра приду к Розе и познакомлюсь с ней... Прямо голова пылает. (*Открыв паровозный кран и налив в руки воды, освежает свою голову*.) Ну, тогда все великолепно. Прекрасно, завтра приду к ним и... Боже мой...

Новиков снова подходит к крану, открывает его, не заметив, что около крана проходит Роза с полотенцем в руках. Вода попадает на девушку.

9

Роза. Ах, это вы опять... Знаете, мне ваши шутки, наконец, надоели... Я просто заявлю в милицию...

Новиков. Да, но я не заметил. Простите.

Роза. В течение всего дня вы прямо измотали меня...

Новиков. Я прошу извинить, но я...

Р о з а. Я повторяю вам — или вы сумасшедший... или... мальчишка.
Н о в и к о в. Я, кажется, извинился... А вы опять...
Р о з а. Мальчишка!
Н о в и к о в. Толстуха!

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Комната девушек. В комнате Г а л я, Р о з а, Л и з а. У двери на стуле скромно сидит С и д о р. На минуту прибегает М и ш к а. Он кладет на стол какую-то коробку. Тотчас убегает.
У девушек нечто вроде собрания. Председательствует Г а л я.

1

Г а л я. Роза! Призываю к порядку! Воздержись наконец от рыданий!

Р о з а. Да нет, я так...

Л и з а (Розе). Наверное, вспомнила, как он сказал — толстуха.

Р о з а (всхлипывая). Да как он смел...

Л и з а. Подумаешь... Ну что в этом оскорбительного? Наоборот, я бы очень хотела пополнить...

Р о з а (всхлипывая). Да, но он...

Г а л я. Прекрати нюнить, или я брошу вести собрание... Лиза, говори!

Л и з а. Девочки, я целиком и полностью присоединяюсь к Розе. Правда, я не вижу ничего оскорбительного в том, что он сказал ей «толстуха». Наоборот, я бы сама хотела пополнить... Да и вообще, все факты, какие она привела, по-моему, есть чистая случайность... Напомню, девочки, что веревка с бельем у нас и позавчера упала.

С и д о р. Позавчера коза задела. Потянула за белье...

Л и з а. Что касается Мишки, то я согласна — лейтенант ему не годится. Хотя я его и не видела.

Р о з а. Все-таки Мише двенадцать лет.

Л и з а. Через пять лет Мише — семнадцать.

Р о з а. А отец вдруг такой молоденький...

Л и з а. И тогда будет просто не понять — кто кого воспитывает...

Г а л я. Закругляйся.

Л и з а. Да вот, собственно, и все... Да, еще хочу сказать, что я, со своей стороны, вместо лейтенанта хочу предложить...

Г а л я. Это потом. Кто еще хочет высказаться?

С и д о р (скромно). Тогда дозвоьте мне... Поскольку я тоже имею некоторое отношение к воспитанию детей. И вдобавок ваш Мишка нос разбил моему Павлушке... То я хочу сказать... Михаил Ерошкин — это

одно... Или он, понимаете, психический... Или в военное время... Если сообщить в район...

Г а л я. Об Ерошкине потом. Говори об лейтенанте.

С и д о р. Галина Андреевна... Поскольку я его не видел, то что я про него могу сказать... Довольно странно ваше замечание...

Г а л я. Всё?

С и д о р. Зачем всё... Михаил Ерошкин — это, говорю, одно... А лейтенант... Да что вы ко мне с ним пристаёте? Не видел я лейтенанта... Довольно странно с вашей стороны требовать, чтобы я про него высказался... Наверное, тоже психический. Если сообщить в район... В военное время...

Г а л я. Всё?

С и д о р. Теперь всё.

Г а л я. Вопрос, по-моему, ясен... Предлагаю лейтенанту отказать.

Л и з а. Как не соответствующему своему назначению.

Г а л я. И поставить на вид его некорректное отношение к Розе и...

Р о з а. Нет, девочки, надо помягче... Все-таки он приехал... Ну, конечно, молодой, не понимает...

Л и з а. Тогда просто сказать — не годитесь...

Г а л я. И пускай к бесу уезжает.

С и д о р. А не уедет, так мы его...

Г а л я. В общем, я беру на себя — отказать... А что касается Мишкиного отца, то заявляю, девочки, — был у меня на примете один настоящий парень, но...

Л и з а. Ерошкин?

Г а л я. Хотя бы и Ерошкин. *(Вздыхнув.)* Но, к сожалению, не может или не хочет. А человек, понимаете... Ну да что говорить... Лиза, веди собрание... что-то я не в настроении...

Р о з а. Девочки, я должна сказать... Никанор Иванович согласился.

Л и з а. Да, но Габит тоже — в общем и в целом согласен...

Р о з а *(взглянув в окно)*. Девочки, лейтенант идет.

Л и з а. Боже мой... А я не одета...

Л и з а, поправляя причёску, и Г а л я, одергивая свое платье, убегают.

Р о з а, приняв строгий вид, остается у окна. С и д о р внушительно откашливается. За стеной слышен голос Г а л и: «Миша, лейтенант пришел». Слышен Мишкин ответ: «Не хочу лейтенанта, хочу Ерошкина». Входит Н о в и к о в. Он в полной форме, в шинели, сияющий и парадный. Увидев Р о з у, лейтенант отшатывается.

2

Н о в и к о в. Вы?.. Как?.. Так это вы Роза?!

Р о з а. Да. Нам нужно серьезно поговорить.

Новиков. И я мог вчера... Боже мой...
Роза. Садитесь, пожалуйста.
Новиков. Роза, поверьте, все эти факты...
Роза (*вежливо*). Нет, ничего... И не в этом дело... Но, когда речь идет а ребенку... о его судьбе... Да вы присядьте. Все-таки нужно выяснить... Ведь это не шутка — воспитание человека.
Сидор. Воспитание человека требует... Чтоб, понимаете...

Сняв фуражку, Новиков скромно присаживается на поломанное кресло, которое резко кренится. Стараясь удержать равновесие, Новиков хватается руками за стол. Часть предметов со стола и баночка с цветами падают. Из банки льется вода. Из коробки, положенной

Мишкой, вываливаются на пол десятка два бабочек.

Обомлевший Новиков и ошеломленная Роза вскакивают. Роза рукой сбрасывает со своего платья брызги воды.

Сидор. Ай, ей-богу...

Роза. Я... я...

Новиков. Это какой-то кошмар... Поверьте, никогда за всю жизнь...

Вбегает Галя.

3

Галя. Ну, что тут у вас? А-а... опять наше кресло... (*Увидев Новикова.*) Ну, Ерошкин... Позволь...

Сидор. Или, говорю, я психический или, кроме меня, все психические.

Новиков. Галя...

Галя. Да вы кто — Ерошкин или Новиков?

Новиков. Я должен перед вами извиниться, Галя... Невольно пришлось сказать... Ну, смутился... Были факты перед этим... вот с Розочкой... А вообще я Новиков.

Входит Лиза, за руку ведет Мишку.

4

Галя. Позволь, позволь... Что-то ты, друг милый, заморочил мне голову.

Сидор. Я говорил — сообщить в район и...

Новиков. А перед вами, Роза, я так виноват, что... Просто хочу попросить и...

Роза. Нет, ничего... Я только... Не уходите... Нужно поговорить...

Галя. Нет, погоди, погоди... Ерошкин... Новиков... Так, значит, это ты котел чинил?

Новиков. Ну, это пустяки...

Галля. И, значит, ты... Ну, тогда многое прощается... Снимай пальто...

Роза. Снимите ваше пальто... И садитесь вот сюда... Это хороший стул.

Новиков снимает шинель. Мы видим на его гимнастерке орден. Вид у Новикова лихой, подтянутый. Сидор, приподнимаясь, отдает честь лейтенанту.

Лиза (*шепчет*). Ну уж, это ты, Роза, по-моему, ошиблась. По-моему, абсолютно подходит.

Роза. Нет, я ничего не говорю... Но только он вчера... А сейчас...

Новиков. Миша.

Мишка бросает собирать своих бабочек. Подходит к лейтенанту.
На лице мальчика сияющая улыбка.

Мишка. Дядя Володя... А они говорили — ты Ерошкин...

Новиков. Ну, сыночек... Вот ты какой.

Роза (*незаметно вытирает глаза*). Не понимаю, как это я вчера...

Лиза. Абсолютно годится.

Галля. Ну, девочки... Я говорила вам — за свою кандидатуру я спокойна.

Входят Никанор Иванович и Габит.

Никанор Иванович (*Новикову*). Вот вы где... А мы вас ищем.

Габит. Хотели пригласить вас на торжественное собрание.

Роза (*тихо*). Никанор Иваныч, я ошиблась... Абсолютно годится.

Никанор Иванович. Да уж, если вы этого имели в виду, то могу подтвердить... Ну, я очень рад...

Лиза (*Габиту*). С одной стороны, я огорчилась, что не вы, а с другой стороны...

Габит. А то если нужно, я...

Лиза. Нет, теперь не нужно.

Галля. Друзья! Поздравим товарища Новикова...

В окне показывается голова Павлушки.

5

Павлушка. Мишка, ну что, приехал твой маленький папа?

Все смеются.

Мишка. Приехал!

Сидор (*Павлушке*). А ты куда, чертенок... Вот я тебе... Воспитываю, воспитываю... Наверное, тоже психический.

Галя. Ах да, Ерошкин-Новиков, хотела я тебя спросить. Вот мы Мишку утюжили, утюжили без толку. А ты приехал и за...

Входит Жукова.

6

Жукова. Простите, мне нужно...

Сидор. А вы куда? Вам чего нужно? Давеча собирали утиль. Обходили...

Галя. А это кто?

Сидор. Ах да, это из газеты... Извиняюсь... Мишку в колхоз записывать.

Галя (Жуковой). Пожалуйста, войдите... Почему в колхоз? Мишку?

Жукова. Видите... Я записываю ребят, потерявших родителей... А вот он сказал...

Галя. Опоздали...

Сидор. Да, но я сказал... То вчера было... Нет, эта тоже психическая...

Роза. Мишенька...

Лиза. У него есть родители.

Жукова. Ах, нашлись?

Галя. Нашлись... Познакомьтесь... Вот это его приемный отец. А это... раз, два, три...

Сидор (показывает на себя). Четыре.

Галя. Заменяли мать.

Жукова. Очень рада.

Габит. Товарищ, а вы от областной газеты?

Жукова. Да.

Габит. Вот написали бы заметку... Ведь за одну ночь всю руду...

Жукова. Ах, я слышала, уж разгрузили рудник?

Никанор Иванович. Разгрузили. Вот, товарищ Новиков, и вот наши славные...

Габит. Наши замечательные девушки...

Взглянув на Габита и увидев его взгляд, Жукова улыбается.

Жукова. Которая же из них? Все понятно... Ну, не буду вам мешать... До свиданья...

Галя. Привет! Так предлагаю поздравить нашего славного Ерошкина, то есть Новикова... его приемного сына...

Сидор (один). Ура-а!

Галя включает радио. Музыка.

Конец

**ОЧЕНЬ
ПРИЯТНО**

Комедия в 4-х действиях

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DEPARTMENT OF CHEMISTRY
5800 S. UNIVERSITY AVENUE
CHICAGO, ILLINOIS 60637

RECEIVED

APR 11 1964

BY THE LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DEPARTMENT OF CHEMISTRY
5800 S. UNIVERSITY AVENUE
CHICAGO, ILLINOIS 60637

Действующие лица:

М а й о р.

К а п и т а н.

Л е й т е н а н т.

Д о к т о р.

С т о р о ж.

Х у д о ж н и к.

С у м а с ш е д ш и й.

Д у с я.

М у с я.

Р е г и н а.

З в е р е в а.

У б о р щ и ц а.

П л е м я н н и ц а.

Д в е ш к о л ь н и ц ы.

Действие происходит осенью тысяча девятьсот сорок пятого года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Яркий солнечный день. Санаторий. Открытая веранда. Широкие ступеньки ведут в сад. На веранде плетеные кресла. Шезлонг. Кактусы в зеленых кадках. В кресле сидит мужчина лет сорока. Это майор ветеринарной службы **И в а н И в а н ы ч С и д о р е н к о**. Он с любопытством посматривает на молоденького лейтенанта, который, видимо, только что побрился и теперь не без удовольствия рассматривает себя в небольшое карманное зеркальце. Лейтенант **А н д р е й А н д р е е в и ч Т р ы к и н** и майор **С и д о р е н к о** в ярких цветных пижамах.

1

М а й о р. Хорош, хорош... А что, она сейчас придет?

Л е й т е н а н т. Сказала, что придет.

М а й о р. И значит... решили с ней пожениться?

Л е й т е н а н т (*смотрясь в зеркальце*). Угу...

М а й о р. Следует отметить — она интересная, культурная особа. Повезло тебе в этом смысле.

Л е й т е н а н т. Мне вообще очень везет, Иван Иванович... Глядите, всю войну на переднем крае пробыл и хоть бы что.

М а й о р. Где же, понимаешь, «хоть бы что». Пробит, как горшок — в шести местах.

Л е й т е н а н т. А вы спросите, как пробит. Косметически. Ничто существенное не задето... Честное... И раньше также везло, когда был в ремесленном училище... И теперь... Все время везет... Кругом, во всех делах...

М а й о р. Ну уж и кругом.

Л е й т е н а н т. Честное... Кругом... Вчера, например, шел и колечко вдруг нашел... Глядите... Зеленый камушек...

М а й о р (*рассматривая колечко*). Ну колечко-то, понимаешь, че-пуховое... [Кастрюльное золото...]

Л е й т е н а н т. Неважно, что кастрюльное... А для общей картины моего везенья и это колечко показательно.

М а й о р. Вообще-то мне тоже везет... Вот только в одной области у меня, [я бы сказал,] досадный прорыв. Не имею, понимаешь, успеха у женщин...

Л е й т е н а н т (*улыбаясь*). Ну, может быть, это вам только так кажется, товарищ Сидоренко.

М а й о р. Где же, понимаешь, кажется. Печальный факт... Дай-ка мне твое зеркальце... Погляжу, что из себя представляю... (*Смотрится*.) М-да... Вид, как говорится, неважнецкий... Или ничего, а?.. Не понимаю, что им надо...

На веранду входит медсестра Д у с я. Она скромна, молода и хороша собой.

2

Д у с я. Товарищ младший лейтенант, ванна будет через пять минут. Приготовьтесь... (*Майору*.) А вы как насчет ванны, товарищ майор?

М а й о р. А я, Дуся, уже прошел вашу... гидротерапию...

Д у с я. Отлично...

Поправив подушки на пустом шезлонге, Д у с я собирается уйти.

М а й о р С и д о р е н к о склоняется к лейтенанту.

М а й о р. Взгляни нарочно... Сейчас с ней заговорю... Увидишь, как она [меня] отбреет... (*Дусе*.) Заботливо подушечки поправяете, уважаемая. Уж не привлекает ли вас сей временно отсутствующий капитан? (*Жест на пустой шезлонг*.)

Д у с я. Как странно вы говорите, товарищ майор... Нормальноправляю подушки... [И никто меня здесь не привлекает.]

М а й о р (*шутливо грозит пальцем*). А-а, значит...

Д у с я (*сухо*). Извините, товарищ майор, мне некогда... (*Уходит.*)

3

М а й о р. Видал... Отбрила... нет, я тебе говорю — это у меня битое дело... [(С *огоржением смотрится в зеркальце.*)] М-да... Если б не это, я бы тоже был исключительно счастлив, вроде тебя.

Л е й т е н а н т. Нет, нельзя сказать, что у меня такое уж безоблачное счастье... Тоже имеются свои недочеты...

М а й о р. А что, что?

Л е й т е н а н т. Да вот женюсь на Регине... Конечно, очень радостное состояние... Но опять-таки у нее не все благополучно...

М а й о р. А что, что у нее?

Л е й т е н а н т. Так-то у нее все нормально... Но есть у нее один знакомый, за которого она хотела в прошлом году выйти замуж... И вдруг выяснилось, что он сумасшедший...

М а й о р. Ну? Ненормальный?

Л е й т е н а н т. Психический... И увидев это, она, конечно, замуж за него не пошла...

М а й о р. Ну и что, что?

Л е й т е н а н т. А он теперь ей говорит: «Я, говорит, Регина Георгиевна, настолько продолжаю вас обожать, что не допущу чтоб вы замуж вышли»...

М а й о р. Ну как же он смеет ей так говорить... Если тем более у него «не все дома»...

Л е й т е н а н т. Вот именно поэтому он так и говорит... Не допущу, говорит, и кончен бал. И прямо разгоняет всех ее женихов. Обещает их всех... подчистую... ликвидировать...

М а й о р. Ну, может, он грозит только.

Л е й т е н а н т. Да нет, одного он уж прямо стал душить... Такой у нее был художник... И главное, суд состоялся... Но того оправдали... Невменяемый. Не отвечает за свои поступки...

М а й о р. А что ж его в сумасшедший дом не отправят?

Л е й т е н а н т. Так он хроник. У него как когда. Иногда светлая полоса, и тогда он дома. И даже служит в качестве лектора... Там же у них в лечебнице... Потом опять впадает в прежнее состояние...

М а й о р. Что ж ты, брат, такую неудачливую невесту себе выбрал, на которой нельзя жениться.

Л е й т е н а н т. Нет, жениться-то, я так думаю, можно, но... Ну полюбил ее. И она меня полюбила...

М а й о р. Да, уж если, конечно, полюбила... Я бы тоже, понимаешь, за это полюбил... Слушай, а хочешь я с ним поговорю... с этим твоим психическим?

Л е й т е н а н т. Ну что вы, Иван Иванович... Не надо...

М а й о р. А то, если хочешь, я с ним поговорю... Тем более если у него светлая полоса, так он поймет, что он не дело делает — разбивает чужое счастье.

Л е й т е н а н т. Да нет... Только этим взбудоражите его... Да и потом он скажет: «А вам какое дело».

М а й о р. Как какое дело... Я, понимаешь, не прохожу безучастно мимо того, что вокруг меня совершается...

Л е й т е н а н т. Это вы правильно, товарищ Сидоренко.

М а й о р. Меня, понимаешь, все волнует... Я ко всему испытываю интерес... (*Смотрит на улицу.*) Гляди, баба идет... Несет корзинку... Вот за оградой... А мне, понимаешь, интересно, что она несет, зачем... (*Кричит.*) Что в корзинке, тетушка, а?.. Что?! Не слышу... (*Сконфуженно.*) Мусор несет... Еще бранится, черт такая... Ну в данном случае факт, конечно, мелкий, незначительный. Но я вообще говорю — я ко всему внимательно отношусь. Стараюсь всемерно помочь, если что-нибудь не так... Так что, если хочешь, я поговорю с этим психическим... Хотя, откровенно сказать, я их не то что боюсь, но... не понимаю их... избегаю...

Л е й т е н а н т. Да, я тоже не умею с ними общаться... Но только нет, не надо, Иван Иванович... Как-нибудь обойдется при моем везении.

Приходит Д у с я. Снова заботливо поправляет подушки. И кладет на шезлонг принесенное одеяло. Вслед за Д у с е й приходит медсестра
М у с я. Подбегает к подруге.

4

М у с я. Дуся, знаешь... (*Обхватив подругу за шею, что-то шепчет ей на ухо.*)

Д у с я. Что ты говоришь?!

М у с я. И понимаешь... (*Снова шепчет на ухо.*)

Д у с я. А зачем же ты отдала?

М у с я. Так ведь она... (*Продолжает шептать.*)

Д у с я. Хорошо, но она не имеет права запрещать тебе губы красить.

М а й о р. А что, что такое случилось?

Д у с я. Старшая медсестра Марья Марковна отняла у нее губной карандаш и пудреницу. Не позволяет ей красить губы.

М а й о р. Ну это слишком... Если хотите, я ей скажу.

Д у с я. А ты напрасно ей отдала.

М у с я. Да, но она... (*Шепчет на ухо.*)

Д у с я. Что значит вырвала. Не надо было отдавать.

М у с я. Так ведь она... (*Шепчет на ухо.*)

Д у с я. При чем тут ресторан. Ясно, не ресторан, а учреждение. Это не меняет дело.

Входит старшая медсестра Марья Марковна Зверева. Это сорокалетняя особа с постным лицом. Войдя на веранду, она строгим взором окидывает присутствующих.

5

З в е р е в а (*Мусе*). А вы зачем здесь?.. Впрочем, очень хорошо, что вы здесь. По крайней мере, в присутствии всех я скажу вам, что вы недопустимо себя ведете... Все эти ваши бантики, завитушки, подкрашенные реснички — все это не должно иметь место.

М у с я. Так ведь я...

Д у с я. Она для себя это делает, Марья Марковна.

З в е р е в а. Неправда, вздор... Она это делает для того, чтобы привлечь лишний взгляд.

М а й о р. Ну и пусть ее... Ведь при виде этого большие...

Л е й т е н а н т. Скорей поправятся... Честное...

З в е р е в а. Друзья мои, я поражена вашей философией...

М а й о р. Ведь это жизненное явление, если она немножко с кем-нибудь посмеется или там губки свои подкрасит.

З в е р е в а. Это служба, учреждение, а не жизненное явление, товарищ майор... И пока я заведу персоналом, я не допущу кокетливых взоров, улыбочек, шептанья и так далее... А вы, товарищ майор, вместо того чтоб поддержать меня... И попрошу вас не курить на веранде. Можете в саду или в курительной комнате.

М а й о р. Извиняюсь, забылся... Только я считаю, что маленький безобидный флирт... (*Махнув рукой, уходит с папиросой в сад.*)

З в е р е в а. Флиртовать можете дома...

З в е р е в а ставит принесенные цветы в стакан на столе рядом с шезлонгом.

6

Л е й т е н а н т (*засмеявшись*). А сами цветы капитану ставите... Всякий раз выказываете ему знаки внимания.

[Девушки смеются. З в е р е в а гневно смотрит на лейтенанта.]

З в е р е в а. Да-с, ставлю цветы капитану. Потому что уважаю этого человека как моральную величину. И мне даже безразлично, кто он — мужчина или женщина.

Лейтенант. Так он хворает... И он потому тихо ведет себя...
Зверева. Девушки, идите по своим делам. (*Лейтенанту.*) Неправда, не потому, что он хворает. А потому, что это настоящий человек, который не разбрасывает свое внимание по сторонам.

Девушки и Зверева уходят. На веранду возвращается майор.

7

Майор. Ну что она, что?

Лейтенант. Стареющая особа. Ей нехорошо, так она хочет, чтоб и всем было плохо.

Майор. Нет, я так не оставляю это... Отнять у девушки губную помаду... Может, это ее производственный инвентарь...

По ступенькам веранды поднимается капитан Николай Романыч Дулов. Он в темной пижаме. Идет медленно, не без затруднения. Его под руку поддерживает Дуся.

8

Дуся. Ванна готова, товарищ младший лейтенант.

Лейтенант. Есть, Дусенька... Иду... (*Майору.*) Будьте добры, Иван Иванович, если придет Регина, пусть она меня обождет.

Майор. Добре...

Лейтенант уходит. Капитан вяло и безучастно располагается в шезлонге.

Дуся (*капитану*). Товарищ капитан, вам больше ничего не нужно?

Капитан. Спасибо... Больше ничего...

Дуся. Отдыхайте. А там я зайду за вами на кварцевый свет. (*Уходит.*)

Майор (*капитану*). Нет, ванны вам не полезны, Николай Романыч. После каждой ванны плашмя лежите.

Капитан. Пока улучшения нет...

Майор. И не может быть улучшения. Потому что вам не ванны нужны, не мертвая, так сказать, вода вам нужна, а живая... По волнам жизни вам надо плыть... И с головой в это окунуться... И тогда будете совершенно здоровы... И хотя я майор ветеринарной службы, но вы положитесь на меня...

Капитан. Нет, врач говорит, это последствия контузии. И нужно...

Майор. Чепуха... Вы контужены в сорок втором году. Великолепно себя чувствовали после того... Нет, нет, они не так вас лечат... То

ванна, то укол, то кварцевое солнце... Кварцевое солнце! Оно полезно при язвах. А при открытой душевной ране...

Капитан. Вы извините... я в палату пойду... тут душно... Благодарю вас... я сам... Не беспокойтесь...

Капитан встает с шезлонга и, взяв книгу, собирается уйти.
Приходит уборщица.

9

Уборщица. Почту привезли, товарищи... Разбирают в канцелярии... Сейчас принесу — кому что...

Капитан (с живостью). Почту привезли... Тогда я, пожалуй... (Возвращается к шезлонгу, укладывается и, взяв книгу, гитает.)

Уборщица. А где наш лейтенант... Его срочно в канцелярию требуют... Бухгалтер говорит — он по займу выиграл тысячу рублей...

Майор. Что ты говоришь!.. Ну, везет ему... Это да... Хорошо, я скажу ему... Он в ванне сейчас...

Уборщица уходит. На дорожке сада появляется невеста лейтенанта Регина. Это весьма изящная, по-модному нарядная женщина лет двадцати пяти.

10

Регина. Здравствуйте, майор... А где мой Трыкин?

Майор. Ваш Трыкин приказал долго жить — принимает соленохвойную ванну... Сейчас явится... Присаживайтесь... Что это вы вдаль посматриваете. Ожидаете кого-нибудь?

Регина. Мне показалось, что за мной шел один... нежелательный человек...

Майор. Уж не тот ли самый, о котором мне ваш Андрей Андреич говорил? (Пальцем показывает на свой лоб.)

Регина. Ах, Трыкин говорил вам о нем... Ну да, именно он, Иннокентий... Вы извините, я пойду к воротам, посмотрю — он ли это... [Сейчас вернусь...]

Регина уходит. Майор с беспокойством смотрит вдаль. Появляется лейтенант. [Майор от неожиданности вздрагивает.]

11

Майор. Ах, это ты...

Лейтенант (оживленно). Иван Иванович... Вызывают в канцелярию... Прихожу... А они говорят... по займу выиграл...

Майор. [Да, да... Поля мне говорила...] Ну, брат, поздравляю...

Лейтенант. Нет, Иван Иванович, это что-то такое... Ну кругом... И по всем направлениям... И любит... и тысяча рублей, и выиграл... и колечко нашел... Нет, по-моему, ни у кого так не бывает... А что, Регина не приходила?

Майор. Она, понимаешь, к воротам пошла. Ей показалось, что тот за ней шел... этот... психический. Пошла удостовериться — он ли это...

Лейтенант. Ах, вот как... Так я пойду ее встречу...

[Майор. Да сиди ты тут... Чего тебе впутываться...

Лейтенант. Сейчас...] (*Уходит.*)

Появляется уборщица Поля с письмами в руках.

12

Уборщица. Письма принесла, товарищи... С большим удовлетворением отмечаю — четыре письма...

Майор (*разбирая письма*). Глядите — все нашему красавцу Трыкину... Ага, и мне одно... от племянницы...

Капитан делает движение, как бы желая посмотреть письма, но тотчас отворачивается и, махнув рукой, снова принимается за чтение. Однако сразу откладывает книгу в сторону и лежит неподвижно. Майор видит это внутреннее волнение капитана. [Сочувственно поглядывает на него.] Вздыхает. Присаживается рядом и не без нежности поглаживает капитана по плечу. Уборщица уходит.

Капитан. Все время я почему-то рассчитывал... вот кончится война, и я... найду ее... Но...

Майор. Нет, Николай Романыч, я все больше убеждаюсь, что вас неправильно лечат... Вам не ванны нужны... Ну ничего... Вот племянница пишет — приедет вскоре... Это, понимаете, мировая женщина... Не сомневаюсь, что подружитесь с ней... [Ведь у нее примерно такая же беда, как у вас — потеряла мужа, без вести пропал...]

На дорожке сада показываются Регина и лейтенант. Они идут, взявшись за руки. [С улыбкой поглядывают друг на друга. Затем,] остановившись и оглянувшись по сторонам, целуются. Позади них показывается сторож Федор Кузьмич. Увидев поцелуй, он всплескивает руками.

13

Сторож. Граждане... Ну нельзя же... Запрещено...

Лейтенант. Это тебе показалось, Федор Кузьмич...

Сторож. Где же показалось...

Лейтенант. Наверно, ты сегодня выпил лишних сто грамм... Вот тебе и мерещатся разные сценки...

Сторож. Где же выпил, товарищи... Еще только собираюсь к обеду... Нельзя же, граждане... Сами знаете...

Сторож уходит. [Регина и лейтенант, улыбаясь, присаживаются на скамейку.]

Майор (лейтенанту). Письма-то прими, Андрей Андреич... Действительно, понимаешь, и с этой стороны тебе везет — сразу три письма...

Лейтенант. Я же вам говорю, Иван Иванович... Кругом шестнадцать...

Взяв письма, лейтенант снова усаживается рядом с Региной.
Тихо и любовно беседует с ней.

Майор (капитану). Ну как, дорогой Николай Романыч... Не лучше вам?

Капитан. [Да что-то мне сегодня... не особенно...]

Майор. Ну что бы вам сделать... Как бы вам помочь...

Капитан. Иван Иванович... Да не надо ничего... Ну право, не думайте обо мне... (Пожимает руку майору.)

Приходит медсестра Дуся.

14

Дуся (капитану). Николай Романыч, пожалуйста... Врач ожидает...

Майор (Дусе). [Дуся... Проводите капитана... И загляните сюда...] Имею к вам некоторое дело...

Дуся. [Хорошо, сейчас приду...]

Капитан в сопровождении Дуси уходит. Появляется сторож.

15

Сторож (майору). Товарищ майор... Поля не проходила тут?

Майор. Проходила. Пошла туда. А что, что?

Сторож. Да ведь время к обеду подходит... А она котелок мой не взяла... (Уходит.)

Приходит Дуся. И почти одновременно с ней приходит уборщица, не встретившись со сторожем.

Уборщица принимается за уборку веранды. [Регина и лейтенант продолжают сидеть на скамейке в саду, против веранды.]

Д у с я (майору). Вы просили, чтоб я зашла...

М а й о р. Дуся... Хочу с вами побеседовать на одну, так сказать, волнующую тему... [Присаживайтесь.... Дуся, я глубоко уважаю вас как человека и поэтому обращаюсь к вам.] Речь идет о нашем дорогом капитане...

Д у с я (смущенно). Ах, если вы думаете, что я...

М а й о р. Дуся, я ничего не думаю. Это ваше личное дело... И если вы, допустим, симпатизируете ему — тем лучше...

Д у с я. А что я должна...

М а й о р. Погодите... Сначала надо уяснить его положение... Человек ну прямо гаснет на наших глазах. Еще бы... Родных у него нет... Жена без вести пропала. Ни ласки, ни привета он ни от кого не видит... И вот мне пришла одна идея... Нужно написать ему письмо... [Ну, милое, хорошее письмо...] Такое, чтоб он почувствовал, что и им кто-то интересуется...

Д у с я. И вы хотите... чтоб я написала ему... это письмо?.. Что вы, Иван Иванович...

М а й о р. А почему нет... Письмо-то ни к чему не обязывает. Подпись поставьте безразлично какую...

Д у с я. Нет, нет, я не могу на это пойти. Вдруг он узнает...

М а й о р. А он не узнает...

Д у с я. Нет, Иван Иванович, я не могу... Ведь Марья Марковна...

М а й о р. И она не узнает... А ведь такое письмо может сыграть благотворную роль в его состоянии... [Я сам по себе сужу... Если б я получил такое письмецо... Ого...]

М а й о р начинает говорить настолько громко, что все — Р е г и н а, л е й т е н а н т, у б о р щ и ц а — начинают прислушиваться.

Д у с я. Может быть, лучше ему посылку... Сегодня получена посылка на имя первого попавшегося... Я попрошу, чтоб ее дали капитану.

М а й о р. А посылка от кого?

Д у с я. От школьников... [И это, Иван Иванович, может тоже сыграть хорошую роль в его состоянии.]

М а й о р. Чудно, сделайте это... Но я не о том говорю... Тут, понимаешь, нужно женское внимание, женское сердце...

Д у с я. Нет, Иван Иванович... такое письмо я не буду писать...

[М а й о р. Дуся, Дуся, от вас ли я слышу такие слова...]

На веранду поднимаются Р е г и н а и л е й т е н а н т.

Л е й т е н а н т. Конечно, Дусенька, что вам стоит написать...

[Р е г и н а. Я бы написала, если б на месте капитана был, допустим, Иннокентий...]

М а й о р. Товарищи... Если б вы видели сегодня... Ведь это же было потрясающее зрелище... Поля приносит письма...

У б о р щ и ц а. Я четыре письма принесла, товарищи. И теперь считаю, что Дуся должна поддержать ценную инициативу товарища майора...

М а й о р. Так приносит она письма... А Николай Романыч... ну он весь потянулся к ним... как ребенок... как цветок к солнцу. И сразу завял — нет ему писем... И лежит, лежит... Ну прямо у меня сердце перевернулось в груди. И сразу тогда мелькнула мысль — надо сделать, чтоб и он получал письма...

Л е й т е н а н т. Правильно...

У б о р щ и ц а. И это будет способствовать неуклонному движению в улучшении его здоровья...

М а й о р. [Конечно... Это придаст ему интерес и, стало быть, благотворно отразится на его здоровье...] Ведь это поступок высокой гуманности. И я поражен, что Дуся этого не понимает... Ведь это, Дуся, не только радость ему, ведь и в наших сердцах...

У б о р щ и ц а. ...это вызовет горячие отклики... [Дуся, прежде чем отказать, надо осознать значение такого письма, которое открывает перед больным широкие перспективы...]

Д у с я. Нет, Иван Иванович, я все понимаю, но я... я не могу... Ну не могу... *(Закрыв лицо руками, убегает.)*

17

М а й о р. Вот ведь каменная какая бабенка. А мне казалось — сердечная девушка...

У б о р щ и ц а. В крайнем случае я бы могла написать, товарищи...

М а й о р. Ай, да погоди ты, Поля... Ну что ты в самом деле. Тут требуется настоящее интеллектуальное письмо...

У б о р щ и ц а. Конечно, [я не могу похвастаться.] Я не отличаюсь излишней грамотностью... Но зато я бы могла написать в стихах...

М а й о р. А ты что, стихи пишешь?

У б о р щ и ц а. Я только стихи пишу, товарищ майор. Другой формой я не владею.

Л е й т е н а н т. Иван Иванович... Ну пусть она прочтет что-нибудь такое... А мы посмотрим, взвесим...

М а й о р. Ай, да не до этого сейчас... Ну что она может...

Л е й т е н а н т. Прочти, прочти, Поля, что-нибудь такое, что ты сочинила...

У б о р щ и ц а. Пожалуйста... Я согласна прочитать... Я прочитаю вам, товарищи, то, что сочинила сегодня...

Лейтенант. Давай, давай...

Регина. Это интересно... Читайте, Поля...

Уборщица. Только эти стихи, товарищи, я просто так сочинила — не имея в виду кого-то. Но теперь я вижу, что они целиком и полностью могут обеспечить успешное решение нашей задачи... (Закрыв глаза.) Стихи:

Села за стол я дубовый
И в руку ручку взяла
И лист трепещущий бумаги,
Писать я начала...

Двенадцать раз луна сверкала,
Двенадцать месяцев в году,
Двенадцать мальчиков любила,
Полюбить тебя хочу...

Ох, сад-виноград,
Легкое свиданье...
Шлю воздушный поцелуй.
Пока до свиданья...

Майор. Нет, товарищи, нет... Это не годится...

Лейтенант. Отчего же, Иван Иванович... Мне понравились эти стихи. Как, как, Поля... «Ох, сад-виноград...» Я сейчас запишу...

Уборщица (закрыв глаза). Ох, сад-виноград, легкое свиданье, шлю воздушный поцелуй, пока до свиданья...

Майор. Может быть, это и хорошо, но для данного случая это не годится, мелко...

Регина. Поля, вы сами это сочинили?.. Вы вообще стихи пишете?

Уборщица. Конечно, товарищи, сама. Я вообще пишу. Систематически...

Лейтенант. «Двенадцать раз луна сверкала... Двенадцать месяцев в году... Ох, сад-виноград... Легкое свиданье»... Нет, по-моему, убедительно написано. Честное...

Майор. Товарищи, не будем превращать в шутку то, что настолько серьезно.

Уборщица. Почему же, по-вашему, это шутка, товарищ майор. Это очень серьезно написано... И подавляющему большинству нравятся мои стихи...

Майор. Ай, Поля, не до вас сейчас... Ведь тут нужно... Погодите... Я сейчас...

Майор уходит. Уходит и Поля, скорбно сжав губы.

18

Лейтенант (*радостно*). Регина...

Регина. Мой дорогой... (*Целует его.*) Нет, знаешь, майор прав. Эти стихи не годятся... Он капитан, у него высшее образование. А тут вдруг — сад-виноград...

Лейтенант. Ты напиши, что...

Регина. Знаешь, Трыкин... Мне нравится эта идея. Если она отказалась, то напишу я...

Лейтенант. Ты напиши, что...

Регина. Я сама знаю, что написать...

[Лейтенант. А почему бы мне тебе не посоветовать. (*Обижено.*) Ну как хочешь... Только странно, что...

Регина. Ничего странного нет. Только женщина может это написать...] И в конце письма я попрошу у него на память его фотокарточку... Это ни к чему не обязывает, адрес до востребования... А ему это будет приятно... Я помню, как ты был польщен, когда я попросила твою фотокарточку...

Лейтенант. Почему же польщен... Просто послал и...

Регина. Ах, только просто послал... Нет, Трыкин, ты меня не любишь... Не так любишь, как я бы хотела... Вот Иннокентий... когда я ему свою фотокарточку... Так он...

Лейтенант. Ты вечно попрекаешь меня этим твоим Иннокентием.

Регина. Я не попрекаю, но я говорю... Вот это идеальная любовь... [Вот как я бы хотела, чтоб ты меня любил...] Ведь он... А ты... В другой раз мне даже кажется... в сравнении с его чувством... Что я... что я... сама... (*со слезами*) навязываюсь тебе...

Лейтенант. Регина... Региночка... Ну как ты можешь так думать... Ну стоит ли нам ссориться из-за этого дурацкого письма...

Регина. [Ну скажи, что этого нет... что ты любишь меня...] Мой дорогой...

Лейтенант. Регина... (*Обняв, целует ее.*)

Появляется сторож Федор Кузьмич. Увидев поцелуй, он всплескивает руками.

19

Сторож. Граждане... Ведь просил же вас... Запрещено же категорически... Нельзя...

Лейтенант. Это опять тебе показалось, Федор Кузьмич...

Открыв дверь, сторож уходит в помещение. Однако сразу же возвращается и снова наталкивается на поцелуй.

Сторож. Нет, я Марье Марковне скажу...
Лейтенант. Ну признайся, Федор Кузьмич, сколько сегодня выпил?

Сторож. [Где же выпил...] Не пил еще... Только на рассвете — сто грамм, против ревматизма... Я теперь ищу Полю, чтоб она за обедом шла...

Сторож делает вид, что уходит. Закрывает дверь. Нарочно топчет ногами, будто удаляется. Потом стремительно распахивает дверь. Однако, не увидев ничего предосудительного, удаляется удовлетворенный.

Регина (лейтенанту). Мой дорогой, я, пожалуй, пойду... Мне бы хотелось поскорей написать это письмо капитану. Оно уже все у меня в голове...

На веранду приходит майор. В руках у него бумага и чернильница. Он ставит на стол то, что принес, и садится в кресло. Думает. Потирает лоб рукой [и при этом покачивается, как от зубной боли.]

20

Лейтенант. Пойдем в сад, Регина... Не будем ему мешать... Опять он, наверно, своей племяннице пишет... «Ох, сад-виноград, легкое свиданье... Пока до свиданья...»

Лейтенант и Регина уходят. Майор Сидоренко остался один. Ежесекундно макая перо в чернильницу, он пишет, произнося вслух написанное.

Майор. «Быть может, вы спросите, где я вас видел»... (Поправляет себя.) Виде-ла, а не видел... «На это я вам отвечу со всей откровенностью — в саду при вечернем освещении, когда косые лучи солнца»... Нет, погоди... косые лучи не надо... Экая ведь каменная бабенка... Отказалась такую мелочь написать... Ей бы, конечно, легко далось. А мне... Тем более от имени женщины... «В саду при вечернем освещении, когда косые лучи заходящего солнца... ваше славное лицо... И тогда я подумала — только бы мне видеть его всякий день...» Правильно, получается-таки... Погоди... «И это исполнилось к моей неувядаемой радости... Кто я? Это неважно кто. Но мысленно я всегда с вами, где бы вы ни были»... (Перебивает себя.) Нет, «где бы вы ни были», пожалуй, не надо. Мало ли где он может быть... «Своего имени я вам не открою ни под каким видом, но пусть вам будет приятно, что некая вполне интересная женщина поминутно вас вспоминает и увлекается вами, каковая»... Нет, «каковая» не надо... «Вами... Точка... Ваша Эн, Эн...»

Нет, кажется, ничего себе получилось. Скромно и вместе с тем немножко игриво... (Берет конверт.) Конверт-то подгулял, елки-палки...

Уж очень какой-то неженский... И желтый какой, черт бы его драл. (Пишет адрес.) Да и почерк у меня какой-то куриный... Погоди, вложу цветок... Это будет более по-женски... (Берет цветок со стола капитана.) Ага, тогда приписочку надо... (Пишет.) «Васильки мои любимые цветы. Шлю один из них, предварительно его поцеловав». (Целует цветок и сует его в конверт.)

М а й о р запечатывает конверт. На веранду поднимается
у б о р щ и ц а По л я.

21

У б о р щ и ц а. Извиняюсь... Федор Кузьмич не проходил?

М а й о р. Не знаю... Поля, минуточку... Опустите в почтовый ящик... Впрочем, не надо... Я сам... (Уходит.)

Увидев на столе бумагу и чернила, По л я присаживается к столу
и бормоча, пишет.

У б о р щ и ц а. «Лети, лети, мое письмо, пущенное двадцать второго августа... Дорогой капитан... Села за стол я дубовый... и в руку ручку взяла...»

Появляется с т о р о ж. По л я поспешно прячет листок в карман
передника.

22

С т о р о ж. Пелагея Максимовна... Уже обед выдают... Возьмете, что ли, мой котелок?

У б о р щ и ц а. Да ладно, ладно... Сказала, что возьму...

С т о р о ж. Пелагея Максимовна, уж я к вам со всем моим настроением...

У б о р щ и ц а. Как тень за мной ходите. Я поражаюсь на вас, Федор Кузьмич. В вашем преклонном возрасте мужчины не мечтают жениться.

С т о р о ж. Где же преклонный возраст, Пелагея Максимовна. Возраст в самый раз.

У б о р щ и ц а. Вы какого года рождения?

С т о р о ж. Скажу без утайки. Одна тысяча... восемьсот... значит... первый...

У б о р щ и ц а. Это что же... это выходит, что вам... Погодите... Одна тысяча восемьсот первый... Нет, это вам что-то много выходит, Федор Кузьмич... Больше как двести лет...

С т о р о ж. Откуда же вы считаете двести, двести лет никак не выходит, Пелагея Максимовна... Если, допустим, одна тысяча восемьсот девяносто первый...

Уборщица. Ах, тысяча восемьсот девяносто первый... Так и говорите... Ну тогда вам меньше... Тогда выходит, что вам... Нет, тоже много — пятьдесят четыре года...

Сторож. Наилучший возраст, Пелагея Максимовна... И потом я вам так скажу — и старей меня бывают...

Уборщица. Бывают и столетние пни, но это еще не значит, что я должна замуж за них идти... И потом, при моем развитии, мне нужен более культурный муж.

Сторож. Ну уж в отношении культуры, это вы не скажите, Пелагея Максимовна. Своей культурой перебиваю молодежь... Выразили желание иметь цветки — получили... И учтите, я им всю клумбу очищу, но недостатка в этой продукции вы у меня не будете иметь.

Уборщица. А вы, Федор Кузьмич, сильно влюблены в меня?

Сторож. К таким словам, Пелагея Максимовна, мы, конечно, не приучены. Но, конечно, испытываю жалость к вам. И буду ровно, заботливо к вам относиться... А потом, Пелагея Максимовна, какое удобство при наличии брака... Так вы с двумя судочками за обедом идете. А тут сразу две порции в один котелок.

Уборщица. Нет, я не этого от мужчины жду. Мужчина должен проявлять свою инициативу, изобретательство.

Сторож. Всецело согласен проявлять изобретательство. Но хотя бы намекните, в чем дело...

Уборщица. У нас в деревне один влез на часовню и на крыше вот такими крупными буквами написал мое имя...

Сторож. А то, конечно, можно взять стамеску и повсюду выбить ваше имя. А то смотря какая крыша. Слишком покатая, и можно вниз загреметь... Пелагея Максимовна, а если исполнится эта ваша мечта... тогда могу я рассчитывать?

Уборщица. Федор Кузьмич, ну где это видано, чтоб мужчина так сразу об этом говорил... Короче говоря, надежды я вас не лишаю, но посмотрим...

Через веранду проходят Дуся и Муся. Уборщица, сделав гримасу Дусе, уходит. Вслед за ней уходит и сторож.

23

Дуся. Нет, ты понимаешь... С одной стороны, я его люблю. А с другой стороны... поскольку он женат...

Муся. Так ведь жена его...

Дуся. Ну что ж, он продолжает ее любить, [хотя она и без вести пропала...] Нет, нет, я дала себе слово, что он никогда не узнает о моем чувстве... И поэтому я отказалась написать это письмо. А теперь жалею...

М у с я. Так возьми и напиши...

Д у с я. Да, я решила написать ему обо всем... О своем чувстве, о своих переживаниях, о том, как он мне дорог... Кто писал, он не будет знать, а я, по крайней мере, почувствую облегчение...

М у с я. Нет... Я бы на твоём месте...

Оглянувшись на дверь и засмеявшись, М у с я начинает что-то шептать своей подруге.

Д у с я. Ну и глупо... Вызвать на свидание и потом не пойти... Зачем, для чего?

М у с я. Так чтоб развеселить...

Д у с я. Какое же тут веселье. Он только огорчится, что над ним подшутили.

На веранду выходят м а й о р и к а п и т а н. Девушки стремительно исчезают.

24

М а й о р. «Двенадцать раз луна сверкала, двенадцать месяцев в году...» Вот черт, привязались ко мне эти стихи...

К а п и т а н. А что за стихи?

М а й о р. Да так... пустые стишки. Но все время, понимаете, в голове вертятся... Прямо не знаю, как от них отвязаться...

К а п и т а н. А как они дальше?.. Двенадцать месяцев в году...

М а й о р. «Ох, сад-виноград... Легкое свиданье...» Гм... Забыл, черт возьми, дальше. Надо будет у лейтенанта спросить, он записал... Да, так о чем же мы с вами говорили? Ах, да... Нет, дорогой Николай Романыч, я за вас не волнуюсь... Это у меня, так сказать, досадный прорыв в этой области. А вы еще...

К а п и т а н. Но я никого не ищу и не собираюсь искать...

М а й о р. Да-с, моральный ваш облик выше всяких похвал. Тут Марья Марковна глубоко права... Но только вам, Николай Романыч, и искать никого не надо. Они сами найдут вас... В общем, денька так через два вы окончательно поправитесь. Я совершенно в этом уверен... Вспомнил, Николай Романыч... «Ох, сад-виноград, легкое свиданье, шлю воздушный поцелуй, пока до свиданья»...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Декорации первого акта. Однако веранда значительно левей. Половина сцены занята садом. На садовой скамейке крупными буквами написано имя «Поля». У б о р щ и ц а П о л я с ведром в руках поднимается на веранду. На дорожке сада появляется с т о р о ж Ф е д о р К у з ь м и ч.

1

Сторож. Пелагея Максимовна...

Уборщица. Федор Кузьмич... Это нигде не видано, чтоб каждую минуту окликать даму... Прекратите так часто это делать...

Сторож. Всякий раз, Пелагея Максимовна, вы мне выдвигаете новые требования. Из чего заключаю, что вы кем-то другим заинтересованы, а не мною... [Но вот кем — это пока является загадкой для меня.]

Уборщица (*кокетливо*). А с чего вы взяли, что я другим заинтересована?

Сторож. [Бросается в глаза ваше неестественное отношение ко мне...] Но это, Пелагея Максимовна, не останавливает меня в моем первоначальном решении.

Уборщица. Ох, скажите, какой вы смелый, самоуверенный в себе мужчина... Значит, вы беретесь не считаться со своим соперником, имея такие свои пониженные данные?

Сторож. На это я вам так скажу, Пелагея Максимовна... Моя покойная супруга... когда я сватался... тоже подчеркивала свое недовольство мной... Более того, она всякий раз плакала при виде меня. А потом выяснилось, что ей другой нравится.

Уборщица. И тем не менее она за вас пошла. Как странно.

Сторож. Пошла за меня... И теперь я полагаю, что и вы...

Уборщица. А как же вы изолировали ее от своего соперника... Что-нибудь сказали ему при встрече? Или драка?

Сторож. Нет, драки у нас не было. Но при встрече, конечно, поговорили между собой.

Уборщица. А что вы ему такое сказали, от чего он сразу в кусты?.. [Нет, это вы что-то брешете... Что вы ему могли сказать.]

Сторож. Ну сказал, что...

Уборщица. Марья Марковна идет... После доскажете свою мысль...

На садовой дорожке показывается Зверева. Она нервно потирает руки. Уборщица поспешно уходит. Сторож пытается тоже уйти, но Зверева его останавливает.

2

Зверева. Федор Кузьмич... Ну что это у нас делается?

Сторож. А что, Марья Марковна?

Зверева. Ну как же, помируйте... Цветы срывают... На скамейках эти дурацкие надписи... Ну кто все это делает? Не заметили? Не майор, по-вашему?

С т о р о ж. Не заметил, Марья Марковна... Не майор, по-моему...
З в е р е в а. Это ужасно... Всюду — «Поля, Поля»... Ведь это же сесть
на скамью нельзя.

С т о р о ж. Отчего же сесть-то нельзя? Разве подкидывает?

З в е р е в а. Не подкидывает, но... А морально, так и подкидывает...
Нет, я давно подозревала, что наша Поля... Недаром она из второй па-
латы почти не выходит... Все с майором...

С т о р о ж. Ах, она со второй палаты не выходит? Все с майором?

З в е р е в а. Федор Кузьмич... Надо наконец выяснить, кто винов-
ник всех этих дел...

С т о р о ж. Ну это я выясню насчет Поли.

З в е р е в а. Не только насчет Поли. Надо выяснить, кто всем этим
занимается — режет скамьи, срывает цветы, создает всю эту невыноси-
мую атмосферу...

С т о р о ж. Ну это вряд ли можно выяснить. Ведь он, допустим, со-
рвал цветок... и сразу удалился...

З в е р е в а. А вы подкараульте. И чуть что, тащите его в канцеля-
рию... А уж оттуда мы его прямо в милицию. Невзирая на лица.

С т о р о ж. Зачем же в милицию-то, Марья Марковна. В милицию-
то я говорю, для чего... Нет, в милицию я не согласен...

На садовой дорожке медсестры — Д у с я и М у с я. М у с я, обхватив
Д у с ю за шею, что-то шепчет ей, смеясь. Увидев З в е р е в у, девушки
смущаются и разнимают руки. С т о р о ж уходит.

3

З в е р е в а. Девушки, подойдите сюда... Прошу вас, девушки, со
всей откровенностью сказать мне... Кто виновник всей этой любовной
атмосферы, которая царит в нашем учреждении. Не майор?

М у с я. Так мы...

Д у с я. Мы не знаем, Марья Марковна...

З в е р е в а. Нет, с тех пор как у нас этот майор... (*Срывает цветок,
приколотый к платье Муси.*) Не надо... не надо этого, девушки... Я же
просила вас...

М у с я. Уж цветок-то...

З в е р е в а. Да, и цветок... Совершенно лишнее... Только привлекает
внимание. А сейчас в особенности мы должны... чтоб пресечь эту атмо-
сферу... в самом начале...

На веранде появляется м а й о р. Он видит, что З в е р е в а сорвала цветок
у М у с и.

4

М а й о р. Ну погодите... сейчас я ее... эту кикимору. (*Зверевой.*) Уважаемая... Ну что вы делаете... То, понимаете, губной карандаш у нее берете, пудреницу... То цветок срываете с ее груди... Ведь это, понимаете, перегиб.

З в е р е в а. Ах, это, по-вашему, перегиб! А вся эта атмосфера, которая царит у нас, это не перегиб?!

М а й о р. Да что вы на меня-то смотрите... как удав...

З в е р е в а. Да, смотрю на вас... (*Медсестрам.*) Девушки, идите по своим делам...

Медсестры, улыбаясь, уходят.

Смотрю на вас, потому что с тех пор, как вы у нас, эта атмосфера совершенно сгустилась.

М а й о р. Но я-то при чем... в этой атмосфере.

З в е р е в а. Конечно, я пока не имею точных данных, кто виновник всех этих дел... Но судя по вашей философии... Стыдно, товарищ Сидоренко. Вы не первой молодости человек. И легкомысленная программа отнюдь вам не к лицу... Я доложу главному врачу... Имейте это в виду...

З в е р е в а уходит. М а й о р нервно шагает по веранде.

5

М а й о р (*сам себе*). Ну вот, расстроила меня... То есть один ее вид приводит меня в содрогание... Бывают же такие неподобные люди...

Появляется у б о р щ и ц а П о л я. Усаживается в кресло.

У б о р щ и ц а. Товарищ майор, разрешите доложить... Какие-то другие письма он получил, а моего нет...

М а й о р. Ай, Поля, не до тебя сейчас... Ах, ты все-таки послала ему свои стихи? Ведь, кажется, просил тебя не делать этого... А от кого же он другие-то письма получил?

У б о р щ и ц а. Не знаю, Иван Иванович. За три дня я ему подала четыре письма...

М а й о р. Четыре письма? Ну это, знаешь, удивленье берет... Поля, а ты не обратила внимания — среди них было такое, понимаешь, желтое письмо?

У б о р щ и ц а. Было. Два синих, белое и одно канареечного цвета...

М а й о р. А ты не заметила, как он читал? Это письмо канареечного цвета?

У б о р щ и ц а. Обыкновенно прочитал и бросил его на стол.

М а й о р. Ну уж и бросил. Наверно, положил?

Уборщица. Нет, бросил, бросил... И вскоре после того заснул.
Майор. Ах, все-таки заснул... Вот это, понимаешь, хороший признак, что он заснул. Почувствовал, значит, успокоение... и заснул... И как он спит? С улыбкой?

Уборщица. Обыкновенно спит. Без улыбки... Немного храпит.

Майор. Ну, значит, встанет и тогда... Ты, Поля, нарочно последи за ним. Увидишь, какая с ним будет перемена... А твоего письма, говоришь, нет?

Уборщица. А моего нет как нет...

Майор. И значит, четыре письма, без твоего. Гм... Ну, знаешь, это удивленье берет. Кто же это мог написать?.. А впрочем, кашу маслом не испортишь...

Уборщица. Да он спит. Не ходите туда, не тревожьте...

Майор. Погляжу, как он спит... Гм... Может, Регина еще написала?.. Ну тогда это — милый человек, славная женщина. И она, значит, протянула свою руку помощи...

Майор и уборщица уходят в помещение. На дорожке сада появляется Регина. Рядом с ней ее знакомый — художник Игорь Шагалов. Он одет с претензией на поэзию. На нем широкая блуза и вместо галстука — шелковый бант. Волосы его подстрижены «а-ля мужик». Регина и художник останавливаются на ступеньках веранды. К ним подходит запыхавшийся сторож.

6

Художник. Регина Георгиевна, я очень признателен, что вы...

Сторож. Товарищ... без пропуска нельзя...

Художник (*надменно*). Ведь сказано вам — провожаю даму. Сейчас уйду... Понятно?

Сторож. Безразлично — встречаете или провожаете. Но нельзя. Воспрещается. Кажется, культурно просят.

Художник (*сторожу*). Слушайте... отвяжитесь вы от меня... И не вздумайте еще... своими ручищами... А то... Пигмей...

Регина (*укоризненно*). Шагалов...

Сторож. Что, что... (*Регине*.) Дорогая, будьте свидетельницей... Как, как он меня?

Художник. Пигмей... (*Регине*.) Вы знаете, эти маленькие администраторы... это самая такая вредная категория...

Сторож. Что, что... (*Регине*.) Дорогая... Нет, тогда я Марье Марковне скажу... (*Уходит*.)

Художник (*томно*.) Регина Георгиевна... Я очень признателен, что вы позволили мне проводить вас... И поверьте мне — ничто не изменилось в моем чувстве к вам...

Регина. Шагалов... Ну к чему об этом говорить...

Художник. Я понимаю... Мосты сожжены... Вы невеста другого... И какая горькая ирония судьбы... Я провожаю вас... к нему... Регина! Быть может, еще не поздно и мы... Ведь счастье было так возможно...

Регина. Шагалов. Я просто удивлена... Вы лучше скажите: какую расписку или подписку вы дали Иннокентию? Подписку, что вы не будете со мной встречаться, да?

Художник *(смутившись)*. Кто вам сказал?

Регина. Это неважно, кто... И вы подписали. Шагалов?.. И у вас еще хватает смелости снова говорить мне о своих возвышенных чувствах.

Художник. Ну так он... Ну — сумасшедший человек... Опять пристал... И я... ну чтоб успокоить его... [Во избежание скандала...] Ну подписал ему какой-то клочок бумаги...

Регина. Испугались, что он опять вас будет... Да он и тогда вас не душил. Вздор!

Художник. Ну как же не душил, Регина Георгиевна... Была ведь медицинская экспертиза... [*Потирая шею.*] Ну как же не душил... Но поверьте мне, Регина Георгиевна... Мое чувство к вам перешагнуло все это.]

Регина. Шагалов, привет.

Художник. Регина... Ну не отнимайте от меня надежду... Хотя бы еще раз встретить вас, поговорить...

Регина. Зачем... Я сейчас видела, как вы на улице дернулись и почти побежали, когда вам показалось, что это он — Иннокентий...

Художник. Регина, мне не показалось. Это он шел за нами. Я не мог ошибиться... Это его узкое лицо, черные усы...

Регина. Мне тоже показалось, что это он... Неужели он тогда проследил за мной... [Ну прощайте, Шагалов. Быть может, случайно и встретимся.]

Художник медленно идет к выходу. На веранду выходит майор Сидоренко.

7

Майор. Приветствую вас, уважаемая... С особым удовольствием пожимаю вашу руку. Вы — милый, славный человек...

Регина. А что? Почему?.. Где же Трыкин?

Майор. А он у хирурга. На приеме. Сейчас явится перед ваши светлые очи... Что опять туда поглядываете? Снова его встретили?

Регина. Понимаете, он все-таки выследил меня...

Майор. И что же вы сюда... его ждете?

Регина. Кто его знает... Да нет, по-моему, он не видел, что мы в ворота зашли. Мы так побежали, что... И вот теперь у меня что-то с каблуком. Ну да, качается. Ай, какая жалость...

Майор. Разрешите поправлю. Гвоздик, вероятно, отскочил.

Регина. Мерси. Вы очень любезны. Будьте добры, посмотрите.

Майор (*взяв туфлю*). Сейчас... Пустое дело... А почему вы не запретите ему вас преследовать? Заявите в милицию, и он прекратит свои посягательства.

Регина. Нет, этого я не могу... Вы не представляете, как он меня любит. И какой это будет удар для него.

Майор (*приколагивая каблук*). Какой же, понимаете, удар, если у него, так сказать, «сквозняк на чердаке».

Регина. Да, но он так необыкновенно меня любит... Я не могу заплатить ему за это такой черной неблагодарностью.

Майор. Да, но подвергать любимого человека, другими словами, вашего Трыкина, это тоже в свою очередь безбожно.

Регина (*смеется*). Ах, это... Ну, мужчины только сильнее любят, если встречают препятствия. А потом Иннокентий не запрещает мне выходить замуж. Он только хочет, чтоб это был прекрасный человек...

Регина смолкает. По садовой дорожке бежит художник Шагалов. Он взволнован. Размахивает руками. Волосы у него взлохмачены и шелковый бант сбит набок. Непорядок в костюме и стремительные движения художника придают его фигуре безумный вид. За художником бежит сторож Федор Кузьмич, который, видимо, и произвел некоторый беспорядок в его костюме.

Сцена эта ошеломляет майора, который держит в своих руках туфлю Регины. Эту туфлю майор пробует сунуть в свой карман. [Потом осторожно, как бомбу, ставит на стул. Засим со стула сбрасывает на пол и ногой подкидывает под кресло.]

На садовой дорожке появляется Зверева, [которую художник едва не сбивает с ног.]

8

Зверева. Боже мой... Боже мой...

Сторож. Держите его... Товарищ майор...

Зверева. Ну что это у нас делается... Нет, я немедленно доложу главному врачу... Или я, или майор... (*Поспешно уходит.*)

Художник. Регина... Только два слова... Ну скажите ему, чтоб он... (*Сторожу.*) Да отстань ты от меня, крапивное семя...

Регина (*сторожу*). Отставьте его... Человек хочет сказать мне несколько слов...

Майор. Федор Кузьмич... Прекратите...

С т о р о ж. Без пропуска... И толкнул меня у ворот... И брань позволял... При исполнении служебных обязанностей...

Р е г и н а (*художнику*). Ну что случилось?.. Шагалов, поправьтесь же! Посмотрите, в каком вы виде...

Х у д о ж н и к. Да этот меня... Пигмей... Регина Георгиевна... (*Тихо.*) Иннокентий стоит на улице против ворот. В упор смотрит на калитку... Хорошо, я вовремя его заметил, не вышел на улицу...

Х у д о ж н и к и Р е г и н а отходят в глубь веранды и тихо между собой беседуют. [За ними наблюдают м а й о р и с т о р о ж.]

М а й о р (*сторожу, тихо*). Ну как же ты его пропустил. Ведь это психический, она говорит...

С т о р о ж. Ах, психический... То-то он меня... И как это я сразу в соображение не взял. Ведь я же, товарищ майор, шесть лет в психиатрической служил. Я же их, чертей, вот как знаю... Гляди, гляди, товарищ майор... Заламывается... Ножку-то как свою поставил... Волосики поправляет...

М а й о р. Она свободно с ним говорит...

С т о р о ж. Я тоже с ними очень свободно... Гляди, гляди, шепчется... Опять заламывается... Ну прямо, как нормальный...

М а й о р. Не кинется он на нее?

С т о р о ж. Сейчас я на всякий случай веревку припасу. Я же их, чертей, вот как знаю... (*Уходит.*)

Р е г и н а (*майору*). Вы не знаете, здесь один выход из сада?

М а й о р. Не знаю... А что?

Р е г и н а. Да нет, нам нужно пройти... Ах, вот Поля идет. Я ее спрошу... Где моя туфля?

М а й о р. Только сами, сами ее возьмите... Я тут ни при чем...

Х у д о ж н и к (*подавая туфлю*). Пожалуйста, Регина Георгиевна...

Р е г и н а (*художнику*). Шагалов, подержите мой зонтик.

Х у д о ж н и к берет у Р е г и н ы ее зеленый зонтик. Надев туфлю,

Р е г и н а стремительно спускается в сад и бежит за П о л е й, которая уже скрылась за верандой.

9

М а й о р. Ну куда же все ушли...

Х у д о ж н и к. Так, так... Значит, вы ее избранник?

М а й о р. Я?! Нет, нет, это не я... Понимаете? Не я... Вы понимаете меня? В соображение берете то, что я вам говорю?.. Это не я... Не тот... Понятно?

Х у д о ж н и к. Ну?

М а й о р. А что касается ее туфли... Соображаете? Ту-ф-ли... То я просто каблук приколачивал... Каблук... При-ко-лачивал... Понятно? Берете в соображение?.. И я не тот... (*Жестами показывает, что он не тот.*)

Х у д о ж н и к. А что у вас тут... отделение хроников?

М а й о р. Нет, нет... Тут не хроники... Соображаете? Не хро-ни-ки. Тут ваших нет... Все наши... Понятно?

Пожав плечами, х у д о ж н и к отходит от м а й о р а в сторону.

Появляется с т о р о ж с веревкой в руках.

10

Х у д о ж н и к (*сторожу*). Пигмей...

С т о р о ж. Ладно, ладно... не лайся... (*Майору.*) Сейчас мы... в случае чего... Они у меня шесть лет пикнуть не могли...

Поспешно возвращается Р е г и н а.

Р е г и н а (*майору*). Оказывается, можно через кухню...

М а й о р (*Регине*). Уважаемая, не становитесь так близко ко мне. Он и без того вывел заключение, что это я...

Р е г и н а. Кто вывел? Кого? (*Беспокойно оглядываясь.*) Шагалов, идемте же скорей... [Вам тут совершенно ни к чему с ним... Я вас проведу через кухню...] (*Майору.*) Пожалуйста, скажите Трыкину, что я скоро вернусь...

Р е г и н а и х у д о ж н и к (с зеленым зонтиком в руках) поспешно уходят.

М а й о р. Федор Кузьмич... Нет, уж ты в другой раз не пропускаяй его...

С т о р о ж. Да уж в другой раз я его... Он у меня... Пушай тут веревка под креслом побудет...

С т о р о ж уходит. Появляется л е й т е н а н т.

11

Л е й т е н а н т. «Двенадцать раз луна сверкала... Двенадцать месяцев в году...»

М а й о р. Ай, да погоди ты, [Андрей Андреич.] со своей поэзией...

Л е й т е н а н т. Иван Иванович... Это что-то особенное... Прихожу к хирургу. Он говорит: «Осколок, говорит, у вас сам по себе вышел»... Других кромсают, режут... а они у меня сами наружу выходят... Нет, я [прямо] наблюдаю за своей жизнью и вижу, что это что-то такое удивительное... «Двенадцать раз луна...»

М а й о р. Да погоди ты, говорю, со своей поэзией... Приходил этот твой-то, психический... Еле увела его Регина. И то через кухню...

Л е й т е н а н т. Ах, вот как... А какой он, какой? Я же его ни разу не видел...

М а й о р. Ну, брат, это, понимаешь... Галстук набоку... Бегает... И очень трудно в соображение берет...

Л е й т е н а н т. Нет, вы теперь понимаете, Иван Иванович... Приходит он, а меня нет. Я у хирурга...

М а й о р. Да, но он на меня подумал...

Л е й т е н а н т. Ах, он на вас подумал? (*Смеется.*) Нет, вы понимаете, как все от меня отскакивает. Казалось бы, я всему причина, а он на вас подумал.

М а й о р. Главное, как назло, я взял ее туфлю... Держу, понимаешь, эту туфлю в руке, приколачиваю каблук... И вдруг он... И сразу взглянул на эту туфлю.

Л е й т е н а н т. Так вы бы ему сказали...

М а й о р. Да я говорил... Да он плохо соображает... Черт меня дернул взять эту туфлю... Вы уж скажите ему, дескать, ну просто человек приколачивал каблук...

Л е й т е н а н т. Скажем, скажем, Иван Иванович... Не сомневайтесь... Да и вы в свою очередь, если встретитесь с ним...

М а й о р. Да зачем я буду с ним встречаться... Не имею ни малейшего желания...

Л е й т е н а н т. Иван Иванович... [Кажется, у вас мое зеркальце... Отдам, отдам... Только пойду побреюсь, пока Регина не пришла...] Вот смотрите... Другие жалуются, что они лысеют или плохо волосы у них растут... А у меня и тут... Черт знает как богато они у меня растут. Вчера побрился... И вот опять...

Л е й т е н а н т уходит. На веранде появляется
уборщица Поля.

12

У б о р щ и ц а (*майору*). Проснулся... [Подумала — может, он сам получил мое письмо в канцелярии... Каждую минуту заскакиваю в палату... Глядела в его столике... Нет...] Может быть, он под подушкой его держит...

М а й о р (*язвительно*). Ну ясно, под подушкой. Чтоб, понимаешь, под рукой иметь твою поэзию... Всякую минуту читать ее...

У б о р щ и ц а. А что вы думаете. Может, так и есть...

У б о р щ и ц а уходит в помещение. На веранду выходит Д у с я.
Рядом с ней к а п и т а н. В руках у к а п и т а н а письма [и посылка.]

Н. П. Акимов. Портрет М. М. Зощенко (1949).
Архив Санкт-Петербургского Театра Комедии им. Н. П. Акимова

ВЕЧЕР
— СЕГОДНЯ —
А. РЕМИЗОВ
Н. НИКИТИН
ЗОЩЕНКО
П. ЛУНЦ

Ю. А.
1921

Ю. П. Анненков. Портрет Зощенко (1921)

© Коллекция Ренэ Герра

МИХ. ЗОЩЕНКО
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ПЕРВЫЙ

· П Р И Б О Я ·

МИХ. ЗОЩЕНКО
РАССКАЗЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

*Пушкинскому дому —
Мих. Зощенко
8/II 30*

1 9 3 0

Автограф М. М. Зощенко на первом томе собрания его сочинений:
«Пушкинскому Дому — Мих. Зощенко. 8/II 30»

ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОС. ЦИРКАМИ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕАТР САТИРЫ

Проспект 25-го Октября, 56

Телефон 4-50-70

ПРЕМЬЕРА

Суббота 17 мая

ПРЕМЬЕРА

Комедия в 3-х действиях

Мих. ЗОЩЕНКО

УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ

с участием

Л. О. УТЕСОВА

Постановка: Э. П. ГАРИН и Х. А. ЛОКШИНА

в спектакле ансамбль

старинной цыганской песни:

ЕЛЕНА и НИНА ШИШКИНЫ

Имитатор Ю. ХРЖАНОВСКИЙ.

Музыка:

З. А. Майман

Конструкция:

А. Ф. Босулаев

Музыкальные антракты ТЕА-ДЖАЗ'а Л. О. Утесова.

Действующие лица:

Директор театра	Р. М. Рубинштейн
Барбарисов	Л. О. УТЕСОВ
Анисья Николаевна	Е. А. Маслова
	А. Н. Феликсовская
Блюдечкина	Н. И. Фугоская
	З. В. Шалова
Растопыркин	С. Я. Наикин
	Р. М. Рубинштейн
Его жена	Е. И. Овсюнова
Попова	О. П. Зверева

Патрикеев	Н. С. Лылов
Тов. Настин	А. П. Анатольский
Фотограф	А. Д. Бельминов
Неизвестная барышня	Е. А. Волкова
Дамочка	З. И. Тарусская
	Е. Я. Тунгускова
Миллионер	А. Д. Бельминов
Официант	Н. В. Владимиров
Мадам Ершова	А. Б. Маленкова

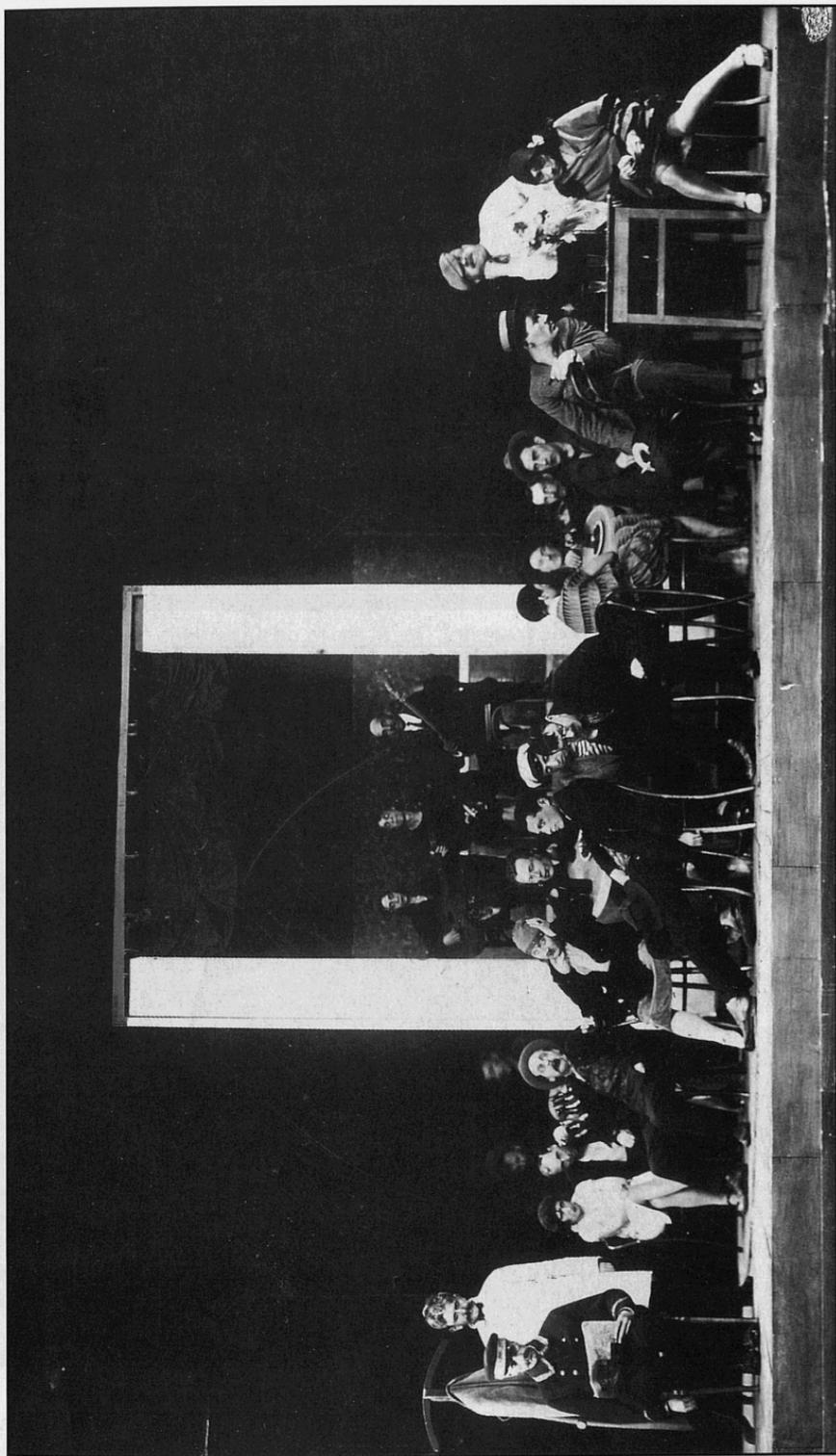
Жильцы, посетители пивной, публика.

Спектакль ведет **М. Ф. Назаров.**

Начало спектаклей в 7 ч. 30 м. и 10 ч. веч., в празднич. дни—5.30, 7.30 и 10 ч.

Предварительная продажа билетов специально с 12 до 7 час. веч. Льготные билеты распространяются п/о распределения Гостеатров тел. 53 51 и Раб. кассой Госцирм, тел. 162-64.

Афиша спектакля «Уважаемый товарищ» по пьесе М. М. Зощенко, опубликованная в журнале «Рабочий и театр» (1930. № 27).
Архив Санкт-Петербургского Театра Комедии им. Н. П. Акимова

Сцена из спектакля «Уважаемый товарищ» по пьесе М. М. Зощенко

М. Зощенко

Парусиновый портфель

ПАРУСИНОВЫЙ ПОРТФЕЛЬ

Комедия в 4-х действиях и 5 картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИХ ИПОПОЛИТИКИ:

Барасов	В. И. Чистяков (з. а. РСФСР) И. П. Вомбичинский (з. а. КФ. ССР)
Зоя, его жена	А. Ф. Дьячкова
Вора, их сын	Виталий Корсаев
Ядов, сосед	Г. Л. Мечков
Валюшка, мать Зои	О. В. Ринакова
Тетя, сослуживец Барасова	П. И. Кураев
Софочка, сотрудница	В. А. Глухова
Настя Тройкина, машинистка	Т. И. Каплина
Сломяк, сотрудник	А. А. Костричкин (з. а. РСФСР) В. Л. Деряков
Духовлянский, делопроизводитель	Е. П. Смирнов
Крутецкий, муж Софочки	А. И. Ивановский С. А. Воарский
Абрамочкин, жених Насте	В. В. Усков
Контролер электроток	А. Ф. Мавлов Н. К. Поляк
Домработница	А. В. Яковлевская В. В. Алексеева
Доктор	К. Г. Иванков
Посетитель	В. В. Вайковский
Жалец	М. Л. Гуревич
Нач. отдела	М. И. Наиков П. П. Гусляков А. П. Щелкунова В. С. Алексеева
Стенографистка	В. А. Мустельник
Постановка режиссера Лебедева В. Н. (з. а. РСФСР)	
Художник Константиновский А. И.	
Режиссер-ассистент Чиж Л. В.	
Светотехник ведет Поздьяк В. И.	
Декорации выполнены мастерами театра под рук. зав. инст. частью Брюсевич В. Г. художниками Кустодовыми К. В. и Шахтаряными А. К.	
Костюмы выполнены мастерами Театлокомбината под рук. Королевой М. К. и Шибарев М. Ф.	
Скульптор-буффюр Медников Д. И.	
Буффюрки и реквизит Ремизова Н. И.	
Грим и парики Сивкина И. В.	
Свет и звукомонтаж Инттер И. А.	
Машинист сцены Грозов И. И.	

Программка спектакля «Парусиновый портфель» по пьесе М. М. Зощенко
(Ленинградский Государственный Драматический театр. Премьера 11 июня 1945 г.
Режиссер В. Н. Лебедев. Художник А. И. Константиновский)

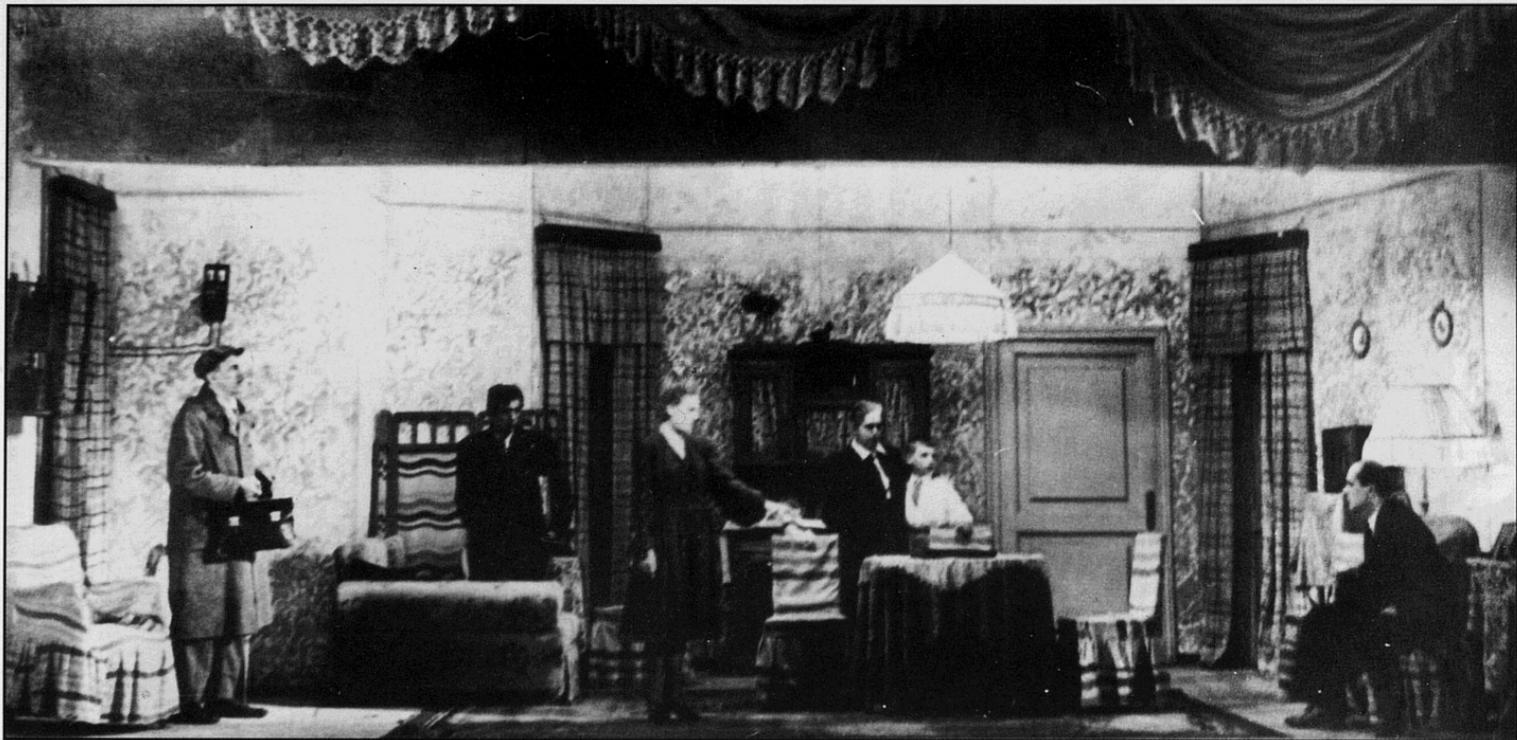
Сцена из спектакля по пьесе М. М. Зощенко «Парусиновый портфель»
(Ленинградский Блокадный театр. 11 июня 1945 г. Постановка В. П. Кожича)

Боря — *Вит. Королев*; Контролер Электротока — *А. Ф. Мазаев*;
Зоя — *А. Ф. Яковлева*; Бабушка — *О. В. Рязанова*

Сцена из спектакля по пьесе М. М. Зощенко «Парусиновый портфель»
(Ленинградский Блокадный театр. 11 июня 1945 г. Постановка В. П. Кожича)

Бабушка — *О. В. Рязанова*; Ядов — *Г. Л. Легков*; Зоя — *А. Ф. Яковлева*

Сцена из спектакля по пьесе М. М. Зощенко «Парусиновый портфель»
(Ленинградский Блокадный театр. 11 июня 1945 г. Постановка В. П. Кожича)
Действие 4-е, картина 5-я

Цена 50 коп.

М. Зощенко

Очень приятно

1946 г.

14-У-46 г. 34 ф-м Детлага. Зак. 1425. Тираж 1000.

ОЧЕНЬ ПРИЯТНО

Комедия в 4-х действиях

Постановка В. П. Кожича (з. а. РСФСР)

Художник А. И. Константиновский

Композитор Г. В. Свиридов

Режиссер Л. В. Чиж

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИХ ИСПОЛНИТЕЛИ:

Майор	В. В. Усков
Капитан	И. П. Бомбичинский (Л. В. Козлов)
Лейтенант	Б. С. Кокошкин
Доктор	Е. П. Смирнов
Сторож	Н. И. Виноградов
Художник	В. А. Дранков
Сумасшедший	Г. П. Новицкий
Дуся	А. В. Яйцовская
Муся	Г. Г. Горятчева
Регина	Н. А. Замяткина
Зверева	Е. И. Александрова
Уборщица	Н. А. Титова
Памянница	Е. А. Глухова
1-я девочка	Валя Арсеньева
2-я девочка	Ира Маслова

Сценарий ведет Троишкин К. И.

Зав. муз. частью Френкель Д. Г.

Декорации выполнены мастерскими театра под руководством
зав. пост. частью В. Г. Бреславец

Костюмы вышлены мастерскими Телпосткомбината
под наблюдением Коряковой М. К. и Шоберг М. Э.

Художник-исполнитель Шахтарин А. К.

Художник-бутафор Модяков Д. И.

Свет Муттер Ж. А.

Бутафория и реквизит Ромязова Н. И.

Грим и парики Силыкина Е. В.

Машинист сцены Громов Н. И.

Программка спектакля «Очень приятно» по пьесе М. М. Зощенко
(Ленинградский Государственный Драматический театр. Июнь 1946 г.)

Режиссер Л. В. Чиж. Художник А. И. Константиновский

Дорогой Николай Павлович!

Посылаю вам комедию
"Маленький папа".

Поняв, что водвилль, и
видимо так и следует
составить. Вам конечно
ведней, но думаю что
слезх прибавится если
составить легко, как муз-
комедию.

Возьмите грешку, вас
поздравляю с вашими
соображениями.

Мих Зощенко

16/12/42

Алма-Ата Узбекская 136 кв. 3

I

1. Комната Зевзук
2. Кабинет Новикова

II

3. Пару Зощенко
4. Писательница

III

5. Писательница
6. Ком. Зевзук

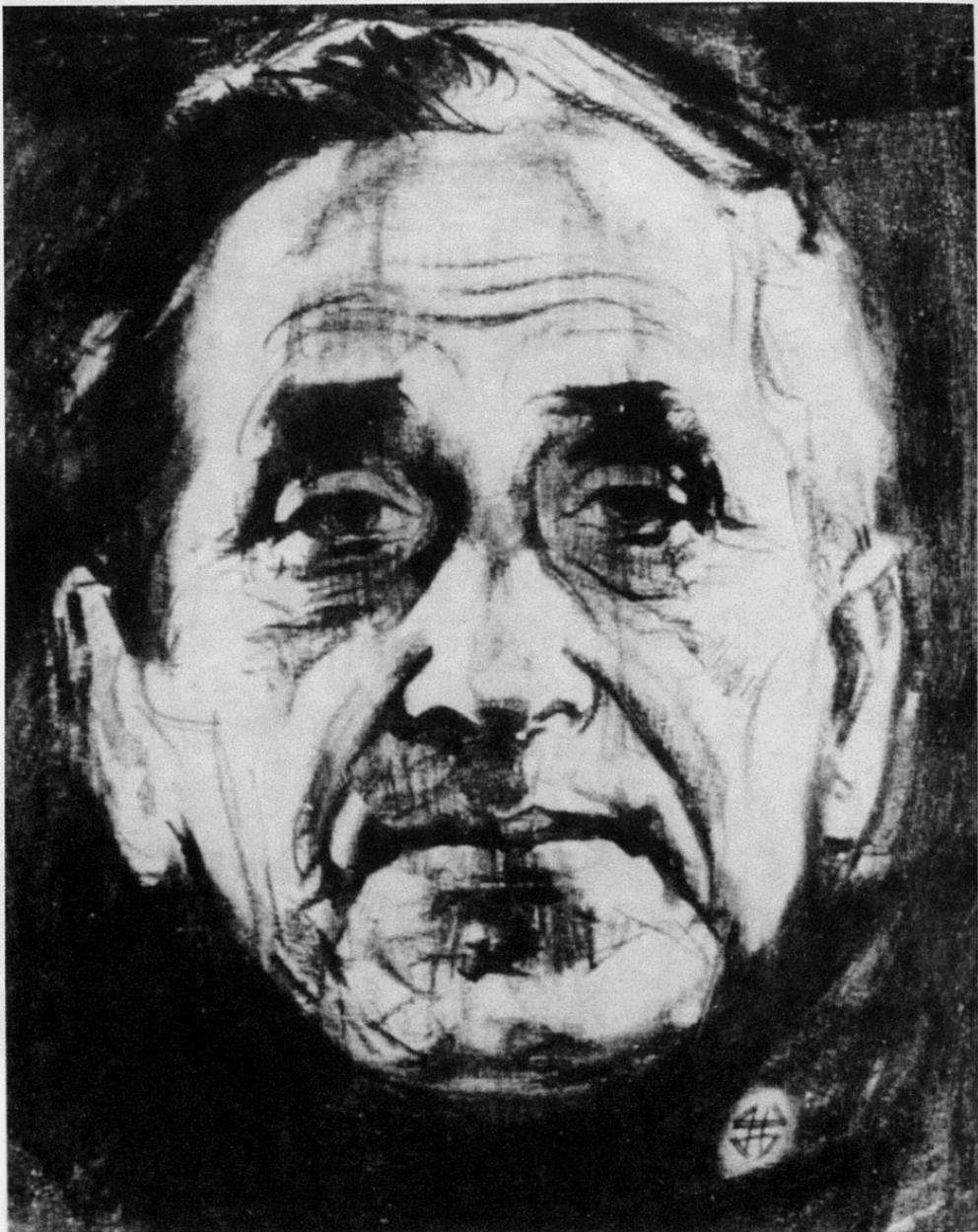
М. М. Зоценко и М. Шагинян
(в. 1920-е гг.)

Архив Санкт-Петербург М. М. Зоценко (1929 г.) илл. В. П. Акимова

Комната М. В. В. Зощенко (1927 г.)

М. М. Зощенко (1958 г.;
рисунок неустановленного автора)

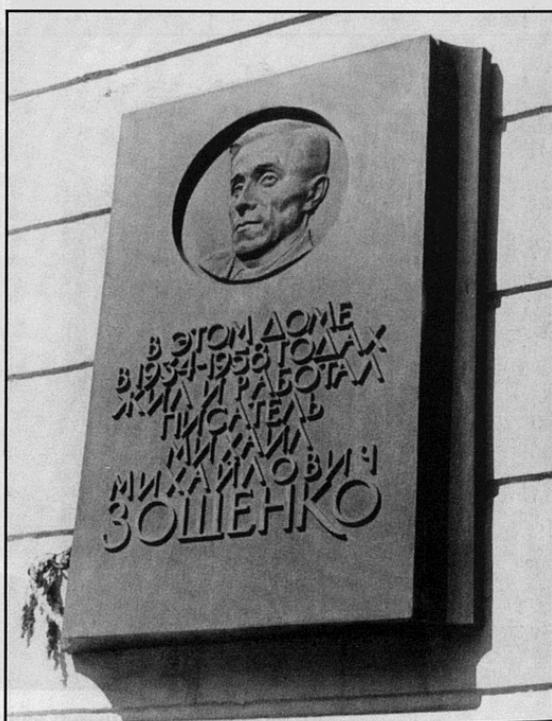
Дача М. М. Зощенко в Сестрорецке

Комната М. М. Зощенко на даче в Сестрорецке

Дом, где жил М. М. Зощенко с 1934 по 1958 г.
(Ленинград, канал Грибоедова, 9)

Мемориальная доска на доме
по адресу: канал Грибоедова, 9

Д у с я (*капитану*). И вы всем ответили на эти письма?

К а п и т а н. На два письма я ответил... Этим милым школьникам, которые прислали мне посылку. И той, которая просила мою фотокарточку... Карточку я ей послал, но в письме весьма резко написал, что все это ни к чему... (*Увидев майора.*) Дуся, мы после поговорим... Посидите там на скамейке... Я подойду к вам...

[Д у с я спускается с веранды в сад. Садится на скамейку. Задумчиво сидит, по временам прислушиваясь к разговору к а п и т а н а с м а й о р о м.]

М а й о р (*капитану*). Ну прямо вы сегодня орел... Ведь у вас же выражение лица иное... Я же говорил, что встрепетесь...

К а п и т а н. Да, сегодня получше... Но вот тревожат меня эти письма. Мне не хотелось бы запутывать людей... Это не в моих правилах.

М а й о р. Главное, сразу вам столько писем. Вот что странно... И говорите — интересные письма!.. Вот это желтенькое письмо? Уж, наверно, там что-нибудь такое... ого...

К а п и т а н. Нет, как раз это письмо, пожалуй, самое нелепое...

М а й о р (*с обидой*). Почему же, понимаете, оно... нелепое... Уж раз пишут, так уж наверно что-нибудь там... Зря же писать не будут...

К а п и т а н. Нет, нет, это пустое письмо... А вот это другое, от молодой девушки... Вот это весьма интересное письмо... Оно такое взволнованное, искреннее...

Сидящая на скамье Д у с я заметно нервничает.

М а й о р. Нет, а по-моему, желтенькое должно быть тоже... Вы, наверно, что-нибудь там не так поняли...

К а п и т а н. Нет, уверяю вас, это вздорное письмо. И хотя там цвенок приложен, но оно какое-то неженственное... А вот это, я говорю, удивительное письмо. Какой-то настоящий человеческий голос. Я даже пожалел, что не знаю от кого...

М а й о р. Нет, желтенькое письмо... Может быть, там корявый почерк, а вы уж сразу вообразили себе, что оно... до некоторой степени... вздорное... От почерка ведь много зависит.

К а п и т а н. Иван Иванович, я бы хотел, чтоб это искреннее письмо вы прочитали...

М а й о р. Извольте, прочитаю... А вы уж в свою очередь еще раз это желтенькое пробегите глазами. У меня какое-то, понимаете, если говорить по Фрейдю, бессознательное сочувствие к нему. (*Берет письмо, просматривает его.*) Ну, почерк тоже не ахти какой... Сейчас очки

возьму... Без очков, пожалуй, не разберешь, до чего паршивый почерк. Не понимаю, чего оно вам так понравилось...

Капитан спускается с веранды в сад. Подходит к Дусе. Майор собирается уйти за очками, но в этот момент появляется лейтенант. Он побрился и теперь смотрит в зеркальце.

15

Дуся (*капитану*). Николай Романыч, пройдемте по саду...

Оба уходят.

Лейтенант (*майору*). Иван Иванович... А что сказала Регина? Что сейчас вернется?

Майор. Сказала, что сейчас вернется... Ай, да не впутывайте вы меня в эти ваши психические дела.

Майор уходит в помещение. Лейтенант располагается в шезлонге. Ис блаженным видом смотрит на небо. По дорожке сада идет человек с узким лицом и черными усами. Он хорошо одет и ловок в движении. В петлице его пиджака хризантема. Это — Иннокентий Веревкин — «сумасшедший». Рядом с ним сторож Федор Кузьмич.

16

Сторож (*сумасшедшему*). Затрудняюсь пропустить, дорогой...

Сумасшедший (*вежливо, но с апломбом*). Я отлично понимаю вас, сударь, однако не сочтете ли вы возможным пропустить меня. Вот мои документы... Тут сказано — Иннокентий Веревкин, лектор.

Сторож. Лекарь. Вроде, значит, доктор. Ну докторов я обязан пропускать... Которые вежливо проходят... Пройдите, товарищ...

Сумасшедший. Благодарю вас, дорогой друг... Да, кстати, любезный... Скажите... (*Показывает фотокарточку.*) Есть у вас здесь такой человек?

Сторож. Ну так ведь это наш капитан... Как же, есть...

Сумасшедший. А как его фамилия?

Сторож. Вот фамилию я его не знаю. А вы в канцелярии спросите...

Сумасшедший (*церемонно кланяясь*). Благодарю вас, сударь. Больше вопросов не имею...

Сторож (*кланяясь*). Пройдите, товарищ... Не споткнитесь о грядочку... А то ведь нас такие посещают... Кстати, доктор, что такое пигмей?

Сумасшедший. Пигмей? О, это у Гомера... Низкорослый, карликовый народ. Они воевали с журавлями.

Сторож. Как, как... С журавлями? Ну, погоди, я ему наверну в следующий раз... Будьте любезны, доктор, пройдите...

Сторож уходит. Иннокентий подходит к ступенькам веранды. Смотрит на лейтенанта. Потом на фотокарточку. На лице Иннокентия улыбка — не тот.

17

Сумасшедший (*лейтенанту*). Извините меня, молодой человек... Иногда сердце подсказывает, к кому обратиться... С первого же мгновения я почувствовал к вам удивительную симпатию.

Лейтенант. Благодарю вас.

Сумасшедший. И поэтому я буду с вами предельно откровенен... Я люблю одну женщину. Почти каждый день она приходит сюда. К одному капитану. Номина сунт одиоза — не будем называть имен... Я хотел у вас узнать, мой юный друг, — здесь сейчас эта женщина?

Лейтенант. Но позвольте, я...

Сумасшедший. Мой вопрос странен. Но если когда-нибудь вы любили, вы поймете меня, мой друг.

Лейтенант. А какая по виду эта женщина?

Сумасшедший. Она яркая, как солнце.

Лейтенант. И такой подкрашенный рот?.. Ну вот только сейчас они прошли к выходу...

Перед этой сценой через сад прошла пара — человек в форме морского капитана и рядом с ним женщина.

Сумасшедший. В таком случае я догоню их.

Лейтенант. Но вот что... Она ведь сестра его... Это ее брат...

Сумасшедший. Брат? (*Засмеявшись*.) О нет, это она нарочно, чтоб завуалировать... Я узнаю ее стиль... Вы идете со мной, чтоб посмотреть, как произойдет эта встреча?

Лейтенант. Нет, я иду встретить мою знакомую.

Лейтенант и сумасшедший уходят. На дорожке сада появляются капитан и Дуся. Они оба взволнованы.

18

Капитан. Дуся, теперь мне все ясно. Это вы написали письмо.

Дуся. Нет, нет... уверяю вас... Это, это не я... писала...

Капитан. Ваше волнение еще больше меня убеждает...

Дуся. Нет, нет... это не я... не я...

Неожиданно Дуся начинает плакать и, закрыв лицо руками, бежит к скамье. Садится и, уткнувшись в свои руки, рыдает. Капитан подходит к ней, садится рядом, кладет свою руку на ее плечо, утешает.

Капитан. Дуся... Дуся... Успокойтесь...
Дуся (*сквозь рыдания*). Это... это... ужасно... Ужасно, что вы узнали... Я... я... не прощу себе этого...

Капитан. Не надо, не надо так говорить... Глупая девочка...

Капитан в смущении обнимает Дусю, стараясь ее утешить. Гладит ее по голове и плечам, вздрагивающим от рыданий. На дорожке сада появляется Зверева. Увидев необычайную сцену, она останавливается пораженная.

19

Зверева. Боже мой, Боже мой... Нет, пусть главный врач сам посмотрит на эту идиллию... Он не верил мне... (*Кричит.*) Пал Петрович! Пал Петрович... (*Уходит.*)

Рыдания Дуси утихают. Но плечи ее вздрагивают от сдержанного плача. Капитан склоняется к ней.

Капитан. Ну вот... вот и хорошо... Успокойтесь, славная моя... Глупенькая...

Обняв Дусю за плечи, он неуклюже целует ее в щеку. Снова на дорожке сада появляется Зверева. Рядом с ней главный врач Павел Петрович. Это красивый, седеющий мужчина в белом халате.

20

Зверева (*увидев поцелуй*). Боже мой... Ну вот... вот видите, Пал Петрович... Ведь это же... дальше идти некуда...

Увидев старшую медсестру и доктора, Дуся, ахнув и закрыв лицо руками, убегает. Капитан стремительно бежит за ней.

Доктор. А вы говорили, что майор... в этих делах...

Зверева. Я сама поражена...

Доктор. И смотрите, с какой юношеской прытью он побежал за ней... Ну, молодец...

Зверева. Пал Петрович... Сейчас, когда мы должны реагировать на это, вы вдруг восхищаетесь...

Доктор. Еще вчера человек лежал... А сегодня... Вот что значит двадцатая ванна, Марья Марковна...

Зверева. Ах, при чем тут ванны. Тут просто атмосфера, которая втягивает любого... [Такой морально-стойкий характер, как у капитана... И вдруг он...]

Доктор. Именно ванны, Марья Марковна. Двадцать ванн в тридцать семь по Цельсию... Но вы спросите меня, в чем секрет моих ванн...

Зверева. Пал Петрович, вы тут с вашими научными выводами... А ведь нам нужно как-то реагировать....

Доктор. И какая в сущности простая вещь... как все гениальное... В солено-хвойную ванну вливаю одну столовую ложку обыкновенного французского скипидара. И действие его на внешние покровы тела... Вы извините меня, Марья Марковна... Нет, я сегодня же начну статью для «Известий»... Вы извините меня, Марья Марковна... Под свежим впечатлением я хочу пойти... записать...

Доктор и вслед за ним Зверева уходят. Появляется Дуся под руку с капитаном.

21

Дуся. Нет, Николай Романыч... Вы не должны были знать о моем чувстве к вам...

Капитан (*тихо*). Может быть, вы правы...

Дуся. Что дало вам это? Глупую сцену. Слезы, которые вы должны осушать. Тяжесть, которая останется у вас от всего этого... Я же вижу досаду на вашем лице...

Капитан. Я не скрою от вас, у меня есть досада... Но не по этим причинам... Именно вам я не хочу принести огорчений, но я чувствую, что я невольно это делаю... Потому что, потому что...

Дуся. Да, я все знаю... Знаю, что вы разыскиваете свою жену, что четыре года не виделись с ней... Что поженились перед самой войной...

Капитан. В июле сорок первого года... И с тех пор я ее не видел... Лизу...

Дуся. Я знаю, что вы ее любите... что вы были бы счастливы встретиться с ней... И я... я даю вам честное слово... Я от всего сердца желаю... чтоб вы нашли ее... чтоб вам было хорошо... чтоб вы были счастливы с ней... (*Плачет.*)

Капитан. Дуся... Вы милый, прекрасный человек... С какой радостью и удивлением я смотрю на вас... Поверьте мне... Без тени сомнения я назвал бы вас своей женой, если б... но я действительно люблю свою жену...

Дуся. И я уверена, что вы с ней увидите... И от всей души хочу этого... И это, это непростительно, что я сделала...

Дуся убегает. Капитан остается на скамейке в задумчивой позе. На веранду выходит майор и вслед за ним уборщица Поля.

22

Майор. Ай, Поля, не до тебя сейчас...

Уборщица. Нет, я только хочу сказать. Поглядела под подушкой — тоже нет. И прямо я теперь теряюсь, где мое письмо... Может, оно под матрацем его держит.

М а й о р. Ну ясно, под матрацем, чтоб не стибрили твою поэзию.
У б о р щ и ц а. Пойду перетряхну всю постель.

У б о р щ и ц а уходит. Появляется л е й т е н а н т, который не встретил
Р е г и н ы. Лицо у л е й т е н а н т а озабоченное.

23

Л е й т е н а н т (*майору*). Иван Иваныч... А что именно сказала Р е г и н а?

М а й о р. Сказала, что сейчас вернусь...

Л е й т е н а н т. Странно... До сих пор ее нет... (*Просияв*.) А-а, знаю, где она... Она хотела к маникюрше пойти... Пошла к маникюрше, чтоб, так сказать, явиться сюда в полном своем блеске... Двенадцать раз луна сверкала...

М а й о р. Двенадцать месяцев в году...

Л е й т е н а н т. Двенадцать мальчиков любила...

М а й о р (*со вздохом*). Полюбить тебя хочу...

Л е й т е н а н т и м а й о р. Ох, сад-виноград... легкое свиданье... Шлю воздушный поцелуй... Пока до свиданья...

Л е й т е н а н т и м а й о р уходят по дорожке сада. На веранду выходит у б о р щ и ц а и одновременно с ней в саду появляется с т о р о ж.

К а п и т а н продолжает сидеть на скамейке в задумчивой позе.

24

С т о р о ж. Да, Пелагея Максимовна, теперь наглядно видно, кем вы увлекаетесь. (*Оглянувшись на капитана*.) Им...

У б о р щ и ц а. Этот упрек можете адресовать хотя бы Дусе... А что вы положили в основу своего мнения?

С т о р о ж. По шесть раз ему кровать взбиваете... Сам через окно сейчас убедился.

У б о р щ и ц а. Какой вздор... Просто оправила постель... Глядела... не завелись ли там блохи...

С т о р о ж. Ну и что...

У б о р щ и ц а. Ну и ничего... Держит в чистоте свою постель... Чем моей уборкой заниматься и нервировать меня этим... лучше мне ответить... что вы тогда сказали своему сопернику... От чего он сразу в кусты...

С т о р о ж. [Ничего такого я ему не сказал.] Сказал, что...

У б о р щ и ц а. Да, но только не вздумайте то же самое сказать капитану, поскольку вы воображали, что он герой моего романа... Чтоб никаких таких разговоров с ним не было...

Голос за сценой: «Поля».

Сторо ж. Пелагея Максимовна, вас зовут.
Уборщица. Слышу. Не глухая.

Снова за сценой голос: «Поля». Потом тот же голос: «Федор Кузьмич».
Сторо ж поспешно уходит. Поля тоже собирается уйти, но, увидев
на скамье капитана, подходит к нему.

25

Уборщица. Товарищ капитан, разрешите доложить...

Капитан. Да... Что, Поля?

Уборщица. Товарищ капитан, если мой ирод Федор Кузьмич будет подсказывать к вам с разными словами... просьба не слушать его слов. Это будет чистая брехня с его стороны...

Капитан (*с некоторым раздражением*). Слушайте, Поля... О чем вы говорите... Ну что вы меня сегодня...

Уборщица. Мое дело вас предупредить. А вы как хотите... Только просьба, чтоб драки не было...

Снова голос за сценой: «Поля». Уборщица убегает. Капитан потирает лоб рукой, как бы желая придать ясность мыслям. Засим уходит в помещение. По саду идет майор. Раздаются крики. На садовой дорожке появляется художник с зеленым зонтиком в руках. Позади сторож, который пытается поймать художника. [Художник забегает то за клумбу, то за веранду.]

26

Сторо ж. Держите его... Товарищ майор... Через кухню прорвался. Художник (*майору*). Слушайте... Прикажите ему.

Майор. Федор Кузьмич... Погодите...

Сторо ж. Через кухню... Думал, не увижу... [Я ему покажу, кто с журавлями дрался...] Еще зонтиком замахивается...

Художник (*майору*). Только спросить... (*Узнав майора.*) Ах, это вы опять... С кем бы мне тут поговорить?

Майор. Ну говорите... со мной...

Сторо ж (*майору*). Переговорите с ним. Я наблюдаю. Ничего, я шесть лет среди них находился. Каждое движенье их знаю.

Художник (*майору*). Только хотел узнать, где Регина...

Майор. Слушайте, а что вы ко мне с этими вопросами... Кажется, вам ясно сказано... Я не тот... Не тот... Понятно?

Художник. Нет, я хотел ей зонтик передать... Понимаете? Зонтик. Пере-дать... Ей...

Майор. А что касается ее туфли... Туф-ли... Ясно?

Художник (*махнув рукой*). Ай, ну вас...

Сторож (художнику). А зачем ты зонтик у нее отобрал, пропащая твоя душа?

Художник (сторожу). Да нет, вы понимаете, как получилось. Мы не хотели рядом идти по улице. Я пошел вперед. И мы потеряли друг друга из виду. А зонтик остался у меня... И вот я хотел передать ей...

Майор. Ну и поставьте его к черту на веранду.

Художник. Нет, я хотел лично ей передать... Лич-но... Чтоб поговорить с ней. По-го-во-рить... (Пальцем показывает на свой рот и раскрывает его.)

Майор (махнув рукой). Ай, не могу я с ним разговаривать.

Сторож (майору, тихо). Не надо быстро ходить. [И головой не мотайте.] Это их нервирует.

Художник. А что, Регина здесь?

Сторож (майору). Отвечайте на все утвердительно.

Майор. Да... То есть здесь ее нет.

Сторож (майору). И руки вверх не подымайте, а то они думают — их словить хотят...

Художник. Будьте добры... Если придет Регина... Придет. (Пальцами показывает приход.) Скажите ей... я на улице... со стороны кухни... Кухни... (Махнув рукой.) [Не могу я с ним говорить...]

Майор. Федор Кузьмич... Ну не могу я с ним...

Сторож (художнику, который собирается уйти). Куда, куда загибашь... Давай через главный ход...

Художник. Нет, там я не пойду. Разрешите через кухню.

Сторож. Видите, какие у них фантазии... Ну давай через кухню.

Майор нервно ходит по веранде. Сторож ведет художника по дорожке. Навстречу им идет уборщица Поля.

27

Уборщица. Федор Кузьмич... Вы чересчур меня заинтриговали... Ну что вы сказали своему сопернику? Отчего он тогда в кусты...

Сторож. Ну сказал ему... Пелагея Максимовна, извиняюсь. Уйдет же тот в сторону... психический... Сейчас я его через кухню проведу.

Сторож и художник скрываются за поворотом. Уборщица подходит к майору.

Уборщица. Товарищ майор, нигде нет моего письма... В довершение всего Федор Кузьмич — это отчаянный человек... Собирается угрожать капитану. Боюсь, как бы драки не было...

Майор. Ай, Поля, не до тебя сейчас...

Уборщица уходит. Появляется лейтенант.

Лейтенант. [Прямо не знаю, где Регина...] А что с вами, Иван Иваныч?

Майор. Да, понимаешь... Расстроился... Вторично сейчас приходил этот твой психический... Прямо замучил меня... Все спрашивает, где Регина... Понимаешь — попал ему в бред... И все из-за туфли...

Лейтенант. Да уж, с этой туфлей вы прямо погорели, Иван Иваныч.

Майор. Ну прямо погорел я с этой туфлей... Теперь он меня доконает...

Лейтенант. Ничего, разуверим его насчет туфли...

Майор. Пойду полежу. Устал до чертиков... А это что за фигура?

На садовой дорожке появляется «сумасшедший»
со своей хризантемой в петлице.

Лейтенант. Иван Иваныч... А это не тот... Не сумасшедший?

Майор. Нет... Тот лохматый... Бегает...

Майор уходит в помещение. Лейтенант спускается в сад.

Сумасшедший. Мой юный друг... Я догнал их... Это оказались не они... *(Вытаскивает карточку, смотрит на нее, потом на лейтенанта.)*

Лейтенант. Что у вас за карточка?.. Послушайте... Ведь это же наш капитан...

Сумасшедший. Он здесь, этот капитан?

Лейтенант. А если здесь, то что?

Сумасшедший. Я бы хотел поговорить с ним... *(Мражно.)* И если он не откажется от своих намерений...

По саду идет сторож Федор Кузьмич.

29

Лейтенант. Простите... минуточку... Я должен по делу сказать ему... *(Подбегает к сторожу.)* Федор Кузьмич... *(Тихо.)* Срочно побеги к капитану... Скажи ему, чтоб он в сад не выходил...

Сторож. А почему ему в сад не выходить?

Лейтенант. После объясню... Скорей...

Сторож. Сейчас скажу... *(Уходит в помещение.)*

Лейтенант *(сумасшедшему)*. Да, так я вас слушаю... [Значит, вы полагаете, что эта фотография относится к тому человеку, которого посещает ваша знакомая?]

Сумасшедший. Несомненно, мой друг... Так он здесь?

На веранду выходит капитан. Он крайне взволнован.

Капитан (*сторожу*). Ну что вы вздор какой городите... Почему в сад не выходить?!

Сторож. Так ведь не с моих же слов... Это он...

Капитан. Да что вы сегодня все... Сговорились против меня, что ли... [И вам и вашей Поле я сказал...]

Сторож. Ай, ей-богу... (*Махнув рукой, уходит.*)

Сумасшедший (*взглянув на карточку и на капитана*). Это он... (*Подбегает к капитану.*) Виноват... (*Показывает карточку.*) Это вы презентовали ей?

Капитан. Да... Она попросила, и я...

Сумасшедший. Вы отдаете отчет в своих словах?!

Капитан. Уверяю вас... Она попросила, и я послал ей...

Сумасшедший. Вы ответите мне за ваши лживые слова...

Лейтенант (*кричит*). Федор Кузьмич!

Капитан. Я не понимаю вашу горячность. Что в том, что она попросила фото и я послал ей?

Лейтенант. Николай Романыч, спокойней... Я сейчас приглашу администрацию... (*Уходит.*)

Сумасшедший. Вы имеете смелость говорить, что она сама...

Капитан (*раздраженно*). Наконец надоели мне все эти истории... Не вижу ничего дурного сказать вам прямо... Да, это она сама... ее инициатива... она написала... Я ответил... послал ей фото. Хватит!

Сумасшедший (*тихо*). Вы говорите чудовищные вещи, но я допускаю, что она могла это сделать... Где она? Здесь?.. Вы видели ее сегодня?

Капитан. Да нет, помилуйте... Я вообще ее не видел и не знаю ее... Просто послал в ответ на ее письмо...

Сумасшедший. Ах вы даже не знаете ее. (*Смеется.*) Зачем вы лжете, сударь... Вы клеветник!

Поспешно возвращается лейтенант. Рядом с ним Зверева.

Капитан. Однако... Я заставлю вас выбирать слова...

Лейтенант. Николай Романыч... умоляю вас... (*Тихо.*) Ведь он же, по-моему, не в себе...

Капитан. В самом деле... [Он очень странный...]

[Зверева (*сумасшедшему*). Вы сказали, что он клеветник?]

Сумасшедший. Этого мало сказать, сударыня. Это... Дон-Жуан...

Капитан. Черт с ним. Он бредит...]

Лейтенант (*капитану*). Разрешите, я вас провожу...

Зверева (капитану). И это вы... о котором я так возвышенно думала.

Взяв капитана под руку, лейтенант уходит с ним.

Сумасшедший (вслед). Мы еще встретимся с вами, сударь!
Зверева. Я могу у вас узнать, в чем вы обвиняете капитана? И не ошибаетесь ли?

Сумасшедший (показывает карточку). Это он?

Зверева. Откуда у вас эта карточка?

Сумасшедший. Я обнаружил ее в сумочке той женщины, которую люблю... Она приходит к нему... [Она пропала для меня...]

Зверева. Я благодарю вас за сведения, которые дорисовали нам облик этого человека... Прошу извинить. Я должна доложить об этом скандале главному врачу.

Зверева уходит. По дорожке сада спешит Регина.

32

Регина. Иннокентий... Вы зачем здесь?!

Сумасшедший. Регина Георгиевна... Он чудовищные вещи говорил о вас...

Регина. Ах, вы все-таки говорили с Трыкиным... Я же просила вас...

Сумасшедший. Вот какова была ваша конспирация. Я даже не знал его фамилии... Да, я только что с ним говорил. Я назвал его клеветником... Мне даже неловко повторить вам его слова...

Регина. Вы что-нибудь не так поняли. Что он сказал? Повторите.

Сумасшедший. Он сказал, что вы сами... проявляете инициативу... сами выпросили у него карточку... сами...

Регина. Ах, вот как... Он так и сказал... Где он?

Сумасшедший. Позвать?

Регина. Не надо здесь... Пойдемте... Я потом с ним поговорю...

Иннокентий и Регина уходят. Появляется Зверева. Рядом сней сторож. Зверева садится на скамью. Сторож тоже присаживается, предвзвительно смахнув шапкой пыль со скамьи.

33

Зверева. Это прямо ужасно... Оказывается, капитан... виновник всей этой... атмосферы...

Сторож. Вот и Поля тоже им озабочена...

Зверева. Как, и Поля тоже?.. Капитаном?.. Ну это какой-то вампир... Сейчас приедет главный врач и я потребую... чтоб его немедлен-

но выписали... Здесь двоим нам делать нечего... Или я, или он... (Вздвонув.) Федор Кузьмич... там опять какие-то крики?

Сторож. Да нет, Марья Марковна... Это детишки на улице шумят...

Звуки гонга. От первого удара Зверева вздрагивает еще более нервно.

Сторож (встав со скамьи, кричит). О-бе-дать!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Декорация второго акта. Однако открытая веранда еще левей. Три четверти сцены заняты садом. Играет музыка, которая, видимо, улаждает слух обедающих. Уборщица Поля поливает цветы из лейки. [Где-то раздаются крики. Уборщица оборачивается.] Прислушивается. На садовой дорожке появляется сторож Федор Кузьмич.

1

Уборщица. Что там за крики у вас происходили?

Сторож. Да не пропускал этого... психически больного. Закрыл ворота... И теперь желаю с вами побеседовать...

Уборщица. Вы желаете, но еще неизвестно, желаю ли я... Как осмелились вы запретить капитану из дома выходить?!

Сторож. Так не с моих же слов, Пелагея Максимовна...

Уборщица. Отвечайте на заданный вопрос. Как посмели вы проявить свой темперамент в отношении капитана?.. Уж не то ли самое вы и тогда сказали своему сопернику?

Сторож. Это, значит, когда я сватался?

Уборщица. Отвечайте на заданный вопрос. Что сказали вы своему сопернику в процессе вашего разговора? Или тоже не велели ему из дома выходить?

Сторож. Нет, про это у нас речи не было. Мы с ним мало беседовали. Только лишь я сказал ему: «Здравствуйте, как вы поживаете». И мы разошлись...

Уборщица. Только лишь это ему сказали, и он сразу в кусты?.. Никогда этому не поверю...

Сторож. Нет, но потом-то она сама рассудила, что ей надо за меня идти, а не за него...

Уборщица. А что она могла рассудить, видя человека с такими данными и наоборот — имея другого такого интересного... И вообще, Федор Кузьмич, довольно, хватит! Отныне можете не подсказывать ко мне с докладом об итогах ваших чувств. Мы только знакомы...

Сторож. Пелагея Максимовна...

Поля убегает. Сторож собирается идти вслед за ней, но его перехватывает Зверева.

2

Зверева. Федор Кузьмич... Это кто кричал?

Сторож. С Полей беседовал.

Зверева. Я не про это говорю. Кто у ворот кричал?

Сторож. Да этот опять прорывался, психический.

Зверева. Боже мой... К кому же он прорывался? К капитану?

Сторож. Не знаю, Марья Марковна... Только давеча вхожу на веранду, гляжу — уже эти двое между собой целуются.

Зверева. Кто целуется? Капитан и...

Сторож. Зачем капитан. Регина и Андрей Трыкин.

Зверева. Боже мой, Боже мой... Правда, это жених и невеста... Но нет, атмосфера у нас крайне неблагополучна...

Сторож. А то стою у ворот, Марья Марковна... Гляжу, идет другая, которая флотского посещает. И тоже они между собой целуются.

Зверева. Боже мой, Бо... Нет, погодите, моряка же посещает его родная сестра.

Сторож. Какая она сестра, Марья Марковна... Она не сестра ему, и он ей не брат. Лейтенант Трыкин выяснил, что это не брат и сестра.

Зверева. Боже мой... Ну что это у нас происходит... Сейчас придет главный врач и я... *(Вздрыгнув.)* Там опять какие-то крики?

Зверева и сторож уходят. Появляются Регина и лейтенант. Оба весьма взволнованы.

3

[Регина. И пусть все к черту летит... Моя страсть к тебе, мое чувство... Но я никому не позволю унижать себя...]

Лейтенант. Регина...]

Регина. Я не могу любить человека, который говорит обо мне черт знает что...

Лейтенант. Регина, послушай...

Регина. Я специально пришла сказать тебе — ты не джентльмен... Вот Иннокентий... он...

Лейтенант. Ну вот опять ты со своим Иннокентием...

Регина. Ничего... Ты слышишь это в последний раз... А говорить про меня, что я навязываюсь тебе, что своей инициативой чуть ли не заставляю жениться... Это низко... Ты... ты...

Лейтенант. Регина, не говорил я ни с кем об этом. Честное...

Регина. Нет, вы говорили это, Трыкин. Люди не могут выдумать таких вещей, о которых знали только вы и я... Откуда стало известно,

что я сама попросила у вас эту вашу несчастную фотокарточку? Значит, это факт, что вы кому-то сказали... Вот, кстати, ваша карточка... Натя... *(Разрывает карточку на куски, бросает.)*

Лейтенант. Регина... Ведь я же люблю тебя...

Регина. Я тоже любила вас... И теперь, быть может, люблю, но... Нет, все к черту... Никаких объяснений.

Лейтенант. Регина...

Регина поспешно уходит. Лейтенант идет за ней.
На дорожке сада Дуся и Муся. Лицо Дуси заплакано.

4

Муся. Но ведь он теперь...

Дуся. Да, теперь он говорит вежливые слова, даже комплименты... Но я чувствую в них лед и холод... Наверно, он думает, что мое чувство к чему-то его обязывает... Ах, как нелепо, что я послала ему это письмо...

Появляется Зверева. Девушки, увидев ее, пытаются скрыться.

5

Зверева. Девушки... Сейчас, когда у нас в санатории бог знает что происходит, вам следует прислушаться к голосу старшего товарища, а не убежать...

Муся. Так мы же, Марья Марковна...

Зверева. Я хочу, чтоб мои слова запали в ваше сердце... Выслушайте меня... Я вовсе не отвергаю чувства любви... Даже любви к мужчине... Но слишком стремиться к этому, ставить это целью жизни... Нет, девушки... Все это иллюзия, воображение сердца...

Муся. Так разве мы...

Зверева. И уверяю вас... Иллюзия, которая всегда кончается разочарованием, пустотой... А кроме того... Ну не так уж это интересно, девушки...

Муся. Кажется, мы ничего такого...

Зверева. Истинное удовлетворение я узнала, когда стала работать для общества. Только тогда я почувствовала всю ничтожность этой фантазии, которую мы так лелеем в своем сердце... А что касается капитана, то я должна сказать — это моральное разложение...

Дуся. Неправда... Вы не знаете его... Это ложь.

Зверева. Как вы смеете мне так говорить!.. Ложь... Нет, я отказываюсь заниматься вопросами воспитания...

Стоя позади Зверевой, Муся, сделав гримасу, высовывает свой язык.

Зверева, обернувшись и увидя это, всплескивает руками.

Это что такое... Ну знаете ли... Нет, я немедленно доложу главврачу...
(Идет к выходу, но, обернувшись, снова видит высунутый язык Муси.)
Боже мой, Боже мой... (Уходит.)

М у с я. Мне кажется, что она... (Шепчет на ухо.)

Д у с я. Мне тоже казалось, что она влюблена в капитана. Но сейчас она взбешена против него.

М у с я. А ты знаешь, ведь я... (Шепчет на ухо.)

Д у с я. Я же просила тебя не делать этого...

М у с я (смеясь). И другую записку майору... И тоже в семь часов, и тоже в беседе...

Д у с я. Нет, я предупрежу Николай Романыча...

М у с я. Не надо, умоляю... Придут оба и... Ну для веселья... Посмеются же... Гляди, один уже читает...

На веранду выходит м а й о р. С озабоченным видом он читает записку. Девушки убегают. [М а й о р вынимает из кармана зеркальце, смотрит-ся. Потом снова принимается за записку.]

6

М а й о р (звизгает). «Приходите в беседку... [сегодня или никогда...] в семь часов... Просьба не опаздывать»... Гм... Кто же это может быть?.. Нет, не Дуся... Или Дуся?

Выходит к а п и т а н. Вид у него крайне утомленный. В руках он тоже держит записку.

К а п и т а н (звизгает). ...«в семь часов... Просьба не опаздывать»... Нелепая записка... [Кто же это может быть?]

М а й о р (капитану). Вот и прекрасно, что на солнышко вышли. Присаживайтесь сюда... Эка вас утомили как... Ну что за люди такие нечуткие. Ведь знают... человек нездоров... А тут драмы, крики... Тоже эта Дуся хороша... [Даже вы опять побледнели...]

К а п и т а н (с неудовольствием). Извините, я в сад перейду. Мне бы хотелось тихонько посидеть...

К а п и т а н спускается в сад. Садится на скамейку. [Развернув записку, снова ее читает.] Морщится. На дорожке сада появляется у б о р щ и ц а.
Увидев к а п и т а н а, она поспешно подходит к нему.

7

У б о р щ и ц а. Разрешите доложить, товарищ капитан... Говорят, мой ирод подсказывал к вам, не велел в сад выходить...

К а п и т а н (вскожив). Слушайте...

У б о р щ и ц а. Просьба не придавать значения его словам. Он только на деле грозит, а сердце у него очень нежное... Это мною проверено.

Капитан. К черту!.. Слышите... Ну что вы со мной делаете... Ведь это же Бог знает что такое... (*Стремительно уходит в помещение.*)

Майор (*вслед ему*). Ну что они вас... Ведь это же кошмар какой-то... (*Уборщице.*) Ну что ты лезешь к нему?..

Уборщица. Значит, нужно было... По личному делу... (*Уходит.*)

Приняв удобную позу, майор перечитывает записку. За перилами веранды показывается голова художника. Схватившись за перила, художник влезает на веранду и, как из-под земли, вырастает перед майором со своим зеленым зонтиком.

8

Майор (*ахнув*). Ну можно ли так, понимаете ли...

Художник. Пришлось через забор... А то ваш сторож не жалует меня... (*Узнав майора.*) Ах, это вы опять... Слушайте, ну что вы тут все время толчетесь...

Майор. Хорошенькое дело... Толкусь... [Не доволен еще...] Я тут у себя... толкусь... А вы через чужой забор позволяете себе... И хотя вы нездоровый человек, но...

Художник. А разве я произвожу нездоровое впечатление?

Майор. Нет. по внешнему-то виду никак про вас этого не скажешь... [А чем вас лечат, извините за нескромный вопрос.]

Художник. Ничем не лечат. Я совершенно здоров. Врачи считают, что я...

Майор. А не верьте вы им. Это они нарочно, чтоб поскорей вас выписать... А, по-моему, лучше бы они подольше держали вас. И для окружающих это было бы спокойней...

Художник. А что, вас нервируют люди?.. М-да, по вашему внешнему виду тоже не сразуобразишь, что вы хвораете...

Майор. Теперь-то я слава Богу... Это в прошлом году у меня была опухоль...

Художник. Мозговая?

Майор. Зачем мозговая. Просто вот здесь... Пониже колена... Пациентка ударила...

Художник. Какая к черту пациентка... Что вы в самом деле...

Майор. Лошадь...

Художник. Лошадь?! Нет, не могу я с вами говорить... Вы извините меня... Ну с кем бы мне тут... Ну просто спросить — где Регина, вернулась? Мне надо ей зонтик передать... И поговорить с ней. Лично вы не видели ее?

Майор. Вот видите, вы опять ко мне с этими вопросами... А ведь вам, кажется, сказано, что я не слежу за ней, не знаю... Она сама по себе, я сам по себе... А если туфля вас тогда смутила... Туфля... понят-

но? То я каблук приколачивал... Гвоздь отскочил... Берете в соображение? Г-воздь... От-ско-чил... (Показывает руками, что отскогил гвоздь.)

Художник. Ай, ну вас в самом деле... Еще свихнешься из-за вас... (Перелезает через перила.)

Майор. И больше, понимаете, не лезьте сюда... До головной боли доводите своей тупостью...

Художник. Обижаться мне на вас нечего... Учityваю, так сказать... А вот если вы случайно Регину увидите, то скажите ей, что я... Да, кстати... Фамилия моя — Шагалов... Ша-га-лов. Запомнишь?

Майор (поклонившись). Майор ветеринарной службы Сидоренко...

Художник (снова прыгнув на веранду). Как?! Иван Иванович? Слушайте, я же от вашей племянницы письмо получил. Она просила навестить вас. Да я все как-то так... Только она не писала, в каком вы состоянии...

Майор. От племянницы? От Лизы?... Откуда вы ее знаете?

Художник. Да еще по госпиталю...

Майор. Она в госпитале работала, только я не знал, что она в этом, в вашем работала... Или там были разные отделения? (Недоверливо.) Письмо-то при вас?

Художник. Нет, письма нет со мной.

Майор (подозрительно). Ага. Ну конечно... Вы как-нибудь принесите его, и тогда мы с вами побеседуем на данную тему...

Художник. Так разрешите я сейчас принесу?

Майор. Ну что ж, принесите, если оно у вас есть.

Художник скрывается за забором. На веранду поднимается лейтенант.

9

Лейтенант. Да... черт побори...

Майор. Опять, понимаешь, тот являлся... Кажется, хочет меня на кривой объехать... [Приплел племянницу...] Да что с тобой?

Лейтенант. С Региной поспорился...

Майор. Еще помиритесь.

Лейтенант. Нет, окончательный разрыв. У нее же характер знаете какой... Первый раз в жизни мне не повезло, Иван Иванович...

Майор. А так-то рассуждать, а на что тебе жениться? Парень ты молодой — двадцать три года... Жизни не видел... [Положенья нет...]

Лейтенант. Это-то верно... Откуда я видел жизнь... Да еще этот Иннокентий, черт бы его драм...

Майор. Нет, если хочешь знать мое мнение, то я считаю, что именно только сейчас тебе повезло...

Лейтенант. А верно, Иван Иванович... Какая-то есть прелесть в холостяцкой жизни... Живешь, как ветер... Сейчас вот возьму... махну к своему приятелю...

Майор. Нет, тебе исключительно повезло.

Лейтенант. Все как-то в мою пользу складывается... Я сам поражаюсь... «Двенадцать раз луна»... (*Задумчиво.*) Нет, все-таки ее люблю... (*Махнув рукой.*) Сейчас к приятелю... И мы с ним там... «Эх, не любить... погубить значит жизнь молодую»...

Осторожно приоткрыв дверь, на веранду выходит капитан.

10

Капитан. Выхожу, как на линию огня... Такое чувство, что опять что-то случится...

Майор. Николай Романыч... Голубчик... Никого не подпущу к тебе. Отдыхай...

Лейтенант. Сейчас, как ветер, махну к приятелю... Ну теперь я враг женщин... (*Капитану.*) Николай Романыч... Желаю вам пару слов сказать...

Капитан. Прошу... Пройдемте на скамейку...

Капитан и лейтенант садятся на скамью в саду.

Лейтенант. Николай Романыч... Не хотел вам говорить... Но теперь скажу, поскольку я враг женщин... Знаете, от кого то самое письмо... с васильком?

Капитан. От кого вы думаете?

Лейтенант. От Марьи Марковны...

Капитан. Ну что вы... Нет, этого не может быть...

Лейтенант. Я вам факт говорю, Николай Романыч... Я тогда же догадался, но молчал... А теперь амба... Васильки-то она вам на стол поставила...

Капитан. Разве она? А не Дуся?

Лейтенант. Даю слово — она, Марья Марковна... Ведь это при мне было... Даже я еще сказал ей: «Не позволяете, говорю, Мусе красить губы, а сами, говорю, за капитаном ухаживаете — васильки ему ставите...» [Ох, она вспыхнула тогда. «Да, говорит, я ставлю ему васильки, поскольку, говорит, обожаю его как моральную величину»...] Это она написала. Ее васильки. Такого совпадения не может быть.

Капитан (*задумчиво*). Неужели она?

На дорожке сада появляется Звезда. В руках у нее какое-то распечатанное письмо. Увидев пристальный взгляд капитана, она хмурится и проходит мимо с гордо поднятой головой. Лейтенант, засмеявшись, уходит. Капитан остается на скамейке один.

Зверева (*майору*). Иван Иванович, извините, пожалуйста... Я хотела вам несколько слов сказать.

Майор. Пожалуйста.

Зверева. В канцелярию пришло письмо... на конверте не было фамилии адресата... Поэтому мы его распечатали... Оказалось — стихи... Что-то такое — «двенадцать раз луна сверкала... И какое-то легкое свиданье в саду»... [И судя по обращению, эти стихи относятся к капитану.]

Майор. Ах, это письмо... [Да, но в нем ничего особенного...]

Зверева. Если б это был единичный случай, то ничего особенного. Но если учесть, что этот человек — центр всех этих любовных скандалов, то это письмо довершает картину... [Я очень виновата перед вами, Иван Иванович... Мне сначала казалось, что все это идет от вас... Но теперь я убедилась, кто истинный виновник...] Я жду главного врача, чтоб доложить ему.

Зверева оглядывается на капитана. И снова встречается с его пристальным взглядом. Зверева немного смущена этим. Бессознательным женским жестом поправляет свои волосы.

Майор. Нет, не думаю, Марья Марковна... Ведь Николай Романых... Нет, что вы... Это случайно... Совпадение...

Зверева. Уверю вас, что это так... Пройдемтесь по саду... Я вам расскажу кое-что...

Сидоренко и Зверева спускаются в сад. Снова Зверева видит на себе испытующий взгляд капитана. Почти кокетливым жестом Зверева поправляет свои волосы. Оглядывается на капитана и снова встречается с его взглядом. Едва заметная улыбка женщины освещает лицо Зверевой.

Сидоренко и Зверева уходят. Появляется Дуся. Она подходит к капитану.

Дуся. Николай Романых... Я боюсь, может быть, вы не так поняли меня...

Капитан. Садитесь, Дуся...

Дуся. Мое чувство к вам — это мое личное дело. И вы не думайте, что это к чему-то вас обязывает. Это не обязывает вас даже... говорить со мной.

Капитан. Ну что вы, что вы...

Дуся. Я бы не хотела, чтоб у вас осталось какое-то ощущение — а, вот ей что-то от меня нужно... Мне ничего не нужно... И я повторяю...

Я от всего сердца... желаю вам только хорошего... И найти ее... (*Убегает.*)

Снова на дорожке сада майор и Зверева. Они медленно прогуливаются, разговаривая. Зверева снова наталкивается на взгляд капитана.

13

Зверева (*майору*). ...Я сама слышала разговор этих двух девчонок... Они говорили: «Ее молодость прошла и поэтому она занимается ханжеством». Девочки ошибаются... (*Увидев на себе взгляд капитана.*) Тот элементарный успех женщин, который не так уж труден, я имею в достаточной степени...

Майор. [Безусловно...] Это у меня, так сказать, досадный прорыв... А вы-то еще...

Зверева. И поверьте мне... Я не преувеличиваю... Многие и многие... засматриваются на меня... Хотя я — отдаю себе полный отчет — не в той уже поре юности... (*Снова встрегается глазами с капитаном.*) Возьмите того же капитана... Иной раз и он не сводит глаз с меня... (*Снова поправляет свои волосы и, незаметно вытащив из кармана пудреницу, смотрится в зеркальце.*)

Майор. Да, вы еще так сказать... [как говорится] — в своей норме...

Взяв майора под руку, Зверева проходит мимо капитана. Чуть улыбается ему. Оборачивается. Капитан хмурится. Зверева и майор уходят, гуляя. Капитану подходит сторож.

14

Сторож. Товарищ капитан, разрешите доложить...

Капитан. Ну...

Сторож. Заявите Поле — пушай она не дуется на меня...

Капитан (*вскогив*). Слушайте.

Сторож. Она рассержена через вас. И даже стоит под угрозой наше с ней решение пожениться...

Капитан (*садится, взяв себя в руки*). Хорошо, хорошо, Федор Кузьмич. Я скажу... Только оставьте меня сейчас...

Сделав под козырек и четко повернувшись через плечо, сторож уходит. На дорожке сада снова майор и Зверева, которая ищет глазами капитана.

15

Зверева (*майору*). [И потом я склонна думать, что женщины нередко сами виноваты в этих делах...] Никогда не следует винить только

мужчину. Нередко женщины сами нарушают, ну, если хотите, естественный закон нашей природы... Сами делают шаги, не дожидаясь, когда мужчина остановит на ней свой выбор. (*Взглянув на капитана.*) Вот если это произойдет, вот тогда женщина вправе как-то реагировать. (*Снова вытаскивает пудреницу и, глядясь в зеркальце, поправляет прическу.*)

М а й о р. Лично для меня, Марья Марковна, это не совсем так...

З в е р е в а. Значит, у вас женский характер... А настоящий мужчина... Нет, нет, я уверена, что капитан не так уж виноват... Они сами vessаются... А он вежливый человек... Ну что он может поделывать... Он не отвечает за их поступки... Хотя бы это Полино письмо со стихами... Она сама ведет наступление на него... Нет, картина мне совершенно ясна... Дуся и Поля — это балласт в нашем учреждении.

М а й о р. Ну что вы, Марья Марковна.

З в е р е в а. [Нет, нет... Все слишком ясно...] Сейчас будет главный врач, и я доложу ему... Либо я, либо они...

М а й о р, махнув рукой, поднимается на веранду. З в е р е в а, взглянув на к а п и т а н а и улыбнувшись ему, уходит, предварительно незаметно попудрившись. Пожав плечами, к а п и т а н уходит в помещение.

М а й о р снова вытаскивает из кармана записку, читает ее. К веранде подходит Р е г и н а.

16

Р е г и н а. Иван Иванович, вы не знаете, где Трыкин?

М а й о р. А разве вы с ним помирились?

Р е г и н а. Нет, но я хотела с ним поговорить... [Я не совсем поняла, как так вышло, что мы с ним поссорились...] Где он сейчас?

М а й о р. А он, как ветер, махнул к своему приятелю... Не учтя, так сказать, женское сердце... [да вы подождите его здесь.]

Р е г и н а. А куда он пошел, зачем?

М а й о р. Ну, допустим, выпить пошел...

Р е г и н а (*сердито*). Кажется, могли бы его удержать.

М а й о р. А что вы на меня-то. Не я вас с ним поссорил.

Р е г и н а. Все-таки могли бы ему сказать, что не дело идти пить...

М а й о р. Нет уж, вы напрасно ко мне с этой претензией. А кстати, я и сам имею к вам претензию... Ведь этот ваш ненормальный все время липнет ко мне.

[Р е г и н а. А я-то тут при чем.]

М а й о р. Ну все-таки... ваш хвост кометы... И, главное, не дает мне ни отдыха ни сроку... Сегодня в третий раз намерен прийти...]

Р е г и н а. Ну, разве... Ведь я же увела его тогда...

М а й о р. Снова пришел... И будучи не в себе, полез через забор... Мотивирует — зонтик хочет вам передать...

Р е г и н а. Иван Иваныч, вы о ком говорите? Об Иннокентии или о Шагалове... Ведь Шагалов — это художник. Совершенно нормальный, здоровый человек, окончивший Академию художеств по классу живописи... А того, другого... Иннокентия, вы, вероятно, просто не видели...

М а й о р (*смущенно*). Что вы говорите... Фу-ты глупость какая... Как же это я... Ай, как неловко получилось... Ведь я же с ним как с безумным человеком беседовал...

Р е г и н а. Ну беда не велика. Он придет, и вы объяснитесь.

М а й о р. Да уж это конечно. Но уж больно совестно получилось... Главное, он мою племянницу знает... Ай, какая нелепость. (*Засмеявшись*.) Ведь я же, наверно, извел его этой туфлей...

Р е г и н а. Какой туфлей?

М а й о р. Ну когда я вам каблук приколачивал. Я подумал, что эта сцена запала в его большое воображение... Да и сам-то я извелся из-за этой туфли... А кстати, как получилось у вас? Каблук-то? Крепко? Держится?

Р е г и н а. Ну, великолепно сделали...

М а й о р. Не качается? Дайте-ка мне второй поглядеть. А то один будет крепкий, а другой даже не осмотрен...

Р е г и н а. Да нет, ничего. Другой в порядке.

М а й о р. Да вы дайте, дайте... Я не люблю так, халя-валя... Уж делать так, чтоб оба на совесть... Чтоб можно было положиться на них.

Р е г и н а. Право, не стоит. Мне неловко вас затруднять...

М а й о р. Какое же тут затруднение. Одно удовольствие... Разрешите, я, как средневековый рыцарь, опущусь на одно колено и сниму вашу благородную туфельку, чтоб осмотреть, в каком состоянии ее каблук.

Оба смеются. М а й о р, пародируя рыцаря, торжественно опускается на одно колено и снимает туфлю с ноги Р е г и н ы.

На садовой дорожке появляется «сумасшедший» — И н н о к е н т и й В е р е в к и н. Увидев необычайную сцену, он подходит к веранде.

17

Р е г и н а. Иннокентий... Вы что?! Зачем вы здесь?

Медленный взор И н н о к е н т и я останавливается на туфле, которую м а й о р пробует сунуть в свой карман. Это не выходит, и туфля некоторое время остается на вытянутой руке м а й о р а. Засим м а й о р кладет туфлю в кадку с кактусом и, взяв лейку, поливает кактус.

С у м а с ш е д ш и й (*протирая свои глаза*). Ре-реги-на... Георгиевна...

Регина (*майору*). Вы что... с ума сошли... (*Берет из кадки мокрую туфлю.*)

Майор. Высушить... можно...

Сумасшедший. Регина Георгиевна... Вы сказали про капитана, что это не тот... Я согласился с вашими доводами... Но сейчас я, кажется, имею честь видеть того, кого вы от меня так тщательно скрывали...

Майор. Ай, ну как же так получилось... Уважаемая, ну скажите ему, что это не я...

Регина. Иннокентий, это не он... не тот...

Майор (*сумасшедшему*). Это не тот... Иннокентий... Вы компрометируете... Не тот... (*Жестами показывает, что он не тот.*)

Сумасшедший. Регина Георгиевна... Почему вы всякий раз говорите мне, что это не тот. Зачем вы всегда скрываете от меня того, кого я сам должен увидеть, чтобы решить, достоин ли он вас.

Майор. Ну вот теперь он будет думать...

Регина. Я не скрываю от вас, Иннокентий... Но войдите в мое положение. Ведь если я вам буду говорить, что это тот, так вы уже настроитесь против него. И будете возражать.

Майор. Ну теперь он окончательно будет думать...

Сумасшедший. Если это прекрасный человек и он стоит вас, я не буду возражать... Но в данном случае, Регина Георгиевна, я категорически возражаю... (*Смотрит на майора.*) Нет, нет, этого не будет... Этот человек не годится для вас...

Майор. Он правильно говорит, правильно... (*Иннокентию.*) Вы правильно говорите, товарищ...

Регина. Я совершенно согласна с этим.

Майор (*с обидой*). Ах, и вы согласны с этим... Нет, я же говорил... Это у меня битое дело... (*Смотрится в зеркальце.*)

[Регина. В данном случае, Иван Иванович, у вас то утешение, что вам мужчина отказал, а не женщина...]

Майор (*сумасшедшему*). Иннокентий... А чем же я вам так не понравился...

Регина. Иннокентий... Я хочу вам все рассказать... Слушайте меня... Майор и капитан — это не те... Человек, о котором речь — лейтенант Трыкин. Но я с ним в ссоре. Не скрою от вас — пришла помириться. (*Майору.*) Скажите, где он?

Майор. Видимо, рядом, в госпитале, у своего приятеля...

Регина. Я схожу за ним. Пусть он сам покажется вам. И мы наконец поставим точку над «i». (*Поспешно уходит.*)

Майор. Ай, ну куда же все ушли...

Сумасшедший. По-моему, она пошла предупредить его, чтоб он не приходил сюда... А?.. Ну что ж вы молчите?

М а й о р. А что я буду говорить... Я не обязан разговор поддержи-
вать...

С у м а с ш е д ш и й. Что-нибудь говорите... Я не люблю, когда во-
царяется молчание... Оно тяготит меня... Ну... Куда вы уходите?

М а й о р. Ну иду... Что я тут, как нанятый, буду сидеть...

С у м а с ш е д ш и й. Погодите... Вы знаете, какая мысль мне при-
шла... Регина по-прежнему с ним встречается.

М а й о р. С кем?

С у м а с ш е д ш и й. С художником... И хотя он дал мне подписку,
но он... Недаром мне показалось, что его фигура промелькнула у во-
рот... [Она с ним здесь встречается...] Она пошла его предупредить, чтоб
он не являлся пока сюда...

М а й о р. Вы извините... Я должен, так сказать... по личным своим
надобностям...

М а й о р поспешно уходит. За забором показывается х у д о ж н и к
с зеленым зонтиком в руках. Х у д о ж н и к не без труда перелезает че-
рез забор. И, прыгнув в сад, направляется к веранде, где в кресле (рань-
ше) сидел м а й о р, а теперь сидит И н н о к е н т и й.

18

Х у д о ж н и к (*сумасшедшему*). Иван Иваныч, вот это письмо...
(*Узнав Иннокентия.*) Ах... Это вы...

С у м а с ш е д ш и й. Значит, я прав. [Она с вами опять встречает-
ся...] Ах, и зонтик у вас ее...

Пяťся назад, х у д о ж н и к наталкивается на бегущего с т о р о ж а.

С т о р о ж. Через забор махнул... Думал, не увижу... Попался, рыбий
глаз...

Вывавшись от с т о р о ж а, х у д о ж н и к бежит к забору. Однако пе-
релезть не удается. И тогда х у д о ж н и к начинает бегать по саду, лов-
ко минуя И н н о к е н т и я и с т о р о ж а.

Х у д о ж н и к (*сторожу*). Ты-то хоть отстань, крапивное семя...

С т о р о ж (*Иннокентию*). Доктор, доктор... держите его... забегайте
слева... Сейчас мы его... Ничего, доктор... Я шесть лет среди них ра-
ботал... знаю, как их ловить...

С у м а с ш е д ш и й (*хватая художника за плечо*). А-а...

Х у д о ж н и к. Караул...

И н н о к е н т и й и х у д о ж н и к скрываются за верандой. С т о р о ж
топчется на месте, следя за действием, которое происходит за верандой,
за сценой.

С т о р о ж. Так... Я вижу, доктор, вы с ним справляетесь... Минуточ-
ку... Сейчас веревку принесу... (*Бросается к веранде, но не добежав, воз-*

вращается.) Так... Седайте на него... Седайте, доктор, прямо на него... Сейчас веревку принесу... (*Снова бежит к веранде.*) Где-то тут я ее положил...

Г о л о с х у д о ж н и к а. Караул.

С т о р о ж. Сейчас, сейчас... (*Не найдя веревки, сторож снова бежит к исходному месту.*) Пока нате мой пояс... Вяжите ему руки... (*Снова бежит к веранде.*) Под креслом была... Ах, вот она...

На веранду выходит м а й о р.

19

М а й о р. Что такое?!

С т о р о ж. Психического поймали... Через забор махнул...

М а й о р (*взглянув за веранду*). Да вы что, обалдели... Это же художник... мой знакомый... окончил академию... Не он же психический... а тот...

С т о р о ж. Ну, значит, они оба психические... доктор, доктор, ведите его сюда... Ничего ему... Я шесть лет среди них воспитывал...

И н н о к е н т и й и с т о р о ж выводят художника. Тот ошеломлен и растерян. Рукав его куртки оторван. Зеленый зонтик сломан пополам. Взор х у д о ж н и к а блуждает. На садовой дорожке Р е г и н а.

По другой дорожке спешит З в е р е в а.

М а й о р (*сторожу*). Ведь это же художник... [Мой хороший знакомый...] Он племянницу мою знает... А вы ему рукав оторвали...

М а й о р подходит к х у д о ж н и к у, желая поправить его туалет, но х у д о ж н и к, видимо, плохо соображая, прикрывает лицо рукой и начинает обороняться. Видя, что х у д о ж н и к снова проявляет активность, И н н о к е н т и й хватает его за руку.

Р е г и н а (*подбегая*). Иннокентий... вы что... с ума сошли...

З в е р е в а (*подходя*). Боже мой, боже мой... Федор Кузьмич... Ну что это у нас...

С т о р о ж. Два психических. Один через забор махнул. Другой... доктор...

М а й о р (*Регине*). Главное, мой знакомый... Смотрите, как они его напугали...

Р е г и н а. А он сам виноват. Не надо ему было сюда ходить... А вашим поведением. Иннокентий, я возмущена... Нет, я прекращу с вами встречаться... Кроме того, вы же должны быть сегодня на комиссии. Уже шесть часов... Немедленно со мной...

С у м а с ш е д ш и й (*робко*). Регина Георгиевна...

Р е г и н а. Поправьтесь... И немедленно со мной...

Инокентий покорно следует за Региной. Оглядывается на художника.

Майор (*Зверевой*). Главное, это художник... Окончил Академию, по классу живописи... Знакомый моей племянницы...

Зверева. Да, да, Федор Кузьмич мне говорил... Все признаки на лицо... Зрачки расширены... Сейчас позвоню в психиатрическую...

Майор. Да нет... Он здоров... Наоборот, тот его... из ревности...

Зверева. Ах, вот как. Из ревности... Я же говорила — вот что такое женщины... Из-за них все... Они сами, сами пристают... Нет, нам пора заменить женский персонал мужским. Иначе мы не избавимся от этого любовного хаоса... Сейчас приедет врач, и я доложу... Или я, или он...

Майор (*художнику*). Ну как вы себя чувствуете? Немножко напугались?.. Валерьянки хотите?

Художник. М... мм... (*Отгоняет майора сломанным зонтиком.*)

Зверева. Проводите его ко мне...

Сторож (*художнику*). Ходить-то еще можете... Дайте я вас под ручку возьму... Осторожненько, не споткнитесь... Так... Теперь левую ножку... Так... Молодцом... Хорошо ходите...

Зверева, сторож и художник уходят. К майору, радостно махая рукой, в которой телеграмма, подходит Поля.

20

Уборщица (*майору*). Кого это повели? Что-нибудь случилось?.. Вам телеграмма, товарищ майор...

Майор. Ай, Поля, не до тебя сейчас... Ах, телеграмма. Давай.

Уборщица. С особой радостью отмечаю — из Москвы...

Майор. От Лизочки... От племянницы... Выехала...

На веранду выходит капитан. Он бледен. Опирается на палку.

21

Капитан. Что случилось?

Майор. Небольшое недоразумение... Уже ликвидировано... Николай Романыч... телеграмма от племянницы... Позвольте... Выходит, что она сегодня должна приехать... Сейчас высчитаю...

Уборщица (*капитану*). Товарищ капитан... Мой-то ирод через вас... пол-литра выкушал...

Капитан. Слушайте... Нет, так дальше не может продолжаться... Мне кажется, что вы все нарочно сговорились против меня... И хотите, чтоб я... Уйдите прочь...

Уборщица. Попрошу соблюдать вежливость в общении...
(Уходит.)

Майор (капитану). Ну что они к вам лезут каждую минуту... Прямо я сам поражаюсь... Человеку нужно полнейшее спокойствие, а они... не учитывают... Ведь так до припадков доведут...

Капитан. За один день... Прямо неврастеником стал...

Майор. Ванны на вас так плохо не действовали, как эти скандалы... А плюньте вы на всех... Лучше послушайте... Племянница ведь сегодня приезжает... Уж она, понимаете, возьмется за вас... Приведет вас в порядок...

Капитан. А на что она мне, послушайте...

Майор. Ну как же так... Давно хотел вас с ней познакомиться... Уж она приберет вас к рукам... Мировая женщина...

Капитан. К черту вашу племянницу пошлю...

Майор (обиженно). Зачем же, понимаете, нервничать и так восклищать... Довольно странно...

Капитан. Так поймите же, наконец... Я люблю свою жену... А вы тут... с этой... с вашей... пошлой племянницей...

Майор. Я попросил бы вас... О моей племяннице... (Едко.) Говорите, что любите свою супругу, а между тем вокруг вас наблюдаются вещи более чем странные... Одна из-за вас плачет... Другая скачет... Третья... Ведь это можно квалифицировать, как...

Капитан. А что я буду с вами говорить... (Махнув рукой, уходит.)

Майор. Ушли... Не пожелали выслушать... А я вам говорю... Можно квалифицировать, как моральное разложение... Ну так знайте — принципиально не познакомлю вас с моей племянницей.

Майор тоже уходит. На дорожке сада появляется Зверева. В руках у Зверевой какая-то записка, которую Зверева нервно читает. За Зверевой плетется сторож Федор Кузьмич. Он держится на ногах нетвердо. Негромко напевает песню: «Шумел камыш, деревья гнулись».

22

Зверева (сторожу). Где вы нашли эту записку?

Сторож (напевает). «А ночь темная была...»

Зверева. Да вы что, пьяны?.. Боже мой, Боже мой... Что ж это у нас...

Сторож. Самую малость... Сердечное горе... Поля отклонила..

Зверева. Я вас спрашиваю, где вы нашли записку?

Сторож (напевает). «Одна возлюбленная пара...» (Зверевой.)
Записку-то? В аккурат на этой скамейке... (Поет.) «Всю ночь гуляла до утра...»

З в е р е в а (*гитает записку*). «Дорогой капитан... Сегодня в беседке... в семь часов...» Боже мой... Нет, я же говорю... Они сами, сами вешаются... Пишут записки... Забывают элементарные законы женственности... Нет, это Дуся написала... Больше некому... Недаром она сегодня канючила перед капитаном...

С т о р о ж (*поет*). «Ах, не одна трава помята...»

З в е р е в а. Наглая девчонка... Она думает, что она молода и этим все сказано... Ошибается... (*Вытаскивает из кармана пудреницу и губную помаду. Смотрится в зеркальце.*)

С т о р о ж (*поет*). «Помята вся ее краса...»

З в е р е в а. Настоящему интеллектуальному человеку не так уж важна молодость... Молодость — это прежде всего — глупость... А есть духовные стороны, которые... привлекают мужчину...

Энергичным и решительным жестом З в е р е в а подкрашивает свой рот красной помадой.

С т о р о ж (*поет*). «Эх, загулял, загулял... парень молодой, молодой... В красной рубашончке... хорошенький такой...»

Слышен звук гонга.

(*Кричит*). Чай пить...

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Декорация третьего акта. Однако веранда совсем в отдалении [в перспективе.] На первом плане [поэтический] уголок сада. Аллея. Скамейки. В правом углу сцены небольшая беседка, увитая плющом. По дорожке сада идут с т о р о ж и у б о р щ и ц а П о л я.

1

У б о р щ и ц а. Я согласилась с вами переговорить, поскольку я не считаю целесообразным ссориться с вами по такому поводу... Однако позвольте выразить вам свое неудовольствие. Вечно вы зовете меня к воротам. Как будто нет иных мест для деловых разговоров... Вот довольно поэтический уголок, где вы можете рассказать мне о своих неотложных нуждах.

С т о р о ж. Пелагея Максимовна. Я чувствительно рад, что вы вновь согласились со мной беседовать... Какое же будет ваше последнее слово?

У б о р щ и ц а. Федор Кузьмич, это нигде не видано, чтоб после примирения сразу с этого начинать. [Еще кичитесь своей культурой. Не учитываете элементарных запросов того, с кем беседуете.]

Сторож. Нет, Пелагея Максимовна, я вижу, вы очень критически ко мне относитесь.

Уборщица. Конечно, с моей стороны вы подверглись суровой критике. Но я признаю, что человек вы душевный и сердце у вас в достаточной мере доброе. Однако ваша заслуга не только в этом. Пройдемте в беседку и там мы продолжим наш разговор...

Сторож. Нет, уж в беседку-то, я так думаю, лишнее, Пелагея Максимовна... Это уж будет без привычки... в беседке сидеть...

Уборщица (входя в беседку). Ничего, привыкайте... Итак, я дала высокую оценку вам не с тем, однако, чтобы вы сразу с этого начинали... Сначала выслушайте то, что я вам скажу. Как вам известно, я вдова. И одна не решаюсь жить. Получила предложение от одного человека...

По дорожке сада идет майор. Перечитывает записку. Поглядывает на часы. [Смотрится в зеркальце.] Входит в беседку.

2

Майор (с огорчением). Ах, это вы тут...

Уборщица. Вы кого-нибудь ищете?

Майор. Да нет, так... Хотелось посидеть в беседке... Не сейчас... (Смотрит на часы.) Минут так через сорок...

Уборщица. Пожалуйста, пожалуйста. Можете даже раньше. Через полчаса.

Майор. Тогда через полчаса. (Уходит.)

Сторож. От кого предложение-то получили, Пелагея Максимовна?

Уборщица. Между прочим, он младший кандидат технических наук.

Сторож. Знаю. Такой полный, седоватый.

Уборщица. В крайнем случае может покраситься. А вот что слишком полный, это, конечно, минус. Мне такие не нравятся. Мне с ним душно.

Сторож. Пелагея Максимовна, значит, я могу рассчитывать...

Уборщица. Погодите. [Нельзя же сразу с этого начинать.] Прежде всего скажите, что ваша супруга рассудила, когда вы за ней сватались. Почему она за вас пошла?

Сторож. Рассудила, что я буду бережно к ней относиться. Буду лелеять ее очень душевно...

Уборщица. Федор Кузьмич... поцелуйте меня в щеку...

Сторож. Пелагея Максимовна... (Целует ее.)

На дорожку сада выходят Регина и лейтенант. Они идут, взявшись за руки. Мечтательно смотрят вверх.

3

Уборщица. Федор Кузьмич, ну что вы вертитесь?

Сторож. Народ же ходит, Пелагея Максимовна. Неловко в беседе сидеть.

Уборщица. Привыкайте. А то вертитесь, как на шарикоподшипниках.

Остановившись на дорожке, Регина и лейтенант целуются.

Регина. Мой дорогой... (*Обняв лейтенанта, целует его продолжительно.*)

Сторож (*высунувшись из беседки*). Граждане! Нельзя же... Запрещено. Пора бы сделать соответствующие выводы...

Лейтенант. Это тебе показалось, Федор Кузьмич.

Уборщица (*сторожу*). Можете с полным основанием не замечать их поступков, поскольку они только что примирились. Как и мы с вами.

[Лейтенант. Мы же помирились, Федор Кузьмич.]

Сторож. Тогда не обращаю внимания.

На дорожке сада появляется майор. Он снова поглядывает на часы.

4

Лейтенант (*майору*). Иван Иванович...

Майор. Ты извини, дорогой... Мне сейчас некогда... Тороплюсь к семи часам...

Лейтенант. Так ведь сейчас...

Майор. А сейчас уже тридцать пять седьмого...

Лейтенант. Нет, я только хочу сказать, Иван Иванович... Помирились ведь мы с Региной. Уж казалось — все кончено, [безнадежно,] никакого возврата...

Регина. Да, я совершенно твердо решила, но...

Лейтенант. То есть это что-то поразительное в моей жизни. Все как-то получается в мою пользу...

Майор. Да, тебе исключительно везет... Ну, извините, я тороплюсь.

Регина и лейтенант уходят. Майор заглядывает в беседку [и, увидев там сидящих,] хмурится.

5

Уборщица. Разве полчаса уже прошло?

Майор. Нет, но... Минут через пятнадцать я приду, как хотите.

Уборщица. Можете даже раньше. Через десять минут.

Майор уходит.

Сторож. Пелагея Максимовна, значит, я могу надеяться?
Уборщица. Уж не знаю, что вам сказать... Нет... Наверно, будете валенки сушить в духовке.

Сторож. Зачем же в духовке. Можно и на плите.

Уборщица. Конечно, хотелось бы видеть рядом с собой что-то более интересное, хотелось бы большей... мечтательности... Но...

Сторож. Пелагея Максимовна, так я же не возражаю против вашей мечтательности... Супруга моя была дама тоже, между прочим, мечтательная. И мне ее мечтательность не мешала.

Уборщица. Вам-то не мешала, а ей-то, может быть, вы мешали. Достаточно сказать — нестарая умерла. А вы со своим мировоззрением, наверно, двести лет проживете... [Поцелуйте меня в щеку, и пора идти...]

Оба уходят. На дорожке сада капитан. Рядом с ним
две школьницы.

6

Капитан. Ну, спасибо, что меня навестили. Передайте вашей школе мою благодарность за посылку. Я был очень тронут... И скажите, что я непременно буду на вашем вечере...

Школьницы (*вместе*). Дорогой товарищ капитан, от имени школы позвольте нам крепко пожать вашу руку и поцеловать вас в знак нашего восхищения перед вашими боевыми подвигами.

Капитан. Я очень, очень тронут, милые мои маленькие товарищи... Мои маленькие друзья...

Школьницы одновременно целуют капитана: одна в одну щеку, другая — в другую. И поспешно уходят. На дорожке сада появляется
майор.

7

Майор. Я понимаю, что это шутливый поцелуй, но можно было и без него обойтись, уважаемый Николай Романыч.

Капитан (*иронически*). А почему вы думаете, что это был шутливый поцелуй? Самый серьезный.

Майор. Прямо я с удивлением на вас смотрю. Как можно ошибаться в людях. Позвольте с полной откровенностью вам сказать — мне кажется странным ваше поведение за последние дни... В особенности в отношении женщин...

Капитан [*иронически*]. Да? Вы находите?

Майор. Да, нахожу... Помимо того, вы позволили себе ряд поступков, которые не дают мне основания считать вас своим другом...

Вы назвали мою племянницу пошлой... И вы не пожелали перечитать это желтое письмо, хотя я и просил вас об этом...

Капитан. Вот за это прошу меня извинить. И уж откровенность за откровенность. Меня возмутили ваши слова: «Вот племянница придет, вот она вас»... Ну что за манера... Да. может, она меня и знать-то не захочет... Может, она любит мужа, помнит его, страдает о нем.

Майор. Не думаю... Правда, я не знаю его, не видел. Но она писала мне. Какой-то, говорит, он рассеянный. А уж если жена говорит, что рассеянный, значит, какой-нибудь вахлак. А то и алкоголик.

Капитан. Терпеть не могу эту родственную критику... Вот у моей жены был... дядя, что ли, ее. Этакий — критик. Во все нос совал. Уж она так боялась, как бы он к нам не приехал... [Прямо, говорит,] житья от него не будет, от этого мусорного старика... А уж если она так говорит — можно представить, что за дядя.

Майор (с обидой). Я сам дядя... И так... обобщать... что уж все дяди... Нет, не могу с вами по-хорошему говорить, Николай Романыч... Извините...

Капитан. Извините...

Оба. повернувшись, расходятся. Капитан уходит. Майор, взглянув на часы, идет в беседку.

Майор [(про себя)]. Без четверти семь, а ее еще нет... Но кто же это может быть... Нет, не Дуся... И уж во всяком случае не Поля.

По дорожке идет художник Шагалов. Вид у него вполне бодрый и беспорядка в костюме нет. Художник заглядывает в беседку.

8

Художник. Виноват... Регину не видели?

Майор. Слушайте, что вы опять ко мне? Ведь сказано вам, [что не слежу за ней...] А туплю... туплю... (Засмеявшись.) Фу, простите, пожалуйста... По старой привычке принял вас за... Ну как, пришли в себя, отдышались?... И здорово он вас помял?

Художник. Да нет, пустяки... Значит, не знаете, где Регина?

Майор. Право, не знаю. Да, кстати, [уважаемый...] Лиза сегодня приезжает...

Художник. Ах вот как. [С каким же поездом?]

Майор. Вы извините меня... Я сейчас крайне занят... Мы после поговорим... Пойдите пока поищите Регину...

Художник. Есть... поискать Регину... (Уходит.)

Майор (сам себе). Уже без десяти семь, а ее нет... [Но кто же это может быть... А что если это Марья Марковна? Ведь это же она взяла

меня сегодня под руку. Гуляла, советовалась... Да. это она, Марья Марковна... Ну что ж... я очень рад. (*Смотрится в зеркальце.*)

В беседку заглядывает «сумасшедший». Вид у него поблекший и хризантемы в петлице нет.

9

Сумасшедший (*скромно*). Разрешите войти...

Майор. Слушайте... Я не понимаю... вам же точно сказано... Я не тот...

Сумасшедший. Нет, я не насчет Регины Георгиевны. Вы случайно не видели художника Шагалова?

Майор. А зачем он вам? Опять хотите его...

Сумасшедший. Напротив. Я хотел принести ему свои извинения за этот печальный инцидент, свидетелем которого вы были... Лично у вас я также прошу извинения.

Майор. Ага... очень приятно слышать от вас, так сказать, разумные речи... Совсем поправились?

Сумасшедший. Состоялась сейчас врачебная комиссия. И меня нашли здоровым... Но они, по-моему, ошибаются...

Майор. Нет, нет, не садитесь. Не располагайтесь в беседке... Я сейчас занят... Пойдите, поищите художника.. [Он сию минуту был здесь.]

Сумасшедший уходит. Майор смотрит на часы.

Без трех минут семь... Неужели не придет?

В беседку вбегает уборщица Поля.

10

Уборщица (*затыхавшись*). Иван Иваныч... Скорей.

Майор. Ты?! Поля...

Уборщица. Подъехала машина, ведомая Егоркиным. Привезла с вокзала вашу племянницу...

Майор. Ай, Поля, ну вечно ты меня чем-нибудь таким. Ну не могу сейчас... Видишь — занят...

Уборщица. Так ведь родная же племянница. Жаждет вас видеть.

Майор. Тогда скажи ей... пускай она сюда придет... Нет, погоди... Посиди тут, подожди, а я... Нет, стой... Ай, какая незадача... (*Взглянув на часы.*) Тогда бежим скорей.

Уборщица (*выходя из беседки*). Кстати, выяснилось, где мое письмо со стихами. Оно у Марьи Марковны. А почему? Позабыла на конверте фамилию написать.

Майор. Ай, Поля, не до тебя сейчас... Где племянница?

Уборщица. Она в канцелярии.

М а й о р и П о л я поспешно выходят из беседки. На дорожке сада [появляется М а р и я М а р к о в н а] З в е р е в а. Она нарядная, подкрашенная, с цветком в волосах. По другой дорожке идет к а п и т а н. [На ходу читает книгу, не глядя по сторонам.] М а й о р едва не сбивает с ног З в е р е в у.

11

З в е р е в а. Боже мой, Боже мой...

М а й о р. Марья Марковна... Как я счастлив... что вы пришли... Посидите тут... Минуточку... Я сейчас...

З в е р е в а. Что с вами?

М а й о р. Племянница приехала. Я сейчас. [Обождите меня тут...] Только, умоляю, не уходите... Поля, давай скорей.

П о л я и м а й о р убегают. [Из беседки выходит к а п и т а н.]

12

К а п и т а н. Ну, конечно, она. (*Зверевой.*) Марья Марковна...

З в е р е в а. Вы меня зовете, Николай Романыч?

К а п и т а н (*строго*). Я хочу с вами поговорить.

З в е р е в а. Я очень рада с вами поговорить. И если та придет, то... Я сама хотела на нее взглянуть, чтоб сказать ей об ее заблуждении.

К а п и т а н (*хмуро*). Вы знаете, Марья Марковна... Не в моих принципах читать проповеди. Но я вынужден вам сказать... Вы, вы... ну, неправильно ведете себя в отношении меня...

З в е р е в а. Как я должна понять ваши слова?

К а п и т а н. История с васильками распутала мне всю эту нить, которую следует разорвать. Да, все это не нужно, ни к чему... Я прошу вас... Не надо больше... вашего внимания ко мне...

З в е р е в а. Как вы беспощадны... [Вы сами, сами даете женщине иллюзию и потом отнимаете ее... Вы... Вы...]

На садовой дорожке м а й о р, который стремительно тащит за руку свою п л е м я н н и ц у Л и з у — молодую женщину лет двадцати пяти.

13

М а й о р (*племяннице*). Лизочка, посиди тут... Где же этот чертов Шагалов? Отстал... Сейчас он подойдет... Займет тебя... А я сейчас... [через три минуты...]

П л е м я н н и ц а. Дядя, что с вами... Я прямо не узнаю вас...

Приходит х у д о ж н и к Ш а г а л о в. Платком вытирает пот со лба. Садится рядом с п л е м я н н и ц е й. [Из беседки стремительно выходит крайне взволнованная З в е р е в а.] Вслед за ней выходит и к а п и т а н, который уходит, не оборачиваясь.

З в е р е в а (*вслед капитану*). О, теперь я поняла вас... Вы жестокий, безжалостный человек. [Вы, как к игрушке, относитесь к женщине...]

М а й о р (*подбегая к ней*). Марья Марковна, что с вами? Он оскорбил вас?

З в е р е в а. Да, да... Он, он... Вы извините... я должна уйти... у меня, вероятно, размазались ресницы...

М а й о р. Но вы придете? Точно? Я прошу вас об этом...

[З в е р е в а. Как вы добры ко мне. Какой вы хороший, чуткий человек.]

Взяв Звереву под руку, майор уходит с ней.

Х у д о ж н и к (*племяннице*). Безумно рад вас видеть, Лизет...

П л е м я н н и ц а. А почему так дядя взволнован? Вы не знаете?

Х у д о ж н и к. Да тут один капитан... ухаживал за многими... И, кажется, ваш дядя его разоблачил. Ну — шутикар. Папильон. Искатель приключений. Лизочка, ну как вы, как? Ведь я же вас не забыл...

П л е м я н н и ц а (*улыбаясь*). Ну, будто бы...

[Х у д о ж н и к. Нет, уверяю вас... Мое чувство к вам перешагнуло все бури и невзгоды...]

Приходит майор.

14

М а й о р. Нет, я этого так не оставлю... Я считаю, что общественное мнение должно как-то реагировать...

П л е м я н н и ц а. Дядя, да посидите вы хоть три минуты с нами. Ну поглядите, на кого вы похожи...

М а й о р. Да, в самом деле... Немножко умаялся...

М а й о р садится на скамью рядом с племянницей, [которая приводит дядю в порядок. Платком вытирает пот с его лба. И потом выжимает этот платок так, что из него в изобилии льется вода.] Приходят Регина и лейтенант. Они идут, нежно взявшись за руки. Рядом с ними и сумасшедший.

15

Р е г и н а (*сумасшедшему*). И, значит, комиссия сделала заключение, что вы совершенно здоровы?

С у м а с ш е д ш и й (*пожав плечами*). Представьте себе... Но я хочу подать заявление, обжаловать...

Р е г и н а. А вы извинились перед Шагаловым?

С у м а с ш е д ш и й. Да, но он теперь так надменно говорит со мной... [Сейчас я ему еще раз скажу...]

М а й о р (*подошедшим*). Товарищи... Прошу вас... Знакомьтесь...
Моя дорогая племянница.

С у м а с ш е д ш и й (*художнику*). Товарищ Шагалов, еще раз я прошу у вас извинения за этот инцидент.

Х у д о ж н и к. Да ладно, слышал. Сказали и хватит. А вообще, это, конечно, безобразие с вашей стороны. Здоровый человек, а ведете себя... Ведь это любой суд может... (*Племяннице.*) Пройдемтесь, Лизет... Хочу показать вам серебряный пруд. Здесь рядом.

Художник, племянница и майор уходят.

С у м а с ш е д ш и й (*Регине*). Только не художник Шагалов, Регина Георгиевна... Он вас сделает несчастной...

Р е г и н а (*показав на лейтенанта*). А как вам нравится этот молодой человек?

С у м а с ш е д ш и й. О, это мой юный друг. Вот он [вполне... для вас.] (*Слохватившись.*) Да, но теперь, когда я здоров. Регина Георгиевна, я ведь и сам, так сказать...

Р е г и н а. Иннокентий, я же вам говорила... Ваша болезнь не остановила бы меня, если б я вас любила... [А, кроме того, ваше состояние может вернуться.]

На дорожке сада снова появляются художник, племянница и майор. Вслед за ними идут сторож и уборщица.

16

М а й о р. Друзья... Кажется, мы здесь все собрались... Я хочу несколько слов сказать вам. Мы как-то должны реагировать на поведение одного из наших товарищей. Где капитан? Надо бы при нем... Я схожу за ним... (*Уходит.*)

Р е г и н а. А в чем он виноват? Какой вздор.

У б о р щ и ц а. Зафиксировано его бездушное отношение к женщине. А уж если он к живому существу так относится, то... Достаточно сказать, что у нас два термометра пропало...

Л е й т е н а н т. А я считаю, что Николай Романыч ни в чем не виноват...

П л е м я н н и ц а (*вскогив*). Как, как вы сказали? Николай Романыч? А как его фамилия?

Л е й т е н а н т. Капитан Дулов.

П л е м я н н и ц а. Но ведь это... Это мой муж... Где он... Ведь четыре года... Ездил в Новгород... там даже дома нашего не осталось... никаких следов... Где же он? Здесь?

Л е й т е н а н т. Он здесь.

Уборщица. Здесь он, здесь... Успокойтесь... Не надо лишних волнений... Сейчас его позову.

Племянница. Погодите... А в чем... его обвиняют? В том, что он... Какое несчастье... Найти человека для того, чтобы опять его потерять.

Художник. Почему же потерять... Ну, развлекался человек, искал утешения...

Племянница. Какое несчастье... Это же был кристально чистый человек... Неужели же за эти годы...

Регина. Вам дурно? Принести воды?

Художник (*сумасшедшему*). Послушайте... как вас там... Принесите воды...

Сумасшедший. Есть принести воды...

Племянница. Не надо... Я сама пойду... Я не хотела бы здесь присутствовать, когда дядя будет говорить о нем... Прошу вас, ничего не говорите дяде... И мужу не говорите, что я здесь. Я должна обдумать, решить...

Племянница и художник уходят. [Вслед за ними уходят все, кроме сторожа и уборщицы.]

Уборщица. Целый день у нас царит необычайное оживление... Достаточно сказать — шесть скандалов и две драмы.

Сторож. Пелагея Максимовна...

Уборщица. Ай, не до вас сейчас, Федор Кузьмич... [Ведь сказано же вам — я согласна...]

Поля убегает. Приходит майор.

17

Майор. Капитан обещал прийти... А где же все?

Сторож. А все... Нет, ничего такого не случилось, товарищ майор... за исключением... ваша племянница пошла водички попить. И те с ней.

Майор. Ну добре... Передохну секунду...

Сторож. Товарищ майор... Разрешите мне это самое... ваше зеркальце. Хочу взглянуть. А то она говорит — исключительно неинтересный. (*Смотря в зеркальце.*) Нет, лично я сам себе нравлюсь...

Майор. Вдобавок учти — зеркальце изображает хуже, чем на самом деле... Сужу, понимаешь, по себе. Казалось — неинтересный, успеха нет. А на деле картина обратная.

Сторож (*разглядывает себя*). Ну, значит, на самом деле еще прекрасней... (*Отдавая зеркальце.*) Поля-то не за мою внешнюю красоту, а за душевную согласилась за меня идти...

М а й о р. Ну, такие тонкости, как душевная красота, зеркальце, понимаешь, не регистрирует... Это только глазом можно видеть. И то не каждым. Дурной глаз, и ничего такого не увидишь...

С т о р о ж. У злой Натальи все люди каналы.

Одновременно приходят — Регина, лейтенант, сумасшедший и уборщица. Несколько позже подходит Муся и затем Дуся. Наконец появляются художник и племянница. Она бледна и взволнована. Опирается на руку художника. Они останавливаются поодаль.

18

М а й о р. Кажется, все собрались... Друзья мои... Вынужден несколько слов сказать... Потому что — ну сердце переворачивается в моей груди... Не следует к женщине относиться плохо... А один из нас... Уважаемый человек... Позволил себе легкомысленно подойти к этому вопросу...

Д у с я (*кричит*). Неправда... Это неправда... Вы не знаете Николая Романыча... Он серьезно, по-настоящему относится к женщине...

[Появляется З верева. Она бледна, но спокойна. Вся ее мишура — цветы, краска на губах и на ресницах исчезла. У нее прежний строгий вид.]

19

М а й о р (*Дусе*). Пожалуйста, скажите, в чем я неправ. Я охотно признаюсь в своей ошибке...

Д у с я (*тихо*). Может быть, не принято так говорить, но я скажу... Николай Романыч не отнесся легкомысленно ко мне... Он сказал, что он охотно бы назвал меня своей женой...

Наступает тишина.

П л е м я н н и ц а (*художнику*). Нет, уйдемте... Я не могу больше слушать...

М у с я (*Дусе, тихо*). Ты с ума сошла... Здесь его жена... Она приехала...

Д у с я. Не мешайте... Дайте мне закончить... Да, Николай Романыч сказал мне, что он назвал бы меня своей женой, если бы не любил свою жену Лизу, о которой он думал дни и ночи... И больше ни о ком он не думал... И обо мне он не думал...

М а й о р. Ну, допустим, я ошибся в отношении Дуси... Скажем другой пример... Марья Марковна...

З в е р е в а (*тихо, но отгетливо*). Не надо говорить... обо мне... Это была моя собственная оплошность... иллюзия... за которую я... Николай Романыч настоящий человек...

М а й о р. Друзья мои... Что же выходит? Значит, я ошибся в отношении капитана?

Г о л о с а. Ошиблись... Ошиблись, Иван Иванович...

М а й о р. В таком случае, друзья... очень приятно... что это была ошибка... а не на самом деле...

З в е р е в а (*едко*). Не следует в таких вещах ошибаться. Речь идет о живом человеке.

М а й о р (*в смятении*). Батюшки светы... А ведь ошибся-то я [не только в этом... Батюшки светы...]

Л е й т е н а н т. [По-моему, Иван Иванович...] Эх, не надо было просить Дусю... чтоб она писала это... фальшивое письмо...

Г о л о с а. Правильно... Правильно...

М а й о р [*в полном смятении*]. Так ведь... от чистого сердца...] Батюшки светы... [С моей стороны это был...]

Р е г и н а. Это был механический подход...

У б о р щ и ц а. ...к отдельной индивидуальности...

Медленной походкой идет к а п и т а н. Он проходит мимо племянницы Лизы, не обратив на нее внимания.

20

П л е м я н н и ц а (*тихо*). Николай...

К а п и т а н (*обернувшись*). Лиза?! (*Бросается к ней*.) Лиза! (*Обнимает, целует ее*.)

М а й о р (*увидев поцелуй*). Граждане... ну где ж я ошибся... в отношении его... Не успела, понимаете, племянница приехать... а уж он... [понимаете...]

Г о л о с а. Это муж... Муж ее...

У б о р щ и ц а (*майору*). В заключение вам скажу — это никто иной, как муж вашей племянницы.

М а й о р. Муж... моей... племянницы...

Приходит доктор Павел Петрович. С улыбкой смотрит на сияющего капитана.

Д о к т о р (*Зверевой*). [Вот... я же говорил...] Вот что значит двадцатая ванна...

К а п и т а н. Лизочка...

М а й о р. Друзья мои... Очень приятно... что это муж ее... Очень, очень приятно... что все получилось так... приятно...

Лейтенант. «Двенадцать раз луна сверкала...»

Голоса. «Двенадцать месяцев в году...»

Звук гонга.

Сторож (бесстрастно). У-ужинать...

Занавес

ПУСТЬ
НЕУДАЧНИК
ПЛАЧЕТ

Комедия в 3-х действиях

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

PHYSICS 435

STATISTICAL MECHANICS

LECTURE NOTES

BY

ANDREW W. WILSON

PHYSICS DEPARTMENT

UNIVERSITY OF CHICAGO

Действующие лица:

Директор.
Жена.
Дочь.
Жених.
Знакомая.
Племянник.
Бухгалтер.
Доктор.
Папаша.
Мамаша.
Сергей.
Клавочка.
Милиционер.
Домработница.

Действие первое НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ СВИДАНИЕ

Городской сад. Осенний пейзаж. Слышится отдаленная музыка духового оркестра. Заметно врет медная труба.

На переднем плане справа мраморная статуя. Под ней скамейка. По дорожке сада медленно идут двое. Первый — Григорий Борисович Китин, директор скупочного пункта. Ему лет 50 с небольшим. Он весьма живой, энергичный, франтовато одетый. Второй — Иван Макарович Грошиков, бухгалтер скупочного пункта. Это человек неопределенных лет. В картузе старомодного фасона. В потертом, засаленном пиджаке.

1

Директор. И за это, Иван Макарыч, я дам тебе полтора процента с общей суммы.

Бухгалтер. Очень вами благодарен, Григорий Борисыч...

Директор. А если они сразу деньги дадут... тогда еще что-нибудь тебе подкину... детишкам на молочишко...

Бухгалтер. Сразу деньги они не обещали, Григорий Борисыч. Они хотели сегодня дать... *(Тихим голосом и оглядываясь.)* сто тысяч... И через недельку остальные...

Директор. Ага... Только ты, Макарыч, не думай, что тут какое-нибудь арапство с моей стороны. Картина, что мы продаем, лично мне принадлежит. Она из моей коллекции... А что я тебя пускаю на это дело, а не сам, то мне, понимаешь, как директору скупочного пункта, ну, неудобно это... Погоди, кажется, пришли... Ну да, здесь... Я сюда ее просил прийти...

Бухгалтер. Поэтичный уголок избрали, Григорий Борисыч...

Директор. Она любит это местечко. Нередко сюда заходит пометать и так далее... *(Взглянув на часы.)* Сейчас явится...

Бухгалтер. Так я пойду, Григорий Борисыч...

Директор. Погоди... Посидим, поговорим...

Бухгалтер. Неловко, Григорий Борисыч... вдруг придет...

Директор. Придет, так и уйдешь... И, значит, ты не порицаешь меня за это свидание?

Бухгалтер. Зачем мне порицать...

Директор. Ну, все-таки, наверно, думаешь — влюбился, дескать, старый пес, свиданье в саду назначил.

Бухгалтер. Зачем мне об этом думать. Я об этом ничего не думаю... Ну, так я пошел, Григорий Борисыч... Нет, верно, неловко мне тут быть...

Директор. Нет, уж раз заговорил обо мне, так изволь выслушать мою исповедь. Да, представь себе, я влюбился. Невзирая на возраст и так далее.

Бухгалтер *(улыбаясь)*. Ай, ей-богу... Главное, то неловко, Григорий Борисыч, что она с нашего-то скупочного пункта конторщица...

Директор *(не слушая)*. Конечно, Клавочка в сем мире незаметное явление, но... Это в прежнее время, Макарыч, я влюблялся только в актрис. Только одни актрисы меня почему-то интересовали. Потому как, думаю, гардероб у них уже есть — покупать ничего не надо. Помимо того, они обыкновенно халтурят...

Бухгалтер. Идет, идет, кажется... Нет, не та... А чем-то напоминает Клавочку?

Директор. Нет, у Клавочки походка грациозней. И сама она какая-то воздушная... лучезарная...

Бухгалтер *(смеясь)*. Ай, ей-богу... уморите вы меня совсем.

Директор. Только ты, Макарыч, не смей и думать — у меня к ней ничего такого аморального нет. Чистое, возвышенное чувство. Оно буквально освежает мое сердце после всего перенесенного. Все-таки такое время испытали. И теперь хочется немного лирики.

Бухгалтер (*улыбаясь*). Ай, ей-богу... ну, так я пошел, Григорий Борисыч...

Директор. Погоди. Видишь, ее нет... Да, Макарыч, это удивленье берет — сколько человек может перенести. Ведь одна фугасная бомба, я тебе говорил, упала вокруг меня, ну шагах в тридцати.

Бухгалтер. Ну уж и в тридцати?

Директор. Даю слово — в тридцати... Ну, может быть, в пятидесяти.

Бухгалтер. И вы говорили, будто вас с земли приподняло и после по воздуху понесло... (*С улыбкой*.) Ну уж и по воздуху?

Директор. Понесло по воздуху. Воздушной волной. Семь шагов летел, как птица.

Бухгалтер. При полном сознании?

Директор. При полном моем ясном сознании. Еще я тогда подумал: «Мама дорогая, куда же это я лечу?» И хорошо, Макарыч, брякнуло меня в снег. А ну-те об стенку... А тут встал, обтер морду и... Вот взгляни, какой осколок. (*Показывает*.) Нарочно захватил — хотел показать Клавочке...

Бухгалтер (*рассматривая*). С той бомбы... осколок?

Директор. С той бомбы. И прямо в меня... перелетел и... тоже упал шагах в тридцати... А это вот, гляди, пуля... (*Роется в кармане*.)

Бухгалтер. А пуля-то откуда?

Директор (*роется*). А пуля эта, понимаешь... Погоди, куда же я ее дел? Специально завернул в бумажку — хотел показать Клавочке. Ага, вот она... (*Разворачивает бумажку*.) Нет, это коронка. Да, это золотая коронка. Хотел завтра отнести к зубному технику... Вот черт, куда я сунул эту пулю...

Бухгалтер. А пуля-то что обозначает?

Директор (*продолжая рыться в карманах*). А пуля эта... Сижу, понимаешь, в кабинке рядом с шофером... Вдруг треск разбиваемого стекла... И пуля эта... Ах, вот она... (*Показывает*.) Гляди... Вон какая... О! Видал?.. И пуля эта, говорю, врезается в раму буквально на такой вершок от меня... (*Всматривается вдаль*.) Погоди, погоди... Никак, это Аркашка идет?

Бухгалтер. Да, это Аркаша — племянник вашей супруги...

На дорожке сада молодой человек лет 20. Он одет по-модному, без шляпы.
Это племянник жены директора.

2

Директор. А что его тут черти носят? (Окликает.) Аркашка, ты что тут ходишь?

Племянник. А-а, это вы, дядя Гриша... Да я тут... гуляю...

Директор. Ну и гуляй где-нибудь там. А то ходишь под самым носом... Ведь знаешь, я этого не люблю...

Племянник. Да я не помешаю вам, дядя Гриша... Я тут...

Директор. Да, Аркадий, ты давеча просил у меня деньжонок. Так вот возьми немножко... На...

Племянник. Спасибо, дядя Гриша. Благодарю вас.

Директор. Да вот еще немного. Пойди развлекись. Посиди в кафе.

Племянник. Да нет... ничего... я тут... Спасибо, дядя Гриша. (Уходит.)

3

Директор. Нет, Макарыч, что там ни говори, а деньги — это великая сила. Вот дал ему немножко и, так сказать, убрал его с пути.

Бухгалтер. Где же убрали? Он там вдали сел.

Директор. А что ему тут нужно? Еще увидит Клавочку со мной — наябедничает жене... (Окликает.) Аркаша!.. Давай иди... Иди туда... (Машет рукой.) Уходи...

Бухгалтер. Пошел.

Директор. Видишь — пошел к выходу... А где же моя пуля, Макарыч?

Бухгалтер. Так вы же ее в руках держали...

Директор (роется в карманах). Ах, вот она... Нет, это опять коронка... Ну, куда же пуля делась... Ведь она дороже мне, чем... А, вот она. (Показывает.) Видишь какая... И главное, свистит, когда летит... Дз-зз... И прямо в раму врезалась... А могла бы...

Бухгалтер. М-да, переживания у всех были...

Директор. Адские переживания, Макарыч... А теперь вот еще ученые изобрели этот... атом...

Бухгалтер. А что это, Григорий Борисыч, этот атом?

Директор. Бомба. Размером в апельсин. А как рванет, так... мое почтение...

Бухгалтер. А из чего она? Как она происходит?

Директор. Как, как... Вот так и происходит... Атом... обыкновенный атом. И изнутри все к черту взрывает. Изнутри его и что в нем... Ай, ну тебя, я почем знаю... Взрывает, и все... А если ученые эту бомбу крупней произведут, ну, тогда превратишься... в космическую пыль. И тогда как хочешь...

Бухгалтер. М-да... Ну, так я, пожалуй, пойду, Григорий Борисыч...

Директор. Сейчас пойдешь... Вот я и говорю — превратишься вдруг в космическую пыль. А у меня картина на стене сорок лет висела. Гольбеин. Берег ее пуще глаза. А теперь решил ее продать. Поскольку хочется цельно прожить последние годы, взамен того, что было. Главное, хочется лирики...

Бухгалтер. Ай, ей-богу...

Директор. Ведь я лирический человек, Иван Макарыч. Я очень лирический человек. И только жизнь сложилась как-то сумасшедше, заглушила то, что в сердце. Ведь то одно. То другое. То еще что-нибудь. И, как говорится, тут же поступь истории. Помимо того, жена ревнива до сумасшествия.

Бухгалтер. Да уж супруга ваша...

Директор. Дама моих лет, а ревнует исключительно. И чем старше она, тем сильней и сильней ревнует. И когда ей будет лет семьдесят, я, Макарыч, прямо и не представляю, что тогда будет.

Бухгалтер. Любит...

Директор. Исключительно любит. Такой любви, Макарыч, прямо и не бывает на земле... (*всхлипнув*) и такая любовь, Макарыч, подерживает меня на моем брэнном пути... Единственно трудно... она...

Бухгалтер. Следит за вами...

Директор. Куда ни приду... она уж тут... со своей собачкой...

Бухгалтер. Может, собака на ваш след ее наводит?

Директор. А верно, может, собака ее ведет. Потому что находит она меня необыкновенно.

Бухгалтер. А вы нюхательным порошком свои следы замечайте.

Директор (*ерзает*). Ай, вот ты сказал про мою жену, и теперь я снова беспокоен... (*Взглянув на часы.*) И Клавочки как назло нет.

Бухгалтер. Григорий Борисыч, а ведь это ваша супруга идет...

Директор. Где? Где? Не может быть... Да, это она... С кем же это она идет?

Бухгалтер. А это папаша Клавочкин — Пестриков.

Директор. А зачем же она с этим обормотом? Сядь так, закрой меня спиной...

Бухгалтер. Так вы же со мной, не с Клавочкой.

Директор. Ах, да... я же с тобой, не с ней. Все равно, закрой меня. Я не от страха к ней, но я оберегаю чистоту ее чувства ко мне... Она даже в мыслях мне не изменяла и пусть думает, что и я...

Бухгалтер. Сюда идут... Ай, ей-богу...

Директор. На, разверни газету... закрой меня...

Бухгалтер. Ноги, ноги-то подберите. Она по ногам узнает. И пес может почувствовать.

На садовой дорожке появляются двое. Елена Петровна — жена директора. И Николай Николаевич Пестриков — папаша Клавочки. Она полновата, эффектна. Ей за 40. Одета весьма нарядно, с претензией на заграничный шик. На шнурке она ведет большую собачку Альму. Пестриков небрит и одет небрежно. Вид у него унылый и скучающий.

4

Жена (собаке). Альма, иси, сюда! (Спутнику.) А чем вы недовольны, я не понимаю.

Папаша. Да нет, я ничего...

Жена. Я же вижу по вашему лицу... Кажется, вашу Клавочку мы хорошо устроили. Гриша принял личное участие в ней, обещал позаботиться, чтоб ей служилось хорошо, а вы...

Папаша. Да нет, я ничего такого...

Жена (взглянув на него). Боже, как вы опустились... Ведь еще пять лет назад вы... А сейчас... И главное, это невыразимое недовольство в ваших глазах... Слушайте, может быть, вы просто... выпить хотите? Пива?

Папаша (просияв). Пару кружек я бы... если возможно... а то жажда томит, Елена Петровна... А простая вода...

Жена. Так и скажите... А то шарите глазами по ларькам... Альма... за мной...

Папаша. А вода, говорю, Елена Петровна... ну, никак не утоляет жажду... Я, помню, пил ее однажды...

5

Директор. Не понимаю, чего она ему симпатизирует... Только бы Клавочка на пути им не встретила... Ну, где же это Клавочка? Тоже, черт ее дерит, могла бы уже прийти...

Бухгалтер (с улыбкой). Вдруг да вовсе не придет, Григорий Борисыч?

Директор. Ну как так не придет? Придет!.. Ведь я, Макарыч... Ты не гляди на мою наружность... Я, Макарыч, всегда нравился женщинам...

Бухгалтер. Они обыкновенно не считаются с этим...

Директор. Меня, Макарыч, женщины любили необыкновенно. Помню на Волге... одну встречу... В двадцать шестом году... Такая была Симочка, Серафима Павловна. Так эта Серафима Павловна полюбила меня до невозможности. Мечтала броситься в воду... Вот, взгляни на ее

фотографию... Захватил с собой — хотел показать Клавочке... *(Показывает.)* И гляди, на обороте что пишет.. Нет, ты прочти сам... «Люб-люте-бя, Гри-ша, боль-ше жиз-ни. Навек твоя Серафима...» Видал?

Бухгалтер. Почерк-то на ваш похож, Григорий Борисыч. Я же ваш почерк вот как знаю...

Директор. Ну да, это я своим почерком написал. Она сказала, а я написал, чтоб не забыть... Любила меня необыкновенно...

Бухгалтер. Так ведь двадцать лет назад было...

Директор. Нет, она и потом... все время... Я же нередко встречал ее здесь... Уже война началась, а она все еще продолжала меня... Да и сейчас, наверно, любит...

Бухгалтер. Ну уж сейчас-то вряд ли...

Директор. А что? Я за эти годы мало изменился. Мне все говорят — прямо вы такой же, как были... двадцать лет назад... Ну, сколько лет ты мне можешь дать?

Бухгалтер. Ну лет так пятьдесят семь...

Директор. Ай, ну тебя — пятьдесят семь. Мне пятьдесят. И для этого возраста я необыкновенно молодо гляжу, да, Макарыч?

Бухгалтер. А волосы какие седые!

Директор. Что волосы? Волосы седые потому, что воздух в них попадает. В желобок волоса проникает воздух, понимаешь? Потому они со стороны и кажутся, как будто они седые. А в них воздух... обыкновенный воздух.

Бухгалтер. Ну, к молодым-то воздух почему-то не попадает.

Директор. Ай, ну тебя. Всегда ты что-нибудь. Какой-то ты таковой. Только настроение портишь... Погоди, кажется, идет...

На дорожке сада появляется женщина. Она немолода, одета старомодно. В руках у нее авоська, и в ней какие-то вещи. Эта женщина — знакомая директора, Серафима Павловна, о необыкновенной любви которой он только что вспоминал.

6

Бухгалтер. Не та...

Директор. Да, это не Клавочка... Погоди, погоди... что-то глубоко знакомое... Боже мой, так ведь это же Симочка... *(Окликает.)* Серафима Павловна! *(Подбегает.)* Симочка...

Знакомая. Простите... я что-то не припомню...

Бухгалтер *(улыбаясь)*. Ай, ей-богу...

Директор. Да это же я — Гриша. Неужели не узнаете?

Знакомая. Ах, Григорий... Борисыч? Боже, как вы изменились...

Бухгалтер. Ай, ей-богу...

Директор (с неудовольствием). Да и вы нельзя сказать, что остались в прежней форме.

Знакомая. Ну, я-то совсем... Да, как все быстро проходит... А помните, помните, как вы влюбились в меня на Волге. Еще хотели кинуться в воду...

Бухгалтер (смеясь). Ай, ей-богу...

Директор. Нет, я... (Желая переменить разговор.) А куда, куда вы идете? Что это у вас в авоське?

Знакомая. Это фарфоровая ваза. Я хотела отнести ее на комиссию.

Директор. Ну? Так вы бы к нам, на скупочный пункт... А что за ваза у вас, интересно? Ну-те, покажите вашу вазу...

Знакомая. Это на камин — сакс...

Директор (бухгалтеру). Иван Макарыч, гляди, она говорит — сакс... (Знакомой.) Кто вам сказал — сакс?

Знакомая. Нет, это некоторые вещи остались у меня после мужа, так он говорил...

Директор. А-а, ерунду он говорил...

Знакомая. Ну, рублей триста мне дадут за нее?

Директор. Триста? Шестьдесят. Больше не дадут... А что, еще имеются какие-нибудь вещи?

Знакомая. С собой у меня нет. А что сейчас наиболее интересно продать, как вы думаете?

Директор. Брюки... Население больше всего почему-то спрашивает брюки... (Бухгалтеру.) Иван Макарыч, сколько у нас запланировано купить брюк у населения?

Бухгалтер. Двести пар на третий квартал...

Знакомая. Зачем так много?

Директор. Чтоб продать населению... А что, у вас есть брюки? Если есть, то несите... Брюки, портьеры, юбки — это все несите. А ваша ваза не пойдет.

Знакомая. Тогда я принесу другие вещи... Вы тут еще побудете?

Директор. Да, минут двадцать я еще побуду. А в крайнем случае завтра на скупочный пункт, рядом с кино «Олимпия»... Привет.

Серафима Павловна уходит.

7

Директор (язвительно). Сакс... (Взглянув на часы.) М-да... А ведь не пришла Клабочка...

Бухгалтер (улыбаясь). Ай, ей-богу, не пришла...

Директор. Может быть, она задержалась, еще придет...

Бухгалтер. Нет, вряд ли она придет...

Директор. Да, это наводит на грустные мысли... А ведь так-то рассуждать, Макарыч... а почему она должна прийти? Что я, сиамский принц? Или обладатель несметных сокровищ? Или талант вроде Розы Тамаркиной? Чем я могу ее ослепить? Блеском мысли? Физиономией Аполлона?

Бухгалтер. Ай, ей-богу...

Директор. Ну, еще будь я богат. Имей я капитал...

Бухгалтер (*укоризненно*). Григорий Борисыч...

Директор. А что я такое говорю? Ничего особенного... Я говорю — будь я богат... ну, тогда другой разговор... А находясь на уровне окружающих, я не имею шансов привлечь ее взор...

Бухгалтер. Да уж вряд ли она могла бы вас...

Директор. Нет, я против того, чтоб любовь покупать. Ты не должен так думать, Макарыч... Но я говорю — деньги придают человеку такой, что ли, ореол... Женщина может незаметно увлечься мной...

Бухгалтер. Да, если незаметно, а так-то уж вряд ли она... Клавочка... с характером девушка...

Директор. А против ее характера можно, допустим, подарки дарить... Что, в свою очередь, тоже влияет на чувства... Нет, она полюбила бы меня, Макарыч... И вообще, имей я деньги, я был бы самый счастливый смертный.

Бухгалтер. Ну, мне пора. Они велели к трем прийти.

Директор. Ну, иди, Макарыч, иди... И если получишь — прямо на квартиру носи.

Бухгалтер (*улыбаясь*). Значит, ждать ее больше не будете?

Директор. Еще немножко подожду... Может, она в парикмахерскую зашла, к маникюрше... Чтоб, знаешь, эффектней выглядеть... Ведь я, Макарыч... Ты не гляди на меня...

Бухгалтер. Ай, ей-богу... Тогда я сюда вернусь, а если вас не увижу тут, ну, тогда на квартиру...

Бухгалтер уходит. Директор нервно ходит по дорожке сада. Появляется человек с портфелем. Это — Сергей Иванович Бочков, по профессии — юрист, следователь. Он молод, приятен собой. Одет в полувоенную форму, без погон. Он медленно идет, поглядывая по сторонам. Увидев скамейку под статуей, улыбается и, вздохнув, направляется к ней. Директор, увидев, что незнакомец направляется к скамейке, поспешно садится на нее.

8

Директор. Не понимаю, скамеек сколько угодно... так вам непременно нужно на эту сесть...

Сергей. Свободная скамейка... я и сел... А что с вами, дорогой? Печень у вас не в порядке?

Директор. Да, печень! Может быть, я жду кого-нибудь, а вы...

Сергей. Ну и ждите на здоровье. Может, и я жду. *(Закуривает.)*

Директор. И попрошу осторожней спичкой швыряться. Прямо на брюки попала.

Сергей. Где же на брюки? Вот она, лежит на земле...

Директор. Теперь на земле, а была вот тут... на брюках... Могли бы ткань прожечь... *(Тихо.)* Нахал...

Сергей. Что? Что такое?

Директор. Ничего. Мимо проехало...

Сергей. Вы смотрите у меня... Не то я вас сейчас...

Косо поглядев на рассерженного соседа, директор отворачивается. За сценой ребята играют в футбол. Раздается футбольный свисток. И футбольный мяч стремительно летит в лицо директору. Тот, ожидая от соседа неприятностей, воспринимает этот удар так, как будто это ударил его сосед. И, схватив соседа за плечи, ответно ударяет его по спине. Ошеломленный сосед хватается за руки. Завязывается борьба далеко не в пользу директора.

Директор *(хрипло)*. Милиционер!..

Сергей. Я тебе покажу...

Директор. Ах, вы так... Смеее меня... Милиционер!!

Появляется милиционер — молодой, добродушный парень.

9

Сергей *(милиционеру)*. Возьмите его в отделение.

Директор. Нет, вы его возьмите. Он осмелился меня ударить.

Сергей. Так это же мяч, а не я...

Директор. Да, но и вы...

Сергей. Так я потом...

Директор. Вот видите, он сам признается, что он потом меня ударил...

Милиционер. Спокойней, граждане... А что тут у вас?

Сергей. Я требую отвести его в милицию.

Директор. Он требует! Это я требую. Я позвал милиционера.

Сергей. Товарищ милиционер, ведите его.

Директор. В таком случае пусть он нас обоих ведет. Там разберутся..

Милиционер. Граждане, ну поспорили... делов на копейку... физических увечий нет...

Сергей. Нет, я так этого не оставлю.

Директор. Он не оставит! Я не оставлю. Я против вас возбуждаю дело. Ведите нас, товарищ милиционер.

Милиционер. Нет, граждане, я тут у входа стою. Я с поста не могу удалиться.

Директор. А как же тогда?

Милиционер. Кажется, люди сознательные — можете сами пройти в отделение... Приучайтесь к самостоятельности.

Сергей. Идемте, гражданин...

Директор. Хорошенькое дело, идти... А если я тут жду кого-нибудь. И попрошу не тянуть меня за рукав. Нахал!

Сергей. Вы слышали, товарищ милиционер?

Милиционер. Идите, идите, граждане. Пройдитесь... поговорите по-милому, по-хорошему...

Директор (Сергею). Я, кажется, вам сказал — не трогайте меня... Ах, так... Ладно, идите в таком случае... (Милиционеру.) Дорогой, если придет тут одна особа... Так скажите ей — я сейчас вернусь.

Милиционер. Нет, граждане, я у входа стою, и эти бытовые подробности меня не касаются...

Директор. Ну, на всякий случай, если увидите. Пусть подождет. (Следователю.) Идемте, гражданин.

Сергей. Давайте к выходу.

Оба, взяв друг друга за рукава, уходят. Уходит и милиционер. На дорожке сада снова появляется жена директора. С ней прежний ее спутник, папаша Пестриков. Пара кружек пива мало развлекла его — он по-прежнему угрюм и недоволен.

10

Жена. Альма! Противная собачонка... Сюда... (Спутнику.) Николай Николаевич, это не мой муж пошел? Мне показалось, что это Гриша...

Папаша. Да, это он...

Жена. Странно, зачем он тут, в саду... С кем же это он пошел?

Папаша. С каким-то мужчиной. Не с девушкой. А что, ревнуете?

Жена. Я?! Увы, я забыла, что такое ревность. И кого ревновать? Мужа? Нет, для этого я слишком скептически отношусь к нему.

Папаша. А я думал...

Жена. Я давно разочаровалась в нем. Он неплохой человек, но он... Нет, нет, я не ревную его... Да и кому он нужен...

Папаша. А он говорил, что вы безумно ревнуете его.

Жена. Ну, это так... по старой привычке. Это доставляет ему удовольствие. И потом он думает, что я так необыкновенно его люблю.

И пусть так думает. Зачем я буду разочаровывать его. Почти прожита жизнь... у него...

П а п а ш а. А я думал, что вы его... в какой-то степени.

Ж е н а. Да, конечно, в какой-то мере я его люблю. Как человека, как вещь, к которой привыкла... Но то чувство, о котором я когда-то мечтала... Да вы же знаете мой идеал. Мечтала встретить что-то возвышенное... бескорыстное...

П а п а ш а. А как же он смотрит на все это?

Ж е н а. Нет, он не знает ничего. Боже сохрани, он и не должен об этом знать. Он самолюбивый человек... И вот именно поэтому, Никола, я и хотела взять у вас те письма, которые... Ведь еще перед войной вы обещали мне отдать...

П а п а ш а. Я поищу их, Елена Петровна. Нет, верно, поищу и верну вам.

Ж е н а. Очень вас прошу об этом. Ведь он прямо не переживет, если узнает, что я... когда-нибудь... А вообще говоря, я совсем не так уж, как другие... фу, чуть не сказала — «прожила свою жизнь». А впрочем, да, почти прожила. И в основном я была верна ему, почти верна, если не считать, что... но это... А уж сейчас и говорить нечего. Сейчас я... абсолютно... почти верна ему...

П а п а ш а. А доктор ваш?

Ж е н а. Ну, доктор, это... Это наш домашний друг... И потом, если вы когда-то имели успех у меня, то это еще не значит, что и он... (*Взглянув на собеседника.*) Боже, боже, как вы опустились. Только подумать, что я когда-то... Альма, пойдй сюда...

П а п а ш а. Да чем же я опустил-ся-то? Ну, правда, не брит, но...

Ж е н а. Нет, я окончательно убедилась, что люди не заслуживают моих чувств... (*Собаке.*) Альма, Альмочка... Только ты мой верный друг, а все остальные... Да, Никола, я беспощадна. Я при вас это говорю. И по вашему лицу я вижу, как вам нелегко это слышать.

П а п а ш а. Да нет, я ничего.

Ж е н а. Я же вижу... Это ваше недовольство, которое... Или что? Вы опять, может быть, выпить хотите?

П а п а ш а (*оживившись*). Еще бы одну кружечку, и тогда я... Нет, не туда, Елена Петровна, — там у входа жигулевское продают. А на площади я видел рижское... А рижское пиво, как-то оно... А жигулевское, наоборот, — дает изжогу...

Ж е н а. Пойдемте, я провожу вас... Альма, иси...

Оба уходят. Справа на дорожке появляется немолодая женщина. Это мамаша Клавочки, Дарья Васильевна Пестрякова. Рядом с ней ее дочь Клавочка — молодая хорошенькая девушка — конторщица скучного пункта. Обе весьма взволнованы.

К л а в о ч к а. Мама, умоляю. Не вмешивайся в мою жизнь...

М а м а ш а. Нет, дитя мое. Уж позволь мне с ним переговорить. Ты неопытный человек, Клавочка. И куда я жива, я не позволю, чтоб каждый прохвост вызывал тебя на свидание.

К л а в о ч к а. Я не пошла на это свидание, ты сама видела...

М а м а ш а. Ты не пошла, так вот я пришла на это свидание, чтоб сказать ему, что он... Пусти...

К л а в о ч к а. Мама... это глупо... Я сама могу ему сказать...

М а м а ш а. У тебя характер отца. Вы оба нуждаетесь в моей защите... Пусти... (*Вырывается.*) Ага... кстати, его и нет... Ну, счастлив его бог, не то бы я... Смеет тебя компрометировать.

К л а в о ч к а. Да чем же он компрометирует?

М а м а ш а. Стареющий человек... ты молодая девочка... Нет, но как-то гусь — его нет. Вызвал на свидание и сам не явился. Уже это одно показывает, что он хотел тебя унижить...

К л а в о ч к а. Вероятно, он был, подождал и ушел.

М а м а ш а. Нет уж, раз пригласил, так и сиди, жди... Я пришла сюда со стрептококковой ангиной, а он, видите ли, отсутствует... Ну нет, я ему все выскажу...

К л а в о ч к а. Мама, это, наконец, невыносимо. Достаточно того, что ты поссорила меня с Сережей... Он, который так меня любит... и я его... и мы хотели пожениться... а ты...

М а м а ш а. Ты мне про Сергея лучше не напоминай. Человек, который сказал тебе: «Мне ваши родители не нравятся», не должен бывать у нас.

К л а в о ч к а. Но зачем же выгонять его из дома?

М а м а ш а. Покуда я жива, я не желаю его видеть.

К л а в о ч к а. И вот он теперь... вторую неделю... И я даже не знаю, что с ним...

М а м а ш а (*презрительно*). Что с ним — разлюбил, если не найдит возможности увидеть тебя вне дома.

К л а в о ч к а. Он гордый человек, он не хочет сделать первого шага... Ах, мама, ну уйди ты отсюда. Ты же видишь — Григория Борисыча нет. И я, кстати, этому очень рада. По крайней мере, я могу посидеть на моей скамейке.

М а м а ш а. Ну, как хочешь. Сиди, жди Григория Борисыча. Но лично я не прошу ему этого. С ангиной сдернуть меня с постели...

М а м а ш а уходит. Появляется м и л и ц и о н е р. Увидев девушку на скамейке, подходит к ней.

12

Милиционер. Уж и не знаю, гражданочка, вас или другую тут один ожидал...

Клавочка (*взволнованно*). Кто ожидал? Не такой — интересный, в военной фуражке, с портфелем?

Милиционер. Нет, девушка, он не в военной фуражке. Он такой, как бы сказать...

Клавочка (*с огорчением*). Ах, этот... Григорий Борисыч... А ну его к черту.

Милиционер (*улыбаясь*). Вот это вы правильно, гражданочка. Уж очень он несоизмерим с вами. Вы его прямо турните, когда он вернется.

Клавочка. Ах, он вернется сюда?

Милиционер. Пошел в отделение, а сейчас вернется.

Клавочка (*вставая*). В таком случае я, пожалуй, уйду.

Милиционер. А уж уйти — это, конечно, самое лучшее дело... Тем более, говорю, несоизмерим с вами — и по возрасту, и так далее...

Милиционер, козырнув, уходит. Клавочка направляется к выходу. Однако сталкивается с Аркашей — племянником Китиных.

В руках Аркаши цветы.

13

Клавочка. Ах, это вы меня ждали, а я думала...

Племянник. Клавочка, я думал — неужели вы сегодня не придете на вашу любимую скамейку... (*Подает цветы.*) Это вам.

Клавочка. Ах, какие чудные... Как раз это мои любимые цветы... Спасибо, Аркаша... Я вас поцелую за это...

Целует его так, что тот, шатаясь, садится на скамейку.

Племянник. Теперь я всегда вам буду дарить такие цветы.

Клавочка. А откуда у вас деньги, Аркаша?

Племянник. Да тут... дядя раскошелился...

Клавочка. Он здесь был... дядя?.. Ушел?

Племянник. Ушел... Клавочка, я так ждал, когда вас увижу... А ваши первые слова, что вы кого-то другого ждали, а не меня... (*Со вздохом.*) Я же знаю, что вы для Сергея Иваныча сюда пришли...

Клавочка. Ну и оставайтесь при своем знании... А вообще, Аркаша... Ну как вы сами не понимаете... Ну, вы же мальчишка передо мной... Вот даже милиционер находит, что вы...

Племянник. Что милиционер?

Клавочка. ...находит, что вы по возрасту... несоизмеримы со мной...

П л е м я н н и к. Мы же ровесники, Клавочка. Мне уже двадцатый год...

К л а в о ч к а. А потом, я люблю другого.

П л е м я н н и к. Но вы же поссорились с ним.

К л а в о ч к а. Да, к сожалению, из-за мамы. И то, что он не хочет сделать первого шага, чтоб примириться со мной, он в этом жестоко раскается...

П л е м я н н и к. Конечно, я бы на его месте зашел бы, например, к вам на работу...

К л а в о ч к а. Положим, он не знает, где я теперь служу. Я же недавно на скупочный пункт поступила.

П л е м я н н и к. Он мог бы сюда прийти. Он же знает, что вы тут бываете... Вот пришел же я сюда и дождался вас... А он...

К л а в о ч к а. Конечно... (С гневом.) Да, он жестоко в этом раскается... Пусть только он теперь явится ко мне... Пусть, пусть...

П л е м я н н и к. А что вы ему можете сделать?

К л а в о ч к а. Ну, не знаю... Вот возьму и выйду замуж. Вот тогда и посмотрим...

П л е м я н н и к. Воображаю, как он удивится, когда узнает, что вы замужем.

К л а в о ч к а. Мало сказать — удивится. Он же меня любит. Он с ума сойдет от горя. И пусть. Вперед не будет таких опытов производить. Гордость выказывать. (Со слезами.) Не знает того, что я чуть не каждый день из-за него...

П л е м я н н и к. Да, вам надо хорошенько его проучить...

К л а в о ч к а. Аркаша, вот вы говорите, что вы меня любите... Вот возьмите и женитесь на мне...

П л е м я н н и к (растерянно). То есть, Клавочка... Я же, Клавочка... Ну как же так?

К л а в о ч к а. Нет, я серьезно вам говорю. Женитесь. А он явится... а мы уже... Вот и будет знать...

П л е м я н н и к (совершенно растерянно). Ну как же так... Я, право, даже не знаю, Клавочка... Я никогда и не думал об этом...

К л а в о ч к а. Так для чего же вы меня любите?

П л е м я н н и к. Ну, так... вообще... люблю...

К л а в о ч к а. Очень милый ответ. Моя мама услышала бы эти слова, так она бы вас...

П л е м я н н и к. Так, Клавочка, поймите... Я же у тетки живу... У меня даже жилплощади нет... Я недавно только приехал... Только теперь прописку получил.

К л а в о ч к а (встает). Ну и черт с вами. Другого найду... (Уходит.)

П л е м я н н и к (бежит за ней). Клавочка...

Появляется Серафима Павловна. У нее в авоське какие-то вещи. Она садится на скамью. И, положив пожелтевший кленовый лист на колени и разгладив его, сидит неподвижно, по временам вздыхая.

Появляется милиционер.

14

М и л и ц и о н е р. Уж не знаю, гражданочка, кого тут ждал один человек... Нет, вероятно, не ту — та с молодым пошла... Должно быть, вас...

З н а к о м а я. Ах, этот... директор скупочного пункта? Да, это он меня ждал. А что?

М и л и ц и о н е р. Велел обожждать... Человек он в ваших годах...

З н а к о м а я. Что?

М и л и ц и о н е р. Нет, я говорю... в данном случае... соизмеримо... Вы обождите его... А вот они и сами...

Козырнув, милиционер уходит. Появляется директор. Рядом с ним тот же его спутник — Сергей Бочков. Снова за сценой раздается футбольный свисток. Высоко летит мяч, и оба пришедших, как по команде, гибнут.

15

Д и р е к т о р. А чем я виноват, что они отказались протокол составить... Вы же сами не хотите в другое отделение идти... Пожалуйста, согласен идти...

С е р г е й. К сожалению, у меня нет времени. И поэтому я прошу вас сказать мне вашу фамилию.

Д и р е к т о р. И не подумаю... И потом, слушайте... что вы липнете ко мне?.. Чего вы опять увязались со мной? Идите своей дорогой, если вам некогда...

С е р г е й. А может быть, мне здесь нужно быть!

Д и р е к т о р. Здесь? (Увидев свою знакомую.) Серафима Павловна... Минуточку... я сейчас...

С е р г е й. Ну, жалею, что мне пора идти, — я бы вас проучил за вашу развязность... Ладно, когда-нибудь, может, и встретимся.

Д и р е к т о р. Лично я не горю желанием поддерживать наше знакомство.

Снова летит футбольный мяч. И директор, закрыв голову руками, садится на скамью. Сергей Иванович, махнув рукой, уходит.

Знакомая. А что случилось?

Директор. Да тут один тип. Главное, приходим в милицию, а они говорят: «Протокол составлять не будем, поскольку происшествие случилось в городском саду, который относится к центральному району...»

Знакомая. А что произошло?

Директор. Да он сел на эту скамейку и... (*Кричит вслед, хотя незнакомец уже ушел.*) Нахал! (*Знакомой.*) Это просто нахал... Ну что — принесли вещи?

Знакомая. Кое-что принесла. Но брюки не особенно хороши.

Директор (*рассматривая брюки*). Да уж брючки... черт их знает... Что он, каждый день их трепал, что ли?.. И пояс, пояс-то какой широкий... Батюшки мои... Что он у вас, полный такой был?

Знакомая. Да, он был довольно полный.

Директор. Академик Иван Петрович Павлов категорически запрещал людям полнеть. Он говорил: те, которые хотят подольше прожить, то пускай обязательно худеют...

Знакомая. А это портьеры...

Директор. Коричневые... Вот если б малиновые или бордо... Серафима Павловна, а может быть, всю эту механику мы завтра посмотрим? Приходите завтра с утра на скупочный пункт, и мы с вами... А то дивная погода. Ну, просто хочется подышать воздухом, побеседовать с вами... (*Шутливо погрозив пальцем.*) Вспомнить о нашем очаровательном путешествии по Волге... (*Вздыхнув.*) О том, что было, что безвозвратно прошло и уже не вернется, увы, увы...

Знакомая. Хорошо, я завтра приду... Да, все проходит...

Директор. Все проходит, кроме смерти, уважаемая Серафима Павловна. И как быстро проходит, обратите ваше внимание... Казалось бы, так недавно мы с вами встретились на этом волжском пароходе.

Знакомая. В июле двадцать шестого года... Ровно двадцать лет назад...

Директор. О, какая у вас богатая память на такие события... Может быть, вы даже запомнили название парохода?

Знакомая. Нет, названия я не помню...

Директор. «Короленко». Колесный пароход «Короленко...» (*Встрепенувшись.*) Ах да, уважаемая, у меня же здесь с собою снимок с этого парохода, открытка... (*Роется в кармане.*) Специально захватил, хотел показать Клав... Случайно, говорю, захватил с собой, как бы предчувствуя, что мы с вами встретимся... (*Показывает открытку.*)

Знакомая (*рассматривая*). Ах, интересно...

Директор. Ну, отличная открытка. Специально в Самаре ее купил... Помните, как раз вот тут, на корме, мы и сидели с вами...

Знакомая. Я сидела в плетеном кресле...

Директор. Правильно. Вы сидели в плетеном кресле, а я тоже... не помню, на чем-то сидел...

Знакомая. А ночь была волшебная... Луна. Звезды...

Директор. Правильно... Была луна, была, помню...

Знакомая (*мелтательно*). А кругом тиши-на-аа...

Директор (*в тон*). Соба-аки на берегу лают... Сумасшедшая была ночь, Серафима Павловна!

Знакомая. И вы мне стихи читали...

Директор. Я?? Стихи читал?! Неужели?.. Нет, видите... видите... А мне говорят... Нет, я лирический человек, Серафима Павловна. Я очень лирический человек. И только жизнь сложилась как-то так неудачно, приглушила то, что клочкотало в сердце... А какие же я стихи-то читал, интересно?

Знакомая. Ну, не помню, голубчик. Кажется, Блока...

Директор (*мугительно вспоминая*). Блока?! М-да... Не скажу, что я любил вас, Серафима Павловна, но какие-то чувства, должно быть, испытывал, поскольку, понимаете... стихи вдруг читал... До чего иной раз доходишь, если нравится человек...

Знакомая. Да... И вы мне нравились...

Директор (*горячо*). Нравился? Я вам очень нравился, Серафима Павловна? Очень, очень... Я же помню, когда мы к Самаре подъезжали... вы вдруг склонили свою головку на мое плечо... Вот так... А кругом тишина-а... Покой...

Появляется милиционер. Он медленно идет, напевая вполголоса.

17

Милиционер (*напевает*). «Эх, Самара-городок... Непокойная...»

Знакомая (*отстраняясь*). Григорий Борисович... люди идут...

Милиционер (*увидев парогку*). Я извиняюсь, граждане...

Не желая тревожить сидящих, милиционер уходит, ступая почему-то на цыпочки.

18

Директор. Вы сказали — люди идут. Ну и пусть их идут. Пусть все видят, что я сижу рядом с вами и вы мне так дороги по прежним моим воспоминаниям. Да, уважаемая Серафима Павловна, дороги и близки... как когда-то...

Директор не без нежности обнимает за плечи свою знакомую. Появляется жена. На этот раз она без спутника, но с собачкой. Увидев сидящих на скамье, она ошеломленно смотрит на них. Директор тоже не менее ошеломлен. И в своем ошеломлении он не успевает отстраниться от своей соседки.

19

Директор (*не меняя позы, но сугубо деловым тоном*). Да, так вот я и говорю вам, гражданка... приходите завтра на скупочный пункт и туда и принесите... ваши брюки... А не сюда... где я...

Жена. Григорий...

Директор. А-а, Леночка, это ты... А я, понимаешь... Принесит она вещи... и мы тут... Познакомьтесь... Жена... Серафима Павловна...

Жена. Прежде всего надо меня спросить — желаю ли я познакомиться с этой особой... (*Серафиме Павловне*.) А вам, сударыня, стыдно... Он женатый человек... А вы позволяете себе...

Знакомая (*смущенно*). Но, уверяю вас, я...

Директор. Леночка... Это же мы только... ну как тебе объяснить... ну, воспоминания...

Жена. Что, что? Воспоминания? (*Серафиме Павловне*.) Как вам не совестно, сударыня... В вашем солидном возрасте...

Знакомая. Это уже слишком... (*Поспешно направляется к выходу*.)

Директор (*догоняет ее*). Серафима Павловна... (*Тихо*.) Прошу извинения... Приходите завтра на скупочный пункт... Принесите вазу, брюки... Я все вам устрою... по хорошей цене...

Знакомая уходит.

20

Жена. О чем вы с ней шептались сейчас?

Директор. Леночка, да уверяю тебя...

Жена. Ну, Григорий... ты знаешь меня... Не играй с огнем...

Директор. Лена... Леночка...

Жена. Недаром мне намекнули о каком-то твоём увлечении...

Директор (*смущенно*). Леночка...

Жена. Берегись, Григорий...

Директор (*восхищенно*). Леночка... Если бы ты сейчас посмотрела на себя в зеркало. Как ты хороша... Этот гневный взгляд... Глаза горят... Ведь все остальные против тебя...

Жена. Что, что, остальные?!!

Директор. Нет, это я так. Леночка, я горд твоим чувством ко мне... Я...

Жена (*устало*). Ладно, Григорий. Потом скажешь... Я устала и... Нет, нет, не провожай меня... Я хочу побыть одна... Хочу пройтись по набережной, чтоб немножко рассеяться... Альма... сюда...

Директор. Леночка...

Елена Петровна уходит. Григорий Борисыч остается в неподвижной восхищенной позе. Появляется бухгалтер Иван Макарович. В руках у него пакет.

21

Бухгалтер. Григорий Борисыч... Да это же я, я...

Директор (*как бы спускаясь с облаков*). А, это ты, Макарыч...

Бухгалтер. Вижу, получили баталию от супруги... Что, она вас с Клавочкой застала?

Директор. Застала меня, понимаешь... Да нет, не с Клавочкой... Прямо я счастлив, что Клавочки не было...

Бухгалтер. Ах, Клавочка так и не явилась... Ай, ей-богу... (*Стро-го*.) Григорий Борисыч, а ведь я вам деньги принес.

Директор. Ах, заплатили, заплатили?

Бухгалтер. Как обещано — половину... Вот, примите пакет... Тут десять пачек... по десять тысяч...

Директор. Ну как же ты нес в одном пакете... Ведь мог бы все сразу потерять... Дай сюда... Я лучше в карманы положу...

Бухгалтер. Пересчитайте... Нет вокруг никого, ни души...

Директор. Так... в карманах верней... (*Рассовывает пачки по карманам, считая*.) Раз пачка... два... три... четыре... Значит, четыре пачки в пальто... Запомни, Макарыч... Четыре в пальто...

Бухгалтер. Осталось шесть пачек...

Директор (*засовывает пачки в пиджак*). Раз пачка... два пачка... три... четыре... Значит, четыре пачки в пиджаке...

Бухгалтер. Осталось две пачки...

Директор. Одну так... (*Сует в задний карман брюк*.) А эту пачку...

Бухгалтер. Десятью...

Директор. Буквально некуда...

Бухгалтер. А вы ее в руке понесите...

Директор. Ну как так в руке... Нет, в руке я не понесу... погоди, да десять ли пачек ты принес? Почему неровный счет — одна вдруг осталась?

Бухгалтер. Так вы же сами считали... Четыре сюда, четыре сюда... И одна в руке...

Директор. Вот и выходит девять пачек, Макарыч... Ну как же так... Ведь девять же выходит... Четыре, четыре и одна эта... Ну что ж это, Макарыч...

Бухгалтер. А что вы на меня-то смотрите. Неужели можете думать, что я...

Директор. Нет, но... Ведь деньги дело такое, что каждый может душой покривить...

Бухгалтер. Ну, Григорий Борисыч...

Директор. Нет, ты не обижайся на меня, но ведь факт остается. Одной пачки нет. Погоди, может, я обронил, когда в карманы совал.

Бухгалтер. Может, обронили, а потом такую тень на меня наводите.

Директор. Вот тут я стоял... у скамейки... около этой урны... Ей-богу, нет...

Бухгалтер. Может, в урну упала?

Директор *(кладет пачку денег, которая была у него в руке, на скамью и, схватив урну, вытряхивает из нее мусор)*. Нету, Макарыч. Ей-богу, нет...

Бухгалтер. Григорий Борисович, а в заднем кармане вы считали?

Директор. Ах да, я же в задний карман одну пачку сунул... Ну, прости меня, Иван Макарыч... Прости, что я мог на минуту...

Бухгалтер. Бог простит...

Директор. Правильно. Здесь она, в заднем кармане... ведь почему я расстроился, Макарыч... Я не жадный человек, но... Ведь каждая пачка — это, понимаешь... *(Ударяет себя по карманам, где деньги.)* Это молодость, лирика, любовь... Так ты не сердись на меня, Макарыч...

Оба идут к выходу, забыв десякую пачку денег на скамейке.

Бухгалтер. А я не сержусь... Может, машину взять?

Директор. Нет, машину... Сколько было таких случаев. Шофер убивает, грабит и труп выкидывает на мостовую. *(Трогает свои карманы.)* Молодость, любовь, Клабочка...

Оба уходят. Десятая пачка остается на скамье. Появляется милиционер.

22

Милиционер *(напевает)*. «Эх, Самара-городок... беспокойная я... беспокойная я... успокой ты меня». *(Взгляд милиционера останавливается на пухлой пачке денег, оставленной на скамье.)* Что ж это, граждане?! Никак, казенные деньги? Факт, казенные деньги... Уж не эти ли двое оставили? Факт, эти... *(Кричит.)* Граждане! Граждане! *(Межется по сцене.)* Ушли, ушли... Ах ты, сделай одолжение... *(Свистит.)*

Занавес опускается под тревожный свист милиционера.

Действие второе ОСИНОЕ ГНЕЗДО

Комната при скупочном пункте. Помещение тесно уставлено разнообразной мебелью. Стоят шкафы, старинные туалеты, диваны. На стенах висят картины, музыкальные инструменты, шубы. Маленькое кокетливое бюро приспособлено для занятий директoра. На бюро телефон. Рядом с бюро — кресло. В кресле конторщица Клавочка.

1

Клавочка (*по телефону*). Мама, не вмешивайся в мою жизнь... А зачем ты позвонила жене Григория Борисыча?.. Что значит — хотела мне помочь? Я не собираюсь выходить замуж за него... Ну мало ли что я сказала — хотела назло Сережке... Конечно, Сережа лучше. Ясно — сравнить нельзя. Он обаятельный человек... (*Увидев входящего директора*.) Пока... (*Вешает трубку*.)

Входит директор. Он торжественно на вытянутых руках несет какие-то клетчатые брюки.

2

Директор (*игриво*). Это кто же у вас там обаятельный, дорогая Клавочка?

Клавочка. Нет, это я с мамой говорила...

Директор. Ах, со своей почтенной мамашей... Обо мне?

Клавочка. Отчасти и о вас...

Директор (*целует руку Клавочки*). Обожаемая моя...

Клавочка (*сердито*). Чуть не по лицу этой вашей дурацкой материей...

Директор. Пардон. Это не материя, это только что приобретенные брюки-с... Первые на этой неделе.

Клавочка. Кажется, приличные...

Директор. Вот я и думаю — не взять ли их себе. (*Многозначительно*.) А впрочем, Клавочка, я в достаточной мере богат для того, чтобы сшить костюм себе или там кому-нибудь другому... у лучшего дамского портного...

Повесив брюки в шкаф и поцеловав руку Клавочки, директор уходит,

3

Клавочка (*набрав номер телефона*). Люся, ты?.. Знаешь, я окончательно решила за Григория Борисыча замуж не выходить... Во-пер-

вых, потерю Сережу. Во-вторых, выйду вдруг замуж за какого-то немислимого урода... В-третьих, у него какие-то, вероятно, махинации, темные деньги... Нет, нет, лучше подальше от этих дел... А что касается Сергея Бочкова, то он еще у меня попляшет. Нарочно буду со всеми кокетничать, так что ему кисло будет... Что? Хорошо, встретимся вечером. *(Вешает трубку.)*

Снова входит директор. В руках у него новая пара брюк. Клавочка кокетливо смотрит на директора. Томно поправляет свою прическу.

4

Директор. Нет, население несет, несет брюки. План выполним...

Клавочка *(кокетливо)*. Ну помогите же мне встать с кресла...

Директор *(помогая)*. Хоп-ля...

Клавочка. Фу... закружилась голова...

Директор *(нежно поддерживая Клавочку)*. Может, водички?

Клавочка *(весьма кокетливо)*. Нет, ничего... сейчас пройдет...

Директор *(поддерживая)*. Незабываемая сказочка...

Клавочка *(томно)*. Какой вы заботливый... славный...

Входит бухгалтер Иван Макарыч. Смущается, увидев сцену.
Собирается уйти.

5

Директор. Войди, войди, Макарыч... Можно теперь... можно...

Клавочка *(протягивая директору руку для поцелуя)*. Привет...

Директор *(целуя)*. Эта маленькая ручка...

Директор целует руку. В ответ Клавочка кокетливо пожимает руку директора и, загадочно улыбнувшись, уходит.

6

Бухгалтер. Хотел вам опись показать...

Директор *(отстраняя опись)*. Видел... Нет, ты видел?

Бухгалтер. А что? Ничего не видел...

Директор. Ай, ты нарочно, чтоб позлить меня... Ну как же ты не видел... До боли сжала мою руку и так посмотрела на меня, что я... А перед этим, перед этим, Макарыч, она... Боже мой...

Бухгалтер. Что посмотрела она на вас, это я видел...

Директор. Что посмотрела. Она перед этим... вот так оперлась на меня и... Ну мог ли я, Макарыч, рассчитывать, что она... Нет, это чудо, чудо произошло...

Бухгалтер. А вы что, сказали ей про деньги?

Директор. Сказал... и намекнул о всех возможностях... И теперь она другими глазами на меня смотрит... По телефону со своей мамой назвала меня обаятельным...

Бухгалтер *(улыбаясь)*. Ай, ей-богу...

Директор. Вот, Макарыч, что такое деньги. Они выше, выше, чем их покупательная стоимость. Они создают человеку... ореол... Убожество превращают в красоту. Посредственность в силу. Я стал для нее обаятельным...

Бухгалтер *(улыбаясь)*. Ай, ей-богу... Телефон звонит, Григорий Борисыч...

Директор. Вот, Макарыч, что такое деньги. *(По телефону.)* Да... Ах, это ты, Леночка... Что, что?.. Не знаю, кто звонил... Какая особа? Понятия не имею... Придешь после портнихи. Хорошо...

Бухгалтер. Супруга-с?

Директор. Не понял — какая-то особа звонила... Что-то сказала... И теперь она накалившись...

Бухгалтер. Григорий Борисыч, а вот против вашей супруги деньги пустой звук... Против ее ревности...

Директор. Почему... Вот приобрету ей путевку в Сочи. Или лучше на Рижское побережье. Ей интересны те нравы, туалеты... Или подарю что-нибудь исключительное, и она... Нет, Макарыч, ты недооцениваешь значения денег. Это сила, власть над женщиной... И вообще над всеми людьми...

Бухгалтер. Ну уж и над всеми?

Директор. Над всеми. И над тобой, в частности. Ты сам не замечаешь, как ты по-другому теперь со мной беседуешь — невольно встаешь с кресла, чувствуя ко мне такое, что ли...

Бухгалтер. Так я встаю, Григорий Борисыч, потому что пружина впивается в самую то есть...

Директор. Ай, ну тебя. Всегда ты что-нибудь такое... Нет, Макарыч, ты не думай — у меня нет такого, что ли, подобострастного отношения к деньгам.

Бухгалтер. Ну где же нет, Григорий Борисыч...

Директор. Нету. Но факты сами за себя говорят. Ну, взгляни на меня — ведь прямо я другой человек стал...

Бухгалтер. Верно — живей стали, и краски больше в лице...

Директор. Видишь... А почему? Не только потому, что Клавоchка ко мне переменилась. Деньги создали мне удачу. Это в свою очередь дало мне уверенность, легкость, какую-то, черт возьми, беспечность... Хочется веселиться, шутить. И вместе с тем воспринимать окружающее... *(Схватив со стены гитару, директор поет.)* «Поговори-ка ты со мной, подруга семиструнная».

Б у х г а л т е р. В магазине услышат, Григорий Борисыч...

Д и р е к т о р. Ну и что. Ну и пусть услышат... Нет, какие-то мы стали сухари, педанты. То нельзя, это нельзя. А почему нельзя, чтоб музыка звучала? Музыкальные номера должны проходить сквозь всю нашу жизнь...

Б у х г а л т е р. Ай, ей-богу... Уморите вы меня совсем...

Д и р е к т о р. Нет, ты затюканный человек, Иван Макарыч. Ты сам себя затюкал всякими «нельзя»... Да пересядь ты, черт тебя возьми, в другое кресло. А то привстаешь, когда я говорю, — только меня зря волнуешь... И вообще, я вижу, — все вы распустились...

Б у х г а л т е р. Да чем же мы распустились-то, Григорий Борисыч?

Д и р е к т о р. Тоже давечаходишь — почесываясь. А ведь кажется, к директоруходишь... Нет, теперь я вас всех к черту подтяну. От всех потребую, чтоб вы... по струнке ходили... А пиджак, пиджак-то, гляди, какой у тебя...

Б у х г а л т е р. Что пиджак? Хороший пиджак. Я его тридцать шесть лет ношу. Никто не обижался...

Д и р е к т о р. Ты, Макарыч, зайди в кладовку, там я тебе кое-что подобрал. Нет, не пиджак, а такой, понимаешь, камзол. Так ты на работе пока одевай его...

Б у х г а л т е р. Это какой камзол?

Д и р е к т о р. Да такой он... зеленовато-золотистый... который мы весной приобрели.

Входит дочь Григория Борисовича — Рита. Это молодая девушка лет 23, живая, но строгая и немного суетливая.

7

Д о ч ь. Папочка...

Д и р е к т о р. А-а, дочурка... Ты что? (*Бухгалтеру.*) Так ты, Макарыч, сходи в кладовку. Поищи этот камзол, приоденься. Все-таки приличнее будет...

Б у х г а л т е р. Уж не знаю, право... (*Уходит.*)

Д о ч ь. Папочка, я забежала предупредить тебя, что сейчас зайдет к тебе Василий Васильевич...

Д и р е к т о р. А, твой жених-то... А что он, что?

Д о ч ь. Он сейчас поедет в баню. И перед этим он хотел побывать у тебя. Ну, просто хочет отдать визит.

Д и р е к т о р. Зачем же вдруг визит? Что я, графиня какая-нибудь...

Д о ч ь. Ах, папочка, я специально приучаю его к этому. Перевоспитаваю его...

Д и р е к т о р. Может, тогда чем-нибудь его угостить?

Д о ч ь. Поставь бутылочку вина, печенье... И, пожалуйста, чтоб все было «комильфо».

Д и р е к т о р. И, значит, выходишь за него замуж?

Д о ч ь. Да, конечно. А что?

Д и р е к т о р. Нет, я ничего, но... Все-таки, Риточка, хотелось бы для тебя мужа, имеющего более крупное положение... Большой удельный вес... А ведь он... Что он... Кроме брюк ничего не имеет.

Д о ч ь. Ах, папочка, ну вечно ты со своими выгодами, расчетом. Прямо противно... Вот погоди, я Василия перевоспитаю и тогда возьмусь за тебя... Я давно заметила, что у тебя с мировоззрением неблагополучно. Ты весь погружен в ветхозаветные понятия...

Д и р е к т о р. Ну ладно, ладно... Мне твоя агитация не требуется. У меня своя голова на плечах... Да как хочешь — выходи за него.

Д о ч ь. Маме, например, он очень понравился...

Д и р е к т о р. Да, она дала ему высокую оценку. Но лично я... Что-то в нем такое...

Д о ч ь. Ну, просто человек жил в провинции, не освоился... Но тяга к культуре у него необыкновенно сильна...

Д и р е к т о р. Ты ему такую культуру привьешь, что его с работы погонят...

Д о ч ь. Почему погонят? Наоборот... Он с каждым днем культурно растет. Массу стихов заучил. Уже вальс-бостон прилично танцует.

Д и р е к т о р. А лорнет, лорнет зачем он у меня в магазине взял? Нет, ей-богу, его выгонят...

Д о ч ь. Ну, лорнет... ну, это просто для шутки...

Д и р е к т о р. Где же для шутки. Ведь он его на людей наводит. Нет, помани мое слово, — его выгонят.

Д о ч ь. Ну, лорнет — это он только дома. Просто так... Это он увидел у Евгения Онегина и тоже захотел немного подурочиться... Ну ладно, папочка, я пойду, а то не успею...

Поцеловав отца, дочь уходит. Входит бухгалтер. Он одет в старинный бархатный камзол с кружевами.

8

Б у х г а л т е р. Нет, Григорий Борисыч, я в этой ливрее ходить не буду.

Д и р е к т о р. Так это же не ливрея, чудак. Это екатерининский камзол. Все дворяне ходили в таких камзолах...

Б у х г а л т е р. Пушай дворяне, а я... *(С удивлением разглядывает себя в зеркало.)* Нет, Григорий Борисыч, ей-богу, не стану в этой ливрее ходить...

Директор. А по-моему, так она ничего...

Бухгалтер. Где же ничего. Вон она как... закругляет...

Директор. Ну, как хочешь. Слушай, дочка сейчас заходила. Сейчас придет этот ее... жених...

Бухгалтер (*продолжая рассматривать себя в зеркало*). Вон как она лицо зеленит... И на горло давит — дыханье почти с трудом проходит.

Открыв шкаф, директор достает вино, конфеты, печенье.
Ставит на стол.

Директор. Вот в прежнее время, Макарыч, жених как на ладони был. А сейчас, когда вместо денег — одно служебное положение... с трудом можно себе уяснить ценность этого положения. Тем более, если погонят его, то и ценности никакой...

Бухгалтер. Ну, может, и не погонят...

Директор. Если не погонят, то положение его никак не выше среднего. Хотя, Макарыч, нынче средний человек, это... Весь мир к средним людям обернулся. И правильно это, Макарыч. А то все — гении да эти, как их... императоры... Весь интерес к ним... А мы, средние люди, как хочешь...

Бухгалтер. Ну, какой же вы средний человек, Григорий Борисыч! Вы Наполеон в своем деле...

Директор. Это-то верно. Я не совсем, так сказать, средний. Но и не великий, Макарыч. Это я признаю... Хотя, понимаешь ли, в другой раз начну о себе думать и вижу, что... Нет, я далеко не средний... (*Наливает вино.*) Может, по рюмочке за мое здоровье?..

Бухгалтер. Если красненького... я бы полстаканчика... Ваше здоровье, Григорий Борисыч.

Директор. От души благодарю... Вот взять, Макарыч, всеобщую историю. Так что? Мужчины, главным образом, пировали... Обеды, банкеты, пиры проходят сквозь всю эту историю, начиная с древних времен. Я не знаю — с Египта...

Бухгалтер. Где же пиры... Войны велись, Григорий Борисыч...

Директор. Не спорю, велись войны и так далее. Но в бытовом отношении мужчины главным образом пировали. И действительно, за столом я чувствую себя превосходно, как-то, понимаешь, свободно, уверенно... Может, нам Клавочку пригласить — рюмочку выпить?

Бухгалтер. Так ведь ваша супруга собирались прийти...

Стучат. Директор ерзает на стуле. Бухгалтер подходит к двери.

Бухгалтер. Это Пестриков... папаша Клавочки... Примете?

Директор. А что ему нужно?.. Ах, да, жена просила меня похлопотать за него... И что она ворожит ему!.. Ладно, пусть войдет.

Директор принимает солидную позу. Входит папаша Пестриков. Вид у него, как обычно, угрюмый и унылый.

9

Бухгалтер. Входите.

Директор. Приветствую, уважаемый... Жена говорила, что вы хотите в оркестр устроиться... Вы, кажется, того... на контрабасе, как говорится, пиликаете?

Папаша. На контрабасе...

Директор. Не обижайтесь, конечно, — несуразный инструмент... И непременно хотите в оркестр при ресторане?

Папаша. Хотелось бы при ресторане... Потому что все-таки там... А в филармонии это уже не то...

Бухгалтер. Ну да, в ресторане-то он, конечно... Там-то он, ясно... свое возьмет... Ай, ей-богу...

Директор (*по телефону*). Ало... Петруша... Слушай, детка, вот какая картинка... сейчас направляю к тебе одного музыканта, так ты устрой его в свой оркестр... Нет, он непременно хочет при ресторане... В общем, посылаю его... Пока... (*Вешает трубку, пишет записку*.)

Папаша. Благодарю вас...

Директор. Вот адрес. Прямо дуйте к нему и... Что вы... как будто недовольны?

Бухгалтер (*улыбаясь*). Да нет, они... это самое...

Директор. А-а... Прошу... Прошу... Стаканчик красенького?

Папаша (*просияв*). Если возможно... А то сегодня с утра... И главное — тогда никакого аппетита нет... А когда я... То наоборот... Скажем, печенье не уважаю. А тут и печенье... (*Кушает*.)

Входит знакомая директора Серафима Павловна. Папаша Пестриков, почтительно поклонившись директору, уходит в сопровождении бухгалтера.

10

Директор. А-а, уважаемая Серафима Павловна...

Знакомая. Вы разрешили зайти... Так вот я принесла...

Директор. Чудно, чудно... Ах, эту вазу опять... Уж и не знаю... Ну, была не была — возьмем вашу вазу... Конечно, влетит мне за нее, но...

Знакомая. Мне было бы неприятно, если вам за нее...

Директор. Серафима Павловна, из уважения к прошлому я согласен пострадать до некоторой степени. (*Кричит*.) Иван Макарыч!

Знакомая. Мерси... Вы очень любезны...

Входит бухгалтер в своем бархатном камзоле.

11

Директор. Иван Макарыч, оформи вазу и... *(Пишет.)*

Бухгалтер. Григорий Борисыч, так это же не сакс...

Директор. Из уважения к прошлому — это сакс... И пусть касса приготовит деньги. А мы тем временем побеседуем с Серафимой Павловной... Может, по рюмочке, Серафима Павловна?

Знакомая. Мне прямо неудобно...

Директор. Все удобно в этом мире, уважаемая Серафима Павловна... Жизнь прошла в чудовищной суете. И в этой суете столь мало приятных воспоминаний, что даже и наше с вами воспоминание подобно солнцу, озаряющему путь... Помните — вот именно так мы сидели тогда с вами на пароходе...

Входит жена директора со своей собачкой. Увидев нежную сцену, она пораженная останавливается.

12

Жена. Григорий...

Директор *(не меняя позы, но деловым тоном)*. Так я же вам объясняю, гражданка... Пройдите в кассу и там... оформитесь... а не здесь...

Жена *(знакомой)*. Ах, это вы опять, сударыня...

Знакомая. Простите... *(Поспешно уходит.)*

Жена. Ну, Григорий... Значит, не зря мне звонили...

Директор. Леночка... так пойми же... Это была ваза... сакс...

Жена. Звонит какая-то особа... Может быть, эта... И говорит, что ты разводишься со мной... Объясни, что это значит...

Директор. Леночка... Какая особа?.. Понятия не имею... У меня и в мыслях этого нет.

Жена. Я, Григорий, скажу тебе откровенно — я весьма озабочена с тех пор, как у тебя завелись деньги.

Директор. Леночка...

Жена. Молчи... Без денег кому ты нужен... И я была спокойна... А теперь с деньгами тебя каждая постарается одурачить... Нет, я теперь окончательно потеряла душевный покой.

Директор. Леночка, да ты не волнуйся так...

Жена. До сих пор я к тебе снисходительно относилась, Григорий... Но теперь берегись... Теперь я тебя возьму в тиски... *(Потирая лоб.)* Боже, боже, у меня мигрень начинается...

Директор. Вот видишь, Леночка...

Жена. Молчи, говорят тебе... Каждое слово твое как расплавленный металл... Нет, не провожай меня... После, дома поговорим... Мне нужно поскорей лечь... Альму приведи сам... Я не в состоянии... Мигрень усиливается...

Оставив собачку, жена уходит. Появляется бухгалтер.

13

Бухгалтер. Григорий Борисыч... Да что с вами?

Директор. Нет, ты понимаешь, что сказала жена. С тех пор, говорит, как у тебя деньги, я потеряла покой... И теперь, говорит, я тебя возьму в тиски.

Бухгалтер. Ах, так и сказала — в тиски возьмет. .. Ай, ей-богу...

Директор. Значит, понимаешь, деньги не каждого облегчают, Макарыч. Некоторым наоборот... они создают... мигрень...

Бухгалтер. Ну, теперь вам будет жара...

Директор. Да, теперь у меня начнется... Вторая Пуническая война...

Бухгалтер. Вот и получили деньжата... Рассчитывали наоборот, а они против вас обернулись...

Вбегает дочка директора. Вслед за ней показывается ее жених — Василий Васильевич Мурашов. Это молодой парень с веселым, ясным лицом. Он несколько неуклюж и неловок, но одет модно, с плечами, высоко поднятыми вверх. Бухгалтер уходит.

14

Дочь. Папочка, вот и мы... (*Жениху.*) Василий, положи пакет сюда и поздоровайся.

Жених. Да я, Риточка, боюсь, как бы с моего пакета белье не посыпалось... Плохо завернули...

Дочь. Совершенно необязательно, Василий, чтоб окружающие знали, что у тебя в пакете. Это неприлично.

Директор. Уважаемый Василий Васильевич, от души приветствую вас.

Жених (*здороваясь*). Григорию Борисычу... (*Увидев собаку.*) Ох, псинка-то у вас какая... Черт ее дери — какая-то она такая. Не бешеная?

Дочь. Василий, сколько раз я тебя прошу — не чертыхайся ты каждую минуту. Это неэстетично...

Жених (*виновато целуя руку*). Все забываю, понимаешь... (*Увидев, что пакет развязался и белье упало, смеется.*) Я же тебе говорил, Риточка... Видишь — все к чертям посыпалось...

Д о ч ь. И так громко смеяться не надо, Василий.

Ж е н и х. Но если смешно, Риточка... *(Собирает упавшее белье.)*
Ведь вся моя чертовщинка... мочалка... носки... А кальсоны, кальсоны-то, гляди... Я не виноват, Риточка... они сами так развернулись, черт их дери...

Д о ч ь. Нет, Василий, ты меня приводишь в ужас... Тебе еще много и много нужно поработать над собой, чтоб сравняться со мной... Сядь в это кресло и помолчи хоть две минуты.

Д и р е к т о р. А верно, друзья, чем говорить — давайте лучше сядем за стол... И, так сказать, — по бокальчику вина...

Ж е н и х. А то мало пьется — одно доньшко остается...

Д о ч ь. Василий...

Д и р е к т о р *(женуху)*. Прежде всего — позвольте поблагодарить вас за Аркашку — вчера его прописали.

Д о ч ь *(с неудовольствием)*. Ну, Аркашу и так обязаны были прописать.

Ж е н и х. Риточка, так ведь я только Митьке позвонил. Он как раз начальник отделения. А он мой лучший друг.

Д и р е к т о р. И в знак благодарности за эту любезность разрешите с вами чокнуться. Ура...

Входит б у х г а л т е р. Он по-прежнему в своем бархатном камзоле, к которому он уже, видимо, привык.

15

Б у х г а л т е р. Григорий Борисыч, в магазине слышно...

Д и р е к т о р. Ну и что? Мы ничего особенного... Да пойдешь ты, переоденься... Ходишь, как...

Д о ч ь. А по-моему, Ивану Макарычу очень идет этот камзол.

Б у х г а л т е р. Он мне как-то удобен... И не так уж он... закругляет...

Ж е н и х *(смеясь, наводит лорнет на бухгалтера)*. Черт знает что такое... Ворона в павлиньих перьях...

Д о ч ь. Василий... Нет, я отказываюсь тебя перевоспитывать.

Ж е н и х виновато целует ей руку.

Прочитай лучше стихи, чем...

Ж е н и х. Какие? «Тучки небесные, вечные странники»?

Д о ч ь. Нет, лучше «Голубую кофту».

Ж е н и х *(зумает)*. «Голубая кофта. Синие глаза. Никакой я правды милой не сказал...»

Д и р е к т о р. Друзья, у меня же мотив подобран под эти слова... Это же дивная лирическая песня... *(Взяв гитару, играет.)*

Все (поют).

...Милая спросила: «Крутит ли метель?
Затопить бы печку, постелить постель».
Я ответил милой: «Нынче с высоты
Кто-то осыпает белые цветы...
Затопи ты печку, постели постель...
У меня на сердце без тебя метель...»

Директор. Bravo... А, Макарыч?

Бухгалтер. Песни — это моя отрада, Григорий Борисыч...

Жених. Как-то она до сердца доходит, черт ее дери...

Дочь (сурово). Василий...

Директор. Друзья... Может, повторим песню?

Бухгалтер. Телефон звонит, Григорий Борисыч... Телефон...

Директор. Сегодня, когда я так счастлив, мне не хочется... Нет, отчаянно звонит... (По телефону.) Да... да я, Леночка... Что?! Что такое?! (Присутствующим.) Обворовали нас... (В трубку.) Что, что... Письменный стол... (Присутствующим.) Взломан письменный стол... все ящики и... (В трубку.) Боже мой, боже мой... (Присутствующим.) И украдены деньги... (В трубку.) Что? Ах, не все... Сколько, сколько пачек не хватает? Так ведь было же... Сосчитай, сосчитай лучше...

Бухгалтер. Было десять пачек, Григорий Борисыч.

Дочь. Папочка, откуда у тебя такие деньги?

Бухгалтер. Так они же картину продали...

Директор (в трубку). Восемь?.. Значит, двух пачек нет... Так было же десять... Леночка, но ты же... При тебе же я в стол... Десять пачек... (Присутствующим.) Двух пачек не хватает... Двадцать тысяч украли... (В трубку.) Что?.. Ну, значит, это домработница... Сейчас прибегу...

Жених. Обчистили, черт дери.

Дочь. Василий!

Директор. Приходит жена в квартиру... слышит — хлопнула дверь на черной лестнице... вбегает в комнату... письменный стол разрыт... ящики раскрыты... И двух пачек... Боже мой, боже мой... (Набрав номер телефона.) Леночка, это я... Задержи домработницу... Ах, ее нет. (Присутствующим.) На рынок ушла... (В трубку.) Предупреди дворника... Что? Ах, ты позвонила в милицию. Правильно... И что сказали?.. (Присутствующим.) Сказали, что сейчас следователь придет... (В трубку.) И как только он придет, немедленно мне позвони — я примчусь... (Вешает трубку.)

Бухгалтер. Было десять пачек по десять, Григорий Борисыч.

Директор. Я ей тоже говорю — было десять пачек. А она говорит — я не проверила...

Бухгалтер. Да как же не проверили, Григорий Борисыч... Ведь считали же...

Директор. Нет, это когда мы в стол клали... Вошла домработница, и мы поскорей стол закрыли... не проверили... Боже мой...

Дочь. Папочка, да ты не волнуйся... Ну, подумаешь, украли... ну...

Жених. У меня в прошлом году сапоги в поезде свистнули. Так я, знаете, так без них и поехал... в носках...

Дочь (*строго*). Василий... И вообще тебе пора идти. И мне на урок... Попрошайся с отцом...

Директор. Нет, какие бывают низкие люди... В социалистическом обществе позволяют себе... из стола... двадцать тысяч...

Дочь. Папочка, ну право, не волнуйся...

Бухгалтер. Тем более, может, найдут, Григорий Борисыч...

Жених. Найдут. У Митьки из квартиры мясорубку стибрили... Так в три дня нашли...

Дочь (*грозно*). Василий!. Бери пакет... Папочка, не волнуйся, пожалуйста...

Жених (*собаке*). Псинка, лапку... Приучайся к культуре...

Поцеловав отца, дочь с женихом уходят.

16

Директор. Двадцать тысяч...

Бухгалтер. Может, действительно найдутся...

Директор. Смотри какой следователь попадетса... (*Набрав номер телефона.*) Петр Осипович... Любезный друг, меня обворовали... Нет, наличные деньги... из письменного стола... Двадцать тысяч... Сердечно благодарю за сочувствие... Слушай, дорогой... Посоветуй, кто сейчас из следователей наиболее такой... Шерлок Холмс, понимаешь... Бочков. Сергей Бочков... Советуешь позвонить?.. Добре... Сердечно благодарю... От души тронут... (*Вешает трубку.*)

Бухгалтер. Конечно, позвоните, чтоб этот самый Бочков пришел...

Директор (*набрав номер телефона*). С кем имею честь?.. Дежурный следователь... Совершена кража в квартире директора скупочного пункта... Ах, знаете уже! Уже послали... Но, видите ли, мне бы хотелось непременно следователя Бочкова... Ах, именно он и послан! (*Бухгалтеру.*) Бочков послан... (*В трубку.*) От души благодарю, товарищ дежурный следователь...

Бухгалтер. Видите, как удачно...

Директор. Это, говорят, наиболее у них талантливый следователь. Ты замечаешь, как мне везет, Макарыч?

Б у х г а л т е р. Вы известный удачник, Григорий Борисыч...

Д и р е к т о р. Кстати, Макарыч, я там тебе обещал полтора процента... Но если они не найдут украденных денег, то... Ты сам понимаешь...

Б у х г а л т е р. Да, я вхожу в ваше положение, Григорий Борисыч...

Д и р е к т о р. Нет, я тебе выплачу. Но, может, процент, а не полтора...

Б у х г а л т е р. Да уж если двадцать тысяч ухнуло, где же взять...

Д и р е к т о р. Ну что же это она не звонит? (*Набрав номер телефона.*) Леночка, ну что же ты?.. Ах, приходил уже... А что ты мне не сообщила?.. Ага... И пошел сюда?.. Хорошо... (*Вешает трубку.*)

Б у х г а л т е р. Сюда пошел?

Д и р е к т о р. Зашел на минутку, снял показания и пошел сюда. Сейчас придет... (*Мегется.*)

Б у х г а л т е р. Григорий Борисыч, да вы спокойней относитесь...

Д и р е к т о р. Не люблю, понимаешь, эти следствия, допросы, пятое-десятое...

Б у х г а л т е р. Так не вас же обвиняют. Наоборот— вы...

Д и р е к т о р. Начнет спрашивать — откуда деньги...

Б у х г а л т е р. Деньги у вас на законном основании. И расписку имеете...

Д и р е к т о р. Это конечно, но мало ли... Тем более, если талантливый следователь... Нет, пожалуй, мы зря этого Бочкова... А кстати, где же эта расписка?

Б у х г а л т е р. Так вы же ее в наш несгораемый шкаф положили...

Д и р е к т о р. Ах, верно, верно... Сейчас я ее... На всякий случай — показать следователю...

Д и р е к т о р поспешно уходит в соседнюю комнату.
Входит К л а в о ч к а.

17

К л а в о ч к а. А что случилось, Иван Макарыч?

Б у х г а л т е р. Обворовали Григория Борисыча... Из письменного стола вынули двадцать тысяч... Я извиняюсь, Клавочка, спешу в кладовку... (*Уходит.*)

К л а в о ч к а (*набрав номер телефона*). Люся?.. Ты знаешь, моего уroda обворовали начисто. (*Смеется.*) Нет, деньги... Да и вещи, наверное... (*Смеется.*)

Входит следователь Сергей Бочков. Он с портфелем, в военной фуражке. Это тот самый человек, с которым д и р е к т о р побранился в городском саду.

Сергей. Скажите... Мне надо видеть...

Клавочка. Сергей... Сережка... ты... *(По телефону.)* Люся, Люся... Сергей явился... Да, сию минуту... Все-таки отыскал меня... Пока...

Сергей. Клавочка... а ты что тут?.. Ну, как я рад...

Клавочка *(бросаясь к нему)*. Сереженька... Я так измучилась за эти дни... Ну как я счастлива... Ну молодец, что ты отыскал меня... Недаром ты следователь...

Сергей. Я, Клавочка...

Клавочка. А вообще, ты противный... Восемь дней... никаких извинений...

Сергей. Пять дней я проболел, Клавочка, а потом...

Клавочка. А потом мог бы в сад прийти... Ведь знаешь, что я там часто бываю...

Сергей. Я был в саду, Клавочка... уверяю тебя...

Клавочка. Значит, пять минут подождал и ушел. Очень мило... Ну, не буду, не буду ворчать. Уж если ты меня нашел, так тебе все прощается... Дорогой мой...

Сергей. Значит, ты тут работаешь?.. Видишь, Клавочка, ведь я сюда пришел... я бы хотел с директором поговорить...

Клавочка. А зачем тебе директор? Или ты думаешь, что я... Уверяю тебя — ничего подобного... Я совершенно с ним... Это сплетни... Даю слово...

Сергей. Нет, Клавочка, я хотел бы увидеть его и...

Клавочка. Сергей, я дала тебе слово... Но если хочешь знать всю правду, то я сознаюсь тебе... Но это только сегодня... Ну, просто флирт... И то назло тебе...

Сергей. Я не понимаю, о чем ты говоришь. Какой флирт? С кем?

Клавочка. С директором... Назло тебе...

Сергей. Ах, с директором... погоди, потом разберемся... Позови его сюда... Мне нужно к нему по делу...

Клавочка *(надменно)*. Пожалуйста... Если не веришь — пусть он сам подтвердит это... Но только это свинство...

Сергей. Клавочка...

Клавочка. Сейчас, сейчас... Он, кажется, в кладовке...

Клавочка поспешно убегает. Следователь Сергей Бочков ходит по комнате. Слегка сторонится собаки, которая следит за ним. Поспешно входит директор. В руках у него какая-то бумага.

Директор. Ну вот, нашел расписку... Только печати нет, черт возьми... *(Увидев Сергея.)* Что вам угодно, гражданин? *(Узнав вчерашне-*

го противника.) Ах, все-таки узнали мой адрес, отыскиали меня... Знаете что...

Сергей. Ах, вот где мы с вами встретились...

Директор. Слушайте... Ну что вы липнете ко мне второй день?

Сергей. Я пришел сюда для того, чтобы...

Директор. Убирайтесь к черту отсюда, или я сейчас вас схвачу за шиворот и выброшу отсюда.

Сергей (усмехаясь). Попробуйте...

Директор (собаке). Альма... Куси, куси его...

Собака лает.

Макарыч! Сюда... На помощь... Альма, хватай его...

Сергей. Послушайте... гражданин... прекратите все это... Я пришел сюда... не знаю — к вам... к директору скупочного пункта, одним словом...

Директор. Это я... И вам говорю — прекратите липнуть ко мне... Сейчас, когда у меня такое несчастье, вы...

Сергей. Я следователь уголовного розыска... Пришел по вашему делу... И прошу вас...

Директор (в смятении). Вы следователь... Этот... Бочков?

Сергей. Да.

Директор. Боже мой!.. Ну как же это так?.. Уважаемый... Я вам все объясню... То есть я вам не могу объяснить, как произошло у нас... Ведь вчера... Боже мой!..

Сергей. При странных обстоятельствах мы вчера...

Директор (мегется). Боже мой... Ведь у вас сложилась впечатление, что я... И теперь вы будете...

Сергей. Вы не волнуйтесь, гражданин. И поверьте, я умею отделять личные дела от служебных. И то, что у нас произошло, не повлияет на ход вашего дела.

Директор. Уважаемый!.. Ваши благородные слова...

Сергей. Обычные слова. Вы не должны думать, что я отнесусь к вашему делу небрежно или пристрастно... Напротив, я постараюсь, чтобы...

Директор. Уважаемый... постарайтесь... Нет, нет, собака не кусит вас... Альма... Чертова собачонка...

Сергей. Конечно, я должен вам сказать, что столкновение с вами показало мне ваш, так сказать, моральный облик. И поэтому я вынужден более внимательно отнестись к некоторым обстоятельствам...

Директор. Зачем же, понимаете, более внимательно. Совершенно достаточно обычное ваше участие... Нет, нет, собака не кусит вас...

Тогда давайте пройдем в эту комнату — там нам никто не помешает...
Пройдите, уважаемый... Располагайтесь там... Я сейчас... Только найду
бухгалтера... насчет печати на эту бумажку...

Сергей входит в соседнюю комнату. Директор заглядывает
в магазин, разыскивая бухгалтера. Вбегают Клавочка.

20

Клавочка. А где же он?

Директор. Следователь? *(Показывает на дверь.)* Он там...

Клавочка. Ах, он там!.. Он хотел поговорить с вами... И я надеюсь, что вы будете джентльменом...

Директор *(волнуясь)*. А что, вам кажется, что я... Да, немножко испытываю мандраже... Мне нужен Иван Макарыч... Где он?

Клавочка. В кладовке. Сейчас придет... Григорий Борисыч...

Директор. В этот миг, когда я так взволнован... Хотелось бы вашего маленького участия... *(Нежно целует ей руку.)*

Клавочка *(отнимает руку)*. Слушайте... отвяжитесь вы... Еще смеее слюнявить мне руку...

Директор. Клавочка, обожаемая... что с вами?

Клавочка. Без рук, пожалуйста... И вообще, прекратите ваши дурацкие ухаживания...

Директор. Клавочка, сейчас, когда мне предстоит следствие, вы так со мной...

Клавочка. Какое следствие?

Директор. Да насчет кражи... И как раз пришел следователь, которого я вчера... Боже мой... Ведь у меня зуб на зуб не попадает, а вы со мной так нечутко...

Клавочка. Ах, он насчет кражи пришел! А не насчет меня... Минуточку... Да не идите вы за мной...

Клавочка уходит в соседнюю комнату, где находится Сергей.

Входит бухгалтер. Директор бросается к нему.

21

Директор. Иван Макарыч... голубчик... Пришел следователь... Бочков... Которого я вчера...

Бухгалтер. Да что с вами? Лица на вас нет...

Директор. И потом Клавочка, узнав, что у меня украли деньги...

Бухгалтер. Ах, переменилась к вам?

Директор. Чуть в морду не въехала... Вот что такое потерять деньги, Макарыч...

Бухгалтер (улыбаясь). Ай, ей-богу...

Появляется Клавочка. Вслед за ней выбегает следователь
Сергей. Оба взволнованы.

22

Клавочка (обернувшись к Сергею). Я думала, ты пришел... специально разыскал меня... А ты...

Директор. Клавочка, вы что, с ума сошли... Нервируете человека.

Клавочка (директору). А идите вы к лешему...

Бухгалтер. Ай, ей-богу... Григорий Борисыч, да погодите вы. У них, кажется, свои дела...

Клавочка (Сергею). И значит, если б не это дело, так вы бы еще неделю заставили меня...

Сергей. Клавочка, пойми. Ведь здесь... служебное дело... Пойми... я не могу сейчас...

Клавочка. А не можете — и не надо...

Клавочка уходит. Сергей бежит было за ней. Однако останавливается, поворачивается. И тут мы видим суровое, официальное лицо следователя.

23

Директор. Уважаемый... Если вам желательно поговорить по личному делу... не стесняйтесь... Я позову ее...

Сергей. Не надо. Я потом. Прежде поговорим о вашем деле.

Директор. О, благодарю вас... Вы наиболее благороднейший человек...

Сергей. Прошу сесть. Я должен задать вам несколько вопросов.

Директор. Я весь внимание. Макарыч, выйди...

Бухгалтер уходит. Следователь и директор располагаются за бюро.

24

Сергей. Ваша жена показала, что в момент совершения кражи никого из домашних в квартире не было... Однако, когда она вошла в квартиру, она слышала, как хлопнула дверь на черной лестнице.

Директор. Это домработница... Это она, она украла... Настя...

Сергей. Нет, домработница доказала свое алиби — она была на рынке. Поэтому встает вопрос о каком-либо другом домашнем человеке...

Директор. Почему же непременно о домашнем?

Сергей. Видите ли... Украдены не все деньги... Только часть... Поэтому можно с уверенностью сказать, что вор был случайный, не про-

фессионал и, скорее всего, — свой же, домашний человек... Ваша жена показала, что с вами проживает еще племянник... Аркадий...

Директор. Нет, это не мой племянник... Это племянник моей супруги...

Сергей. Он почему-то не значится в домовоей книге... Он что — фиктивно у вас прописан?

Директор (*в смятении*). Но при чем тут это... товарищ следователь... Мальчик только что приехал и...

Сергей. Ах, он только что приехал... Так, так... (*Пишет.*)

Директор. Зачем же это писать, товарищ следователь...

На пороге появляется племянник Аркаша. Он весьма принаряжен, и в руках у него цветы. Увидев постороннего человека, он мнется на пороге.

25

Племянник. Дядя Гриша...

Директор. Аркашка, ты что?..

Племянник. Извините, дядя Гриша... Мне нужно срочно видеть Клавочку.

Сергей. Клавочку?

Директор. А зачем тебе Клавочку? (*Подходит ближе к племяннику.*) Ну, ну... говори же...

Племянник (*тихо*). Она... Она вчера... сделала мне предложение... выйти за нее... замуж... Я целый день думал... И теперь решил, что я женюсь на ней...

Сергей. Что?

Директор. Что такое? Она... предложение тебе?

Племянник. Да... И я, дядя Гриша, твердо решил. Я женюсь на ней...

Сергей. Молодой человек... подойдите сюда... Я должен кое-что выяснить... задать вам несколько вопросов...

Директор (*сердито*). Подойди, говорят тебе, к товарищу следователю. Молокосос... Вы, товарищ следователь, хорошенько его, чтоб он...

Сергей (*племяннику*). Вам о краже уже известно?

Племянник. Нет... О какой краже?

Сергей. В квартире вашего дяди украдены деньги... Разрешите узнать, где вы были в три часа?

Племянник. В три часа... В три часа я был дома... Нет, я как раз ушел в три часа...

Сергей. Ушли по черному ходу?

П л е м я н н и к (*смутившись*). Да... я через кухню...
Д и р е к т о р (*растерянно*). Аркашка... Аркашка...
П л е м я н н и к (*искренне*). Даю вам слово, дядя Гриша... Я не брал
ваших денег...

С е р г е й. Но вы были в комнате дяди? Подходили к его столу?
П л е м я н н и к. Да... Я искал бритву... Мне хотелось сегодня по-
бриться, чтобы... Но денег я не брал... клянусь вам...
Д и р е к т о р (*в смятении*). Аркашка...

Поспешно входит женщина средних лет. Она одета простовато.
И весьма взволнована. Это д о м р а б о т н и ц а директора — Н а с т я.

26

Д о м р а б о т н и ц а. Григорий Борисыч... Это что же вы на меня?..
Вранье такое...

Д и р е к т о р. Ну чего, чего ты сюда вкатилась?

Д о м р а б о т н и ц а. Как же не вкатиться... Все сердце у меня вон
как трясется. Нет, я не дозволю вам подозрение на меня держать.

С е р г е й. Да вы сядьте... успокойтесь...

Д о м р а б о т н и ц а. Как же успокоиться, если он, бесстыжие его
глаза, на меня высказал, будто я... его паршивые деньги. А сам он, то-
варищ следовательно, из седьмого номера кушетку взял в их отсутствии.

Д и р е к т о р. Настя...

Д о м р а б о т н и ц а. Что Настя?.. Разрешите, товарищ следовательно,
плюнуть в его гляделки...

С е р г е й. Да погодите вы! Сядьте... Какую кушетку?

Д и р е к т о р. Ну, Настя... Товарищ следовательно...

Д о м р а б о т н и ц а. Эвакуировались граждане... А он приехал
и втащил к себе их кушетку...

Д и р е к т о р. С разрешения управхоза, товарищ следовательно. Вре-
менно взял себе.

Д о м р а б о т н и ц а. Взял и рипсом ее обил... Запишите, товарищ
следовательно, — обил синим рипсом...

Д и р е к т о р. Ну, Настя... Теперь я тебя...

С е р г е й. Тихо... Прекратите... Какое-то осиное гнездо у вас... (*Дом-
работнице.*) Вы идите, гражданка, идите домой. Я потом спрошу вас...

Д о м р а б о т н и ц а. Синим рипсом обил кушетку. И теперь имеет
нахальство спать на ней... (*Директору.*) Погоди, про твою совесть я еще
напишу повесть. (*Уходит.*)

Д и р е к т о р. Товарищ следовательно, я прекращаю все это дело...

С е р г е й. То есть как прекращаете?

Д и р е к т о р. Прекращаю дело о моей краже... Ну, украли — укра-
ли. Бог с ними. Мне мои нервы дороже...

Сергей. Нет, дело вы прекратить не можете. Государство заинтересовано обнаружить вора, покарать его...

Директор. Товарищ следователь... Ну как же так... Мои же деньги... Ну, возьмите у меня остальные, только...

Сергей. Что, что?.. (*Усмехнувшись.*) Вы, кажется, предлагаете мне ваши деньги?

Директор. Не как взятку, не как взятку, я сказал... Я аллегорически, товарищ следователь... я...

Сергей. Ну, хватит, слушайте... (*Племяннику, который меланхолично сидел в стороне.*) Молодой человек... Пройдемте со мной... Я должен кое-что выяснить...

Племянник. А как же я?.. Ведь я хотел... Она ждет...

Сергей. Цветы положите сюда... Пойдемте...

Директор. И мне с вами идти?

Сергей. Нет, останьтесь тут. Не уходите... Я вернусь...

Сергей и племянник уходят. Директор мечется по комнате.
Подходит к телефону.

27

Директор (*по телефону*). Петр Осипович... Любезный друг... Нет, просто справочку у вас... Что полагается за дачу взятки?.. Причем взятка не была дана. Просто человек сказал аллегорически... Что?.. Сколько?.. Боже мой!.. (*Роняет трубку, садится в кресло, но тутгас вскакивает, делает круг по комнате и снова набирает номер телефона.*) Леночка... это я... Почему замогильным голосом? Просто я... Аркашку увели уже... Нет, как раз попался следователь, которого я вчера... В общем, если не приду... Одну смену белья на всякий случай... Ну, не знаю... зубную щетку... Ну, не могу по телефону... Потом объясню...

Входит милиционер — тот самый, который вчера нашел деньги, оставленные в городском саду.

28

Милиционер. Я извиняюсь...

Директор (*в трубку*). Нет, и потом не смогу объяснить... Что?.. Да, уже пришли... (*Вешает трубку.*)

Милиционер. Гражданин. Давеча в городском саду вы позволили себе такую небрежность — казенные деньги оставили...

Директор. Я оставил деньги в саду?!

Милиционер. Целую пачку...

Директор. Пачку? Десять тысяч?

М и л и ц и о н е р *(рассматривает папку)*. Десять тысяч... Главное, фамилии вашей не знаю... Слышал, будто вы директор скупочного пункта. Вот и хожу целый день по этим пунктам — разыскиваю...

Д и р е к т о р. О, благодарю вас... Вы наиболее благороднейший человек... Вот, вот вам... *(Распегатыв папку, сует милиционеру несколько купюр.)*

М и л и ц и о н е р. Да нет, не надо... Что вы...

Д и р е к т о р. Нет, я обижусь... Прошу вас... *(Сует деньги в карман милиционера.)*

Входит бухгалтер в своем бархатном камзоле. Милиционер от неожиданности вытягивается перед ним.

29

Д и р е к т о р. Макарыч, деньги нашлись. В саду мы оставили...

Б у х г а л т е р. Ну... Это, значит, когда мы в урне искали...

М и л и ц и о н е р *(увидев баян среди музыкальных инструментов)*. Товарищи... Разрешите на секундочку... инструмент... Поскольку мотив вертится в голове — хотелось бы подобрать...

Д и р е к т о р. Прошу вас... подбирайте... *(Бухгалтеру.)* Ну, Макарыч, замечаешь, как все удачно складывается...

Входит следователь Сергей Бочков. Вслед за ним идет племянник, который скромно усаживается в кресло, взяв в руки свои цветы.

30

Д и р е к т о р *(с восторгом)*. Товарищ следователь. Деньги нашлись. В саду на скамейке оставили... Вот он нашел, милиционер...

С е р г е й. Ах, вот как...

Б у х г а л т е р. И, значит, одной пачки теперь не хватает...

Д и р е к т о р. Ну, одну-то пачку... Теперь-то уж можно прекратить дело. Да, товарищ следователь?

С е р г е й. Я же вам объяснил — прекратить нельзя... Прошу вас — пойдите со мной.

Д и р е к т о р. Позвольте... Почему же непременно с вами... Куда?

С е р г е й. Дело в том, что племянник ваш, видимо, не виноват.

Д и р е к т о р. Что, Макарыч? Видишь, как все в мою пользу...

С е р г е й. В вашей квартире находился посторонний человек. Фамилии его не удалось установить, ваша жена отрицает, что был кто-либо. Однако дворник утверждает, что это был человек высокого роста, в желтой выгоревшей кепке, небритый...

Б у х г а л т е р. Это Пестриков, папаша Клавочкин...

С е р г е й *(потирая лоб)*. А-аа... Ее отец?

Д и р е к т о р (*упавшим голосом*). Да, это Пестриков... А зачем же, зачем же он, понимаете, в моей квартире...

С е р г е й. Он вышел из вашей квартиры в час дня...

На пороге комнаты стоит К л а в о ч к а.

31

К л а в о ч к а. Ах, вот как, Сергей... Ты теперь согласен моего отца запутывать...

С е р г е й. Клавочка... Но пойми же...

К л а в о ч к а. Ну нет... Теперь я окончательно... (*Директору, томно.*) Григорий Борисыч... Опять что-то у меня... голова кружится...

Д и р е к т о р. Ай, гражданка, ну что вы ко мне-то...

П л е м я н н и к. Клавочка, так ведь я же тут... И согласен...

С е р г е й. Да погодите вы, молодой человек. (*Клавочке.*) Клавочка... Ну, присядь, ну... Прошу тебя...

К л а в о ч к а. Не подходите ко мне... К черту все...

П л е м я н н и к. Клавочка...

К л а в о ч к а уходит. П л е м я н н и к бежит за ней, следовательно было устремляется за ними. Однако останавливается.

32

С е р г е й (*огорченно*). А-а, черт... (*Директору.*) Скажите... Пестриков — это ваш личный знакомый?

Д и р е к т о р. Это моей жены знакомый, товарищ следовательно... зачем же он днем... в мою квартиру... Да нет, тут что-то не так... В час дня жена была дома — она звонила мне...

С е р г е й. Вот я и хочу пойти с вами, чтобы...

Д и р е к т о р (*растерянно*). Товарищ следовательно... Товарищ милиционер... Зачем же он, понимаете, в мое отсутствие... Ах, вот как... (*Твердо.*) Идемте, товарищ следовательно... Идемте...

М и л и ц и о н е р (*напевает, подобрав наконец мотив*). «Ах, Самара-городок... беспокойная я...»

Б у х г а л т е р. Григорий Борисыч... собаку-то возьмите... Супруга велела привести...

Д и р е к т о р. Альма... иси... За мной...

Д и р е к т о р направляется к выходу, держа на поводке собаку. Вслед за директором идет следовательно. Бухгалтер присаживается к милиционеру, который уверенно и отлично наигрывает на баяне «Самара-городок». Занавес идет под музыку баяна.

Действие третье «МЕМЕНТО МОРИ»

Квартира директора. Солидная комната, меблированная с претензией на шикарный вкус. На кушетке под шелковым одеялом лежит директор. Он в цветной полосатой пижаме. Волосы его взлохмачены. И лицо выражает крайнюю степень волнения. Жена директора Елена Петровна накапывает в рюмку лекарство.

1

Директор. О-оох...

Жена. На, выпей, успокойся...

Директор (*пьет лекарство*). О-оох...

Жена. Ну что? Не лучше?

Директор (*бурно*). Хорошо!!! А тогда скажи — почему он без приглашения пришел к тебе?

Жена. Я же тебе объясняю, Григорий. Он принес мне письма, которые... для одной моей приятельницы... И в эту комнату он даже не заходил. Постоял в передней и ушел...

Директор (*жалобно*). О-оох...

Жена. Ну, успокойся, успокойся... И вообще ты склонен преувеличивать. Не так уж все ужасно обстоит...

Директор. Так следователь-то оказался тот самый, которого я накануне... Ведь он теперь меня... И он прав... Каждый бы на его месте...

Жена. Ерунда. Следователь — человек умный. Он отлично понял, что ты не взятку ему предлагал, а просто так воскликнул...

Директор. Я аллегорически воскликнул... И черт меня за язык дернул...

Жена. А насчет кушетки тем более ерунда. Разрешение было...

Директор. Так управхоз же убыл неизвестно куда...

Жена. Найдем управхоза. Пусть это тебя не волнует... Вот несколько хуже обстоит дело с Аркашиной пропиской...

Директор. Так он учащийся. Его обязаны...

Входит дочь Рита. Она заплакана. Одета по-домашнему.

2

Дочь (*строго*). Не в том дело, отец. Ты не должен был впутывать Василия.

Директор. Так я же только сказал...

Дочь. Конечно, дело распутается, и все увидят, что Василий ни при чем, но...

Жена. Вот ты бы и сказала Василию, чем ссориться с ним...

Д о ч ь. Не я с ним... Вернее, он мне сказал, а я... *(Со слезами.)*
Столько трудов я вложила в его воспитание... И вот теперь из-за вас...
Д и р е к т о р *(жалобно)*. О-ох...
Ж е н а *(догери)*. Оставь... Не тревожь отца...

Д о ч ь уходит. Ж е н а снова накапывает лекарство.

3

Ж е н а. Выпей теперь этого лекарства. Это придаст тебе силы...
Д и р е к т о р. О-ох... *(Пьет.)*
Ж е н а. Ну вот... Успокойся...
Д и р е к т о р *(подскозив на постели)*. Хорошо! А где же тогда деньги?! Значит, их Аркашка взял?
Ж е н а. Аркаша не брал. Я верю ему.
Д и р е к т о р *(еще более подскозив)*. Значит, этот взял... твой Пестриков?!
Ж е н а. Я тебе повторяю — Пестриков не входил в эту комнату.
Д и р е к т о р. Тогда Аркашка! Вот, вот твой племянничек... Приютили...
Ж е н а. Григорий, не выводи меня из себя...
Д и р е к т о р. Твой племянничек! Не мой! Твоя, твоя гнилая порода...
Ж е н а. Ну, знаешь ли... Не доводи меня до безумия... Двадцать три года я с тобой... Я не могу больше...
Д и р е к т о р *(ошеломленно)*. Что двадцать три года? Что не могу?
Ж е н а. Двадцать три года... изо дня в день... каторгу испытываю...
Д и р е к т о р *(со страхом)*. Леночка... что ты говоришь... Ты же...
Ж е н а. А, ты думал наоборот... Я счастлива с тобой? Нет, Григорий...
Д и р е к т о р *(ужасаясь)*. Умоляю... Что ты говоришь? Ты в бреду...
Ж е н а. Нет, я не в бреду... Я тебе все скажу... Ты взгляни на себя...
Ведь ты... мелкий, жадный, корыстный, самовлюбленный человек...
Д и р е к т о р. Молчи! Заклинаю тебя...
Ж е н а. Разве я о таком человеке мечтала?.. Кто бы мог с тобой, кроме меня... И только я несла эту тяжесть...
Д и р е к т о р *(тупо)*. Леночка...
Ж е н а. Ведь другая на моем месте... А у меня только... какие-то единичные случаи... На вот, знай... Николай Николаевич Пестриков... Я любила его... И тоже ошиблась...
Д и р е к т о р. Пестриков? И, значит, он...
Ж е н а. Нет, это давно закончено... Он приходил, чтобы вернуть мне мои письма...

Директор. Ты убила, убила меня...

Жена. Я оберегала тебя. Хотела, чтобы ты ничего не знал. И вот поэтому потребовала вернуть мои письма... (*Достает из кармана, швыряет ему.*) Вот они... Читай их...

Директор. Зачем, зачем ты сказала?.. Лучше бы я не знал ни о чем...

Жена. Ты сам виноват. Сам довел меня до сумасшествия.

Входит бухгалтер Иван Макарович Грошиков. Останавливается на пороге в нерешительности. Жена директора подходит к нему.

4

Жена (*бухгалтеру*). Успокойте его... У меня мигрень... (*Уходит.*)

Бухгалтер. Григорий Борисыч... Это я... Навестить вас пришел...

Директор. О-ох...

Бухгалтер. Ах ты, боже мой... Может, валерьяночки выпьете?.. Сейчас я... (*Накапывает лекарство.*) Выпейте... Ну, откройте ротик... Глотните, глотните...

Директор (*выпив лекарство, подсакивает на постели*). Ну, я этого Пестрикова!

Бухгалтер. Успокойтесь... Сейчас лекарство подействует...

Директор (*еще более агрессивно*). Ну, теперь я этого прохвоста...

Бухгалтер. А что выяснилось — он деньги взял?

Директор. Все... все взял он у меня... Теперь я конченный человек, Макарыч...

Бухгалтер. Ну что вы говорите, Григорий Борисыч. Такой вы крупный человек и...

Директор (*задыхаясь*). Крупный человек... Нет, Макарыч... Так-то подумать... Кто я? Что я?.. Гонялся за призраками...

Бухгалтер. Григорий Борисыч... успокойтесь...

Директор. Гонялся за призраком наживы... Через это забывал... что вокруг... Она права, права, Макарыч... Что я для нее?..

Бухгалтер (*трогает лоб*). Может, у вас жар?

Директор. И вот финал... в коем я сам повинен... (*Межется.*) Ах, зачем, зачем она сказала?..

Бухгалтер (*подходит к двери*). Елена Петровна, Елена Петровна...

Входит жена. Лицо у нее страдальческое, Голова повязана платком.

5

Жена. Что такое?

Бухгалтер. Может, врача позвать?

Жена (*подходя к постели*). Григорий...
Директор (*жалобно*). О-ох...
Жена. Гриша... Гриша, ну извини меня... Все-таки мы с тобой двадцать три года... И мы...
Директор. Лена... Леночка...
Жена (*гладит по голове*). Успокойся... успокойся... Гриша...
Бухгалтер (*накапывает лекарство*). Сейчас я ему... немножко...
Жена (*вырывает пузырек*). Ни в коем случае. Лекарство плохо на него действует... Сейчас врач придет...
Директор. О-ох...
Жена (*бухгалтеру*). У меня мигрень... Посидите с ним... (*Уходит.*)

6

Бухгалтер. Ничего, Григорий Борисыч, вы еще свое возьмете...
Директор. Нет, Макарыч, теперь я... Все прахом пошло...
Бухгалтер. Поправитесь, встанете на ножки... И нажмете на все железки... Да?
Директор. Спасибо тебе, Макарыч. Но только я теперь... Нет, теперь все против меня... Вот, Макарыч, как в другой раз жизнь обертывается.
Бухгалтер. Она обертывается, и мы в свою очередь обертываемся. Вот и идет самокрутка... А что у вас обернулось-то?
Директор. Да все, все обернулось против меня... Главное, следователь-то попался, которого я накануне... Вот что меня побивает...
Бухгалтер. Ну, следователь не позволит себе доходить до крайности. Отобьетесь.
Директор. А отобьюсь, так с другой стороны... Жена теперь вот... (*Жалобно.*) О-ох...
Бухгалтер. С супругой помириться... И все будет в лучшем виде...
Директор. Нет, плохо, плохо, Макарыч... Укатали сивку крутые горки.
Бухгалтер. Негоже вам так говорить, Григорий Борисыч...

Телефонный звонок.

Директор (*по телефону*). Да, я... Ах, Клавочка... Не узнал вас по голосу... Здравствуйте, обожаемая...
Бухгалтер. Ай, ей-богу... Видите, как все обертывается...
Директор (*по телефону*). Что?.. Что такое... (*Бухгалтеру.*) Не велит больше с собой беседовать... (*По телефону.*) Что?.. (*Бухгалтеру.*) Любит Сережу и поэтому... (*По телефону.*) Что? Ну зачем же так говорить... Клавочка... Погодите, Клавочка... (*Бухгалтеру.*) Повесила трубку...

Бухгалтер. А что она... Нет, что она последнее-то сказала?

Директор (*смущенно*). Сказала... Плевать, говорит, я на ваши деньги хотела...

Бухгалтер. Так и сказала? Плевать, говорит, я хотела на ваши деньги... И на вас, наверно? Да?.. Ай, ей-богу...

Директор. Видишь, как все обертывается... Как оно все складывается... Кругом шестнадцать... Считал себя таким удачливым, счастливым человеком, и вот... Сразу вдруг... обрушилось все... на мою голову...

Бухгалтер. Еще премного увидите удач... (*Взяв карты.*) Может, хотите, в подкидного сыграем?.. Для разбития мыслей...

Директор. Нет, Макарыч, не ко времени... Сними-ка с полки какую-нибудь книжку... Я загадаю...

Бухгалтер. Это, например, как же вы?

Директор. Допустим, скажу — тридцатая страница, четвертая строчка сверху... Разверни книгу. Сыщи тридцатую страницу... Ну? Дай-ка я...

Бухгалтер. Вот тридцатая страница...

Директор. Значит, четвертая строчка сверху... (*Читает.*) «Никого нельзя назвать счастливым раньше его смерти»... Видел? Нет, ты видел что-либо подобное... Как в точности...

Бухгалтер. Да, как-то оно...

Директор. Нет, ты вдумайся, что говорят эти строчки... Они говорят: только тогда можно выяснить, счастливая ли у тебя жизнь, когда ты уже...

Бухгалтер. ...умер...

Директор. Погоди... А ведь это не в мою пользу говорит. Ведь это намек кидает на мое приближение...

Бухгалтер. Не надо об этом, Григорий Борисыч... Ну-ка, дайте лучше я попробую загадать... На себя...

Директор. Возьми другую книжку... Возьми и задумай... Задумал?

Бухгалтер. Ну, задумал...

Директор. Назови страницу...

Бухгалтер. Страницу? А всего сколько в ней страниц?

Директор. Ай, ну тебя... Просто открой книжку и ткни пальцем куда попадет... Ну, ткнул?

Бухгалтер. Так?

Директор. Пальцем, пальцем-то не шевели — соскользнет с нужной строчки... Погоди... (*Читает.*) «Осторожней, графиня», — воскликнул виконт. И, взяв графиню под руку, уверенно повел ее к выходу»...

Бухгалтер (*смеется*). Ай, ей-богу... Не получилось гаданье...

Директор. Почему не получилось. Ведь тут нужно аллегорию искать... Погоди, сейчас расшифрую... Значит, графиня — это, допустим, я... А ты виконт... «Осторожней, графиня»... это, значит, ты как бы мысленно мне восклицаешь: осторожней, Григорий Борисыч. Погоди... «И, взяв ее под руку»... То есть взяв меня морально под руку... Уверенно ведешь меня из тупика к выходу... Понимаешь?

Бухгалтер. Так я же не про вас задумал, Григорий Борисыч...

Директор. А про что же ты задумал?

Бухгалтер. Ну, задумал... Ну...

Директор. Ну, говори же...

Бухгалтер (*сконфуженно*). Да нет... Сын у меня... государственные экзамены сдает... Так я и задумал — как оно у него...

Директор. Сейчас расшифрую... «Уверенно повел к выходу»... Да, сдаст экзамены, сдаст...

Телефонный звонок.

Поговори, Макарыч... Не могу я... Такое ощущение — еще, еще неприятности...

Бухгалтер (*по телефону*). Слушают... Что? (*Директору*.) Со скупочного пункта... Сразу трое брюк принесли... И в кассе не хватает денег...

Директор. Брюки взять. Сейчас пришлю деньги.

Бухгалтер (*в трубку*). Сейчас пришлем деньги...

Директор (*достав бумажник*). Вот тысяча. Беги пулей...

Бухгалтер. И потом позвонить, какие брюки?

Директор. А ты принеси их показать... Давай скорей. Уйдут же люди.

Бухгалтер уходит. Несколько секунд директор лежит неподвижно. Потом, шумно вздохнув, раскрывает книгу и, ткнув пальцем в текст, читает.

7

Гм... (*Читает*.) «Все, что случилось с тобой, давно записано в книгу... И эту книгу наугад перелистывает ветер вечности»... (*Повторяет*.) И эту книгу наугад перелистывает ветер вечности... (*Тяжко вздыхает*.) Ветер вечности...

Снова неподвижно лежит, закрыв глаза. Входит жена. Рядом с ней гладкий и упитанный доктор в золотых очках.

8

Жена. Гриша... Можно к тебе?

Директор. Нет... я бы хотел полежать... спокойно...

Ж е н а. Гриша, но нельзя же запускать свое здоровье... Доктор посмотрит тебя... Пропишет что-нибудь...

Д о к т о р. А мы вас не потревожим, Григорий Борисыч... Вы себе лежите спокойненько... Вот так... Ослабьте все мускулы... Это полезно... Нервы отдыхают тогда... А мы тем временем пульсик проверим... Превосходно... Ну, отлично... Есть какие-нибудь боли?

Д и р е к т о р. Нет...

Ж е н а. А ты говорил — в правом боку у тебя...

Д и р е к т о р. Это когда я понервничаю... Вот тут... вот тут...

Д о к т о р. Ага... Вы думаете, печень?.. Так... Печенка ваша немного увеличена...

Д и р е к т о р. О-ох...

Д о к т о р. Пустяки... Ерунда... Все это нервы...

Д и р е к т о р (жалобно). О-ох... (Закрывает глаза.)

Ж е н а (доктору). Анатолий Владимирович, не будем больше его тревожить. Пройдемте ко мне... Поговорим...

Д и р е к т о р неподвижно лежит с закрытыми глазами. Ж е н а и д о к т о р медленно направляются к выходу.

Д о к т о р. Пустяки...

Ж е н а. Вы не успокаиваете меня? В самом деле ничего серьезного?

Д о к т о р. Абсолютно здоровый, железный организм... А печень вздор — понервничал, вот и... Кстати, о печени, Елена Петровна... Ведь Фиалковский-то...

Ж е н а. Вы были у него в больнице? Смотрели его?

Д о к т о р. Рак печени у него...

Ж е н а. Что вы говорите... Рак печени! Боже мой...

Д о к т о р. Бедняга не протянет долго...

Ж е н а (всхлипывая). Какой ужас... Безнадежен?

Д о к т о р. Совсем, совсем безнадежен. Несколько дней и...

Лежа неподвижно, д и р е к т о р прислушивается к последним фразам. Страх и ужас на его лице. Он было поднимается на локте, чтобы точнее услышать свой приговор, но, увидев всхлипывающую ж е н у, со стоном падает на подушки.

Д и р е к т о р (громко). О-ох...

Ж е н а (доктору). Не будем тревожить его... Пройдемте...

Погасив верхний свет, жена и доктор уходят. Директор вскакивает на постели, но тотчас со стоном ложится. И тут входит бухгалтер. Причем сначала в дверях показывается его рука с косой. Потом появляется сам бухгалтер, в одной руке которого обыкновенная полевая коса, в другой — пакет с брюками. Увидев фигуру с косой, д и р е к т о р в ужасе шарахается.

Директор (*трагически*). Кто это? (*Узнав пришедшего.*) А-а, это ты... Что это у тебя в руке?

Бухгалтер. А это коса, Григорий Борисыч. Сейчас купил у вашего дворника для своего хозяйства. (*Ставит косу в угол.*) Брючки-то хорошие оказались, Григорий Борисыч... Глядите какие...

Директор (*шепотом*). Потом, потом, Макарыч... Не надо...

Бухгалтер. Или хуже почувствовали себя?

Директор. Помираю, Макарыч...

Бухгалтер. Бросьте думать об этом!

Директор. Нет, Макарыч... Доктор сказал...

Бухгалтер. Что доктор-то сказал?

Директор. Сказал... Безднадежен, сказал... Печень у меня, Макарыч. Рак.

Бухгалтер. Ну как можно человеку в глаза так говорить?

Директор. Нет, он не мне... Он жене сказал... Я слышал...

Бухгалтер. Ах, сами слышали?

Директор. Сам слышал, своими ушами... Финита ля комедия, Макарыч... Кончена жизнь... Прощайте, друзья... Прощай и ты, Макарыч...

Бухгалтер (*всхлипнув*). Прощайте, Григорий Борисыч, драгоценный вы человек...

Директор (*обведя глазами обстановку*). Прощайте все... мебель... картины... обстановка... (*Дрогнувшим голосом.*) Деньги... Деньги-то как же, Макарыч... В столе они у меня... Ах, лучше бы их все украли... Спокойней бы отнесся... (*Прерывает себя.*) Вот гляди, Макарыч... Назвал ты меня драгоценным человеком... А что я... Гляди, подыхаю, и то, понимаешь, жадность одолевает сердце... Вот что, Макарыч, крепко держало меня в своих руках... Вот что коверкало мою жизнь...

Бухгалтер. Да вы спокойней отнеситесь, Григорий Борисыч. Не мучайте себя в такой момент...

Директор. Как же спокойней, Макарыч... Подвожу ведь итог жизни... Вижу, не сходится баланс... Вижу, фальшиво жил... Гонялся за длинным рублем... Мануфактуру собирал... Мебель...

Бухгалтер. Ну собирали. И мышь в свою норку тащит корку.

Директор. Деньги, деньги пригибали меня к земле, заслоняли все на свете...

Бухгалтер (*утвердительно*). О-о!

Директор (*сердито*). Что «о»... (*Передразнивает.*) О... о... Восклицаешь «о», а сам не знаешь чего...

Бухгалтер. Нет, я только хочу сказать — к деньгам вы были немножко равнодушны...

Директор. Ай, не в том дело, Макарыч... Ты не понимаешь моей драмы... *(Встает с постели.)* Граждане... Друзья мои... Иван Макарыч... Взгляните все на мою катастрофу... Тридцать лет жил... Слов нет — трудился, работал... Может быть, и принес некоторую пользу своим присутствием. Скорей всего, небольшую. А может быть, и никакую. А почему? Во всем видел впереди всего наживу, личную выгоду... Хотел разбогатеть... Достичь состояния... Зачем? Друзья мои... Не ту силу придавал деньгам... Думал, через них мне вся жизнь раскроется... Любое счастье буду выбирать... И с этими мыслями бежал, как на бегах бежит лошадь, у которой справа и слева глаза закрыты. Не видел ничего вокруг... Тридцать лет бежал. Запыхался. Устал. Глядите — поседел... Остановился, чтоб передохнуть. Посидеть, может быть, в садике. Побеседовать с Клавочкой. Поделиться с ней своей забытой лирикой... И что же оказалось...

Бухгалтер. Боже мой! А она вам вдруг такие слова — плевать, говорит, я хотела на ваши деньги...

Директор. Вот и выходит, Макарыч, что я зря стремился к богатству... Зря имел такое построение жизни... И, стало быть, выходит, зря жил... Зря... И теперь погибаю, как собака. «При пиковом интересе»...

Бухгалтер. Григорий Борисыч, так ведь Клавочка же — это новое, молодое поколение. И оно на деньги не глядит так, как мы с вами... Оно не считает, что это самое главное... Например, Клавочкин Сережа семьсот рублей получает.

Директор. Ах, он только семьсот рублей получает?

Бухгалтер. Только семьсот. А она с этим согласна. И не поменяет его на вас.

Директор. Ай, ну тебя. Всегда ты что-нибудь такое. Человек, кажется, при смерти, а ты ему...

Бухгалтер. Так вы же сами об этом говорите. А я только хочу подчеркнуть — Клавочке в голову не придет выйти за деньги замуж... Это надо видеть и наблюдать. Современность. А вы...

Директор. Вот и выходит... Имел не то мировоззрение... Бежал, как лошадь... Не заметил, что вокруг... Проглядел движение новой жизни...

Бухгалтер. Да вы не горюйте настолько, Григорий Борисыч... Зато супруга вас исключительно любит...

Директор. Супруга?.. Выясняется, что и она не любит... И правильно это, Макарыч. В погоне за наживой испортил себе характер. Задуманность потерял. Жадность, эгоизм развил...

Бухгалтер. Ну, уж это вы напрасно на себя возводите. Вполне приличный человек вы были.

Директор. Я-то знаю, какие имел богатые душевные задатки. И взамен своей поэзии зачерствел. Врать стал много, Макарыч...

Бухгалтер (*улыбаясь*). Да уж насчет этого... Немножко таки вы любили пулю слить...

Директор. Ай, ну тебя. Всегда ты что-нибудь... Ты конкретный пример приведи, прежде чем бросать человеку такое обвинение.

Бухгалтер. Ну хотя бы вы по воздуху летали от фугасной бомбы... Ведь это ж, сознайтесь, немножко тово...

Директор. Макарыч... Даю честное благородное слово — летал по воздуху. И ты не смей меня в этом уличать. А вот осколок с той бомбы, Макарыч... Осколок я потом на улице нашел... И пулю, Макарыч, я из полена вынул, когда нам дрова привезли... (*Межется.*) Финита ля комедия, Макарыч... Видишь, как гаданье правильно показало...

Телефонный звонок.

Нет меня, нет, Макарыч... Неохота в суете находиться...

Бухгалтер (*по телефону*). Григорий Борисыч тяжело хворает. Не может подойти... Это говорит ихний бухгалтер Грошиков... Хорошо, передам... (*Директору.*) Следовательно звонил. Сейчас придет...

Директор (*межется*). Ай, ну что они меня мучают... Начнет опять ковырять... Не дают человеку спокойно помереть...

Бухгалтер. А вы легче к этому отнеситесь...

Директор. Да как же, понимаешь, легче, если он... (*Приподнимается на локте.*) А верно, Макарыч... Ведь если человек, допустим, умирает... Что они, черти, могут с ним?..

Бухгалтер. А ничего они не могут, Григорий Борисыч...

Директор (*сидясь на постели*). Факт, ничего не могут... Допустим, он скажет... Ага, взятку пытались дать... Я, скажет, за эту взятку вас...

Бухгалтер (*смеясь*). А вы ему шиш...

Директор (*смеется*). А я ему шиш, поскольку что с меня возьмешь, если я... умираю... И он не может меня, Макарыч... ни с какой стороны...

Бухгалтер (*хохочет*). Вот он с голым носом и пойдет назад...

Директор (*хохочет*). Вот он и пойдет себе на полусогнутых...

Бухгалтер (*сквозь смех*). Или вдруг, Григорий Борисыч, он скажет вам: «Ага, кушетку сперли... В тюрьму, скажет, посажу вас за эту кушетку»...

Директор (*сквозь хохот*). А я ему — на-ка, выкуси...

Бухгалтер (*хохочет*). А вы ему — на-те, выкусите... (*Смеясь и вытирая слезу.*) Видите, как оно обертывается, Григорий Борисыч... Самокрутка...

Директор. Я их всех теперь... Они у меня... *(Встает с постели.)*
Главное, я, Макарыч, чувствую себя как-то бодро...

Бухгалтер. Перестали пугаться — вот оно и дает себя знать...

Директор. Нет, следователя я и раньше не боялся, Макарыч...
А теперь я его... он у меня...

Бухгалтер *(снова смеясь)*. Теперь-то вы его... Ай, ей-богу... Умо-
рите вы меня совсем...

Входит племянник. С удивлением смотрит на смеющихся.

10

Племянник. Дядя Гриша...

Директор. Ты что, Аркашка... Что тебе?

Племянник. Дядя Гриша... Если вы думаете, что я деньги взял...
Даю честное благородное слово, не брал... Но стол я открыл...

Директор. Зачем же ты, мошенник, стол-то открыл?

Племянник. Я бритву искал вашу, дядя Гриша... Хотел побриться,
чтобы в тот день... когда Клабочка...

Директор *(бухгалтеру)*. Ключ-то у тетки на столе лежал. Вот
он и...

Племянник. Открыл стол... Вижу — деньги... И, даю слово, не
брал их... Только увидел, испугался... А тут дверь хлопнула — тетя Лена
пришла...

Директор. И стол открытый остался?

Племянник. Стол не закрыл... Испугался и...

Бухгалтер. А чего испугался-то?

Директор *(бухгалтеру)*. Ну, испугался — тетка пришла. Ясно.
(Племяннику.) И говоришь — до денег не дотрагивался?

Племянник. Нет. Только взял в руку одну пачку — посмотрел,
что это. И сразу бросил назад...

Директор *(открывая стол)*. А если бросил, так она бы и лежала
тут...

Племянник. Нет, я тут стоял, дядя Гриша... И, по-моему, в этот
ящик бросил.

Бухгалтер. Ах, они оба два открыты были?

Директор *(открывая второй ящик)*. Так вот же они, деньги...
Вот она, пачка... Вот она сбоку... Смотрите...

Бухгалтер. Видите, как оно обертывается...

Директор. А, Макарыч? Видел что-нибудь подобное?.. А что ж
они... дело развели... следствие... если деньги на месте?.. Ну, Аркашка,
молодец, хвалю... *(Кричит.)* Лена! Леночка... Деньги нашлись...

Бухгалтер *(подходя к двери)*. Елена Петровна!

П л е м я н н и к. Тетя Лена!

Входит ж е н а. Лицо у нее страдальческое — мигрень. Голова ее повязана большим шерстяным платком.

11

Д и р е к т о р. Леночка, деньги нашлись. Не брал их Аркашка. Сунул в ящик и...

Ж е н а. Я же говорила... Видишь... А ты... И на Пестрикова зря...

Д и р е к т о р *(агрессивно)*. Я этого Пестрикова...

Ж е н а. Ну, вот увидишь. Придет следователь и выяснит, что...

Д и р е к т о р. Я теперь этого следователя...

Б у х г а л т е р. Теперь вы его вдвойне... можете отказаться слушать... Вот и деньги нашлись, и потом...

Д и р е к т о р *(упавшим голосом)*. Что потом?.. Ах, да... *(Берется за бок.)*

Ж е н а. Что, болит что-нибудь?

Д и р е к т о р. Теперь я их всех могу... *(Племяннику.)* Ну, Аркаша, молодец... погоди... На бритву... На, дарю тебе ее совсем... Теперь можешь хоть каждый день бриться... А я... А уж мне... *(Меняется в лице, присаживается на постель.)* О-ох...

Ж е н а. Гриша... Что с тобой?

Б у х г а л т е р. Вы лягте, лягте, Григорий Борисыч...

Ж е н а. Тебе абсолютно нельзя нервничать. Врач велел неподвижно лежать, и тогда... все пройдет...

Д и р е к т о р *(горько усмехаясь)*. Зачем... зачем ты, Леночка... Эти слова утешения...

Ж е н а. Я не утешаю. Я тебе говорю, что врач сказал.

Д и р е к т о р *(еще более горько)*. Не надо... не надо, Леночка... все эти слова... А я... А мне... О-ох... Оставьте меня...

Б у х г а л т е р. Верно, оставьте его, Елена Петровна. Пушай он полегит.

Ж е н а, потуже завязав голову платком, уходит. А р к а ш а с интересом рассматривает бритву. Д и р е к т о р лежит неподвижно, закрыв глаза. Б у х г а л т е р сидит рядом.

12

Д и р е к т о р *(открыв глаза)*. Аркашка... Подойди ближе... Не могу громко говорить... Открой тот ящик... Возьми себе эту пачку, которую ты... Возьми, возьми, говорят тебе...

П л е м я н н и к. Дядя Гриша...

Б у х г а л т е р. Примите, если вам дядюшка дает...

Директор. И бритву, значит, возьми... И помазок к ней... Помазок в ванне... Сходи туда... возьми его себе...

Племянник. Дядя Гриша... А как же вы... Помазок-то ведь вам нужен...

Директор (*горько*). Обо мне не тревожься... Теперь мне... ничего не нужно...

Племянник. Дядя Гриша... А деньги... целиком могу себе взять?

Бухгалтер (*строго*). Ведь сказано вам — примите...

Директор (*племяннику*). Ну что, рад, мошенник?

Племянник. Дядя Гриша... Да я теперь...

Директор (*слабым голосом*). Да, Аркаша... А как у тебя там это...

Бухгалтер (*племяннику*). Дядя спрашивает — как у вас там с Клавочкой?

Директор (*совсем слабым голосом*). Да, да... Что там она?..

Бухгалтер (*племяннику*). Дядя спрашивает, что там она, согласилась?

Директор. Да, да... Согласилась она на твое дурацкое предложение?

Бухгалтер. Отвечайте дяде, что она вам ответила.

Племянник (*смущенно*). Нет, она...

Директор. Ладно, иди...

Бухгалтер (*племяннику*). Идите. Вы свободны.

Племянник уходит.

13

Бухгалтер. Там не ваш племянник, а Сергей Бочков подвизается... Только не думаю, что она с ним помирится... А если не помирится, тогда вы поговорите с ней...

Директор. Зачем, зачем ты мне об этом говоришь. Все это суета, Макарыч... Встань... Открой шкаф... Открой, Макарыч... Хочу тебе подарить.

Бухгалтер. Ничего не возьму, Григорий Борисыч...

Директор. Нет, возьмешь... Обидишь... Сыми тот синий костюм... Возьми себе... Возьми, говорят тебе...

Бухгалтер. Ну разве мыслимо такой костюм дарить, Григорий Борисыч!

Входит жена. Подходит к мужу. Целует его в лоб.

14

Жена. Гриша... Твоя доброта к племяннику... Я прямо тронута, Гриша...

Б у х г а л т е р. Он и мне, Елена Петровна... Целый костюм...
Ж е н а. Гриша... Сколько лет я прожила с тобой... И я ошибалась...
У тебя золотое сердце...

Д и р е к т о р. Настю позовите тоже... Я хочу ей отрез подарить...

Ж е н а. Гриша... Прости меня за все... Ну, бывает, что своих мы не видим вблизи... Они нам кажутся хуже... А они...

Д и р е к т о р. Леночка...

Ж е н а. Я прямо снова смотрю на тебя... как когда-то...

Б у х г а л т е р. Видите, как все обертывается, Григорий Борисыч...

Д и р е к т о р. Да уж теперь, Леночка... Что же теперь... Сама знаешь... Все прахом пошло... Конец...

Ж е н а. Гриша, выкинь мрачные мысли из головы... Тебе нужно отвлечься... Ты, кажется, любил поговорить с этой... как ее...

Б у х г а л т е р (с живостью). С Клабочкой-то?

Ж е н а. Пожалуйста, я приглашу ее к нам... Поговоришь с ней... Отвлечешься...

Д и р е к т о р (оживившись). Да я бы, Леночка... если только на минутку... для выяснения... (Снова уныло.) Да нет... зачем все это... Видишь, Макарыч... Уже мою последнюю волю исполняют...

Ж е н а. Гриша, ну что ты глупости говоришь...

Входит следователь Сергей Бочков.

15

Ж е н а. Простите... Я не совсем одета... (Уходит.)

С е р г е й. Извините, я снова к вам...

Б у х г а л т е р (подталкивая директора). Явился, явился, Григорий Борисыч... (Смеется.) Ай, ей-богу...

Д и р е к т о р. А-а, явились... прибыли... (Смеется.) А, Макарыч?

С е р г е й. Простите, а что вы смеетесь, я не понимаю?

Д и р е к т о р. Деньги-то нашлись, между прочим...

Б у х г а л т е р. И деньги нашлись, и вообще теперь... Да, Григорий Борисыч?

Д и р е к т о р. Теперь я...

С е р г е й. Ах, вот как? Нашлись? Ну, я очень рад. Теперь можно прекратить дело.

Д и р е к т о р. Еще бы... (Подмигнув бухгалтеру.) А, Макарыч?... Можно, говорит, прекратить...

Б у х г а л т е р (смеется). Ай, ей-богу...

Д и р е к т о р (небрежно). А насчет этой... как ее... взятки, что ли... Так я...

С е р г е й. Ну, я и не думал об этом...

Директор. Он не думал!.. А, Макарыч?

Сергей. Уверю вас. Я сразу понял, что вы просто так воскликнули... Потому что привыкли мыслить такими «денежными» понятиями...

Директор. Конечно. Мало ли что человек может воскликнуть... Да, Макарыч?

Бухгалтер (*смеясь*). А про кушетку-то, Григорий Борисыч, про кушетку...

Директор (*засмеявшись*). Ах, да, про кушетку...

Бухгалтер (*с хохотом*). «Да я вас, скажет, за эту кушетку»...

Директор (*с хохотом*). А я ему — «на-те, выкусите»...

Бухгалтер (*хохочет*). И пойдет на полусогнутых...

Сергей. Простите, я не понимаю, что за смех.

Директор. Да нет, это мы так...

Бухгалтер (*вытирая слезы*). Промежду себя... Ой, уморите меня совсем...

Директор (*небрежно*). Что касается прописки моего племянника, то он, как учащийся, занимающийся науками, нужными для государства...

Сергей. Да, его, конечно, обязаны прописать...

Директор. Я же и говорю... Минуточку... Присядьте... Я хочу при вас по телефону... (*В трубку*.) Але... Василий Васильевич... Уважаемый... Дело, которое вас тревожило, не стоит выеденного яйца... Как раз тут следователь, который... Он лично подтвердит вам... (*Передает трубку Сергею*.) Прошу вас... скажите ему...

Сергей. Нет, зачем же я буду... Незнакомый человек...

Директор. Он мой знакомый... Я требую...

Бухгалтер. Раз требуют, так вы...

Сергей. Знаете, мне надоело это... Я должен идти... (*Ищет свою фуражку*.)

Директор (*в трубку*). Василий Васильевич, к сожалению, следователь торопится, уходит. Но вы будьте спокойны... Загляните ко мне... Ну, одно дело дочка, другое — я... Навестите больного... Жду... (*Вдруг слабым голосом*.) Да, да, очень хвораю... Подышаю, Василий Васильевич... (*Вешает трубку, ложится на постель*.) О-ох...

Найдя фуражку, Сергей направляется к выходу. И в дверях сталкивается с Клавочкой.

16

Сергей. Клавочка... Зачем ты сюда пришла?

Клавочка (*сердито*). Значит, нужно... Жена директора просила меня зайти...

Сергей. Не сердись на меня... Я прямо измучился за эти дни...
Директор. О-ох...
Клавочка. Нет, Сергей, я окончательно решила и прошу тебя...
Сергей. Клавочка... Я понял за эти дни, как я люблю тебя...
Бухгалтер (*директору*). Ничего, Григорий Борисыч... Обернется... Все будет в наилучшем виде...
Клавочка. Нет, Сергей, все кончено...
Директор (*открыв глаза*). Дети мои... Помиритесь... у постели человека, который...
Сергей. Клавочка, видишь, даже посторонний человек...
Клавочка. Но если ты, Сергей, еще раз...
Сергей. Даю слово...
Директор. Дети мои... Подойдите сюда... (*Соединяет руки Сергея и Клавочки.*) О-ох...

Входит жених дочери Василий. Клавочка и Сергей нежно беседуют, сидя на диване.

17

Жених. Григорий Борисыч, я пришел исключительно ради вас, потому что... А что с вами? Так паршиво себя чувствуете?
Директор. Околеваю, уважаемый...
Жених. Если бы не вы, Григорий Борисыч, я бы ни за что не зашел... Потому что Ритка...
Директор. Еще помиритесь с ней...
Жених. Нет, я ни за что... И потом, если откровенно говорить, Григорий Борисыч, мне как-то стало... Ну, как-то спокойней, проще... Никто меня не задерживает...

Входит дочь Рита. Вслед за ней появляется жена Елена Петровна, нарядно одетая.

18

Дочь. Что?.. Что ты сказал, Василий?
Жених (*крайне смутившись*). Нет, нет, я... Просто так, Риточка...
Дочь. Достаточно я сегодня наслышалась от тебя... А тут еще в нашем доме...
Директор (*слабым голосом*). Дети мои... В этот роковой час...
Жена. Гриша... ты опять свои мысли...
Директор (*прерывистым голосом*). В этот роковой час... хочу, чтоб все... были счастливы... Подойдите сюда, дети мои...
Жена. Дети, подойдите к постели отца.
Дочь. Папочка, но...

Ж е н и х. Григорий Борисыч... помилуйте... но я же... Нет, это черт знает что такое...

Д о ч ь (*строго*). Василий...

Д и р е к т о р (*соединяет руки*). Дети мои...

Ж е н а (*целуя мужа*). Дети, у него золотое сердце...

Входит племянник с бритвой и деньгами. Садится у окна. Любуется подарками. Показывает их своей тетке. К л а в о ч к а по-прежнему нежно беседует с Сергеем. Д о ч ь не менее нежно разговаривает с женихом. Входит д о м р а б о т н и ц а.

19

Д о м р а б о т н и ц а. Я вам бульон принесла, Григорий Борисыч.

Д и р е к т о р. Спасибо, Настя... Погоди... Я хочу тебе... Открой стеной шкаф в передней... Там внизу лежит отрез... Возьми его себе...

Д о м р а б о т н и ц а. Григорий Борисыч, за что же ваши такие милости...

Д и р е к т о р. Возьми, возьми, я на тебя зла не помню...

Б у х г а л т е р. Возьмите, раз дают Григорий Борисыч...

Д о м р а б о т н и ц а. Батюшка... Григорий Борисыч...

Д и р е к т о р. Ладно, ладно... Оставьте меня... Опять боли в правом боку...

Б у х г а л т е р. Оставьте лежать Григория Борисыча.

Д о м р а б о т н и ц а уходит. Утомленный директор склоняется на подушки. Закрывает глаза. Лежит неподвижно. Окружающие переходят на шепот. Смех смолкает. Б у х г а л т е р, тяжело вздыхая, сидит у постели директора. Входит доктор Анатолий Владимирович.

20

Д о к т о р (*Елене Петровне*). Он умер.

Ж е н а (*всхлипывая*). Боже мой...

Д о к т о р (*целуя ей руку*). Я только что из больницы...

Все устремляют взоры на доктора. И только бухгалтер, ошеломленный сообщением, склоняется к директору и прикладывает ухо к его груди.

Д и р е к т о р (*тихим голосом*). Ты что, Макарыч?

Б у х г а л т е р. Нет, ничего, господа... Он еще...

Д о к т о р (*жене*). Да, Елена Петровна, он умер...

Ж е н а. Ужасно, ужасно...

Б у х г а л т е р, взяв со столика овальное зеркало, подносит его к губам директора.

Директор (*приподнимаясь*). Да ты что?! Ты что мне зеркало тычешь?!

Бухгалтер. Да я думал... Они говорят...

Директор. Ты что, я спрашиваю, зеркало мне суешь... Думаешь, я... уже... так сказать... загнулся?

Жена. Что такое? Что там у вас?

Директор (*вскакивая*). Да что вы все... около меня... (*Доктору*)
Вы о ком?

Доктор. Нет, я... Один знакомый Елены Петровны...

Жена. Гриша, это умер... Помнишь Фиалковского?

Директор. Ну?

Доктор. Он сейчас умер в больнице... Рак печени...

Жена. Бедняжка...

Директор. Ах, он... Рак печени... И тогда вы... о нем?.. Макарыч!..
А, Макарыч?.. (*Взяв овальное зеркало, дует на него*.)

Бухгалтер. Видите, как все обертывается...

Жена. Гриша, ляг... Тебе нельзя нервничать... Доктор, скажите ему...

Доктор. Григорий Борисыч...

Директор. Нет, уж теперь я... нет, не лягу...

Доктор (*директору*). Батенька, надо лежать...

Жена. Гриша, прошу тебя... Рита, помоги лечь отцу...

Дочь. Папочка, ложись, ложись... Василий, помоги...

Жених. Папа, лягте... Вам полезно лежать...

Директор (*вырывается*). Ай, ну вас...

Жених. Ну-ка, братцы, помогите... Чего-то мне никак...

Клавочка. Григорий Борисыч, ведь доктор сказал... Сергей, помоги...

Директор (*увидев Клавочку и поцеловав ей руку*). Клавочка...
Обожаемая...

Сергей (*обхватывает директора сзади, падает с ним на постель*). Так...

Директор. Слушайте... (*Увидев Сергея*.) Ах, это вы опять! Ну что вы опять прилипаете... Макарыч, чего он... роняет меня на постель...

Бухгалтер. Ну, человек не хочет лежать... Дайте ему походить...

Жена. Оставьте отца...

Директор. Я вас всех...

Жених (*догери*). Здоровый у вас папанька. Так тряхнул меня, черт его дери...

Дочь (*строго*). Василий...

Сергей. Клавочка... пойдём...

Директор. Минуточку... Друзья, минуточку... Макарыч... Надо бы... понимаешь, шампанского...

Ж е н а. А что случилось, Гриша? Ты лучше почувствовал себя?
Д и р е к т о р. Почувствовал себя... Превосходно почувствовал.
(*Снова дует на зеркало, показывая его.*)
Ж е н а. Сейчас я скажу Насте. У нас, кажется, осталось две бутылки... (*Уходит.*)

21

Д и р е к т о р. Друзья... В сей счастливый день для меня...
К л а в о ч к а (*Сергею*). Погодите... Сейчас неудобно уйти...
Д и р е к т о р. Макарыч, а Макарыч!.. Я еще...
Б у х г а л т е р. Все обертывается, Григорий Борисыч... Самокрутка...
Д и р е к т о р. Я еще, Макарыч... Пусть неудачник плачет, а я еще,
Макарыч... Шампанского, шампанского...
Д о ч ь. Мама пошла за ним...
Д и р е к т о р (*племяннику*). Что, Аркашка? А?.. Ну, брат, мы теперь с тобой... А чего ты деньги так держишь? Можешь потерять... Дайка мне сюда пачку... Я спрячу... И буду тебе выдавать по мере надобности... А то враз истратишь и... (*Берет деньги у племянника.*) Бритва пусть у тебя... и помазок... Будем вместе пользоваться... А деньги — такое дело. Их надо... (*Закрывает стол.*)

Входят Пестриковы — папаша и мамаша. Мамаша энергично тащит за руку знакомую директора — Серафиму Павловну.

22

З н а к о м а я. Я не пойду...
М а м а ш а (*знакомой*). Идите, говорят вам... Как свидетельница, вы скажете о всех его безобразиях...
Д и р е к т о р. Что такое?! (*Увидев Пестрикова, грозно.*) Милостивый государь...
М а м а ш а (*отстранив мужа*). Вы что, вы что запутали моего мужа в ваши уголовные дела?.. (*Наступая.*) Мой муж, который мухи не обидит... И уж во всяком случае не дотронется до ваших темных денег... Вы осмелились кидать подозрение на него?..
К л а в о ч к а. Мама!..
Д и р е к т о р (*отступая*). Я то при чем... Велось следствие... Вот следователь, который...
М а м а ш а (*увидев Сергея*). А-а... Это вы!.. Мало того, что вы распространяете обо мне неодобрительные слухи, вы еще...
К л а в о ч к а. Мама, не вмешивайся в нашу жизнь...
М а м а ш а. Пусти... (*Сергею.*) Вы еще запутываете моего мужа и ее отца?!

Директор. Мамаша... Дело же кончилось...
Бухгалтер. Деньги нашлись... Ай, ей-богу!..
Сергей. Ваш муж абсолютно ни в чем не повинен.
Мамаша (*пожимая руку Сергею*). О, благодарю вас, молодой человек... (*Клавожке, тихо.*) Уж во всяком случае он лучше этого твоего колодника. (*Жест в сторону директора.*)
Директор (*снова подходя к Пестрикову*). Милостивый государь...

Входит жена. За ней идет домработница с шампанским на подносе. Засим появляется собака Альма, которая скромно прохаживается среди гостей. Гости оживлены, увидев шампанское. И в особенности оживлен папаша Пестриков.

23

Жена (*увидев Пестриковых*). А-а, у нас еще гости... Чудно...
Директор (*снова Пестрикову*). Милостивый государь...
Жена. Гриша, прошу тебя... Не надо...
Директор. Милостивый государь, я хочу, чтоб вы...
Папаша. Ах, открыть шампанское? Сейчас.
Жена. Гриша, это все далекое прошлое... Не надо... Забудь... (*Увидев знакомую, Серафиму Павловну.*) Ах, это вы!.. Вы опять...
Знакомая. Я не хотела прийти, но...
Директор. Лена, Леночка...
Бухгалтер. Все обернется, Григорий Борисыч. Самокрутка.
Директор. Леночка... Ведь это тоже... далекое прошлое и... Шампанского! Скорей шампанского... (*Папаше.*) Ну что ж вы медлите, уважаемый!
Папаша. Пробку заело... Всегда хорошо получалось, а тут как назло...
Женех. Дайте-ка мне... Сейчас я, черт дерн...
Дочь. Василий!
Папаша (*открыв вторую бутылку*). Зато вторая получилась. (*Разливает шампанское.*)
Директор (*гостям*). Друзья!..
Жена. Кстати, Гриша... Ты подарил Насте отрез, но ведь это же мой отрез.
Директор. Да, ведь это же твой отрез... Хорошо, я поменяю его на сатин...
Жена. Но сатин — это Аркашин подкладочный материал...
Директор. Ладно... Потом сообразим... (*Гостям.*) Друзья...

Входит милиционер, тот самый, который нашел деньги.
Воцаряется молчание.

М и л и ц и о н е р. Я извиняюсь...

Б у х г а л т е р. Это же наш... прежний... Не пугайтесь, Григорий Борисыч.

Д и р е к т о р. Ах, да, это же наш...

М и л и ц и о н е р. Я извиняюсь... Давеча вы мне четыреста рублей дали... Не по ошибке ли такую сумму?

Д и р е к т о р. Ничуть не по ошибке. Это вам премия за находку... Не возьму назад... Не обижайте... Налейте, налейте вина товарищу милиционеру.

З н а к о м а я. Я не пью... Возьмите мой бокал.

С бокалом шампанского м и л и ц и о н е р присаживается на стул у рояля.

Одним пальцем подбирает мотив «Эх, Самара-городок».

Д и р е к т о р (*подняв бокал*). Друзья мои... Ну что можно сказать в свое оправдание... То есть что ж это я... Друзья... Вы видите перед собой иного человека, не такого, который был вчера. Вы видите человека, поэзия сердца которого отныне ничем... почти ничем не заслоняется...

Б у х г а л т е р. Ай, ей-богу... Уморите вы меня совсем...

Д и р е к т о р. И в сей счастливый день для меня хочется, чтоб все были исключительно счастливы, как счастлив я...

П а п а ш а. Ура...

Д и р е к т о р. Клавочка... Обожаемая...

К л а в о ч к а (*едва гокнувшись с директором*). Сереженька...

Б у х г а л т е р (*засмеявшись*). Ай, ей-богу...

Ж е н и х. А я уж, Риточка, второй бокал, черт его дери...

Д о ч ь (*строго*). Василий! (*Ласково*.) Вася! (*Чокается*.)

Д о к т о р (*томно*). Елена Петровна...

Ж е н а (*отвернувшись*). Гриша... Гришенька...

Б у х г а л т е р. Самокрутка, Григорий Борисыч...

Д и р е к т о р. Лена... Леночка... (*К гостям*.) Ура-а!..

М и л и ц и о н е р бойко играет на рояле «Самара-городок».

Занавес идет под музыку.

ЗА БАРХАТНЫМ
ЗАНАВЕСОМ

Комедия в 4-х действиях

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DEPARTMENT OF THE HISTORY OF ARTS
1100 EAST 58TH STREET
CHICAGO, ILLINOIS 60637

RECEIVED
MAY 15 1964

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DEPARTMENT OF THE HISTORY OF ARTS

1100 EAST 58TH STREET
CHICAGO, ILLINOIS 60637

RECEIVED
MAY 15 1964

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DEPARTMENT OF THE HISTORY OF ARTS

1100 EAST 58TH STREET
CHICAGO, ILLINOIS 60637

RECEIVED
MAY 15 1964

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DEPARTMENT OF THE HISTORY OF ARTS

1100 EAST 58TH STREET
CHICAGO, ILLINOIS 60637

Действующие лица:

Миллионер.
Дочь.
Жених.
Пастор.
Доктор.
Двойник.
Экономка.
Журналист.
Секретарь.
Секретарша.
Чарли.
Юноша.
Герцог *<нрзб>*
Красавчик.
Джентльмен.

Кроме того, в комедии участвуют — гости миллионера, посетители ресторана, лакеи, танцовщицы и полиция.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Кабинет в доме миллионера Питера Робинсона. За широким окном тропическая зелень парка. За письменным столом секретарь миллионера мистер Кук, сухой, бритый человек с голым черепом. Он говорит по телефону. По другому телефону разговаривает молодой журналист Ник Портер. Журналист сидит на столе, опираясь ногами на сиденье стула. Два эти человека говорят по телефону одновременно. Действие происходит в капиталистической стране и относится к 1948 году.

1

Журналист (*по телефону*). Хелло!

Секретарь (*по телефону*). Это не подлость, а борьба, мистер Фокс!

Журналист (в трубку). Хелло... Контора?

Секретарь (в трубку). Борьба велась в рамках законности...

Журналист (в трубку). Контора?.. Говорит журналист Ник Портер...

Секретарь (в трубку). Господин барон разорил вас не для того, чтоб договариваться с вами...

Журналист (в трубку). Какой гонорар выписан мне за мой последний фельетон о бароне?

Секретарь (в трубку). А?.. Что? (Журналисту.) Да подождите вы, черт возьми, мешаете...

Журналист (в трубку). Я подожду. Узнайте...

Секретарь (в трубку). Нет, господин барон не имеет обыкновения подходить к телефону. (Вешает трубку.)

Журналист (в трубку). Сколько?.. Нет, я буду жаловаться редактору... (Вешает трубку.) Что, Герберт Фокс дышит на ладан?

Секретарь. Фирма «Герберт Фокс» больше не существует. Вот вам поучительный финал — после двенадцати лет борьбы господин барон уничтожил своего конкурента...

Входит секретарша миллионера — молодая, весьма красивая девушка по имени Моника. Она одета в глухое черное платье и руки у нее сложены по-монашески.

2

Секретарша. Мистер Кук, господин барон еще не приехал?

Секретарь. Опоздание при его точности — нечто удивительное...

Журналист (декламирует). «Ее прекрасный лик, как свод небес, меня влечет к нему созерцанию...»

Секретарша. Ну зачем вы паясничаете?

Журналист. Этим скрываю свою глубокую застенчивость перед вами, мисс Моника...

Секретарша. Перестаньте...

Журналист. Тяжкий труд секретарши миллионера не помрачает вашего блеска...

Секретарша. Перестаньте же... (Уходит.)

3

Журналист. Ей-богу, женился бы на ней. Но тощий мой карман не позволяет мне грезить о счастье... (Телефонный звонок.)

Секретарь (в трубку). Я слушаю вас... Что?..

Журналист. Десять долларов выписали за фельетон! (Сняв телефонную трубку.) Хелло!.. Кабинет редактора?

Секретарь (в трубку). Как вы сказали? (Журналисту.) Пожалуйста, ну что вы опять?

Журналист (секретарю). Не мешайте, важный вопрос... (В трубку.) Да.

Секретарь (в трубку). Але... Позвоните позже...

Журналист (в трубку). Хорошо, я позвоню позже... (Оба одновременно вешают трубки.)

Секретарь. Что, мало выписали за фельетон?

Журналист. Я звонил не об этом.

Секретарь (усмехнувшись). У вас есть иные интересы?

Журналист. Есть... Однако, что же не идет господин барон? Я обещал редактору принести фельетон не позже трех...

Стремительно вбегает секретарша Моника.

4

Секретарша. Барон приехал... Кажется, случилась беда...

Журналист. А что, что?

Секретарь. В чем дело?

Секретарша. Не знаю... Увидела в окно... Идет бледный... Ведут под руки... [Доктор и пастор...]

Журналист. Интересно...

Секретарь. Что такое...

В дверях появляется миллионер барон Робинзон. Он бледен и тяжело дышит. Под руки его ведут двое — доктор и пастор. Доктор холеный и почтительный. Пастор молод и лицо у него кроткое и всепрощающее. Миллионеру лет 55, он грузный и поизносившийся.

5

Доктор. На диван... На диван...

Секретарша. Боже мой...

Журналист (доктору). Что такое?

Пастор. Покушение...

Доктор. Воды...

Секретарь. Вот вода...

Секретарша (взяв стакан). Выпейте, господин барон...

Миллионер. Ф-фу... (Пьет воду, лязгая зубами о стакан.) Пф-фу... Пф-фу, господа... ф-ф-ф...

Секретарь. Доктор, надо какого-нибудь лекарства...

Доктор. Да, сейчас принесу... (Уходит.)

6

Секретарь. Как вы себя чувствуете, господин барон?

Миллионер. П-фу-у...

Журналист (*пастору*). А в чем дело, святой отец?

Пастор. Неизвестное лицо бросилось на барона...

Секретарь. Стреляло?

Пастор. Нет, только бросилось. Напугало смертельно. И это понятно, сын мой. Я сам весь дрожу. Глядите...

Секретарша (*подавая стакан пастору*). Вам тоже надо выпить воды...

Пастор. Мерси, дочь моя... (*Пьет, сильно лязгая зубами.*)

Миллионер. П-фу-у... Прислугу не впускать... (*Секретарю.*) Необходимо скрыть от всех, мистер Кук...

Секретарь. Понимаю... (*Журналисту.*) Учтите это...

Журналист. Учитываю с глубоким прискорбием... (*Секретарю тихо.*) Вынули из моего кармана минимум пятьсот долларов...

Секретарь (*показывая глазами на миллионера*). Компенсирует...

Входит доктор с лекарством в руках.

7

Доктор. Выпейте это, господин барон... Подкрепит силы...

Миллионер (*выпив лекарство*). Что ж это, господа, а?.. Выхожу из машины... Кидается вдруг...

Журналист. Кидается и что?

Миллионер. Кидается и... П-фу-у... П-фу, господа...

Пастор. И хватает их вот так... За шейку...

Секретарь. И при этом что говорит?

Миллионер. И при этом говорит... П-фу-у...

Пастор (*тихо*). При этом говорит: «А, попался, подлец...»

Журналист. Интересно...

Секретарша. Боже мой... Люди — это животные, звери...

Секретарь. Ну хорошо, а полиция что же?

Доктор. Пока подошел полисмен...

Пастор. Он уже убежал, увидев нас...

Миллионер. Сердце замирает...

Доктор. Пройдемте в спальню, господин барон.

Миллионер. Позвольте... А этот, как его... журналист, пришел?

Журналист. Я тут, господин барон. Даже задавал вам вопросы. Вы разве не узнаете меня?

Доктор (*журналисту*). Не вступайте пока в разговоры... Господин барон, я настаиваю — вам надо полежать у себя...

Миллионер. П-фу, господа... Извините...
Пастор. Ф-фу, дети мои...

Взяв под руки миллионера, доктор и пастор уводят его.
Секретарша Моника следует за ними.

8

Журналист. Мистер Кук, уйти мне или ждать, когда он очухается?

Секретарь. Надо обождать. Ведь он спрашивал о вас.

Журналист. А в чем тут дело? Кто бросился на него?

Секретарь. Враги имеются у господина барона. Но так, чтоб броситься на него... Нет, теряюсь в догадках...

Журналист. Быть может, какой-нибудь из уволенных или безработный?

Секретарь. Вряд ли. У них другой метод борьбы... Нет, решительно не понимаю, в чем тут дело...

Журналист (*улыбаясь*). А я приблизительно понимаю...

Секретарь. Ну?

Журналист. Вот я вам так и сказал...

Секретарь. Нет, в самом деле... Почему не сказать?

Журналист. Положите на стол десять тысяч, и тогда я открою вам глаза... Ну?

Секретарь. Не болтайте вздора.

Журналист. Это не вздор, мистер Кук. То, что я знаю о господине бароне, стоит минимум двадцать тысяч. А в руках опытного человека эта его тайна потянет — хо-хо!

Секретарь. Не валяйте дурака. Говорите.

Журналист. Нашли простачка!

Секретарь. Да вы намекайте, в чем дело. Я вам сразу отвечу, стоит ли ваш товар этих денег.

Журналист. Но я только слегка намекну... (*Тихо*) Барон...

Входит секретарша миллионера Моника.

9

Секретарша. Мистер Портер, господин барон просит вас не уходить.

Журналист. Есть, мисс Моника!

Секретарь. Лучше ему? Прилег?

Секретарша. Нет, он в большом волнении...

Журналист. Сможет ли он диктовать?

Секретарша. Да, он поэтому и просил вас остаться. Господин барон сказал, что сегодняшнее происшествие заставляет его поторопиться с выпуском политической брошюры... (*Уходит.*)

10

Журналист. [Хороша она, мистер Кук, а?] Ну, что — сказать вам о бароне?

Секретарь (*оторвавшись от работы*). Что?.. Ах, вы все об этом. Да, я слушаю вас...

Журналист. Ой, какая вы зверюга! Делаете вид, что вам это неинтересно, а на самом деле руки у вас дрожат от волнения.

Секретарь. Ничуть.

Журналист. Ну ладно, я намекну вам, а вы оцените товар. (*Таинственно.*) Барон... двадцать лет на-зад...

Секретарь. Двадцать лет назад господин барон, не имея цента в кармане, прибыл в наш благословенный край на пароходе «Андалузия»...

Журналист. Ну?

Секретарь. Что «ну»? Вы же рассказываете, а не я.

Журналист (*таинственно*). Пор-то-вый при-тон-чик «Здесь вам будет весело»...

Секретарь (*улыбаясь*). Действительно, в портовом ресторанчике под названием «Здесь вам будет весело» господин барон, тотчас по приезде, имел некоторое столкновение с жизнью...

Журналист. Послушайте... Вы что? Действительно все знаете?

Секретарь. По-моему, я все знаю, что касается господина барона.

Журналист. И вы знаете всю эту грязную историю, какая случилась в этом притоне?!

Секретарь. Душенька вы моя! Сизый голубочек! Пропали к черту ваши двадцать тысяч! Эта история решительно всем известна.

Журналист. Да, но ведь это было в какой-то мере ограбление, в котором участвовал барон!

Секретарь (*смеясь*). Ограбление...

Журналист. Уверяю вас. Известен даже куш, который барон получил за участие в этом грабеже — 700 долларов...

Секретарь. Подите докажите, что было двадцать лет назад. А потом, воробушек мой, вы с трудом уясняете себе, что такое 16 миллионов.

Журналист. Да, это большие деньги...

Секретарь. И блеск этих денег не освещает пройденный путь. Золото, как прожектор — бросает лучи вперед, а не назад.

Журналист. Ну, хорошо! А то, что барон не поладил тогда со своим компаньоном и тот бронзовой пепельницей рассек ему ухо... Ведь это же факт! Рана и сейчас видна...

Секретарь. Эту рану господин барон получил рапирой.

Журналист. Даю честное слово! Мне говорил человек, который, ну... знает эту историю... Пепельницей ему и...

Секретарь. Дуэль. Рапира. А не пепельница... Идите домой, душенька моя. Сейчас вам мама кашку манную сварит... Что, расстроились? Вынули у вас из кармана двадцать тысяч?

Журналист. А идите вы к черту!

Секретарь *(смеясь)*. Никак не разбогатеть? Кругом крокодилы?

Журналист. Не беспокойтесь обо мне.

Секретарь. Так вы полагали, что нападение на господина барона совершено каким-либо человеком из его прошлого?

Журналист. Не знаю. Я дезориентирован теперь... Мне показалось, что барон сам не хочет раскрыть этого дела, иначе он поставил бы на ноги всю полицию.

Секретарь *(улыбаясь)*. Сейчас я вам сам манную кашку сварю... Господин барон не желает огласки — биржа слишком чувствительный аппарат, реагирует на любое явление природы. Господин барон не заинтересован сейчас, чтоб акции его упали.

Журналист. Ну, это понятно. Я учитываю это...

Входит секретарша Моника. Минутой позже появляется миллионер со своей свитой. На этот раз доктор и пастор следуют позади своего патрона. Вид у миллионера бодрый, однако нервная возбудимость заметна в его движениях.

11

Секретарша *(входя)*. Господин барон идет.

Журналист *(раскрывая свои блокноты)*. Интересно...

Миллионер *(входя)*. Извините, господа, что я заставил вас ждать. Этот уличный инцидент немного выбил меня из колеи.

Доктор. Благоразумней отложить работу до завтра...

Миллионер. Нет, доктор, я совершенно спокоен...

Секретарь *(подойдя к барону)*. Господин барон...

Миллионер *(отпрынув)*. Ф-у, как вы меня напугали... Ну, можно ли так неожиданно подходить... П-фу-у... П-фу...

Секретарь. Извините... Я подошел, как обычно...

Доктор *(секретарю)*. Осталась травма. Необходимо учесть.

Миллионер. Ф-фу... *(Секретарю)*. Ну, в чем дело? Говорите издали.

Секретарь. Звонил Герберт Фокс, господин барон. Просил о свидании...

Миллионер. Никаких свиданий!

Секретарь. Он умолял об этом...

Миллионер (*потирая руки*). А-а, вот как он теперь... Умоляет... Попался, шут гороховый...

Пастор (*укоризненно*). Сын мой... Бурное торжество над поверженным врагом...

Миллионер. Простите, святой отец... (*Секретарю.*) У него нет выхода?

Секретарь. Никакого, господин барон.

Миллионер. Однако люди в таком положении способны совершать безумные поступки. Так вот, я хочу знать размеры его безумия. Тотчас узнать, что он намерен предпринять! Поставить на ноги всю агентуру! Доложить мне через пятнадцать минут!

Секретарь, поклонившись, уходит.

12

Пастор. Сын мой, я штрафую вас в пользу бедных за слова, недостойные истинного христианина.

Миллионер. А что я сказал?.. Ах, да... Я сказал — «шут гороховый». Виновен, но заслуживаю снисхождения. Штрафуйте, святой отец.

Пастор (*записывая в тетрадь*). С утра сего дня, сын мой, это будет двадцать пятый штраф...

Журналист. Господь помогает бедным...

Миллионер. Однако переходим к делу, господа... Как вам известно, мои друзья уговорили меня выпустить в свет брошюру с описанием моей жизни. С описанием жизни простого, рядового человека, который, ну...

Пастор. Не имел цента в кармане...

Доктор. Однако стал богатым...

Миллионер. В этой моей брошюре, господа, я хотел главным образом остановиться на первых шагах моего пути к достижению богатства...

Журналист (*записывая*). Интересно...

Пастор. И поучительно...

Доктор. Особенно широким слоям населения.

Миллионер. Первые схватки с жизнью представляют наибольший интерес для широкого читателя. Ибо описание истоков моего счастья является нравственным пособием для каждого желающего разбогатеть...

П а с т о р. Вот бы поскорей почитать такую книжечку...

М и л л и о н е р. Однако уличный инцидент, происшедший со мной сегодня, заставляет меня несколько изменить план моей брошюры. Достаточно ли говорить читателю лишь о нравственных идеалах, в то время когда на мировой арене происходит жесточайшая политическая борьба?

Д о к т о р. Прошу извинить, господин барон, за неуместный, быть может, вопрос. Разве за этим покушением на вас вы видите политический акт?

М и л л и о н е р. Я не знаю, господа. Возможно. Я был бы рад видеть в этом акте — недоразумение, шантаж, безумие. Однако мысль невольно склоняется к иному...

П а с т о р. При созерцании бурных конфликтов, раздирающих поистине несчастную нашу планету...

М и л л и о н е р. Мне пока ясно одно — я кому-то мешаю, если среди белого дня на меня кидаются. А кому я могу мешать? Кому может помешать один из крупных представителей промышленных монополий?

Д о к т о р. М-да...

П а с т о р. Если подумать глубже, то...

М и л л и о н е р. Вот то-то и оно, господа... И поэтому в брошюре моей я намерен теперь акцентировать вопросы политики! Господин журналист, я прошу вашего внимания, дабы при художественном оформлении не получились неясности.

Ж у р н а л и с т. Есть, господин барон.

М и л л и о н е р. Прошу и вас, Моника, стенографировать, дабы я мог сверить тексты. Политика не терпит полутонов и двусмысленных формулировок.

С е к р е т а р ш а. Слушаю, господин барон.

П а с т о р. Пожалуй, и я, сын мой, начну вести запись, дабы, чуть что, уличить их обоих...

М и л л и о н е р. Жесточайшее время мы переживаем, господа! Две экономические и политические системы сосуществуют в мире. Наша демократическая система свободных денежных отношений и та система, которая действует за железным занавесом, опущенным на Востоке.

Д о к т о р (вздыхнув). М-да, мир разорван на два лагеря...

М и л л и о н е р. Уточним соотношение сил. Основная черта нашей экономики — развитие крупной промышленности и концентрация капитала в руках финансовых деятелей...

Д о к т о р. Коммунисты считают это, господин барон, последним этапом в развитии капитализма.

М и л л и о н е р. И пусть они считают, как им угодно. Ясно одно — у нас не разрозненное капиталистическое хозяйство, а хозяйство

организованное, объединенное в крупные монополии. Сконцентрированный капитал коих позволяет нам...

П а с т о р. По неизреченной милости Божией...

М и л л и о н е р. Выйти на борьбу во всеоружии... В своем объединении мы есть мощная и грозная сила! И не так-то просто, господа, нас укусить за пятку...

П а с т о р (*замявшись*). Двадцать шестой штраф... За слова «укусить за пятку»...

М и л л и о н е р. Да, мы переживаем особую стадию в развитии капитализма, при которой стройность нашей экономики устраняет всякого рода неожиданности.

Д о к т о р. Депрессии, однако, возможны...

М и л л и о н е р. Возможны. Зато начисто устранен хаос в ценах!

П а с т о р. Сын мой, я не пойму... Ведь отсутствие хаоса в ценах на товары не является таким уж грозным оружием в предстоящей борьбе?

М и л л и о н е р. Ай, святой отец, не путайте вы меня! Для борьбы имеется иное оружие. А я говорю о тех гарантиях, какие получают промышленники... Цены, цены регулируются...

Д о к т о р. Союзом наших промышленных предприятий...

М и л л и о н е р. Помимо того, наши картели устраняют конкурентов и тем самым гарантируют нам высокую норму прибыли... Нет, господа, удивительная, я бы сказал, гармоничность нашей экономики [поистине] может восхищать сердце...

П а с т о р. Истинного христианина и патриота...

М и л л и о н е р. И это морально усиливает нашу мощь и вдохновляет нас на борьбу...

Поспешно входит секретарь и подходит к миллионеру. Тот от неожиданности откидывает голову назад и даже рукой закрывает глаза.

13

С е к р е т а р ь. Простите, господин барон... [Забыл...]

М и л л и о н е р. П-фу-у... Мистер Кук, нельзя же так, черт возьми...

П а с т о р (*записывая*). Двадцать семь... За слова «черт возьми»...

Д о к т о р (*секретарю*). Вас же предупредили... Травма...

М и л л и о н е р. П-фу-у, господа... (*Секретарю*.) Ну говорите, в чем дело? Предпринял он что-нибудь?

С е к р е т а р ь. Герберт Фокс пытался достать денег, но тщетно. Пустил в продажу последние фамильные ценности...

М и л л и о н е р (*потирая руки*). А-а, собака... (*Отмахнувшись от пастора, который пытался что-то сказать*.) Ну и что, что?

С е к р е т а р ь. Однако вырученная сумма не дала возможности удовлетворить всех кредиторов.

М и л л и о н е р. Отлично... Ну а как он сам чувствует себя?

С е к р е т а р ь. Не могу знать, господин барон.

М и л л и о н е р. Ну вот, самое важное и не узнали. А может, он полон энергии? Может, он обдумывает, что ему еще предпринять? Мистер Кук, я должен знать, в каком физическом и моральном состоянии находится мой противник. Тотчас об этом узнать и доложить мне через десять минут!

С е к р е т а р ь. Слушаю, господин барон. (*Уходит.*)

14

М и л л и о н е р. Вот вам наглядный пример, господа! В свое время Герберту Фоксу мы предлагали войти в наше объединение. Он отказался. Более того, он ринулся на меня, желая смять мои предприятия и поколебать мои финансы... Так пусть же этот прохвост пеняет теперь на себя...

П а с т о р (*записывая*). Двадцать восемь, сын мой...

М и л л и о н е р. Не он один пытался произвести такую же диверсию. Немало нашлось на моем пути таких мошенников капитала...

П а с т о р (*записывая*). Двадцать девять за слово «мошенник»...

М и л л и о н е р. Но я всю эту банду...

П а с т о р (*потирая руки*). Тридцать... Тридцать, сынок...

М и л л и о н е р. Я всю эту...

П а с т о р (*просительно*). Ну... ну...

М и л л и о н е р. Я всех этих...

П а с т о р (*подсказывает шепотом*). Сукиных детей...

М и л л и о н е р. Я всех этих, говорю, моих конкурентов...

П а с т о р (*с досадой*). А-а...

М и л л и о н е р. Всех их, чтоб им в пекле икалось...

П а с т о р (*фыркнув от смеха*). Тридцать один...

М и л л и о н е р. Всех их привел в христианскую веру...

П а с т о р (*строго*). Недопустимый символ, сын мой.

М и л л и о н е р. Однако перейдем к кардинальным вопросам [нашей] **моей** брошюры... Наши противники утверждают, что наша государственная структура — империалистическая. Это клевета, господа! Что такое империализм? Это капитализм в той стадии развития, когда сложилось господство монополий...

П а с т о р. Так ведь так оно и есть у нас, сын мой...

М и л л и о н е р. Ну и что?

Д о к т о р. Наши противники утверждают, господин барон, что империализм — такое состояние в государстве, при котором господствует не закон, а произвол кучки финансовых воротил...

М и л л и о н е р. «Кучки финансовых воротил!» Сколько презрения и злобы внесено в эти слова!.. Да, мы вмешиваемся в экономику страны, вершим ее делами, влияем на политические судьбы нашего государства...

П а с т о р. А что дурного тут в этом?

М и л л и о н е р. Вот я и говорю — а что тут плохого, если в судьбы государства вмешиваются финансовые ее деятели? Кто мы — эти финансовые деятели? Я утверждаю, мы — ум и совесть страны! Почему ум? Да потому что дурак никогда не разбогатеет!

П а с т о р. То-то, я думаю, что такое — никак не выйти из бедности.

М и л л и о н е р. Дурак не может разбогатеть, господа. А если разбогатеет, значит, он умный. Стало быть, богатый человек — это прежде всего умный человек. И стало быть, он вправе вмешиваться в судьбы страны.

Д о к т о р. Это правильно, господин барон.

М и л л и о н е р. Второе положение. Почему мы являемся совестью нашей страны? Сужу по себе. С юных лет, господа, я стремился к чистоте, к благородству, к поэзии. Однако, будучи бедным, я не мог позволить себе роскошь — избежать греха, порока. Да, я грешил, господа...

П а с т о р. Злословили, должно быть, и так далее...

М и л л и о н е р. Злословил и так далее... Однако, поднимаясь по ступеням общественной лестницы, шаг за шагом очищал я себя от всей этой скверны. И достигнув того, что я имею сейчас, достиг я и своей заветной цели — нравственной чистоты...

Д о к т о р. Я тоже так полагаю, господин барон, — только лишь богатый человек может достичь [истинных] духовных высот.

П а с т о р. Ибо у богатого нет причин идти на всякие неблагоприятные штучки...

М и л л и о н е р. И, стало быть, только лишь состоятельные люди могут являться совестью государства... Делаю вывод. Мы, финансовые деятели, — ум и совесть страны...

Входит секретарь. На этот раз он входит осторожно и, покашливая, останавливается шагах в пяти от барона. Однако миллионер и на этот раз вздрагивает при виде своего секретаря.

15

М и л л и о н е р. П-фу-у... Ф-фу... Мистер Кук... Доктор, что ж это со мной, своего секретаря пугаюсь? П-фу-у...

Д о к т о р. Условный рефлекс, господин барон. Перенос с одного объекта утрашения на...

М и л л и о н е р. Доложите, мистер Кук. Что он? В каком состоянии?

Секретарь. Он в полном отчаянии, господин барон.
Миллионер. И что? Близок к самоубийству?
Секретарь. Нет, как будто. Но слег в постель.
Миллионер. Ах, таки слег в постель... (*Потирая руки.*) А-а-а...
Пастор (*укоризненно*). Сын мой...
Миллионер. Не вмешивайтесь в мои коммерческие дела, святой отец... (*Секретарю.*) Ну, а его домашние — жена, сын?
Секретарь. Так ведь его жена, как известно, умерла...
Миллионер. Ах, умерла? От горя?
Секретарь. Нет, она, кажется, от родов, господин барон...
Миллионер. Преждевременные роды?
Секретарь. Господин барон, она ведь умерла двадцать лет назад...
Миллионер. Ах, так. Я думал, она теперь. Жаль. Это еще больше скрутило бы его...
Пастор. Сын мой... Пощады... Пощады к поверженному врагу!
Миллионер. А идите вы к черту, святой отец...
Пастор (*покагивая головой*). Тридцать второй штраф... За слова, недопустимые в общезитии...
Доктор. Его сейчас пощадить, так он...
Миллионер. Знаю. Десять лет из меня пух и перья летели... Пощады!.. Наблюдайте, святой отец, мою частную, семейную жизнь, но не это... (*Секретарю.*) Так, значит, он предпринять ничего не может?
Секретарь. Ничего, господин барон. Единственно — сын его...
Миллионер. А что сын? Что этот лоботряс?
Пастор (*записывая*). Тридцать три...
Секретарь. Сын рассчитывает достать денег, чтоб спасти отца.
Миллионер. Каналья... Черт его дери...
Пастор (*записывая*). Тридцать четыре... Тридцать пять...
Миллионер. Досадно...
Пастор (*записывая*). Тридцать шесть...
Миллионер (*задумчиво*). Хм...
Пастор. Тридцать семь...
Секретарь. Однако, я полагаю, сын вряд ли достанет деньги.
Миллионер. А если достанет?.. Следить за ним в оба. Не допустить помощи отцу. Докладывать мне каждые два часа...

Секретарь уходит.

16

Доктор. Неприятный казус, если сын достанет крупную сумму.
Миллионер. Да где он может достать? Ерунда... Итак, на чем мы остановились, господа?

Журналист (*звучит по блокноту*). «Мы финансовые деятели — ум и [нравственная] совесть своей страны...»

Миллионер. Да! Мы — та нравственная сила, на которую опирается государство. Спрашивается — вправе ли мы влиять на судьбы страны?

Доктор. Да, вправе!

Миллионер. И это называется правлением кучки воротил?! Беззаконием? Олигархией? Империализмом? Х-ха!.. В чем, в чем еще нас упрекают коммунисты?

Доктор. Они утверждают, что мы стремимся к территориальным захватам, к господству над малыми народами.

Миллионер. Это клевета! Мы не стремимся к территориальной экспансии. Вздор! А если иной раз интересы наших монополий сходятся с интересами самих же отсталых народов, для которых мы культивируем их же дикие степи, [и пустыни,] поросшие бурьяном, то...

Доктор. То эти народы, господин барон, должны испытывать только лишь благодарность к нам...

Миллионер. А потом, почему бы не господствовать сильному над слабым? Извечный закон природы...

Доктор. Эту мысль, господин барон, мне кажется, не следует проводить в вашей брошюре.

Миллионер. А что? Почему?

Журналист. Эта мысль не нова, господин барон.

Доктор. Она являлась одной из гитлеровских доктрин...

Миллионер. Если мысль правильная, то меня не шокирует, из чьих уст она была произнесена... Хорошо, не будем подчеркивать эту мысль...

Пастор. Дабы не дразнить гусей, сын мой...

Миллионер. Тем не менее мысль о праве сильного в вопросах культуры — должна быть проведена!

Журналист. Есть, господин барон.

Миллионер. На этом я закончу основные тезисы вводной части брошюры и перейду теперь к фактам моей биографии...

Доктор. Внимание, господа!

Миллионер. Ровно двадцать лет назад, в один из ненастных дней, я прибыл сюда на пароходе «Андалузия», буквально не имея цента в кармане... Как сейчас помню... Стою на набережной в тяжком раздумии... Куда идти? Что делать? Где преклонить свою голову?

Пастор. Ужас...

Миллионер. Зашел в какой-то дешевенький ресторанчик, чтоб подкрепить свои силы...

Журналист. В какой-нибудь портовый кабачок?

М и л л и о н е р. Да... Заказал, помню, ростбиф...

П а с т о р. Не имея денег... заказать блюдо... Чем же расплатились, сын мой, с неимущим хозяином?

М и л л и о н е р. Вот об этом-то я и хочу рассказать, господа. Это и будет то нравственное поучение, ради которого я согласился опубликовать мою биографию...

Ж у р н а л и с т. Интересно...

М и л л и о н е р. Покушав, я обратился к буфетчику с просьбой предоставить мне работу на кухне, дабы тем самым расплатиться за ужин...

П а с т о р (*восторженно*). О!

Д о к т о р (*утвердительно*). Труд!

М и л л и о н е р. Что? Да, тру у них посуду на кухне, мою тарелки, вилки, ножи... На другой день — опять... И пошло, и пошло... Встал на ноги!

П а с т о р. И сколь долго, сын мой, находились вы в кухонном чадуге? [и угаре?]

М и л л и о н е р. Не очень долго... Заработал на первых порах долларов семьсот и...

Ж у р н а л и с т. Сколько?

М и л л и о н е р. Долларов семьсот. И эта сумма плюс личная инициатива, предоставленная человеку государством, уже дала мне возможность выйти на широкий, но трудный путь к достижению моего богатства...

П а с т о р. Помимо тяжкого труда, сын мой, должно быть, и религия способствовала...

М и л л и о н е р. Отчасти и религия способствовала. Она, как говорится, не мешала мне, поскольку до того ли мне было... Но, вообще, и религия...

П а с т о р. Помогала вам...

М и л л и о н е р. Кто помогал? Вы о ком? Это в тот вечер, когда я сошел с парохода «Андалузия»? Ай, да не путайте вы меня, святой отец...

Д о к т о р. Коммунисты утверждают, что наша социальная система отмирает, она якобы нежизнеспособна. Ваш рассказ опровергает это, господин барон.

М и л л и о н е р. Ценное замечание. (*Журналисту*.) Отметьте это.

Ж у р н а л и с т. Уже отмечено, господин барон.

Д о к т о р. Любой человек, идя по вашим стопам, господин барон, может встать на ноги, может достичь богатства. Стало быть, идея демократических свобод полностью осуществляется нашей социальной структурой в данной ее форме...

П а с т о р. И какая гибкость формы... Заказать блюдо, не имея денег...

М и л л и о н е р. Я не знаю, господа, что происходит там у них за железным занавесом. Но то, что происходит у нас...

Д о к т о р. Ведет человечество к счастью!

М и л л и о н е р. И мы охотно отдергиваем бархатный занавес нашей жизни, чтобы сказать всему миру — смотрите, господа, вот что дают человеку животворные силы капитализма...

Входит дочь миллионера М э р и. Она в мужском костюме.
И ей лет двадцать.

17

Д о ч ь. Отец...

М и л л и о н е р (*умильно*). Доченька моя... Что тебе, солнышко?

Д о ч ь. Я хотела с тобой поговорить. Но ты, кажется, занят?

М и л л и о н е р. Ничего, сейчас я их... Господа, прошу вас...

Д о ч ь. Нет, папа, я лучше потом зайду.

М и л л и о н е р. Тогда, если позволишь, минут через двадцать я закончу и... (*Обняв дочь.*) Доченька моя... Свет моих очей... Всякий раз, когда я тебя вижу, слезы радости невольно выступают у меня на глазах... (*Вытирает платком глаза.*) Прости...

Д о ч ь. Так я через двадцать минут, отец. (*Уходит.*)

18

М и л л и о н е р. Извините, господа. Немножко взволновал меня приход моей дочурки... На чем мы остановились?

Ж у р н а л и с т (*гитает*). «Мы охотно отдергиваем...» Гм, не разберу слово... А дальше идет — занавес...

С е к р е т а р ш а. «Мы охотно отдергиваем бархатный занавес нашей жизни».

М и л л и о н е р. Ах, да... И за бархатным занавесом нашей жизни мир видит наше благоденствие, наше счастье, нашу тихую радость, когда... (*Снова вытирает глаза платком.*) Извините, господа...

Д о к т о р. Быть может, отложить до завтра, господин барон?

М и л л и о н е р. Пожалуй... Только закончим главу... Да, господа! Демократический строй нашей жизни предоставляет людям счастье... Разве я не счастлив, друзья мои?.. Вот стою перед вами и что-то диктую о минувших днях... Солнце золотится на стене моей хижины... И тут вдруг дочурка моя приходит... Приходит к старому своему папке... Быть может, посоветоваться или приласкаться... А старый ее папка думает в этот момент... Ну-те, угадайте, друзья мои, о чем я сейчас думаю?

П а с т о р. Полагаю, сын мой, думает — пойду сейчас покушаю...
М и л л и о н е р (*улыбаясь*). А вот и не угадали, господа! Я думаю — ну что бы такое подарить моей дочке ко дню ее рождения...

Д о к т о р. Нелегкий вопрос.

М и л л и о н е р. Адски трудный вопрос, если учесть, что на ее имя я перевел не менее пяти миллионов... Господа, я сейчас хочу подумать о подарке... А завтра в это же время мы продолжим мою брошюру... До свиданья, господа...

Ж у р н а л и с т (*собрав свои блокноты*). Один вопрос, господин барон... Как изволили вы назвать свою брошюру?

М и л л и о н е р. Право, не знаю, господа... Гм... Ну, допустим хотя бы... «Моя борьба»... А что, это название было уже в литературе?

Д о к т о р. Да, это было...

М и л л и о н е р. В таком случае «И моя борьба»...

Ж у р н а л и с т. Это название, господин барон, будет напоминать пресловутую книгу Гитлера...

М и л л и о н е р. Ну тогда назовем...

П а с т о р. «Несколько слов в защиту капитализма»...

Ж у р н а л и с т. Нет, название должно быть современное... Что-нибудь вроде — «Я жгу Москву»...

М и л л и о н е р. О! Прекрасное название. И оно полностью [характеризует] определяет характер моей брошюры... (*Похлопывая журналиста по плечу.*) Я твердо верю в вашу карьеру, молодой человек...

Ж у р н а л и с т. В нашем деле многое зависит от случая, господин барон!

М и л л и о н е р. Ну, случай, я полагаю, представится.

Ж у р н а л и с т. Вот у нас один журналист... Если помните, господин барон, тот самый, которого министр торговли ударил по лицу в театре... Так ведь после этого случая — слава, богатство у него...

М и л л и о н е р (*успокоительно*). Ну, может, и вас кто-нибудь в дальнейшем... До свиданья, господа... (*Секретарше с улыбкой.*) Вы тоже свободны, Моника... Душенька моя...

Журналист и секретарша уходят. Входит секретарь мистера Кука. Он останавливается на почтительном расстоянии от барона.

19

М и л л и о н е р (*весело рассмеявшись*). Доктор, глядите. Он в двадцати шагах встал от меня. Думает, я и на этот раз его испугаюсь...

Д о к т о р. Травма исчезла, господин барон.

С е к р е т а р ь. Плохие вести, господин барон. Стачка перекинулась на другие заводы... Бастуют 12 тысяч рабочих...

Миллионер. Нет, не дают спокойно работать...

Пастор. И что им надо, сын мой?

Секретарь. Требуют повысить жизненный уровень и вернуть на работу уволенных.

Миллионер. Х-ха! Они будут указывать мне — вернуть безработных! А если они мне нужны? Откуда-то я должен черпать живую силу в нужный мне момент?! Нет, просьбу их я не уважу!

Пастор. Это обозлит их, сын мой...

Миллионер. Пусть обозлит... Они должны почувствовать твердую мою руку... Конечно, понимаю... Они могут меня... *(Шагая по комнате, наталкивается на доктора и вскрикивает от страха.)* А-а!.. Фу, как вы напугали меня, доктор... П-фу-у...

Доктор. Простите, господин барон.

Миллионер. П-фу-у... Вот я и говорю... Они тоже могут меня... Подобно этому негодяю... Схватить за глотку...

Пастор *(записывая)*. Тридцать восемь, сын мой...

Миллионер. Могут, могут... Но я приму свои меры... Господин доктор, где мистер Браунинг?

Доктор. Он отдыхает после перенесенной операции.

Миллионер. Второй месяц отдыхает! А уже пора ему приступить к обязанностям моего двойника... Дошло до того, что на меня бросаются!

Доктор. Операция дала отличные результаты, господин барон. Мы достигли почти полного сходства. И только некоторые детали... Но вы же сами изволили указать...

Миллионер. Привести его сюда! Тотчас...

Доктор уходит.

20

Секретарь. Стачка организована коммунистами, господин барон.

Миллионер. Ну, ясно...

Доктор. Коммунистическое движение становится реальной угрозой в нашей стране...

Миллионер. Да, и тут нужно принять самые срочные меры...

Доктор. Необходимо запретить их партию, объявить вне закона.

Миллионер. И мы это сделаем, господа. Выхода нет иного.

Пастор *(вздыхая)*. И кто во всем этом виноват...

Миллионер. Ясно кто — массы, руководимые коммунистами. Вот конкретные носители зла. Вот кто раскалывает мир на два лагеря!

Секретарь. Да, если б не трудящиеся массы...

М и л л и о н е р. Какой был бы расцвет демократии в нашей стране!

Входит доктор и с ним двойник миллионера мистера Браунинг. Двойник похож на миллионера, однако некоторая тупость лица и красный, почти багровый нос делают заметное различие в сходстве. Жена двойника — экономка миссис Браунинг — полная и величественная дама, останавливается в дверях.

21

Секретарь (*прикрывая дверь*). Уйдите, миссис Браунинг. Господин барон не любит, когда вы присутствуете.

М и л л и о н е р (*рассматривая двойника*). Нет, господа... Нет... Ну, что вы в самом деле...

П а с т о р. То есть, как две капли воды!

М и л л и о н е р. Да что вы смеетесь надо мной, господа? Неужели я похож на эту кикимору?

Секретарь. Вообще-то сходство глубокое, господин барон.

Доктор. Наука приложила все старания...

М и л л и о н е р (*рассматривая двойника в кулак, как картину*). Черт знает, что такое... Во-первых, он толще меня... Пухлый какой-то...

Доктор. Вес был одинаковый, но в эти дни...

М и л л и о н е р. Что он, жрал что ли много?

Двойник (*сердито*). Кхм...

Доктор (*подминая живот двойнику*). Он ел нормально, но сидячая жизнь...

М и л л и о н е р. Пусть больше ходит... А потом — нос... Неужели у меня... Нет, господа, нос же у меня совершенно не такой...

П а с т о р. Да, краснота чересчур велика.

Доктор. Нос мистера Браунинга был значительно меньших размеров, господин барон. Мы нос увеличили и теперь парафин давит на ткани...

Секретарь (*прикрывая дверь*). Уйдите, миссис Браунинг. После войдете!

М и л л и о н е р. А как долго продержится краснота? Мне бы хотелось скорей. Уличный инцидент заставляет меня поторопиться с этим. Ну хорошо, этот бандит кинулся на меня с голыми руками. Он мог бы стрелять! Так пусть лучше в него стреляют, чем в меня...

Двойник (*с неудовольствием*). Кхм...

Доктор. Дня через три гарантирую нормальный цвет... Какие будут еще замечания, господин барон?

М и л л и о н е р. Да вот ухо, пожалуй. У меня рваная рана рапирой. А у него уж слишком хирургический разрез.

Доктор. У вас рана, вероятно, не была зашита своевременно?

Миллионер. Она вообще не была зашита. Сама срослась как-то... Всякий раз, когда я вспоминаю эту историю, меня прямо трясет от негодования, господа...

Доктор. Ах, эту историю в колледже? Да, это возмутительно!

Миллионер. Человек берет со стола грязную, заплеванную пельни... рапиру и этой рапирой меня... Сейчас бы я прямо задушил бы этого...

Пастор (*подсказывает*). Негодяя...

Миллионер. Да, негодяя...

Пастор (*записывая*). Тридцать девять... С ним иначе нельзя...

Доктор. Ухо можно ему разрыхлить, господин барон.

Миллионер. Да, надо разрыхлить ему ухо. Пусть будет как у меня.

Доктор. Мы снова сделаем ему разрез и не сошьем...

Миллионер. Отлично... Ну что еще?.. Да, фурункул у меня на шее... Желательно, чтоб и у него для полноты сходства. Как наука на это смотрит?

Доктор. Можно будет ляписом прижечь...

Миллионер. Не возражаю. Прижгите ляписом или впрысните ему какой-нибудь крысиный яд, чтоб краснота подольше осталась...

Двойник. Кхм... В контракте не было — шею трогать. Нос, ухо — это предусмотрено, пункт десятый. А шею я не позволю оперировать.

Миллионер. Компенсируем.

Двойник (*поклонившись*). Слушаю, господин барон.

Миллионер (*прищуриваясь, глядит на двойника*). Не знаю почему, господа, но я прямо не могу видеть эту харю.

Пастор. Да, радости, конечно, мало лицеизреть подобное исчадие.

Миллионер и его свита уходят. В комнату вбегает [компаньонка]
миссис Браунинг — экономка миллионера.

22

Экономка (*мужу*). Болван! Тридцать лет я с тобой прожила и каждый день убеждаюсь в этом. Ну можно ли за такую сумму позволять так коверкать себя?!

Двойник. Он сказал — компенсируем.

Экономка. А кто меня компенсирует за удовольствие видеть такое [рыло исковерканное] рыло?!

Двойник. Так ведь ничего же особенного. Почти как был...

Экономка. А нос? Единственно, что у тебя было приличное — это нос. И ты отлично знал, что я замуж пошла за тебя из-за этого. А теперь? А теперь, я спрашиваю, что за дуля у тебя вместо носа?!

Двойник. Нос был предусмотрен контрактом. Делают, что хотят.

Экономка. А все твоя непомерная жадность, которая толкает тебя к черту в ад! Кто просил тебя в двойники идти, я?!

Двойник. Тебе самой казалось выгодно иметь такую службу.

Экономка. Да, с одной стороны — получаем три тысячи в месяц, а с другой стороны, что произошло? Ведь страховое общество, узнав, что ты двойник, в шесть раз уменьшило премию на тот случай, если ты в конце концов, слава богу, подохнешь!

Двойник. Я не думал, Кларисса, что они узнают...

Экономка. А ты отдаешь себе отчет, как я буду жить, получив так мало за твою дырявую шкуру? Все, что ты делаешь, — это коммерческий вздор!

Двойник. Коммерчески я поступаю правильно.

Экономка. Он поступает правильно! А история с Чарли! Из наследства твоего брата ты не додал Чарли пять тысяч. А теперь сосчитай, сколько ты истратил денег, чтоб обезопасить себя от этого бешеного племянника. Сколько ты внес одной агентуре, которая сообщает тебе из Техаса об его приезде! Сколько заплатил охране, когда Чарли [бывая] бывает здесь! Вот и рассчитай свою арифметику, пухлый болван, тупица.

Двойник. Да, истратили не менее этой суммы...

Экономка. Отдай, отдай ты Чарли эти проклятые пять тысяч. Иначе он тебя, кретина, все равно прикончит.

Двойник. Теперь-то совсем убыточно отдавать.

Экономка. Значит, выгодней подохнуть, чем отдать?

Двойник. Пожалуй что и так, если судить по цифрам...

Экономка. Покажи письмо Чарли. Что он пишет?

Двойник. Угрожает, если не отдам.

Экономка (*гитая письмо*). Боже... Боже мой... Позволь... Так это, значит, Чарли бросился сегодня на господина барона?

Двойник (*засмеявшись*). Чарли, Чарли бросился на него. Он караулил меня на улице и тут увидел барона, который вышел из машины...

Экономка (*улыбаясь*). Да, сходство у вас имеется...

Двойник. Теперь-то огромное сходство, после операции...

Экономка. Но ведь Чарли пишет — он стрелять будет, если не отдашь денег.

Двойник. И пусть стреляет. Стрелять-то он будет не в меня, а в барона. Я <нрзб> целые дни сижу дома, а господин барон то и дело выезжает. Ну и, конечно, — доездится. Чарли не пропустит его...

Экономка. А ну, как он убьет барона?

Двойник. А нам-то что? Убьет и в тюрьму, подлец, сядет. Не убивай людей. Из-за каких-то там пяти тысяч.

Экономка. Нет, мне все-таки жаль барона. Сравнительно молодой человек и вдруг его не будет.

Двойник. Ну так ведь я тут при чем? Об этом говори преступнику. А лично я не могу швырять на ветер такую сумму. Не пять долларов, а пять тысяч. Шутка ли такие деньги платить за чужие грехи!

Входит миллионер. Позади пастор. Супруги Браунинг поспешно уходят. В дверях появляется дочь миллионера Мэри.

23

Миллионер (*сердась*). Черт бы его взял...

Пастор (*записывая*). Пятьдесят, сынок... Закруглились...

Миллионер. Не может до сих пор доложить мне об этом лоботрясе... (*Увидев свою дочь*.) А, доченька моя пришла...

Дочь. Теперь можно к тебе, отец?

Миллионер. Можно, можно, солнышко мое... Нет, верно, как увижу тебя, так сразу... (*Прикладывает платок к своим глазам*.) Ну что скажешь своему старому папке, куколка моя?.. Уйдите, святой отец...

Пастор (*положив тетрадь перед бароном*). Вы уж сами в таком случае отмечайте, сын мой. Со счета — 51... Только всякий раз записывайте, не жульничайте во имя Христа... (*Уходит*.)

24

Дочь. Я выхожу замуж, отец...

Миллионер. Мэри... Девочка моя... Я так мечтал об этом...

Дочь. Только не знаю, одобришь ли ты моего жениха...

Миллионер. Если это негр, Мэри, я против. Всех остальных заранее благословляю. И кладу на имя твоего избранника полмиллиона.

Дочь. Я выхожу за Дугласа Фокса...

Миллионер. За сына Герберта Фокса? Да ты что, в своем уме?!

Дочь. Я знаю, его отец — твой конкурент. И ты разорил его. Но для меня это неважно — есть ли у него деньги. Я люблю его.

Миллионер. Мэри... Дочь моя... Это невозможно...

Дочь. Нет, отец, это уже решено. Это будет так, как я сказала.

Миллионер. Но я... Я прошу тебя... Откажись...

Дочь. Разве ты не слышал, что я тебе сказала? Я люблю его. Понимаешь?... (*Похлопав отца по спине*.) Примирись с этим, старик. И не будем об этом спорить... Я зайду к тебе вечером. (*Уходит*.)

Миллионер грузно опускается в кресло. Торопливо входит секретарь.

Секретарь. Господин барон... Да что с вами?... Вам нехорошо?

Миллионер. Дочь... замуж идет... за сына Герберта Фокса...

Секретарь. Именно об этом я и хотел вам доложить.

Миллионер. Что ж это получается?... Двенадцать лет не выпускал его из рук... И вот сейчас, когда все завершено... Ведь теперь сын-то его поможет ему... Моими деньгами поможет отцу...

Секретарь. И основное — он под этот брак достанет сейчас деньги...

Миллионер (*вскогив*). Ах, так! Ну, нет! Все кину на это, но брака не допущу! (*Схватившись за сердце, опускается в кресло.*) О-ох...

Секретарь. Сейчас я доктора... (*Открыв дверь.*) Э, кто там! Пригласите врача...

Вбегает пастор. И вслед за ним появляются — доктор,
экономка и двойник.

Все. Что такое?... В чем дело?

Секретарь. Мэри замуж идет за Дугласа Фокса...

Доктор. Выпейте это, господин барон. Понижает давление крови...

Миллионер (*двойнику*). А вы зачем здесь? (*Доктору.*) Не могу видеть эту харю...

Двойник, покашливая, уходит.

Пастор (*взяв тетрадь*). Ну вот, ничего не записали, сын мой...

Миллионер (*слабым голосом*). Что ж теперь делать, господа...

Секретарь. Мальчишку можно скомпрометировать, запутать в какое-нибудь дело, посадить в тюрьму. И тогда брак не состоится.

Доктор. Она любит его. Может возникнуть трагедия.

Миллионер. Помимо того, она поймет, откуда это исходит. Отвернется от меня... Не надо прибегать к крайностям... Пусть она просто разлюбит его... Пусть сама откажется от него...

Пастор (*видя, что доктор на минуту вышел, дает барону рюмку с лекарством*). Выпейте это, сын мой, а то ослабли духом... Это зелененькое лекарство, я заметил, энергетически действует, поднимает дух...

Миллионер (*выпив лекарство, вскакивает с кресла*). Ах, так, черт [возьми] их раздери совсем!

Пастор (*бросаясь к тетради*). Пятьдесят один... Нельзя с ним иначе...

Миллионер. Не позволю проклятому мальчишке...

Пастор (*записывая штраф*). Пятьдесят два...

Миллионер. Тридцать тысяч... Нет, двадцать тысяч тому, кто сделает так, чтоб она разлюбила его!

Пастор. Мысленно угадываю житейский принцип, что **совершить** [сделать] для этого...

Секретарь. Не замахивайтесь на эти деньги, святой отец...

Пастор. Минуточку... Надо писать ей письма от неизвестного...

Секретарь. Чепуха, святой отец... Хватает вам и тех денег, какие вы берете путем своих записей в пользу бедных...

Пастор. За труд, связанный с этим, отчисляю себе небольшую долю, за что Господь Бог не в обиде, поскольку я и есть бедный...

Доктор. Не ссорьтесь, господа, неудобно... Господин барон, у меня есть один пациент — молодой герцог... Быть может, блеск его имени...

Экономка. Из этого ничего не выйдет, доктор!.. В сердце женщины должна возникнуть новая любовь, и только она вытеснит прежнее чувство... Господин барон, один мой знакомый — Джек Смит...

Двойник (*появляясь в дверях*). Кларисса, человек, который украл у тебя кольцо с бриллиантом...

Экономка. Уинстон, не вмешивайся. Я говорю об его сыне... Господин барон, один мой знакомый, необыкновенно красивый мужчина, некто Джек Смит имеет сына, который отличается еще большей, почти божественной красотой. Я познакомлю этого юношу с Мэри. И я уверена — она полюбит его... В свое время, когда я познакомилась с его отцом... В общем, я по себе знаю...

Двойник (*грозно*). Кларисса!

Экономка. Уинстон!

Секретарь. Как вы смотрите на все это, господин барон?

Миллионер. Попробуйте, господа. Только не надо крайностей...

Двойник. Кхм... У меня есть предложение, господин барон...

Миллионер. Харю, харю эту от меня возьмите!

Секретарь. Мистер Браунинг, давайте отсюда...

Пастор. Врете, дети мои... Мой план достигнет цели... Она разлюбит его, черт возьми... (*Записывает в тетрадь*.) Пятьдесят три... За слово — «черт возьми»...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Загородный дом миллионера Питера Робинсона. Уголок сада. Слева глухой, тяжелый забор. Справа, среди тропической зелени, садовая скамья. По дорожке сада медленно идут двое — дочь миллионера и ее жених Дуглас Фокс. Лицо у молодого человека томное, жесты изящные. И весь изнеженный

облик его резко контрастирует с окружающей яркой природой. Где-то играет тихая музыка. Сквозь открытые окна веранды видны танцующие пары. Яркий солнечный день.

1

Жених (*играя гетками*). Я устал, Мэри... Посидим...

Дочь. Дуглас, вы просто ребенок. И удивительно капризный, непослушный... (*Нежно проводит рукой по его щеке.*)

Жених. Я не капризничаю, Мэри... Просто мне кажется, что я не должен жениться на вас...

Дочь. Нет, Дуглас, все уже решено и мы не будем возвращаться к этому вопросу!

Жених. Но ведь мой папа против нашего брака...

Дочь. А папа-то почему против брака? Напротив, он должен радоваться. Мы поможем ему уйти от разорения...

Жених (*усмехаясь*). Папа уверен, что ваш отец не даст вам денег, если я женюсь на вас.

Дочь. Вы же знаете — у меня есть свои деньги. Вы так и скажите своему отцу.

Жених. Э, нет, зачем ему говорить об этом. Тогда он прикажет мне жениться на вас... А я не могу привыкнуть к мысли — как так вдруг я буду женат...

Дочь. Ерунда. Привыкнете.

Жених. Однако, Мэри, вы же не будете настаивать, чтоб я женился?

Дочь. Буду. Я люблю вас и никому не отдам...

Приходит лакей и подает письмо на подносе.

Жених. Опять от неизвестного друга?

Дочь (*гитая*). Да... (*Смеется.*) Опять, чтоб я не доверяла вам, что вы неразборчивы, увлекаетесь другими женщинами... (*Серьезно.*) Дуглас, а может быть, вы и в самом деле Дон-Жуан? А?.. Ну, отвечайте же... (*Теребит его руку.*) Дуглас...

Жених. Вот видите, Мэри, вы ревнуете. А *<нрзб>* в браке это будет совсем вульгарно... Так сжали руку мне... Даже и сейчас больно...

Дочь (*с нежностью*). Вы такой слабенький, Дуглас, такой беспомощный... Я люблю, люблю тебя... (*Обнимает его.*)

Жених. Не надо, Мэри... Увидят...

Дочь. Неважно... (*Целует его.*)

Появляется миллионер. Рука у него прострелена — на перевязи.

Позади — пастор, доктор и лакей с пледом. Несколько поодаль идет охрана — два полицейских. Увидев целующихся, миллионер останавливается, пораженный. Дочь и жених уходят.

2

Миллионер. Боже... Ведь это дочь моя... Она опять с ним...
(Приподняв руку, вскрикивает от боли.) А-а... О-о...

Доктор. Осторожней... Рана только что затянулась, господин барон.

Миллионер. Пользуясь тем, что я ранен, нездоров, лежу в лихорадке, мой секретарь неверно информирует меня. Говорит — брак моей дочери с сыном Герберта Фокса не состоится, она разлюбила его. Между тем, господа, вы сами видели...

Пастор. Картину более чем странную...

Миллионер. Неужели за это время ничего не могли предпринять?

Пастор. Лично я еще надеюсь на успех моего начинания, сын мой.

Доктор. Я тоже полагаю, что герцог, его титул...

Миллионер. Титул! Нашли чем ее удивить! Она сама баронесса. Еще десять лет назад я купил этот титул в Австрии... Где мой секретарь?

Доктор. Он прилег отдохнуть... Прикажете позвать?

Миллионер. Я сам сдерну с постели этого прохвоста!

Пастор (записывая). Девятнадцать... С утра сего дня...

Миллионер и его свита уходят. Снова на дорожке сада дочь
и ее жених.

3

Жених (играя гетками). Ах, право, Мэри, я не знаю, как быть...

Дочь. Поздно размышлять. Завтра наше обручение.

Жених. Ах, завтра обручение? Ну как же так, Мэри...

Дочь. А вот так...

В саду появляются гости — молодежь. Среди них — молодой герцог Шарль и весьма красивый юноша Гарри. Здесь же секретарша миллионера Моника.

4

Юноша (увидев Мэри и ее жениха). Господа, вот они... Вот...

Гости. Дуглас... Мэри... Ну, что же вы...

Дочь. А что вы придумали, Гарри?

Юноша. Мы решили играть в карты, а они... не знаю...

Жених. Мэри, так я пойду. Папа просил меня прийти...

Дочь. До вечера никуда не отпущу вас.

Герцог. Мэри, я хотел поговорить с вами.

Д о ч ь. Потом, герцог, если позволите...

Мэри уходит вместе с гостями. Герцог Шарль удерживает секретаршу Моника.

5

Герцог. Моника... Два слова... Сядем...

Секретарша. Я хотела бы избежать этого разговора, Шарль.

Герцог. Вы так презираете меня?

Секретарша. Жениться без всякого чувства... Только потому, что Мэри богата... Да, за это можно презирать...

Герцог. Но я же не могу искать счастья в бедности... Ах, Моника, если бы вы были богаты... Какое было бы счастье!

Секретарша. К чему эти жалкие слова, Шарль?

Снова появляется миллионер в сопровождении доктора, пастора, лакея и охраны. Увидев их, Шарль и Моника уходят.

6

Миллионер. Вы знаете, господа, какое чувство я сейчас испытал?

Пастор. Увидев Моника?

Миллионер. Да, увидев ее с этим молодым человеком... Ревность!

Пастор. Всецело понимаю вас, сын мой...

Миллионер. Ревность к девушке, которая, правда, нравится мне немного, но и только... Как странно, доктор, да?

Доктор. У каждого человека сложный мир в душе, господин барон.

Миллионер. Некоторые полагают, что кроме дел у меня и нет ничего в душе. А на самом деле... Вот я увидел их вместе и мне тоже захотелось тихонько посидеть на скамье...

Пастор. С этой Моникой?

Миллионер. Захотелось положить руку на ее бледную ручку и что-нибудь говорить, говорить... Не о делах, а так... И чтоб птички над головой щебетали... тюи-тюи...

Пастор (*засмеявшись*). Двадцать... За слова «тюи-тюи»...

Миллионер. Прекратите ваши записи, святой отец. Нервируете меня этим. Вот буду поспокойней и тогда...

Пастор. Тогда-то будет мало интереса, сын мой... Ладно, прекращу временно... А может, мы помесечно договоримся? И мне хлопот будет меньше...

М и л л и о н е р (*отмахнувшись от пастора*). Однако личные дела отложим [пока] в сторону, господа. Нет настроения заняться этим, пока не выясню причину покушения на меня...

П а с т о р. Загадочный выстрел, сын мой.

М и л л и о н е р. С одной стороны, выстрел загадочный, а с другой стороны, если взглянуть на мировую арену...

Д о к т о р. Департамент полиции, господин барон, отвергает политическую подкладку покушения.

М и л л и о н е р (*иронически*). Конечно, с точки зрения полиции я, быть может, и не дотягиваю до мировых событий. Однако факт остается фактом — в меня стреляли. А кто мог в меня стрелять? Кому понадобилось гасить слабое пламя моей жизни?

П а с т о р. Врагам вашим, сын мой...

М и л л и о н е р. А кто есть мои враги?.. Не далее как сегодня перед обедом я просматривал иностранную прессу. Читал высказывания [их] коммунистических газет. И прямо скажу, пришел в уныние от их некорректного отношения к миллионерам...

П а с т о р. А что они, сын мой, с песочком протирают вашу категорию?

М и л л и о н е р. Нет, они всех протирают. Но как только заходит у них речь о миллионерах — сразу начинаются колкости, насмешки, грубый тон. Почему-то удивительная нелюбовь у них именно к миллионерам.

П а с т о р. А от нелюбви до выстрела — один шаг...

Д о к т о р. Между тем полиция утверждает, что покушение на вас не является международным актом.

М и л л и о н е р. Значит, стрелял кто-то свой? А я, слава богу, знаю своих. Не станут они стрелять просто так.

П а с т о р. Не станут, сын мой. Они потребуют деньги.

М и л л и о н е р. А тут ничего не требуют, а просто стреляют в меня и...

П а с т о р. И, как говорится, фамилии не спрашивают...

М и л л и о н е р. И в этом я вижу руку со стороны. Однако допускаю в этом факте действие местных коммунистов, находящихся в сфере иностранных влияний. А это обстоятельство позволит нам объявить их вне закона!

Д о к т о р. Следует учесть, господин барон, что коммунисты отвергают такой метод борьбы. Убийство, покушения — это не в их правилах.

М и л л и о н е р. Я не знаю, каковы их правила. Я знаю одно — у меня специально имеется мистер Браунинг на случай покушения!

Д о к т о р. Да, эти функции он должен принять на себя.

Миллионер. А между тем он... Нет, вы только вдумайтесь в ситуацию, господа! Я нанял себе двойника. Плачу ему три тысячи в месяц. А пулю всаживают в кого? В меня... А он, как ни в чем не бывало — жив и здоров, негодяй!

Пастор *(дергается записать, но не записывает)*. Огорчительно...

Миллионер. Мало сказать — огорчительно. Является вопрос — на что мне такой двойник?

Доктор. Коммерчески он не оправдывает себя.

Миллионер. Напротив, коммерчески он нанес мне большой урон. Все мои акции упали минимум на шесть процентов.

Пастор. А вот если б ранили его...

Миллионер. Тогда я не знал бы никаких огорчений. А тут — огромный убыток, ранение и плюс ко всему — я еще для чего-то ему жалование плачу!

Доктор. Беспрецедентный случай в истории коммерции, господин барон.

Пастор. И главное, сын мой, сказать-то некому, чтоб стреляли в него, а не в вас.

Доктор. Еще хорошо, что пуля скользнула так удачно.

Миллионер. А ведь могли просто меня убить! Спрашивается — зачем же я за это убийство меня еще приплачиваю ему три тысячи мексиканских долларов в месяц?!

Пастор. Уж тогда пускай они вас, так сказать, безвозмездно...

Миллионер. Фу-фу... Злоба душит меня, господа... Не могу спокойно сидеть... Ну, где, где мой чертов секретарь?! Дела ведь не терпят отлагательства... *(Уходит вместе со свитой.)*

Появляется экономка миссис Браунинг. Под руку с ней — красивый юноша Гарри.

7

Экономка. Ах, Гарри, я так мечтала, чтоб ты женился на Мэри...

Юноша. Нет, тетя Клара, я сразу понял — здесь безнадежно. Мэри без памяти любит Дугласа. Конечно, я попробую еще, но...

Экономка. Попробуй, мальчик мой... Ну а что твой отец?

Юноша. Ах, лучше не спрашивайте, тетя Клара. Отец стал совсем неприличен. Все дни в кабаке, пьет, скандалит. И при этом он совсем рамоли — волочит ногу...

Экономка. Бедный Джек. Это он пьет от горя. В свое время он так надеялся сделать себе карьеру. Теперь у него расчеты на тебя?

Юноша. Тетя Клара, вы извините... Меня ждут в покер...

Экономка. Я провожу тебя... *(Оба уходят.)*

Появляется миллионер. Рядом с ним его секретарша Моника. Позади свита. Миллионер делает знак рукой и вся свита удаляется. Моника и миллионер молча садятся на скамью.

8

Секретарша. Вы хотели мне что-то сказать, господин барон.

Миллионер. Да нет, просто хотелось посидеть рядышком...

Секретарша. Что с вами сегодня?

Миллионер. Просматривал иностранную прессу... Почему-то особенно они миллионеров не любят...

Секретарша. Что?

Миллионер. Нет, я говорю... Взамен ненависти хотелось бы услышать какие-то слова утешения, сочувствия... Хотелось бы немного личной жизни, поэзии...

Секретарша. А почему вы мне об этом говорите?

Миллионер. Вы нравитесь мне. Нравитесь своей чистотой, благородством. Вы так очаровательны, Моника...

Секретарша (с тревогой). Ах, господин барон...

Миллионер. Перед вами невольно хочется открыть свое сердце...

Секретарша. Господин барон... Нет...

Миллионер. <нрзб> Речь идет о браке...

Секретарша. Боже мой...

Миллионер. Сердце мое не может смириться, когда я думаю о браке моей дочери с сыном Герберта Фокса... Моника! У меня к вам есть деловое предложение. Сделайте так, чтобы жених моей дочери увлекся вами.

Секретарша. То, что вы говорите, — это нечестно, господин барон.

Миллионер. А разве честно заставлять отца так страдать?.. Не отказывайтесь, Моника. Я сделаю вас богатой. Я вам дам 50 тысяч...

Секретарша. Нет, я не возьму... Я не могу...

Миллионер. Что не могу? Не можете сказать этому мальчишке, что он нравится вам? Это же такой пустяк, заинтриговать мужчину... Вот вам чек. Он ваш. Даже если вам ничего не удастся сделать.

Секретарша. Бога ради... Нет... Не надо...

Миллионер. Возьмите же, черт возьми... Попробуйте сделать...

Секретарша. Боже мой... Шарль... Что же это...

Миллионер (сунув чек в руку). Ведь такой пустяк от вас нужен — заинтересовать мужчину... Только учтите — остался один день. Завтра их обручение...

Секретарша (зуть слышно). Я не знаю... Попробую... (Убегает.)

Приходит секретарь и вслед за ним появляются пастор,
доктор и охрана.

М и л л и о н е р. Ага, явились наконец, мистер Кук! Почему вы информировали меня ложно относительно моей дочери?

С е к р е т а р ь. Вы были ранены, нездоровы, господин барон. Нам пришлось несколько смягчить информацию...

Д о к т о р. Мы не хотели подвергать вас опасностям волнения.

С е к р е т а р ь. Теперь я должен признаться — мы потерпели поражение.

М и л л и о н е р. Доложите...

С е к р е т а р ь. Мы все мобилизовали, начиная с господина пастора...

М и л л и о н е р. А-а, ерунду он писал...

С е к р е т а р ь. Ввели в дом двух молодых людей, рассчитывая, что они привлекут внимание вашей дочери...

М и л л и о н е р. Вздор!

С е к р е т а р ь. Засим по вашему приказанию пригласили журналиста, которому вы протезируете...

М и л л и о н е р. Да, на всю страну прославился наш журналист. Написал какой-то пасквиль, и директор Коммерческого банка схватил его за горло, стал душить. И едва не задушил. Теперь все газеты полны этим...

Д о к т о р. Вы предрекали ему карьеру.

М и л л и о н е р. Я сразу увидел — это способный молодой человек. Где он сейчас? У дочери?

С е к р е т а р ь. Так точно. Вернее, он прилег в столовой. Должно быть, на него немного повлияло это удушение.

П а с т о р. Ходить не может и дар речи потерял.

Д о к т о р. Нет, он говорит, но... Повреждены голосовые связки и поэтому у него...

П а с т о р. Сипло получается. Невнятно... Бубнит, а что — не разобрать...

М и л л и о н е р. Все-таки пришел?

С е к р е т а р ь. Пришел и сразу попросился полежать. Лег и...

П а с т о р. И уже встать не решается.

М и л л и о н е р. Жаль. А, впрочем, слава не такой уж значительный фактор. Вряд ли он привлек бы сердце моей дочери.

С е к р е т а р ь. Ко всему добавлю — мистер Браунинг задумал нечто, но не посвятил нас в свои планы.

М и л л и о н е р. Ах, не напоминайте мне об этом мерзавце!

С е к р е т а р ь. Суммируя все, принужден сказать, господин барон, — нам не удалось отвратить вашу дочь от нежелательного брака.

Миллионер. Вам не удалось, господа, так мне удастся это сделать! Я завершу это дело в нужном мне плане...

Пастор. Господь поможет вам, сын мой...

Из-за высокого забора показывается чья-то голова. Мы видим круглое лицо с бакками на щеках. Это племянник двойника Чарли. Несколько секунд он смотрит на миллионера и снова скрывается.

10

Миллионер (с ужасом). Господа... Это он!

Секретарь. Кто? Где?

Доктор. Вы о ком говорите, господин барон?

Миллионер. Он... Тот самый, который стрелял...

Пастор. Господи Иисусе...

Миллионер. Там за забором мелькнула его голова... Скорей...
Окружайте его... Действуйте... П-фу-у, господа...

Секретарь (охране). Скорей, господа! (Бежит вслед за полицией.)

11

Доктор (подойдя к забору). Там нет никого, господин барон.

Пастор. Свят, свят, свят Господь Саваоф...

Доктор. Быть может, вам показалось это?

Миллионер. Ясно видел — круглая рожа и бакки на щеках...

Доктор (сгибая пульс). Состояние у вас лихорадочное, господин барон. Я советую прилечь вам...

Миллионер. Сейчас... Надо выяснить... Вернется охрана...

Возвращается секретарь.

12

Секретарь. Там решительно нет никого, господин барон.

Миллионер. Может, действительно мне показалось?.. Да нет, по-моему, видел его... Где мистер Браунинг?! Где этот мой проклятый двойник?

Секретарь. Он обедает.

Миллионер. Обедает в такой момент, когда опять меня...

Доктор. Эти дни, господин барон, вы должны посидеть дома.

Миллионер. Да, пусть он теперь вместо меня выезжает.

Пастор. А нос его, сын мой? Сами изволили отметить — багровая окраска не проходит... Даже увеличивается...

Миллионер. Доктор, ну что вы делаете со мной? Почему у него краснота не проходит? Привести сюда этого мерзавца!

Доктор. Сию минуту, господин барон.

Миллионер. Стойте! Тотчас его сюда! Сразу не пойдет, так позвать дворников и тащить его сюда на веревках!

Доктор и лакей уходят.

13

Секретарь. Не лучше ли уйти отсюда, господин барон?

Пастор. А то здесь солнце пригревает, сын мой.

Миллионер. Да нет, там никого нет. Это мне показалось. Читал иностранную прессу. И такая у меня ненависть поднялась к ним... Сразу прилив крови к голове... И вот результаты — зрительная галлюцинация...

Секретарь. Пойду погляжу, как там охрана... (*Уходит.*)

14

Пастор (*не сводя глаз с забора*). Хочу и я, сын мой, сходить по некоторым своим делам...

Миллионер. Погодите, святой отец. Придет мистер Браунинг и тогда мы вместе пойдем.

Пастор. Голова-то вам в том месте показалась?

Миллионер. Нет, левой. Как раз против вас... (*Вставая.*) Сейчас я, святой отец. Только схожу к молодежи. Взгляну, как там происходит одно мое задание... Да нет, вы не идите за мной. Сидите тут и тотчас доложите мне, как только приведут сюда этого мерзавца. (*Уходит.*)

15

Пастор. Ай, ну что они меня тут оставили... (*Кричит.*) Мистер Кук!

Секретарь (*появляясь*). Что вы кричите, святой отец?

Пастор. Так какого же черта все ушли?.. Господин барон приказал вам тут сидеть и доложить ему, когда придет мистер Браунинг... Он к молодежи пошел... А я...

Появляется двойник мистер Браунинг с сигарой в руках. Он настроен весело, идет почти танцующей походкой, насвистывая игривый мотив. Вслед за двойником появляются — доктор, лакей и экономка миссис Браунинг. Пастор и секретарь невольно вытягиваются перед двойником.

16

Двойник (*независимым тоном*). А где барон?

Секретарь. Сейчас я позову его.

П а с т о р. Сейчас мы сбегает за ним...

П а с т о р и секретарь уходят. Вслед за ними уходят доктор и лакей. Двойник, покуривая сигару, садится на скамью.

17

Э ко н о м к а. Ты бы сел в тень, Уинстон. А то опять твой нос...

Д в о й н и к. Наоборот, Кларисса, пусть мой нос еще более, так сказать... (*Теребит свой нос.*) И тогда они меня оставят в покое... (*Засмеявшись.*) Последние дни, Клара, без смеха прямо не могу глядеть на барона...

Э ко н о м к а. Ну, струсил человек. Понятно...

Д в о й н и к. А что трусить-то? Конечно, неприятно, когда в тебя стреляют, однако не следует при этом терять человеческое достоинство — визжать и так далее...

Э ко н о м к а. Испугался...

Д в о й н и к. В первую мировую войну я участвовал в походе против неприятеля. Дважды шел под пулями. И не помню, чтоб я так визжал.

Э ко н о м к а. Разные бывают характеры...

Д в о й н и к. Допускаю, можно испугаться, но запутывать свои финансовые дела — это непростительно.

Э ко н о м к а. Да разве барон так много потерял на бирже?

Д в о й н и к. Не особенно много. Но важно не это. Важно то, что [некоторые] деловые люди учли биржевую ситуацию и положили в свой карман некоторый куш.

Э ко н о м к а. Кто же эти люди?

Д в о й н и к. Те, которые тотчас узнали о покушении...

Э ко н о м к а. Уни, ты скрываешь от меня свои коммерческие дела...

Д в о й н и к. Я не люблю говорить, пока не закончена та или иная операция...

Э ко н о м к а. Как я ошибалась в тебе, муженек мой...

Д в о й н и к. Ничего, малютка, будь спокойна. Твой муж не последняя спица в коммерческой колеснице...

Появляется миллионер со своей свитой.

18

М и л л и о н е р (*злобно*). Ага... Явились, мистер Браунинг...

С е к р е т а р ь. Миссис Браунинг, уйдите.

Э ко н о м к а отходит в сторону.

М и л л и о н е р. Что? Распух еще больше?

Доктор. Жирок мы ему сбросим, господин барон.

Двойник (*сердито*). Кхм...

Миллионер. А нос?! Так ведь с таким носом на улицу совестно показаться! Взгляните, господа...

Пастор. Трет, наверно, рукой...

Миллионер (*двойнику*). Ты что делаешь со мной?! Зачем ты нос теребишь, кретин? Дьявольское отродье...

Двойник. Кхм... В условии не было, господин барон, оскорблять меня за эту же сумму...

Миллионер. Видали, господа? Он еще недоволен мной. Я нахожусь в смертельной опасности, а он злобно огрызается...

Пастор. Сын мой, а если запудрить нос его?

Секретарь. Или закрасить каким-нибудь составом?

Доктор. Попробуем.

Миллионер. Запудрить нос ему! Закрасить! И начиная с завтрашнего дня вывозить его на прогулку по моему обычному маршруту!

Миллионер и его свита уходят.

19

Двойник (*жене*). Видала? Он будет дома сидеть, а я, давай, подставляй свое брюхо под выстрелы.

Экономка. Живодер...

Двойник. И живодер каких мало! Связал меня кабальным контрактом и теперь делает со мной что хочет! Нет, я не коммунист, Клара, боже сохрани. Мою лояльность всякий знает. Но тут я должен сказать — вот, господа, что такое эксплуатация человека человеком...

Экономка. Тс... Не надо таких слов, Уни...

Двойник. Однако и у нас в коммерческом мире есть название таким поступкам! Любой коммерсант знает *<нрзб>* железный закон — сплутовал — умей сам дать ответ. Иначе ты подлец из подлецов!

Экономка. Так ведь Чарли стреляет в барона потому, что ты не додал ему пять тысяч, а не барон.

Двойник. Да, это верно. Барон тут, пожалуй, ни при чем. Хотя, что значит ни при чем? Он связал меня контрактом, он при всех называет меня дьявольским отродьем...

Экономка. Успокойся... Покажи мне новое письмо Чарли.

Двойник. Там брань такая, что тебе, Клара, как женщине, не следует это читать.

Экономка. А что он пишет? Опять стрелять будет?

Двойник (*засмеявшись*). Пишет... Вторая пуля будет в ногу, а третьей пулей он меня, то есть господина барона, отправит путешеш-

ствовать на небо... Нет, этот Чарли... Откровенно сказать, я восхищаюсь им...

Экономка. Он и в детстве был отчаянный ребенок.

Двойник. Пишет — подбрасывают вверх доллар и он, на расстоянии тридцати шагов, бьет в него без промаха. Ну нет, я не завидую барону!

Экономка. Но ведь теперь придется тебе выезжать...

Двойник. Я не поеду, слягу. И до второй пули, которую барон схлопочет себе, как бог свят, он не сдернет меня с постели!

Появляется секретарша Моника. Рядом с ней жених Мэри — Дуглас Фокс. Увидев их, супруги Браунинг уходят.

20

Секретарша. Нет, это была шутка с моей стороны...

Жених (*играя гетками*). В таком случае, это была прелестная шутка...

Секретарша. Вам было приятно услышать, что вы мне нравитесь?

Жених (*кокетливо*). Очень. Я люблю, когда я нравлюсь.

Секретарша. Ну так знайте — вы мне вовсе не нравитесь.

Жених (*кокетливо грозит пальцем*). Неправда, неправда, я нравлюсь вам, Моника. Я чувствую это... (*Пробует обнять ее.*)

Появляется дочь миллионера Мэри. Она тихо скользит вдоль стены, стараясь быть незамеченной. На ее лице гнев и удивление.

21

Секретарша. Не надо, Дуглас, прошу вас... Я люблю другого...

Жених. Неправда, вы меня любите... (*Обняв, целует ее.*)

Дочь (*бросаясь к скамье*). Негодяй!

Секретарша (*закрыв лицо рукой*). Мэри...

Жених. Но ничего же особенного, Мэри...

Дочь. Уходи... Уходи отсюда... Я... я... (*Рыдает.*)

Секретарша. Боже мой... (*Убегает.*)

22

Жених. Ну вот, сразу слезы... А в браке это будет совсем невыносимо...

Дочь. Вон! Уходи!.. И чтоб больше я тебя не видела...

Жених. Зачем же кричать, вульгарная вы женщина? Я и так уйду...

Дочь. О, негодяй! Значит, правду о нем писали... (*Вслед уходящему.*) Дуглас... Дуглас... Вернись... Куколка моя, вернись... (*Плачет, упав на скамью.*)

Приходит молодежь. Минутой позже подходит журналист Ник Портер.
Его шея замотана бинтом. Лицо у него зеленоватое и походка шаткая.

23

Юноша. Мэри... Что с вами?
Все. Мэри... Успокойтесь... Мэри...
Герцог. Мэри, это к лучшему, уверяю вас...
Журналист (*сиплым голосом*). Господа, позвольте мне пройти...
Минуточку, господа... (*Взяв руку Мэри*). Выслушайте меня, Мэри...
Дочь (*плача*). О, негодяй...
Журналист (*приняв на свой счет*). Однако, чем я заслужил
вашу немилость... (*Отходит в сторону*.)
Юноша. Стоит ли плакать, Мэри? Пойдемте, я вам что-то расскажу...

Появляется миллионер. Он идет торопливо, не скрывая своей радости.
Позади свита.

24

Миллионер. Дочурка моя... Успокойся... Расскажи своему старому папке, что случилось с тобой...
Дочь (*всхлипывая*). Папа... Он... Дуглас... Я прогнала его...
Миллионер. Кошечка моя... Ну и хорошо, если прогнала... Он не стоит тебя... И ты в этом сама убедилась...
Доктор (*подавая лекарство*). Извольте принять успокоительное.
Дочь. Уйдите... Все уйдите! Никого не хочу видеть...
Миллионер. Господа, оставьте меня с моей дочерью.

Все уходят. Остаются — дочь, миллионер и пастор.
Доктор и секретарь отходят в сторону, оставаясь на сцене.

25

Дочь. О, как я несчастна, отец!
Миллионер. Напротив, доченька...
Дочь (*страдая*). Дуглас... Маленький мой... (*С гневом*.) Нет, я ему не прошу теперь...
Миллионер. И не надо прощать. Боже сохрани.
Дочь. Ненавижу его... Завтра же выйду замуж за другого...
Миллионер. А что? Завтра и выходи. Зачем откладывать...
Дочь. Завтра наше обручение... Так вот, в этот день я и обручусь с другим... Выйду за Гарри... Или за герцога... Подумаю...
Миллионер. Подумай и сразу выходи за них.
Дочь. Я выберу себе жениха в день обручения. Можно?

М и л л и о н е р. Отчего нельзя. Можно. Все придут, а ты и выбери себе одного из них. И сразу огласим.

П а с т о р. Невозможно это, сын мой. Нарушение церковных правил.

М и л л и о н е р. А идите вы к черту, святой отец! (*Догери.*) Так, значит, давай завтра за этого, как его...

Д о ч ь. Я подумую... Пойду к себе... Доктор, проводите меня...

Дочь миллионера и доктор уходят.

26

Секретарь. Слова излишни, господин барон...

П а с т о р. Никто не смог совершить этого, сын мой. А вы, как волшебным жезлом, разрушили сей недостойный брак.

М и л л и о н е р. Ну, что, господа?! Видели?.. (*Присаживаясь на скамью.*) Фу, устал даже...

Снова на мгновение показывается над забором голова Ч а р л и.
Все замирают в ужасе.

27

Секретарь. Кто это?!

М и л л и о н е р (*шепотом*). Это он... Он...

П а с т о р. Свят, свят, свят... Господь бог...

М и л л и о н е р (*шепотом*). Полицию сюда...

Секретарь (*шепотом*). Обедать ушли... Встаньте скорей за дерево, господин барон...

М и л л и о н е р (*шепотом*). Где мистер Браунинг? Сюда его... (*Лакею.*) Скорей...

Лакей уходит. Миллионер, секретарь и пастор,
осторожно передвигаясь, встают за дерево.

28

М и л л и о н е р. П-фу-у... П-фу, господа...

Секретарь. Да точно ли это он?

М и л л и о н е р. Он, он... Круглая рожа и бачки на щеках... П-фу-у...

Секретарь. Побегу вызвать охрану... (*Уходит.*)

П а с т о р. А я уж тут с вами останусь... Не высовывайте голову наружу... Берите пример с меня...

Появляется двойник мистер Браунинг. Лакей и доктор сопровождают его. Он идет неохотно и временами упирается, поглядывая на забор. Лакей подталкивает его в спину.

29

Миллионер. А-а, явился... На скамью, на скамью его...
Доктор. Мистер Браунинг, прошу покорно.
Пастор. Сын мой, идите по-хорошему.
Миллионер. Сажайте, сажайте его на скамью...

Двойник усаживается, несколько сопротивляясь.
Прибегает экономка, жена двойника.

30

Экономка. Уни... Что случилось? Почему они тебя сюда?
Двойник (*прягась за корпус жены*). По условию...
Экономка. Да что с тобой? Ерзаешь...
Двойник. Солнце в глаза...
Экономка. На мой зонтик.
Двойник. Зонтик пробивается...
Миллионер (*свите*). Отозвать жену! Пусть один сидит...
Доктор. Миссис Браунинг, пожалуйста сюда.
Экономка. В чем дело, господин барон?
Миллионер. По условию, пункт пятый. Должен заменить меня в случае опасности... (*Двойнику*.) Сидеть! Не сходить со скамьи!
Двойник. Я возражаю, господа! Пункт пятый гласит: «В случае опасности заменить, если на то явится необходимость...». А тут какая необходимость, господа, а?!

Снова над забором показывается голова Чарли. Потом мы видим его руку с пистолетом. Все замирают в ужасе. Падает занавес и в этот момент раздается выстрел. Уже за занавесом мы слышим короткий крик: «А-а». И вслед за этим слышим топот бегущих ног. <нрзб>

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Гостиная в доме миллионера Питера Робинсона. Лакей катит коляску, в которой сидит миллионер. Он во фраке, побрит и напомажен, однако левая нога его в ночной туфле и забинтована. Рука, как и прежде, на перевязи. За коляской шествует свита — пастор, доктор и секретарь.

1

Миллионер. Но это не только торжественный день в жизни моей обожаемой дочери... (*Прикладывает платок к своим глазам*.)

Секретарь. Это и в вашей жизни, господин барон, событие, которое нельзя недооценить.

П а с т о р (*открыв книгу в кожаном переплете*). «И сказал Господь, возвеселясь душой, — пусть это будет праздник одного из малых сих...»

М и л л и о н е р. Да, это и мой праздничный день, ибо в течение многих лет Герберт Фокс являлся для меня олицетворением моих несчастий.

С е к р е т а р ь. В [начале] тридцатых годах он сильно трепал вас, господин барон.

М и л л и о н е р. Дважды я был почти разорен им. И только под сенью монопольных объединений я укрылся от его неистовой злобы.

Д о к т о р. И тогда судьба его была предreshена?

С е к р е т а р ь. Его судьба была предreshена, когда объединение решило устранить его с рынка, как опасного конкурента.

М и л л и о н е р. Но у меня оставались с ним личные счета и поэтому я взял на себя решение этой задачи. И я добился победы, которую, однако, едва не потерял, если б состоялся брак моей дочери с его сыном!

С е к р е т а р ь. Вы не допустили этот брак и...

М и л л и о н е р. И тем самым я нанес моему противнику оглушительный удар. Но и этот удар не завершал еще дело!

П а с т о р (*снова открыв книгу*). «И при корне дерев лежит секира. И всякое древо, не приносящее плодов, срубают и бросают в огонь...»

М и л л и о н е р. Да... Сегодня сожгу остатки его надежд и тем самым вырву его змеиное жало! И это последнее туше сделает брак моей дочери с этим, как его...

П а с т о р. С юношей Гарри...

Д о к т о р. Я же полагаю — с герцогом, господин барон...

М и л л и о н е р. Доктор, пригласите сюда мою дочь. Пусть она сама скажет, на ком она остановила свой выбор.

Уходя, доктор негромко хлопает дверью, и этот стук заставляет
м и л л и о н е р а дернуться в коляске.

2

С е к р е т а р ь. Это дверью стукнули, господин барон.

М и л л и о н е р. А, дверью... А я уж думал — опять... П-фу-у... П-фу-у... Каждый стук меня беспокоит...

П а с т о р. И на меня теперь, сын мой, любой стук действует крайне неблагоприятно...

М и л л и о н е р. П-фу-у, господа... Нет, так далее не может продолжаться политическая жизнь нашей страны...

С е к р е т а р ь. Два эти выстрела, произведенные в вас, весьма показательны, господин барон.

Миллионер. Со всей очевидностью они показывают, что за нашей спиной действуют тайные силы, которые взрывают мирное течение нашей [поистине счастливой] жизни.

Секретарь. Более того, господин барон, силы эти ниспровергают наш государственный строй.

Миллионер. А что, полиция утверждает, что это действие гангстеров?

Секретарь. Да, но это слишком абсурдно, господин барон.

Пастор. Уж кто-кто, а эти потребовали бы с вас деньги...

Миллионер. Именно так, господа... Эти выстрелы, произведенные в меня, наглядно показали всю нелепость сосуществования под одним небом двух политических начал. Эпоха финансовых монополий...

Секретарь. Не сможет господин барон мирно ужиться с коммунистической партией!

Миллионер. Мы приложим старания мирным путем ликвидировать эту партию. А нет, так пусть война разрядит душную атмосферу нашей планеты! Видит бог — мы не являемся поджигателями войны! Мы лишь обороняем себя...

Секретарь. Защищаем свои интересы...

Миллионер. Да, мы защищаем себя от настоящих и будущих покушений. Довольно слов, пора перейти к делу!

Пастор. И тогда снова пойдут сверхприбыли, сын мой, как в ту победоносную войну...

Миллионер. Мы не отказываемся от рекордных прибылей, но не это в данном случае решает дело. Мир изнемог под бременем холодной войны, какую ведут наши противники, используя в своих целях пропаганду и пулю... (*Показывая на свои раны.*) Господь Бог видит результаты...

Секретарь. Время к семи, господин барон...

Миллионер. Да, надо же решить вопрос в отношении дочери... Где же она?.. Стало быть, у нее два кандидата? А журналист, которому я протежирую?

Секретарь. Тот, видимо, отпал. Испытывает такие головокружения, которые не позволяют ему присутствовать в порядочном обществе.

Пастор. Падает с ног, пройдя пять шагов.

Миллионер. Все-таки заходит к дочери?

Секретарь. Заходит ежедневно.

Пастор. Придет с утра пораньше и в столовой полулежит на канале.

Входят дочь Мэри и доктор. Пастор роняет на пол свою толстую книгу. Это производит шум, от которого сам пастор шарахается в сторону, а миллионер, выскочив из коляски, пытается бежать.

3

Секретарь. Это книга упала, господа.

Пастор. Теперь-то я сам вижу, что книга.

Доктор. Ногу не повредили, господин барон?

Миллионер. Нет, ничего... Душа изнемогла...

Дочь. Отец, ты что, звал меня?

Миллионер. Дитя мое, два дела у меня к тебе. Первое — хотелось бы знать, на ком остановился твой выбор?

Дочь. Я еще не решила, отец... Я... Я люблю Дугласа...

Миллионер. Мэри, этот человек оскорбил тебя...

Дочь. Да, я отомщу ему...

Миллионер. И для этого тебе нужно выбрать другого. Остались считанные минуты... Лично я склоняюсь к этому, как его...

Доктор. Герцогу Шарлю Балуа. Отпрыск царской фамилии...

Миллионер. Чего же лучше? Ну? Так? Решила?

Дочь. Мне все равно, отец...

Миллионер. А не хочешь за герцога, тогда давай скорей за...

Секретарь. За Гарри Смита...

Пастор (*открыв книгу*). «Еще говорю вам — торопитесь совершить сие, дабы вороны не склевали посевы ваши...»

Миллионер. Да погодите вы, святой отец. Положите книгу, опять уроните... (*Догери.*) В общем, подумай до прихода гостей и сама реши... А второе дело, Мэри... Ты, конечно, понимаешь, что в таком состоянии я не смогу выйти к твоим гостям...

Секретарь. И политически...

Пастор. И коммерчески...

Секретарь. Вам не следует показываться в таком виде...

Миллионер. Помимо того, имею тайное предчувствие, что именно сегодня судьба готовит мне новый удар.

Дочь. Ах, отец, полиция охраняет все входы...

Секретарь. Никто из посторонних не проникнет к вам, господин барон.

Миллионер. Ну, мало ли... В общем, Мэри, я решил — пусть мистер Браунинг на несколько минут выйдет к твоим гостям вместо меня...

Доктор. И тогда, мисс Мэри, прекратятся [слухи] нежелательные слухи о вторичном покушении на вашего отца.

Миллионер. Кстати, как биржа к вечеру реагирует?

Секретарь. Акции продолжают падать...

Дочь. Наши потери огромны. Надо что-то предпринять, отец.

Миллионер. Вот я и предпринимаю. Даже минутное появление моего двойника в полном его здравии опровергнет слухи. Мы их погасим!

Секретарь. И умерим аппетиты темных дельцов, которые уже греют свои руки на вашей беде, господин барон.

Доктор. Стало быть, в задачу мистера Браунинга входит только лишь встреча гостей? Так ли я понял вас, господин барон?

Миллионер. Да, пусть он только встретит гостей. Ни одной лишней секунды не оставляйте его в обществе.

Доктор. Я тоже не слишком уверен в его такте и в знании светских приличий... А вы как полагаете, мисс Мэри?

Дочь. Мне все равно...

Миллионер. В общем, господа, прошу тщательно следить за ним и чуть что...

Секретарь. Об этом не беспокойтесь, господин барон.

Пастор. Уж тут всецело положитесь на нас.

Миллионер. Однако соблюдайте корректность, поскольку он представляет меня... Благодарю тебя, Мэри, за твое непоколебимое решение. И прости отца — я должен отдохнуть.

Лакей увозит миллионера. Свита сопровождает его. Мэри остается в кресле. Входит экономка миссис Браунинг.

4

Экономка. Мэри... Те сведения, какие мы имеем относительно герцога, не дают ему оснований быть вашим супругом. Его мать была простой судомойкой...

Дочь (*равнодушно*). Ну и что?

Экономка. Есть другие, более достойные люди. Например, Гарри... Ах, Мэри, как он красив! Вот так же божественно был красив его отец Джек Смит, когда я с ним познакомилась...

Дочь. Оставьте меня... Не идите за мной... (*Уходит.*)

Входит двойник. Он одет и причесан, как и миллионер. И только тупое его лицо с красноватым носом делают некоторое различие в сходстве.

5

Двойник. Клара... Ты опять о своем Джеке?

Экономка. Уни, прекрати эту безобразную сцену! Вспышки твоей ревности напрасны. Это прошлое, которое является для меня святыней.

Д в о й н и к. Кларисса!

Э к о н о м к а. Уинстон!

Д в о й н и к. Кончится тем, что я изувечу этого негодяя, о котором вот уже двадцать лет я от тебя ежедневно слышу!

Э к о н о м к а. Успокойся, муженек мой. Лучше скажи — [послал Чарли] ты послал [для] Чарли деньги?

Д в о й н и к. Нет, ведь я только сейчас получил чек от господина барона.

Э к о н о м к а. От господина барона? Чек? Для Чарли?

Д в о й н и к. А что, я буду платить Чарли из своих денег? Сказал барону, что за десять тысяч один человек берется прекратить эти покушения.

Э к о н о м к а. И он дал?

Д в о й н и к. Дал и благодарил за мои заботы... Вот два чека по пять тысяч... Из них один, Кларисса, я хочу подарить тебе на булавки...

Э к о н о м к а. Мерси, мой друг...

Д в о й н и к. А другой чек я на днях отошлю Чарли.

Э к о н о м к а. Надо сегодня послать. Тянуть опасно для тебя.

Д в о й н и к. Хочу рискнуть. Ведь если этот молодец Чарли даже в воздух выстрелит, то...

Э к о н о м к а. Что, что тогда?

Д в о й н и к. Тогда, Кларисса, я на коне.

Э к о н о м к а. Уинстон, я верю в твой коммерческий гений.

Входит дочь Мэри и с ней доктор. Двойник и его жена уходят.

6

Д о к т о р. Мисс Мэри... Только два слова...

Д о ч ь. Не надо, доктор... Оставьте меня...

Д о к т о р. Но я должен остеречь вас от катастрофы... Ведь отец этого юноши Гарри авантюрист, ресторанный мошенник...

Д о ч ь. Ах, оставьте меня, прошу вас... (*Уходит.*)

Снова въезжает коляска с миллионером, позади коляски двойник, пастор и секретарь.

7

М и л л и о н е р. Я не уверен в вас, мистер Браунинг. Лучше я вам наглядно покажу... (*Выходит из коляски.*) Вы встанете, допустим, здесь...

Д о к т о р. Господин барон, рана пустяшная, но все же не следует затруднять вашу ногу.

М и л л и о н е р. Ничего... Мистер Браунинг, посмотрите...

П а с т о р (*открыв книгу*). «Посмотрите на лилии, как они растут...» (*Запнувшись*.) Нет, не то... Извиняюсь...

М и л л и о н е р. Допустим, примите такую позу... Запоминайте...

Д в о й н и к. Вот так?

М и л л и о н е р. Примерно так. Однако не следует каменеть. Уверенность в своей силе — вот что должно быть в облике финансового деятеля.

Д в о й н и к. Не извольте беспокоиться, господин барон. Знаю...

М и л л и о н е р. После приема гостей тотчас удалитесь.

Д в о й н и к. Ах, уйти еще до ужина?

П а с т о р (*открыв книгу*). «Еще сказываю вам: не заботьтесь ни о животе своем — что вам есть, ни о теле своем — во что одеться...»

Д в о й н и к (*пастору*). Уйди ты, окаянный... Господин барон, прямо житья от них нет...

М и л л и о н е р. Кажется сказано вам, святой отец — положите книгу на место, уроните...

П а с т о р (*роняя книгу*). Глубоко извиняюсь...

М и л л и о н е р. А, чтоб вас...

Бьют часы и после этого играет музыка.

С е к р е т а р ь. Семь часов, господин барон. Вам пора удалиться.

М и л л и о н е р. Ухожу... (*Двойнику*.) Подчеркиваю — те люди, которые близко знают меня, не приглашены. Поэтому вам не следует опасаться неловкости в общении... Итак, приступайте к своим обязанностям, господа... Я буду у себя...

Л а к е й увозит м и л л и о н е р а. Д в о й н и к заметно преображается.

Лицо его делается грозным и высокомерным.

8

Д в о й н и к (*свите*). Ну-те, встаньте позади меня, господа. Хочу взглянуть, как у вас получается.

С е к р е т а р ь. О нас не беспокойтесь, мистер Браунинг.

Д в о й н и к. Не «мистер Браунинг», а «господин барон», мистер Кук!

С е к р е т а р ь. Когда будут гости, тогда я...

Д в о й н и к. Не тогда, а сейчас, мистер Кук!

С е к р е т а р ь. Позвольте...

Д в о й н и к. Прошу не возражать!

Д о к т о р. Однако, мистер Браунинг, ваш тон недопустим...

Д в о й н и к. А вам что надо, господин лекарь? Еще с вами у меня будет особый разговор... Грубо оперировали... И шею зря прижгли...

С е к р е т а р ь. Тс... Лакеи смотрят...

Д в о й н и к. Не цыкать на меня! Этого я не выношу...

П а с т о р. Сын мой во Христе...

Д в о й н и к. А вам, святой отец, я давно хотел поставить на вид...
Эти ваши кривые улыбочки, постоянные усмешки против меня...

Д о к т о р. Господа, соблюдайте декорум. Гости идут...

Д в о й н и к. Нашлись тут три прохвоста...

Л а к е й (*распахнув двери*). Их светлость герцогиня Эльза Балуга и герцог Шарль Балуга...

Входит престарелая дама и рядом с ней ее сын, молодой герцог Ш а р л ь.

9

С е к р е т а р ь (*двойнику*). Пойдите навстречу...

Д о к т о р (*тихо*). Да не забудьте поцеловать руку...

Д в о й н и к (*тихо*). Сам знаю. Отвяжитесь. Нашлись учителя...
(*Величественно подходит к герцогине.*) Я счастлив приветствовать вас у себя, герцогиня. И вас тоже, герцог... (*Торжественно целует руку герцогине и победоносно смотрит на свиту, — дескать, справился с задачей.*)

Г е р ц о г и н я. Барон, я рада нашему знакомству. Но еще более рада, что слухи о вашем ранении <нрзб> ложны. Я вижу вас в добром здравии...

Д в о й н и к. Люди рады посудачить и потрепаться в то время, как нет причин для этого, герцогиня. Вот, могу показать руку. Никаких ранений. Все врут...

Д о к т о р. Господа, проследуем в те комнаты...

Г е р ц о г. А где же Мэри?

Д в о й н и к. А черт ее знает. Должно быть, пошла переодеться...
А, нет, вот она...

Входит дочь миллионера Мэри.

10

Г е р ц о г. Мама, вот Мэри...

Д в о й н и к. Позвольте, герцогиня, познакомить вас с моей обожаемой дочерью... (*Вынув платок, прикладывает его к своим глазам.*)

Д о ч ь. Я рада, герцогиня, что вы не отказались прийти.

Г е р ц о г и н я. Дитя мое, я счастлива вас видеть...

Д о ч ь. Прошу вас, господа, сюда...

Герцог, герцогиня и Мэри уходят.

Л а к е й (*объявляет*). Генерал-полковник Джемс Говард Френч с супругой и дочерью...

Входит высокого роста г е н е р а л с маленькой супругой и высокой дочкой.

11

Двойник (*секретарю тихо*). Думал — ошибусь? Не в таких домах бывал, будучи маклером в городе Александрии...

Секретарь. Тише, господин барон.

Двойник. Ага, небось, иначе заговорил... Я вас всех тут подтяну...

Доктор. Господа... Приличие...

Двойник (*доктору*). Пошел ты к черту...

Пастор. Сын мой...

Двойник. А ты вообще закройся... Уволю к черту всех троих... (*Подходит к генералу.*) Генерал, я счастлив приветствовать вас... Пардон, сначала с дамами... (*Целует руку генеральше, потом дочери и потом, с тем же изящным наклоном головы, машинально прикладываетесь к руке генерала.*) Пардон... (*Оторопело смотрит на свиту.*)

Генерал. Однако вы шутник, барон.

Двойник. Пошутил... Верней, механически приложился...

Доктор. Господин генерал, сударыня, мадмуазель... Прошу вас проследовать сюда...

Генеральская семья уходит.

12

Двойник (*свите*). Ну, ошибся, господа...

Секретарь. Черт знает что такое...

Доктор. Ах, как неловко получилось...

Пастор (*двойнику*). Вы бы глядели, куда губы свои совать!

Двойник. Ну, ошибся, господа. И ведь никогда до сих пор не случилось, а тут вдруг...

Лакей (*объявляет*). Господин Ник Портер. Журналист...

Входит наш знакомый журналист. Неуверенно шагая, он подходит к дивану и тотчас садится, закрыв глаза. Цвет лица у молодого человека неестественный.

13

Пастор. Вон как его...

Секретарь. Надо скорей убрать его отсюда.

Двойник. Да, здесь я ему не разрешу лечь... Потрите ему уши, господа. Сразу встанет.

Доктор. Господа, соблюдайте приличие... (*Подходит к журналисту и сглатывает пульс.*)

Лакей несет на подносе мороженое. Двойник делает движение к подносу, чтобы взять на ходу блюдечко, но лакей стремительно

уходит. Вслед за этим лакеем появляется второй лакей с напитками. Двойник снова делает безуспешное движение к подносу. Пастору же удается взять стакан. Лакей уходит.

Двойник. Вот черти... Обносят меня...
Пастор (*выпив стакан*). Апельсиновый сок...

Двойник. Сунулись тут... Мне помешали...

Появляется третий лакей с букетиками цветов на подносе. Не разобравшись, что несут, мистер Браунинг успевает на этот раз схватить на ходу два букетика. Неприятно поражен этим.

Пастор (*смеясь*). Цветы взяли... Или проявляете любовь к природе?

Двойник. Заметьте, святой отец, я вас не трогаю...

Секретарь. Господа, перейдемте в малую гостиную...

Двойник. Гостей приличней здесь встречать!

Доктор. Мистер Браунинг, от имени господина барона мы просим вас покинуть зал...

Секретарь. Ваши функции закончены, мистер Браунинг.

Двойник. То есть как?

Пастор. А вот так. Давайте отсюда, сын мой...

Двойник. Барон мне лично сказал — встречать гостей...

Доктор. Вы извините нас, но вы компрометируете господина барона.

Секретарь. Прошу уйти...

Двойник. И не подумаю уйти. Я буду жаловаться...

Пастор (*подойдя к двойнику*). А ну-ка, взяли...

Доктор. Тихо, господа. Гости идут. Соблюдайте приличие... (*Входит группа гостей.*) Господа, господин барон просил вас проследовать в те комнаты...

Гости в сопровождении доктора уходят.

14

Секретарь. Мистер Браунинг, в последний раз просим.

Пастор. Иначе, сын мой... (*Взяв под руку двойника.*) А ну-ка, мистер Кук, берите...

Двойник. Господа, минуточку... Господа, я рассержусь...

Пастор. Идите по-хорошему, сын мой...

Двойник (*пастору*). Ах, так... Руку ломать... (*Вырвавшись.*) Я тебе, святое отродье...

Поспешно входит доктор.

15

Доктор. Приличие, господа...

Пастор. Так ведь дерется...

Секретарь. Доктор, не пускайте его туда. Уйдет...

Доктор. Мистер Браунинг...

Двойник. Да отвяжитесь вы от меня! (*Уходит.*)

Секретарь. Уйдет в столовую, а уж оттуда неловко взять.

Пастор. Возьмем...

Доктор. Скорей... И ради бога, никаких эксцессов...

Пастор и секретарь поспешно уходят. Появляется новая группа гостей. Доктор, поклонившись, ведет пришедших через гостиную. Все уходят. Вбегает двойник и за ним следом пастор. Музыка играет «Сказки Венского леса».

16

Двойник. Пусти, черт... Пусти, говорят тебе...

Пастор. Э, нет, сын мой, не пушу...

Двойник. Ах, так, кривая душа... (*Оба, обхватив друг друга, падают на диван.*)

Входят доктор и секретарь.

17

Доктор. Нет, это ни на что не похоже!

Пастор. Мистер Кук... Помогите...

Секретарь (*двойнику*). А ну, пустите его... Встаньте...

Пастор (*встав с дивана*). Вот шут его дери, рукав порвал... Ну как я теперь буду...

Секретарь. Немного. И по шву, святой отец...

Доктор. Декорум, декорум, господа. Гости идут...

Входит новая группа гостей. Взлохмаченный двойник, смешавшись с гостями, уходит из гостиной. Вслед за ним уходят секретарь и доктор. Шествие замыкает пастор, поправляющий на ходу свой растерзанный туалет. В гостиную входят герцог Шарль и юноша Гарри Смит.

18

Герцог. Да, вы правы — шансы у нас почти равные.

Юноша. Почти! Совершенно равные, герцог. Сейчас она добра ко мне, через час милостива к вам. Мы явно мешаем друг другу!

Герцог. Да, да, я устал от этой игры...

Юноша. Двести лет назад мы дрались бы с вами на дуэли...

Герцог. И честное слово, я не без удовольствия пронзил бы вас моей шпагой!

Юноша. Но век романтический прошел. И сейчас, как говорит мой отец, — надо деньги делать... У меня к вам такое предложение — один из нас должен уйти в сторону, чтоб не мешать другому.

Герцог. Ну что ж, уходите...

Юноша. Нет, мы будем тянуть жребий.

Герцог. Вы, надеюсь, шутите?

Юноша. Нет, я говорю совершенно серьезно... *(Взяв свой платок.)* Кто вытащит без узелка — уходит в сторону. С узелком — женится на Мэри и уплывает ушедшему, ну, скажем, десять процентов с общей суммы приданого...

Герцог. Вы циничны...

Юноша. Не более циничен, чем того требует жизнь... Ну? Согласны?

Герцог. Извольте, я согласен.

Юноша. Условие, конечно, джентльменское, на честное слово... Ну, тяните... Ага, у вас с узелком... Поздравляю, герцог... Идемте же... Я теперь вам буду помогать... *(Оба уходят.)*

Входят дочь Мэри и секретарша Моника.

19

Секретарша. В общем, Дуглас ни в чем не виноват. Это я... Это я, Мэри, нарочно все это устроила...

Дочь. Для чего?

Секретарша. Чтоб вы увидели это. Чтоб его подвести.

Дочь. Вам понадобилось это для... О, я понимаю теперь!.. Это отец! Это он устроил! Он сделал так, чтоб я не вышла замуж за Дугласа...

Секретарша. Я очень перед вами виновата, Мэри...

Дочь. Я не сержусь на вас. Спасибо, что сказали... Бедный, маленький Дуглас! Если б вы знали, Моника, какой он безвольный, беспомощный. Любой человек может его обидеть... Где он? Я найду его. Он — мой жених. Я люблю его... *(Стремительно идет к выходу и в дверях сталкивается с герцогом Шарлем.)*

20

Герцог. Мэри, а я вас ищу... Вашу милую ручку...

Дочь. Ах, идите вы к черту! Надоели мне... *(Убегает.)*

Герцог. Однако... *(Увидев секретаршу.)* Моника... Вы здесь? И видели эту сцену? Вы теперь вдвойне презираете меня, не так ли?

Секретарша. Теперь я больше никого не презираю, Шарль. Среди шакалов и я, кажется, стала тигрицей... И относительно богатой тигрицей — у меня пятьдесят тысяч...

Герцог. Да?.. Это, правда, не много, но...

Секретарша. Не берите меня под руку. Это не мои деньги. Я их верну по принадлежности... [(Оба уходят.)] Впрочем, подумаю... (Уходят.)

Входит двойник с бокалом вина в руках. Рядом семенит журналист Портер.

21

Журналист. Зачем же вы сюда, господин барон? Ведь в столовой удобней беседовать.

Двойник. В столовой, конечно, удобней. Но ведь там мне житья нет от этих мерзавцев. Особенно от этой духовной особы... Ты заметил, как он под столом ногой меня тыркал?

Журналист (оторопело). Как вы сказали, господин барон?

Двойник. Ногой, говорю, пребольно пихал меня. Под столом.

Журналист (проведя рукой по своим глазам). Я, видимо, еще нездоров, господин барон. С <нрзб> трудом уясняю себе ваши слова... Кто мог пихать вас ногой? Кто осмелится запретить вам быть в столовой?

Двойник. Да эти три мерзавца. Доктор еще ничего. А эти два, как с цепи сорвались. Хватают за руки и...

Журналист (снова проведя рукой по глазам). Вы знаете, господин барон, в связи с моей болезнью, я стал немного бояться за свой рассудок. Память потерял и как-то не так воспринимаю теперь окружающее...

Двойник. Ты поглядывай на дверь. А то они опять выскочат и прилипнут...

Журналист. Врач, который лечит меня, сказал, что здоровье мое улучшается. И я сам чувствовал себя лучше. Но вот к вечеру опять некоторое затемнение психики...

Двойник. Ну вот, видишь... Опять идут... Уйдем, уйдем отсюда... Давай скорей... Фу ты, ей-богу, путаешься под ногами... (Оба уходят.)

Входят пастор и секретарь.

22

Пастор. Нажрется вина и тогда еще будет хуже.

Секретарь. Надо будет заманить его в кабинет и там закрыть.

П а с т о р (*засмеявшись*). Верно... Заманим его туда... Свяжем... И за-
кроем кабинет... Сейчас я попробую...

Поспешно входит доктор.

23

Д о к т о р. Господа, случилась большая неприятность. Мэри поеха-
ла к Дугласу Фоксу.

С е к р е т а р ь. Точно ли это?

Д о к т о р. Совершенно точно. И я боюсь, что она привезет его
сюда.

П а с т о р. Если поехала за ним, так, ясно, привезет.

С е к р е т а р ь. Надо сказать господину барону.

Д о к т о р. Он только что заснул. Боюсь его тревожить. Может
быть, все обойдется... Пойду, впрочем, посмотрю, как барон... (*Трое ухо-
дят.*)

Снова появляются д в о й н и к и ж у р н а л и с т. Оба останавливаются
на пороге.

24

Д в о й н и к (*журналисту*). Да ты гляди лучше... Ушли?

Ж у р н а л и с т. Ушли, ушли...

Д в о й н и к. Давай забьемся в тот уголок и там побеседуем... Да ты
что глаза-то закрываешь? Ослаб?.. Давай принеси бутылку вина
сюда...

Ж у р н а л и с т (*лакею*). Эй, человек... Принеси бутылочку вина...

Д в о й н и к. Так ты говоришь, что против меня у тебя имеются до-
кументы?

Ж у р н а л и с т. И даже целых два, господин барон.

Д в о й н и к. То, что было со мной двадцать лет назад, это меня ма-
ло интересует. Ты давай последний документ, который компрометиру-
ет меня.

Ж у р н а л и с т. И так компрометирует, господин барон, что уже не
поднимется, если это опубликовать.

Д в о й н и к. Вот и принеси мне этот документ. Сейчас-то можешь
принести?

Ж у р н а л и с т. Могу. Только, господин барон, надо прежде усло-
виться в цене. Болезнь помешала мне обручиться с вашей дочерью.
И теперь хотелось бы компенсировать себя...

Д в о й н и к. Не обижу. Привези документ. И я тебе что-нибудь за-
плачу... Давай поезжай сейчас. Не терпится взглянуть... Выпей для бод-
рости и с Богом...

Выпив вина, журналист уходит. Входит дочь миллионера Мэри под руку со своим женихом Дугласом Фоксом. Гостиная наполняется любопытными гостями.

25

Д о ч ь (*жениху*). Но ты рад, Дуглас? Скажи...

Ж е н и х. Я немного растерян, Мэри, неожиданностью...

Д о ч ь. Это не ответ. Ты прямо скажи — согласен на мне жениться?

Ж е н и х. Видишь ли, Мэри... Я должен подумать...

Д о ч ь. Но ведь надо наконец решить. (*Увидев двойника.*) Пусть благословит нас отец и тогда, я надеюсь, кончатся твои капризы... (*Двойнику.*) Отец, благословите наш брак... (*Тихо.*) Папа разрешил...

Ж е н и х. Ах, Мэри, ну как же так?

Входит свита миллионера — доктор, пастор и секретарь. Вслед за ними появляется жена двойника — экономка миссис Браунинг.

26

Д в о й н и к. Кхм... Как вы... как ты сказала... дочь моя?

Д о ч ь. Отец, вы дали согласие на наш брак... Благословите нас...

Ж е н и х. Ах, Мэри...

Д в о й н и к. Уж и не знаю... Клара...

Э к о н о м к а (*тихо*). Надо благословить, если есть согласие...

Д в о й н и к. Дети мои... Ничего не имею против... И будьте счастливы...

С е к р е т а р ь (*доктору*). Скорей сообщить барону...

П а с т о р. Бегу...

Д о к т о р. Я сам скажу... (*Трое уходят.*)

Гости перешептываются. Тихо открывается дверь и в гостиную входит племянник двойника Чарли. Он в костюме полицейского. Увидев двойника, он направляется к нему, делая рукой успокоительные жесты.

27

Д в о й н и к. Чарли?! Ты?

Э к о н о м к а (*визгливо*). А-а-а!

Ч а р л и. Без криков, тетушка...

Д в о й н и к. Вот хорошо, что ты зашел, Чарли. Как раз я приготовил для тебя деньги... (*Роется в кармане.*) [Сейчас... (*В комнату входит полицейский офицер.*)]

Ч а р л и. Это правильно, что ты решил добровольно отдать. Я сам хотел мирным путем уладить наш конфликт... (*Тихо.*) Что? Зажили мои царапины?

Д в о й н и к. Сейчас чек найду...

Входит полицейский о ф и ц е р.

О ф и ц е р. В чем дело, господа? Кто кричал так?

Д в о й н и к. Не беспокойтесь, господин офицер... Он по делу ко мне зашел... (*Офицер уходит, закрыв дверь.*) Вот чек на пять тысяч, Чарли. И мы в расчете с тобой...

Гости с недоумением следят за этой сценой, перешептываются.

Ч а р л и. А проценты, дядюшка? Сам считай — минимум пять процентов годовых. Что составит за десять лет...

Д в о й н и к. Ну уж это свинство, Чарли... Клара... Хорошо, я отдам тебе, Чарли, но сейчас у меня нет...

Ч а р л и (*бросаясь*). Ах, так, проклятая твоя душа! Опять увертки...

Э ко н о м к а. [Чарли] Уни, сюда!

Ч а р л и. Сейчас я тебя, проклятый...

Э ко н о м к а (*еще более визгливо*). А-а-а...

Д о ч ь (*женуху*). Дуглас, не смотри на эту сцену...

О ф и ц е р (*вбегая*). В чем дело, господа?

Д в о й н и к. Возьмите его, господин офицер... Хватает за горло...

О ф и ц е р (*схватив Чарли за руку*). А ты откуда взялся? Ты кто такой?

Ч а р л и (*вырвавшись, снова бросается на двойника*). Ну, проклятый!

Э ко н о м к а (*визжит*). А-а...

О ф и ц е р (*вбежавшим двум полицейским*). Держите его... Ты что?

Ч а р л и. Ну, дядюшка... Жалею, что я тебе голову не пробил... (*Сделав новую попытку броситься.*) Вот я тебя, сатана...

Э ко н о м к а (*мужу*). Уни... Уходи, уходи от греха...

Д в о й н и к. Да, надо уйти, [а то] он совсем ошалел... (*Двойник и его жена уходят.*)

Вслед за ними уходят многие из гостей. Комната пустеет. Полицейские, обыскав Ч а р л и, выгаскивают из его карманов два пистолета. В гостиную входит м и л л и о н е р. Он во фраке, но в ночных туфлях. Вслед за м и л л и о н е р о м показывается его свита.

28

М и л л и о н е р (*бормочет*). Смел... своей грязной лапой... благословить мою дочь... Где он...

Ч а р л и (*приняв миллионера за своего дядюшку*). А, сатана!

М и л л и о н е р (*пронзительно*). А-а-а...

Ч а р л и (*схватив миллионера*). Нет, не уйдешь от расплаты...

П а с т о р. Свят, свят, свят...
В с е. Держите его... Держите... Не выпускайте...
О ф и ц е р (*полицейским*). Крепче держите...
М и л л и о н е р. П-фу-у... П-фу-у, господа...
П а с т о р. И сильно ударил?
Д о к т о р. Ничего, ничего... Успокойтесь, господин барон...
М и л л и о н е р. П-фу-у... Это он... Тот самый... Который меня...
О ф и ц е р (*полицейским*). Наручники наденьте... Ведите...
Ч а р л и. Ну, дядюшка, жалею, что я не рассчитался с тобой...
М и л л и о н е р (*секретарю*). Пойдите, выясните, что за лич-
ность...

Полицейские уводят Чарли. За ними уходит секретарь. Мил-
лионер, грузно опустившись на диван, тяжело дышит. Доктор
и пастор ухаживают за ним. В комнате остается дочь, жених
и несколько человек гостей.

29

М и л л и о н е р. Где дочь моя?.. Я прокляну ее за этот брак!..
Ж е н и х. Видишь, Мэри... Я говорил тебе...
Д о ч ь. Нет, прежде я прокляну тебя, отец. И ты знаешь за что!
М и л л и о н е р. Мэри... Не советую ссориться со мной...
Д о ч ь (*гостям*). Господа, мне надоел этот шум... Кто с нами в рес-
торан?
Г о с т и. Верно, поехали в ресторан... Едем в кабачок «Здесь нам бу-
дет весело»...

Дочь, жених и гости уходят. Возвращается секретарь
мистер Кук.

30

М и л л и о н е р. П-фу-у, господа... (*Секретарю*). Кто он? Выяснили?
С е к р е т а р ь. Оказалось — родной племянник мистера Браунин-
га...
М и л л и о н е р. Ах, вот как? Значит, дело не во мне, а в этом про-
клятом моем двойнике, который...
С е к р е т а р ь. Именно так, господин барон. Племянник мстил дя-
дюшке.
Д о к т о р. Конфузно получилось, господин барон...
М и л л и о н е р. Почему конфузно? Напротив.
Д о к т о р. Так ведь в печати ваше интервью появилось. И ваши
угрозы в адрес коммунистов по поводу ранения.
С е к р е т а р ь. Это дело не портит.

Миллионер. С повестки дня мы не снимаем вопроса о Крестовом походе против коммунизма. И два эти выстрела, произведенные в меня, помогут нам объявить их партию вне закона...

Пастор. Не зря, сын мой, приняли вы сей мученический венец...

Миллионер. Всегда стремился, святой отец, пострадать ради великой цели. Однако после об этом, господа... Где моя дочь?

Доктор. Она с гостями поехала в кабачок...

Пастор. Носящий название — «Здесь вам будет весело».

Миллионер. Что? В этот вертеп? Машину мне... Поеду за ней... Заставлю отказаться... Скручу! Пойду на скандал!

Доктор. При вашем ранении, господин барон...

Миллионер. Тотчас машину! И переодеться... (*Уходит со свитой.*)

В дверях появляются супруги Браунинг.

31

Экономка. Не бойся, Уинстон. Все ушли.

Двойник. И барон?

Экономка. И барон ушел... Сядь, успокойся...

Двойник (*стонет*). О-ой...

Экономка. Чарли помял тебя? Больно?

Двойник. Нет, я не поэтому... Денег жалко. Мне бы, Клара, сказать полицейскому — отберите мой чек у него. А я промолчал, забыл... Пять тысяч все-таки... О-й...

Экономка. Они потом отдадут тебе.

Двойник. Нет уж, вряд ли. Прикарманят чек. О-ой... А впрочем, Клара, я на другом теперь отыграюсь. Получу деньги за расторжение брака Мэри и Дугласа...

Экономка. Наоборот, они женятся. И ты сам благословил их, дурак!

Двойник. Ну, это деталь. Мне важно получить деньги. И я их получу... Ведь план-то у меня был какой? Беру бриллиантовое ожерелье Мэри и кладу его в карман жениху. Возникнет шум и выяснится, что жених взял себе эту ценную вещь, чтоб помочь своему отцу...

Экономка. Разве это ожерелье ты положил в его карман?

Двойник. Ну что ты? Зачем же я стану такие ценные вещи класть в чужой карман? Ожерелье осталось у меня. Вот оно...

Экономка. Мэри спохватится и тогда...

Двойник. Она уже спохватилась. Сказала — это я, наверно, обронила его, когда в казино ездила... А это, Клара, минимум тридцать тысяч...

Экономка. Муженек мой...

Двойник. Но это, Кларисса, все пустяки в сравнении с предстоящим! Один документ, который я получу сегодня от журналиста, позволит мне прижать барона так, что из него фонтаном брызнут деньги.

Экономка. Какой документ, Уни?

Двойник. Одна его мошенническая проделка с подходящим налогом. За этот документ я возьму с него минимум двести тысяч... О-ой...

Экономка. Болит что-нибудь?

Двойник. Нет, это я опять вспомнил о чеке в пять тысяч. И тогда, конечно, опять сердце болит...

Экономка (*целуя мужа*). Муженек мой...

Двойник. О-ой...

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Помещение [портового] кабачка «Здесь вам будет весело». На переднем плане, справа, столик, за которым сидят два посетителя — Молодой и Старый. Они закусывают, пьют. Негритянский джаз потрясает своды кабачка. Многие из посетителей в такт музыке притоптывают ногами. По окончании музыки и пения наступает относительная тишина.

1

Старый посетитель. И что же — вы были ранены в эту войну? Или убиты?

Молодой посетитель (*усмехнувшись*). Был убит, к вашему сведению.

Старый посетитель. Были убиты?.. А зачем же вы *<нрзб>* изволили вернуться в этот презренный мир?

Молодой (*снова усмехаясь*). Да вот хотел побеседовать с вами...

Старый. Я еще недостаточно пьян, чтоб говорить о судьбах человечества... (*Налив себе вина.*) Ваше здоровье, сэр...

Снова гремит джаз, заглушая все голоса. Посетители начинают плясать румбу. Кругом хохот, визг, крики. Собеседники, сидящие за передним столиком, с улыбкой взирают на эту картину кабацкого веселья. По окончании танца наступает относительная тишина.

2

Старый. Все-таки весело у нас, да?

Молодой. Как у ведьмы на Лысой горе...

Старый. Руки чешутся... Посечь бы сейчас из пулемета всю эту человеческую мразь...

Молодой. Вы что, фашист?

Старый. Я вне политики, сударь. Однако презрение к людям скопилось в моем сердце в той степени, какая душит меня по временам...

Молодой. За что ж такая немилость к человечеству?

Старый. Кругом мошенники, воры, бандиты...

Молодой. Сюда не заходят люди, живущие в стороне от наживы. Люди труда, науки...

Старый. Они не играют роли в карнавале нашей жизни!

Молодой. Быть может, не играют должной роли сейчас, но они будут играть эту роль в дальнейшем. И даже в том соотношении, в каком находится здоровое тело и болячка на этом теле.

Старый. Вы коммунист?

Молодой. Я не состою в партии, сэр, но я разделяю доктрины коммунистов. Денежная культура создает мошенников.

Старый. Башмак стопнется по ноге при всех социальных условиях, сэр. Человек и в раю станет искать наживу...

Молодой. При условии — если и в раю имеются финансовые монополии.

Входит пожилой человек, весьма потрепанный житейскими бурями.

Он красив, но пошловат на вид. Идет с палочкой, слегка волоча ногу.

3

Старый. Вот вам венец создания природы. Знаменитый красавчик Джек Смит, ограбивший в свое время одного миллионера... (*Кричит.*) Ало! Джек... Красавчик...

Молодой. На что он вам?

Старый. Люблю поболтать с дураками. Их слова — это музыка, исходящая из недр земли...

Красавчик (*подойдя к столику*). Привет... Присяду на минутку... Тороплюсь...

Старый. Торопишься еще ограбить кого-нибудь?

Красавчик. Ай, ну тебя... Сколько раз я тебе говорил — я не вор и не мошенник. А если однажды случилось это в моей молодости, то...

Старый. А может, врешь? Во сне все приснилось?

Красавчик (*перекрестясь*). Клянусь, как перед Богом... Вот в этом помещении одного ограбил, а другого чуть не убил — размозжил ему голову пепельницей...

Старый (*усмехаясь*). Тому, который не отдал твою долю?

Красавчик. Он целиком взял себе, что было в бумажнике — 700 долларов... А сейчас он знаешь кто? Миллионер... Клянусь, не вру...

Старый. А что ж ты его не шантажируешь?

Красавчик. Писал ему много раз. Ни звука в ответ. И только однажды прислал он мне пятьсот долларов... Погоди... Сынок мой пришел...

В зал входит группа людей — это гости дочери миллионера. Впереди Мэри под руку со своим женихом Дугласом. Среди гостей — юноша Гарри и герцог Шарль.

4

Старый (*Молодому*). Чистая публика пришла. Жалкая пародия на людей...

Жених. Ах, Мэри, ну как же так все это...

Дочь. Теперь уж поздно размышлять. Надо было раньше думать... (*Спутникам*.) Господа, зайдем вот тот столик...

Гости рассаживаются.

Красавчик (*подойдя к сыну*). Гарри... Что, покутить пришел?

Юноша (*хмурясь*). Опять ты здесь, отец...

Красавчик. Нет ли у тебя пяти долларов? Отстану...

Юноша. Вот три доллара... И не вздумай к нашему столику подходить.

Красавчик. Мерси, сынок... Пойду в ту комнату... (*Уходит*.)

5

Старый (*выпив вина*). Да, сэр... Душа человека обанкротилась...

Молодой. Обанкротилась не душа человека, обанкротилась денежная культура, уродливые формы которой вы созерцаете.

[Старый. Не все ли равно мне, откуда течет мутный поток...

Молодой. Надо знать, откуда течет он. Он течет из недр финансовых монополий, идеал которых — нажива прежде всего.]

Старый. Допустим, вы правы. Ну и что тогда? (*Встав из-за столика*.) Обдумайте свой ответ, я сейчас вернусь... (*Уходит*.)

Молодой (*вслед*). Я не затрудняюсь и сейчас вам ответить.

Входит немолодой джентльмен — Герберт Фокс.
Отыскав глазами сына, он подходит к переднему столику.

6

Джентльмен. Разрешите сесть за ваш столик. Все занято...

Молодой. Извольте, сэр.

Джентльмен (*подошедшему лакею*). Будьте добры, пригласите сюда вот того молодого человека. Скажите ему — просит его отец...

Жених (*подойдя к отцу*). Папа, ты что? Зачем ты здесь?

Джентльмен. Мне сказали — ты женишься, тебя благословил этот старый волк. Так ли это?

Жених. Это все Мэри устроила...

Джентльмен. А ты договорился с ним? Поставил свои условия?

Жених. Нет, но...

Джентльмен. Так ведь этот прохвост не даст тебе ничего!

Жених. У Мэри свой капитал...

Джентльмен. Ты наверно знаешь?.. Тогда спроси ее, сколько она переведет на твоё имя...

Жених. Уж не знаю, папа, как ее об этом спросить...

Джентльмен. А вот так прямолинейно и спроси... Спроси, спроси... Это очень важно знать... Я подожду тебя здесь... (*Сын уходит к своему столику.*)

Возвращается старый посетитель, садится за свой столик.

Джентльмен, вежливо привстав, кланяется и снова садится, нервно барабанит пальцами по столику.

7

Старый (*Молодому*). Итак, допустим, вы правы. Что тогда?

Молодой. Тогда надо бороться с той чудовищной системой, которая порождает нравственных уродов...

Джентльмен. Я не слушаю, не слушаю, господи. Нервничаю по своим личным мотивам... Продолжайте беседу, как будто меня нет...

Старый (*задумчиво*). Бороться с этой системой...

К столику подходит красавчик Джек Смит. Однако, увидев за столом нового посетителя, он тотчас хочет уйти. Старый посетитель удерживает его за руку.

8

Старый. Куда ты? Стой...

Красавчик. Пусти... (*Что-то шепчет на ухо Старому.*)

Старый (*засмеявшись*). Нет, верно? Не врешь?

Красавчик. Да пусти ты, черт... Пусти...

Старый (*удерживая Красавчика*). Э, нет, погоди, проверю... (*Смеясь, джентльмену.*) Сэр, скажите, вы были однажды ограблены?

Красавчик (*вырываясь*). Пусти...

Джентльмен. Ограблен? Был, и не один раз...

Красавчик (*Старому*). Чарльз, прошу тебя...

Старый. Нет, речь идет об этом ресторане. Здесь!

Красавчик. Чарльз... Дьявол...

Д ж е н т л ь м е н. Ах, здесь? Да, да, вспоминаю. Лет двадцать назад здесь украли у меня бумажник. Но там немного было...

С т а р ы й. Семьсот долларов, да? (*Захочетав.*) Это он украл!

К р а с а в ч и к. Клянусь Богом! Это не я украл. Вернее...

С т а р ы й (*смеясь*). Вернее, ему ничего не досталось.

Д ж е н т л ь м е н (*улыбаясь*). Ах, вот как? Вы?.. Да, господа, как быстро протекло время... Был тогда молод, надежды сияли... (*Красавицу, с тихой улыбкой.*) Так, значит, это вы тогда... мой бумажник?

К р а с а в ч и к. Сэр, я клянусь вам! Ни одного доллара я тогда не взял себе. Вернее, все ваши деньги украл тогда этот, как его...

Входит миллионер Питер Робинзон. С ним его секретарь. Оба глазами разыскивают Мэри, остановившись на пороге. Наконец, секретарь показывает барону, где сидит его дочь. Опираясь на палку, миллионер медленно идет через зал. Секретарь уходит.

9

К р а с а в ч и к (*показав рукой на вошедшего в ресторан миллионера*). Это он!.. Он украл ваши деньги тогда. Клянусь вам...

Д ж е н т л ь м е н. Вы с ума сошли! Это Питер Робинзон, миллионер... Это он, господа, разорил меня, уничтожил мою фирму. А вы говорите о каких-то мелочах, о семистах долларах...

К р а с а в ч и к. Клянусь вам, это он. Я же знаю его...

М о л о д о й (*джентльмену*). Похоже на истину, сэр. Тогда он ограбил вас, сейчас — разорил. Если так можно сказать — это в одном музыкальном ключе.

К р а с а в ч и к. Чарльз, умоляю, пусти меня. Я не хочу с ним встретиться. Позволь уйти...

Д ж е н т л ь м е н. Но неужели, господа, это так?

С т а р ы й (*джентльмену*). Быть может, сэр, вы хотите с ним расчитаться? Позвать его сюда?

Д ж е н т л ь м е н. Бога ради, не надо! Что вы! Это рассердит его. Я же хочу договориться с ним, уладить все... Боже, какое счастье, что это он ограбил меня тогда...

М о л о д о й. Вы усматриваете в этом счастье?

Д ж е н т л ь м е н. А что вы думаете? Это психологически сыграет роль в мою пользу. Я лишь слегка намекну ему и все дожму в свою пользу... Однако зачем он позвал свою дочь? Не сорвался бы этот брак с моим сыном... Пойду послушаю, о чем они... (*Уходит.*)

К р а с а в ч и к, освободив свою руку из рук Ч а р л ь з а, уходит.
Д о ч ь миллионера подходит к отцу.

10

Д о ч ь (сурово). Что тебе, отец?

М и л л и о н е р. Мэри...

Д о ч ь. Не мямли! Говори сразу, что тебе надо?

М и л л и о н е р. Пройдем сюда, поговорим. Здесь слишком много любопытных глаз... (Оба уходят за сцену.)

11

С т а р ы й (Молодому). Итак, сэр, вы сказали — денежная культура порождает нравственных уродов?

М о л о д о й. И к этому я добавил — надо бороться с этой культурой.

С т а р ы й. Иными словами — надо уничтожить социальный строй, созданный капитализмом?

М о л о д о й. Да, уничтожить строй, который создан монополиями на последнем этапе капитализма! [Люди терпят бедствия от этой чудовишной системы. И на примере этих уродов вы сами это видите.]

С т а р ы й. Человеческая жизнь, сэр, краткая, как один миг. Зачем я стану тревожить себя переменами, если впереди предрешен мой конец?

О ф и ц и а н т, подавая блюдо, неосторожным движением обливает соусом говорящего.

О ф и ц и а н т. Простите, сэр...

С т а р ы й. Идиот... Болван... Облил соусом...

О ф и ц и а н т. Разрешите салфеточкой...

С т а р ы й (возьась со своим костюмом). Да, так вот я и говорю — зачем я буду бороться, если впереди смерть... Фу, черт, протекло... Придется ехать домой, переодеться...

М о л о д о й (засмеявшись). Зачем вам переодеваться, если впереди ожидает смерть?

С т а р ы й (подложив салфетку под пиджак). Но не могу же я тут сидеть с компрессом...

На авансцену выходят м и л л и о н е р и его д о ч ь. Оба взволнованы разговором.

12

Д о ч ь. Тебе ясно сказано — я буду его женой!

М и л л и о н е р. Мэри... Откажись...

Д о ч ь. Уходи, отец... Впрочем, я тебе еще не все сказала... Я [полностью беру свой капитал,] буду вести дело самостоятельно.

М и л л и о н е р (растерянно). Что значит самостоятельно?

Д о ч ь. Я полностью беру свой капитал, и мы с Дугласом уезжаем в Испанию.

М и л л и о н е р. Ты берешь то, что я перевел на твое имя?

Д о ч ь. Ты сказал — это мои деньги.

М и л л и о н е р. Да, твои, но не для того, чтоб ты взяла их из нашего дела... Мэри, такой раздел не разорит меня, однако я вынужден буду свернуть свои предприятия... Мэри... Мэри...

Д о ч ь. Ах, без драм, пожалуйста...

М и л л и о н е р. Мэри... У нас в коммерческом мире это называется... кражей... Это кража, Мэри...

М э р и, резко повернувшись, идет к своему столику. Гости приветствуют ее криками: «Мэри... Здоровье жениха и невесты». М и л л и о н е р стоит неподвижно и, потирая свой лоб, что-то обдумывает. Выбегают балетные и танцуют между столиками. М и л л и о н е р тяжелым шагом пробирается к выходу. Возвращается Г е р б е р т Ф о к с, садится за свой столик.

13

Д ж е н т л ь м е н (*нежным голосом*). Мистер Робинзон...

М и л л и о н е р. Что?.. Кто звал меня?.. А, это вы, Герберт Фокс, если я не ошибаюсь...

Д ж е н т л ь м е н. Я-с... Не присядете ли с нами, господин барон?

М и л л и о н е р (*грузно опустившись на стул*). П-фу-у, господа...

С т а р ь й. Сэр, мы хотели бы из ваших уст услышать маленькую новеллу об ограблении...

Д ж е н т л ь м е н (*Старому*). Тсс... Я, кажется, просил вас не упоминать...

М и л л и о н е р. Об ограблении? Ах, вы слышали мой разговор с дочерью? Да, я ограблен, господа... И вам, моему врагу, признаюсь в этом...

Д ж е н т л ь м е н. Сколько же Мэри берет?

М и л л и о н е р (*задыхаясь*). Примерно... пятую часть она берет...

Д ж е н т л ь м е н. Ах, вот сколько у нее?.. И что же вы теперь?

М и л л и о н е р. Придется свернуть некоторые мои предприятия...

Д ж е н т л ь м е н. Положим, у вас выход есть...

М и л л и о н е р. Какой, какой выход?

Взяв миллионера под руку, джентльмен прогуливается с ним между столиками и тихо беседует с ним.

14

С т а р ь й (*продолжая возиться со своим пиджаком*). Все течет и ничто не пребывает на месте...

Молодой (*улыбаясь*). Все же решили ехать домой?
Старый. Надо переодеться. Не могу так... Прощайте, сэр...
Молодой. Прощайте, сударь... Впрочем, я тоже ухожу. (*Оба уходят.*)

Миллионер и джентльмен присаживаются за их освободившийся столик.

15

Джентльмен. Те ваши предприятия, которые раньше принадлежали мне, я берусь перестроить на ходу, не свертывая их...

Миллионер. Да, вы же знаете их, как свои пять пальцев...

Джентльмен. За счет сокращения рабочей силы и снижения заработной платы я берусь достичь нужного нам баланса.

Миллионер. Но ведь у нас оборотного капитала не хватит?

Джентльмен. Деньги я берусь достать.

Миллионер. Откуда?

Джентльмен. Мой Дуглас женится на вашей Мэри...

Миллионер. При чем тут этот несчастный брак?

Джентльмен. Мальчик займет у Мэри некоторые суммы для меня, и мы с вами отлично выйдем из положения...

Миллионер. А это верно, пожалуй... Мне-то Мэри, ясно, не даст теперь денег, а своему мужу она не откажет, если вы об этом попросите Дугласа.

Джентльмен. Не беспокойтесь. Мальчик возьмет свое.

Миллионер (*беспокоясь*). А вдруг ваш Дуглас передумает и не женится на Мэри?

Джентльмен. Раньше я не настаивал на этом браке, полагая, что ваша дочь коммерчески несамостоятельна. Но теперь я просто прикажу Дугласу, и он женится.

Миллионер. Вы построже прикажите ему, и он не откажет вам... Ведь он такой любезный, добрый мальчик, и он так нежно любит вас, своего отца...

Джентльмен. Не беспокойтесь... Однако, Питер, я ставлю свое условие. Если мое участие в деле выразится в коммерчески реальных цифрах — мое имя будет фигурировать, как имя совладельца...

Миллионер. Хорошо, я согласен... Простите, Герберт, я хочу подойти к своей дочери. Тревожусь — почему она вышла из-за стола и беседует не с вашим Дугласом...

Джентльмен. Сейчас я прикажу своему...

Миллионер (*направляясь к дочери*). Доченька... Свет моих очей... Сейчас примирюсь с ней...

Джентльмен (*направляясь к сыну*). Сейчас соединим их сердца...

М и л л и о н е р (*догери*). Мэри... Солнышко мое...

Д о ч ь. Ты что опять?

М и л л и о н е р. Обдумал все. И теперь согласен на твой брак...

Д ж е н т ь м е н (*сыну*). Ну что ж ты? Подойди к ней...

М и л л и о н е р. Дети мои... Да вы что, поссорились что ли?.. Герберт, ну что ж это они? Ай, боже мой...

Д о ч ь. Дуглас все время капризничает, и мне это наконец надоело...

М и л л и о н е р. Ай, как нехорошо, молодой человек... Герберт, велите ему... Мэри, будь благоразумна...

Ж е н и х. Папа, я вовсе не капризничал. Я просто сказал ей: «Ах, Мэри, ну как же все это так?».

М и л л и о н е р. А вот так. Как видите. Уже все решено...

Д ж е н т ь м е н. Мальчик мой... Не хмурься...

Д о ч ь. Дуглас... Помиримся... (*С нежностью.*) Куколка моя...

М и л л и о н е р (*радостно, догери*). Твоя, твоя теперь куколка... (*Торжественно.*) Дети мои, от всей души поздравляю вас... (*Приложив платок к своим глазам.*) И будьте же счастливы, дорогие мои... Благоговляю вас!

Г о с т и. Здоровье жениха и невесты! Браво... Мэри... Дуглас... Здоровье родителей...

Играет джаз. Посетители начинают плясать. Входит двойник миллионера мистер Браунинг. С ним рядом его супруга. Позади двойника доктор и пастор в гражданском костюме. Двойник делает знак рукой, и музыка прерывается. Лишь один барабанщик, засмотревшись на продавщицу цветов, продолжает отбивать тревожную дробь.

17

П а с т о р. Уж на меня-то вы не должны сердиться, сын мой. Слепо выполнял приказания свыше...

Д в о й н и к (*пастору*). Гляди лучше — где тут сидит барон?

Д о к т о р. Вот там, в углу господин барон... Сейчас я доложу ему...

Д в о й н и к. Пригласите его сюда...

Д о к т о р и п а с т о р подходят к миллионеру.

Э к о н о м к а. Неужели ты барона посадишь в тюрьму?

Д в о й н и к. Да, я решил посадить его в тюрьму за мошенничество. В том, конечно, случае, если он не заплатит мне двести тысяч.

Э к о н о м к а (*осматриваясь*). Ах, Уни, какой здесь жуткий вертеп. Наверно, тут собрались воры, бандиты. Мне совестно здесь находиться...

Двойник. Потерпи, малютка...

Доктор (*это-то шепчет миллионеру, потом громко*). В общем, мистер Браунинг просит вас срочно переговорить с ним.

Пастор (*миллионеру*). Он говорит — иначе вам тюрьма...

Миллионер. Да что вы вздор мелете?! (*Джентльмену*.) Нет, вы понимаете, Герберт, на чем этот негодяй хотел меня шантажировать? На подоходном налоге...

Джентльмен. Ах, тот случай, когда вы [в пять раз] убавили цифру своих доходов?

Миллионер. Да, но эту историю я давно погасил. Сам инспектор приезжал ко мне извиняться, что меня потревожили таким пустяком... Где этот кретин мистер Браунинг?

Доктор. Он здесь...

Пастор. Сейчас мы его позовем...

Двойник, теряя величественность, подходит к миллионеру.

Позади идет его жена миссис Браунинг.

18

Джентльмен (*миллионеру*). Питер, я советую вам прогнать его.

Миллионер. Ну, ясно, я его прогону. Одна эта история с его племянничком чего стоит мне...

Двойник (*подойдя к миллионеру*). Господин барон... Случайно достал документ... Хотел предостеречь вас от грозной опасности...

Миллионер. Скотина... Дурак... Если б нас сажали в тюрьму за такую безделицу...

Джентльмен (*засмеявшись*). То и миллионеров не осталось бы в нашей стране...

Миллионер (*двойнику*). Пошел вон! И больше не служишь у меня...

Пастор (*двойнику*). А ну, давайте отсюда, сын мой...

Двойник (*пастору*). Уйди к черту...

Миллионер (*джентльмену*). Герберт, хочу с вами выпить «на ты»...

Джентльмен. Охотно, Питер...

Миллионер. Ведь сейчас тот исторический момент, когда среди нас не должно быть конфликтов, ссор, противоречий. Плечо к плечу мы должны идти к нашей цели.

Джентльмен. Я всегда говорил об этом... Иначе мы будем повержены в прах... (*Обняв друг друга, идут к столику, за которым сидят жених и невеста.*)

19

Экономка. Уни, идем же... Что стоять без толку...

Пастор (*доктору*). Сей недостойный сын, которого изгнал господин барон, довел меня сегодня буквально до трясушки в руках. Смотрите...

Доктор. Спокойней отнеситесь... Давайте сядем за этот столик, святой отец... (*Оба садятся.*)

Экономка (*мужу*). Да что тебя за руку тянуть? Уперся в одну точку... Ну!.. (*Идя к выходу.*) Болван... Все, что ты делаешь — это коммерческий вздор!.. И в довершение всего лишился прекрасного места...

Двойник (*тупо*). И пусть. Не будет по крайней мере эксплуатировать меня...

Экономка. Тсс... Говоришь такие левые фразы, где столько ушей... Ох, допрыгаешься ты у меня, Уинстон!

Появляется красавчик Джек Смит. Осторожно оглядываясь, он пробирается к выходу. У самых дверей сталкивается с супругами Браунинг.

20

Экономка (*увидев Красавчика*). Джек... Вы?

Красавчик (*пяťясь*). Миссис Клара...

Двойник (*надменно*). Ах, это и есть твой Джек Смит?

Экономка. Уинстон... Я только скажу ему два слова...

Двойник. Кларисса... Твой разговор с Джеком Смитом не состоится! Иначе — я побеседую с ним...

Экономка. Уинстон, я требую полной корректности в отношении друга моей юности!

Двойник. Кларисса!

Экономка. Уинстон!.. (*Оглядываясь.*) А где он? Джек...

Под разговор супругов красавчик Джек ускользает. Однако сталкивается с миллионером, который прогуливается под руку с Гербертом. Растерявшись, Джек ковыляет к выходу, но тут опять, к своему изумлению, сталкивается с двойником. Останавливается в нерешительности.

21

Миллионер (*увидев Красавчика*). Герберт... Ведь это он... Он! Джентльмен. Кто, кто?

Миллионер (*волнуясь*). Тот самый... который... двадцать лет назад... схватил со стола...

Пастор (*подбегая*). Ах, тот, который рапирой вас, сын мой?

Миллионер. И этой пепельницей меня... (*Бросаясь к Джеку.*) Ах, вот когда я встретился с тобой!

Красавчик (*подняв палку для защиты*). Но, но... Легче...
Доктор. Господа, господа... Приличие...
Двойник. Сейчас, сейчас мы его, господин барон. Предоставьте мне...

Экономка. Уинстон! Назад!.. Не трогать Джека...

Двойник (*Джеку*). Ах, так... Палкой замахваешься?!

Красавчик (*потирая лоб, с недоумением поглядывает то на миллионера, то на двойника*). Ой, что со мной... (*Отдав палку двойнику, пятится к выходу.*)

Миллионер (*лакеям*). Эй, возьмите его! выкиньте за дверь!

Лакеи, не разобравшись в приказании, бросаются к двойнику.

Двойник. Да не меня сказано... Того...

Экономка (*разрываясь между тремя*). Уни... Джек... Господин барон...

Пастор (*лакеям*). И того и другого, дети мои...

Миллионер (*Джеку*). Нет, погоди, я с тобой лично поговорю...

Экономка (*приняв миллионера за своего мужа*). Уинстон, не трогай Джека! Не трогай, сказано тебе!.. Ах, так! Не слушаться меня?! Назло мне? Так вот тебе за это, толстый боров... Вот... Вот... (*Звонко хлопает ладонью по жирному затылку миллионера.*)

Пастор (*помогая экономке*). И от меня прими, сын мой...

Миллионер (*визгливо*). А-а-а...

Доктор. Декорум, декорум, господа...

Экономка (*поняв свою ошибку*). Простите, господин барон. Думала, муж...

Пастор. Сейчас исправим ошибку... (*Идет к двойнику.*)

Экономка (*мужу*). Да идем ты, олух царя небесного... (*Уходят.*)

Джек Смит благополучно ускользает вслед за ними.

К месту происшествия подходят дочь Мэри и ее жених Дуглас.

22

Миллионер. П-фу-у... П-фу-у, господа...

Дочь. Отец... Что такое? Что с тобой?

Миллионер. Нога побаливает... Рану потревожил...

Доктор. Не следовало выезжать, господин барон.

Джентльмен. И сильно болит?

Миллионер. Ничего. Потерплю ради великой цели... (*Обращается к посетителям ресторана.*) Ничего особенного, господа... Продолжайте ваше веселье...

Джентльмен. Музыку! Музыку дайте... (*Гремит джаз.*)

Пастор. Танцуйте, дети мои...

Посетители танцуют.

**ДЕЛО
О РАЗВОДЕ**

**ПОДЛЕЖИТ РАССМОТРЕНИЮ
В НАШЕМ ТЕАТРЕ**

Комедия в 3-х действиях

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DEPARTMENT OF CHEMISTRY
5800 S. UNIVERSITY AVENUE
CHICAGO, ILLINOIS 60637

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES

VOLUME 41, NUMBER 1
JANUARY 1954

Published by the National Academy of Sciences
521 North Dearborn Street, Chicago, Illinois 60610
Copyright © 1954 by the National Academy of Sciences

Subscription prices: \$12.00 per volume in advance (single copies \$3.00 each). Single copies of individual papers are available for purchase at a special rate of \$1.00 each. The price of this issue includes postage and handling charges. Payment should be made in U.S. dollars. Orders from outside the United States should be sent to the National Academy of Sciences, 521 North Dearborn Street, Chicago, Illinois 60610.

ПЕРЕД НАЧАЛОМ

На просцениум выходят две куклы в полувоенной форме и с барабанами.
Встав по бокам просцениума, бьют в барабаны.

Вслед за барабанщиками выходят два трубача. Трубят.

Засим выходит еще одна кукла — директор театра. В руках у него портфель.

Директор подходит к рампе и делает знак рукой, по которому трубачи и барабанщики смолкают.

Директор (*публике*). Сегодня в нашем театре будет слушаться дело об одном разводе. Нет, это не означает, что мы и впредь намерены взять на себя функции судебных учреждений. В дальнейшем все пойдет, как и было, — дела о разводах по-прежнему будут слушаться в народных судах...

Барабанщик начинает тихонько бить в барабан, но директор, сделав знак рукой, останавливает его. Барабанщик, увидев свою ошибку, смущенно почесывает затылок. Директор продолжает говорить.

Однако следует сказать, что многие из таких бракоразводных дел основаны на пустых недоразумениях и на тех незначительных ссорах, которые тотчас после начала судебного разбирательства заканчиваются полным и торжественным примирением...

Трубач торжественно поднимает трубу вверх, чтобы трубить, но директор, остановив его, продолжает.

Конечно, это очень хорошо, что люди помирились. Однако возникает вопрос — не лучше ли после пустой ссоры мириться в иных местах, скажем, в театрах, в кафе или во время прогулки на улице? Нет, мы некомпетентны в юридических вопросах, но нам кажется, что такие малые дела можно было бы и не доводить до суда, а с успехом заканчивать их как на сцене — силами театральных коллективов, так и в зале во время антрактов — силами тех же поссорившихся супругов... (*Громко и торжественно.*) А посему...

При трубных звуках директор достает из портфеля газету и, развернув ее, начинает читать под негромкую барабанную дробь.

Дело о разводе инженера Евгения Евгеньевича Уважаева... (*На прощениум выходит инженер Уважаев и, скромно поклонившись, становится в сторонку.*) ... и студентки Педагогического института Нины Васильевны Уважаевой... (*Выходит Уважаева и, не поклонившись, гордо становится спиной к мужу.*) ... будет сегодня слушаться в Государственном центральном театре кукол!

Барабанщики прекращают свою работу и директор, укладывая газету в портфель, заканчивает свою речь.

Конечно, это бракоразводное дело сложнее тех дел, о которых мы говорили, но и оно в большей степени относится к театральной сфере, нежели к судебной.

Все уходит под барабанные и трубные звуки. Директор, уходя, делает знак рукой (или платком) и занавес тотчас поднимается.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая В КОМНАТЕ

Скромная комната. Окно на улицу. За окном — дождь. Крупные капли дождя стекают по стеклу.

В комнате двое — муж Евгений Евгеньевич Уважаев и его жена — Нина Васильевна Уважаева. У обоих приятная внешность, цветущее здоровье и крайняя молодость. Оба по-ребячески играют в жмурки. Муж с повязкой на глазах ищет Нину, протянув вперед руки. В кресле спит кошка.

1

Жена. Женя, я тут... (*Ускользнув.*) Ау...

Муж (*натываясь на мебель*). Ты хитришь, Нина, и поэтому...

Жена (*смеется*). Ау... Нет, Женька, ты подсматриваешь. Я так не играю...

Муж (*сняв повязку*). Поймал, поймал... (*Обняв.*) Милая...

Жена (*целует*). Любимый мой...

За окном прошел дождь, и теперь ослепительные лучи солнца падают на счастливую супружескую пару.

Муж. Нина, дождь прошел...

Жена (*подбежав, открывает окно*). Ой, как чудно...

Муж. Так поедем за город?

Жена (*хлопая в ладоши*). Поедем, поедем... Только ты знаешь, куда я хочу поехать? На твое строительство.

М у ж. В «Пески»? Но это же безумно далеко, Нинуся.

Ж е н а. Нет, нет, только туда... Женя, а почему ты опять не хочешь туда со мной ехать?

М у ж. Ну, если хочешь, поедем... (*Обняв, целует.*) Милая... Ты прости, я небритый. Вон как исколол твои щечки...

Ж е н а. Ничего... (*Целует его.*)

М у ж. Я все же сбегая в парикмахерскую, а?

Ж е н а. Ну, иди. А я тем временем пришью пуговицу к твоему пиджаку... (*Взяв пиджак.*) Этот пиджак?

М у ж. Да, этот летний... Так я через пять минут... (*Целует.*) Милая моя... (*Торопливо уходит.*)

Ж е н а садится за шитье. Входит соседка — бабушка Дарья Егоровна. В руках у нее кастрюля.

2

Б а б у ш к а. Иду на кухню, вижу, твой бежит. Это куда же он?

Ж е н а. В парикмахерскую... (*Бросив шитье, подбегает к соседке.*) Дарья Егоровна, если бы вы знали, какое счастье у меня на душе!

Б а б у ш к а. Да тише ты, тише! Не верти так меня. Суп же в кастрюле. (*Ставит кастрюлю в угол комнаты, и тотчас кошка деловой походкой подходит к кастрюле, кружит около нее.*)

Ж е н а (*крепко обняв соседку*). Дарья Егоровна... О, как я люблю моего мужа!

Б а б у ш к а. А он тебя?

Ж е н а. Ну, он и говорить нечего. Он меня так любит, так, как это и не бывает на земле...

Б а б у ш к а. Плачет?

Ж е н а. Кто?

Б а б у ш к а. Да муж.

Ж е н а. Плачет? (*Засмеявшись.*) А зачем ему плакать? Наоборот, он радуется, смеется.

Б а б у ш к а. Ну, тогда это еще не самая высшая любовь.

Ж е н а. А какая же бывает самая высшая любовь?

Б а б у ш к а. При высшей любви мужчина обязательно плачет.

Ж е н а (*весело рассмеявшись*). А зачем же он плачет?

Б а б у ш к а. Ну, это так полагается. От умиления чувств, от волнения в своем сердце...

Ж е н а. Бабушка, и по вас кто-нибудь плакал?

Б а б у ш к а. Плакали люди... Один, помню, очень прослезился на моей первой свадьбе.

Ж е н а. Так, может, он выпил лишнее?

Бабушка. Слов нет, он был сильно выпивши. Буянил. Не хотел из-за стола встать. А когда встал, то всю посуду на пол смахнул... (*Кошка, с грохотом сбросив крышку с кастрюли, принимается за еду.*) Ой, суп мой, суп!

Женя. Мурка, назад! Нет, бабушка, она, по-моему, еще не успела дотронуться до супа...

Бабушка (*схватив кастрюлю*). Скорей перекипятить... (*Поспешно уходит.*)

Женя снова берет пиджак, но из кармана пиджака неожиданно выпадает фотографическая карточка.

3

Женя. Что это?.. Фотокарточка... Какая-то молодая женщина в очках... Хм... Ах, и надпись тут... Что, что? (*Читает.*) «Сирень цветет неделю и отцветает — так и твоя любовь. Сима». Странно... Ах, это, вероятно, та докторша Серафима Громова, о которой мне рассказывал Женя... Но он говорил о дружеских отношениях, а тут... (*Перебив себя.*) Впрочем, какое мне дело до его прошлого... (*Услышав шаги, торопливо прячет карточку.*)

Входит подруга Нины — Муся Барабанова.

4

Подруга (*восторженно тараторит*). Нина... Ниночка, я хочу познакомить тебя с моим женихом. Он там, внизу...

Женя. А ты позови его сюда.

Подруга. Нет, он очень стесняется. Лучше пойдем в городской сад, и там мы... А что ты такая задумчивая?.. Поссорилась с Евгением?

Женя. Ну что ты! У Евгения такой идеальный характер, что с ним невозможно поссориться.

Подруга (*тараторит*). Ну, если хочешь знать, то у моего Петра тоже идеальный характер. Он скромный, стеснительный, но только уж очень, очень молчаливый. Если за вечер он скажет два или три слова, то это уже великая благодать... Впрочем, говорят, что почти все музыканты и поэты какие-то особенные. У них непременно что-нибудь не так, как у людей...

Женя. А он что, композитор?

Подруга. Да, он в оркестре играет. На домбре. И вообрази, какое совпадение... Чайковский, как известно, — Петр Ильич. И мой Петька тоже — Петр, но, правда, уже не Ильич, а Иваныч. Но зато фамилия начинается тоже на «чай» — Чай-кин... Петр Ильич Чайковский — Петр Иваныч Чайкин... Интересно, да?

Ж е н а. Да... отчасти...

П о д р у г а. И по внешности мой Петр ничуть не хуже твоего Евгения... Вот нарочно взгляни на него издали... (*Тянет Нину к окну.*) Вот, вот он ходит... Сел на ступеньки... Опять ходит... Видишь какой?.. Он немножко на Шопена похож, но только чересчур длинный... А вблизи он еще лучше.

Ж е н а. Нет, он и издали... ничего...

П о д р у г а (*тараторит*). Ну, а что касается культуры и душевной красоты, то он и тут ни в чем не уступит твоему Евгению. Петр тоже любит стихи. И не беспокойся — он тоже, как и твой муж, способен проливать восторженные слезы от чувствительных переживаний...

Ж е н а. Муся, я, кажется, об этом ничего тебе не говорила.

П о д р у г а. Ах, да, это мне Аня Ведерникова сказала.

Ж е н а. А что она сказала?

П о д р у г а. Она сказала, что твой Евгений... Но я надеюсь, Нина, ты не станешь ревновать к его прошлому?

Ж е н а. Нет.

П о д р у г а. Ну, в общем, у него в прошлом была какая-то неудачная любовь, и он так безумно переживал, что даже, говорят... как будто бы... плакал...

Ж е н а (*вздвигнув*). Что?

П о д р у г а. Но ведь ничего плохого нет в этом! Значит, у человека благородное возвышенное сердце, если он так переживает, что...

Ж е н а. Муся, а когда эта история случилась с моим мужем? До прошлой осени или...

П о д р у г а. А зачем тебе это?

Ж е н а. Осенью мы впервые увиделись с Евгением. И, может быть, это его переживание относилось ко мне...

П о д р у г а. А если это было раньше осени?

Ж е н а. Тогда, значит, его глубокое чувство относилось к одной женщине по имени Сима... Только ты не думай, что я ревную.

П о д р у г а. Ой, по-моему, ревнуешь...

Ж е н а. Я клянусь тебе — нет! Просто я считала, что Евгений не способен лгать, а тут выходит, что он... Муся, я должна выяснить эту историю! Пойдем к Ане и...

П о д р у г а. Так ведь Аня живет в «Песках». У своего дяди. Он про- раб на строительстве твоего мужа... (*Восторженно.*) Ой, Нинка, а верно, поедem туда! Захватим моего Петра и... Ай, бедняжка, он, наверно, совсем заждался нас... (*Подбегает к окну, машет рукой, кричит.*) Петя!.. Сейчас... сейчас... Нет, я говорю — мы сейчас...

Ж е н а. Муся, только ты не думай, что я такой вздорный человек. Просто у меня с Евгением впереди вся жизнь, и я должна знать, что он собой представляет.

П о д р у г а. Ну, миленькая моя, это надо было выяснять до брака... (Снова машет жениху рукой и посылает ему воздушные поцелуи.) Нина, гляди, гляди, с какой нежностью он отвечает на мои воздушные поцелуи... Да помаши ты ему рукой. Стоишь, как неживая. Он может обидеться.

Н и н а машет рукой. П о д р у г а отходит в сторону. В комнату поспешно входит муж Нины.

5

М у ж (входя). Там какой-то тип на улице посылает кому-то воздушных... (Увидев, что жена машет рукой.) Ах, это ты... А я думал... (Увидев подругу.) Здравствуйте, Муся...

П о д р у г а. Добрый день, Евгений Евгеньевич... А вы знаете, мы ведь с Ниночкой сегодня решили...

Ж е н а (перебивая). Да, Женя, у нас перемена. Я сегодня никак не могу поехать с тобой, потому что...

П о д р у г а. У меня тетя заболела, и мы с Ниной хотим... посидеть у нее.

Ж е н а. Не огорчайся, Женюшка. Ты собирался в воскресенье побывать у своего приятеля Саша. Вот и зайди к нему.

М у ж. Ну, ладно, ничего не поделаешь. (Целует жену.) Тогда, Ниночка, я, пожалуй, схожу к Саше.

Ж е н а. Вот и отлично... Прощай, мой дорогой...

Ж е н а и подруга уходят. Муж, подойдя к окну, смотрит вслед уходящим. Потом, взяв кошку на руки, садится в кресло.

6

М у ж. Досадно... И, главное, не хочется мне сегодня к Саше идти... А что если все-таки поехать в «Пески»? А, верно, поеду в «Пески». Поброжу там, мысленно поболтаю с Ниночкой. И, кстати, договорюсь с прорабом о всех наших срочных делах... Правильно, еду! (Теребит кошку.) Еду, еду, Мурка... Ах, так, ты царапаться, вырываться... Ну, вот щеку поцарапала, скверная кошка...

Подоидя к зеркалу, приводит себя в порядок и, накинув на руку плащ, выходит из комнаты.

Картина вторая НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Вдали небольшой поселок, утопающий в зелени. Справа цветущие поля. Слева берег реки. На переднем плане — аллея и скамейка под деревом. Всюду — необычайно яркие сверкающие краски.

По аллее идет группа ребят разного возраста. Ребята идут чинно, в парах. Некоторые из них с флажками, некоторые — с мячами, барабанами и скакалками.

Две нянюшки сопровождают ребят. На руках одной нянюшки годовалый младенец. Шествие замыкает молодая докторша — Серафима Громова. Она в белом халате, в очках.

1

Докторша. Нянюшка, так пусть ребята подольше побегают на берегу. Но в воду их не пускайте.

Нянюшка. Не пустим, не пустим, Серафима Павловна.

Докторша (*поглаживая спинку младенца*). И малыш пусть подольше посидит в песочке.

Малыш (*увидев прохожего*). Па-па...

Нянюшка. Это не папа, Егорушка. Это дядя.

Малыш (*лепетет*). Дя-дя...

Докторша. Ну, кажется все... (*Захлопав в ладоши.*) Ребята... бегом к реке!

Ребята с визгом и хохотом, играя и забавляясь, бегут к реке. Исчезают за поворотом. Докторша идет в другую сторону, уходит.

Со стороны поселка идут четверо — жена Евгения Уважаева Нина, ее подруга Муся, пожилой прораб Федор Кузьмич Ведерников и (несколько позади) жених Муси — долговязый Петр Чайкин.

2

Прораб (*умоляющим голосом*). Ай, бросьте вы, девушки, спрашивать меня такой вздор!

Подруга. Мы хотели Аню спросить, но она уехала.

Прораб. Вы лучше поинтересуйтесь, девушки, кто здесь провел все оросительные работы...

Жена. Вероятно, инженер Евгений Уважаев?

Прораб. Точно-с. Все гидротехнические работы выполнил наш молодой инженер Евгений Евгеньевич Уважаев. Вот какие вопросы вам надо о нем задавать.

Жена. Но для нас и тот вопрос важен.

Подруга. Понимаете, Федор Кузьмич, мы поспорили с одним человеком о характере товарища Уважаева. Заключили пари на коробку конфет, и поэтому нам...

Прораб (*простодушно*). Ах, вот почему вы спрашиваете! Ну, тогда я могу ответить на ваш вопрос... Конечно, он сильно огорчился, когда без взаимности полюбил...

Жена. Скажите, это было до осени?

Прораб. Да, это было задолго до осени.

Жена (*подруге*). Видишь! Значит его глубокое чувство относилось к другой...

Прораб (*умоляюще*). Ай, бросьте вы, девушки, шептаться все об этом. Лучше взгляните вокруг себя. Ведь раньше тут была голая песчаная степь...

Подруга. Как? И поселка не было?

Вдали появляется муж Нины. Он идет медленно, заложив руки за спину. Останавливается и мечтательно поглядывает по сторонам. Но он не видит стоящих у реки. И те не видят его.

3

Прораб. Не было ни поселка, ни реки. Кругом была сухая выжженная почва...

Подруга. Откуда же река?

Прораб. Один приток реки провели сюда. И вот, глядите, расцвели наши сады, зазеленели плодородные нивы...

Подруга (*негромко*). Как чудо, из ничего возникло.

Прораб. Нет, это не чудо, девушки. Это человек взял власть над природой, и она покорно склонилась перед ним. И взгляните, какие чудесные дары она ему принесла... (*Строго.*) Перед нами великая картина вновь возникшей жизни!

Жена. Да, идет великое преобразование природы...

Прораб (*строго*). Грандиозное преобразование, девушки! Конечно, у нас тут — пустыки, капля в море в сравнении с великими стройками. Но и то как-то неохота здесь судачить о мелких мелочах...

Жена. Вы уж извините нас, Федор Кузьмич.

Прораб. Ничего... Идемте, покажу вам все наше хозяйство... (*Все идут за прорабом.*)

Муж (*появляясь на аллее*). Загулял где-то мой милый старик Федор Кузьмич. Ладно, зайду к нему позже...

Евгений садится на скамью. Вокруг него летают и поют пестрые, яркие птицы. Торопливо идет докторша Серафима Громова. На этот раз она в городском платье.

4

Докторша. Евгений! Да ты откуда взялся?

Муж. А-а, Сима... Понимаешь, хотел приехать сюда с женой, но она, к сожалению, занята сегодня.

Докторша. Так! Вижу, твоя любовь к ней не уменьшается.

Муж. Нет, напротив, Сима.

Докторша. Вот уж не думала, Евгений, что у тебя так прочно получится...

Муж (*засмеявшись*). Ты думала — «сирень цветет неделю и отцветает»? Ошиблась...

Докторша. Ошиблась, Евгений. И это очень хорошо... Однако скажу тебе по секрету — сейчас и в моей жизни происходят события крупного значения. Я тоже, кажется... (*склонившись к уху*) ...полюбила...

Муж. Ну? Поздравляю... Кто же твой избранник?

Докторша. По профессии он токарь-скоростник... (*Сильно жестикулируя.*) Человек он кристальной души, Евгений! И что меня особенно подкупает — он простой и ясный, как солнце! Без этих, понимаешь, душевных выкрутас...

Муж. Да тише ты размахивай руками. Гляди, всех птиц переположила...

Появляется нянюшка с малышом на руках.

5

Нянюшка. Серафима Павловна, Егорушка опять плачет — утверждает, что у него горлышко болит.

Докторша. Да нет у него ничего... Ну-ка, открой свой ротик... Скажи «а»... Ну, конечно, нет ничего. Капризничает.

Малыш. Па-па...

Нянюшка. Это же дядя, а не папа, Егорушка...

Докторша. Да возьми ты его на руки, Евгений. Видишь, ребенок тянется к тебе.

Муж (*взяв ребенка*). У-у, бутуз какой... Это чей же малыш?

Нянюшка. Это нашей сестры-хозяйки.

Докторша. Ну, поиграй с ним, Евгений. Подкинь его вверх. Подкинь... Нет, Евгений, ты против моего Антона во многом отстаешь...

Вдали появляются трое — Нина, подруга Муся и ее жених. Издали увидев «семейную идиллию», Нина останавливается, пораженная.

Няня, взяв ребенка, уносит его. Малыш, оборачиваясь, кричит «папа». Муж Нины машет ему рукой.

6

Жена (*тихо*). Это она... Та... В очках...

Подруга. Ах, и ребенок у них, да?

Жена (*закрыв лицо руками*). Муся... Муся...

Докторша. Ой, батюшки, я же опаздываю на поезд.

Муж. Ну, прощай, Симочка... Так я еще раз от всей души поздравляю тебя.

Докторша. Спасибо, мой дорогой. (*Обняв, целует его.*)

Ж е н а Нина, увидев сцену прощанья, судорожно хватает за руку подругу, едва не упав. М у с я успевает поддержать Н и н у. С е р а ф и м а убегает. М у ж Нины устремляется за ней.

7

М у ж. Сима... Минуточку... *(Убегает следом за ней.)*

Ж е н а *(бормогет)*. Побежал... за ней... Любит ее...

П о д р у г а. Петр, ей худо... Поддержи ее... Я сейчас воды принесу... *(Убегает.)*

Ж е н и х. Нина Васильевна... Ой, что с ней?... Не дышит... *(Трясет за плечи.)* Нина Васильевна... *(Как куклу тащит ее и усаживает на скамью.)* Нина Васильевна... *(Садится рядом, и тогда голова Нины беспомощно склоняется на его грудь.)* Нина Васильевна... *(Обняв за плечи, поддерживает Нину, потерявшую сознание.)*

Возвращается м у ж Нины. Увидев необыкновенную сцену, издали похожую на любовную, ошеломленный м у ж останавливается и, тихо ахнув и закрыв лицо руками, убегает. Появляется подруга М у с я с ковшом в руках. Рядом с ней м а л ь ч и ш к а с ведром воды.

8

П о д р у г а. Нина... выпей...

Ж е н а *(выпив воды)*. Я... я узнала... самое худшее...

П о д р у г а. Больше всего меня поражает ребенок. Откуда у них? И такой большой. Уже с родителями разговаривает.

Ж е н и х. Но, может быть, ребенок не их...

П о д р у г а. Ну, как так не их? Он сам крикнул «папа». Такой маленький врать не будет. *(Лаская Нину.)* Бедная моя девочка... Какое несчастье...

Ж е н а. Не надо, не надо меня жалеть. Я сейчас... сейчас успокоюсь... Я уже спокойна...

П о д р у г а. Видишь, Петр, как нехорошо лгать и обманывать. Вранье всегда рано или поздно раскрывается.

Ж е н а. Да, все раскрылось наконец... И даже если ребенок не его, то все остальное... Все, все было — ложь, обман... Он поздно приезжал домой... Значит, оставался с ней... Прикрывался работой... Муся! Это бесчестный человек! Это...

П о д р у г а. Потом поговорим. Едем домой.

Ж е н а. Я не хочу домой... *(Медленно идет к выходу.)* Нет, это не ревность, Муся, нет... Пусть они любят друг друга. Я не мешаю им. Но зачем же так лгать... *(Уходят.)*

Появляется м у ж Нины. Издали смотрит на пустую скамью.
Потом медленно идет к берегу реки.

Муж (*бормогет*). Сказала... к тете едет... а сама с этим, который сегодня... О, неужели я так мог ошибиться в ней?

Садится на берег реки, опускает голову на свои колени. Неподвижно сидит.

Картина третья У ВОРОТ

Дом, в котором живут Уважыевы. Вечер. У ворот дворничиха. К дому подъезжает легковая машина. Выходит молодой шофер. Направляется в ворота.

1

Шофер. Доброй ночи, тетя Варя!

Дворничиха (*вздвонув*). Фу, как ты меня напугал, Сеня. Я уже за свисток схватилась. Свистеть хотела...

Шофер. А вы на ответственном посту не дремлите, тетя Варя.

Дворничиха. Да я сквозь сон все вижу и чувствую. И чуть что, за свисток берусь... А ты что, Сеня, ужинать приехал?

Шофер. Ужинать... Это что же с нашим инженером, тетя Варя?

Из ворот выбегает Евгений Уважеев. Он без шляпы и вид у него растерянный. Поглядев по сторонам, идет вдоль по улице. Уходит.

2

Дворничиха. Сама не пойму, что с ним. Уже в который раз выбегает из дому, как безумный. И вскоре назад.

Шофер. Надо бы тактично подойти к человеку и выяснить, зачем он так выскакивает...

Из ворот на улицу выходит бабушка Дарья Егоровна. За ней идут два жильца — худенькая учительница и толстый бухгалтер, страдающий одышкой.

3

Бабушка. Уже, уже выяснили, Сеня. Жена домой не явилась.

Шофер. Ссора или охлаждение?

Учительница. Вот это пока неизвестно.

Бабушка. На все наши вопросы молчит. И только вот так руками отмахивается.

Шофер. Так, может, вы не вполне тактично вопрос задали?

Бухгалтер. Пф-ф... Нет, я психологически подошел к вопросу. Издалека начал. Вот, говорю... Пф-ф... Годовой, говорю, отчет... Пф-ф... составляю...

Ш о ф е р. Тсс... опять идет... Тактичней отвернитесь в сторону. Будто мы не на него смотрим.

Жильцы, отвернувшись, смотрят на крышу. Снова появляется Евгений Уважаев. Постояв у ворот, он бежит за какой-то женщиной, приняв ее за жену. Увидев ошибку, направляется в ворота.

4

Б а б у ш к а. Вон как мучается, несчастный...

У ч и т е л ь н и ц а. Пожелтел и осунулся буквально за два часа...
(Евгений Уважаев, оглянувшись, уходит в ворота.)

Ш о ф е р. Тсс... Все тактично за ним! И дома обсудим, как нам поступить.

Б а б у ш к а. Жаль, Антона Антоныча нет. Он бы сразу привел все в порядок.

Жильцы уходят. Д в о р н и ч и х а продолжает дремать. На улице появляется сосед Уважаевых — токарь Антон Томилин. Он одет празднично — в шляпе и в отличном костюме. Рядом с Антоном — докторша Серафима Громова.

5

Д о к т о р ш а. Обычно в театр я ходила с подружками, Антон. Мужчины, как правило, только мешают следить за действием.

Т о к а р ь. Не отказывайтесь, Серафима Павловна. Я и билеты уже достал.

Д о к т о р ш а. Ну, с вами я, пожалуй, пойду.

Т о к а р ь. Благодарю вас за доверие, Серафима Павловна... А вот и мой дом...

Д о к т о р ш а. Теперь, Антон, буду знать, где вы живете. Прощайте пока.

Т о к а р ь. Нет, теперь я провожу вас до вокзала.

Д о к т о р ш а. Ну, вот еще нежности какие. Сама дойду.

Т о к а р ь (просительно). Серафима Павловна...

Д о к т о р ш а. Нет, нет, Антон. Идите домой. Вам завтра рано вставать. Прощайте.

Т о к а р ь. До свиданья, уважаемая Серафима Павловна.

Оба уходят. На улице появляются — жена Нина, подруга Мусья и ее жених Петр Чайкин. Увидев Серафиму, Нина останавливается.

6

Ж е н а. Мусья... Она была у него!

П о д р у г а. Похоже на то... Я тебе говорила — останься у меня...

Ж е н а. Нет, ты не беспокойся за меня. Тогда это была минутная слабость. А сейчас я...

П о д р у г а. А что ты решила?

Ж е н а. Я... я разведусь с ним.

П о д р у г а. Ты прежде выясни все. Может быть, к той особе у него просто мимолетное чувство.

Ж е н а. Нет, я не стану унижаться до таких объяснений.

П о д р у г а. Тогда хотя бы выясни, чей ребенок!

Ж е н а (*страда*я). Ах, да, еще этот ребенок... Нет, Муся, вероятно, этот ребенок не его... А впрочем, все это теперь не имеет значения. Для меня важно одно — он лгал мне. Да вот хотя бы сегодня — сказал, что идет к Саше, а сам поехал туда, к ней... Нет, нет, я разведусь с ним!

П о д р у г а. Он не пойдет на развод. Он любит тебя.

Ж е н а (*горько*). Он любит меня? (*Сквозь слезы*.) Ты сегодня отлично видела, как он меня любит.

П о д р у г а. Но это бывает у мужчин... (*Жениху*.) Петр, не прислушивайся к нашему разговору... (*Нине*.) Они говорят, что такие мимолетные отношения не влияют на их основное чувство... Нет, Нина, он не пойдет на развод!

Ж е н а (*растерянно*). Ну, как так не пойдет...

П о д р у г а. А вот так — возьмет и не разведется... Конечно, со мной такого случая не может произойти. Лично я предстала бы перед ним такой фурией, что он у меня сам побежал бы разводиться...

Ж е н а. Вот и я... И я тоже могу... сыграть роль такой свирепой мещанки, что он...

Ж е н и х (*укоризненно*). Нина Васильевна...

П о д р у г а. Успокойся, Петр. Нина любит своего мужа и не пойдет на такие недостойные сценки.

Ж е н а (*сквозь слезы*). Нет, я пойду на это, потому что... потому что... я люблю его...

П о д р у г а. Ну и что?

Ж е н а. Ну, и тогда нам..... мне и ему... будет легче расстаться... Я все не желаю, чтоб он страдал и мучился так же, как я... Прощай, Муся... (*Подруги целуются*.) До свиданья, Петр Иванович... (*Расходятся в разные стороны*.)

П о д р у г а (*сделав несколько шагов к выходу*). Ой, Петр, у меня же осталась ее сумочка! Скорей догони, передай ей...

Ч а й к и н догоняет Н и н у и, молча отдав ей сумочку, целует на прощанье руку. Из ворот выходит муж. Увидев «лирическую» сценку, хватается за голову. Ч а й к и н поспешно уходит. Н и н а идет к воротам.

М у ж (*глухо*). Нина...

Ж е н а (*не останавливаясь*). В чем дело?

М у ж (*пяťся*). Ниночка... Я... мы... Хотелось бы понять все..

Ж е н а. Что, что? (*Притворно рассмеявшись*.) Вытри щеку. У тебя там, кажется, губная помада размазалась...

М у ж. Нет, это... царапина, Ниночка... Надо же нам поговорить, объяснить...

Ж е н а. Никаких объяснений! Мы — чужие... (*Уходит в ворота*.)

М у ж, пяťся, наталкивается на задремавшую дв о р н и ч и х у.

Та спросонок свистит. Муж бежит вслед за Ниной.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая (4-я) ОПЯТЬ В КОМНАТЕ

Комната разгорожена на две половины шкафами и ширмой. Муж Евгений У в а ж а е в лежит на своей постели, поглаживая рукой кошку. Жена Нина ходит по комнате (на своей половине) с книгой в руках. Готовится к экзамену.

1

Ж е н а (*зубрит*). Основные задачи этой дисциплины — рассмотреть художественное произведение как таковое и...

М у ж (*приподнявшись*). Нина... Ниночка, ты уже начала к экзамену готовиться?

Ж е н а (*не ответив*). Однако художественное произведение не следует рассматривать как пассивное зеркало реальной действительности...

М у ж (*не полугив ответа*). Кися... Кисенька... (*Кошка мурлыгает*.)

Ж е н а (*энергично*). Кыс-кыс-кыс... (*Кошка собирается бежать на зов хозяйки*.)

М у ж (*удерживая кошку*). Кисенька...

Ж е н а (*более энергично*). Кыс-кыс-кыс! (*Кошка, вырвавшись, перебегает к Нине*.) Мурка, сиди тут. Не смей туда ходить... Слышишь?... Там такой дядька живет, что ой-е-ей...

М у ж. Нина... Послушай, Ниночка...

Ж е н а. Евгений, я просила не обращаться ко мне с разговорами! (*Лаская кошку*.) Кисенька... моя сироточка...

М у ж. Нина, пойми... Я же страдаю...

Ж е н а. Меня решительно не интересуют переживания постороннего мне человека. Тем более что эти переживания не совпадают с мо-

ими. Мне, наоборот, совершенно весело и легко... (*Кружится по комнате, напевая танцевальный мотив.*)

Муж (*прислушиваясь*). Что с ней?

Жена (*напевает тоном шансонетки*). «В семь часов пошла я на свиданье. Пять минут восьмого его нет. Я не стала ждать, с встречным мальчиком пошла...» (*Насвистывает и танцует.*)

Муж (*бормочет*). Что произошло с ней? Это ужасно...

Жена (*взяв кошку на руки*). Да, кисенька моя, только теперь я поняла, как интересно жить одной... (*На минуту закрывает лицо руками, потом громко.*) Чудесно, увлекательно жить одной и ни от кого не зависеть!

Негромко постучав, входит бабушка Дарья Егоровна. Растерянно смотрит на разгороженную комнату, не зная, куда пойти.

2

Муж. Дарья Егоровна...

Жена. Сюда пройдите, Дарья Егоровна.

Бабушка. Ах, дети мои, да что ж это у вас?

Жена. Ко мне, ко мне, бабушка. Не надо туда.

Бабушка (*пройдя на половину Нины*). Ласточка моя, сердце перевертывается на вас смотреть... Да ты гляди, на кого ты похожа — даже щечки ввалились!

Жена. Нет, я ничего. Хорошо себя чувствую.

Бабушка. Сами мучаетесь и людей заставляете страдать. Вот что я тебе скажу — помирись с ним!

Жена (*гордо*). Ни в коем случае, бабушка!

Бабушка. Да что мне с тобой зря разговаривать! Тебя нужно административным порядком... (*Схватив Нину за руку, тащит ее на половину мужа.*) Идем, говорят тебе, оглашенная! Сейчас помирю вас...

Муж. Верно, Ниночка... Давай поговорим и...

Жена (*вырвавшись*). Да на что он мне, бабушка! Я найду себе мужа получше, чем он... Вот разведусь с ним и выйду замуж за богатого — о чем всю жизнь мечтала.

Муж (*кричит*). Нина, не клевети на себя!

Жена. Нет, верно, бабушка, на что он мне такой? У него нет ни славы, ни богатства... Мне совершенно неинтересна такая обыкновенная и, так сказать... серенькая жизнь...

Муж (*бормочет*). Просто не понимаю, что случилось с ней?

Жена (*шепотом, но так, чтобы слышал муж*). Под величайшим секретом, бабушка, я вам скажу одну вещь... Я совсем не то, что Женька обо мне думает. Я целые дни напролет только и делаю, что мечтаю о нарядах и развлечениях.

Б а б у ш к а. Это понятно в твоём возрасте.

Ж е н а. Вот я поеду в Москву и там непременно выйду замуж за какого-нибудь лауреата или за министра лёгкой промышленности!

Б а б у ш к а. Ай, ну тебя, ласточка моя! Зачем ты такие слова говоришь?

Ж е н а. И тогда начнется у меня настоящая жизнь! Не то что здесь... Вот так буду в длинном платье ходить... *(Показывает.)*

М у ж *(борможет)*. Неужели я так жестоко ошибся в ней?

Ж е н а. Вот так буду на фестивалях с многочисленными кавалерами кокетничать... *(Показывает.)*

М у ж *(борможет)*. Да, любовь ослепила меня... До сих пор я не видел в ней этих мешанских ужимок...

Ж е н а. Бабушка, вот так буду с ними фокстроты танцевать. *(Показывает.)*

Б а б у ш к а. Ай, ну вас, граждане! С вами окончательно захворать можно. Мне прямо дурно делается. Вон как меня качает... *(Показываясь, уходит из комнаты.)*

3

М у ж *(строго)*. Нина, я должен с тобой серьезно поговорить.

Ж е н а. Нет, нет, я не стану разговаривать.

М у ж. Я требую, наконец...

Ж е н а. А я требую прекратить со мной всякое общение!

М у ж *(кошке)*. Кыс-кыс-кыс...

Ж е н а. И попрошу не звать мою кошку! Она мне принадлежит. Это моя частная собственность! *(Кошке.)* Мурка, сиди тут. Не смей рваться туда — к этому презренному дядьке...

Громко постучав, входит токарь А н т о н Т о м и л и н. В руках у него журналы и газеты.

4

Т о к а р ь *(нарожно веселым голосом)*. А вот почта пришла, друзья мои... Вам «Новый мир» и местная газета...

М у ж. Дай-ка мне газету, Антоша.

Ж е н а. Мне, мне сначала... И журнал, и газету...

Т о к а р ь. Друзья мои... Поймите наконец... Ну, к чему вся ваша нелепая ссора? Сердечно прошу — помириться.

М у ж. В самом деле, Нина, давай обсудим все и...

Ж е н а *(закрыв уши руками)*. Нет, нет, и слышать не хочу!

Т о к а р ь, махнув рукой, уходит.

Ж е н а (*мельком просмотрев газету*). Фи, какая скучная газета. Все политика и политика. Никаких интересных происшествий... Ах! И ни слова о дамских модах... (*Мужу.*) На, бери, читай свою газету... (*Смяв газету в комок, швыряет ее гerez шкаф на половину мужа.*)

М у ж (*разглаживая газету, бормочет*). Нет, я не должен с ней разойтись... Это моя вина, что она такая... Это, несомненно, я не доглядел...

Ж е н а. А что касается журнала, то прежде я сама хочу почитать какие-нибудь там забавные безыдейные рассказы... А впрочем, возьми себе любую половину журнала... (*Разрывает журнал на две гaсти и одну гaсть бросает мужу гerez шкаф.*)

М у ж (*растерянно*). Нина... Ниночка... Ты всегда так бережно относилась к книгам и вдруг...

Ж е н а (*притворно рассмеявшись*). К черту твои книги! Я нарочно делала вид, что их люблю.

М у ж (*вбегая на половину жены*). Что? Что?

Ж е н а. Ничего... И попрошу не пугать так мою кошку. Вот она, бедненькая, вся дрожит от страха и ненависти... Мурка, я приказываю тебе, цапни его, цапни...

М у ж. Нина, один вопрос. Ты хочешь со мной разойтись?

Ж е н а. Да, да, нам необходимо разойтись.

М у ж. Ну, так знай — я не разведусь с тобой!

Ж е н а (*растерянно*). А? Почему?

М у ж. Да потому что ты... Потому что я должен сначала перевоспитать тебя...

Ж е н а (*совсем растерянно*). Нет, я так не... не согласна... Так нельзя... Уж если ты видишь, что я, допустим, мешанка, то ты обязан со мной развестись...

М у ж. Ну, как я тебя брошу такую беспомощную, жалкую! Да ты шага в жизни шагнуть не можешь... Рвешь книги, говоришь всякий вздор... Нет, я так и судье скажу: «Не разведусь с ней, пока не переделаю ее психику...».

Ж е н а. А я судье скажу: «Я неисправима, легкомысленна, у меня на уме только наряды, развлечения и... кавалеры...».

Робко постучав, входит жених Муси — П е т р Ч а й к и н. Муж Нины, увидев его, пятится назад и, по деликатности натуры, уходит на свою половину. И уже там, усевшись на постель, хватается за голову.

Ж е н а (*после длительной паузы*). А-а, милый мой... Долгожданный...

Жених (*пугаясь и отступая*). А-а? ... Что вы, что вы...
Жена (*пронзительно*). Любимый мой! Очаровательный! (*Тихо*).
Да не бойтесь вы... Это я нарочно... (*Жест в сторону мужа*.) Для него...
(*Снова громко*.) Красавец мой ненаглядный!

Муж (*вздрагивая после каждого восклицанья*). Вот... Вот... Вот где причина...

Жена (*громко*). Пьер, без тебя я, как цветок без солнца!

Муж (*услышав это, зарывает голову под подушку*). А-ах...

Жена (*громко*). Все мои мысли только о тебе... и о нарядах...

Жених (*отмахиваясь рукой*). А?.. Гражданка, позвольте, я уйду...
Я...

Жена. Да не бегайте вы так от меня... Ай, ну вас... Ну, ладно, не буду... Что там у вас в руке?

Жених. З-записка от М-муси... (*Подает записку, отдергивает руку*.)

Жена (*прозита записку*). Скажите Мусе, что сегодня вечером я зайду к ней. Сейчас напишу ей два слова... (*Пишет*.)

Муж (*вытащив голову из-под подушки*). Нет, позвольте, а может быть, это она нарочно, для меня инсценирует?

Жена (*отдав записку*). Вот передайте... Пойдите! У вас воротник задрался. Дайте я вам поправлю... Да не бойтесь вы... (*Положив обе руки на плечи Чайкина, поправляет воротник*.)

Муж (*подставив стул к шкафу*). Пусть, пусть это неэтично, но я ради нее должен понять их отношения. (*Влезает на стул и смотрит через шкаф*.) А-ах...

Жена (*проводяя Чайкина*). До свиданья...

Жених (*шепотом*). Значит, вечером зайдете?

Жена. Да...

Муж (*услышав «таинственный» шепот*). Все, все теперь ясно. Она любит его... Ну, тогда другое дело — я должен согласиться на развод ради ее счастья...

Жена (*поет вызывающим тоном арию Кармен*). «Любовь свободна, мир чаруя, законов всех она сильнее!...».

Муж, взяв шляпу, медленно и печально идет к выходу. По уходе мужа
Нина, бросив петь, закрывает лицо руками, плачет.

Картина вторая (5-я) НА КУХНЕ

Собрание жильцов. Квартиранты сидят на стульях и табуретах. Некоторые же квартиранты, прислушиваясь к речам, продолжают заниматься хозяйством — стряпают, гладят и моют посуду.

Среди квартирантов — учительница, толстый бухгалтер, дворничиха и бабушка Дарья Егоровна.

Бабушка сидит на стуле с кастрюлей на коленях. У ног ее вьются три кошки и собака — они умильно поглядывают на кастрюлю. Бабушка то и дело отгоняет животных.

Собрание ведет токарь Антон Томилин.

Речь произносит научный работник. Он в черной академической шапочке.

1

Научный работник. Наука нередко решает вопросы путем исключения. Так и тут. Исключим то, что бесспорно. Спросим себя — радуются ли они, что разводятся? На это легко можем ответить — нет, ни тот ни другой не испытывают радости. Напротив, на их лицах мы видим глубокую скорбь, растерянность и страдание...

Голоса. Оба они извелись... Похудели и пожелтели за одну неделю... Особенно Нина Васильевна...

Научный работник. Правильно. Достаточно взглянуть на их внешний облик, чтобы полностью понять их состояние. Сомнения нет — они оба не рады разводу!

Бухгалтер (с места). Пф-ф... Помню, я разводился в одна тысяча девятьсот двадцать третьем году... Так я... пф-ф... пел и плясал каждую минуту... А тут... пф-ф-ф... (Аплодисменты, смех.)

Научный работник. Да, тут картина иная — они оба сильно страдают... Так какой же вывод мы должны сделать?

Голоса. Надо сделать так, чтобы помирить их... Правильно! Помирить... Не допустить до развода...

Научный работник. С чувством удовлетворения я слышу ваши слова... Да, наш долг — помирить эту славную и юную пару! (Шумные аплодисменты.)

Токарь. Кто еще желает высказаться?

Голоса. Бабушка хотела высказаться... Просим, просим...

Бабушка (в сопровождении кошек и собаки выходит вперед и ставит кастрюлю возле своих ног). Кыш отсюда... Кыш... Вот я вас сейчас... (К собранию.) Нет, я только хотела сказать, что нормальным путем их нельзя примирить. Я же пробовала. В ответ на это Нина нарочно танцует, шумит и гремит... (Кошки с грохотом отбрасывают крышку с кастрюли.) Ой, мой куриный бульон! Брысь, брысь отсюда... Ой, провались вы совсем... Ведь эти звери буквально рта не дают мне раскрыть...

Токарь. Дарья Егоровна, вы уже закончили?

Бабушка (заглядывая в кастрюлю). Да нет, они только начали... Скорей перекипятить!

Токарь. Нет, я говорю, речь-то будете продолжать?

Бабушка. Э, нет, пусть теперь другие выскажутся.

Торопливо входит молодой шофер Сеня Иволгин.

2

Шофер. Грустная новость, Антон Антонович...

Голоса. А что?.. Что?

Шофер. Нина Васильевна была сегодня в нарсуде и подала заявление о разводе.

Голоса. Ну?.. Да верно ли это, Сеня?.. Откуда ты взял?

Шофер. Тактично выяснил через ее подругу Мусю.

Токарь. В таком случае, друзья мои, нам нужно поторопиться...

Бухгалтер. Надо прекратить обсуждения и... пф-ф...

Голоса. Правильно... Прекратить обсуждения...

Токарь. В таком случае перейдемте к решению конкретной задачи — как их примирить... Какие будут предложения?

Учительница. Я предлагаю устроить чай...

Дворничиха. А я, например, к чаю напеку печенье...

Учительница. Мы пригласим обоих на этот чай...

Дворничиха. И за чашечкой чая с печеньями...

Учительница. Как-нибудь урезоним их.

Голоса. Нет... Нина не пойдет на это...

Токарь. Да, пожалуй, мы на эту удочку не поймаем Нину Васильевну. Но в принципе предложение правильное. Нужно создать соответствующую обстановку и вызвать их на откровенный душевный разговор...

Шофер. Стоп! Я создам такую обстановку... Вот как я поступлю... Я тактично приглашу Нину Васильевну покататься в моей машине...

Голоса. Ну?.. И что?

Шофер. Доеду с ней, допустим, до условленного места... А уж вы там как-нибудь тактично посадите мне в машину ее мужа...

Голоса. Ну?.. И что же тогда получится?

Шофер. А получится то, что я разовью немислимую скорость и тогда они на полном ходу, конечно, разговорятся, а?

Голоса. Так Нина сразу же выскочит из машины... Ясно выскочит, когда увидит, что ее мужа в машину сажают...

Шофер. А мы ту дверцу тактично закроем.

Токарь. Нет, Сеня, так нельзя...

Бухгалтер. Это... пф-ф... пахнет американской... пф-ф... авантюрой...

Шофер. Да, пожалуй, это не годится... Тихо... Не мешайте... Дайте мне подумать... *(Думает, потирая лоб.)*

Т о к а р ь. В таком случае, друзья, позвольте мне сказать. Есть у меня одна думка, только вот не знаю, как ее практически осуществить... Как известно, в наш город приезжает знаменитый певец Иван Колковский...

Г о л о с а. Он в субботу выступает... В опере «Травиата»...

Т о к а р ь. Так вот, желательно, чтобы Нина и Евгений пошли бы на этот спектакль. Пусть они придут по отдельности, а уж там окажется, что их места рядом...

Г о л о с а. Но как?.. Как это сделать?

Т о к а р ь. Минуточку... А уж если их места окажутся рядом, то все дальнейшее сложится само собой. Под музыку они непременно разговорятся и помирятся. (*Аплодисменты.*)

Г о л о с а. Билетов не достать. В первый день все было раскуплено...

Т о к а р ь. Минуточку... Два билета у меня есть в ложу № 3. (*Показывает билеты.*) Так вот, отрываем один билет от другого... (*отрывает билеты*) и каждый такой отдельный билет преподнесем поссорившимся супругам. И тогда можно будет смело сказать, что в субботу в ложе № 3 произойдет их славное примирение!.. (*Бурные аплодисменты.*)

Г о л о с а. Чей суп на плите кипит?.. Вон как пар хлещет... Гляди, кастрюля взорвется...

Б а б у ш к а. Ой, батюшки, это мой суп... Ну вот, выкипело все. Одни косточки остались. Придется кошкам отдать. (*Дает кошкам.*) Кыш... Погодите... Горячо...

Г о л о с а. Антон Антоныч, надо, чтобы Нина и Евгений не знали о наших планах... Иначе они в театр не пойдут...

Б а б у ш к а. То есть, как это не пойдут?.. Минуточку... Дайте-ка мне один билет. Я его Ниночке преподнесу. Скажу, что мой племянник...

Т о к а р ь. Правильно, бабушка. Что-нибудь придумайте и... А уж Евгения Евгеньевича я беру на себя... Тсс...

Через кухню торопливо проходит подруга Нины — М у с я Б а р а б а н о в а.

3

Б а б у ш к а. Она к Нине пошла...

Т о к а р ь. И сейчас, наверно, они вместе выйдут на улицу... Давайте уйдем из кухни. Пусть одна бабушка останется, чтобы вручить ей билет.

Б а б у ш к а. Антон Антоныч, а как же ты сам? Отдал свои билеты и лишил себя развлечения — в театр пойти.

Т о к а р ь. Да, тут есть некоторая запятая. То худо, Дарья Егоровна, что я уже договорился с одной знакомой пойти. Но ничего, как-нибудь выкручусь... Тсс... кажется, идут...

Бабушка с билетом в руках устремляется в коридор. Жильцы поспешно уходят из кухни. Появляются обе подруги и с ними бабушка.

4

Ж е н а. Спасибо, бабушка. Пойти хотелось бы, но...

Бабушка. Как можно не пойти, если такой удивительный случай. Билет чуть не с неба свалился на голову...

Ж е н а (*обняв старуху*). Спасибо... И племяннику скажите, что я очень благодарна ему... (*Подруги уходят.*)

На просцениуме.

Ж е н а. Ах, Муся, мне не до этого сейчас...

П о д р у г а. Нет уж, пойди. Развлечешься.

Ж е н а. Да и одной не хочется. Я всегда с Женей бывала, а тут...

П о д р у г а (*тараторит*). Нина, я бы охотно пошла с тобой. И второй билет легко бы достала через Петра — ведь у него в театре все знакомые. Но в субботу, как назло, у меня целых два совещания, где я стенографирую... А ты знаешь что? Пойди в театр с моим Петром. Нет, верно, пойди с ним. Он и второй билет достанет и...

Ж е н а. Уж, право, не знаю...

П о д р у г а. Нет, решено — ты идешь с Петром. Правда, учти, он не любит музыку. Вернее, он ее обожает, но он слышал столько мотивов, что теперь ему не до них. Он почему-то признает только то, что не слышал. А я наоборот. В общем, мы как-то пошли с ним в оперу и он там качался, как от зубной боли. И уж, конечно, после этого я перестала с ним в театры ходить.

Ж е н а. Вот тем более. Зачем же его мучить?

П о д р у г а. Ничего. Пусть немножко помучается. Он для меня на любую жертву пойдет... А что ты задумалась? Боишься, что тебе будет с ним скучно? А ты поступай, как я — говори сама, а он пусть молчит... Не знаю, мне, например, с ним очень легко. Он молчит, а я говорю. И этим мы как-то дополняем друг друга... (*Уходят.*)

Картина третья (6-я) В ТЕАТРЕ

Четыре ложи у самой сцены (по две ложи справа и слева). Под ложами виден оркестр. В театре еще неполное освещение и занавес опущен. Подходят музыканты, настраивают инструменты. В первую ложу (справа от зрителей) входит токарь Антон Томилин. С ним бабушка Дарья Егоровна — в старинном шелковом платье, с веером в руках. Вслед за ними в ложу входит билетерша.

1

Бабушка. Антоша, мы их сверху увидим. Зачем сюда идти?
Токарь. Погодите, Дарья Егоровна. Надо же нам запомнить, где эта ложа № 3... Вот видите — она вторая от сцены...

Билетерша. Ваши билетки...

Бабушка. У нас нет билетов, товарищ кассирша...

Токарь. Пойдите, бабушка, я поясню... Товарищ билетерша, вот записка от товарища Гуляева. Он просит экстренно пропустить нас в театр...

Бабушка. Чтобы выяснить, пришли ли они...

Билетерша. Кто?

Бабушка. Евгений и Нина...

Токарь. Погодите, бабушка... (*Поясняет.*) Двое должны прийти в ложу № 3 и там примириться...

Бабушка. Иначе у них развод...

Билетерша. Тут сказано — в четвертый ярус пропустить.

Токарь. Знаем. Мы только выясняли, где ложа № 3.

Билетерша. Вот это и есть ложа № 3.

Токарь. Запомните, бабушка.

Токарь Антон Томилин, взяв бабушку под руку, уходит. Дается полное освещение и оркестранты перестают настраивать инструменты. В ложу № 3 входят муж Нины Евгений Уважаев и докторша Серафима Громова.

2

Докторша. Ты что, купил второй билет?

Муж. Нет, взял приставной стул в ложу № 3.

Докторша. Много заплатил? Я, Евгений, не люблю, если на меня швыряют деньги.

Муж. Да нет, пустяки.

Докторша (*усаживаясь*). Так, говоришь, поссорился с Ниной? Ничего, помиришься...

Муж (*пегально*). Нет, вряд ли она пойдет на это.

Докторша. А ты знаешь, ведь я с моим Антоном тоже чуть не поссорилась.

Муж. А что он?

Докторша. Да билеты в театр потерял. Говорит — обронил или сунул мимо кармана. Я уж и не поняла, что он там лепетал по телефону.

Муж. Это не похоже на него.

Докторша. Тем не менее факт остается. А уж если он такая рохля в личной жизни, то... Нет, надо будет пересмотреть отношения и... Да подтянись ты немного... Сидишь, как на панихиде.

Муж (*подтягиваясь*). Нет, я ничего... (*Подходит продавщица с подносом, и Евгений покупает у нее коробку конфет.*)

Докторша. Стой, стой! Ты опять на меня деньги швыряешь? И откуда у тебя, Евгений, такие замашки? Кажется, я и сама могу тебя угостить... Дайте-ка нам два стаканчика мороженого... (*Купив, едят.*)

В ложу входит какая-то женщина с пятилетним ребенком на руках.
За ней появляется билетерша.

3

Билетерша. Гражданка, вы что, в своем уме — с ребенком в театр прийти?

Женщина. Не могу же я его одного дома оставить... Да вы не беспокойтесь — он у меня умный и любит музыку, даже сам одним пальчиком на рояле играет...

Билетерша (*посмотрев билет*). Вот ваше место... Нет, эти два стула заняты... (*Уходит.*)

Женщина (*усевшись с ребенком позади Евгения и Симы*). Петенька, вот это называется — сцена.

Ребенок. А это?

Женщина. А это ложа... где мы сидим.

Ребенок. Мама, а это?

Женщина. А это... это коробка конфет, Петенька.

Докторша. Евгений, угости ребенка конфетами. Видишь, — он сладкого хочет.

Муж (*угощая*). Мальчик, возьми... Возьми...

Женщина. Петенька, скажи дяде спасибо.

Ребенок. Пасибо...

Муж. Славный парнишка... У-у ты, бутуз какой...

Докторша. Да возьми ты его на руки, Евгений. Видишь, ребенок тянется к тебе.

Муж (*женщине*). А верно, пусть он у меня посидит на коленях. Ему будет тут видней.

Женщина. Мне, право, неловко стеснять вас.

Муж (*взяв ребенка*). Ничего, ничего... Сейчас мы с ним будем конфеты кушать. Да, Петенька?

Ребенок. Та...

Женщина. Петенька, зачем же ты целую горсть взял? Положи обратно. Возьми одну.

Докторша. Евгений, да поиграй ты с ребенком... Подкинь его вверх, подкинь... Нет, мой Антон в этом отношении...

В ложе напротив появляется токарь Антон Томилин. С ним бабушка. Билетерша преграждает им путь.

4

Билетерша. Ведь сказано — ваши места в четвертом ярусе.

Токарь. Не видно оттуда ложу № 3.

Бабушка. Войдите в положение, товарищ кассирша.

Билетерша. Нельзя, нельзя. Уже второй звонок.

Томилини и бабушка удаляются. В последний момент докторша Серафима видит Антона и спину расфранченной бабушки.

5

Докторша (*приподнявшись*). А ведь это мой Антон!

Муж. Где? Где?

Докторша. Да вот... И под руку с какой-то особой...

Муж. Да, это он...

Докторша (*растерянно*). А? Евгений... Что ж это?.. Сказал, что билеты потерял, а сам... Нет, пересмотреть отношения и к черту!.. Фу, как он меня взволновал...

Муж. Успокойся, Сима...

Докторша. Хочешь идти с подружкой — не возражаю. Но зачем же так низко поступать?.. Ой, прямо мне нехорошо стало от его поступка... Ф-фу...

В волнении Серафима склоняет свою голову на плечо Евгения. Издали получается милая семейная сцена — ребенок на коленях и рядом «нежная жена». Третий звонок и в зале постепенно меркнет свет. В ложе (рядом с ложей № 3) появляются токарь Антон и бабушка.

6

Токарь (*громко шепчет*). Бабушка, давайте сюда... Сядем, пока ложа свободны...

Бабушка (*сев, озирается*). Ой, Антоша, а ведь плохи дела! Евгений-то с какой-то другой пришел...

Токарь. Где? где?.. (*Приподнимаясь*.) Дарья Егоровна... Ведь это же моя Сима... Ой, батюшки...

В ложе напротив появляется шофер Сеня. За ним следуют уже знакомые нам квартиранты — бухгалтер, учительница и дворничиха тетя Варя.

7

Шофер (*звонким шепотом*). Все тактично сюда!.. Здесь постоим, поскольку у нас билетов нет...

Бухгалтер. Пф-ф... Вот ложа № 3... Пф-ф...

Учительница. Но там, по-моему, сидят другие.
Дворничиха. Один из них — он!
Шофер. Тсс... Помолчите тактично...
Бабушка (*сдавленным шепотом*). Антоша... И ребенок у них...
Ребенок-то откуда?
Токарь (*глухо*). Ой, Дарья Егоровна...
Дирижер стучит палочкой. Начинается увертюра. С первыми звуками оркестра в ложе № 3 появляются двое запоздавших — жена Нина и жених подруги Петр Чайкин.

8

Билетерша. Вот ваши места, Петр Иванович.
Бабушка. Антоша... Нина пришла... И тоже не с тем...
Токарь (*глухо*). И та, и этот не с тем...
Голоса. Тсс... Не мешайте... Дайте слушать...

Заканчивается (сильно сокращенная) увертюра и поднимается занавес. В ложах становится светлей и муж Евгений, увидев почти рядом свою жену Нину, едва не роняет ребенка.

9

Муж (*шепотом*). Сима... Они... (*Показывает рукой.*)
Докторша (*поглядев на соседнюю ложу*). Да, да, это Антон и та...
в шелковом платье...

Голоса. Тише... Не мешайте...

На сцене идет первый акт оперы «Травиата». Акт настолько сокращен, что выглядит пародийно.

Во время сценического действия напряжение наших героев в ложах не ослабевает. Однако все ситуации возникают без слов.

Токарь Антон Томилин время от времени приподнимается и всматривается в ложу № 3.

Бабушка Дарья Егоровна нервно следит за Ниной.

Евгений Уважяев, поглядывая на жену, пробует освободиться от ребенка. Он ставит его на пол, но ребенок снова вползает на его колени.

Серафима Громова, еще раз заглянув в соседнюю ложу, беспомощно склоняет свою голову на плечо Евгения.

Жена Нина внимательно следит за действием оперы и пока не видит мужа. Петр Чайкин рядом с ней и покачивается в такт музыке, как от зубной боли.

Но вот Нина, обернувшись в сторону мужа, видит «семейную сцену».

Нина вскакивает и, закрыв лицо руками, выбегает из ложи.

Увидев это, Евгений собирается бежать за ней, но в замешательстве не знает, куда деть ребенка. Сначала он бежит с ним, потом, вернувшись, пробует передать ребенка Симе. И, наконец, передав его матери, убегает.

Серафима (не сразу) бежит за ним.

Вслед за Серафимой бежит токарь Антон Томилин. Бабушка, взмахнув руками, следует за ним.

Шофер Сеня, заметив бегство, негромко командует: «Все тактично за мной...». Квартиранты и он уходят.

И только Петр Чайкин, не замечая ничего, остается на своем месте до конца (сокращенного) акта. Аплодисменты публики заставляют его встрепенуться. Не увидев своей соседки, он, озираясь, выбегает из ложи.

Падает занавес и артисты выходят к рампе раскланиваться. Бурные аплодисменты.

Картина четвертая (7-я) НА УЛИЦЕ

Вечер. Улица. Вдали гремит гром — приближается гроза. Прохожие с беспокойством поглядывают на небо.

Из окон освещенного ресторана доносятся звуки оркестра. На улице появляется муж Нины Евгений Уважаев.

1

Муж (озираясь). Нигде нет ее... И дома нет... И тут нет... (*Увидев подъезд ресторана.*) Может быть, они сюда зашли? (*Заходит в ресторан и там остается.*)

Неторопливо идут двое — подруга Муся и ее жених Петр Чайкин.
Муся с портфелем.

2

Подруга. Значит, она просто убежала из театра? Бросила тебя, как собеседника, и... Очень мило!

Жених. Нет, она...

Подруга. Петр, это тебе отличный урок — не ходи с другими женщинами, кроме меня. Правда, в данном случае я тебя сама об этом попросила, но... Ой, кажется, дождь!.. Беги скорей домой, а то простудишься... Подними воротник... Дай, я сама подниму... Ах, Петя, Петя, вечно с тобой нужно нянчиться... Ну, теперь беги... А мне тут недалеко... Я сама дойду... (*Поцеловавшись, разбегаются в разные стороны.*)

Идет сильный дождь. Прохожие бегут в ворота и подъезды. Муся прячется от дождя в подъезде ресторана.

3

Г о л о с а. Небольшая тучка... Уже, уже дождь проходит...

П о д р у г а. Главное, мне нельзя ждать. Я тороплюсь на совещание, где стенографирую.

Г о л о с а. Кажется, можно идти... Да...

Публика расходится. М у с я собирается уходить. Из дверей ресторана выходит муж Нины Е в г е н и й. Походка у него не совсем твердая.

4

П о д р у г а. Евгений Евгеньевич... Вы что тут?

М у ж. А, это вы... Да я тут немного, так сказать...

П о д р у г а. Вижу и удивляюсь на вас...

М у ж. Впервые, так сказать, в жизни... Двести грамм выпил... Почему что...

П о д р у г а. Ах, мне некогда с вами беседовать. Я тороплюсь. (*Громко крига ему на ухо, как глухому.*) Тороплюсь... Понимаете? (*Показывая жестом.*) Стенографирую... Поняли?.. Однако в заключение скажу вам, что Нина очень страдает. И вы обязаны облегчить ее муки...

М у ж (*подтянувшись*). Но как? Как это сделать?

П о д р у г а. Вы должны помириться.

М у ж. Она любит другого.

П о д р у г а. Ах, она любит другого! А я и не знала... Кого же она любит?

М у ж. Вы отлично знаете, о ком речь.

П о д р у г а. Я?! Клянусь вам, ничего не знаю... О, в таком случае мне понятно, почему она так страдает! У нее, видимо, раздвоилось чувство — к вам и к тому, о ком вы говорите.

М у ж. Что же теперь делать?

П о д р у г а. Нужно сделать так, чтобы она одного из вас разлюбила... Ай, мне некогда! Я опаздываю. Прощайте. (*Убегает.*)

5

М у ж (*бормочет*). Да, Ниночка... я сделаю так, что ты меня разлюбишь... Я желаю тебе только счастья... Я облегчу твои муки... Сейчас приду домой и... (*Топает ногой, и тотчас, как бы в ответ, раздается сильный удар грома.*) Приду домой и скажу ей, что я... (*Вторично топает ногой, и тогда раздается еще более сильный удар грома.*)

У в а ж а е в, тяжело шагая, идет домой, и грохот его шагов сливается с грохотом грозы. Сверкает молния и яростный ветер треплет флаги, качает ставни и вывески.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина первая (8-я) В КОМНАТЕ

Евгений Уважаев (на своей половине) занимается физическими упражнениями. Он прыгает через стулья, приседает и (под радиомузыку) притоптывает ногами так, что гремит посуда, звенят стекла и на стенах качаются картины. Жена Нина с книгой в руках сидит на своей постели. Прислушивается к шуму. Внешний облик мужа и жены значительно изменился — оба они похудели и пожелтели еще больше.

От сильного грохота кошка в ужасе взбирается по занавеске на карниз и оттуда снова прыгает на пол.

1

Жена. Я же просила так не топать. Ты этим пугаешь мою кошку... (Взяв кошку на руки.) О, какой жуткий человек там живет, кисенька. Это зверь в образе человека... Не понимаю, почему мне так жалко с ним разойтись...

На пороге комнаты появляется сосед — токарь Антон Томилин.
Он в пижаме.

2

Токарь. Что за шум, друзья мои? Соседи обижаются.

Муж. Да это я физические упражнения делаю...

Токарь. Ах, друзья мои... Сердце мое разрывается на части. И ваше-то дело хочется поскорей приостановить, и мое-то дело не терпит никакого отлагательства... (Подойдя к мужу.) Евгений, повтори, сделай милость, что Сима-то сказала?

Муж. Она сказала, чтобы ты сегодня приехал к ней.

Токарь. Так и сказала, чтобы приехал? Да, тогда надо срочно ехать... А вы, друзья, как-нибудь потерпите до моего возвращения. Вот вернусь, и тогда мы постараемся ликвидировать вашу нелепую ссору... Да, надо ехать! (Торопливо уходит.)

Жена. Евгений, я же просила так не топать.

Муж. Я на своей половине.

Жена (сквозь слезы). Раньше ты выполнял мою просьбу с первого слова...

Муж. Да, когда я любил тебя, то...

Жена. Что ты хочешь этим сказать? Что у тебя больше ко мне ничего не осталось?

Муж. Решительно ничего.

Жена (кошке). Кися... он больше не любит нас с тобой...

М у ж. Да-с, чувство прошло и, собственно говоря, никогда его и не было.

Ж е н а (*растерянно*). То есть, как не было?.. Кися... он говорит... не было чувства... к нам...

М у ж (*бормошет*). Кажется, надо усилить порцию... (*Громко.*) Никакого чувства не было. Так — фантазия, самообман...

Ж е н а. Что, что?

М у ж. Выдумка, говорю, была, фантазия, а не любовь.

Ж е н а. О, теперь мне стало легко... с тобой разойтись...

М у ж. Это произойдет в пятницу. (*Взяв газету.*) Вот уже сегодня напечатано объявление... (*Читает.*) «Дело о разводе... подлежит рассмотрению... в нарсуде центрального района...».

Ж е н а. Можешь не читать мне. Я сама передала в газету это объявление. И теперь мечтаю, чтоб поскорей наступила пятница...

Входит токарь А н т о н Т о м и л и н. Он придет и принаряжен.
С цветком в петлице.

4

Т о к а р ь. Еще раз прошу извинить за беспокойство... (*Подойдя к мужу.*) Евгений, значит, она именно так и сказала, чтобы я срочно приехал?

М у ж. Да, чтоб ты сегодня приехал.

Т о к а р ь. Ну, а скажи — она очень сердится на меня?

М у ж. По-моему, сердится, но... Она, главное, не понимает, что произошло в театре.

Т о к а р ь. Ну, это я все объясню ей сейчас... А вы, друзья мои, потерпите и... Нет, сегодня я вас непременно помирю... А пока сердечная просьба — не шуметь так. Ведь нынче воскресенье — каждому хочется отдохнуть... (*Торопливо уходит.*)

5

М у ж (*сидя на кровати, притоптывает ногами, бормошет в паузе*). Ах, черт, все больше и больше ее люблю...

Ж е н а (*бормошет*). Все сильнее и сильнее к нему мое чувство... (*Громко.*) Евгений, если ты не хочешь мою просьбу выполнить — быть потише, то, кажется, можно посчитаться с соседями, которые просили не шуметь.

М у ж. А какое мне дело до них?

Ж е н а. Что? Что? (*Смотрит в щель между шкафами и видит, что муж, притоптывая ногами, сидит на кровати, закрыв лицо руками.*) Евгений... ты нарочно на себя наговариваешь... (*Прибежав на половину*

мужа.) Я же знаю, как ты бережно относишься к коллективу... (Подбежав к мужу и схватив его за руку.) Ты нарочно... нарочно все... сознайся...

Муж. Нина...

Жена. Сознайся... Сознайся же скорей!

Муж. Ниночка, я... чтобы тебе было легче...

Жена. Евгений...

Муж. Ниночка...

Жена. Женя... счастье мое... (Отступив.) Нет, позволь... А как же все... Ведь я же видела своими глазами...

Муж. Что, что ты видела?

Жена. Серафима и ты... Там, на скамье, и в театре... И ребенок...

Муж. К-какой ребенок?.. Нина, Ниночка, так я же тебе все объясню... (Отступив.) Нет, позволь, а как же твое чувство к этому...

Жена. К-какое чувство?

Муж. Да к этому... композитору...

Жена. К Чайкину?!.. Евгений, да я тебе сейчас все объясню. Ведь он и Муся...

Муж. Погоди. Давай пройдем на балкон, а то здесь душно... Дышать нечем...

Оба выходят на балкон. Кошка подходит к двери балкона и, выгнув спину, подняв хвост, потягивается.

Порывисто открывается дверь из коридора и в комнату входит токарь Антон Томилин. Позади токаря толпятся квартиранты с шофером Сенеи во главе.

6

Токарь (потрясая газетой). Пусть, пусть я опоздаю на поезд, но я с ними крепко поговорю... (Похлопывая рукой по газете.) Я покажу им, как объявления о разводе печатать...

Шофер (квартирантам). Все тактично входите... По одному, по одному. (Квартиранты входят.)

Токарь. Позвольте, а где же они?

Бухгалтер. Пф-ф... никого...

Учительница. Только одна кошка.

Бабушка (с кастрюлей в руках). Кыш... кыш... провались ты совсем... (Отгоняя кошку.) Шагу шагнуть не дает...

Токарь (увидев Нину и Евгения на балконе). Тсс... Кажется, они помирились... Мирно разговаривают... Не мешайте, не мешайте им...

Шофер (квартирантам). Все тактично назад...

Бабушка (кошке, которая подпрыгивает, чтобы достать кастрюлю). Кыш, говорят тебе!

Услышав окрик бабушки, Нина и Евгений выходят в комнату.

Муж. Что такое? В чем дело, Антон?

Токарь. Да вот, Евгений, зашли к тебе... *(Потрясая газетой.)* Ведь это же никуда не годится — объявление о разводе печатать...

Муж. Мы уже, уже помирились, Антон...

Жена. Почти все выяснили. И только я...

Токарь. Так надо было прежде выяснить, а уж потом затруднять судей и наборщиков своими переживаниями!

Голоса. Только засоряете печать... Такие скучные строчки печатаете...

Токарь. Да вместо этих строчек лучше бы вы...

Шофер *(перебивая)*. Тактично прошу слова, Антон Антонович... Лучше бы газета на этом месте напечатала бы мои стихи...

Бухгалтер. Пф-ф... Все-таки было бы легче читать...

Жена. Сознаюсь... мы немножко поторопились...

Муж. Вины, Антон Антоныч...

Токарь. Нет, на месте народного судьи я бы вас проучил. Развел бы вас годика на три...

Голоса. Вот тогда и запомнили бы, как поступать...

Токарь. Правильно... Ай, я опаздываю на поезд... *(Шоферу.)* Сеня, прими командование... А я попозже вернусь и дожду их... *(Убегает.)*

Шофер *(приняв грозную позу)*. Сейчас мы их... *(Видя, что супруги мирно, но оживленно беседуют.)* Тсс... *(Квартирантам.)* не станем мешать им... Пусть они договорятся... Все тактично назад...

Все, тихонько ступая, выходят из комнаты. Остаются муж и жена.

8

Муж. А к Серафиме у меня всегда было только лишь дружеское отношение... *(На улице плачет ребенок.)*

Жена *(услышав плач, вздрагивает)*. Я, конечно, верю тебе, Евгений, но... *(Снова за окном плачет ребенок.)* А скажи, к кому же относились эти твои... *(жест в сторону окна)* твои глубокие переживания?

Муж. Какие переживания?.. Ниночка, знаешь что, поедем за город и там поговорим...

Жена. А верно, поедем в «Пески» и в поезде поговорим...

Муж. Нина, самолет нашего Главуправления отправляется в три часа. Хочешь, полетим самолетом? *(На улице снова плачет ребенок, и Нина вздрагивает.)* Ты что вздрогнула? Боишься лететь самолетом?

Жена. Я?.. *(Засмеявшись.)* Милый мой, у меня семь прыжков с парашютом, из которых два затяжных... Об этом, Женя, надо знать до брака...

Муж. И уж во всяком случае до развода... (Оба, смеясь, идут к выходу.)

Затемнение. Потом мы видим золотистые облака, освещенные солнцем.

И маленький самолет, летящий в облаках.

Снова короткое затемнение. И мы видим, как два парашютиста плавно спускаются вниз.

Картина вторая (9-я) НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Декорация второй картины – поселок «Пески». По дорожке медленно идут двое – токарь Антон Томилин и докторша Серафима Громова.

1

Токарь. А то, что я с бабушкой был в театре...

Докторша. Антон, об этой театральной истории я бы не хотела пока говорить. Я позвала вас по делу Евгения и Нины.

Токарь. Так ведь они помирились!

Докторша. Ах, они помирились?

Токарь. Помирились... А с бабушкой я был в театре...

Докторша (*перебив*). Антон, я же просила вас не касаться театральной истории.

Токарь. Так ведь эта история – часть дела Нины и Евгения, которым я отдал свои билеты, чтобы примирить их...

Докторша. Ах, вы им отдали билеты? Ну, правильно сделали. Тогда я претензий к вам не имею. Давайте и мы помиримся.

Токарь. Серафима Павловна, не успокойсь, пока не пойдете со мной в театр.

Докторша. В принципе я согласна. Потом поговорим.

Токарь. Так ведь билеты-то взяты на сегодня...

Докторша. А когда начало?

Токарь. В восемь... И опять Колковский выступает в «Травиате».

Докторша. Ну, ладно, поедем. Сейчас пойду переоденусь.

Токарь. Серафима Павловна, да и в таком виде я вас хоть в Академию наук поведу!

Докторша. Нет, Антон, в театр я люблю прилично одеться. (Оба уходят.)

Со стороны поселка идут трое – Нина и Евгений Уважаевы и прораб Федор Кузьмич. Прораб с собакой.

2

Прораб. А теперь отдохните, уважаемый Евгений Евгеньевич.

Муж. Да, мы с Ниной хотим немного пройтись.

Прораб. Погуляйте после трудов праведных... Вон как кругом красиво...

Жена. И только подумать, Женя, что вся эта красота руками человека сделана!

Прораб (*строго*). Вот поэтому, Нина Васильевна, мне и не хотелось тут о мелких мелочах говорить... Ну, не стану мешать вам... (*Собаке*.) Ласка, за мной... (*Уходит*.)

3

Муж. Чудный старик. Вдохновенный работник... А скажи, Нина, почему он так строго с тобой разговаривал?

Жена (*смущенно*). Так ведь мы с Мусей... в прошлый раз... к нему зашли... узнать... твою историю...

Муж. Ах, эту историю?

Жена. Да, эту историю твоей любви... Евгений, только честно, честно ответь мне... К кому в прошлую осень относилось твое глубокое чувство и эти... эти слезы?

Муж. Слез не было, Ниночка... А чувство было только к тебе...

Жена. Но ведь это было до нашего знакомства...

Муж. Так я же в первый раз увидел тебя раньше, летом. И тогда понял, что я полюбил тебя навек...

Жена. А что же ты мне раньше об этом не сказал?

Муж. Мне не хотелось, чтобы ты подумала обо мне как о человеке, который с первого взгляда...

Жена. Ничего плохого в этом нет... Только я не понимаю, почему ты не хочешь признаться, что ты... что ты... плакал? Вот Андрей Болконский, когда делал предложение Наташе... спазмы в горле и...

Муж. Нет, у меня тоже что-то было, но я...

Жена. Милый... любимый... (*Целует*.) В другой раз ты не сдерживай себя и... плачь на здоровье...

Слышится лай собак, и вскоре на дорожке появляются подруга Муся Барбанова и ее жених Петр Чайкин. Несколько собак с лаем сопровождают их.

4

Подруга (*собакам*). Прочь... Уйдите... (*Жениху*.) Петр, главное, не надо бояться собак, и тогда они не тронут... Нина!.. Евгений Евгеньевич... Я так и думала, что вы сюда мириться поехали... Вот, Евгений Евгеньевич, познакомьтесь с моим женихом...

Жених (*косясь на собак*). Петр Чайкин...

Подруга. Петр, встань сюда, а то они и в самом деле могут тебя укусить... (*Нине*.) Его в детстве укусила собака и поэтому он немного

боится их. А они отлично чувствуют, кто их боится, и нападают... (Собакам.) Прочь, прочь отсюда... Петр, сядь на скамью, а то ты нервируешь собак...

Муж (собакам). А ну, давайте отсюда... Уйдите, уйдите... (Собаки покорно уходят, виляя хвостами.)

Подруга. Видишь, Петр, животные отлично понимают, на кого не надо лаять...

Муж. Нина, я схожу за Симой. Познакомлю тебя с ней.

Жена. Скажи ей, что мы ждем ее и любим... (Муж уходит.)

5

Подруга. Ах, Нина, как я рада, что ты помирилась с Евгением. Понимаешь, когда у самой счастье на душе, то хочется, чтобы весь мир был наполнен счастьем... Ах, да, кстати, ты выяснила у Евгения эту историю со слезами?

Жена (гордо). Да, это относилось ко мне.

Подруга. Петр, ты слышал? Оказывается, эти слезы относились к Нине... А ты в отношении меня? Кажется, мог бы хоть раз...

Жених. Мусенька... А весной...

Подруга. Ах, это когда я не велела тебе больше приходить ко мне? Ну, тогда просто сморщил лицо и... И теперь хочешь на этом отыграться?.. А впрочем, Нина, это тоже до некоторой степени говорит о глубоком чувстве.

Жена. Нет, это, конечно, не то, но...

Подруга. Гляди, гляди... Мой-то пошел цветы для меня собирать. Хочет загладить свою вину... Видишь, какая у него тоже душевная чуткость... Вообще, все говорят, что работники искусства — это очень трудный народ. Это верно. Но зато душевная тонкость у них значительно выше, чем у инженеров...

Вдали появляются — Серафима, токарь Антон и Евгений
Уважаев. На ходу они о чем-то горячо беседуют.

6

Подруга. Нина, я, пожалуй, погуляю с Петром. А то он сегодня бледный, и я боюсь, что у него голова разболится.

Жених. Муся, у меня уже болит голова.

Подруга. Вот видишь... Пройдемся...

Муся и Чайкин уходят. И вскоре вдали раздается дружный лай собак.
Нина идет навстречу мужу.

7

Муж. Сима, познакомься с моей женой...

Докторша *(здороваясь)*. Серафима Громова... *(Обе женщины, идя позади, тихо беседуют.)*

Токарь. Нет, дорогой Евгений, развод это не шутка. Уж признайся, что ты поступил более чем легкомысленно.

Муж. Так ведь бывают такие случаи, когда не сразу в них разрешишься.

Токарь. Вот тогда и надо правду рубить с плеча!

Муж. Да, иначе вырастет снежный ком...

Токарь. Только чистейшая правда может устранить недоразумение...

Докторша. Это кто там о правде шумит? А ты сам, Антон...

Токарь. А что я? Что?

Докторша. А кто сказал мне, что билеты в театр потерял?

Токарь. А ведь верно, черт возьми... Растерялся тогда и сказал не то... Видите, как еще крепко держат меня пережитки прошлого... И не надо врать, а соврал... Ну, в таком случае, друзья мои, винюся и смокаю...

Докторша. Антон, нам надо поторопиться, а то я боюсь, что мы к началу опоздаем.

Токарь. До свиданья, друзья мои...

Все. Привет... Привет...

Нина целует на прощанье докторшу и та торопливо уходит с Антоном.

Евгений и Нина медленно идут к реке, взявшись за руки.

8

Жена. Как хорошо, Евгений...

Муж. Да... Все очень хорошо, Ниночка...

Оба садятся на берегу реки и молча сидят, прижавшись плечом к плечу.

Солнце опускается все ниже и ниже.

Наступает полумрак, и в этом полумраке мы видим только силуэты сидящих. Потом слышим звук поцелуя.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

или О ТОМ, КАК ГОРЬКИЙ
СТАЛ ПИСАТЕЛЕМ

Пьеса в 4-х действиях

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DEPARTMENT OF POLITICAL SCIENCE
1100 EAST 58TH STREET
CHICAGO, ILLINOIS 60637
TEL: 773-936-3300
FAX: 773-936-3300
WWW.POLSC.UCHICAGO.EDU

LEWIS BRANT

BRANT, LEWIS
1100 EAST 58TH STREET
CHICAGO, ILLINOIS 60637
TEL: 773-936-3300
FAX: 773-936-3300
WWW.POLSC.UCHICAGO.EDU

BRANT, LEWIS
1100 EAST 58TH STREET
CHICAGO, ILLINOIS 60637
TEL: 773-936-3300
FAX: 773-936-3300
WWW.POLSC.UCHICAGO.EDU

BRANT, LEWIS
1100 EAST 58TH STREET
CHICAGO, ILLINOIS 60637
TEL: 773-936-3300
FAX: 773-936-3300
WWW.POLSC.UCHICAGO.EDU

BRANT, LEWIS
1100 EAST 58TH STREET
CHICAGO, ILLINOIS 60637
TEL: 773-936-3300
FAX: 773-936-3300
WWW.POLSC.UCHICAGO.EDU

BRANT, LEWIS
1100 EAST 58TH STREET
CHICAGO, ILLINOIS 60637
TEL: 773-936-3300
FAX: 773-936-3300
WWW.POLSC.UCHICAGO.EDU

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая МЛАДШИЙ ПОСУДНИК

Пароход. Судомойная каюта. Большой стол, уставленный грязной посудой. У стола старший посудник — двадцатилетний вихрастый парень. Он торопливо моет посуду, небрежно вытирает ее полотенцем.

В сторонке другой стол, чистый. Над ним в стене оконце, закрытое деревянной переборкой. Когда переборка открывается, то видна буфетная стойка и часть ресторанного зала.

За чистым столом пьет чай повар Михаил Акимович Смурый. Это огромный, грузный человек с черными щетинистыми усами. На нем белая куртка и белый колпак.

Перед поваром высокий подросток — Алеша Пешков. Ему лет 15. Он в белом переднике.

Из ресторанного зала доносятся визгливые звуки скрипки.

Смурый (*пьет гай из блюдежка*). А дальше что?

Пешков. А дальше... Школу бросил. Пошел с ребятами в ветошники. Кости и тряпки собирал в помойных ямах...

Смурый (*укоризненно покагивая головой*). Ну, много ли этим работаешь...

Пешков. За пуд тряпок давали двадцать копеек, а за кости гривенник...

Смурый. Не легкий труд...

Пешков. Потом я пошел к чертежнику в ученики. Он обещал обучить меня чертежам. Но вышло иначе — на кухне пособлял хозяикам. Полы мыл. Помой выносил. В лавочку бегал за хлебом.

Смурый. М-да... Неинтересные картины жизни... Ну, дальше рассказывай...

Пешков. Дальше?... Вот теперь вы на пароход меня взяли — младшим посудником.

С м у р ы й. Да, Пешков, неинтересная у тебя география жизни. Однако поучительная.

П е ш к о в. Чем же поучительная, Михаил Акимыч?

С м у р ы й. Она тем поучительная, что ты к работе приступил, не имея образования. Будь бы я богатый, погнал бы я тебя прежде учиться.

П е ш к о в (*вздыхнув*). Учиться мне очень хотелось бы...

С м у р ы й. Без науки нельзя. Пропадешь, как кутенок. Сам-то я не горазд ученый человек, нет. Кто я? Отставной гвардии унтер-офицер. Учен на медные деньги. Но при этом многое понимаю. Знаю — разница между людьми только в их глупости...

Б у ф е т ч и к (*открыв оконце*). Два чайных прибора... Жива-а...

С т а р ш и й п о с у д н и к. Даю-с... (*Подает в оконце*.)

С м у р ы й. ...Но эта глупость и темнота не останется при человеке, если он будет книжки читать. Я сам, например, всякий день книги читаю... А как ты, Пешков? Любишь ли ты книги читать?

П е ш к о в. Очень люблю читать... Вот Пушкина знаю...

«Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей...»

С м у р ы й (*с удивлением*). Ого! Наизусть шпаришь? Хорошо... Пушкин... (*Высоко подняв палец*.) Книжки его — это праздник...

Б у ф е т ч и к (*открыв оконце*). Еще приборчик... Шевелись...

С т а р ш и й п о с у д н и к. Даю-с... (*Смурому*) Я один не справляюсь, Михал Акимыч. Взяли мне помощника, а он в бездействии.

С м у р ы й (*свирепо шевельнув усами*). А ты справляйся! Уже готов загрузить помощника... Ты прежде покажи ему, как мыть посуду!

С т а р ш и й п о с у д н и к (*Пешкову*). Вот тут вода... Тут — полотенце... Этим будешь вытирать мытую посуду... Понял?

П е ш к о в. Понял, конечно...

С т а р ш и й п о с у д н и к (*ткнув ногой лоханку на полу*). А тут — лоханка. Сюда сливай грязную воду. А потом ее за борт... (*Отдергивает парусину*.) Понял?

П е ш к о в. Понял...

С м у р ы й (*посуднику*). Ты, азиат, покажи Пешкову, как мыть стаканы. Стакан — это хрупкий предмет... (*Пошевелив пальцами*.) Он хрустит в пальцах... И тогда буфетчик за разбитие стакана вычитает двугривенный.

С т а р ш и й п о с у д н и к. Гляди... Стаканы мой так... А потом так... И тогда стакан не сломается...

Б у ф е т ч и к (*снова открыв окно*). Прибор... Живей...

П е ш к о в. Даю...

С м у р ы й (*буфетки*). Чего так шумят у тебя?

Буфетчик (*радостно*). Купцы гуляют... (*Закрывает оконце.*)

Смурый. Эко — скоты... Пьют, дебоширят...

Старший посудник (*подглядывая в щелочку оконца*). Сильно гуляют, Михал Акимыч...

Смурый (*Пешкову*). Хорошая у тебя бабушка, Алексей. Пришла ко мне, просит за тебя. Уж вы, говорит, поберегите моего внука... Удивительная старуха...

Пешков. Она очень хорошая.

Смурый. А как тебя поберечь? Ведь здесь у нас на пароходе хуже, чем в деревне...

Буфетчик (*открыв окно*). Три чайных прибора. Быстрой!

Пешков. Вот два... Сейчас третий дам...

Буфетчик. Шевелись, малый... (*Взяв приборы, закрывает окно.*)

Официант (*вбегая*). Одна селяночка... Михал Акимыч...

Смурый. Помощник отпустит. Я занят.

Официант (*старшему посуднику, негромко*). Ну? Сказал ему?

Старший посудник (*негромко*). Повар тут. Нельзя при нем...

Официант уходит на кухню. Старший посудник идет
вслед за ним.

Смурый (*Пешкову*). Вот я и говорю: как тебя тут поберечь?.. Воровать-то умеешь?

Пешков. Воровать?.. Нет, Михаил Акимыч... А почему вы так спрашиваете?

Смурый. Да тут у нас вокруг воров. Они живо тебя воровать научат.

Пешков. Нет, я не стану воровать...

Смурый. Ну, добре, коли так... Ты от них в сторонке держись. Не соблазняйся, если они станут тебя обучать.

Пешков. Вы не сомневайтесь, Михаил Акимыч...

Смурый. Вот и ладно. А то за копейку пропадешь. Мне жалко тебя... Об чем задумался?

Пешков. Думал я, что тут на пароходе хорошие люди, а вот вы говорите, что они...

Смурый (*перебивая*). Тут вор на воре и вора погоняет... Ну, так среди хороших нетрудно хорошим быть. А вот надо среди плохих — хорошее пронести. Вот это задача. Понял?

Пешков. Понял, Михаил Акимыч.

Снова вбегает официант. И вслед за ним идет старший посудник
с подносом грязной посуды.

Официант. Осетринки две порции... (*Смурому*) К помощнику али сами отпустите?

С м у р ы й. Осетрину сам отпущу... (*Уходит с официантом.*)

С т а р ш и й п о с у д н и к (*Пешкову*). Что без дела сидишь? Мой посуду!

П е ш к о в. Мое дело — чайную посуду мыть.

С т а р ш и й п о с у д н и к. А ну, не разговаривай излишне. Мой, что приказал... (*Прислушиваясь к ресторанному шуму.*) Эх, шикарно гуляют... Интересно, Пешков, а?

П е ш к о в. А что особенно интересного?

С т а р ш и й п о с у д н и к. Ну, все-таки — кутят, швыряют деньги, посуду бьют... Хорошо быть богатым, а?

П е ш к о в. Не знаю. Я не был богатым.

С т а р ш и й п о с у д н и к. Вообще-то говоря, и мы с тобой можем разбогатеть...

П е ш к о в. Что?

С т а р ш и й п о с у д н и к (*подойдя ближе*). Не то чтобы разбогатеть, но, я говорю, и мы с тобой можем немножко разжиться.

П е ш к о в. Как это — разжиться?

С т а р ш и й п о с у д н и к. Да вот тут на пароходе и мы с тобой можем немножко заработать. Если дело с умом вести.

Б у ф е т ч и к (*открыв оконце*). Два чайных прибора... Две мелких тарелки... Поживей...

С т а р ш и й п о с у д н и к. Даю-с... (*Подав.*) Вот замечаешь? Каждую минуту буфетчик берет посуду у нас. И уже сам дает ее официантам.

П е ш к о в. Почему сам дает?

С т а р ш и й п о с у д н и к. Иначе официант будет подавать порции посетителям помимо буфета. И тогда деньги положит в свой карман.

П е ш к о в. Ну?

С т а р ш и й п о с у д н и к (*шепотом*). А мы с нашего стола будем давать посуду официантам. И за это с каждого прибора нам официант будет платить три копейки... Вот мы с тобой и заработаем мало маля...

П е ш к о в. Это похоже на воровство.

С т а р ш и й п о с у д н и к. Какое же это воровство? Буфетчик рублями ворует у хозяина, а мы только по три копейки будем брать.

П е ш к о в. Ай, не стану я это делать!

С т а р ш и й п о с у д н и к (*угрожающе*). Ну, тогда считай, что плохи твои дела, Алешка. Уберут тебя с парохода в два счета.

Входит официант с подносом в руках.

О ф и ц и а н т. Ну как? Договорились?

С т а р ш и й п о с у д н и к. Он не хочет. Отказывается.

Официант (*презрительно*). Эта длинная жердь отказывается?.. (Пешкову) Да ты что, парень, в своем уме али немножко перекис от паровой трясушки?

Буфетчик (*открывая окно*). Еще два прибора...

Старший посудник. Даю-с... (*После того, как закрылось оконце*.) Ему, видимо, мало три копейки...

Официант (Пешкову). Ты, жердь окаянная, пяточок хочешь со стакана получать? Сопли прежде утри... Я сам меньше гривенника со стакана имею.

Пешков (*хмуро*). Не нужно мне ваших пяточков. Я не стану воровать.

Официант (*злобно*). Ну, Пешков, соскребу я тебя с парохода... Лучше одумайся.

Пешков. Мне нечего думать. Сказал — не стану воровать.

Официант. Ладно, длинная жердь... (*Что-то шепчет посуднику, и тот в ответ кивает головой, смеется*.)

Появляется повар Смурый. Он грозно посматривает на посудника и официанта. Усы повара свирепо приподнимаются.

Смурый. Что шепчетесь, воры? О чем договариваетесь?

Старший посудник. Мы ничего, Михал Акимыч...

Официант. Просто беседовали между собой...

Смурый. Врете, собаки. По вашим мордам вижу, что предлагали Алешке воровать... (*Хватает за шиворот обоих и едва не поднимает с полу*.) Да я вас тут двоих...

Старший посудник. Пустите, Михал Акимыч...

Официант. Вы не смеете так...

Смурый (*потрясая обоих*). Не трогать, не трогать мне Алексея... (*Отпустив*.) Пошли вон, дураки...

Официант (*поправляя туалет*). Галстук сбили... Манишку испортили...

Смурый (*затопав ногами*). Уходи, лыковая харя...

Официант (*торопливо уходя, шепчет Пешкову*). Все равно соскребу с парохода.

Вслед за официантом торопливо уходит посудник, приглаживая свои волосы и обдергивая рубаху.

Смурый. Я ж тебе говорил, Пешков... Вот какие картины жизни у нас на пароходе... Воры невинного человека соблазняют, сбивают его с пути...

Пешков. Да ведь я не пойду на это...

Смурый. А не пойдешь — они замордуют тебя, затопчут. Ведь тут свиное стадо... Ну да ничего, парень. Я сам приглядывать буду...

Пешков. Я от них в стороне подержусь.

Смурый. Будет у тебя свободный час, так ты беги прямо ко мне в каюту. Там я тебе книжек дам и читай на здоровье... Ведь у меня целый сундук книг...

Пешков. Ах, у вас много книг?

Смурый. Я же тебе говорю: целый сундук книг вожу с собой... Ты легко ли читаешь?

Пешков. Легко читаю, Михаил Акимыч.

Смурый. Ну, тогда будешь мне вслух читать. Я больше люблю, когда мне вслух читают. А то в книгах буквы мелкие, трепещут передо мной. И чтение не так ровно идет, как вслух... (*Прислушиваясь к шуму.*) Это на палубе шумят... Что такое?

Входит старший посудник и минутой позже появляется
официант. Оба смеются.

Старший посудник. Ой, умора... Слышите? Смеются-то как...

Смурый. Кто смеется-то?

Старший посудник. Да пассажиры смеются... (*Сквозь смех.*) Там на палубе... солдатик один... Ложку привязали ему сзади... А он ходит и не понимает — почему такой смех над ним...

Официант (*появляясь*). Оказалось — вятский солдатик... (*Смеется.*) Ложка-то полощется за его спиной... Народ хохочет... А солдатик глазами моргает — не понимает, зачем смех идет...

Старший посудник. Он же не знает, что ему ложку привязали. Вот и теряется, дурак... Ой, умора...

Пешков. Зачем же... смеяться-то над человеком?

Смурый (*строго*). Это же солдат. Надо уважать воинское звание... Ну, сейчас я этих пассажиров, которые смеются... (*Уходит, свирепо оцетинив свои усы.*)

Пешков идет вслед за Смурым.

Официант (*оглядываясь*). Давай скорей...

Старший посудник. Сейчас мы в одну минуточку...

Официант. Клади эти стаканы в лоханку с грязной водой...

Старший посудник (*положив стаканы в лоханку*). Так... Штук пять положил...

Официант. Потом скажешь Алешке: «Вылей грязную воду!» Вот он выльет воду и с ней выплеснет за борт эту посуду...

Старший посудник. Проучим длинную жердь...

Официант. А после и совсем соскрежем с парохода.

Старший посудник. Может, еще чего-нибудь в воду положить, а?

Официант. Клади в лоханку еще эти ложки и вилки...

Старший посудник (*давясь от смеха*). И это блюдечко еще положу... Ой, будет умора...

Входят Алеша Пешков, Смурый и вятский солдатик. Солдат — маленький, жалкий, затравленный. Позади в дверях толпятся смеющиеся пассажиры.

Смурый (*пассажирам*). А вам что надо? Что тут не видели, черти драповые?

Голоса. Так смешно ведь... Гляди — ходит-то как! (*Хохот.*)

Солдатик (*вдруг рассердившись*). Што? што шары-то вылупили на меня?.. (*Размахивая руками.*) Ой, чтоб вас разорвало...

Голоса. Еще сердится, вятский черт... (*Хохот.*) Гляди — сзади, сзади-то болтается ложка... (*Снова дружный хохот.*)

Смурый (*Пешкову*). Видишь, какие картины жизни у нас... (*Грозно пассажирам.*) Не дело над солдатом смеяться!

Пешков (*подойдя к солдату*). Ложку-то снимите... Они вам привязали сзади... Вот и смеются...

Солдатик (*бросаясь на Алешу*). А-а, это ты мне привязал...

Голоса. Поддай, поддай ему... А ты, парень, не робей — смажь солдата по рылу... (*Хохот.*)

Смурый (*оттаскивая солдата*). Да не он, не он тебе ложку привязал. Прежде разберись в вопросе.

Пешков (*солдату*). Вот она, ложка. Я отвязал...

Солдатик (*утирая рукавом слезы*). Черти... Мучители...

Пешков. Не дело солдату плакать.

Солдатик. Да я ж — нестроевой роты... (*Хохот.*)

Смурый (*пассажирам*). А вы что, дураки?! (*Наступая.*) А ну, разойдись отсюда... (*Пассажиры откатываются, но все же заглядывают в дверь.*)

Пешков. Его бы увести отсюда, Михаил Акимыч.

Смурый (*солдату*). Пойдем ко мне в каюту... Пойдем... Я тебе там книжки покажу...

Смурый уводит солдата. В дверях появляются официант и посудник. Оба посмеиваются, перемигиваясь.

Официант (*нарожно наткнувшись на лоханку*). Это что за безобразие у вас?

Старший посудник (*строго*). Вылей грязную воду, Пешков!

Пешков (*взяв лоханку*). Куда лить-то?

Старший посудник. Лей прямо за борт.

Пешков выливает воду и вместе с ней выплескивает за борт положенную туда посуду. Слышится треск и звон разбитых стаканов. На палубе хохот. Пешков ошеломлен происшествием. Смотрит за борт.

Голоса на палубе. Вот так посудник... Нырять за стаканами...
Лови осколки...

Старший посудник. Это зачем же ты посуду выплеснул?

Пешков. Я не знал, что там посуда. Думал — грязная вода.

Старший посудник. У-у, раззява... (*Кричит буфетчику.*) Иван Филиппыч... Пешков посуду за борт выплеснул... (*Пешкову.*) Получишь сейчас на орехи с медом...

Пешков. Сам не пойму, как получилось...

Буфетчик (*заходя*). Ну, Пешков, оштрафую я тебя крепко.

Старший посудник. На три рубли недостает посуды...

Буфетчик. Запишу за тобой. Вычтем из жалованья.

Официант. Таких посудников надо прямо ссаживать с парохода... Помимо штрафа...

В дверях появляется Смурый. Прислушивается к разговору.
Свирепо топорщит свои усы.

Буфетчик. Вот, Михал Акимыч, обратите внимание... Взял и выкинул за борт посуды на три рубли...

Смурый. Это моя вина, а не его. Не доглядел я за их подлостью... Запиши штраф на меня...

Буфетчик. Вы-то при чем, Михал Акимыч?.. (*Пугаясь Смурого, который подходит ближе.*) Ладно, запишу на вас. (*Уходит.*)

Смурый (*официанту и посуднику*). А вы, мошенники... (*Наступая на них.*) Сейчас я вас двоих... Ракалии...

Официант и старший посудник убегают.

Пешков (*сев на табурет*). Вот незадача-то...

Смурый. Какая незадача? Это их подлость... Я же тебе говорил, Пешков, какие картины жизни у нас на пароходе... Эх, если это записать — горестно получается...

Пешков. Как это записать?

Смурый. Нет, это я к примеру говорю. Если, говорю, для поучения людям все это в книгу записать — горестные страницы будут. Много злобы у людей, а ласки недостаточно... Ты, Алеша, зайди ко мне в каюту вечером. Почитаем книги... Эх...

Смурый уходит, с досадой махнув рукой. Снова появляются официант и старший посудник. Подмигивают друг другу.

Старший посудник. Пешков, хочешь поглядеть, как купцы гуляют? Я окошечко приоткрою...

Пешков. А зачем? Не надо...

Старший посудник. Гляди... Да говорят тебе — гляди! Подойди ближе... Ну?

Алеша подходит ближе к оконцу. Официант незаметно берет со стола два чайных прибора. Старший посудник удерживает Алешу у окна, не позволяя ему обернуться. Из ресторана доносятся пьяные крики, звон посуды и тягучие звуки гармонии. Старший посудник подмигивает официанту.

Пешков (*посматривая в оконце*). Да... разгул какой...

Старший посудник. Ух, гуляют купцы... Кутят... Красиво как, а?

Официант, осторожно ступая, подходит еще раз к столу и берет третий прибор. Тихонько уходит.

Картина вторая ТАРАС БУЛЬБА

Корма парохода. Вдали видна арестантская баржа, плывущая на буксире. На борту баржи — человек с винтовкой.

Смурый и Алеша Пешков расположились на корме парохода. Алеша вслух читает «Тараса Бульбу». Смурый слушает с необычайным волнением. Алеша читает неторопливо, взволнованно.

Смурый. Ну, ну? Дальше...

Пешков (*гитает*). «Казаки живо плыли на узких двухрульных челнах... дружно гребли веслами... осторожно миновали отмели, всплашивая поднимающихся птиц... и говорили про своего атамана».

Смурый (*с волнением*). Ну? Что же ты? Дальше...

Пешков. Да уже все, Михаил Акимыч.

Смурый. Как это все?.. Уже все?

Пешков. Уже конец повести, Михаил Акимыч.

Смурый. Разве? А мне казалось, что там еще что-то... Неужели конец? Ай, ну как же так... Тогда давай еще то, что перед концом... Ну, ну?

Пешков. С какого же места читать? Это когда очнулся Тарас Бульба?

Смурый. Да, да... когда он очнулся... Ну?

Пешков (*гитает*). «Когда очнулся Тарас Бульба от удара и глянул на Днестр, уже казаки были на челнах и гребли веслами. Пули сыпались на них сверху, но не доставали. И вспыхнули радостные очи у старого атамана...»

Смурый (*повторяет*). И вспыхнули радостные очи у старого атамана... Дальше, дальше давай, Алеша...

Пешков (*гитает*). «Прощайте, товарищи! — кричал он им сверху. — Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь... Что, взяли, чертовы ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свете, чего бы побоялся казак?..»

Смурый. А огонь? Огонь уже был под ним? Под Тарасом?

Пешков (*звучит*). «А огонь уже подымался над костром, захватывал его ноги и разостлался пламенем по дереву... Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая пересилила бы русскую силу!»

Смурый. Нет, ты понимаешь ли, Алеша, как это сказано? Нет, говорит, той силы, которая пересилила бы нас... Понимаешь?

Пешков. Понимаю, Михаил Акимыч...

Смурый. Давай еще раз, где они на казнь ведут...

Пешков. Нет, Михаил Акимыч, лучше то место, где Остап говорит: «Батько, где ты? Слышишь ли ты все это?»

Смурый (*торопливо*). Верно, верно. Читай это место — как батька подошел к эшафоту... А палач, палач что?

Пешков. А палач, Михаил Акимыч, уже сдернул с Остапа его ветхие лохмотья...

Смурый. Да ты по книге читай, а не рассказывай... Да читай же, чертова кость!

Пешков (*звучит*). «Остап выносил терзания и пытки, как исполин. Ни крика, ни стоны не было слышно...»

Смурый. А Тарас? Его батька? Ведь он уже был здесь, в толпе?

Пешков (*звучит*). «Тарас стоял в толпе, потупив голову и в то же время гордо приподняв очи, и одобрительно только говорил: “Добре, сынку, добре...”»

Смурый. А Остап, Остап что?

Пешков (*звучит*). «И упал он силою и воскликнул: “Батько! Где ты? Слышишь ли ты все это?” — “Слышу”, — раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно время вздрогнул...»

Смурый (*заплакав*). Ай, боже мой... все... все погибло... Ох, и жалко же мне до чего Остапа...

Пешков (*вытирает свои глаза*). Хотелось бы Остапу помочь...

Смурый (*вскогив с лавки*). Ох, мы бы помогли ему, Алеша! Мы бы этих ляхов, которые мучили Остапа... Мы бы их... (*Сжав кулаки, грозно шевелит усами.*) Если б только попались они нам в руки... (*Схватив палубную швабру, ломает ее на куски и швыряет за борт.*) Вот... вот так мы бы их... Вот...

Пешков (*успокоительно*). Михаил Акимыч, вы лучше послушайте еще те строчки, которые вам так понравились. Как Тарас трубку свою обронил. И потом поднял, чтобы она ляхам не досталась.

Смурый. Нет, про трубку я наизусть знаю. Ты лучше мне про Андрия...

Пешков (*звучит*). «“Что, сынку? — сказал Тарас. — Помогли тебе твои ляхи?” Андрий был безответен. “Так продать, продать своих? Стой же, слезай с коня...”»

С м у р ы й. Знаю, знаю дальше... Я, говорит, тебя породил, я тебя и убью... (*Вскогив с лавки.*) Правильно! Потому что изменник. Предал своих... (*Подняв кулак и шевеля усами.*) Я бы сам его... сам... За то, что изменил своей родине...

П е ш к о в (*снова желая успокоить собеседника*). Эту книгу, Михаил Акимыч, написал Гоголь.

С м у р ы й. Знаю. Давай сюда эту книгу. Я ее опять в сундук спрячу... Видишь, видишь, какие у меня книги есть! Конечно, есть среди них и плохие. Другой ракалия такое напишет, что и понять невозможно. Но зато есть в моем сундуке вон какие... (*Любовно поглаживая книгу.*) А хорошая книга — это, брат, просто праздник для души... (*После паузы.*) Ты об чем думаешь, Алексей?

П е ш к о в. Думаю я, Михаил Акимыч, вернее, удивляюсь, что книга вызывает у людей и слезы, и радость...

С м у р ы й. Хорошая книга непременно вызывает чувства. И жалость она вызывает, и гнев, и страдание. Все она вызывает в людях. Хорошая книга — это огромная сила, Алексей.

П е ш к о в (*робко*). Вот бы так научиться писать...

С м у р ы й (*с усмешкой*). Эка хватил, брат! Для этого надо с малых лет учиться. Да не на медные деньги, как учились мы с тобой. Для этого надо гимназии, университеты кончать. Да помимо того надо, чтобы и разум тебе был отпущен не скупое... (*Прислушиваясь.*) Это где же поют?

П е ш к о в. Это, Михаил Акимыч, на арестантской барже поют.

С м у р ы й. А ведь верно, это они поют — арестанты.

П е ш к о в. Вон как штык часового блестит на барже...

С м у р ы й. Да погоди ты трещать. Дай послушать...

С баржи доносятся негромкие слова песни:

«Далеко в стране сибирской
Среди гор, долин и скал,
Обнесен крутым забором
Александровский централ...»

П е ш к о в. Это куда же их везут, Михаил Акимыч?

С м у р ы й. Баржу буксируем мы до Перми. А там их перекинут в Сибирь... Да, Алеша избави бог нас от такой судьбы... (*Снова прислушивается к пению.*) А ведь хорошо поют, Алеша. Даром, что разбойники...

П е ш к о в. Там на барже не все разбойники.

С м у р ы й. Откуда ты знаешь?

П е ш к о в. Говорили люди на берегу...

С м у р ы й. А что же говорили люди?

Пешков. Говорили, что везут на барже тех, кто борется за правду, за народ...

Смурый. Брешьешь?

Пешков. Я сам это слышал на берегу. Да и поп меня на исповеди спрашивал: «Нет ли, говорит, среди твоих знакомых таких богохульников, которые против царя за народ идут?»

Смурый. Ты что же — промолчал?

Пешков. Зачем промолчал? Я попа нарочно спросил, будто ничего не знаю: «А разве, говорю, батюшка, есть такие?» А он говорит: «Множество их сейчас развелось. Ты, говорит, прямо беги ко мне, если только про них узнаешь. Мы их сразу в тюрьму посадим и в Сибирь сошлем...»

Смурый. Вот чертов сын, этот поп. Хотел тебя подбить, чтобы ты кого-нибудь выдал... *(Прислушиваясь.)* Что это?

Пешков. Это кандалами звякают.

Смурый. Так... Значит, везут иных людей, а не разбойников... Тот я слышу — песня у них не разбойничья...

Пешков. Нет, это не разбойники поют, Михаил Акимыч. Ведь там на барже сидят все больше ученые, которые пишут подпольные книги...

Смурый. Это что значит «подпольные книги»?

Пешков. Ну — запрещенные книги. Такие книги, которые только в подвалах люди читают. И то ночью.

Смурый. Врешь? Бредишь...

Пешков. Нет, я не вру, Михаил Акимыч. Я сам видел такие книги. В них пишут, как отобрать власть у царя и передать ее народу...

Смурый. Да ты откуда все это знаешь?

Пешков. Я сам видел, как читают такие книги и плачут.

Смурый. Кто плачет-то?

Пешков. Барыни плачут. Одна барыня, как начали читать, испугалась и убежала. А другая барыня со страху плакать принялась.

Смурый. Гм... Целый сундук книг вожу с собой и нет у меня ничего такого. Вот уж не знал, что пишут такие книги... *(Задумчиво.)* Значит, есть что-то скрытое в жизни... А ведь так-то подумать, Алексей, — народ живет плохо, бедно... Иной раз думаешь: «Неужели об этом никто не тревожится?» Выходит — тревожатся люди, борются скрыто...

Пешков. Вот и везут на барже тех, кто за правду борется.

Смурый *(взглянув на баржу)*. Вот уж не думал я, Алексей, что мы буксируем такую баржу... Надо будет с часовым поговорить — может, он позволит суп передать арестантам и то, что у меня останется на кухне... Погоди, опять поют... Пойдем сюда — туто слышнее будет... *(Оба уходят.)*

Открывается дверь каюты и на палубу торопливо выскакивают — старший посудник и официант Сергей с пустым подносом в руках. Вслед за ними выходит разгневанный буфетчик.

Буфетчик (*грозно*). Оба вон с парохода!

Официант (*трепетным голосом*). Иван Филиппыч...

Буфетчик. Оба с парохода долой! Мне воров не нужно...

Официант. Иван Филиппыч... Дозвольте хоть объяснить...

Буфетчик. Я сам, своими глазами видел, как ты берешь у него приборы! (*Посуднику*.) Ну-ка, скажи, что это не так?!

Старший посудник. Иной раз возьмет у меня прибор — в этом большого пороку нет.

Официант (*слезливо*). Пять копеек в день наживал. Не более того, Иван Филиппыч...

Буфетчик. Врешь, собака! Я сам проследил, сколько вы за день воруете. До трех рублей в день наживали оба. Да еще у Пешкова, наверно, брал приборы. Ну-ка признайся, что это не так?

Официант (*смирненно опускаясь на колени*). Как перед богом признаюсь, Иван Филиппыч, брал иногда... Простите Христа ради, Иван Филиппыч... Оба они попутали меня...

Старший посудник (*грозно*). Это я тебя попутал, а?

Официант (*пугаясь*). Нет, я так... не про тебя... Пешков, говорю, попутал меня...

Буфетчик (*яростно*). Ах, так! И у Пешкова, значит, брал приборы? Где Алешка? Позвать его сюда!.. Все трое вон с парохода!

Появляются Смурый и Алеша Пешков. Оба молча стоят, наблюдая за сценой.

Официант (*пытаясь поцеловать руку буфетчика*). Смилуйтесь, Иван Филиппыч...

Буфетчик. Вон с парохода! Воры! Каторжане!

Старший посудник (*дерзко*). Ты не ори так, вареный судак! Ежели мы с Сережкой и пользовались копейками, то с тебя уроки брали. Ты сам воруеть сотнями у хозяина, а нас уличаешь в малом. Мы твои ученики, с тебя пример брали...

Буфетчик. Да как ты смеешь так говорить?! Господа, будьте свидетелями... (*Затопав ногами*.) Вон, вон с парохода!

Старший посудник. Сам уйду с парохода. Подумаешь — делов на копейку. Уйду и за ручку с тобой не попрощаюсь... (*Официанту*.) Встань с коленей, лесная тля... Тьфу на вас двоих... (*Уходит*.)

Буфетчик (*исступленно*). Вон, вон с парохода!.. И ты, Алешка, вон! Доедем до Перми и вылезай на берег!

С м у р ы й, свирепо шевеля усами, медленно подходит к буфетчику. Тот подтягивается и даже пробует изобразить улыбку на своем лице. Официант Сергей встает с коленей и пугливо отходит в сторону.

С м у р ы й. Ты почто парня хочешь с парохода гнать?

Б у ф е т ч и к. Выяснилось, Михал Акимыч, что Алешка воровал вместе с ними — давал Сережке приборы со своего стола.

С м у р ы й. Погоди, я сам спрошу... Алексей, ты даешь Сережке приборы?

П е ш к о в. Да он сам берет, когда я не вижу...

Б у ф е т ч и к *(язвительно)*. Ага, он не видит, но знает...

С м у р ы й. Погоди трещать, Иван Филиппыч... Алексей, Сережка давал тебе деньги?

П е ш к о в. Нет. Никогда не давал. Да и я не взял бы.

С м у р ы й. Алексей не соврет. Я знаю его...

Б у ф е т ч и к. Все трое вон с парохода! *(Уходит в каюту.)*

С м у р ы й *(сжав кулаки)*. Ну, погоди, я сейчас заставлю его передумать... Он у меня сейчас... Азиат... Мордва...

П е ш к о в. Нет, не надо, Михаил Акимыч. Я сам задумал с парохода уйти.

С м у р ы й. Да куда же ты, парень, уйдешь? Ведь ты же еще не взрослый. Пропадешь, как кутенок.

П е ш к о в. В Нижнем предложили мне пойти в иконописную мастерскую. Вот я и поступлю туда. Буду учиться живописи.

С м у р ы й. Это верно, на пароходе у нас не сладко. Хуже, чем в деревне. Но мне, парень, жалко с тобой расстаться.

П е ш к о в. И мне, Михаил Акимыч, тяжело с вами расстаться, но... *(Пароходный гудок.)* Уже к Перми подходим...

С м у р ы й. На тебе на прощанье подарок, Алеша. Кисет. Это для меня крестница сама вышивала.

П е ш к о в. Да не надо, Михаил Акимыч. Я же не курю.

С м у р ы й. Бери, бери. У меня такой заведенный порядок — плохих людей бью, а хорошим подарки дарю... *(Второй гудок.)* В Перми я тебя с парохода не отпущу. Марш в мою каюту. Довезу тебя обратным рейсом до Нижнего. И там уйдешь с парохода. Так?

Снова появляется официант Сергей с пустым подносом. Тихонько и безответно стучит в дверь каюты буфетчика. Опускается перед дверью на колени.

О ф и ц и а н т. Иван Филиппыч... Иван Филиппыч, простите...

Б у ф е т ч и к *(появляясь в дверях)*. Уж и не знаю, что мне с тобой делать? Усердие твое и покорность заслуживают внимания. Ладно, прощу тебя на этот раз... За твое почтение к старшим по службе...

Официант (*целуя руку на лету*). Иван Филиппыч...
Буфетчик (*взглянув на Пешкова*). Каждого прощу, кто меня так покорно попросит... (*Пешков отворачивается.*) А нет, так вон с парохода! (*Снова уходит в каюту.*)

Официант (*Пешкову*). Да ты попроси у него. Это доброй души человек... (*Весело взмахнув подносом, убегает.*)

Смурый (*вслед официанту*). Ракалия... Лесная тля...

Пешков. Хотел я вас спросить, Михаил Акимыч — почему так плохо люди живут. Ссоры у них, драки, воровство, насмешки...

Смурый (*вздыхнув*). Плох, плохо живут люди, Алексей. Воры и мошенники в гору идут, а честные и смелые на задворках пребывают. А почему это так — вот на это я не сумею тебе ответить.

Пешков. И в книгах ответа нет...

Смурый. Может, в тех, в подпольных книгах есть ответ?

Пешков. Ах, в тех запрещенных? Вот этого я не знаю...

Смурый. Давай в мою каюту! Уже к пристани подходим...

Снова гудок. Гул голосов. И грохот паровой лебедки.

Смурый и Пешков торопливо уходят с кормы.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая (3-я) В ИКОНОПИСНОЙ МАСТЕРСКОЙ

За столами работают мастера-богомазы. Они в ситцевых рубахах, с расстегнутыми воротами. Почти все босые или в опорках. По стенам стоят незаконченные безликие иконы.

Управляющий мастерской Иван Ларионыч — тихий, благообразный старик — поглядывает на работы богомазов.

За крайним столом ученик Алеша Пешков растирает краски в фарфоровой ступке и одновременно читает книгу.

Кто-то негромко затягивает песню: «Какой нынче стал бессовестный народ...»
Богомазы подхватывают слова песни.

Ларионыч (*замахав руками*). Не надо, не надо петь, ребяташки. Нынче суббота, закончим работу ранее срока. Вот и споете тогда.

Богомазы прерывают песню. Иконописец Жихарев — лысый, с черными бровями и с черной острой бородкой — широко зевает, крестя свой рот.

Жихарев. Песня не мешает работе, Иван Ларионыч.

Ларионыч (*ласково*). Не спорю, Жихарев. Песня отмечает ссоры и шум. Однако иконописное мастерство требует иной раз беседы.

(Показывает рукой на красавца-богомаза Капендюхина.) Вот я вижу, наш донской казак Капендюхин уже заканчивает свою икону...

Капендюхин. Закончил, Иван Ларионыч. Взгляните...

Ларионыч (рассматривая икону). Вот что я тебе скажу, Капендюхин... У богородицы твоей щечки написаны слишком румяно. Это будто яблоки, а не щечки...

Пешков (соседу). Донская казачиха у него получилась... (Оба громко смеются.)

Ларионыч. А вы что там хохот подняли? А ну-ка, Пешков и Одинцов, пожалуйста сюда поближе. Вам, ученикам, надо приглядываться к мастерству.

Пешков (подойдя с книгой в руках). Я приглядываюсь к мастерству, Иван Ларионыч.

Ларионыч. Ты все больше к книгам приглядываешься, Максимыч. Нет, я за это не браню тебя. Чтение книг возвышает душу. Ты нам давеча славную вещицу прочитал. Как ее...

Жихарев. Он нам «Деймона» читал... (Вскогив, декламирует.) «Кочующие караваны в пространстве брошенных светил...» Эх, забыл, как дальше...

Пешков. Это я «Демона» читал. Лермонтова.

Ларионыч. Всем нам понравилось это сочинение...

Жихарев (с живостью). Я бы, Ларионыч, этого Деймона так написал: телом черен, мохнат, крылья огненно-красные — суриком, а личико у него и тельце досиня белые... А?

Ларионыч. Ай, погоди ты, Жихарев. Я хочу Капендюхину пояснить, в какую он ошибку впал. Ведь не станут же верующие на такую икону молиться... Взгляни, Жихарев...

Жихарев (подойдя). Главная причина ошибки — щечки у богоматери непомерно раздуты и к ним приставлены чужие глазки...

Ларионыч. При этом один глазок на переносье смотрит, а другой на висок отодвинут...

Жихарев. От этого личико у богоматери вышло хитрое, земное. И святости не получилось.

Капендюхин. Эх, Иван Ларионыч, отец родный, не мое это дело — святых угодников писать!

Богомазы смеются. Один из них — грязный и лохматый старик

Гоголев — злобно обращается к Капендюхину.

Гоголев. А ежели не твое дело святых писать, так шел бы в банщики — господ мыть...

Ларионыч. Помолчи, Гоголев.

Капендюхин (замахнувшись на Гоголева). У-у, ты, старая крыса! (Ларионыгу.) Взялся за это дело и теперь сам не рад.

Ларионыч. А взялся, так и терпи, работай. Поучись живописи у Жихарева. Он дивно пишет в византийской манере.

Гоголев (*шумно отодвинув свою работу*). Все Жихарев да Жихарев! Я тут дольше Жихарева работаю. (*Идет к выходу, всех расталкивая*.)

Голоса. Обиделся, старый черт... Пошел горло промочить... Сейчас явится пьяненький...

Жихарев. Злобный старик. На всех кидается.

Пешков. Он кидается, да и мы его в покое не оставляем. Вон какую карикатуру мы с Пашей Одинцовым на него нарисовали... (*Показывает большой лист*.) Вот это Кузьма-приказчик...

Одинцов. А это Гоголев в виде крысы... (*Общий хохот*.)

Голоса. Вы покажите ему рисунок... Положите на его стол...

Ларионыч. Не надо. Он пришибет ребят.

Одинцов. Не пришибет. (*Кладет рисунок на стол Гоголева*.)

Ларионыч (*строго*). Берись за работу, друзья. Скоро шабашить будем. А ты, Капендюхин, не сиди так вразвалку. Поправь икону.

Капендюхин. Обдумываю, Иван Ларионыч, как поправить. Сейчас... (*Взяв кисть, правит работу, громко затянув песню*.)

Э-и-ах, запрягу я тройку борзых
Темно-карих лошадей,
Ох, да и помчусь в ноченьку морозну
Да прямо — ох, прямо к любушке своей!

Богомазы (*подхватывают песню*):

По привычке — кони знают,
Где су-дарушка живет...

Снова появляется Гоголев. Подойдя к своему столу, рассматривает карикатуру.

Гоголев. Это какой черт мне тут... Ах, вон что! Ну, я этих дьяволов — Пашку и Алешку... (*Гоняется за угениками*.)

Голоса. Лови их... Держи... Хватай за спинки...

Гоголев (*умаявшись*). Сейчас хозяйке пожалуюсь...

Жихарев. Хозяйка наша уже наела сладкой наливки и теперь спит, не добудишься.

Гоголев. Приказчику скажу. Пусть он выгонит Пашку и Алешку. (*Разъяренный, уходит*.)

Ларионыч (*Капендюхину*). Ну как, поправил икону? А ведь хуже стало, Капендюхин. Были глазки нехороши, а теперь и ротик крив, и носик пуговкой...

Капендюхин. Сам чувствую — не получилось.

Ж и х а р е в. Ты, Капендюхин, старайся икону с глубоким чувством писать, из недр души. Вот тогда ошибки у тебя не будет.

К а п е н д ю х и н. Да как же мне из недр души писать, если я в святых и в бога не верую? (*Общий хохот.*)

Г о л о с а. Да тут никто в бога не верит... Окромя Ларионича... Да еще вот Жихарев верит...

Ж и х а р е в (*задумчиво*). Нет, братцы мои, я тоже не верю. Только так, форму соблюдаю. А почему я иконы от души пишу? Икона — это бездонная чаша, куда льются народные слезы... По малости сил моих хочу хоть этим сослужить людям службу. Хоть в этом хочю помочь им.

П е ш к о в. Икона — это не помощь людям!

Г о л о с а. Правильно, Алеша!.. Живем, как слепые щенята... Торкаемся от иконы к иконе — просим у бога улучшения... Да только надежды наши не исполняются...

П е ш к о в (*вскогив с места*). Люди сами, сами должны улучшить свою жизнь! Нельзя надеяться на доски, которые мы тут сами раскрашиваем... Мы должны...

В дверях появляется приказчик Кузьма. Позади него Гоголев.

П р и к а з ч и к одет франтовато, под барина. Со злобой и изумлением он слушает пылкие слова Алеши Пешкова.

О д и н ц о в (*делая знаки Пешкову*). Тсс... Кузька-жучок пришел...

П р и к а з ч и к. Так-с... Интересно-с... Я, Алешка Пешков, к тебе давно приглядываюсь... (*Язвительно.*) То он, понимаете, что-то читает, то он что-то пишет в свою тетрадь. То он вдруг речи вслух произносит... Покажи тетрадь — что у тебя там записано?

П е ш к о в (*пряга тетрадь*). Это не вашего ума дело.

П р и к а з ч и к. Пишут только сыщики и доносчики. А я тебе в нашей мастерской этого не позволю! (*Замахнувшись.*) Как дам сейчас по твоей безумной башке...

П е ш к о в (*спокойно*). В два раза крепче сдачу получите.

П р и к а з ч и к. Да как ты смеешь мне так говорить!? Да я тебя... Ты у меня... Нонче же доложу хозяйке, чтобы тебя тут не было... (*Мастерам.*) А вы что тут с мест повскакали? Работать!

Л а р и о н ы ч. Уже пошабашили люди, Кузьма Петрович.

Приказчик Кузьма уходит. За ним уходит Гоголев, что-то нашептывая.

Г о л о с а. А ведь Кузьма-то женится на хозяйкиной дочери... Всех в кулак зажмет...

Л а р и о н ы ч. Пошабашили, ребяташки. Отдыхайте. (*Одевается.*)

Ж и х а р е в. Нынче я всех угощаю! Повеселимся сегодня...

Л а р и о н ы ч. Веселитесь, ребяташки. (*Уходит.*)

Ж и х а р е в (*торопливо одеваясь*). Помещение приберите. Чтоб чистенько было кругом.. И чтоб самовар на столе стоял... Сейчас я на ужин что-нибудь принесу. (*Уходит.*)

К а п е н д ю х и н. Всякую субботу у меня желание повеселиться... Сейчас за гармонию сбегаю...

Г о л о с а. Бубныхвати... И колокольчики...

К а п е н д ю х и н и вслед за ним все мастера уходят из помещения. Остаются ученики — П а ш а О д и н ц о в и А л е ш а П е ш к о в. Они начинают приводить в порядок мастерскую — сдвигают столы и подмывают пол.

О д и н ц о в. Пожалуй, выгонит тебя Кузька-жучок...

П е ш к о в. Я этого не боюсь.

О д и н ц о в. А куда же ты пойдешь?

П е ш к о в. Может, к бабушке вернусь, а может, и...

О д и н ц о в. В Казань поедешь? Тебя тот гимназист снова пригласил?

П е ш к о в. Коля Евреинов-то? Он уже теперь не гимназист, а студент Казанского университета... Да, он снова звал меня ехать с ним в Казань. Там, говорит, поступите в университет и будете жить у меня.

О д и н ц о в. Так ведь для этого надо гимназию кончить.

П е ш к о в. Вот в том-то и дело — среднего образования у меня нет, всего три класса. Но он говорит: «Я подготовлю вас, и вы отлично сдадите кое-какие экзамены». Уж, право, не знаю.

О д и н ц о в. А жить, значит, у него?

П е ш к о в. Вот это меня тоже останавливает. Живет он с мамашей, видимо, небогато. Ну, что я вдруг к чужим людям поеду? Но вообще, конечно, очень бы мне хотелось учиться...

О д и н ц о в. По-моему, Алеша, надо ехать... (*Найдя тетрадь.*) Ты что свою тетрадь так бросаешь? Уж, наверно, Кузька-жучок подговорил Гоголева ее украсть... А что у тебя там в тетради?

П е ш к о в. Там стихи записаны. Изречения из книг. И, кроме того, разные наблюдения.

О д и н ц о в. Стихи-то твои?

П е ш к о в. Разные стихи. Есть и мои... Хочешь, я тебе почитаю, что сегодня ночью сочинил? Вот... Это вроде песни:

Изныли ноги,
Устало сердце —
Все нет пути!
Земля родная,
Хоть ты скажи мне —
Куда идти?

Прилеж к земле я —
К ее родимой
Сырой груди —
И слышал сердцем
Глубокий шепот:
— Сюда иди!

Одинцов. Хорошая песня. Неужели сам сочинил?

Пешков. Сам сочинил. Да у меня их много — стихов-то... (*Прислушиваясь.*) Кто-то стучит в окно...

Одинцов (*подойдя к окну*). Да это тот гимназист — Коля Евреинов... (*Открыв окно.*) Да вы войдите, войдите... Тут нет никого, кроме меня и Алеши...

Входит молодой человек лет 18. На нем гимназическая форма, но фуражка студенческая.

Пешков. А, это вы — Николай... Здравствуйте...

Еврейнов. Алексей, завтра вечером я еду в Казань. Вот и зашел к вам за ответом. Ну как, надумали ехать со мной?

Пешков. Уж, право, не знаю, как и решить...

Еврейнов. А что решать-то? Все ясно, и, по-моему, вам сомневаться не следует... В Казани я вас подготовлю к экзаменам, поступите в университет и будете жить у меня.

Пешков (*в смятении*). Так ведь у меня за душой нет <ни> гроша! Как же я там буду жить, Николай?

Еврейнов. Алексей, я от всего сердца предлагаю вам мою небольшую помощь. Правда, живем мы с мамой скромно... Сняли в Казани небольшой домик на окраине города... Но, право, прожить будет можно...

Пешков. Спасибо, Николай, но...

Одинцов. Алеша, надо ехать в Казань...

Еврейнов. Второй месяц я убеждаю его — надо ехать, надо учиться, надо иметь высшее образование... (*Сжав руку Пешкову.*) За этот год я хорошо узнал вас... Верьте мне — вы рождены для науки, для философии. Я более чем уверен в этом... Вы должны со мной ехать... А мама уже в Казани...

Пешков. Я подумаю, Николай. Завтра скажу вам.

Еврейнов. Тогда так решим — завтра до 12 дня вы даете мне окончательный ответ. И вечером мы с вами едем...

Одинцов (*уйдя перед этим, возвращается с самоваром*). А вот и самовар поспел...

Во время беседы приятелей мастерская постепенно заполнялась богами. Теперь они все прилично одеты и обуты. Явился и старик Гоголев — сильно выпивший. Сев на табурет у окна, он тотчас заснул.

Капендюхин (*входя с гармонью и бубнами*). Ну, где же этот наш черт Жихарев? Охота скорей повеселиться...

Голоса. Идет... Идет наш Жихарев...

Еврейнов (*Пешкову*). Что, вечеринка у вас сегодня? Веселье?

Пешков (*махнув рукой*). Какое веселье... Сразу напьются и...

Еврейнов. Вот я, Алексей, вам и говорю — разве это жизнь для вас? Разве для такой жалкой судьбы вы назначены? Нет, нет, завтра вы должны ехать со мной... Прощайте пока. Завтра я вас жду до 12... (*Уходит.*)

Входит Жихарев. В руках у него груда покупок. Во всех карманах торчат бутылки с водкой и с вином. Вместе с ним входит его приятельница «кумушка» — высокая, дородная женщина. В руках у нее тоже свертки и бутылки с водкой.

Жихарев (*звонко*). Все ли готово, друзья мои?

Голоса. Все... Все готово... Пора начинать веселье...

Жихарев. Кумушка, займите ваше место возле самовара.

Кумушка. Не беспокойтесь, куманек. Прежде с людьми поздороваюсь... (*Здоровается с каждым.*) Вот теперь сядем...

Жихарев. Кушайте, пейте, друзья мои... А мы с кумушкой тем временем потанцуем.

Кумушка. Не сразу же, куманек. Зачем так беспокоитесь?

Жихарев. Нет уж, выходите на серединку. Откроем бал... Капендюхин, бери в руки свою двухрядную гармонь!

Капендюхин (*пьет*). Не стану нынче играть. Сам буду плясать. (*Гармонисту.*) А ну, милый, давай, начинай.

Жихарев (*командует*). Русскую!.. Кумушка, пожалуйста.. (*Оба нагибают неумело танцевать.*)

Капендюхин (*пьет, не переставая*). Стоп! Теперь я плясать пойду! (*Гармонисту.*) Давай! Только с дымом! (*Лихо пляшет.*)

Жихарев (*прихлопывая в ладоши*). Так... так... Давай, ходи... Хо-рош дьявол Капендюхин... (*Кричит.*) Веселись, народ!

Капендюхин (*сев за стол, пьет*). К чертям всех! (*Алеше.*) А ты что не пьешь?

Пешков. Вино не нравится мне.

Капендюхин. Пей, говорят тебе! (*Гармонисту.*) Давай ярче играй! Жги! С дымом! Еще пойду плясать... (*Вскогив, опрокидывает посуду.*) Бей! Круши, ломай все! (*Бросается с кулаками на танцующих.*)

Жихарев. Назад! Капендюхин!

Капендюхин (*тузя всех кулаками*). Всех изничтожу! Всех... И эту крысу изничтожу... (*Бьет кулаком Гоголева, спящего у окна.*)

Гоголев (*вскогив*). Бейте его, дьявола!

Жихарев. Надо связать его... Берите его сзади...

Капендюхин. Не сдамся живой!
Жихарев. Несите полотенца! Свяжем его...
Гоголев. Ударьте его, а то он всех перебьет... (*Ударяет табуретом.*) Н-на!

Капендюхин падает, но пытается вскочить. Все наваливаются на него.
Связывают полотенцами.

Голоса. Здоровый, черт... Вырывается... Вяжи ноги...
Жихарев. Кумушка, выйдите на улицу. Не надо вам глядеть.
Кумушка. Не беспокойтесь, куманек. Не впервые вижу...
Приказчик (*торопливо входя*). Что за шум? Почему крики? Только этим хозяйку разбудили... А-а, разодрались, дьяволы! (*Злобно.*) Сиволапое мужичье... (*Командует.*) Вынести Капендюхина в сени! Пусть там отрезвеет. (*Четыре богомаза выносят пьяного.*)

Пешков (*Одицову*). Вот и все веселье, Паша.
Одицов. И всякий раз так...
Пешков. Это разве жизнь, Паша? Невыносимо живут люди...
Жихарев. Продолжим веселье, друзья мои...
Приказчик. Тсс... Хозяйка идет... Ну, она пропишет вам за то, что ее разбудили... (*Пешкову.*) А ты что, ирод, сидишь, когда люди встали? С тобой будет особый разговор у нее...

Входит жалкого вида старуха — хозяйка иконописной мастерской. Она заметно пьяная. Идет, пошатываясь. Приказчик угодливо подставляет стул.

Одицов (*Пешкову*). В дым пьяная. Чуть мимо стула не села.
Пешков. С утра до ночи наливку пьет.
Хозяйка (*крестя свой рот*). Дивное видение сейчас видела, господа. Сплю и вижу — ангелы по небу летят и славословят бога на разные голоса. А один ангел увидел меня и кричит другому: «Неси, кричит, полотенце, свяжем ее и в рай отнесем». И с этим я просыпаюсь... (*Общий смех.*) Нет, верно вам говорю. Я сама слышала. Чего вы хохочете, господа?

Голоса. Это не мы хохочем... Это ангелы хохочут...
Приказчик. Анна Ивановна, вы хотели Алешку Пешкова считать. Нет жизни от него. Пишет, читает и речи произносит. Выгоните его!

Пешков. А чего меня гнать? Я и сам уйду.
Хозяйка. Сам уйдешь? Нет, ты подожди, когда я тебя выгоню. Нехороший, дерзкий парень... (*Заплакав.*) Был бы жив мой покойник — надавал бы он тебе подзатыльников и выгнал бы после... (*Свилено.*) Вон, вон пошел с моей мастерской!

Приказчик. Другой бы в ножки кинулся, умолять стал, а этот ирод только усмехается.

Пешков (*Одицову, радостно улыбаясь*). Решил, Паша... Еду в Казань! (*Идет к выходу.*)

Хозяйка. Какой дерзкий парень, господа... (*Снова заплакав.*)
Ю-у-у...

Картина вторая (4-я) В КАЗАНИ

Двор. Ветхий одноэтажный домишко. Убогая изгородь из жердей. Вокруг неприкрытая бедность. За изгородью большой пустырь. Вдали серебряная лента Волги.

На ступенях крылечка сидит мать Коли Евреинова — Варвара Ивановна — пожилая маленькая женщина со скорбным лицом. Она чистит картошку. На скамейке под деревом — студент Коля Евреинов и Алеша Пешков. Перед ними раскрытая книга.

Евреинов. Вот эти три параграфа, Алексей, вы хорошенько выучите. А вечером я вас спрошу.

Пешков. Хорошо, но...

Евреинов. Конечно, за гимназический курс вам не скоро придется сдать экзамены. Надо будет многое пройти. Однако не станем терять надежды... (*Матери.*) Мамочка, обед не скоро?

Мать. Господь с тобой, Николаша! Ведь недавно завтракали... Захотелось кушать?

Евреинов. Да немножко я пожевал бы чего-нибудь.

Мать. Там в буфете — хлеб, булка. И масло в бумажке.

Евреинов. Алексей, пойдете, закусим...

Пешков. Да нет, я не хочу, сыт.

Мать. Пойдите, пойдите, молодой человек. Там хватит обоим.

Пешков. Спасибо, Варвара Ивановна. Я, право, не хочу.

Евреинов уходит. Пешков углубляется в чтение.

Мать. Нет, верно, вы хотите в университет поступить?

Пешков. Собирался, но... теперь не знаю, не уверен. Не хватает знаний, чтобы держать экзамены за гимназический курс.

Евреинов (*появляясь в фуражке*). Мамочка, я вскоре вернусь. (*Обоим.*) Если придет Гурий Плетнев, скажите — пусть обождет.

Мать. Скажем, скажем...

Евреинов (*взглянув на продукты*). Мамочка, ты бы сегодня пельмени изобразила, а?

Мать. Пельмени? Ладно... сделаю...

Пешков. Нет, для пельменей это мясо не годится, Варвара Ивановна. Оно плохое, да и мало его. Для пельменей у нас на пароходе брали...

Мать (*раздраженно*). Это не ваше дело, молодой человек, указывать мне, из чего пельмени делать! (*Бросив гистить картошку, уходит в дом.*)

Евреинов (*смущенно*). Не в духе она сегодня. Нервничает. Женщины, Алексей, значительно нервнее мужчин. Джон Стюарт Милль отлично это доказал в своей книге... Так вы скажите Гурию, чтобы он подождал меня...

Евреинов уходит. Пешков, отложив книгу, садится на ступеньки крыльца и чистит картошку.

Мать (*снова появляясь*). Вы простите меня, молодой человек, что я не сдержалась. Ну, просто я не могу покупать высший сорт мяса, это для нас дорого. Но я не хотела Николая огорчать, что пельменей не будет. Уж сделаю как-нибудь...

Пешков. Это я кругом виноват, Варвара Ивановна. Не хватило у меня такту обо всем этом подумать.

Мать. Уж не сердитесь на меня... Ах, как вы изумительно чистите картофель?

Пешков (*с улыбкой*). Приходилось на пароходе и чистить, и стряпать.

Мать (*иронически*). И вы думали, что это достаточно для того, чтобы поступить в университет?

Пешков (*усмехнувшись*). Думал, достаточно. Но ошибся.

За изгородью по дороге идет пьяная компания. Люди одеты бедно — в рваных ситцевых рубахах, в опорках. Впереди гармонист.

Гармонист (*играет и поет*). Две недели пили, ели,
От веселья обалдели,
Барыне из Казани
Все подробно рассказали...

На дороге появляется внушительная фигура городского. Это Никифоровыч — высокий старик, увешанный медалями. Лицо у него хитрое, лисье.

Никифоровыч. Ну, разорались тут... Налились с утра пораньше... Бестолочь! (*Грозно.*) Бесшумно у меня идти!

Гармонист (*продолжая негромко играть*). Запретить не можешь на струменте играть. (*Компания удаляется.*)

Никифоровыч подходит вплотную к изгороди. Пешков, собрав картофельную шелуху, уносит ее на помойку и, вернувшись, снова берется за книгу.

Н и к и ф о р ы ч. Здравия желаю, госпожа Евреинова.

М а т ь. Здравствуйте, Никифорыч.

Н и к и ф о р ы ч. Все за книгой проводит время ваш постоялец... (Пешкову.) Что же вы, молодой человек, ни разу в будку ко мне не зашли? От души приглашал чайку попить, побеседовать...

П е ш к о в. Не было времени у меня.

Н и к и ф о р ы ч. Верьте слову, госпожа Евреинова, с каждым годом все больше я испытываю любовь и уважение к молодежи. Ну так ведь — старею. Охота знать все мысли и надежды молодых людей, чтобы мне, старику, не плестись в хвосте своего времени... (Пешкову.) Не сочинения ли графа Льва Николаевича Толстого читаете, господин Пешков?

П е ш к о в. Нет, это геометрия Киселева.

Н и к и ф о р ы ч. Ах, вот оно что... А то многие сейчас графа Толстого предпочитают читать. Замечу — превосходно пишет, занимательно читать. Тем более что чтение разрешено законом... Так что вы, молодой человек, зайдите как-нибудь ко мне в будочку, не погнушайтесь. За чайком побеседуем о сочинениях графа Льва Николаевича Толстого...

П е ш к о в. Спасибо. Как-нибудь зайду. (Никифорыч удаляется.)

М а т ь. Душевный старик. С огромной симпатией относится к молодежи.

П е ш к о в. Не люблю я полиции, Варвара Ивановна.

М а т ь. Я сама не люблю. Но этот старик, мне думается, сердечный, бесхитростный. Одно грустно, что он так необдуманно женился на молодой девушке...

П е ш к о в. Да, ему лет под 60, а его Марине всего 20.

М а т ь. Постоянные ссоры у них, крики... Ах, вот и Гурочка идет! Вы скажите ему, чтобы он обождал Николашу... (Взяв кастрюлю и провизию, уходит на кухню.)

Во двор входит студент лет двадцати — Гурий Плетнев.

Он стройный, ловкий, черноволосый, с приветливым веселым лицом.

П л е т н е в. Привет, Алексей! Как здравствуете? Где Николай?

П е ш к о в (радостно улыбаясь). Здравствуйте, Гурий Александрович... Николай вскоре придет. Вы обождите его.

П л е т н е в. Добре. Обожду... Не убоялись еще книжной премудрости?

П е ш к о в. Нет, но... Гурий Александрович, я давно хотел вас спросить об одной вещи... Скажите, как вы думаете, я сильно стесняю Евреиновых тем, что живу у них?

П л е т н е в. Скажу откровенно мое мнение. Не то чтобы стесняете их, но... Тут другое. Николай искренно желает вам помочь. Но ведь

живут-то они весьма бедно, на пенсию. Мне кажется, что Варвара Ивановна едва сводит концы с концами...

Пешков. Вот поэтому я и спросил вас. Я сам чувствую, что мне не дело здесь находиться. Несколько раз я пытался поговорить с Николаем, но <он> не желает и слушать об этом...

Плетнев. Николай — романтик. Витает в облаках. Он вовсе не знает жизни... Знаете что, Алексей, переселяйтесь ко мне. Нет, верно, переходите ко мне в «Марусовку», и мы там с вами отлично проживем!

Пешков *(в смятении)*. Ну, как же так, Гурий...

Плетнев. А вот так — забирайте свою котомку с бельем и с книжками и дуйте ко мне. Правда, у меня комнатуха под лестницей и всего одна койка, но ведь работаю-то я в типографии по ночам. Стало быть, ночью вы отлично выспитесь, а днем я буду спать, когда вы занимаетесь. Чудесно проживем!

Пешков. Уж не знаю, Гурий. Надо подумать...

Плетнев. Что касается пропитания, то я думаю, что моего заработка на двоих хватит... На 11 копеек мы великолепно прокормимся.

Пешков. Нет, Гурий, в этом отношении я бы не хотел вам быть обузой. Уж 10—15 копеек в день я как-нибудь заработаю на Волге.

Плетнев. Грузчиком?

Пешков. Хотя бы грузчиком. Руки-то у меня здоровые. Вон, глядите... Потрогайте мускулы...

Плетнев. М-да, подходяще... Короче говоря, и без вашей Волги прокормимся. Ну, раз в неделю пушу вас на заработок, а остальное время будете заниматься. В университет-то вряд ли сейчас попадете, а вот на сельского учителя я подготовлю вас.

Пешков. Подумаю, Гурий... Вон руки у вас как сильно типографской краской замазаны... *(Пробует своим платком сгустить краску.)*

Плетнев *(усмехаясь)*. Это не типографская краска. Эту нелегко смыть. Она от гектографа.

Пешков *(с волнением)*. Печатали на гектографе? Листовки? Или прокламации?

Плетнев. Прокламации. Все утро сегодня печатал.

Пешков. Гурий... Гурий, приспособьте меня к этому делу.

Плетнев. Рано тебе еще. Успеешь насидеться в тюрьме.

Пешков. Нет, Гурий, умоляю вас, приспособьте! Вы же знаете, как мне хотелось бы послужить народу...

Плетнев. А переедешь ко мне?

Пешков. Завтра же перейду к тебе в «Марусовку». Клянусь!

Во двор входит молодая, краснощекая женщина. Это — Марина, жена городского Никифорыча.

М а р и н а. Гурочка... Алеша... Увидела вас с улицы и на минуточку забежала... (*Оглядываясь.*) Мой-то Никифорыч не заглядывал сюда? Старый дьявол...

П е ш к о в. Заходил твой Никифорыч...

М а р и н а (*тихо*). Бойтесь, бойтесь его, молодые люди. Он же нарочно со студентами беседует. А потом все о них околodочному рассказывает. И даже записывает в тетрадь...

П е ш к о в. Ах, вот как...

П л е т н е в. Я подозревал... Спасибо, Мариночка, за сообщение.

М а р и н а. Верно вам говорю. Остерегайтесь его... (*Восторженно.*) Ах, Гурочка, нельзя сказать, что вы красивый, а ведь лучше, лучше всех! (*Не желая обидеть Пешкова.*) И вы, Алеша, тоже очень хороший, но во сне мне не снится...

За изгородью появляется Н и к и ф о р ы ч. Он хмуро смотрит на беседующих. Грозно откашливается.

Н и к и ф о р ы ч. Это что же тут, к примеру?

М а р и н а (*вскожив*). На одну секунду забежала к знакомым людям, а вы уже кричите, как индейский петух...

Н и к и ф о р ы ч. Цыц! В один момент домой!.. А вам, Гурий Александрович, неловко-с, я скажу, с чужой супругой беседовать... (*Замахнувшись на жену, которая собиралась что-то сказать.*) Цыц! Я тебя сейчас за косы домой потащу... Марш! (*Супруги уходят.*)

П л е т н е в. Вообще-то, я был уверен, что Никифорыч доносит.

П е ш к о в. А ведь прикидывается таким добродушным. Как легко, Гурий, ошибиться в человеке.

П л е т н е в. Не ошибетесь, Алексей, если с правильных позиций будете смотреть на людей. (*Усмехнувшись.*) Вы, говорят, стихи пишете?

П е ш к о в. Пишу, Гурий Александрович. Мараю бумагу.

П л е т н е в. Это хорошо... Хорошо, да не совсем...

П е ш к о в. А что так?

П л е т н е в. Стихи — это для романтиков. А жизнь надо видеть такой, какая она есть — реалистично, трезво, без прикрас. Только тогда можно в жизни правильно ориентироваться... Нет, Алексей, я искренно советую вам писать не стихами, а прозой.

П е ш к о в. Прозой? Вот прозой я еще не пробовал...

П л е т н е в. А вы попробуйте. Проза глубже берет. И беспощадней записывает жизнь и людей. Точней критикует все недочеты. А нам сейчас это необходимо, как воздух...

Издали доносится пение. Вскоре появляется группа студентов во главе с Колей Евреиновым. Мать Коли выходит на крыльцо, радостно улыбается. Гурий Плетнев, вскочив со скамьи, подхватывает слова песни, дирижирует.

Студенты (*поют*). Там, где тинный Булак
Со Казанкой рекой
Словно братец с сестрой обнимаются —
От зари до зари,
Лишь зажгут фонари,
Вереницей студенты шатаются.

Сам Варлаамий святой
С золотую главой,
Сверху глядя на них, усмехается.
И он сам бы не прочь
Провести с ними ночь,
Да на старости лет не решается...

Евреинов. Располагайтесь, коллеги... Доведем до конца наш разговор, неожиданно прерванный этой песней...

1-й студент. Да уж все, пожалуй, сказали...

2-й студент (*бурно*). Э-э, нет! Я не закончил мою речь. И я желаю до конца сказать о том, что я думаю...

3-й студент. Ну, ничего нового ты не скажешь. Вот я позавчера слушал Федосеева... Вот он крепко говорил...

Евреинов. А Федосеев о чем говорил?

3-й студент. Он говорил о стачках.

1-й студент (*махнув рукой*). Стачки — это жест отчаяния...

Плетнев. Вздор, коллега! Стачки — это прежде всего политическая борьба!

1-й студент. Не спорю. Но для счастья народа не надо сейчас решительных мер. Надо постепенно...

3-й студент. Ай, что ты понимаешь в счастье народа!

2-й студент. Дайте, дайте мне досказать мою речь...

3-й студент (*первому*). Недаром ты весь год торчал у Андрея Деренкова, у этого богомольного дьячка революции...

1-й студент. Коллега, я попрошу не оскорблять Андрея Деренкова! Он разумно и правильно говорит...

Евреинов. А что, что он говорит?

1-й студент. Он говорит, что для счастья народа надо...

2-й студент. Позвольте, я, я просил слово...

3-й студент (*второму*). Да погоди ты, Петр! Всех перебиваешь. Никому не даешь сказать...

Евреинов (*первому*). Так что говорит Деренков?

1-й студент. Андрей Деренков говорит: «Вот мы соберем несколько десятков тысяч хороших людей, верных народу... И эти люди

займут в России все видные места... И тогда сразу переменится жизнь... Наступит счастье для народа...»

П л е т н е в (*резко*). Вздор! Беспочвенный романтизм. Нужна жесткая борьба... Нужна революция!

3-й студент. Правильно, Гурий!.. А деревковцы — это народопоклонники! Они восхваляют народ, любят его духовной красотой, его талантами. И думают: «Все само собой сложится, если такие высокие качества у народа». Чепуха на постном масле!

1-й студент. Не согласен, коллега! Необходимо восхвалять народ, чтобы повысить его самосознание.

П л е т н е в. Ерунда! Такое восхваление не приносит пользы. Неумеренная хвала убаюкивает сознание, ослепляет сладким ядом, настраивает на благодушный лад. А такие качества не пригодны для борьбы и революции!

Студенты. Правильно, Гурий... Верно говоришь...

П л е т н е в. Нет, меня не устраивают восторги и восхваления! Критиковать надо резко, беспощадно! Хотя бы для того, чтобы избавиться от огромных дефектов, созданных беспросветной жизнью! (*Повернувшись к Пешкову*.) А вы как думаете об этом, Алексей?

2-й студент. Нет, уж теперь позвольте мне сказать...

3-й студент. Ай, погоди ты, Петр! Успеешь сказать...

Студенты. Пешков... Алексей, говорите... Давайте свое кредо!

П е ш к о в. Что ж, я скажу... Меня, как и Гурия Плетнева, не устраивают излишние восторги перед народом. Я тоже считаю, что фимиам затуманивает сознание и прекращает борьбу со злом. Да, критиковать, мне думается, надо беспощадно, горько, но с превеликой надеждой на то, что народ избавится от рабских привычек, искусственно привитых ему всем ходом жизни — жизни рабской, крепостной, подневольной...

Студенты. Правильно, Пешков... Верно говоришь...

П е ш к о в. Но только не в этом сейчас вся острота вопроса. Не критика или восхваление решают дело. Народ слишком скован, подавлен. Иной раз мне кажется, что вся Россия — это огромная арестантская баржа, какую буксируют в Сибирь... На бортах баржи часовые поблескивают штыками... На людях кандалы... Вот сбросить бы этих часовых с бортов баржи да повернуть ее в иную сторону — вот, по-моему, задача, какая перед нами!

Студенты. Верно, Пешков!.. Браво... Браво...

П л е т н е в (*Пешкову*). Отлично сказали, Алексей. Умно, точно, непреклонно... Нет, верно, вам надо прозой писать, а не стихами.

2-й студент. Ну уж теперь позвольте мне сказать...

3-й студент. Уже мы кончили, кончили говорить...

2-й студент. Ну как же так, господа...

Евреинов (*запевает*). Сам Варлаамий святой
С золотою главою,
Сверху глядя на них,
Ухмыляется...

И всю ночь напролет
Он и пьет и поет
И еще кое-чем
Занимается...

Студенты (*хором*). Через тумбу, тумбу — раз,
Через тумбу, тумбу — два,
Через тумбу, тумбу — три,
Спотыкается...

Во время пения мать Еврейнова подходит к сыну и, склонившись к нему,
негромко переговаривается.

Мать. Николаша, пельмени готовы. Поди покушай, а потом скажи
Алексею — пусть он придет, покушает.

Еврейнов. Ах, разве не для всех пельмени?

Мать. Господь с тобой! Едва для нас хватит...

Еврейнов. Ай, ну как же так, мамочка? Тогда хоть чай приго-
товь для всех.

Мать. Ну, чай я сейчас, пожалуй, поставлю... Сколько у тебя наро-
ду? Сосчитаю... (*Считает пальцем.*) Раз, два, три, четыре... семь... де-
вать... Ай, боже мой, не хватит на всех!

Студенты (*поют*). Через тумбу, тумбу — раз,
Через тумбу, тумбу — два...

Картина третья (5-я) НА БЕРЕГУ ВОЛГИ

Берег Волги. Вдали пристань. Идет разгрузка баржи. За сценой слышится рабо-
та копра, вбивающего сваи. Доносится заунывное пение работающих у копра.
На склоне берега полулежат трое — вор Башкин и два босяка. Баш-
кин — рыженький, шуплый, одет прилично. Один из босяков — пожилой, бо-
родатый, другой совсем молод.

За сценой (*поют*). Эх-ма, братцы, дюже жарко,
Никому-то нас не жалко...
Ой, дубинушка, ухнем!

Башкин (*молодому босяку*). А ты что не работаешь?

Молодой босяк. Подрядчик не взял. Не по вкусу ему при-
шелся.

Башкин (*пожилому босяку*). А ты?

Пожилой босяк. А я, милый ты мой, грыжей хвораю. Мне не под силу сия работа. Живу подаяннями, милостынькой.

Башкин. Эх, вы, шантрапа. Уж коли так, то брали бы с меня пример...

Пожилой босяк. А ты кем будешь-то?

Башкин. Я-то? Если хочешь знать, я профессиональный вор.

Молодой босяк (*оживившись*). Ну?

Башкин. Вот тебе и ну!

Пожилой босяк. Воруешь, значит? По карманам или как?

Башкин. Зачем по карманам. Залезу в дом и — давайте, что у вас... Жизнь легкая, богатая и труда нет никакого...

Мимо проходит парнишка с лотком. Торгует жареной требухой.

Парнишка. Горячую закусочку продаю... Кому что, кому ничего!

Молодой босяк. Ух, жрать как хочется...

Башкин. Да, покушать не мешало бы... (*Продавцу.*) Эй, малый, чем торгуешь?

Парнишка. Закусочку продаю. Легкие, ливер, мозги. На лучшем сале жарено... Отпустить порцию али две?

Башкин. Ступай мимо... Не при деньгах я нынче...

Молодой босяк (*презрительно*). Вор, а не при деньгах. Смехота.

Пожилой босяк. Действительно. Думал, угостишь нас.

Молодой босяк. Вот так вор! Жалею, что у меня копейки нет. Я бы тебе подал ее на закусочку... (*Сплюнув.*) Вор...

Башкин (*не обижаясь*). Смотря какой вор. Я вор, но у меня сердце имеется. Я не в каждый дом влезу. Гольтёбу нипочем не позволю себе тронуть.

Молодой босяк. Значит, ты только у богатых воруешь?

Пожилой босяк. Ну, богатых полиция хорошо охраняет...

Башкин. Вот я и говорю — у бедных нет ничего, а богатые охраняются. Как хочешь, так и живи. При этом с весны я болею — лежал более месяца. Вот и не при деньгах.

Пожилой босяк. Чем болеешь-то?

Башкин. Чахотка у меня. Туберкулез. Легкие отбиты.

Молодой босяк. Поймали за делом и того — отвозили?

Башкин. Были такие случаи...

Пожилой босяк (*усмехаясь*). М-да, прохвессия у тебя...

Молодой босяк. А еще нам советуешь...

Башкин. На профессию свою я не жалею. Вот разживусь немножко деньгами и махну на Кавказ. Там климат легкий — для моего здоровья полезный. И там богатых, говорят, чертова уйма — кругом бери что хочешь, не зевай...

Появляется толстый пузатый подрядчик. За ним десяток грузчиков и босяков. Среди них Пешков — в белой русской рубашке, подпоясанной черным шнурком с кистями.

Подрядчик (*командует*). Давай теперича сюда! Разгрузим баржу с кормы... Становись, как полагается... Жива... Жива, ребятушки... По пятаку прибавлю...

Грузчики поспешно становятся на некотором расстоянии друг от друга. Начинается разгрузка баржи. Огромные тюки и ящики легко перекидываются из рук в руки.

Грузчики (*глухо*). Хоп... Хоп... Так... Так... Хоп...

Подрядчик. Давай... давай... Не зевай...

Башкин (*пожилому босяку*). Вот и предложил бы господину подрядчику свою изношенную шкуру. Схватил бы гривенник.

Пожилой босяк. Я же говорю тебе — у меня грыжа. В меня такой ящик кинут — я же сдохну на месте.

Молодой босяк. Ух, жрать как хочется...

За сценой звонко запевают работающие у копра.

Запевала (*за сценой*). Эх, сваи гоним, ломим кости,

А подрядчик пузо рстит...

Эх, дубинушка, ухнем...

Грузчики (*захохотав*). Так... Правильно поют...

Подрядчик. Заржали, подлецы... Молчать! Работать!

Грузчики. Не ори, пузатый... Лопнешь...

Подрядчик. Оштрафую, коли тюк упадет...

Грузчики (*работая*). Хоп... хоп... Так... так... Хоп...

Пожилой босяк (*Башкину*). Гляди-ка, и нижегородской наш тут работает.

Башкин. Ах, Пешков-то?.. Да, лихо кидает тюки...

Пожилой босяк. А хотел, понимаешь, в ниверситет пойти. Занимался с книгами. А сам вон где — на Волге барки разгружает...

Молодой босяк. Эх, каторга — народу... Сдыхать пора... Хоть водички попить заместо хлеба... (*Пьет из котелка.*)

Грузчики (*конгив разгрузку*). Шабаш... шабаш...

Подрядчик. Подходи... По одному... Получай по двугривенному...

Грузчики. По пятаку сулил прибавку... Эй, пузатый, давай еще пятакоч... Сказал же при всем народе...

Подрядчик. Мало ли что сказал. Для бодрости вашего духа сказал... Проходи, проходи, не гляди так на меня — не напугал... Получил и отойди. А то совсем не заплачу. И ничего с меня не возьмешь, беспаспортная кляча...

Пешков (*подойдя к подрядчику*). И не совестно тебе народ обирать? Эх, ты, скотина, скотина...

Подрядчик (*ежась*). Давай проходи, проходи. Мне некогда. (*Торопливо уходит и вслед за ним уходят грузики.*)

Пожилой босяк (*окликает Пешкова*). Эй, нижегородскай!

Пешков (*подходя к компании*). А-а, это вы, братцы...

Башкин. Пешков, не угостишь ли нас закусочкой с полочки-то, а? Не при деньгах я нынче...

Пешков (*добродушно*). Охотно угощу. Уж гривенник-то дам на сие дело...

Пожилой босяк. Вот спасибо, милый человек...

Молодой босяк. А то в брюхе свист идет...

Башкин (*окликает продавца*). Эй, малый, неси сюда мясную закуску... (*Подошедшему парнишке-лотогнику.*) Выдай на гривенник, что полагается.

Парнишка. Вот пять порций на гривенник.

Молодой босяк (*жадно кушая*). Ух ты, как я давно мяса не жрал...

Пешков. А вы возьмите еще мою порцию. Я сыт... А это пусть Башкину останется.

Башкин (*прижимая руку к своей груди*). У тебя сердце есть, Пешков. Я тебе сразу об этом сказал, когда ты мне давеча стихи прочитал... Ну как, написал еще?

Пешков. Пишу иной раз... А вы, Башкин?

Башкин. А разве я тебе сказал, что я стихи пишу? Я только песни складываю. Вот слышал, такую песню люди поют: «Хороша я, хороша, да плохо одета, никто замуж не берет...»

Пешков. Эту песню кругом поют.

Башкин. Так вот, эта песня моего сочинения... Сердце у меня есть, Пешков... Вот и сочиняю от скуки...

Молодой босяк (*запевая*). Некрасива я, бедна,

Плохо я одета,

Никто замуж не берет

Девушку за это...

Башкин. Уже народ сам немного подправил мои слова...

Прибегает жена Никифорыча — Марина.

Марина (*Пешкову*). Искала вас всюду... Алексей, где Гурочка? Нигде не могу его найти...

Пешков. Гурий Александрович у себя дома. Он утром вернулся из типографии и лег спать, когда я уходил...

Марина. Нету, нету его дома... Я беспокоюсь, Алексей... Мой дьявол Никифорыч сулился посадить его в тюрьму... Ой, да что же это я!

Совсем забыла сказать — облава сейчас будет на берегу. Уже Никифорищ и двадцать городовых готовятся сюда идти. Скажи тут людям...

Б а ш к и н (*вскожив*). Ах, вот как... Облава будет?

М а р и н а. И ты, Алеша, бойся Никифорыча. Он сам мне сказал: «Я, говорит, этого переодетого студента тоже непременно в тюрьму посажу...»

П е ш к о в. Почему же «переодетого»?

М а р и н а. Да он так тебя называет... Побегу, поищу Гурочку. Ох, этот черт Никифорыч... (*Убегает.*)

Б а ш к и н (*озираясь*). Уже как будто свистят. Надо сматывать удочки... (*Кричит.*) Эй, народ, облава будет!

М о л о д о й б о с я к. В эту сторону надо бежать... (*Пожилому.*) А ты, дядя, что же?

П о ж и л о й б о с я к. Я плевал на вашу облаву. У меня пачпорт есть... Бегите шибче — уже шумят...

П е ш к о в. Башкин, закуску-то не доели, возьмите. И вот еще гри-венник нате, пригодится.

Б а ш к и н. Обойдусь, Пешков... Ну да спасибо тебе... У тебя сердце есть... (*Торопливо уходит с молодым босяком.*)

Шум приближается. Уже отчетливо слышны полицейские свистки. Несколько босяков стремительно пересекают сцену. Щуплый г о р о д о в о й ведет босяка со связанными руками. Появляется Н и к и ф о р ы ч еще с двумя городовыми.

Н и к и ф о р ы ч (*указывая на Пешкова и пожилого босяка*). А ну, бери этих... Стоп! Знакомые люди — с паспортами... (*Пешкову.*) Вы что же тут, Лексей Максимыч, среди сброда?

П е ш к о в. Работал с народом. Барку разгружали.

Н и к и ф о р ы ч. Не дело-с вам этим заниматься... (*Шепотом.*) Гурия-то Александровича того... арестовали нынче утром...

П е ш к о в. Что, что? Гурия... Арестовали?

Н и к и ф о р ы ч. Застали в подвале своего дома — краску варил для листовок... Нет, я тоже жалею его... Однако удивляюсь — что может студент против его императорского величества? Ерунда-с... Извините. По обязанности должен идти-с... (*Уходит с городовыми.*)

П о ж и л о й б о с я к. Жалеешь дружка своего? Вместе, что ли, жил с ним? На одной квартире?

П е ш к о в (*глухо*). Вместе жил с ним... (*Закрыв глаза рукой.*) Ох, Гурий, Гурий... О-о, проклятые...

П о ж и л о й б о с я к. Что, деться теперь некуда? Жить негде? Хочешь, я тебе совет дам? Крендельную Семенова знаешь? Булочную?

П е ш к о в (*безугастно*). Что? Крендельную Семенова? Ну...

П о ж и л о й б о с я к. Я же у него год работал до моей грыжи... Живодер он, конечно, кровосос, до крайности жмет людей... Но за трешку в месяц он возьмет тебя тесто месить... Сходишь к нему?

П е ш к о в (*равнодушно*). Схожу потом... (*Резким движением руки рвет ворот своей рубахи.*) Э-эх, Гурий Александрович! (*Яростным тоном.*) Ну, теперь, проклятые, берегитесь меня!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина первая (6-я) В КРЕНДЕЛЬНОЙ

Подвал со сводчатым потолком. Три маленьких оконца ниже уровня земли. Справа огромная печь. В углу деревянные лари с тестом. Возле них на грязном полу мешки с мукой. За длинным столом сидят, однообразно покачиваясь, р а б о ч и е к р е н д е л ь щ и к и. Связав тесто кренделем, рабочие пристукивают слепленную фигуру ладонью — в подвале непрерывно звучат мягкие шлепки. Пекарь П а ш к а Ц ы г а н стоит возле печи с большой лопатой в руках. Он маленький, черноволосый, с раздвоенной бородкой. Рубаха на нем без пояса, грудь открыта.

У деревянного ларя — А л е к с е й П е ш к о в. Он медленно и тяжело месит тесто.

П а ш к а Ц ы г а н (*звонко*). Давай, давай еще!

П е ш к о в. Торопливо работаешь...

П а ш к а Ц ы г а н. Характер у меня скорый. Я вяло не люблю работать... (*Мальчишке.*) Эй, Яшка, носи еще!

Я ш к а (*шепеляво*). Нешу, нешу... (*Негромко.*) Пошпеешь, чолт такой...

Я ш к а подает крендели пожилому варщику Н и к и т е, который с медным ковшом в руках стоит возле кипящего котла.

Н и к и т а. Ой, тошнехонько — опять сколько... Это же, ребяташки, конца края нет...

П а ш к а Ц ы г а н. Давай, давай... Жарь да вари...

Голоса смолкают. Снова в подвале слышится однообразное шлепанье рук. Один из крендельщиков (молодой взъерошенный парень А р т е м), работая, засыпает, повалившись головой на стол. Старый и кривой крендельщик К у з и н злобно толкает заснувшего под бок.

К у з и н. Спать-то погоди... Проспишь царствие небесное...

А р т е м (*встрепенувшись*). А?.. Что?.. Заснул я, что ли?

К у з и н. Делай, делай крендели. Не на печи лежишь... Вот хозяин увидит, что дрыхнешь — враз тебя выгонит.

А р т е м. Да пусть лучше он меня выгонит, чем такая жизнь!.. (*Крендельщикам.*) С утра до ночи, братцы, работаем, не разгибаемся. Как же тут не заснуть?

Н и к и т а. Я сам, милый человек, едва на ногах стою — до того меня ко сну клонит... (*Присаживаясь на табурет.*) Ой, силушки моей больше нет...

П а ш к а Ц ы г а н. Да, поспать бы не мешало... (*Зевая.*) Маленько и меня разморило от жары...

Мальчик Я ш к а, подойдя к выходной двери, прислушивается.
Делает успокоительные знаки рабочим.

Я ш к а. А вы шпите, шпите, ребята. Я покараулю у двери. Крикну, как услышу, что хозяин идет.

К у з и н (*Яшке*). А ты, малец, не суйся не в свое дело. Не иди против хозяина.

Я ш к а (*тоном взрослого*). Посел ты к чолту!

К у з и н (*торопливо крестясь*). Да как же ты, шельмец, смеешь мне так говорить? Вчерась я в храме был, а ты мне... Вот я тебя сейчас...

Я ш к а. Не больно-то напугал меня, чолт старый...

К у з и н (*рабогим*). Ай, ну что вы с мальцом сделали? Собачится как... Язык ему надо отрезать!

А р т е м. Тебе, ябеде, надо язык с корнем выдрать! Все знаем про тебя. Чуть что — идешь жаловаться хозяину...

К у з и н. И пожалуюсь, коли увижу, что ты на работе дрыхнешь, дармодничаешь.

А р т е м. Это кто же дармодничает?! Я?.. Да мы все тут по 17 часов в сутки работаем, не разгибаемся...

П а ш к а Ц ы г а н. Да уж ты, Кузин, тоже — скажешь. Хлеб мы тут не даром жуем. Работаем — не гуляем...

А р т е м. Каждый день... и по воскресеньям тоже... с утра до ночи крендели лепим...

Г о л о с а р а б о ч и х. Хуже каторги тут... Поспать некогда... И за что работаем? За гривенник в день...

Н и к и т а. Вся силушку мою такая работа унесла...

П е ш к о в (*перстав месить тесто*). Каковы сами — таковы и сани... Сами мы, ребята, в этом виноваты. Сами допустили такую жизнь.

П а ш к а Ц ы г а н. Как это сами допустили? Ты что, парень, брешешь, не подумавши?

П е ш к о в. Напротив, крепко подумал, прежде чем сказать. Мы, говорю, сами согласились на такие условия работы. Вот теперь хозяин и зверствует.

Н и к и т а. Да как же тут не согласиться?

П а ш к а Ц ы г а н. Вот именно! Как не согласиться!

А р т е м (*пылко*). А вот так — взять да и не согласиться!

П е ш к о в. Погоди, Артюша, я скажу... Мы должны хозяину заявить: не станем, мол, работать более 12 часов в сутки. И по воскресеньям требуем отдых...

А р т е м (*горячо*). Правильно, Алексей! И по воскресеньям — амба! — не работаем...

К у з и н. Да как же ты, Пешков, можешь с хозяина это требовать? Он тебя кормит, ночлег дает, благодетельствует. А ты еще хочешь с него требовать!

П е ш к о в. Не он нас кормит, Кузин, а мы его кормим.

А р т е м. Правильно! На нашем труде он богатеет...

К у з и н (*замахав руками*). Цыц! Прекратить такие разговоры! Никому не позволю... Хозяину скажу...

П а ш к а Ц ы г а н. А верно, ребятушки, такие разговоры, пожалуй, не поведут к добру... А ну-ка, Яшка, неси, что готово... Так... Жарь да вари!

Н и к и т а. Все ж-таки надо бы и про это поговорить. Ведь вся моя силушка ушла на хозяина...

А р т е м. Правильно, Никита Фадеич! И наша молодая сила на его богатство уходит...

К у з и н. Цыц! Не сметь... (*Кособокому крендельщику*.) Шатунов, заводи песню вместо таких разговоров.

Ш а т у н о в (*запевает панихидным тоном*).

«Ой, да что-й то мне сегодня белый свет не по душе...

Выпил бы я браги, да — не хочется...»

П а ш к а Ц ы г а н. Опять завыл волк...

Ш а т у н о в (*поет*). «К милой бы пошел — к милой ноги не ведут,

Ой, ноги не ведут, да и сердце не зовет...»

П а ш к а Ц ы г а н (*после песни*). Ну, хорошо, Пешков, вот ты говоришь — надо требовать с хозяина. А он возьмет и выгонит тебя с работы, если ты потребуешь.

П е ш к о в (*снова перестав месить*). Да, если каждый будет по отдельности требовать, он, конечно, каждого выгонит. А вот если всей артелью на это пойти...

Н и к и т а. Как это артелью?

А р т е м (*пылко*). А вот так! Всей артелью!

П е ш к о в. Погоди, Артюша... Если, говорю, на это артельно пойти, дружно, всем обществом сразу поставить ему наши условия, вот тогда он не выгонит.

К у з и н. Выгонит! Всех выгонит!

П е ш к о в. А я говорю, Кузин, — не выгонит! Где он сразу найдет столько народу — заменить всю артель? Не найдет он сразу столько рабочих-пекарей. Для этого ему потребуется недельки три. А за три-то недели он огромные убытки понесет.

П а ш к а Ц ы г а н. Да, ежели на три недели закрыть его крендельную, то он хлебнет горя.

А р т е м. Скорей повесится, чем закроет.

П е ш к о в. Вот я и говорю: не захочет он закрыть крендельную, не пойдет он на такие убытки. Вот и придется ему волей-неволей принять все наши условия.

Я ш к а (*прислушиваясь*). Тисе, тисе, ребятки! Хозяин идет...

Входит хозяин В а с и л и й С е м е н о в. Он невысокий, пухлый, белесый. Одет крайне небрежно — в длинной рубахе и в резиновых галошах на босу ногу. Вместе с хозяином появляется его приказчик С а ш к а — рыжий, кудрявый, франтоватый.

Х о з я и н. Это какие-такие разговоры тут велись, ась? (*Подойдя к Пешкову.*) Ты что, Грохало, грохал тут? Я, брат, слышал твой голосище...

П е ш к о в. Говорили... так... между собой...

Х о з я и н. Об чем говорили?.. Кузин, об чем тут у вас говорили, ась?

К у з и н. Да вот Пешков говорил, что вы... нас... (*Издали увидев кулак Артема.*) Так... между собой говорили...

П р и к а з ч и к (*негромко*). Василий Семеныч, да прогоните вы Пешкова из крендельной. Постоянно ведет лишние беседы с народом. Доиграемся мы с ним...

Х о з я и н. Ай, сам знаю! Не путай меня советами, Саша. (*Пешкову.*) А ты, Грохало, поменьше тут грохай. Знаю, знаю, об чем ты тут грохашь! Имею сведения. Против хозяина народ настраиваешь. (*Замахнувшись.*) Я тебя, длинновязая жердь...

П е ш к о в (*спокойно, не отстраняясь*). Тихо. Не махайся.

Х о з я и н. Ты кто такой против меня? Сам себя прокормить не можешь! А я 40 человек кормлю! У меня — крендельная, пекарня и три магазина! Семь разносчиков каждый день разносят по городу мои суши и крендели! Сам квартальный передо мной шапку ломит!

К у з и н. Да разве мы этого не понимаем, Василий Семеныч...

Х о з я и н. Я, брат Пешков, как есть неграмотный человек — кроме цифр никаких букв не знаю. А гляди, какие дела огромные веду...

К у з и н. Господь дал тебе разума достаточно.

Х о з я и н. Да разве ты, Пешков, можешь со мной равняться? Зачем же ты, скажи, настраиваешь народ против меня, против своего хозяина? Ась?

К у з и н. Без тебя, хозяина, они все тут передерутся.

Х о з я и н. Без меня вас всем валяться на берегу Волги с распухшим брюхом от голода... Меня уважать за это надо, почитать, как икону... (*Вдруг рассердившись на всех слушателей.*) А вы что тут хари свои устави на меня? Пошто не работаете?!

П е ш к о в. Тебя, хозяина, слушаем.

Х о з я и н. А вы слушайте и работайте вместе с тем! (*Затопав ногами.*) Работать, работать без перерыва! Никому не разрешу даром мой хлеб есть...

Уходя, замахивается на Я ш к у. Тот отскакивает. Однако п р и к а з ч и к успевает шлепнуть его по затылку. Х о з я и н и п р и к а з ч и к уходят.

Н и к и т а. Сердитый нынче хозяин-то...

Я ш к а (*прислушиваясь*). Тисе, тисе, ребята. Не усел еще... (*Шепотом.*) У дверей нарочно стоит. Слушает... (*Спустя минуту.*) Усёл, усёл...

К у з и н. Да, Пешков, не ко двору ты нам пришелся. Сердится хозяин на тебя, а на нас злобу срывает.

П а ш к а Ц ы г а н (*Пешкову*). А верно, парень, лучше бы тебе уйти от нас. Без тебя, понимаешь, как-то спокойней... (*Нагинаят петь озорную песню, приплясывая при этом.*) «Идет баба пьяная,

Издали смеется, —

Это она самая,

По ком сердце бьется...»

К р е н д е л ь щ и к и (*подхватив припев*). «Это она самая, по ком сердце бьется...»

П а ш к а Ц ы г а н (*неожиданно бросив петь и плясать*). Ну, хорошо, Пешков, вот ты говоришь — не выгонит нас хозяин с работы, ежели мы поставим ему наши условия...

А р т е м (*нылко*). Нипочем не выгонит!

П е ш к о в. Не выгонит хозяин только потому, что это будет ему убыточно.

Н и к и т а. Так он полицию вскричит!

К у з и н. Полицию он обязательно позовет. И заарестует всех, которые супротив него...

П е ш к о в. Полицию-то он, конечно, пригласит, но только неизвестно, одержит ли он верх вместе со своей полицией...

П а ш к а Ц ы г а н. Нет, ты заврался, парень! Что мы можем против полиции...

П е ш к о в. Лишь бы захотеть! Человек все может сделать при желании... Вот я вам сейчас прочитаю то, что напечатано про стачку на Морозовской фабрике...

П а ш к а Ц ы г а н. Где напечатано-то?

П е ш к о в. Напечатано в одной рабочей газете. У меня как раз вырезка с собой... (*Достав из кармана клочок газеты.*) Вот послушайте, как попятались хозяева от рабочих, когда те дружно взялись за дело. И полиция ничего не смогла... (*Читает.*) «Десять тысяч рабочих под руководством своих вождей начали забастовку с обсуждения ее плана. Два батальона пехоты и казачий полк не смогли справиться со стач-

кой. На фабрику приехал губернатор Судиенко, и тогда рабочие передали ему свои требования об улучшении жизни...»

Стремительно открывается дверь и на пороге появляется разгневанный хозяин Семенов, позади которого приказчик Сашка. Пешков торопливо прячет газетную вырезку в карман.

Яшка (*растерявшись*). Тсс... Хозяин, блатцы...

Хозяин (*шлепнув Яшку по затылку*). Так, Грохало... Сейчас мы сами слышали за дверью, как ты им что-то читал... Что, что читал? Покажи!

Пешков. Что показать-то? Беседовали мы между собой...

Хозяин. Врешь! Я сам слышал твое чтение. Покажи, говорю, что ты им читал!

Приказчик (*роясь вокруг, находит книжку*). Василий Семеныч, книжку нашел! Вот он, наверно, ее и читал...

Хозяин (*взяв книгу*). Так... Поглядим, что за книга... А ну-ка, Саша, определи, что в ней... Про что?

Приказчик (*гитает заглавие*). «Что делать?». Чернышевский...

Хозяин (*яростно*). Восьмой мешок муки замесить — вот что делать!.. Лодыри! Дармоеды... (*Подходит к пегке, чтобы бросить книгу в огонь.*)

Пешков (*схватив хозяина за руку*). Стой! Нельзя книгу жечь!

Хозяин. Как так нельзя?

Пешков. А вот так — нельзя. Дайте-ка сюда... Ну?!

Хозяин. Ну... на... Чего кричишь-то?

Приказчик. Василий Семеныч, да чего вы с ним зря разговариваете? (*Сбрасывая свой пиджак.*) Дозвольте мне с ним, так сказать, по-православному побеседовать... Разочка два-три я ему так стукну, что он придет в христианскую веру... (*Подойдя к Пешкову и схватив его за руку.*) А ну, выходи на середку! Будем драться...

Пешков (*с силой оттолкнув приказчика*). Уйди к дьяволу!

Яшка (*негромко*). Дерись, дерись с ним, Алеса. Я тебе помогу. Пособлю тебе...

Приказчик (*снова наступая на Пешкова*). Ах, так! Еще толкаешься... Выходи...

Хозяин. Ай, погоди ты, Саша, со своей дракой! Не ко времени — в рабочие часы... (*Яростно работим.*) Работать! Работать каждую минуту!.. Нет, они сидят, сложа руки! Каждый норовит мне убытки принести...

Приказчик (*умоляюще*). Василий Семеныч, так мы бы с ним — пяток минут... (*Пешкову.*) Ну!

Пешков. Не стану, говорю, с тобой драться... А тебе, Василий Семеныч, как хозяину, скажу, о чем мы тут беседовали... Народ недоволен тобой. Зверствуешь. По 17 часов в сутки заставляешь работать...

Голоса рабочих. Правильно, Пешков... Нигде не положено столько работать...

Никита (*подойдя к хозяину*). Всю силушку мою я тебе отдал, кровосос...

Пешков. Не согласны люди на таких условиях работать...

Хозяин (*растерявшись*). Ай, Саша, да что же это они... (*Неожиданно с яростью*.) Да как же вы можете мне, хозяину, так говорить?! Да я вас всех с моей крендельной вытурю! Студентов найму! Студенты будут у меня заместо вас работать!

Пешков (*спокойно*). Где же вы столько сразу студентов найдете? Сомнительно. Придется вам закрыть крендельную на месяц, а то и на два.

Приказчик (*снова сбросив свой пиджак*). Василий Семеныч, дозвольте же мне с ним побеседовать...

Хозяин. Ай, погоди, Саша! Надо мирным путем... (*Рабогим*.) А что же вы, дьяволы, от меня хотите?

Пешков. Требуем, чтобы работа не превышала 12 часов...

Голоса рабочих. И харчи улучшить... Не желаем жрать кашу с льняным маслом...

Артем. И по воскресеньям — амба — не работаем!

Хозяин. Харчи-то, конечно, я сам понимаю — надо маленько улучшить... Улучшу, ладно... И по воскресеньям, нехай, будет по-вашему... Но семь-то мешков мне надо в день замесить!

Голоса рабочих. А мы замесим за 12 часов... Не беспокойся, Василий Семеныч... Справимся...

Хозяин. Ну так ладно тогда. Нехай по-вашему будет... (*Растерянно*.) Ай, Саша, ну что же это они со мной произвели?

Приказчик. Нет, Василий Семеныч, я с вами решительно не согласен... Дозвольте, говорю, мне с Пешковым один на один побеседовать... (*Еще раз сбрасывает с себя пиджак*.) А ну-те, Пешков, выходи сюда... (*Засузив рукава*.) Только драться по бокам. По роже — ни-ни. Рожа мне для магазина необходима!

Яшка (*Пешкову*). Выходи, выходи. Я сейчас трехфунтовую гирьку возьму. Трахну его гирькой, если он тебя повалит.

Хозяин (*схватив приказчика за руку*). Ай, Саша, идем... (*Тихо*.) Не надо его сердить...

Приказчик. Может, тогда полицию вызвать? (*Оба уходят*.)

Артем (*восторженно*). Видали? Видали, что получилось?!

Пашка Цыган. Да, ежели дружно взяться, то...

Никита. ...получается.

Голоса рабочих. Попятился хозяин... Забоился всей нашей артели...

Кузин. Рано пташечки запели. Сейчас он полицию вскричит. Заарестует главных. Наплачется.

А р т е м. Не каркай, Кузин!.. Вот именно так рабочий класс должен защищать свои интересы.

П е ш к о в. Есть и еще один способ защиты — через печать.

П а ш к а Ц ы г а н. Это как же — через печать?

А р т е м. А вот так! Через печать...

П е ш к о в (*вынимает из кармана небольшую рукопись*). Да вот, например, написал я одну, как бы сказать, статейку про наше житье-бытье. Отнесу в редакцию газеты... Там напечатают... И будет огласка на весь город... Вот хозяин и вовсе присмирееет...

П а ш к а Ц ы г а н. Ты и про нас написал?

П е ш к о в. Все написал. Написал, что кругом грязь, тараканы, каторжный труд несем...

Г о л о с а р а б о ч и х. Ну, про нас-то не надо писать... Это ты, парень, лишнее... Брось это дело...

П а ш к а Ц ы г а н. Да, Пешков, про нас писать мы тебе не позволим...

П е ш к о в. Ну, это, Паша, мое дело. Это я уже твердо решил — отнесу сегодня в редакцию... (*Берет фуражку, чтобы уйти.*)

Я ш к а. Тсс... Хозяин идет...

Снова входит хозяин Семенов. Рядом с ним — приказчик Саша и городской Никифорыч.

Х о з я и н (*негромко*). Уж пожалуйста, Федор Никифорыч, урезоньте их. Не останусь в долгу перед вами.

Н и к и ф о р ы ч. Так вы уже дали им свое согласие — теперича поздно назад идти.

Х о з я и н. Да вы хотя бы поучение им скажите, чтобы на дальнейшее их урезонить.

Н и к и ф о р ы ч. Поучение им скажу. Это для меня не составит труда... (*Рабогим.*) Вы, говорят, дебоширите тут? Размечтались излишнюю волю над хозяином получить...

П р и к а з ч и к (*рабогим*). Слушать, слушать то, что вам говорят! Не отворачивать хари...

Н и к и ф о р ы ч. Распоясались, стало быть, в своих мечтаниях? Но только напрасно, я скажу, слушаете врагов его императорского величества. Никому не дано поколебать могучее его царство. Ни студент, ни рабочий не порвет незримую нить, которой связано российское государство. Эта незримая нить, как паутинка, исходит из сердца его императорского величества и проходит сквозь всех его верноподданных...

П е ш к о в (*перебив*). Как вы сказали? Незримая нить, как паутина, проходит...

Н и к и ф о р ы ч. Да, как паутина, незримая эта нить проходит сквозь всех верноподданных — сквозь господ министров, сквозь губернаторов, сквозь всех людей, вплоть до меня и до последнего солдата...

Пешков. А в центре паутины, вы говорите, кто? Паук? *(Рабочие смеются.)*

Никифоров. А в центре паутины... *(Растерявшись.)* А в центре, я говорю... Почему паук? В центре его императорское... величество... *(Хочет усиливается.)*

Хозяин *(тихо)*. Что-то вы им не то сказали, Федор Никифоровч.

Приказчик. Сравнение взяли излишнее. Про паука не надо вам было начинать.

Никифоров. Да не говорил я им про паука! Это сбил меня передетый студент Пешков.

Хозяин *(засмеявшись)*. И ведь так он сбил, что все мысли ваши вкось пошли...

Никифоров. Ничего-с. Сейчас я им еще скажу...

Хозяин. Ай, не надо вам более говорить! Он опять собьет. Лучше сходим чайку поьем... *(Снова засмеявшись.)* Хотя и злобу имею к этому длинновязому черту Пешкову, но за ум его до крайности уважаю... Мне бы, Никифоровч, переманить его к себе в помощники — ой, надедали мы бы с ним делов!

Приказчик. Не вижу в Пешкове ничего особенного, Василий Семеныч...

Хозяин. Ай, Саша, ты далее своего носа ничего у меня не видишь... *(Под смех рабочих уходит вместе с приказчиком и городовым.)*

Яшка *(прислушиваясь у двери)*. Усли пауки... Совсем усли...

Картина вторая (7-я) В РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ

Большая уютная комната. Два деревянных стола завалены газетами и корректурой. За одним столом работает молодой человек в студенческой тужурке. За другим столом — секретарша редакции Вера Ивановна. Она стриженная, в пенсне, с папиросой во рту. Из угла в угол ходит посетитель, похожий на сельского дьячка.

Посетитель *(студенту)*. Да-с, молодой человек... Скоро лже конец... Вся фальша уйдет...

Студент. Ах, не мешайте, пожалуйста! Я работаю...

Посетитель. А что ты работаешь? Объясни.

Студент. Корректуру... Газетные листы... Опечатки исправляю...

Посетитель. Вот ты, милый человек, и запиши на листе то, что я говорю... Скоро лже конец — она сама себя топит, сама себя ест...

Секретарша. Гражданин, тут редакция газеты, мы не принимаем устные сообщения. Вы напишите на бумаге свои высказывания, и тогда редактор рассмотрит...

Посетитель. А ежели я неграмотный, сударушка? Что тогда?.. Да вы не сомневайтесь, меня в городе все знают — я Пимен Власьев, дворник купца Маркова... Все знают, что Пимен Власьев не соврет... Скоро, говорю, лже конец...

Секретарша. Вы говорили с редактором?

Посетитель. Говорил. Не желает выслушать до конца... Попро-
бую еще раз... *(Подходит к дверям кабинета редактора.)*

Секретарша. Редактор занят. Не входите туда... *(Посетитель покорно присаживается на стул у двери.)*

Студент *(секретарше)*. Вера Ивановна, я заканчиваю вторую полосу...

Секретарша. Вот вам третья полоса... А четвертая еще даже не в наборе — нет хроники и фельетона...

Входит провинциальная барышня — она не первой молодости,
одета кокетливо, в шляпе с перьями.

Барышня. Извините меня... Куда — со стихами?

Секретарша. Стихи? Оставьте здесь. Я передам редактору.

Барышня. Но я хотела бы вслух прочесть, чтобы узнать о том впечатлении, которое... *(Студенту.)* Молодой человек, вот послушайте... *(Читает, закрыв глаза:)*

Крылья ночи
Мне на очи
Темный бросили покров.
Засыпаю
И мечтаю
Про любовь...

Студент *(пожав плечами)*. Ничего, но... Видите ли, любовь бывает — к отечеству, к родителям, к жениху... Тут нужно уточнить, о какой любви вы мечтаете.

Барышня. Да, да, совершенно правильно... О, благодарю вас за ваше указание... Я сейчас... Сейчас исправлю... *(Присаживается у окна, вдохновенно пишет, закрывая глаза.)*

Входит торопливо новый посетитель — мещанин средних лет. Он взволнован, руки его дрожат. В руках он держит за лапы убитую курицу.

Мещанин. Вот... Вот, взгляните...

Секретарша. Что это?

Мещанин. Курица... Сосед убил камнем...

Секретарша. Но тут редакция газеты...

Мещанин. Знаю. Поэтому и пришел... Пропечатайте соседа. Андрей Фомин — фамилия его. Курица моя зашла к нему на огород, а он камнем в нее... И вот, вот что мы имеем вместо живой курицы...

Посетитель (*мещанину*). А ты, милый человек, не тоскуй, не горюй. Скоро всякой лже конец...

Мещанин. Да как же не горевать-то? Я, милостивый государь, человек семейный. Мне каждая кура на прокорм вот как необходима. А сосед камнем ее... (*Секретарше*.) Прошу довести до сведения общест-венности...

Секретарша. Вы обратитесь в суд.

Мещанин. В суд само собой обращусь, но прежде пропечатаю соседа... Дети его залезают ко мне на огород — так разве был случай, чтобы я их камнем с огорода? Ну, нарву им уши, либо крапивой по босым ногам — и все! А тут какой злосчастный финал мы имеем...

Секретарша. Обратитесь к редактору... Да вот он...

Из кабинета выходит редактор газеты — благообразный старик в золотых очках. В руках у него кипа рукописей. Рядом с редактором — пожилая журналистка с морщинистым, измятым лицом. Все посетители обступают редактора.

Редактор (*журналистке*). Итак, договорились, Анна Борисовна: эту заметку вашу о земских деятелях я напечатаю. Но откровенно скажу — не этого мы от вас ждем. Нам хроника, хроника до зарезу нужна. Вы наш репортер, и мы ждем от вас этой хроники, как манны небесной!

Журналистка. Я весь город обегала, Иннокентий Михайлович. Как нарочно — нет ничего сегодня такого... Ни кражи, ни убийств...

Редактор. Ну хоть драку, драку нам какую-нибудь дайте.

Журналистка. И драки не было никакой...

Редактор. Но за сутки чем-нибудь выразилась общественная жизнь нашего города?

Мещанин (*выступая вперед с убитой курицей*). Имею удовольствие видеть редактора?.. Вот за сутки выразилась общественная жизнь — камнем ее сосед убил... Зашла на огород, а он ее камнем... А я, милостивый государь, семейный человек...

Редактор. Нет, это мелкое происшествие...

Мещанин. Чем же мелкое происшествие? Кура-то более не жива. Злобно убита соседом. Я ищу защиты у прессы!

Редактор. Я же вам объясняю — это мелко для нас. Мы не можем подрывать значение нашей газеты. А кроме того, ваш сосед может сказать, что это не он убил.

Мещанин. Как не он? Да я свидетелей сейчас призову! Минуточку обождите... (*Убегает*.)

Редактор. (*журналистке*). Анна Борисовна, так я надеюсь на вас — хронику, хронику несите нам. Без отдела происшествий я же не могу выпустить газету.

Журналистка. Побегу. Пороюсь по городу. Не уверена... (*Идет к выходу.*)

Редактор. Только умоляю, скорей. Газета опаздывает... (*Посетителю.*) Ах, это вы опять! Я же сказал, что высказывания ваши о лжи и фальши ничем не оправданы и философски не мотивированы. Ложь не уйдет сама собой без давления на нее общественных сил...

Посетитель. А я тебе, милый человек, говорю — конец лже наступает... (*Склонившись к редактору.*) Уже Христос под Москвой. Скрывается на станции Петушки. Всю неправду в Расее он разворотит в трое суток... Только молчок об этом! Чтоб попы не узнали...

Редактор (*отмахиваясь*). Я занят, занят, поймите. Не могу сейчас с вами беседовать... (*Секретарше.*) Вера Ивановна...

Посетитель. Я обожду, когда ты освободишься, милый человек. Еще тебе кое-что расскажу... (*Присаживается на стул.*)

Барышня. Иннокентий Михайлович, вот я еще принесла вам стихи...

Редактор (*любезно*). Очень приятно. Поэзия, так сказать, украшает нашу газету... (*Увидев, что посетительница готовится гитать вслух.*) Позвольте рукопись — я потом просмотрю. Извините, я сейчас занят...

Барышня. Но я хотела сама почитать. Тут важны интонации при чтении... Я подожду... (*Присаживается у окна, пишет.*)

Редактор. Вера Ивановна, тут у меня рукопись этого, как его... (*Роется в рукописях.*) Да, этого — Пешкова Алексея... О крендельной купца Семенова... Он где, этот Пешков?

Секретарша. Он отдал свою заметку и сказал, что потом за ответом зайдет.

Редактор. Так вы мне скажите, когда он придет. Хочу с ним побеседовать... (*Увидев входящего посетителя.*) А-а, Борис Владимирович, наконец-то... Как манны небесной вас ожидаю...

Появляется новый посетитель — литератор. Он в пенсне на черном шнурке, с остроконечной бородкой.

Литератор. Не опоздал с моим фельетоном?

Редактор. Как раз, как раз, милейший Борис Владимирович... (*Взяв рукопись.*) Чудесно... О рынках?

Литератор. Да, о наших крестьянах, торгующих на рынках. Так сказать — акварель.

Редактор. Чудесно, чудесно... Вера Ивановна, в набор!

Литератор. Нет, я так не согласен, Иннокентий Михайлович. Прочитайте сначала...

Редактор. Так я же уверен в вас, как в самом себе! Уверен, что статья превосходна и написана в тех нежнейших красках, на которые вы такой мастер.

Л и т е р а т о р. Да, это верно, я тут вложил мое сердце и мои чувства к нашему простодушному, святому русскому мужичку...

Р е д а к т о р. Вы подлинный хранитель старых заветов. И наша редакция полностью солидарна с вами... В набор, Вера Ивановна!

Л и т е р а т о р. Я все же настаиваю, чтобы вы просмотрели.

Р е д а к т о р. Извольте, просмотрю. Но в таком случае и у меня просьба к вам — прочитать одну рукопись. Небольшая статейка о крендельной Семенова. Пишет простой рабочий парень. Беспощадно, жестко пишет. Картина ужасающая — грязь, тараканы, бескультурие, но... сила, сила чувствуется.

Л и т е р а т о р. Простой рабочий? Любопытно. С интересом прочитаю. Хотя и уверен, что это тот натурализм, который эстетически мне отвратителен... *(Оба уходят в кабинет.)*

Входит Алексей Пешков.

С е к р е т а р ш а. Редактор просил вас обождать. Сейчас вторично читается ваша рукопись.

П е ш к о в. Я подожду...

С т у д е н т *(вскокив из-за стола)*. Пешков... Алексей... Вот я где вас увидел...

П е ш к о в. А-а, Винокуров... Сердечно рад вас видеть... Корректором работаете?

С т у д е н т. Да... Ну, а вы? Вы как? Так вам и не удалось в университет? Грустно... Где же вы теперь?

П е ш к о в. В пекарне работаю... Впрочем, рабочий кружок посещаю. Читаю литературу. Слушаю лекции. Вот только времени на все это мало... Ну, а как наши? Что Коля Евреинов?

С т у д е н т. Он все по-прежнему... А вы, Алексей, что тут в редакции? *(Усмехнувшись.)* Стихи принесли?

П е ш к о в. Заметку одну написал о нашем житье-бытье.

С т у д е н т. Интересно... Ну, а к интеллигенции вы по-прежнему враждебно относитесь?

П е ш к о в. Враждебно? Я об этом никогда не говорил. Напротив, я самого высокого мнения о нашей интеллигенции.

С т у д е н т. Но у всех у нас сложилось впечатление, что вы беспощадны к интеллигентным людям.

П е ш к о в. Нет, я просто удивлялся, почему наша интеллигенция не делает усилий проникнуть в массу людей. Ведь наша интеллигенция почти чужая в своей родной стране! Она окружена средой, которая относится к ней недоверчиво, насмешливо. Отрыв слишком велик.

С т у д е н т. Тот, кто впереди идет — всегда оторван...

П е ш к о в. Но не в такой же степени. Тут духовный разрыв, духовное непонимание. Отсюда — умильные фразы перед народом — там, где, как воздух, нужны резкие, критикующие слова...

Барышня со стихами подходит к студенту.

Барышня. Простите... Вот я исправила стихи по вашему указанию... Послушайте... (*Читает.*)

Крылья ночи
Мне на очи
Темный бросили покров.
Засыпаю
И мечтаю
Про святую про любовь...

Студент собирается что-то ответить, но в это время из кабинета выходят редактор и литератор. Секретарша подходит к ним и что-то говорит, указывая глазами на Пешкова.

Редактор. Так, так... Здравствуй, молодой человек... Стало быть, вы и есть... (*поглядев рукопись*) Пешков? Алексей?

Пешков. Да...

Редактор. Читали, читали ваше сочинение. Любопытно. Но откровенно скажу — у нас есть возражение.

Литератор. Принципиальное возражение.

Редактор. Слов нет, бытовая зарисовка сделана вами хорошо, талантливо. Но уж очень, я бы сказал, мрачно очертано. Ну, допустим, у вас в крендельной и в самом деле — грязь, тараканы и прочее. Но зачем же читателю подавать эти картины в таком беспросветном виде?

Литератор. Зачем же подчеркивать темноту и некультурность наших малограмотных русских людей?

Редактор. Простой русский человек более простодушен, доверчив, человеколюбив — нежели вы записываете...

Литератор. В вашей бытовой зарисовке не те краски положены. Нужна светлая, нежная акварель, а у вас мазки слишком резкие, тревожащие глаз, вызывающие, так сказать, беспокойство, а не умиротворение!

Редактор. А потом — хозяин пекарни... Никогда не поверю, что есть такие, извините, животные. Это все купцы справедливо обидятся, если мы напечатаем вашу статейку... Нет, молодой человек, русский народ, населяющий нашу землю, не таков, каким вы его видите...

Литератор. Простодушие, бесхитрость и богобоязненность — вот его основные черты...

Пешков. Я не знаю такого народа, о котором вы говорите. На нашей земле живет хитрый, недоверчивый мужичок. Живет тупой и жуликоватый мещанин, насыщенный ядовитыми предрассудками. Проживает и крепкий, волосатый купец, который налаживает свою сытую звериную жизнь... А рабочие и батраки живут на нашей земле тяжело, беспросветно. И нередко пьют по этой существенной причине...

Редактор. Довольно, довольно, молодой человек. Ваша позиция нам более чем ясна...

Литератор. Ваши эстетические воззрения противоречат искусству...

Редактор. А жаль. Писать вы могли бы весьма хорошо... Но только нельзя записывать жизнь, находясь в полутемном подвале вашей пекарни. Вам надо бы...

В редакцию торопливо входит журналистка.

Журналистка (*запыхавшись*). Иннокентий Михайлович...

Редактор. Ну, как, как? Есть что-нибудь?

Журналистка. Есть одно происшествие. Сейчас случилось. Как раз возле самой вашей редакции ломовой извозчик наехал на одного гражданина, который шел в редакцию с курицей в руках...

Редактор. Ах, вот как... Тот? Который с убитой курицей? И сильно его помял извозчик?

Журналистка. Помял совсем легко, но пострадавший настоял, чтобы составили протокол...

Редактор. Так. Отлично. Пишите скорей и в набор!

Журналистка торопливо пишет. В редакцию осторожно входит городской Никифорович, переодетый в штатское. Он присаживается на стул и, прикрыв лицо газетой, поглядывает на Пешкова. Посетитель дворник Власьев снова подходит к редактору.

Посетитель. Скоро всей этой лже конец...

Редактор. Потом, потом. Я занят... (*Пешкову.*) Так вот, скажу вам на прощанье, молодой человек. Вам надо выйти из вашего подвала на широкий простор русской земли.

Пешков. Да, я думал об этом...

Редактор. Только тогда вы воочию увидите жизнь и людей, населяющих святую русскую землю. Только тогда, молодой человек, перестанете сомневаться в могучей силе нашего народа.

Пешков. Вот в этом я никогда не сомневался, господин редактор. Однако считал, что критиковать недостатки надо резко, не прикрашивая ничего — как это делаете вы в своей газете.

Редактор (*обижаясь*). Ах, вот как? Вот как...

Литератор (*редактору*). Резкий, грубый человек. Эстетика его более чем сомнительна. Поверьте — не будет он литератором...

Пешков. Прощайте, господа... А за совет благодарю. Пройдусь по всей нашей земле, чтобы ни в чем не ошибиться. (*Медленно и задумчиво направляется к выходу.*)

Никифорович, осторожно ступая, следует за Пешковым. Но тот в дверях оборачивается, чтобы попрощаться со студентом, и вплот-

ную сталкивается с Никифоричем, который искажает свое лицо гримасой, чтобы его не узнали.

Никифорич (*глухо*). Виноват-с...

Пешков. А-а, это вы...

Никифорич. Нет-с, это не я... Ошибаетесь, господин Пешков...

Пешков (*студенту*). Винокуров, прощайте. Привет передавайте вашим коллегам.

Студент. Непременно передам. От души жму вашу руку... (*Негромко.*) За вами следят, Алексей...

Пешков. Ничего... Уйду... (*Снова идет к выходу.*)

Никифорич следует за Пешковым. Но у выхода к нему подходит посетитель-дворник и делает ему тайственные знаки.

Посетитель (*склонившись к уху городского*). Лже скоро конец...

Никифорич. А?.. Чего ты?.. Кому конец?

Посетитель. Лже, говорю, конец. Вся фальша, говорю, скоро уйдет...

Никифорич. Кто уйдет? Этот?.. (*Оглядываясь.*) Сейчас я его... Пусти с дороги, мешаешь... (*Снова идет к выходу.*)

Студент, взяв кипу бумаг, нарочно перерезает дорогу городовому и, столкнувшись с ним, роняет бумаги на пол.

Студент. Ну вот, всю корректуру мою рассыпали... Подбирайте теперь...

Никифорич (*подбирая*). Ай, незадача какая...

Барышня (*громко декламируя самой себе*). «Крылья ночи мне на очи темный бросили покров...»

Никифорич (*барышне*). А? Вы что, мне?..

Бросив подбирать листы, Никифорич, отмахнувшись руками, кидается к выходу и бежит за Пешковым.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Картина первая (8-я) В СТЕПИ

Широкая крымская степь. Синее небо, яркое солнце. На тропинку выходят два путника — Пешков, уже сильно возмужавший, и молодой человек, грузинский князь Шахро. У Пешкова в руках палка, котомка за спиной. Князь одет в сильно потрепанную черкеску.

Князь (*жалким тоном*). Слушай, Максим... нэ могу больше идти... устал, как собака...

Пешков. Идем, идем, Шахро... Прошли-то мы всего десять верст...

К н я з ь (*опускаясь на землю*). Максим... Гляди — падаю от усталости...

П е ш к о в. Этак мы только к зиме до Тифлиса дойдем. Слабый ты человек, Шакро.

К н я з ь. Я нэ простой человек, Максим. Я князь. Нэ привык пешком по земле идти. Верхом на коне я много верст могу сделать... (*Снова жалким тоном.*) Чайку бы мне, Максим, выпить.

П е ш к о в. Так ведь воды у нас нет... (*Вытащив бутылку из котомки.*) На одну кружку и то не хватит...

К н я з ь. Дай воды немного... (*Взяв бутылку, пьет.*)

П е ш к о в. Что ж ты мне глотка даже не оставил...

К н я з ь. Прости, Максим. Не подумал о тебе... Хлеб у тебя еще остался?

П е ш к о в. Вот, осталось немного. На...

К н я з ь (*жадно кушая*). Спасибо тебе за все, Максим... Придем в Тифлис, и тогда мой отец будет благодарить тебя...

П е ш к о в. А мне от твоего отца ничего не надо.

К н я з ь. Он сам тебэ скажет: «Спасибо тебе, Максим! Ты, скажет, от самой Одессы вел моего сына в Тифлис. Весь путь, скажет, ты работал, как вол, на моего сына, кормил его и, как за ребенком, ходил за ним. Проси, скажет, у меня чего хочешь...»

П е ш к о в. Да говорю тебе, Шакро, ничего мне от вас не надо!

К н я з ь. Нет, Максим, за все ты от нас получишь. Я сам поведу тебя к отцу. Скажу ему: «Вот человек! Корми его теперь всю жизнь! А меня посади к ишакам в хлев!» И тогда мой отец позовет наших слуг, крикнет им: «Зарэжьте, скажет им, молодого барашка и подайте им лучшего вина». И тут, Максим, мы будем пить с тобой, как брат с братом — из одной чашки...

П е ш к о в (*смеясь*). Да как же мы с тобой будем кушать и пить, если ты будешь в хлеве с ишаками сидеть?

К н я з ь. Нэт, это я так сказал. Не посадит меня отец в хлев к ишакам. Он простит меня, скажет: «Пей и веселись». А тебе, клянусь тобой, скажет: «Живи, Максим, в моем доме, сколько хочешь!» А после он тебя женит на толстой грузинке и ты будешь богато жить... За все рассчитается отец с тобой!.. Ох, прости, Максим, я весь хлеб скушал. Ты не голоден, нет?

П е ш к о в. Ничего, потерплю... Тут у меня еще сухарь остался. Хочешь половину?

К н я з ь. Давай! Много могу съесть... Ты только доведи меня до Тифлиса. Я там тебе устрою т-такую жизнь! Цце, цце... в Тифлисе у нас будешь, как царь и бог...

П е ш к о в. Ты лучше Расскажи мне, как ты из Тифлиса в Одессу попал?

Князь (*усмехнувшись*). Да я за одна барышня из Батума в Одессу поехал. А там один приятель ограбил меня... Я там сильно голодал, пока тебя не встретил... А что ты, Максим, все время заставляешь меня рассказывать? Ты лучше о себе расскажи. Ведь я о тебе ничего не знаю. Только знаю, что ты в Казани крендели пек... А потом что с тобой было?

Пешков. А потом в булочной у Деранкова подручным пекарем был... Да нет, не люблю я о себе рассказывать...

Князь. Нет, расскажи, Максим... Ну, пекарем был... Булки пек, да?

Пешков. Пек булки... В студенческих кружках бывал там... Лекции слушал... Диспуты бывали...

Князь. Это какие же лекции слушал?

Пешков. Разные лекции — о революции, о марксистских книгах...

Князь (*строго*). А ты знаешь, что за это бывает?

Пешков (*усмехнувшись*). Знаю. Даже в тюрьме немного сидел.

Князь (*не без страха*). Ну? В тюрьме?.. И потом бежал, да?

Пешков. Да нет, сами выпустили...

Князь. А потом что?

Пешков. А потом я с одним приятелем в Самару поехал. Оттуда на Каспий. С рыбаками за рыбой ходил...

Князь. А потом что?

Пешков. Потом в Царицыне жил... На станции «Добринка» служил ночным сторожем...

Князь. А потом?

Пешков. Далее — в Нижний вернулся. Там некоторое время работал. Затем взял котомку и палку и опять пошел по России. Все Поволжье прошел, Украину...

Князь. Зачем?

Пешков. Хотел своими глазами увидеть, как живут люди.

Князь (*засмеявшись*). Нет, клянусь тобой, кацо, нэ понимаю — зачем тебе это видеть?

Пешков. Чтобы потом записать на бумаге.

Князь. А зачем записывать? Бумагу и зрение портить... Нет, Максим, дойдешь до Тифлиса и уже не захочешь оттуда уйти — такая там жизнь!

На тропинке появляется пожилого вида человек в крестьянской одежде,
с мешком за спиной.

Крестьянин. Здравствуйте, сыночки мои...

Пешков. Здравствуйте, папаша. Откуда путь держите?

Крестьянин. С Ялты иду. На родину... Орловские мы...

Пешков. Присядьте. Отдохните.

Крестьянин. Да уж позвольте, как говорится, с нашим чайничком к вашему самовару... Сейчас чаек согрею...

Князь (*оживившись*). Вода есть?

Крестьянин. Запаслись. Полная бутылка... Сейчас сухого кустарничка соберу... (*Собирает вместе с Пешковым сухие ветки кустарника.*)

Князь (*лежа*). Вот тут собирай, Максим... Тут много...

Крестьянин (*разжигая костер*). А вы куда идете, молодые люди?

Пешков. В Тифлис идем.

Крестьянин. Это как же вы в Тифлис отсель попадете?

Пешков. До залива дойдем, а там лодочкой на Кавказ... А вы, папаша, зачем в Крым попали?

Крестьянин. Работенку искал. Люди болтали, будто много работы в Крыму. Однако скажу — полтинник в день и то заработать здесь нелегко.

Пешков. А вы по какому мастерству?

Крестьянин. Да я, милый ты мой, на все руки. И плотник, и печник. И каменный дом тебе сложу, если надо. Кузнец помимо того. И в садоводстве несколько разбираюсь. Но только у нас в Россее гораздо трудно стало с работой. Вот и пошел я на крымские земли, куда указали люди.

Пешков. Большая сила людей в Крым пришла — искать работы! Мы сами чуть с голоду тут не подошли. Уж я даже «на соль» ходил.

Крестьянин (*поглядывая на перевязанные руки Пешкова*). Не от этой ли работы у тебя, сынок, руки завязаны?

Пешков (*смутившись*). Да... отчасти...

Крестьянин. Я и сам на соли потрудился. Более трех дней не вынес — разъела соль руки и ноги... А вот и водичка наша закипает...

Пешков. Сейчас заварю чай... Поднимайся, Шакро...

Крестьянин. А у меня сальце есть. И хлебушка вдоволь... Угощайтесь, молодые люди.

Пешков. Я сыт. Спасибо.

Князь. А я, дед, отрежу себе немного. Не рассердишься?

Крестьянин. Кушай на здоровье, молодой человек. (*Пешкову*). Стало быть, на Кавказ идете? А отколь прибыли?

Пешков. Прибыл я, папаша, со всех мест. Всю Россию вдоль и поперек обошел.

Крестьянин (*с усмешкой*). Обошел и ничего не нашел?

Пешков. Горя много нашел в России.

Крестьянин. Этого-то добра хватит у нас, сынок. Горько живут люди кругом.

Пешков. Именно горько живут...

Крестьянин. Понял, небось, коли все обошел.

Пешков. Многое понял, отец, но одно дело понять не могу — откуда у людей такая злоба друг к другу?

Крестьянин. Худо живут — сердятся поэтому, мучают друг друга...

Пешков. Понимаю — можно сердиться на врага, на человека, который притесняет тебя. Но зачем же сердиться на своих?.. Не хотел я вам говорить насчет моих рук, однако скажу... (*Показывает перевязанные руки.*) На соли побывал. Сами знаете, какая работа. Тачка 16 пудов...

Крестьянин. На каторге, говорят, и то лучше.

Пешков. Нарочно подсунули мне там такую тачку, у которой ручки были расколоты топором. И туда были вставлены щепочки...

Крестьянин. Ай-я-яй...

Пешков. Повез я эту тачку. Нажал на ручки. А щепочки выскочили, и тут до крови защемило мне кожу...

Крестьянин. Ай, боже мой...

Пешков. Кругом смех стоит, шутки... Некоторые потом извинялись передо мной, даже деньжонок дали, но... Вот такую злобу к своим — не могу охватить умом... Откуда она?

Крестьянин. А ты, сынок, положи на ладонь свою несколько мурашей. И нарочно прикрой эту ладошку другой ладошкой. И вот так потряси свои руки. Потом разомкни ладони и увидишь — грызут мураши друг друга...

Пешков. Нет, отец, не согласен с вами. То муравьи, а не люди. Можно ли тут равнять...

Крестьянин. И я не равняю, сынок. Лишь к примеру говорю — как поступают живые существа, коли не знают, откуда беда, почему им темно и зачем их трясет...

Пешков. Горькие истины вы мне говорите...

Крестьянин. А те люди, сынок, которые знают, откуда беда, те не будут друг на дружку кидаться и злобствовать. Те люди с добром к тебе подойдут и станут...

Пешков (*подхватив*). ...и станут бороться против таких условий жизни! Всех поведут на эту борьбу... (*Задумгиво.*) Да, прежде надо всем понять, откуда беда берется... Надо прежде убрать эту беду, разрушить стены темной российской тюрьмы... (*Заснувшему спутнику.*) Эй, Шапро, поднимайся. Идем!

Князь. Еще пять минут полежу, Максим...

Пешков. Вставай! Нам засветло надо до Керчи дойти... Нет, брошу я тебя, князь! Добирайся до Тифлиса один.

Князь (*вскогив*). Не бросай меня, Максим. Погибну один, как собака... Идем...

Пешков (*крестьянину*). Спасибо вам, отец...

Крестьянин. Тебе спасибо, сынок, за любовь и ласку.

Пешков (*наклонившись, целует старика*). Еще раз спасибо.

Крестьянин. Счастливо дойти, молодые люди...

К н я з ь *(плетясь за спутником)*. До самого Тифлиса ты доведи меня, Максим. За все тебя мой отец благодарить будет...

Оба медленно идут к выходу. С т а р и к с доброй улыбкой смотрит им
вслед.

Картина вторая (9-я) В ТИФЛИССКОМ ДУХАНЕ

Кавказский погребок. За стойкой — толстый грузин — х о з я и н. За крайним столиком ужинают Н а ч а л о в и К а л ю ж н ы й — служащие железной дороги. Негромкая музыка не заглушает говора людей и звона посуды.

Н а ч а л о в. А это письмо от кого ты получил, Александр Мефодиевич? От своего друга, с которым ты каторгу отбывал?

К а л ю ж н ы й. Нет, это письмецо от моего старинного приятеля по университету...

Н а ч а л о в. И он так открыто тебе обо всем пишет?

К а л ю ж н ы й. Нет, он пишет завуалированно. Но в каждой его строчке полная уверенность, что революция вот-вот будет!

Н а ч а л о в. Да уж скорей бы все это...

К а л ю ж н ы й. И настолько, Михайло Яковлевич, взбудоражило меня это письмецо, что захотелось мне немедленно полететь в Москву. Ну — чтобы повидать друзей, потолковать с ними, точнее уяснить себе революционную обстановку...

Н а ч а л о в. Вот бери отпуск и...

К а л ю ж н ы й. Да ты что, Михайло Яковлевич, в своем уме?.. Забыл, что мы с тобой ссыльные поселенцы?

Н а ч а л о в *(с улыбкой)*. Ах да, в самом деле...

К а л ю ж н ы й. Тебя-то, пожалуй, теперь пустят на побывку в Москву. Ты на виду и даже начальство в нашем управлении... А вот мою каторгу вряд ли тут позабудут...

Н а ч а л о в. А что приятель тебе пишет? Может, и в самом деле, Александр Мефодиевич, мне мотануть в Москву?

К а л ю ж н ы й. Он пишет, что расстановка сил сейчас более благоприятна, чем прежде. Сильно надеется на рабочий класс... Вот в этом вопросе, Михайло Яковлевич, мы с тобой недоучли кое-что. Марксисты поправляют нас.

Н а ч а л о в. Справедливо поправляют... Тебе приходилось беседовать с рабочими в нашей железнодорожной мастерской?

К а л ю ж н ы й. Не раз беседовал. Чудесные люди! Однако к нам, народникам, они весьма и весьма критически относятся... Да, с ними поговоришь и снова хочется в бой...

Тихая музыка неожиданно переходит в бурную лезгинку. Красивый стройный грузин в черкесске выходит на середину комнаты. С ним молодая женщина в национальном костюме. Оба танцуют. По окончании пляски танцор снимает с себя барашковую шапку и кладет ее на пол посреди комнаты. Посетители охотно бросают в шапку монеты. Танцор отворачивается в сторону, чтобы не видеть унижительных для себя подаяний.

Н а ч а л о в. За этот год, Александр Мефодиевич, я от всей души полюбил Грузию и замечательный народ этот...

К а л ю ж н ы й. Народ чудесный — энергичный, жизнерадостный...

Н а ч а л о в. Немного, пожалуй, склонный к французскому образу жизни — любят шум, веселье...

К а л ю ж н ы й. Отчасти так, но... Вот ты, Михайло Яковлевич, посмотрел бы — сколько у нас на каторгу было сослано революционеров грузин. И как непреклонно, стойко они держались там... Народ поразительной духовной силы... Но аристократическая верхушка — истинные феодалы, эксплуататоры, каких мало...

В духан входит знакомый нам по Казани вор Башкин. Он одет ослепительно — высокий крахмальный воротничок подпирает его подбородок, в петлице модного костюма цветок, в руках тросточка с золотым набалдашником. Рядом с Башкиным — огромного роста и атлетического телосложения спутник его, видимо, борец или боксер. Увидев, что в барашковую шапку танцора посетители бросают монеты, Башкин вытаскивает из кармана солидную пачку денег и, отслонив два кредитных билета, кидает в шапку. Посетители с изумлением поглядывают на Башкина и его приятеля-атлета. Хозяин духана низко кланяется им.

Б а ш к и н (*приятелю*). Николаша, здесь сядем или туда пойдём? Атлет. Туда пойдём...

Б а ш к и н. А с турками ты бился, Николаша?

А т л е т. Турецкие борцы, я тебе скажу, самые крепкие. Но поражения от них у меня не имелось. (*Оба уходят в соседний зал.*)

На пороге духана появляется Пешков. Позади него князь Шахро. Одежда их пришла в полную ветхость. Сапоги князя почти развалились — видны босые ноги. Князь смущен, не отходит от двери.

П е ш к о в же держится независимо.

К н я з ь. Садись за столик, Максим. Заказывай вино, еду... А я добегу до моего отца и сейчас же вернусь... Садись, садись за столик...

П е ш к о в. Уж и не знаю, Шахро... Сяду, но пока не буду ничего заказывать. Вдруг да батька твой не отпустит тебя или денег не даст? А ведь я без копейки...

К н я з ь. Ну как так не отпустит отец?

П е ш к о в. Посадит в хлев к ишакам...

Князь. Убегу...

Пешков. А деньги откуда возьмешь? Нет, лучше я обожду тебя. Не стану пока заказывать.

Князь. Ну, как хочешь, Максим... Не прощаюсь, сейчас вернусь...
(Торопливо уходит.)

Пешков садится за столик. Подходит официант. Критически и внимательно посматривает на гостя.

Официант. Что заказывать будем?

Пешков. Пока ничего. Я жду товарища.

Официант. Нэ полагается ждать. Заказывать надо.

Пешков. Сейчас вернется товарищ, и тогда мы закажем.

Официант подходит к хозяину духана и что-то шепчет ему. Тот в свою очередь шепчет о чем-то полупьяному кинто, который пьет вино возле стойки. Кинто подходит к Пешкову и, наступив ему на ногу, затевает драку.

Кинто. Сидит тут... Раздвинул ноги...

Пешков. Позвольте... Вы что?

Кинто. А ты что? А ну выходи сюда — драться будем!

Пешков. Уйдите, говорят вам...

Кинто. Это кому ты говоришь, а?

Пешков, встав из-за столика, легко отражает атаки полупьяного кинто. Но к кинто на помощь подходят еще двое. И тогда Пешков уже не без труда защищается от троих.

Шум. Крики. Звон разбитой посуды. В дверях толпятся посетители — любуются дракой. Появляется в дверях и вор Башкин со своим приятелем.

Посетители (*подбадривая Пешкова*). Так... Теперь двинь того... Сильный, черт...

Башкин. Стой, Коля... Да ведь это, кажется, мой знакомый из Казани... Ну да, это же Алеша Пешков... А ну-ка, Коля, покажи свою первую категорию...

Атлет безмолвно подходит к нападающим и легкими тычками отталкивает их от Пешкова. Но эти легкие «тычки» заставляют нападающих лететь через все помещение. Публика, улыбаясь, аплодирует атлету. Хозяин духана, высунувшись на улицу, свистит в свисток. Вбегают городской и два дворника. Вместе с кинто они хватают атлета за руки, собираясь тащить его в полицию.

Хозяин. В полицию... В полицию ведите его... Перебил посуду мою...

Атлет. Это кого в полицию? Меня?.. (*Легко тряхнув руками, отбрасывает противников.*)

Снова в публике смех, аплодисменты. Теперь в каждую руку атлета вцепляется человек по восемь. Тащат атлета к дверям. Но у самого вы-

хода атлет снова встряхивает руками и, отбросив груз, спокойно выходит на улицу. Теперь уже никто не осмеливается преследовать его.

Башкин (*подойдя к Пешкову*). Алеша... Алексей Максимыч, вы ли это?

Пешков. А-а, Башкин... Рад видеть вас... Где вы? Что вы?

Башкин. Не время сейчас об этом... (*Вытащив папку денег.*) Хочу вам должок отдать... (*Кладет на стол две купюры.*)

Пешков. Нет, не возьму, Башкин...

Башкин (*негромко*). Это не воровские деньги, Максимыч. Это мне Николаша долг отдал. А я уж, в свою очередь, хочу вам должок отдать за то, что когда-то кормили меня на Волге...

В духан торопливо входят околодочный и два городских, которые что-то шепчут околодочному, указывая на Башкина.

Околодочный. Взять его!

Башкин, подбежав к окну и распахнув раму, выскакивает на улицу.
Шум. Свистки. Погоня.

Хозяин духана. Ну, хорошо, а кто минэ за посуду заплатит?

Пешков (*показывая на деньги, лежащие на столе*). Вот, получите... Хватит?

Хозяин духана (*низко кланяясь*). Еще вино и шашлык подам... (*Официанту.*) Жива подать ему!

Пешков садится за столик. Пьет вино, которое сам хозяин поставил перед ним.

Калюжный (*Пешкову*). Ловко вы, молодой человек, справлялись с троими...

Пешков. Я не хотел с ними драться, но они...

Началов (*всматриваясь в Пешкова*). Позвольте, позвольте, а ведь мы встречались с вами... Нехорошо забывать своих друзей, да еще начальство... Пешков?

Пешков. Да, я... Простите, не узнаю...

Началов. А кто вас на станцию «Добринка» ночным сторожем устроил, а?

Пешков (*просияв*). Ах, это вы... господин Началов?

Началов. Он самый... Да, два года миновало с тех пор...

Калюжный. Да вы присядьте за наш столик. Поболтаем.

Пешков. Благодарю... (*Подходит к их столу.*)

Началов (*негромко Калюжному, показывая глазами на Пешкова*). Талантище... умница... Отличные стихи писал...

Калюжный. Ах, вот как... (*Пешкову*). Очень рад познакомиться... Путешествовали?

Пешков. Обошел всю Россию с котомкой и палкой...

Началов. И записывали свои впечатления?

Пешков. Да нет... где там... батрачил... Впрочем, кое-что пробовал набросать... Не знаю, вряд ли получилось...

Калюжный. А вы мне покажите. Ладно?.. Где вы остановились?

Пешков *(смущенно)*. Да нигде... пока...

Началов. А работаете где?

Пешков. Нет, я только что прибыл... пришел в Тифлис... Вот жду одного приятеля... спутника моего. *(Оглядываясь.)* Но только вряд ли он придет. Вероятно, отец не отпустил его...

Началов. Ну, комнату мы вам устроим, Пешков... *(Калюжному.)* Александр Мефодиевич, пожалуй, у Данько можно будет поселить Пешкова, а?

Калюжный. Так можно и у меня. Завтра я поговорю с женой.

Началов. Отлично. *(Пешкову.)* А сегодня у меня заночуете.

Пешков. Спасибо... Вы так добры ко мне...

Калюжный. А насчет работы подумаем... *(Началову.)* Ведь ты, Михайло Яковлевич, можешь устроить его в Управление.

Началов. В Управление-то вряд ли, а вот в железнодорожные мастерские я, пожалуй, устрою. Но только сначала молотобойцем. А потом переведу вас в табельщики. Не уstraшитесь — молотобойцем-то?

Пешков. Да нет... отчего же... Попробую...

Гремит музыка. В духан снова входит вор Башкин в своем ослепительном виде. С ним атлет Коля. Все с изумлением посматривают на вошедших. Башкин делает знак Пешкову, чтобы тот подошел.

Пешков. Как вы не уstraшились придти?

Башкин *(небрежно)*. Околодочному в зубы 25 целковых, и он теперь мой по гроб жизни... А зашел я, Алексей Максимыч, сюда, чтобы узнать, все ли у вас в порядке? Все-таки, если помните, сердце у меня есть...

Пешков. Помню, помню... Спасибо, Башкин. Все хорошо.

Башкин. Ну, в таком случае, не стану вас отрывать от приятной компании. Прощайте, Максимыч...

Пешков. Может, еще увидимся...

Башкин. Вряд ли. Думаю в Турцию махнуть. Там, говорят, для моей профессии еще шире масштаб. Однако и тут живу, не тужу... *(Своему спутнику.)* Николаша, здесь сядем? Или туда?

Атлет. Туда. На прежнее место. *(Оба уходят под низкие поклоны хозяина и официантов.)*

Началов. Пешков, вам шашлык подан...

Калюжный. И вино по стаканам разлито...

Началов. За нашу новую встречу, Максимыч!

Пешков (*смущенно*). Вы так добры ко мне... Не знаю... не заслуживаю я этого... отношения...

Калюжный. А что вас так удивляет? Отношение самое естественное... (*Подняв бокал.*) За ваше счастье и благополучие, Пешков!

Гремит музыка, и она не прекращается до новой финальной картины.

Картина третья (10-я) В МАСТЕРСКОЙ

Захламленная железнодорожная мастерская. Кузнечный цех. Устройство самое примитивное. Горн. Меха. Наковальня. Вправо за токарным станком работает пожилой рабочий. У наковальни молодой мастер и Пешков.
Пешков бьет молотом по раскаленному бруску железа.

Пешков (*опустив молот*). Чудесно бить по этой упругой штуке! Испытываешь удовольствие, когда этот кусок железа поддается твоим усилиям...

Молодой рабочий. Не всем нравится этот труд, Алеша.

Пешков. Нет, я доволен, что работаю молотобойцем, а не табельщиком в канцелярии.

Молодой рабочий. Да ты и в конторском деле нашел бы себе удовольствие...

Пешков (*усмехнувшись*). Правильно, Сеня! Моя черта. Я сам удивляюсь — любое дело мне начинает нравиться, если я за него взялся.

Пожилой рабочий. Это по молодости лет твоих, Максимыч. У каждого человека должен быть любимый труд. Я вот лучше моего токарного станка ничего не знаю.

Пешков. Согласен с вами, Василий Григорьевич. Только в любимом деле человек может достичь своей высоты.

Молодой рабочий (*улыбаясь*). Я знаю, Алеша, какой у тебя любимый труд... Стихи, сочинения...

Пешков (*смущаясь*). Да, но... В этом деле, Сеня, я не скоро добьюсь успеха... Только-только начинаю...

Пожилой рабочий. Калюжный, Александр Мефодиевич, хвалил твое начинание, Максимыч...

Пешков. У него сердце доброе. Он всех хвалит.

Пожилой рабочий. Нет, он всерьез сказал — в редакцию сходит, покажет им твое сочинение.

Молодой рабочий. Алеша, а почему ты пишешь? Зачем?

Пешков. Ну, как тебе сказать, Сеня, зачем... Во-первых, не могу не писать. Много видел, много впечатлений — вот и пишу...

Пожилой рабочий. Я, брат, тоже видел немало, да вот что-то склонности к написанию у меня начисто нет. Тут еще что-то требуется.

Пешков. Конечно, я не писатель, Василий Григорьевич, не могу вам объяснить, что тут требуется. Пишу потому, что, повторяю, не могу не писать... Во-вторых, жизнь у людей безотрадная, тяжкая — хочется хотя бы силой своего воображения несколько улучшить ее... В-третьих...

В дверях цеха собираются рабочие. Прислушиваются к тому, что говорит Пешков.

Голоса рабочих. Максимыч говорит... Послушать надо...

Пожилой рабочий. Ну, а в-третьих, Максимыч?

Пешков. В-третьих... Заметил я, Василий Григорьевич, что написанное оказывает иной раз огромное воздействие на людей. Вызывает и радость, и слезы, и желание сделать так, как подсказывает книга. Огромная, говорю, сила заключена в этой профессии...

Пожилой рабочий. Да, ежели книга хороша, то она...

Пешков. То она и людей может призвать на борьбу против гнета! Книга, пожалуй, сильнее, чем даже револьвер и бомба...

Голоса рабочих. Ну, это вряд ли... Перехватил наш Максимыч... Против царя не попрешь с книгой...

Пешков. Это, конечно, так, но книга призовет, объединит людей...

Пожилой рабочий. Максимыч правильно говорит. Если книга с умом и от сердца написана — она может большую пользу принести рабочему движению.

Молодой рабочий. Алеша, а о чем надо писать?

Пешков. Да я же не писатель, Сеня! Не знаю... Думаю, что о людях надо писать...

Молодой рабочий. Хвалить или бранить надо людей?

Пешков. Человек, конечно, во многом еще зверь — критиковать надо резко. Однако, на мой взгляд, похвала должна перевесить на чашке весов. Человек — это увесистое слово! Силой своей воли человек уже немало сделал ценного в мире. И сам человек непрерывно растет. Шаг за шагом стремится сделать свою жизнь счастливой. И делает ее такой — потому что твердо знает, что он не зверь, не животное, а человек! Да, человек, который заслуживает счастья на своей земле, а не той горькой участи, какая нам ныне отпущена... *(Негромко и без пафоса произносит стихи:)*

Все родной землю нашей
Мы для счастья рождены.

Для того, чтоб быть ей краше,
Солнцем мы земле даны...

Г о л о с а р а б о ч и х. Максимыч, сам написал, а?.. Сам, конечно...
А еще говорит — не писатель... Скромничает наш Максим...

П е ш к о в. Я не от скромности сказал так, товарищи. Но я действительно не считаю себя еще писателем. Ведь это так — первые шаги...

В дверях цеха движение. На пороге, протискиваясь сквозь толпу,
показывается К а л ю ж н ы й.

К а л ю ж н ы й. Где Максимыч?..

П е ш к о в. Здесь я, Александр Мефодиевич...

К а л ю ж н ы й. Ну, Максимыч, позвольте вас поздравить! Приняли, приняли ваш рассказ... Я только что из редакции...

П е ш к о в. Приняли?.. Мой рассказ?..

К а л ю ж н ы й. Да, да, ваш рассказ «Макар Чудра». В ближайшие дни он будет напечатан в газете «Кавказ»...

П о ж и л о й р а б о ч и й. Ну, Максимыч, позволь и мне от души поздравить тебя...

Г о л о с а р а б о ч и х. Ай да Максимыч!.. Взлетел орел наш... Магарыч с тебя, Максимыч...

П е ш к о в. Благодарю вас, Александр Мефодиевич. Никогда не забуду вашего участия...

К а л ю ж н ы й. Я-то причем? Вы писали, не я... Побегу сказать Началову. Вот порадуется наш Михайло Яковлевич... (*Торопливо идет к выходу, но останавливается.*) Ах да, Максимыч, самое-то главное забыл сказать... Редактор спрашивает вас — как подписать рассказ: Алексей Пешков? или А. Пешков?

П е ш к о в. Нет, пожалуй, так не годится... Надо подписать... надо бы иначе... (*Проводит рукой по лбу, негромко бормога.*) Кругом жизнь тяжкая... горько живут люди... горькие истины... (*Калюжному.*) Горький — подписать надо...

К а л ю ж н ы й. Алексей Горький... Так, Максимыч?

П е ш к о в. Нет... Максим... Горький...

Г о л о с а р а б о ч и х. Правильно... В самый раз, Максимыч...

П е ш к о в. Да... Пусть так подпишет — Максим Горький.

К а л ю ж н ы й. Так пожелаем же, товарищи, успеха и счастья Максиму Горькому! (*Рабочие дружно аплодируют.*)

Приложение

Вера Зощенко
ИСТОРИЯ НАПАДОК
НА ЗОЩЕНКО

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DEPARTMENT OF CHEMISTRY
5301 SOUTH CAMPUS DRIVE
CHICAGO, ILLINOIS 60637

RESEARCH ASSISTANT
SARAH J. HARRIS
1988-1990
RESEARCH ASSISTANT
JAMES R. HARRIS
1988-1990
RESEARCH ASSISTANT
JAMES R. HARRIS
1988-1990

RESEARCH ASSISTANT
JAMES R. HARRIS
1988-1990
RESEARCH ASSISTANT
JAMES R. HARRIS
1988-1990
RESEARCH ASSISTANT
JAMES R. HARRIS
1988-1990
RESEARCH ASSISTANT
JAMES R. HARRIS
1988-1990
RESEARCH ASSISTANT
JAMES R. HARRIS
1988-1990

ПРЕДИСЛОВИЕ

В год, отмеченный круглой датой со дня смерти М. М. Зощенко, уместно напомнить о тех событиях и обстоятельствах, которые сыграли роковую роль в его жизненной и творческой судьбе. Тема эта хотя и не новая, традиционная, подробно разработанная в литературе о Зощенко, но все же отнюдь не исчерпанная в историко-литературном плане.

К таким источникам, еще не опубликованным, но непосредственно связанным с упомянутой датой, относятся воспоминания под названием «История нападок на Зощенко», автором которых является вдова писателя Вера Владимировна. Написаны они во второй половине 1970-х годов, и в 1978 году были переданы ею на хранение в Пушкинский Дом. В них подробно прослеживается сам процесс гонений на писателя, а именно — как зарождалось и развивалось со временем «подозрительное отношение к литературе Зощенко» со стороны властей и официальной критики, вплоть до драматических в биографии писателя 1946 и 1954 годов, и как в итоге повлияли события этих лет на него самого и на его творчество последнего десятилетия.

Драматизм этих воспоминаний усиливается еще и потому, что в них отражены переживания не только Зощенко как объекта несправедливых нападок, но и самой Веры Владимировны, ее личная реакция на происходящие события. Причем не просто как свидетельницы, а как близкого писателю человека, вместе с ним прошедшего сквозь все испытания, выпавшие на его долю, и воспринимающего их в силу своего положения не только умом, но и сердцем.

Отсюда нередкие эмоциональные всплески в ее повествовании, порывы возмущения и негодования по поводу суждений и поступков тех, кто участвовал в травле писателя. Эмоции автора, естественно, занимают немалое место в данном тексте. При этом они сочетаются с аналитическими суждениями, с попытками аргументированно опровергнуть обвинения,

Сам же он о себе в этой статье говорит:

— Я временно замещаю пролетарского писателя. Оттого темы моих рассказов проникнуты наивной философией, которая как раз по плечу моим читателям.

В 1933 году, в шуточном предисловии к «Забытым рассказам» (сборник издан не был), Михаил Михайлович писал:

— Критика никогда не питала к нам нежных чувств. За 13 лет нашей работы критика раза 2 только сдержанно похвалила — дескать, пишет, не гуляет...

А в серьезном послесловии к «Возвращении молодости» в том же 33 году говорит:

— Для кого я пишу?

Я пишу, я во всяком случае имею стремление писать для массового советского читателя. И вся трудность моей работы свелась, главным образом, к тому, чтоб научиться так писать, чтобы мои сочинения были всем понятны...

...Я несколько упростил форму рассказа, воспользовавшись неуважаемой формой и традициями малой литературы.

В силу этого моя работа мало уважалась в течение многих лет. И в течение многих лет я не попадал даже в списки заурядных писателей. Но я никогда не имел от этого огорчений и никогда не работал для удовлетворения своей гордости и тщеславия.

В «Голубой книге» (1936 г.), в отделе «Коварство», Михаил Михайлович с грустью признается:

— Своей профессией, уважаемый товарищ, мы не особенно довольны.

Профессия сатирика довольно, в сущности, грубая, крикливая и мало симпатичная.

Постоянно приходится говорить окружающим какие-то колкости, какие-то грубые слова — «дураки», «шантрапа», «подхалимы», «заепись» и так далее.

Действительно, подобная профессия в другой раз как-то даже озадачивает современников. Некоторые думают: «Да что это такое? Не может быть? Да нужно ли это, вообще-то говоря?»...

...«Нет, вообще-то говоря, если подумать глубже, профессия эта тоже нужная и полезная в общественном смысле. Она одергивает дураков и предостерегает умных от их глупых поступков. Она расширяет кругозор и мобилизует внимание то одних, то других на борьбу

искусств сообщил, что считает нынешнюю редакцию пьесы не в плане Малого театра.

...Я полон убеждения, что мы можем оказаться перед театральным событием огромного значения»...

Литературный консультант и ответственный секретарь лит. части, Марк Васильевич Вертенсон, был того же мнения.

Он «считает “Опасные связи” выдающимся событием литературы». Но... борьба оказалась неравной.

Через четыре месяца после первого письма, написанного 22 апреля 39 года, И. Ф. Попов пишет уже не так уверенно:

Число друзей Вашей комедии у нас в театре возросло. Вы спросите, когда же окончательное будет решение? Долговато затянулось, скажете.

— Верно, долговато. Но ведь Ваша пьеса необычайна...

...Все оттого, что Ваша пьеса по-настоящему оригинальна. Это — смелая пьеса. Около нее неизбежна борьба мнений. Ее постановка неизбежно многим будет казаться рискованной. Я лично остаюсь верен убеждению, что Ваша комедия глубокая, серьезная, проникнутая истинным юмором, что ее сатирическое жало очень острое. Но и среди друзей Вашей пьесы есть колебания...

...Потерпите еще немного, скоро сообщу более точные сведения...

Мнение «Комитета искусств» восторжествовало — пьеса Академическим театром поставлена не была.

И это было большим ударом и горьким разочарованием для ее автора...

А в 40-м году в 11 номере журнала «Театр» появляется резко отрицательная критика «Опасных связей» — статья И. Старикова «Просчет Базиля».

Автор считает, что «талантливый М. Зощенко написал “пошлую” комедию», что «пьеса Зощенко слишком незначительное явление в нашей драматургической литературе» и что пьеса «находится в вопиющем противоречии с нашей действительностью»...

И затем в ряде статей и речей по поводу этой пьесы стали высказываться такие мысли:

— В комедии кривые морды. Отрицательные типы. Таких людей нет. Это не реалистично. — И т. д.

Зимой 41 года в Союзе писателей состоялось обсуждение пьесы. Пьеса была признана ошибочной и даже «идеологически вредной» — и это было «началом конца», это были первые «раскаты грома», с но-

На эти обвинения хочется ответить словами самого Михаила Михайловича, взятыми из его записной книжки:

...у меня, как и у каждого юмориста, так устроено зрение, что я главным образом замечаю отрицательное — т. е. те недочеты и упущения и те мелкие, смешные и забавные черточки, которые, вероятно, другой человек и не увидит.

Но, конечно, говорить о том, что Михаил Михайлович вовсе не видел никаких светлых сторон нашей действительности, не понимал всего величия наших идей, было бы грубейшей ошибкой. Как раз в это время — вторая половина 30-х годов и 40-й год — им были написаны такие произведения, как «История одной жизни», «Возмездие», «Бесславный конец» («Керенский»), наконец — «Рассказы о Ленине», а в ряде мелких рассказов он отмечал светлые, положительные явления нашей жизни.

В 41 году разразилась война. В первые же дни и месяцы войны в осажденном Ленинграде Михаил Михайлович пишет антифашистские фельетоны — «Чингисхан с самолетом», «Скандал в благородном семействе» и т. п., а также в соавторстве с Евгением Шварцем — антифашистское обозрение — «Под липами Берлина», тогда же поставленное в Ленинградском театре «Комедия» режиссером Акимовым.

По состоянию своего здоровья Михаил Михайлович не мог принять непосредственного участия в военных действиях, но с первых дней войны он входит в группу противопожарной обороны и вместе с сыном во время вражеских бомбежек дежурит на крыше дома.

В октябре 41 года Михаил Михайлович «в принудительном порядке», «как золотой фонд республики», по распоряжению Смольного был эвакуирован сначала в Москву, а затем в Алма-Ату, где прожил до весны 43 года.

За это время им был написан целый ряд «военных рассказов», «антигитлеровских», антифашистских фельетонов, сценарий «Солдатское счастье», сценарий «Опавшие листья».

И начата вещь, которую он считал основным своим ударом по фашистской идеологии, — «Перед восходом солнца».

Летом 43 года Михаила Михайловича вызывают в Москву, назначают редактором журнала «Крокодил».

В Москве Михаил Михайлович напряженно работает над своим кардинальным трудом. Работа получает полное одобрение, больше того — восторженную оценку писателей, которым Михаил Михайлович

Несколько позже Михаил Михайлович пишет в ЦК, Щербакову, заявление, в котором признает допущенные им в этой работе ошибки. Вот что он пишет:

...Мою книгу «Перед восходом солнца» я считал полезной и нужной в наши дни. Но печатать ее не стремился, полагая, что книга эта не массовая, ввиду крайней ее сложности. Высокая единодушная похвала многих сведущих людей изменила мое намерение.

Дальнейшая резкая критика смутила меня — она была неожиданной. Тщательно проверив мою работу, я обнаружил, что в книге имеются значительные дефекты. Они возникли в силу нового жанра, в каком написана моя книга. Должного соединения между наукой и литературой не произошло. Появились неясности, недомолвки, пробелы. Новый жанр оказался порочным.

Соединить столь различные элементы нужно было более осмыслительно, более точно...

...Сложность книги не позволила мне (и другим) тотчас обнаружить ошибки, и теперь я должен признать, что книгу не следовало печатать в том виде, как она есть.

Я глубоко удручен неудачей и тем, что свой опыт произвел несвоевременно...

...Я работаю в литературе 23 года. Все мои помыслы были направлены на то, чтобы сделать мою литературу в полной мере понятной массовому читателю. Постараюсь, чтобы и впредь моя работа была нужной и полезной народу.

За что же так обрушились на Зощенко критики, в чем обвиняли они его?

Критик Дмитриев, посчитав книгу «автобиографией», хотя сам Зощенко предупреждал: «Это будет литературное произведение» (журнал «Октябрь» № 6, 1943 г., стр. 59), видит в ее авторе «мещанского хлюпика, нудно копающегося в собственном интимном мирке», упрекает его за то, что «еще в отрочестве его обступали люди, лишённые красоты душевной», за то, что, «взирая на окружающее с мелкой, обывательской “кочки зрения”, автор не видит ничего, кроме своего болота».

Причем критик совершенно игнорирует два обстоятельства: первое — для чего автор выбирает такие, в большинстве случаев, «непривлекательные» эпизоды, а выбирает он их потому, что хочет найти — в чем причина его болезни, его «хандры», его мрачного взгляда на жизнь, второе — все эти эпизоды относятся, в основном, к дореволюционной действительности, когда они законно имели право на существование, доказательством чего является вся русская литература «критического реализма».

Дмитриев прямо издевается над попытками автора «научно объяснить собственное поведение» — не понимая, что речь идет о тяжелой (почти психической) болезни богато одаренного человека, человека большого таланта, таланта, который очень часто идет рядом с большими «странностями», с чем-то близким к ненормальности.

Короче говоря, основное «обвинение» Дмитриева, предъявленное автору, заключается в следующем:

...Псевдонаучные рассуждения остаются на совести автора, а мир людей, показанный им, существует сам по себе и дает грубо искаженный образ действительности.

Дмитриев считает книгу «аморальной» и «эгоцентричной».

В заключение статьи Дмитриев объявляет это произведение «пошлым» и считает, что «трудно найти такое произведение, которое было бы так далеко от жизни народа, так чуждо ему».

Статья же Горшкова, Ваулина, Рутковской и Большакова — «Об одной вредной повести» совершенно возмутительна и чудовищно несправедлива. Она говорит о таком вопиющем непонимании замысла автора при написании этой книги, какое даже странно себе представить.

В чем же состоит их критика?

Прежде всего их возмущает, что эту книгу Зошенко написал «в дни Великой Отечественной войны», что в ней он «занят только собой».

Дальше они пишут:

Зошенко рисует чрезвычайно извращенную картину жизни нашего народа.

(Какая картина? Где эта картина? В основном действие происходит до революции или в первые революционные годы.)

Психология героев, их поступки носят уродливый характер.

Циничные и пошлые воспоминания — основное содержание книги Зошенко.

Весь мир кажется ему пошлым. Почти все, о ком пишет Зошенко, — это пьяницы, жулики, развратники. Это грязный плевок в лицо нашему народу...

...автор с поражающей наглостью (? — В. З.) объявляет о тождестве своих «откровений» с учением гениального русского ученого Павлова.

(Который, кстати, приглашал Зошенко на свои «среды», и Зошенко бывал там. — В. З.)

...Герои его произведений — это пакостники, приспособленцы, притаившиеся где-то в тени до «лучших времен».

Кроме того, задача этого произведения — найти причину тоски, так угнетавшей автора, найти «несчастное происшествие».

Как он сам говорит —

— Я решил найти событие или ряд событий, которые подействовали на меня угнетающе.

И заканчивает М. М. свое предисловие словами:

...я пишу ее (книгу) с надеждой, что она будет полезна людям.

И после этих слов можно приписывать автору совсем другие намерения и побуждения!

Можно ли до такой степени оскорбительно не верить писателю, не верить человеку!

И так незаслуженно, так жестоко и грязно его оскорблять, так издеваться над ним!

В противовес хочется привести несколько писем, выражающих прямо противоположные мнения, являющихся как бы ответом «критикам»:

Вот письмо с фронта. Автор — В. Цинман. Полевая почта 28491. Привожу его полностью:

Уважаемый т. Зоценко!

На фронте журналы попадают в руки случайно. В одном из таких старых журналов я прочел, возможно, уже устаревшее, выступление 4 неизвестных мне лиц по поводу не прочитанной мною Вашей повести. Мне очень хочется, как читателю, выразить Вам свое уважение и благодарность за счастливые часы, доставленные Вашими произведениями. М. б., это уже старая история и не стоит о ней писать? Но я вспомнил из «Возвращенной молодости» эпизод перед клеткой с обезьянами, с ударом палкой и пожиранием винограда и рассуждением о том, что — «ударь меня так палкой, я, пожалуй, винограда есть не стал бы, а наутро встал бы желтый, большой»... (цитирую, конечно, без книжки).

Надеюсь все же, что после того как пройдет ряд ночей, виноград обретет свой вкус, так что разность наша с хвостатыми сородичами чисто количественного порядка и выражается только более длительным промежутком времени.

Еще раз спасибо, желаю здоровья и сил (подпись).

Чуткий читатель понял, какую большую обиду и боль должен был испытывать его любимый и уважаемый писатель, и он с фронта шлет ему ободряющие слова приветов и сочувствия. Это ли не показательно!

Вот интересное письмо, тоже с фронта, читателя Льва Альшица, окончившего в 41 году исторический факультет Ленинградского университета.

Привожу выдержки, которые являются прямым ответом на «развязное», невежественное издевательство «4-х авторов», писавших:

...он с развязными манерами (!) повествует о тождестве своей пакостной (!) тоски с настроениями многих великих людей прошлого. Не смущаясь (!?) Зоценко пишет:

«Естественно, что я обратился к моим великим товарищам — к писателям, музыкантам... Я хотел узнать, не было ли чего подобного с ними. Не было ли у них тоски вроде моей».

Лев Альшиц, тонкий интеллигентный человек, прекрасно понимает Зоценко:

...Вы талантливы. Обычно нормой считается то, что свойственно большинству людей. Большинство неталантливо, следовательно, уже САМ ТАЛАНТ ЕСТЬ ОТКЛОНЕНИЕ ОТ НОРМЫ — НЕНОРМАЛЬНОСТЬ. Большинство талантливых людей болели теми или иными нервными и психическими болезнями. Не обязательно все больное талантливо, но большинство талантов (в искусстве) — больные.

Именно этим, именно больным талантом, «ненормальностью» объясняется и «тоска» Зоценко, и многие его «странности», его отклонения от нормы поведения, чего, конечно, не могли понять авторы статьи, взявшиеся судить и рядить о том, что им недоступно.

А вот что пишет профессор Борис Казанский об этой книге (письмо от 7/2—44 г.):

Это прелестная вещь, без каких-либо оговорок — все эпизоды — живые, свежие, человеческие, тактичные, тонкие, яркие (можно еще приписать ряд эпитетов). В них что-то общее с манерой Хемингуэя (кот<орого> я считаю самым сильным мастером Запада) — лаконичность, сила, меткость, что ли, но у него чувствуется душевная опустошенность до цинизма, у Вас — как раз обратное!

Мотивировка вещи — поиски причины тоски — очень удачна: и ново, и оригинально, и содержательно, и завлекательно — чуть ли не детектив!

...Вы дали ряд моментов Вашей жизни, которые запечатлелись в Вашей памяти — уже это обстоятельство оправдывает их подбор: это, очевидно, эпизоды, сильно Вас поразившие, и Вы их передаете с такой силой и тонкостью.

...И в этой новой книге также чувствуется, что Вы передаете эти эпизоды потому, что они Вас глубоко взволновали когда-то...

И, наконец:

Я решительно не понимаю упреков, которые слышал об этой книге. Я вижу, что они либо надуманы, либо объясняются узостью взгляда. В книге нет и тени «копанья в своей душе», «цинизма», «мелкости» и т. д.

Справедливости ради, должна прибавить, что «научные домыслы» Михаила Михайловича, помещенные во второй книге, несколько «разочаровали» пр. Казанского, но я сама первая не согласна с ними и даже считаю, что они явились «плодом богатой фантазии» писателя, и, конечно, не эти факты были причиной его болезни, и «разоблачение» их — увы! — не принесло ему, в конечном счете, исцеления.

Вот какую «высокую оценку» этой вещи дал высокообразованный, тонкий и чуткий профессор-гуманист.

И еще 2 оценки — «товарищей по перу» — писателя Михаила Левитина — тоже с фронта — и поэта Александра Гитовича, большого «почитателя» таланта Зоценко.

Вот отрывки из письма Левитина — от 26/9—43 года из воинской части № 68331-А:

...я испытал такое счастье, такую радость от прочтения твоего замечательного произведения, чего не ощущал еще ни от одного произведения, появившегося за время войны. Эту твою книгу я, не задумываясь, зачислю в список самых дорогих для меня книг. Сколько мудрости, простоты содержит в себе твоя новая вещь! Только очень-очень большой писатель, русский писатель к тому же, мог написать эту книгу...

...Каждая маленькая глава, каждый ее абзац — хватило бы крупному романисту на 15—20 листов. И я не вижу таких, кто сумел столь лаконично и красочно, буквально в одной странице, рассказать так много и хорошо, как сделал это ты!

Возможно, найдутся люди, что будут придирааться и, как всегда, «возражать» против этой твоей работы. Сие неизбежно. Подлинный художник не может и не должен всем нравиться одинаково.

В твоей жизни это бывало всегда. Но сейчас никакие «возражения» даже слушать не хочется. Не слушай и ты их. Война показала, какой умный и достойный у нас в стране читатель, как обедняли его критики и реперткомы, как до обиды не доверяли ему и сомневались в народе, пытались сами говорить за него. Теперь понятно, кто мешал тебе, кто изживал сатирический жанр, ибо без сатиры — легче бесчинствовать, легче вредить стране и народу.

Теперь многое стало мне понятно. Уверен, что ты это понял куда раньше, а потому и более чем ко времени написал свою новую пре-

Этот свой «Ответ» я, кажется в январе или феврале 44 года передала т. Маханову в учреждение, помещавшееся тогда на Мойке, недалеко от Невского, вместе с заявлением, в котором просила разрешить ему вернуться в Ленинград, к семье. Дело происходило, кажется, сразу после снятия блокады.

Не знаю, сыграло ли мое письмо и моя просьба какую-то роль, но разрешение на обратный въезд в Ленинград было дано, и, как я уже упоминала, второго апреля 44 года Михаил Михайлович, наконец, вернулся в родной город.

Вернулся он каким-то очень постаревшим, разбитым, подавленным произошедшей с ним катастрофой... Да и как могло быть иначе? Ведь кроме всего, этот «удар» как бы подтвердил правильность его «психоанализов» и способствовал возрождению его «страхов», о которых он и рассказывал в этой своей книге — «Перед восходом солнца» и с которыми «светом разума», как он полагал, он сумел справиться, которые сумел победить.

И вот — они снова обрушились на него с невероятной, жестокой силой!

После возвращения «странности» его характера стали проявляться еще резче, чем прежде...

И все же он продолжал работать, хотя первое время по возвращении и испытывал кое-какие затруднения в работе — уже появились «перестраховщики», которые побаивались, «как бы чего не вышло», и остерегались печатать его работы.

Весной 44 года вернулись в Ленинград ленинградские партизаны, в Союзе писателей была организована встреча с ними, на которой Михаил Михайлович и собрал тот обширный материал, который дал ему возможность впоследствии написать его книгу о партизанах — «Никогда не забудете».

Но сразу за написание этой книги М. М. не принялся.

Он написал ряд рассказов и фельетонов преимущественно «положительного характера» и на «военные темы», в которых его сверкающий, искрящийся юмор заметно поблек, померк, а иногда был и совсем притушен, но в этом была не его вина — писать как прежде было невозможно...

Он пишет ряд детских рассказов и 2 новых рассказа о Ленине. В конце 45 года пишет прелестный, очень остроумный и забавный рассказик для малышей — «Приключения обезьянки», тогда же напечатанный в 12 (декабрьском) номере детского журнала «Мурзилка».

Затем Михаил Михайлович решает еще раз попробовать свои силы в том жанре, который так давно привлекал его, — в драматургии.

Он пишет, почти подряд, одну за другой, две пьесы — «Парусиновый портфель», который в 45 году был поставлен в «Блокадном» театре, в «Пассаже», и с блеском выдержал более 100 представлений, и «Очень приятно», поставленную в том же театре весной 46 года.

«Хандра» его исчезла, он был бодр, окрылен успехом своих пьес, полон радужных планов и надежд. Все было хорошо.

Весной же он начинает работу над новой пьесой — «Пусть неудачник плачет», очень заинтересовавшей режиссера и художника театра «Комедия» Николая Павловича Акимова, который принимает ее к постановке в «своем» театре и очень торопит М. М. с ее окончанием.

Как он пишет в письме от 25 июля 46 года:

Пьесу Вашу я прочел, конечно, еще в поезде. Она мне очень нравится, и жаль, что не смог дочитать конца за неимением такового. Думали ли Вы о главных исполнителях? Кто директор? Кровицкий? Киселев? Бениаминов? Бухгалтер, по-моему, Филиппов...

Но этой постановке в театре «Комедия» не суждено было осуществиться... Шел 46-й год...

И вот — конец июля 46 года...

Михаил, как обычно, приехал из Ленинграда на дачу, в Сестрорецк... Я встретила его, и мы, как обычно, поднялись наверх... Он остановился во «второй проходной» — своем кабинете, около письменного стола... в длинном новом летнем пальто и неизменной кепке... Оперся рукой о стол и сказал:

— Знаешь, какая неприятность...

— Что такое? — спрашиваю я с тревогой.

— Да Саянов напечатал «Обезьяну» в «Звезде»!

— Ну и что же? Я видела... Под рубрикой — «Из детской литературы»... И порадовалась. Такой удачный, чудесный смешной рассказик... Мне он всегда так нравился. И ребята — Лера (десятилетняя племянница-сирота) и Мика (трехлетний внук) очень смеялись, когда я его им читала...

— Что ты? Я никогда не дал бы такой пустяковый, шуточный детский рассказ в серьезный публицистический журнал! Прихожу сегодня в редакцию, а Саянов говорит — «Иди получать деньги»... Спрашиваю — «За что?».

— «За обезьяну».

— Я просто был возмущен. Такое безобразие — без моего согласия печатать вещь!..

Я никак не могла понять — почему Михаила Михайловича так взволновал этот факт и что плохого в том, что «Обезьяна» напечатана в «Звезде» — только странным казалось — почему Саянов поместил ее

в журнале после того, как она уже 2 раза печаталась в книгах, выпущенных Госиздатом зимой 46 года...

Очевидно, только как пример для раздела «Детская литература» — рассказик был напечатан после детских стихов Чуковского...

Прошло немного времени, и я совсем забыла об этом разговоре и о досаде М. М. на «самоволие» Саянова...

И вдруг разразилась гроза, неожиданная, страшная по своим последствиям, приведшая, в конце концов, Зощенко к преждевременной гибели, а до этого — перевернувшая всю нашу жизнь...

Было чудесное летнее утро... Я, как всегда, провожала Михаила Михайловича на вокзал — он ехал, как обычно, в Ленинград, с тем чтобы через 2—3 дня снова вернуться на дачу.

Не доходя до вокзала, около почты М. М. остановился перед наклеенной на щите газетой, чтобы наскоро ее пробежать...

Я было тоже равнодушно скользнула по ней глазами...

Вдруг Михаил Михайлович заторопился, оторвал меня от газеты и заспешил к поезду.

Я не обратила на это никакого внимания. Он быстро сел в вагон, как всегда поцеловав меня на прощание.

Как потом оказалось, ему бросилось в глаза напечатанное в газете «Постановление ЦК» о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Не желая меня волновать до выяснения дел, он ничего не сказал мне о том, что увидел.

И я ничего не знала!

Лишь через 2 дня, когда я возвращалась с моря после купания, в такой же чудесный, солнечный радостный день, приехавшая из Ленинграда бывшая жена сына с плачем сунула мне газету —

— Читайте...

Через полчаса я уже ехала в Ленинград.

Когда я вошла в квартиру, в комнате сына я застала Слонимскую и Саянову, которые разговаривали с Михаилом Михайловичем и советовали ему «каяться», «признать ошибки»...

Михаил Михайлович был совершенно подавлен, растерян, ошеломлен...

Как впоследствии рассказывал Слонимский, в тот вечер, когда писатели были вызваны в Таврический дворец на «доклад Жданова», Михаил Михайлович у него в квартире вместе с его женой, Идой Исаковной, и женой Козакова⁸, Зоей Александровной, ждал возвращения товарищей, ждал «решения своей участи»...

◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆

⁸ Слонимский Михаил Леонидович (1897—1972), Козаков Михаил Эммануилович (1897—1954) — ленинградские писатели, друзья М. М. Зощенко.

И когда они, наконец, пришли, как рассказывал М. Л. Слонимский, Михаил Михайлович со своей скорбной и иронической усмешечкой спросил:

— Ну, какие же самые «последние» слова были сказаны в мой адрес?

Но Михаил Леонидович, как он сам рассказывал, не смог произнести этих слов...

Все это было, как неожиданно разорвавшаяся бомба, как гром с ясного неба, все это было чудовищно и невероятно....

И все это было в то время, когда такие обвинения, какие были предъявлены Михаилу Михайловичу, могли грозить высылкой, тюрьмой, может быть — смертью...

Это была поистине катастрофа.

Но когда ушли Слонимская и Саянова и мы остались одни, я сказала:

— Не в чем каяться и не за что просить прощения. Твоей вины нет ни в чем. «Обезьяна» — это просто чудовищное, дикое недоразумение — принять за пасквиль безобидную шутку для детей! Надо написать Сталину и объяснить все, как есть...

А пока мы как-нибудь проживем. Хорошо, что я в свое время покупала дорожную мебель и всякие дорожные «стекляшки», против которых ты всегда восставал. Хорошо, что я их сберегла во время войны — знала, что они могут еще пригодиться...

Михаил Михайлович и сам думал так же, и уже через несколько дней письмо Сталину было написано, я сама перепечатала его на машинке и сама снесла на почту и отправила заказным письмом в Москву, в Кремль, Сталину.

И вот сейчас передо мной № 12 детского журнала «Мурзилка» за 1945 год и там, на первых страницах — потешный, веселый рассказ Михаила Зощенко — «Приключения обезьянки» — с очень милыми рисунками художника Лаптева.

Передо мной — газета «Правда» от 21 августа 1946 года.

И в ней на первой странице — «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» — из постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г.

И газета «Известия» от того же 21/8—46 года с докладом Жданова о журналах «Звезда и Ленинград».

Газета «Советское искусство» — от 27/8—46 года с тем же докладом и уже с рядом статей — откликов на доклад, в том числе — редакционная статья «Главная задача деятелей искусства» и заметка «У ленинградских критиков».

Что же «инкриминировалось» Зощенко в постановлении ЦК от 14 августа 1946 года?

Привожу выдержки:

В журнале «Звезда» <...> появилось много безыдейных, идеологически вредных произведений.

(См. отзыв о пьесе «Опасные связи». — В. 3.)

Грубой ошибкой «Звезды» является предоставление литературной трибуны писателю Зощенко, произведения которого чужды советской литературе. Редакции «Звезды» известно, что Зощенко давно специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности,

(Где? Когда? Он, который ненавидел «пошлость» и яростно боролся именно против пошлости!)

рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание.

(При чем тут молодежь? И чем смешные, такие любимые молодежью рассказы Зощенко могли ее «дезориентировать?»)

Последний из опубликованных рассказов Зощенко «Приключения обезьяны» («Звезда» № 5—6 за 46 год) представляет пошлый пасквиль на советский быт и на советских людей.

(Какой там «быт»? Какие люди? Мальчик? Красноармеец? Бабушка? Гаврилыч? И написан-то рассказ был еще в 45 году!)

Зощенко изображает советские порядки и советских людей в уродливо-карикатурной форме, клеветнически представляя советских людей примитивными, малокультурными, глупыми, с обывательскими вкусами и нравами.

(Где? В «Обезьяне»? Или вообще? Но ведь это же сатира, где нарочито в карикатурном виде берется отрицательное, чтобы его осмеять и этим помочь изжить это «отрицательное»!)

Злостно хулиганское (! Надо же додуматься! — В. 3.) изображение Зощенко нашей действительности сопровождается антисоветскими выпадами.

(Где? Когда? Какими? Хотя бы один пример был приведен!)

Предоставление страниц «Звезды» таким пошлякам и подонкам литературы, как Зощенко, тем более недопустимо, что редакции «Звезды» хорошо известна физиономия Зощенко и недостойное поведение его во время войны, когда Зощенко, ничем не помогая совет-

скому народу в его борьбе против немецких захватчиков, написал такую омерзительную вещь, как «Перед восходом солнца», оценка которой, как и оценка всего литературного «творчества» Зощенко, была дана на страницах журнала «Большевик».

(Ничем не помогал? А дежурства на крыше до его «обязательной» эвакуации из Ленинграда? А «Под липами Берлина», пьеса, шедшая в театре «Комедия» в то время, когда немцы стояли у стен Ленинграда и когда сестра Михаила Михайловича, Валентина, с ужасом укоряла его: «Что ты сделал, Миша? Немцы не сегодня-завтра возьмут Ленинград и нас всех повесят!»)

Но М. М. был совершенно уверен, что этого никогда не случится, и даже держал пари с Саяновой «на бутылку шампанского», утверждая, что немца НИКОГДА НЕ ВОЙДУТ В ЛЕНИНГРАД!

А его «противогитлеровские» фельетоны, написанные в первые дни войны — «Чингисхан», «Скандал» и другие? А «Солдатские рассказы»? А сценарий «Солдатское счастье»?

Писатели знали об этом, но ни у кого не хватило гражданского мужества указать на это правительству!

...особенно плохо ведется журнал «Ленинград», кот<орый> постоянно предоставлял свои страницы для пошлых и клеветнических выступлений Зощенко...

(Каких? Не названо ни одного рассказа! Да он и не печатался в то время в «Ленинграде»!)

Дальше в Постановлении, после разгрома Ахматовой и нападков на стихи Садофьева и Комиссаровой, на пьесы Ягдфельда и Штейна, на рассказы Варшавского и Реста и Слонимского, на стихи Хазина, высказывается недовольство редакторами — Саяновым и Хиларевым — за то, что они забыли, что —

наши журналы не могут быть аполитичными», председателем Правления Союза Советских Писателей — Тихоновым, «который не вел борьбы с вредными влияниями Зощенко и Ахматовой на советскую литературу», Ленинградским Горкомом — (т.т. Капустиным и Широковым) кот<орый>, «зная отношение партии к Зощенко и его “творчеству”, утвердил решением Горкома от 26 июня с. г. новый состав редколлегии журнала “Звезда”, в кот. был введен и Зощенко».

(Михаил Михайлович, рассказывая мне об этом своем «назначении», говорил, что он «чуть ли не на коленях умолял» Прокофьева не вводить его в редколлегию, на что тот шутливо ответил: «Смирись, Миша, ничего не поделаешь».)

...Зощенко с его омерзительной моралью удалось проникнуть (? Что значит — «удалось проникнуть»?) на страницы большого ленинградского журнала и устроиться там со всеми удобствами.

(Я уже рассказывала, как ему это «удалось» — как был он возмущен и раздосадован тем, что Саянов, без его согласия и ведома, поместил в «серьезный публицистический журнал» такой «пустяковый детский рассказ»!)

Идем дальше —

...в начале 44 года в журнале «Большевик», была подвергнута жесточайшей критике возмутительная повесть Зощенко «Перед восходом солнца», написанная в разгар освободительной войны советского народа против немецких захватчиков.

(Теперь ясно — под чью диктовку писалось то возмутительное письмо, понятно, почему его «тон» так странно перекликается с «тоном» этого «доклада»¹¹.)

...В этой повести Зощенко выворачивает наизнанку свою пошлую и низкую душонку (!), делая это с наслаждением, со смакованием (!?), с желанием показать всем — смотрите, вот какой я хулиган! (?!)

(Невероятно читать эти строки — неужели человек серьезно мог так истолковать эту повесть? Ведь это значит — ничего, абсолютно ничего не понять ни в намерениях, ни в замыслах автора, ни в его психике, ни в его характере — ни в чем и ничего!)

...Трудно подыскать в нашей литературе что-либо более отвратительное, чем та мораль, которую проповедует Зощенко в повести «Перед восходом солнца».

(Какая «мораль»? Человек только ищет причину своей болезни, своей тоски, своих страданий, хочет освободиться, избавиться от них, хочет жить нормальной человеческой жизнью — какая тут «мораль»?)

...изображая людей и самого себя как гнусных, похотливых зверей, у которых нет ни стыда, ни совести...

(Кстати — сам Зощенко все время указывает на то, что он вспоминал те события, которые могли быть причиной его тоски, — т. е. те, что произвели на него тяжелое, отталкивающее впечатление. Кроме того,

◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆

¹¹ Под «возмутительным письмом» подразумевается письмо «группы читателей», опубликованное в виде статьи «Об одной вредной повести» в журнале «Большевик» (1944. № 2. С. 56–58).

как я уже упоминала, он сам считал, что эта его книга «полезна людям, как “художественное произведение”, ибо она осмеивает ПОШЛОСТЬ, ЛЖИВОСТЬ и БЕЗНАВСТВЕННОСТЬ».

Дальше Жданов говорит:

...Зощенко, окопавшись (!?) в Алма-Ата, в глубоком тылу (куда его отправили «в обязательном порядке», совершенно помимо его желания, почти насильно. — В. З.), ничем не помог в то время советскому народу в его борьбе с немецкими захватчиками.

(Кроме того, что им было написано много рассказов и фельетонов — «антигитлеровских», «антифашистских», в том числе — «Солдатские рассказы», сценарии — «Солдатское счастье» и «Опавшие листья». А как «помогали» его старые рассказы в борьбе с врагом, об этом свидетельствует бесчисленное количество «писем с фронта», которые были получены Михаилом Михайловичем за время войны —

— «С Вашими рассказами и умирать не страшно», — так писал ему один «фронтовик».)

Но Жданов думает не так:

...Совершенно справедливо Зощенко был публично высечен в «Большевике»

(Кто это говорит? Самодур-помещик-крепостник? Нет, член ЦК, член правительства страны социализма! Чудовишно и невероятно!)

как чуждый советской литературе пасквилянт и пошляк. (!) Он наплевал (!?) тогда на общественное мнение. (!?) И вот, не прошло еще двух лет, не просохли еще чернила, которыми была написана рецензия в “Большевике”,

(Жданову, очевидно, это известно больше, чем кому бы то ни было, т<ак> к<ак> к этой статье он, ясно, «руку приложил».)

как тот же Зощенко триумфально въезжает в Ленинград и начинает свободно разгуливать по страницам ленинградских журналов.

Ему охотно и с готовностью предоставляют театральные аудитории. (?) Больше того — ему дают возможность занять руководящее положение в Ленинградском отделении Союза писателей и играть активную роль в литературных делах Ленинграда! На каком основании вы даёте Зощенко разгуливать по садам и паркам ленинградской литературы? Почему партийный актив Ленинграда, его писательская организация допустили эти позорные факты?

(В самом деле — почему? Именно — на каком основании?)

Очевидно, у ленинградских писателей и у ленинградской партийной организации были для этого «серьезные основания», прежде всего — восхищение ярким, «неповторимым» талантом Зощенко и уважением к нему как к кристально чистому и честному советскому человеку!

Примечательно — ведь, в сущности, за этот период, в который Зощенко, по словам Жданова, «свободно разгуливал по страницам ленинградских журналов», кроме «Обезьяны», с которой произошел просто «скверный анекдот», Жданов не называет ни одного произведения Зощенко, которое он мог бы ему «инкриминировать» — и это потому, что таких произведений просто не было — тем более что эти два года — 45 и 46 — М. М. преимущественно работал для театра.)

И, наконец, — последнее «обвинение»:

Насквозь гнилая и растленная общественно-политическая и литературная физиономия Зощенко оформилась не в самое последнее время. Его современные «произведения» вовсе не являются случайностью. Они являются лишь продолжением всего того литературного «наследства» Зощенко, которое ведет начало с 20-х годов...

Дальше Жданов рассказывает историю 25-летней давности — цитирует шуточную «биографию» Зощенко, опубликованную в № 3 «Литературных записок» за 1922 год и относящуюся к тому времени, когда после Октябрьской революции не прошло и пяти лет, когда еще ничто не отстоялось, многое для «дореволюционной» молодежи было еще неясно, непонятно.

Да, Михаил Михайлович, 27-летний молодой человек, в прошлом — дворянин и офицер — со всей честностью, хотя и в шутливой форме, писал тогда, что он «человек политически безнравственный», что ни одна партия в целом его не привлекает и что он даже не знает — в какой партии Гучков?

Но тут же Михаил Михайлович уже серьезно прибавляет: «Пожалуй, по общему размаху мне ближе всего большевики... И “большевичить” я с ними согласен... Мне с “большевиками” по пути».

(Отсюда пошло наименование — «попутчики».)

Но об этом высказывании Зощенко Жданов почему-то умалчивает... И дальше «изрекает»:

...За 2 с половиной десятка лет он (Зощенко) не только ничему не научился и не только никак не изменился, а, наоборот, — с циничной откровенностью продолжает оставаться проповедником безыдейности и пошлости (Где? Когда? В какой вещи? — об этом умалчивается.), беспринципным и бессовестным литературным хулиганом. (!)

Это означает, что Зощенко, как тогда, так и теперь, не нравятся советские порядки.

(Ни про какие советские «порядки» в 22 году Зощенко не писал.)

Как тогда, так и теперь, он чужд и враждебен советской литературе.

(Почему? Отчего? Голословное утверждение! Впрочем — да! «Обезьяна» и «Перед восходом солнца»!)

Если при всем этом Зощенко в Ленинграде стал чуть ли не корифеем литературы, если его превозносят на ленинградском Парнасе, то остается только поражаться тому, до какой степени беспринципности, нетребовательности, невзыскательности и неразборчивости могли дойти люди, прокладывающие дорогу Зощенко и поющие ему славословия!

(Очевидно, люди, «превозносящие Зощенко на ленинградском Парнасе», — писатели и партийные руководители — немного больше понимали в литературе и умели лучше разбираться в ее достоинствах и недостатках, чем т. Жданов! В самом деле — «вся рота не в ногу идет, один Я в ногу» — так и тут.)

Наконец Жданов заявляет:

...Какой вывод следует из этого? Если Зощенко не нравятся советские порядки —

(Откуда, все-таки, он взял, что Зощенко не нравятся «ПОРЯДКИ»? не «порядки», а «БЕСПОРЯДКИ» — вот что ему не нравилось!)

— что же прикажете? приспособливаться к Зощенко? Не нам же перестраиваться во вкусах. (!?) Не нам же перестраивать наш быт и наш строй под Зощенку. Пусть он перестраивается, а не хочет перестраиваться — пусть убирается из советской литературы. В советской литературе не может быть места гнилым, пустым, безыдейным и пошлым произведениям!

(Кстати, последняя мысль Жданова почему-то «странно переключается» с рассуждениями Алешиной бабушки из «Приключения обезьянки», которая «сразу невзлюбила» бедную обезьянку. Вот что она сказала: «Кто-нибудь из нас двоих должен находиться в зоологическом саду. Неужели же непременно я должна перейти в зоологический сад? Нет уж, пусть она находится там. А я буду продолжать жить в моей квартире» — так и кажется, что эта фраза застряла в мозгу Жданова и он «подсознательно» оттолкнулся от нее, говоря: «не нам же перестраивать наш быт... Пусть он перестраивается...»)

Дальше в докладе идет разгром поэзии Ахматовой и ряда других писателей, обвинение ленинградской парторганизации в политической слепоте, а ленинградских писателей — в «кумовстве» и подмене

принципиальной критики, принципиальных отношений — «приятельскими отношениями за счет интересов народа».

Кстати, в этом разделе своего «доклада» Жданов неожиданно обнаруживает свои «глубокие познания» во всемирной литературе: он говорит:

...Кстати сказать, и акмеисты, и «Серапионовы братья» ведут свою родословную от общих предков. И у акмеистов, и у «Серапионовых братьев» общим родоначальником является Гофман, один из основателей аристократическо-салонного декадентства и мистицизма.

Каким образом Эрнст-Теодор-Амадей Гофман, немецкий писатель-романтик, автор многочисленных фантастических новелл, таких как «Эликсир дьявола», «Принцесса Брамбилла» и, в том числе — «Серапионовых братьев», Гофман, родившийся в 1774 году¹², в 18-м веке, и умерший в 19-м — в 1822 году — мог явиться «одним из основоположников декадентства и мистицизма», быть «родоначальником акмеистов», остается на совести Жданова.

Как известно, к акмеистам принадлежал совсем другой Гофман — русский поэт начала 20-го века, Виктор Гофман, автор изысканно-красивых стихов, покончивший самоубийством в молодости, в 1911 году, в Париже.

Остается только удивляться, что именем такого «знатока» литературы, который «слышал звон, да не знает, где он» — назван храм наук — Ленинградский университет!

Но вернусь к докладу. Хотя во второй его половине речь идет совсем о других вещах, Жданов не упускает случая, чтобы вновь не задеть Зошенко.

Упомянув о Манделъштаме, который в своих высказываниях якобы звал — «Назад к средневековью» — Жданов утверждает, что с ним перекликается Зошенко — «назад к обезьяне»!

Где и откуда взял Жданов эту бредовую идею — также остается на его совести, но Зошенко никогда и нигде не провозглашал подобного «тезиса»!

Дальше Жданов вдруг вспоминает, что он упустил указать еще на одно «преступление» Зошенко:

...выясняется, что Зошенко приобрел такую силу среди писательской организации Ленинграда, что даже покрикивал на несогласных, грозил критикам прописать в одном из очередных произведений.

¹² Дата рождения писателя автором воспоминаний указана неверно: Гофман родился в 1776 году (см.: Краткая литературная энциклопедия. М., 1964. Т. 2. С. 307).

(Что «прописать»?)

Он стал чем-то вроде литературного диктатора. Его окружала группа поклонников, создавая ему славу.

Прежде всего, — от этого «выяснения» уж очень нехорошо пахнет — это пахнет наушничеством, кухонной сплетней, наговором какого-нибудь незадачливого писателя, на которого Зощенко, возможно, и «покрикивал» за его глупость — вернее, как-нибудь резко ему возразил.

Что же касается «поклонников, создававших ему славу», — так, очевидно, было за что «создавать славу», почему-то славу создавали все-таки именно Зощенко, а не Саянову, например, или Кетлинской.

Одно бесспорно — Зощенко никого из «создававших» не «подкупал» и вообще за «славой» никогда не гонялся, напротив, будучи чрезвычайно скромным человеком, всегда избегал ее.

Обращаясь к критике журнала «Ленинград», Жданов опять упоминает Зощенко:

...тут у Зощенко позиция еще более «прочная», чем в «Звезде»...

...Зощенко и Ахматова стали активной литературной силой в обоих журналах. Журнал «Ленинград», таким образом, несет ответственность за то, что предоставил страницы таким пошлякам, как Зощенко, и таким салонным поэтессам, как Ахматова.

Жданов упрекает и Тихонова, который был в то время председателем Правления Союза советских писателей, в том, что он и Правление Союза

...Повинны в том, что они не только не поставили преграды проникновению в советскую литературу вредных (?) влияний Зощенко, Ахматовой и др. несоветских писателей, но и попустительствовали проникновению в наши журналы чуждых советской литературе тенденций и нравов. (?Каких?)

И, наконец, досталось и Ленинградскому горкому партии:

...Ленинградский комитет партии допустил грубую политическую ошибку, приняв в конце июня месяца решение о новом составе редакции журнала «Звезда», в который был введен Зощенко. Только политической слепотой можно объяснить, что секретарь горкома Капустин и секретарь горкома по пропаганде Широков провели такое «ошибочное решение» в оценке Зощенко.

Итак — ошибались все — читатели и «поклонники» Зощенко, создававшие ему «славу», ошибались и ленинградские писатели, выдви-

нувшие его в состав Правления Союза и Литфонда, а также в редколлегиях журналов «Звезда», ошибался Тихонов, который «не препятствовал проникновению в советскую литературу вредных влияний Зошенко», ошибался Ленинградский горком партии — Капустин и Широков. А еще раньше ошибался Горький и, наконец, правительство, наградив Зошенко в 39 году орденом Трудового Красного Знамени!

Все ошибались — не ошибался один Жданов! Впрочем — и ЦК, который не может ошибаться! Невероятное, удивительное дело!

В сущности, Жданов только более подробно и еще более грубо развивает «тезисы» Постановления, возможно, им же и отредактированного.

Что же вызвало такое недовольство, такой гнев ЦК?

Я перечла сейчас «Приключения обезьянки» в 12 № журнала «Мурзилка» за 1945 год.

При всем своем старании не нашла буквально ничего похожего на обвинения, выдвинутые против этого невинного, шутивого рассказчика. Прежде всего — это шутка, написанная специально для того, чтобы посмеить малышей. И все события в ней, в сущности, не реальные, а шуточные, сказочные.

Непонятно, откуда видно, что в этом произведении Зошенко

изображает советских людей бездельниками и уродами, людьми глупыми и примитивными.

Какие же люди выведены в этом рассказике?

Добрый шофер, ехавший в г. Борисов по служебным делам — так что никак не бездельник! — который, увидев на дереве обезьянку, подобрал ее, желая подарить в городе своим знакомым, чтобы спасти ее «от лишений военного времени».

Хороший мальчик Алеша, который учится в школе, любит животных, помогает своей бабушке — колет ей дрова, который «воспитал обезьянку как человека» — никак не бездельник.

Старушка-бабушка, очевидно, пенсионерка, воспитывающая и обслуживающая своего внука, родители которого, очевидно, находились на фронте, — тоже не бездельница. Она, естественно, была недовольна появлением в квартире такого беспокойного существа, как обезьяна, но она никак не разделяла «точку зрения обезьяны» — и совсем не хотела уходить в зоологический сад, в «клетку», а предпочитала жить в своей квартире — т. е. в советском быту, среди советских людей!

Ну, старик-инвалид Гаврилыч, действительно, «не на высоте» — и любит выпить пивка, и готов для своей выпивки «прикарманить» чужую обезьянку — но ведь это старик, «пережиток» старого строя со всеми его дефектами! И он в рассказе осужден — обезьянка достается не ему, а хорошему советскому мальчику.

В чем же видит Жданов «оглупление» советских людей?

В том, что люди, увидев обезьяну на улицах города, побежали за ней? В том, что она произвела переполох в магазине и в бане и перепугала посетителей, продавщицу и кассиршу?

Но прежде всего, повторяю, — во-первых — это детский рассказик, шутка, а, кроме того, во-вторых — такое «поведение» людей в подобной «ситуации» — вполне законно и нормально.

Никаких «советских порядков» в рассказике не выведено, такое приключение при таких же обстоятельствах могло иметь место в любой «капиталистической» стране, поэтому никакого «глумления» над «советским бытом, советскими порядками» здесь нет и быть не могло.

И неужели можно «всерьез» подумать, что погоней за обезьянкой Зощенко хотел показать «советских людей» бездельниками и примитивными?

И где здесь можно увидеть «зоологическую враждебность» к советскому строю?

И совершенно невероятно, что, по мнению Жданова,

...Зощенко наделяет обезьяну ролью высшего судьи наших общественных порядков и заставляет читать нечто вроде морали советским людям.

Обезьяна представлена, как некое разумное начало, которому дано устанавливать оценки поведения людей —

где, из чего это видно?

Да, Зощенко неоднократно шутливо замечает: «Наверно, подума-ла» — и про обезьянку, и про собаку, которая гналась за обезьяной.

Но ведь это же — прежде всего — сказочка!

Кроме того — против чего протестует обезьяна — «если тут бомбы кидают, то я не согласна».

Но, во-первых, — бомбы кидали не советские люди, во-вторых — советские люди тоже «не согласны» с «киданием бомб»!

И, наконец, — почему обезьянка захотела в клетку? Вполне понятно — на воле ее не кормили, а «денег и карточек», не в пример «советским людям», о которых государство заботилось, у нее не было, и ей пришлось самой «промышлять себе питание», во-вторых — на воле за ней гнались люди, и собака хотела «схватить ее своими зубами». Было отчего пожалеть о спокойной клетке, где ее кормили и поили «советские люди».

Кстати, собака, после того как получила от обезьяны морковкой по носу, тоже «подумала»:

— Нет, граждане, лучше я буду дома спокойно лежать, чем ловить вам обезьяну и получать такие пренеприятности!

Что же, значит, и собака «является высшим судьей»? Но собака почему-то не мечтает о «клетке», а хочет быть «дома»!

Я невольно остановилась опять так подробно на разборе этого злосчастного рассказика, потому что никак не могу понять — каким образом можно было посчитать этот пустячок «пакостничеством» и «непотребством», а его автора — «подонком» литературы?

Право, начинаешь сомневаться в умственных способностях Жданова — не было ли у него и тогда уже чего-нибудь с мозгом? Ведь ровно через 2 года он неожиданно умер от какой-то мозговой болезни... Во всяком случае, «всерьез» принять его критику невозможно — она смахивает или на ненормальность, или на глупости, или даже — на преднамеренное вредительство!

Но что же все-таки послужило причиной таких чудовищных нападок на Зощенко, на этот «пустяковый» рассказ?

Вот что рассказывал мне сам Михаил Михайлович и вот что говорил нашему сыну «главный виновник» этой истории — Саянов.

Сталин «на досуге», после окончания войны, решил ознакомиться с советской литературой. Просматривая журнал «Звезда», он натолкнулся на рассказик Зощенко. Очевидно, он даже не знал, что имеет дело с детским рассказом, т<ак> к<ак> после рубрики «Из детской литературы» шло несколько страниц стихов Чуковского о приключениях «Бибигона».

Поэтому вполне понятно, что «Обезьяна» вызвала полное его недоумение. Воспитанный на сатире Салтыкова-Щедрина, которого, кстати, он часто цитировал в своих выступлениях, Сталин, посчитавший этот рассказ рассказом для «взрослых», воспринял его как сатиру в духе Щедрина.

Кроме того — в рассказе упоминались продовольственные карточки, а выступая (в последний раз в жизни) по радио в марте 46 года, Сталин объявил, что карточки скоро будут отменены. Но постигший страну летом 46 неурожай не позволил ему этого, а т<ак> к<ак> Сталин всегда сдерживал данное им слово, очевидно, это обстоятельство было ему крайне неприятно и тягостно. Возможно, что тут уже начала прогрессировать сталинская мнительность и подозрительность. Поэтому упоминание о карточках, отменить которые ему не удалось, несмотря на данное на весь мир обещание, показалось ему насмешкой и «издевательством над нашими трудностями».

Как бы то ни было, на заседании в Кремле вместе с писателями Сталин, указывая на «Приключения обезьяны», спросил: «Что это? По-моему — это пасквиль!»

В Постановлении ЦК это определение дословно повторяется:

«Приключения обезьяны» представляет пошлый пасквиль на советский быт и на советских людей и т. д.

Дальше вот что рассказывал сыну Саянов — за бутылкой вина в ресторане «Чайка» — в порыве «самобичевания и раскаяния»:

...После этих слов Сталина он, как редактор «Звезды», напечатавший «Обезьяну», сидел ни жив, ни мертв, опустив голову...

— И вдруг, — рассказывает Саянов, — вижу перед собой сапоги. Поднимаю голову — Сталин! Сталин спрашивает: «А вы, товарищ Саянов, что об этом думаете?»

А я говорю: «Я с вами согласен, Иосиф Виссарионович!»

Не могу понять — как мог «страх» так парализовать человека, лишить его элементарной честности и порядочности! И чего бояться?

Надо было просто и спокойно ответить:

— «Это не пасквиль, а безобидный детский рассказ, напечатанный в детском журнале еще в декабре прошлого года, который я, без ведома Зошенко, поместил в “Звезде”, за что Зошенко был очень на меня обижен и рассержен, так как считал этот рассказик пустяком, недостойным того, чтобы его печатали в серьезном публицистическом журнале».

Если бы Саянов ответил так! Может быть, и не было всей последующей трагедии, всей катастрофы, погубившей Михаила Михайловича!

Но у Саянова не нашлось гражданского мужества ответить так, сказать правду! Непонятно — почему?

Вообще, кажется странным то обстоятельство, что Жданов в своем докладе, перечисляя «виновников проникновения» Зошенко в ленинградские журналы, называя Тихонова, Капустина, Широкова — ни разу не упоминает Саянова, хотя тот был редактором «Звезды» и как раз на его «совести» лежало напечатание на ее страницах «Обезьяны».

Не от самого ли Саянова получил Жданов порочащие Зошенко «информации»?

Возможно, впрочем, что давал их Саянов «без злого умысла», а просто «по пьяной лавочке»...

«Настраивал» Жданова против Михаила Михайловича Вишневский, который одним из первых разразился резко отрицательной рецензией против Зошенко после доклада Жданова¹³.

Возможно, что были у Михаила Михайловича и другие «скрытые» враги. Хотя в основном писатели любили и уважали Михаила Михай-

¹³ Неточность со стороны В. В. Зошенко: рецензия Вс. Вишневского «Вредный рассказ М. Зошенко» появилась в газете «Культура и жизнь» 10 августа 1946 года, т. е. не после доклада Жданова, а за несколько дней до его доклада, состоявшегося на собраниях ленинградского партактива и писателей 15 и 16 августа того же года.

ловича и высоко ценили его талант, возможно, были и завистники, были и такие, из числа «бездарных глупцов», которые могли быть задеты резкими, саркастическими репликами Михаила Михайловича в их адрес, откуда и пошли «жалобы на покрикивания» Зощенко и на его «угрозы критикам».

Как я уже упоминала, у Михаила Михайловича с самого начала его литературной деятельности такая, что ли, «манера», такой «прием» — шуточной «перебранки» с критиками, иногда, впрочем, переходящая в серьезный литературный спор, в некую «отповедь» не понимающим его произведений, не понимающим их «направленности» критикам.

Возможно, и среди них были «обиженные и оскорбленные», зато-ропившиеся подать свой голос после Постановления и доклада.

Как бы то ни было, чуть ли не на другой день после опубликования этих документов посыпался «поток» резко отрицательных рецензий, зачастую переходивших в грубую, оскорбительную «ругань».

Невозможно было остановиться около настенной газеты на улице, включить радио, чтобы в глаза и в уши не бросилась фамилия «Зощенко» со всеми «подобающими случаю» эпитетами.

Мне придется подробно остановиться на этом «потоке», чтобы дать некоторое представление о том, что пришлось пережить Михаилу Михайловичу в эти «черные дни».

Но прежде хочется остановиться на «подозрительно-хвалебной» (по мнению ЦК) рецензии Юрия Германа, помещенной в «Ленинградской правде» 6 июля 1946 года — т. е. почти за месяц до «разгрома».

Юрий Герман рассказывает о том, какую «положительную» роль сыграл шуточный рассказик Зощенко «Рогоулька» в трудном военном походе, когда краснофлотцев «донимали» мины.

О таком же «оптимистическом» воздействии на психику воинов смешных рассказов Зощенко неоднократно писали ему фронтовики, прося и требуя прислать им сборник его рассказов или хотя бы один рассказ — «с Вашими рассказами и умирать не страшно!» — писали они ему.

Далее Герман разбирает вышедший в 46 одностомник «Избранных произведений» Зощенко, особо останавливается на фельетоне Зощенко «Поминки» и приводит зощенковскую цитату: «Не худо бы и на человеке что-нибудь мелом выводить. Какое-нибудь там “петушиное слово”: “Фарфор”, “легче”. Поскольку человек — это человек».

Герман пишет:

...Михаил Зощенко защищает человеческое достоинство от людей, которые до сих пор не запомнили горьковских слов: «Человек — это звучит гордо».

Самонадеянность, хамство, претенциозность, глупость, жестокость — все то, что встает на пути советского человека, все, что мешает работать, жить, создавать, все, что раздражает и огорчает — из всего этого с идеальной пластичной точностью лепит Зоценко своих тупиц, жестокосердных фарисеев и невежд, лепит затем, чтобы показать читателю:

— Вот они какие! Они не достойны снисхождения! Сокруши их!

И вот — прошло немногим больше месяца — и «человеческое достоинство» Михаила Зоценко было унижено так грубо, жестоко и несправедливо, как только можно себе представить!

В конце рецензии Юрий Герман приводит высказывания о Зоценко Евгения Петрова:

...Зоценко ездит в трамвае, он там везде смотрит и видит, ему же надо все видеть. И ему все интересно...

...он живет, как живут все наши люди, живет с ними, среди них, ходит там по Ленинграду, думает, смотрит, слушает.

Вот таким — простым и скромным, близким народу и его жизни, знали Михаила Михайловича и так судили о нем его товарищи-писатели...

А вот такие «отклики» были на «Постановление ЦК» и доклад Жданова.

Прежде всего — все «единодушно признавали постановление правильным», почти слово в слово, как попугаи, повторяли все его положения, все обвинения и нападки. И все, как один, в той же грубой форме, «дружно ругали» Зоценко.

1) Вот резолюция собрания актива Ленинградской партийной организации, опубликованная в «Ленинградской правде» 22/8—46 года:

...предоставляли свои страницы таким пошлякам и подонкам литературы, как Зоценко, проповедовавшим гнилую безыдейность, пошлость (как можно — «проповедовать» пошлость?) и аполитичность, клеветнически изображавшим советских людей и издевавшимся над советским читателем. (?)

2) Резолюция собрания писателей г. Ленинграда; опубликованная там же.

Собрание писателей г. Ленинграда:

...считает это постановление целиком правильным, полностью присоединяется к нему и считает его боевой программой для всей деятельности ленинградских писателей.

И дальше ленинградские писатели особенно отличились в своих грязных нападках на того, кого месяц назад считали и лучшим, талантливейшим писателем, и честнейшим советским человеком.

Стыдно и больно повторять их высказывания:

...широко предоставили страницы журналов для безыдейных, идеологически вредных произведений, чуждых нашему народу (письма читателей к Зощенко, письма рабочих, колхозников, красноармейцев, однако, говорят совсем о другом...) писателей, Зощенко и Ахматовой.

Зощенко, подвизавшийся уже с первых лет советской власти в рядах идеологически чуждой советскому народу и советской литературе (которой в 20 году — к моменту создания этой «группы» — и не было еще!) группе «Серапионовых братьев», специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди (?) гнилой безыдейности и аполитичности, рассчитанной на дезориентацию советской молодежи и отравление ее сознания. (!?)

В годы Великой Отечественной войны Зощенко, ничем не помогая советскому народу в его борьбе с врагом, стоял в стороне от этой борьбы и написал грязное, пасквильное произведение (а почему оно «пасквильное»?) «Перед восходом солнца», вредность и антисоветская сущность (?) которого были разоблачены, как и все творчество Зощенко, на страницах журнала «Большевик».

В последнее время Зощенко, продолжая держаться своих чуждых советской литературе взглядов и установок (?Где? Откуда это видно?), опубликовал (не он, а Саянов, без его ведома!) рассказ «Приключения обезьяны» и ряд других пасквильных рассказов (каких? Хоть бы один был назван — не было таких!) и пьес, в которых изобразил советских людей в карикатурной форме (?), клеветнически (?) представляя их примитивными, малокультурными, глупыми, с обывательскими вкусами и нравами.

(Так ведь это же была сатира!)

Собрание писателей признает, что эти клеветнические писания Зощенко не имеют ничего общего с советской литературой и вредят делу нашей партии, нашего народа...

...Предоставив Зощенко и Ахматовой активную роль в журналах, руководители журналов тем самым способствовали распространению их разлагающего влияния на работу целого ряда ленинградских писателей. (!?)

...стал возможным выход на литературную арену таких пошляков и подонков литературы, как Зощенко...

...забыли оценку «творений» Зощенко, данную в свое время в нашей печати <...> рекомендовали Зощенко в состав редколлегии «Звезды», выдвинули Зощенко и Ахматову на руководящие посты в писательской организации.

Собрание особо отмечает, что среди ленинградских писателей нашлись люди (Берггольц, Орлов, Герман, Добин и др.), раздувавшие “авторитет” Зощенко и Ахматовой и пропагандировавшие их писания.

Идейный разброд и групповщина, имеющиеся в Союзе писателей, в немалой степени объясняются «деятельностью» Зощенко, Ахматовой и же с ними... (!!!)

Поражаешься, до какой степени морального падения и низости нужно прийти, чтобы вынести «такую» резолюцию!

«Братья-писатели» не постеснялись обвинить Зощенко прямо во «вредительстве», указать на его якобы «разлагающее влияние на работу ряда писателей», на его чуть ли не «подрывную деятельность» в Союзе писателей и, наконец, — «особо отметили» писателей, «пропагандировавших писания Зощенко и Ахматовой», о чем не упоминалось даже ни в «Постановлении», ни в докладе, во всяком случае, Берггольц, Орлов и Добин прежде названы не были!

Страшно и больно читать этот постыдный человеческий документ!

3) Несколько «благороднее» прошло партийное собрание ленинградских писателей.

Многие писатели-коммунисты предпочли вовсе не присутствовать на нем, некоторые, очевидно умышленно, опоздали к началу, что было отмечено в отчетной статье об этом собрании, помещенной в «Ленинградской правде» 30/8—46 г.

Статья даже была названа «Критика вполголоса».

В ней выразалось недовольство выступлениями почти всех писателей — и Капицы, и Катерли, Эвентова и Кожемякина.

Эвентов в свое время в своей статье в «Вечернем Ленинграде»¹⁴ отзывался о Зощенко «в высокохвалебных тонах», а Кожемякин «усиленно втягивал Зощенко в состав редколлегии “Звезды”», как вспоминает автор статьи.

¹⁴ Эвентов Исаак Станиславович (1910—1989) — историк русской советской литературы, профессиональные интересы которого были связаны преимущественно с сатирой М. Горького, В. Маяковского, Д. Бедного и других писателей. Вероятно, имеется в виду статья И. Эвентова под названием «Голубая книга» (Вечерняя красная газета. 1936. 8 марта).

И лишь критик Трифонова заслужила его одобрение — в частности, она «указала на необходимость» помочь выправиться тем писателям, которые подпали под влияние вредных, безыдейных произведений Зощенко и Ахматовой».

Вообще же автор статьи отмечает, что:

...ни подлинно острой персональной критики, ни конкретного анализа собственных ошибочных взглядов, книг, статей в речах товарищей, выступавших в прениях, не было.

Как только дело доходило до конкретных имен, ораторы начинали говорить вполголоса.

Дальше отмечается даже — ...«невысокий идейный уровень собрания».

Как видно из этой статьи, писатели-коммунисты оказались в данном случае на большей высоте, чем общегородское собрание писателей.

Но, конечно, как видно из статьи «За высокую идейность литературы», помещенной в «Вечернем Ленинграде» и содержащей отчет о том же партийном собрании ленинградских писателей, в начале которой повторяются все нападки и обвинения, выдвинутые против Зощенко —

...пошляки и подонки литературы, как Зощенко, проповедовавший гнилую безыдейность, пошлость и аполитичность литературного творчества и злостно клеветавший на советскую действительность.

...На таких собраниях всячески «поднимался авторитет» Зощенко и Ахматовой. Здесь с хвалебными речами о них выступали критик В. Орлов и поэтесса О. Берггольц.

...Не так давно на страницах «Вечернего Ленинграда» была напечатана вредная, апологетическая рецензия Эвентова о книге рассказов Зощенко, в которой он рекомендовал читателям «сочинение» (!?) этого проповедника пошлости (!!?), мещанства и безыдейности —

на нем было принято —

развернутое решение. Одобрив Постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», приняв его к неуклонному исполнению, как боевую программу действий, собрание наметило обширный план практических мероприятий... и т. д.

Удивительно и непостижимо, как можно было, без стыда и совести, назвать «проповедником пошлости и мещанства» писателя, всю свою жизнь остро ненавидевшего именно пошлость и мещанство и клеймившего их со всей силой своего таланта!

Непонятно, невероятно!

Очевидно, вскоре после собрания актива ленинградской партийной организации и общегородского собрания ленинградских писателей следует «самокритичное» выступление «Ленинградской правды», признающее свою ошибку в напечатании рецензии Германа и других «ошибочных» рецензий о творчестве Зощенко, а также и другие свои «ошибки»¹⁵.

Пересказывая в статье «За высокую идейность советской литературы» почти дословно «Постановление», газета полностью повторяет все обвинения, выдвинутые против Зощенко:

Редакция «Звезды» охотно предоставляла литературную трибуну писателю Зощенко, произведения которого чужды советской литературе. Известно, что Зощенко давно специализировался на писании бессодержательных и пошлых (?) вещей, на проповеди (?) гнилой безыдейности и аполитичности, дезориентирующей нашу молодежь и отравляющей ее сознание. (?)

Отвратительный пасквиль на советский быт (?) и советских людей представляет собой и последний из опубликованных в «Звезде» рассказов Зощенко «Приключение обезьяны». В этом рассказе советские порядки представлены в уродливо-карикатурном виде, советские люди изображены примитивными, малокультурными, глупыми, с обывательскими вкусами и нравами. (!)

...журнал «Ленинград» постоянно предоставлял свои страницы для пошлых и клеветнических выступлений Зощенко...

...Предоставление Зощенко и Ахматовой активной роли (как можно «предоставлять» активную роль?) в журналах способствовало распространению их разлагающего влияния на работу ленинградских писателей, (?) внесло элементы идейного разброда и дезорганизации в среду писателей.

...Ленинградский городской комитет ВКП(б) <...> предоставил чуждым советской литературе людям, вроде Зощенко и Ахматовой, занять руководящее положение в журналах.

Грубую политическую ошибку совершил Горком ВКП(б), вводя Зощенко в состав редколлегии журнала «Звезда».

«Ленинградская правда» совершила серьезную ошибку, напечатав неправильную и вредную рецензию Юрия Германа о творчестве Зощенко и другие ошибочные рецензии.

¹⁵ Признание указанных «ошибок» (как реакция на доклад Жданова) содержалось в отчетах и резолюциях собрания ленинградского партактива и общегородского собрания ленинградских писателей, опубликованных в газете «Ленинградская правда» (1946. 22 августа).

Итак — одно и то же, одно и то же, и все одними и теми же словами, поразительно и нелепо, будто других слов и в обиходе нет!

5) «Литературная газета» выступает с «развернутой критикой» Правления Союза советских писателей и его председателя Тихонова¹⁶, повторяя слова «Постановления», правда, беря их в скобки:

...Правление Союза советских писателей и, в частности, его председатель, т. Тихонов, не приняли никаких мер к улучшению журналов «Звезда» и «Ленинград» и не только не вели борьбы с вредными влияниями Зощенко, Ахматовой и им подобных, но даже попустительствовали проникновению в журналы чуждых советской литературе тенденций и нравов. (?)

(Не мудрено, что Тихонов, который зимой 46 года говорил Михаилу Михайловичу: «Миша, ты наш советский Чехов, все, что ты написал, останется в веках» — был так напуган и после Постановления ни разу не встретился с ним.)

Далее статья критикует целый ряд писателей и редакторов московских журналов, не щадя даже Панферова, Вс. Иванова и Вишневого, за их «творческие неудачи» и допущенные ими «ошибки».

О Зощенко же статья высказывает следующее:

...С опозданием, уже после того как печать дала должную оценку мерзко-клеветнической (?) повести Зощенко «Перед восходом солнца», Президиум провел обсуждение этого «сочинения» Зощенко.

(Потому что до «оценки» печати Президиум очень высоко ценил эту повесть!)

...Руководство ССП <...> проявило робость, непоследовательность, тем самым открывая дорогу антинародным тенденциям, аполитичности, безыдейности, попустительствуя пошлякам и пасквилянтам вроде Зощенко.

...не только в ленинградских журналах и издательствах имело место предоставление страниц «таким пошлякам и подонкам литературы, как Зощенко» (взято в скобки редакцией): пошлая стряпня Зощенко печаталась и в ряде московских журналов и газет, совсем недавно в массовой библиотеке журнала «Огонек» вышла книжка Зощенко, включавшая и пасквиль — «Путешествие обезьяны».

(Автор статьи даже перепутал заглавие рассказа — вряд ли он и читал его, однако, не стесняясь, называет его «пасквилем».)

◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆

¹⁶ Имеется в виду «Резолюция Президиума Правления Союза советских писателей», напечатанная в «Литературной газете» (1946. 4 сентября).

В заключение статья требует «решительной перестройки литературных рядов»!

6) В статье в «Правде» от 4/9—46 года «Бодрость духа, вера в свое дело — драгоценное качество советского народа» — ее автор, отдавая должное героическим подвигам народа в Отечественную войну и говоря об огромной «воспитательной роли советской литературы», не преминул добавить:

...В нашей литературе не должно быть места тому, что чуждо и враждебно интересам народа — гнилой безыдейности и аполитичности, в ней не должно быть места клеветнической пакотне таких пошляков и подонков литературы, как Зоценко...

С сентября месяца начинается «поток обсуждения» постановления по фабрикам и заводам.

7) В статье «Коммунисты обсуждают Постановление ЦК ВКП(б) о журналах “Звезда” и “Ленинград”», напечатанной в «Ленинградской правде» от 5/9—46 г., дается «сводный отчет» о таких собраниях на «Электросиле», на заводах «Красный Выборжец», имени Свердлова, имени Орджоникидзе, «Кинап», «Пролетарий», «Станколит» и др.

И тут, конечно, не обходится без грубой ругани в адрес того самого Зоценко, который, если судить по письмам читателей-рабочих, по отношению к Михаилу Михайловичу рабочих-скороходовцев, с которыми он снят на хранящейся в архиве фотографии, наверное, был одним из самых любимых и понятных рабочим писателей.

Как говорится в статье:

...С гневом и отвращением говорили они о писателе Зоценко, клеветавшем на советскую действительность.

Правда, таких выступлений статья приводит немного.

Мастер 7 цеха завода «Электросила» т. Никитин говорит на собрании:

...В тяжелые дни блокады Зоценко забрался (?) в далекий тыл и написал омерзительную повесть «Перед восходом солнца». Этот подонок литературы в своем «творчестве» не показывал настоящих героев, подлинных советских патриотов.

Вот уж подлинно — «не зная броду, лезет в воду», «не посмотрев в святцы — бух в колокол!» — Очевидно, мастер Никитин не читал ни «омерзительной повести», ни ряда «военных и солдатских рассказов», в которых Зоценко как раз показывал «настоящих героев и патриотов».

Стоит назвать такие рассказы, как «Портрет», «По следам войны», «В подвале», наконец — киноповесть «Солдатское счастье».

Старший технолог 45-го отдела Маркелов спрашивает:

...почему так получилось, что пошлые клеветнические писания Зо-щенко и аполитичные стихи Ахматовой популяризировались на страницах советских журналов?

На заводе «Красный Выборжец» культпроп партбюро т. Швырлов заявил:

...Мы должны сделать все для того, чтоб наши юноши и девушки не подвергались влиянию таких пошляков, как Зощенко.

И, наконец, кандидат технических наук т. Жолобов «упрекнул» ленинградских писателей в том, что —

...многие из них дали возможность таким подонкам литературы, как Зощенко, клеветать на советский народ.

Вот и все высказывания рабочих против Зощенко. Очевидно, в глубине души большинство из них не было согласно с «Постановлением» и продолжало считать Зощенко своим любимым писателем.

26 августа 46 года вышло специальное «Постановление ЦК “О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению”».

6/9—46 года в передовой статье газеты «Ленинградская правда» — «Важная роль советского театра» — обсуждается это постановление, перечисляются «порочные пьесы» — в том числе и

...откровенно клеветнические, злопыхательские (?) произведения Зо-щенко: «Парусиновый портфель» и «Очень приятно».

(К этому времени, очевидно, вышло и следующее Постановление ЦК «О кинофильме “Большая жизнь”».)

И вот — 8 сентября 46 года в «Правде» публикуется

«Резолюция Президиума Правления Союза Советских писателей
СССР
от 4 сентября 1946 года»

Президиум Правления, полностью соглашаясь с постановлением, обрушивается с гневной критикой и на своего председателя Тихонова, и на целый ряд писателей и редакторов, как «затронутых Постановлением», так и не попавших в «поле его зрения».

Обвиняются — редакторы С. Спасский и А. Сурков, «Литературная газета», поэзия Пастернака и его критик А. Тарасенков, пьеса Gladкова, повесть Ройтонова, киносценарий Нилина, пьесы Водопьянова и Лаптева, братьев Тур, Погодина, Рахманова и Рысс, Рыбака и Савченко, произведения Вс. Иванова, Веледницкой, даже Сергеева-Ценского, сти-

хи А. Межирова, П. Антокольского, С. Кирсанова, критические высказывания А. Гурвича, Л. Рахманова, И. Сельвинского, Петро Панча, очерк Кирилюка — огромный список «имен и лиц».

И, конечно, — Ахматова и Зощенко.

Правда, «тон» резолюции сдержанный, не содержащий «грубых ругательств», чем резолюция выгодно отличается от предыдущих статей и выступлений, однако, достаточно резкий и безапелляционный:

...правление ССП и его председатель Н. Тихонов <...> не вели борьбы с вредными влияниями Зощенко, Ахматовой...

...Систематическое появление на страницах журналов <...> пошлых и злобных пасквилей Зощенко на советских людей и советские порядки, печатание пустых безыдейных стихов Ахматовой <...> явилось прямым следствием бездеятельности Правления Союза писателей...

Правление Союза <...> не сделало надлежащих выводов из данного журналом «Большевик» анализа писательского облика Зощенко,

(Потому что этот «анализ» был глубоко неправильным, ошибочным.)

человека, чуждого советской литературе, постыдно безучастного к делу советского народа даже в годы Великой Отечественной войны.

(Ложь и клевета!)

...несмотря на очевидный вред «творчества» этих несоветских писателей для дела воспитания нашего народа и, в первую очередь, молодежи, их писания появлялись в печати:

Ленинградское отделение Государственного Издательства в 1946 году выпустило книгу пошлых рассказов Зощенко, где был напечатан и рассказ «Приключения обезьяны», полный антисоветских выпадов. (?) (Редактор С. Спасский)

В «Библиотеке «Огонька» в Москве большим тиражом вышла книжка Зощенко с тем же рассказом. (Редактор А. Сурков).

(И вот что удивительно — ни Спасский, ни Сурков, ни последний редактор Саянов — никто не усмотрел, да и не мог усмотреть в этом безобиднейшем рассказике никакой «антисоветской направленности», никакой «клеветы на советский быт и советских людей» — просто потому, что ничего этого там никогда не было и быть не могло!)

В итоге всех этих обвинений Президиум, между другими «ближайшими практическими мероприятиями», постановляет:

1. Освободить Тихонова от обязанности председателя Правления Союза советских писателей <...>

7. Исключить Зошенко М. М. и Ахматову А. А. из Союза советских писателей как не соответствующих в своем творчестве требованиям параграфа 2-го Устава Союза писателей, что членами Союза советских писателей могут быть писатели, «стоящие на платформе Советской власти и участвующие в соц. строительстве».

«Приговор» вынесен. Комедия окончилась. Началась трагедия.

Но еще до «резолуции Президиума», вскоре после доклада Жданова, на собрании Правления Ленинградского отделения Союза писателей Саяновым было внесено предложение об их исключении.

Вот как рассказывал мне об этом покойный писатель И. Ф. Кратт:

Прокофьев доложил о «Постановлении» и о «докладе Жданова», обсудил его и предложил только вывести Михаила Михайловича и Ахматову из состава Правления Союза и Литфонда. Мы было вздохнули свободно. Но тут поднимается Саянов и вносит предложение — исключить их из Союза. 16 пар ушей это слышали. И тут ни у кого не хватило смелости, не хватило гражданского мужества протестовать. Предложение Саянова было принято.

Так Саянов совершил свою вторую подлость. Самое страшное, помимо моральной стороны дела, — это то, что исключение из Союза лишало и Михаила Михайловича, и меня, как его секретаря-машинистку, продовольственных карточек. А это, в связи с несомненным отсутствием заработка после таких тяжких обвинений, обрекало Зошенко и его семью если не на голодную смерть, то, во всяком случае, на жесточайшую нужду и лишения.

Параллельно с выступлениями газет шел и «поток приветствий» со стороны критиков — поток грубой, «заушательской» и насквозь несправедливой критики.

1. Статья С. Крушинского — «Серьезные недостатки детских журналов» в «Правде» от 29/8—46 г.

В ней, между прочим, сказано:

...Верхом политической слепоты и литературной безвкусицы редакции «Мурзилки» является опубликование на страницах журнала «Приключения обезьяны» Михаила Зошенко — пошлого пасквиля, в котором злостно, хулигански изображается наша советская действительность.

Не знаю, «верхом чего» может явиться соображение автора статьи, что рассказ для дошкольников был пошлым пасквилом!

Слишком высокого мнения о наших 3–6-летних детях т. Крушинский, если он полагает, что им доступно понимание пасквиля, и слыш-

ком плохого мнения об умственных способностях автора, вздумавшего писать «пасквили» для малолетних детей!

2. Статья проф. Плоткина — «Пошлость и клевета под маской литературы» в «Ленинградской правде» от 3/9—46 года, разбирающая «историю с Зоценко».

Если рассказы 20-х годов Плоткин еще склонен воспринимать как «сатиру на мешанские пережитки», то, осудив «политическую безнравственность» молодого Зоценко 22 года, о рассказах 30-х годов критик пишет:

...Зоценко все возился со своим неизменным, однообразным, чудовищно гипертрофированным героем.

Но он забывает о целом ряде «положительных» повестей и рассказов 30-х годов — таких как «Возмездие», «История одной жизни», «Рассказы о Ленине» и многие другие.

Говоря же о том, что

...драки, мордобои, «безобразные убийства» (?), бесконечно грязные любовные истории, скотское отношение к женщине, стяжательство — единственное, что видел в нашей жизни Зоценко, —

критик начисто забывает, что Зоценко — прежде всего — сатирик, потому и глаз у него был устроен так, что он видел прежде всего — плохое, отрицательное, которое он и считал своим долгом обличать и высмеивать, что он был, как и Маяковский, — «ассенизатор и водовоз революции».

Критик начисто не понял таких произведений Зоценко, как «Голубая книга», высоко оцененная Горьким, «Возвращенная молодость», одобренная многими учеными — психиатрами (Останков) и физиологами, ни, тем более, — «Перед восходом солнца», которую, очевидно, он даже не мог дочитать до конца, т<ак> к<ак> дальнейшее ее печатание было прекращено.

Говорить же об оценке Плоткиным «Приключений обезьяны» просто не приходится, так она смехотворна и лишена всякой логики — совершенно непонятно, откуда Плоткин увидел, что обезьяна из детского рассказа «оказывается выше и по-своему даже разумней, нежели те советские люди, в общество которых она попадает».

(Какие люди? Очевидно — бабушка и внук?)

Уж не из того ли вывел Плоткин это «умозаключение», что обезьяна — «ложечкой ела манную кашу», чему, кстати, ее научил хозяин-мальчик Алеша.

И профессор Плоткин заключает на основании «всего вышеизложенного»:

...так тянется единая нить от писаний 22 года, от цинических признаний в «политической безнравственности» к сегодняшнему падению Зоценко, справедливо поставленного вне советской литературы.

...История с Зоценко <...> показывает, в какое антисоветское болото приводит теория аполитичности, безыдейности, теория «искусства для искусства».

(Которой, кстати, Зоценко никогда не придерживался и тем паче никогда не проповедовал!)

5. Статья Т. Трифоновой «Об ошибках ленинградских критиков» в «Ленинградской правде» от 8/9—46 г.

Многим критикам, особенно критикам-коммунистам — Добину и Эвентову — достается в этой статье, а также критику П. Громову и «непрофессиональным критикам» — писателю Юр. Германа, литературоведу Б. Эйхенбауму и особенно поэту С. Спасскому, на которого Трифонова нападает «с особым рвением», выражаясь ее слогом.

На Эвентова, Германа и Громова¹⁷ Трифонова особенно нападает за их статьи о Зоценко:

...критик-коммунист Эвентов выступил со статьей, восхваляющей Зоценко, и не сумел разобраться в безыдейном, а зачастую и клеветническом характере его рассказов.

Забыв об острых политических установках Маяковского...

Эвентов не только не осуждает Зоценко за то, что

говоря об отрицательных сторонах жизни, автор <...> делает это со спокойствием бытописателя, с сердечностью друга.

Таким образом, злорадно(?) «спокойное» отношение к недостаткам объявляется достоинством писателя, а о его нежелании увидеть и показать положительные черты нашего времени критик попросту умалчивает.

(Во-первых, Зоценко — сатирик, во-вторых — он их видит и показывает.)

Дальше Трифонова задевает Германа —

...Особенно выделяется статья Юр. Германа, восторженно хвалящего Зоценко.

¹⁷ *Громов Павел Петрович (1914—1982) — критик и литературовед. Автор книг «Юрий Крымов. Очерк творчества» (1956), «Герой и время» (1961), серии статей о драматургии А. Блока и др. В. В. Зоценко выделяет его как принципиального и последовательно доброжелательного по отношению к М. Зоценко литературного критика.*

О критике Громова Трифонова пишет:

...Но совсем без оговорок, в тоне восторженного панегирика, написаны страницы, посвященные Ахматовой и Зощенко.

(В обзоре ленинградской литературы, напечатанном в петрозаводском журнале «На рубеже».)

...Не нуждается в доказательствах вся вредность утверждения Громова, писавшего, что «серьезной творческой удачей являются новые произведения Михаила Зощенко»,

в которых

«проступают ведущие, жизнеутверждающие тенденции в нашей действительности».

(Умный человек, конечно, видел и понимал, что к чему!)

4. Статья Р. Мессер «О пошлости и безыдейности в литературе» в «Ленинградской правде» от 10/9—46 г.

В статье «разгрому» подвергаются пьесы ленинградских драматургов — М. Козакова и А. Мариенгофа — «Золотой обруч» и «Преступление», Ягдфельда — «Дорога времени» и «Смешные нежности» («Бестолковый дом»), Л. Рахманова и Е. Рысса — «Окно в лесу» и, конечно, пьесы Зощенко — «Парусиновый портфель» и «Очень приятно», причем о них Р. Мессер пишет:

...«Откровенная клевета на советское общество дана в 2-х пьесах Зощенко <...> Постановление ЦК ВКП(б) <...> дало точную оценку всего творчества Зощенко.

(Спасибо, хоть не повторяет всего «ушата ругани»!)

Обе его пьесы <...> выражают его постоянное издевательское пренебрежение к людям.

(Откуда она это взяла? Михаил Михайлович столько писал именно об уважении к людям, о внимательном, «любовном» отношении к ним!)

В «Парусиновом портфеле» все герои представляют некое собрание монстров, людей, способных лишь на мелкие подлости, вранье, измены.

(Где? Кто? Когда? Как раз никакой «измены» и не было! На измены, к сведению Мессер, «были способны» люди «старого мира», «старой морали» — как «бабушка» и ее «первый муж», а не Баркасов, человек «нового мира», коммунист!)

И, главное, все они — непроходимые идиоты.

(Кто? Счетчик — честный, правда, недалекий служака, «Жених» Настеньки — мещанин и грубиян, зато Ядов — никак не глуп, а кроме того, самое главное — это же комедия, карикатура, надо вспомнить хотя бы «Ревизора».)

Вся цепь «комических» положений поражает и возмущает демонстрацией выдуманного карикатурного мира, вызванного к жизни «злопыхательствующей» фантазией.

(А «идея» автора была как раз в том, чтобы доказать, вопреки утверждениям старой «бабушкиной морали», что у нас, в советском обществе, вполне возможны любящие и честные мужья, не изменяющие женам, — что, увы! — далеко не соответствует истине!)

...Но особенного цинизма (!?) достигает пьеса «Очень приятно». В ней издевательскому оглуплению подвергается один из самых органических принципов советского общества — внимание к человеку.

(Как может «внимание» подвергаться «оглуплению» — остается на совести Р. Мессер.)

...чем, как не злобной насмешкой, как не стремлением опошлить наших людей могла быть вызвана к жизни такая пьеса?»

(В характере Михаила Михайловича никогда не было «злости» — достаточно взглянуть на его трогательную любовь и заботу о сыне, на его всегдашнее «доброе» отношение к совершенно чужим людям, которым он столько помогал!

Что же касается «злополучной» пьески «Очень приятно», то она, по замыслу автора, представляла собой лишь нечто вроде шуточного водевиля, к которому можно бы пристегнуть поговорку — «опаснее врага», если б не «лучшие намерения» грубоватого, но доброго майора, и которая написана со специальной целью посмеять и развлечь зрителя, слишком уставшего от переживаний «военных лет». Ни на что «очень серьезное» этот бесхитростный водевиль и не претендует.)

21 сентября был опубликован доклад Жданова. (Почему с таким большим опозданием — непонятно.)

А 22 сентября в «Правде» печатается статья —

«Благородные задачи советской литературы», —

которая как бы «подводит итоги» всем вышедшим за последнее время «Постановлениям ЦК» — «О журналах “Звезда” и “Ленинград”»,

«О репертуаре драматических театров», «О кинофильме “Большая жизнь”».

После обычных слов о «воспитательной роли нашей литературы, о недопустимости литературного брака» автор статьи считает своим долгом еще раз «задеть» «Зощенко и Ахматову» и тех, кто «способствовал» их проникновению в наши журналы:

...они проявили опасный либерализм и пропустили на видные места в литературу таких враждебных советской литературе людей, как злоствующий пошляк и хулиган Зощенко и обломок дворянско-буржуазной упадочной поэзии Ахматова.

Эти душевно опустошенные люди, циничные в своем безверии, <...> сея вокруг себя <...> унылую скуку (это Зощенко-то «сеял скуку», да еще и «унылую»?), стали претендовать (?) на роль учителей советской молодежи.

...Всем этим попыткам литературных подонков отравить сознание нашей молодежи, нанести вред делу идейного воспитания советского народа наша партия сказала твердый и решительный отпор.

(«Сказала отпор»! Н-да...)

Чем же все-таки Зощенко «отравлял сознание молодежи»?

Уж не тем ли, что он обличал пьянство, грубость, некультурность, воровство, драки, аморальность — «возмутительное отношение к женщине», к своему ребенку, к матери, стяжательство, жадность, корыстолюбие, неуважение к человеческому достоинству и прочие, и прочие «пережитки», которые и до сих пор бытуют в сознании многих наших «уважаемых граждан»?

Трудно поверить, что авторы всей этой недостойной и оскорбительной «ругани» и клеветы серьезно верили в полное моральное перерождение всего нашего народа, в поголовных «золотых советских людей», как назвал их Сталин.

Непонятно, невероятно, загадочно!

Неужели «страх» и только «страх» руководил всеми этими «писаниями»?

Но вот вдруг — странный «перелом».

Газета «Советское искусство» от 27 сентября 46 года.

В ней — доклад Жданова и отклики на него: два отчета — о пленуме объединения критиков и театроведов при ленинградском отделении ВТО, посвященном задачам театральной критики, и о совещании комсомольского актива Москвы.

На пленуме критиков и театроведов докладчик Цимбал отметил, что «в Ленинграде были поставлены вредные, клеветнические пьесы

и работы в период войны, так и нелепое недоразумение с шуточным детским рассказом «Приключения обезьянки», причем подчеркивает, что он никогда не пользовался «устаревшим методом завуалированной сатиры» — методом Салтыкова-Щедрина, таким «любезным» Сталину.

Свое письмо Михаил Михайлович заканчивает смело и мужественно: «Это ошибка. Уверяю Вас».

И вот, когда это письмо дошло до Сталина, весьма вероятно, что он поверил в искренность и честность Зощенко и понял, какую ошибку и какую несправедливость совершил ЦК, издав свое «Постановление» и так ошельмовав и опорочив честного писателя.

Но что было делать?

Отменить «Постановление», которое содержало ряд верных указаний и требований партии, предъявляемых к советской литературе? Признаться в допущенной по отношению к Зощенко ошибке? На это Сталин пойти не мог. Это скомпрометировало бы ЦК партии, уронило бы его авторитет как на международной арене, так и в глазах советского общества, в глазах народа.

Оставалось одно — дать указание прекратить «травлю» Зощенко, прекратить безобразную «ругань» в его адрес, что, очевидно, и было сделано.

И когда я (не помню точно — в каком именно месяце) обратилась к приехавшему в Ленинград новому главному редактору «Звезды», назначенному на этот пост «Постановлением ЦК», т. Еголину с просьбой разъяснить — что же должен сейчас, после исключения из Союза писателей, делать Зощенко, мне было отвечено:

— Пусть он спокойно работает, пусть пишет.

Такова, очевидно, была и «воля» Сталина.

Спустя некоторое время, примерно в ноябре 46 года, Михаил Михайлович пишет письмо Жданову¹⁹.

В этом письме, которое он заканчивает словами —

Прошу Вас дать мне возможность работать для советского народа.

Я считаю себя советским писателем, как бы меня ни бранили, —

Михаил Михайлович объясняет Жданову, что дало ему право считать свою работу нужной и полезной советскому читателю.

¹⁹ Письмо А. А. Жданову было написано М. Зощенко 10 октября 1946 года. См. «Хронологическую канву жизни и творчества Михаила Зощенко» в кн.: Лицо и маска Михаила Зощенко / Сост. и публ. Ю. В. Томашевского. М., 1994. С. 361.

Это — отзыв Горького (13/10—30 г.), письма читателей, награждение его орденом за литературные заслуги в 39 году, массовые тиражи его книг.

Михаил Михайлович пишет:

Да я и сам полагал, что, работая в своем жанре, я помогаю вскрывать недостатки, помогаю бороться с пережитками прошлого.

...мне очень трудно сейчас определить — в чем же именно заключаются мои ошибки?

...я никаких злых намерений не имел. Да и злоба никогда не питала мою литературу.

...мне удалось написать ряд повестей и рассказов на положительную тему...

...Я прошу Вас и Центральный Комитет представить на рассмотрение новые мои работы, начатые недавно.

...не представляю себе возможности реабилитировать свое имя. И не для этого я буду работать.

Я не могу и не хочу быть в лагере реакции.

И, действительно, с января 47 года Михаил Михайлович вплотную принимается за новую работу — за книгу о партизанах, материалы для которой были собраны им еще весной 44 года.

Тогда же и я написала 2 своих письма — Сталину и Жданову.

В письме к Сталину я подробно осветила весь литературный путь Зощенко, начиная с 21 года и с его «декларации 22 года» до последних работ лета 46 года, ознакомила с оценкой, данной его творчеству как писателями, так и читателями, а также рассказала и о причинах, побудивших его написать «Перед восходом солнца» — его тяжелой болезни, его «отягченной психике», подробно остановилась на разборе «Приключения обезьянки» и, наконец, рассказала о Михаиле Михайловиче как человеке.

Письмо это я, правда с большим запозданием (вначале мне вдруг показалось, что оно не нужно и неуместно), все же отправила по адресу — в июне 47 года — мне так страстно хотелось, чтобы Сталин знал правду о Михаиле Михайловиче!

Было ли оно прочитано Сталиным, сыграло ли какую-нибудь роль в его отношении к Зощенко, судить не берусь.

Письмо же Жданову, в котором я решительно опровергала все его нападки на Зощенко и доказывала их несостоятельность и вздорность, так и осталось неотправленным.

Я слишком отрицательно относилась к самой личности Жданова, еще задолго до его «доклада», а потому и не смогла «лицемерить» — произносить в его адрес «хорошие слова».

Так и случилось, и в течение 2—3 лет эти «вещи» были почти единственным «источником дохода».

Жаль было мне разорять мою белую комнатку, мой «18-й век», где с такой любовью, в течение долгих лет, подбирала я красивые «стильные» вещи, но делать было нечего.

Добрый друг нашей семьи, Лариса Николаевна Робинсон, которая со всем участием отнеслась к постигшей нас катастрофе, находила мне «покупателей»... Она же находила и «продавцов», у которых можно было купить хлебные карточки, так как хлеба, даже по коммерческим ценам, купить было нельзя.

Итак — «все пошло с молотка», как говорится, — сначала — «мелочи»: «царское бюро», обюссоновские портьеры, «екатерининский» ночной фонарь-люстра, хрустальная лампа, кашпо, бюст Данте из комнаты сына...

Потом — бриллиантовое кольцо-маркиза, жемчуг, горностаевая перлеринка... Золотых вещей у меня вообще было мало, да и часть их пришлось променять на продукты в блокаду.

Затем — ближе к весне — была продана часть дачи и, наконец, — моя гордость, моя любимая «парижская спальня».

А потом пришлось продать хрустальный набор графинов-баккара, который я берегла для сына, часть французского обеденного сервиза и даже дело дошло до нарядного парчового халатика и моего любимого платья...

Михаил Михайлович только твердил: «продавай, все продавай!».

Но вначале я была уверена, что смогу зарабатывать — буду давать уроки, как когда-то в молодости, печатать на машинке, смогу поступить экскурсоводом в Эрмитаж или найти какую-нибудь другую работу.

Но... всего один урок мне удалось получить — лишь спустя 2 или 3 года, а переписку на машинке от режиссера и актера Смолича мне устроила та же Лариса Николаевна. Кетлинская же и еще кто-то из писателей (кажется, Форш и Саянов), когда я обратилась к ним с подобной же просьбой, отказали мне под тем предлогом, что у них уже есть «свои» машинистки.

Ревекка Моисеевна Беккер, доктор-гинеколог, которая тоже принимала большое участие в нашей судьбе и которая пыталась найти мне работу, сказала, что ей на ее просьбы ответили: «Пусть она переменит фамилию», а В. Я. Якубенко, работавший в Эрмитаже, передал мне через свою жену, мою гимназическую подругу, что — «Орбели (в то время директор Эрмитажа) перестраховщик, и просить его бесполезно».

Когда же я сама обратилась в Эрмитаж с подобной же просьбой об устройстве на работу, мне пообещали, да так ничего и не сделали.

Короче говоря, первое время мы жили исключительно продажей вещей, причем продавала я почти исключительно свои вещи. Из вещей сына продала лишь кое-какие мелочи, не тронув обстановки, а из комнаты Михаила Михайловича пришлось продать один шкаф-секретер, и то лишь потому, что «покупщики» отказались взять намеченный было ими сервант из вещей сына.

Да еще Мариэтта Шагинян купила бюстик Гете, который принадлежал еще отцу Михаила Михайловича, а затем все время стоял на его письменном столе. Мариэтта Сергеевна заплатила за него 1100 рублей дореформенными деньгами, хотя стоил он, наверное, гораздо меньше, так что это была «скрытая форма помощи» с ее стороны.

Вообще же за все это тяжелое время она несколько раз присылала Михаил Михайловичу переводы — по 200—300 рублей, всего, наверное, на 1100—1500 рублей (старыми деньгами).

Очень много помогали нам Каверины — летом 47 года одолжили мне «под мой фарфор», как я просила, 2 тысячи рублей, затем в течение всех этих трудных лет мне несколько раз приходилось обращаться к ним за помощью, и никогда я не встречала отказа, иногда даже Владимир Александрович Каверин, без всякой просьбы с моей стороны, присылал Михаилу Михайловичу переводом по тысяче рублей.

Один раз, под Новый Год (кажется — 50-й), О. Д. Форш передала Михаилу Михайловичу через Н. Н. Сорокину тысячу рублей. Несколько раз К. А. Федин, узнав от меня о нашем трудном положении, высылал Михаилу Михайловичу по тысяче рублей.

Все это, конечно, очень выручало нас в критические минуты.

Осенью 48 года Михаил Михайлович обменялся квартирами с Кетлинской, по ее предложению, — во-первых потому, что за нашу квартиру (№ 122) в 115 метров приходилось слишком дорого платить — 500 рублей в месяц — во-вторых, как говорил сам Михаил Михайлович, ему было «неловко» в его положении занимать лучшую квартиру в «писательской надстройке».

Ничего мне не было так жаль, как этой квартиры — моей залитой солнцем комнаты, где я в блокаду, во время бомбежек, когда нельзя было выходить на улицу — по радио объявляли: «Населению укрыться», лежа на своей постели у открытого окна, «принимала солнечные ванны» — единственное удовольствие в те суровые дни.

В эту квартиру было вложено, при ее перепланировке в 38 году, которая длилась, помню, чуть ли не полгода, столько денег, столько труда и моих хлопот!

И всего этого пришлось лишиться!

Получили мы скромненькую квартирку во двор, площадью в 56 метров, очень для нас неудобную и, конечно, — без всякой «доплаты»,

лишь за наш собственный линолеум, который был настлан во всей квартире, за 2 камина, которые я перевезла из старой квартиры на ул. Чайковского и с парадной одного старого дома, конечно, уплатив их стоимость, да за некоторые мелочи отделки Кетлинская уплатила нам «по государственной стоимости».

Несколько раз потом, в трудные минуты, Михаил Михайлович посылал меня с письмом к Кетлинской — с просьбой одолжить на короткий срок обычно 200 рублей — на уплату за квартиру. Черновик одного такого письма сохранился в архиве Михаила Михайловича.

Все эти долги я, лишь только Михаил Михайлович получал деньги, сразу же отдавала ей, последние же 200 рублей (уже после смерти Михаила Михайловича) я послала ей переводом, лишь только вышел в свет однотомник Михаила Михайловича в «Советском писателе».

Так же всегда аккуратно рассчитывалась я и с другими долгами — например — Кратту, Саяновой и моим друзьям, несмотря на это, после смерти И. Ф. Кратта его жена в резкой форме отказалась выручить меня на Новый Год — одолжить 100 рублей (старыми деньгами). Тогда, к счастью, выручила нас О. Д. Форш, о чем я уже упоминала.

Конечно, обращаться с подобными просьбами мне было очень тяжело и унижительно, но часто другого выхода не было. Иной раз приходилось закладывать вещи, в чем мне помогала подруга сына по институту, Соня Слизберг.

Михаил Михайлович относился более спокойно к такой помощи — он не раз говорил, что считает, что друзья должны его выручать, когда он попал в такую беду, должны помочь ему работать и стать на ноги, что сам он всегда всем помогал и всех выручал, и ему не стыдно принимать помощь от друзей, тем более что помощь эта — временная, что он надеется рассчитаться со всеми своими долгами.

Увы! ему не удалось это сделать, и кое-кому из его личных друзей — художнице Зенькович, академику Амбарцумяну Михаил Михайлович так и остался должен, и я даже не знаю суммы этих долгов.

Лишь с М. Д. Мухранской²¹, которая тоже выручала его в те тяжелые годы, Михаил Михайлович, после получения гонорара из Госиздата весной 58 года, успел рассчитаться полностью и с лихвой.

Вот в такие-то тяжелые материальные условия был поставлен Михаил Михайлович и его семья на долгие годы.

²¹ *Мухранская* Марина Диодоровна — жена киносценариста Михаила Юльевича Блеймана (1904—1973), жила в том же доме, где и М. Зошенко (канал Грибоедова, 9).

Как же отнеслись к Михаилу Михайловичу и ко мне наши друзья и «братья-писатели»?

Лично своих друзей я не могу ни в чем упрекнуть — их отношение ко мне и Михаилу Михайловичу осталось неизменным.

Особенно хочется еще раз упомянуть Ларису Николаевну Робинсон, в то время работавшую пом. режиссера в Малом оперном театре.

Эта чудесная женщина, в высшей степени культурный, добрый и отзывчивый человек, очень поддержала своим отношением Михаила Михайловича в те трудные дни — она бывала у нас, приглашала нас к себе — даже «на званые вечера» — в 46 году мы с Михаилом Михайловичем были у нее и в день рождения ее сына, Максика, — в день его тридцатилетия — 19 декабря 46 г., и в день ее рождения — 25 декабря 46 года. Помню, все ее гости с большим уважением и вниманием отнеслись к Михаилу Михайловичу и, по предложению актера Полицеймако²², даже пили за ужином за его здоровье.

Из писательской среды, как я уже упоминала, «на высоте» оказались Каверины — и Вениамин Александрович, и Лидия Николаевна. Помимо материальной помощи, они оказали Михаилу Михайловичу и огромную моральную поддержку.

К сожалению, к концу 47 года они перебрались в Москву, но во время своих «наездов» в Ленинград никогда не упускали случая навесить Михаила Михайловича и поговорить с ним «по душам».

Большую помощь оказал Вениамин Александрович Михаилу Михайловичу и в восстановлении его в Союзе, и в предоставлении ему переводческой работы, и даже после смерти Михаила Михайловича Вениамин Александрович не переставал и не перестает заботиться о его «реабилитации», — о восстановлении его «доброего имени» как писателя и человека.

Сразу после разразившегося удара пришел к Михаилу Михайловичу писатель Олесов, который так глубоко уважал Михаила Михайловича и так высоко ценил его, что даже, к великому смущению Михаила Михайловича, «отвесил ему земной поклон» и поцеловал руку.

Приходил также писатель Герман Матвеев, приглашал Михаила Михайловича пожить зиму у него на даче и принять участие в какой-то совместной работе. У Матвеева я даже неоднократно покупала хлебные карточки

²² *Полицеймако* Виталий Павлович (1906—1967) — актер, народный артист СССР. С 1930 г. артист Ленинградского Большого драматического театра им. А. М. Горького.

Ольга Дмитриевна Форш, комната которой находилась за стеной кабинета Михаила Михайловича, просила передать ему:

— «Скажите, что я тут, за стенкой, все время думаю о нем, но я боюсь... боюсь... И потому не прихожу к нему»...

Впоследствии, правда, ее «страх» рассеялся, и она неоднократно приглашала Михаила Михайловича в гости на обеды и даже, как я уже упоминала, под Новый 1950 год прислала ему 1000 рублей.

Такой же страх, очевидно, испытывали и другие товарищи-писатели.

Особенно обижался Михаил Михайлович на отношение к нему М. Л. Слонимского, который, будто бы, при виде Михаила Михайловича, (вскоре после разразившейся грозы) «перешел на другую сторону улицы». Думаю, что тут имела место болезненная мнительность и подозрительность Михаила Михайловича, которой он стал страдать в то время.

Михаил Леонидович Слонимский объяснял мне, что у них с Михаилом Михайловичем «с обоюдного согласия» было решено не встречаться друг с другом первое время, чтобы, как, якобы, сказал Михаил Михайлович, «нам не пришли серапионовского заговора».

И такое объяснение очень похоже на правду, и приведенная М. Л. фраза вполне могла быть произнесена Михаилом Михайловичем — она как раз в «его стиле».

Во всяком случае, несколько лет спустя дружеские отношения между ними возобновились и продолжались до самой смерти Михаила Михайловича, а в последующие годы Михаил Леонидович очень много, больше, чем кто-либо другой, сделал для продвижения в печать книг Михаила Михайловича, особенно большую работу произвел по составлению «одномоника непечатавшихся произведений Михаила Михайловича», вышедшего в «Советском писателе» в 59 году — весь громадный, собранный мною материал, все «новые вещи» Зоценко были им внимательно просмотрены и лучшие отобраны для печати.

Неизменно хорошо относился к Михаилу Михайловичу его «первый ментор» — Корней Иванович Чуковский, даже приславший ему в 55 году — очевидно, в связи с исполнявшимся шестидесятилетием Михаила Михайловича, переводом 500 рублей.

Но в первое время «страх» у писателей был велик, тем более что большинство из них в той или иной мере были задеты «Постановлением».

Только в 49 или 50-м году навестили Михаила Михайловича приехавшие из Москвы Виктор Шкловский и Всеволод Иванов. Несколько раньше, почти сразу после «разгрома», стали приглашать Михаила Михайловича к себе Груздевы, и все последние годы он неизменно

бывал у них раз в неделю — был партнером по игре в преферанс, ко-
т<орым> он увлекался еще с молодости.

Федин, как я уже упоминала, несколько раз оказывал Михаилу Михайловичу материальную поддержку и писал ему дружеские письма, а в 57 году, первого декабря, я хорошо помню этот день, Михаил Михайлович был несказанно обрадован, получив от Константина Александровича его книгу — «Писатель, искусство, время», в одной из статей которой он весьма тепло отзывался о Михаиле Михайловиче как писателе и человеке.

И один лишь Тихонов, из близких Михаилу Михайловичу друзей-«серапионов», Тихонов, который зимой 46 года говорил ему:

— «Ты наш классический писатель», наш «советский Чехов», все, написанное тобой, «останется в веках» — этот Тихонов никогда и ничем не проявил заботы и внимания к Михаилу Михайловичу — видно, слишком крепко был он напуган предъявленными ему в «Постановлении» и в «докладе Жданова» обвинениями в «покровительстве Зощенко и Ахматовой».

И вот, в таких неимоверно-трудных, морально и материально, условиях Михаил Михайлович совершал «свой литературный подвиг» — продолжал работу, работал все эти годы — с 46 по 58 — без отдыха, без передышки — работал — затем, чтобы «реабилитировать» себя в глазах партии и правительства и чтобы иметь средства к жизни для себя и семьи, а главное — не работать он не мог, потому что «его литература» всегда, еще с 1918 года, была для него «самым главным», была целью его жизни, без чего он не мог жить, как не мог дышать.

Уже с января 47 года, едва оправившись от постигшего его удара, тем более страшного, что был он неожиданным и несправедливым, Михаил Михайлович вплотную, как я уже упоминала, принимается за работу над книгой о партизанах.

Но какие огромные трудности и препятствия испытывал Михаил Михайлович в своем стремлении к работе, об этом я писала в своем «неотправленном» письме к Жданову, написанном зимой 48 года, откуда и привожу выписку:

...Михаил Михайлович находится в таком тяжелом, подавленном морально и физически состоянии, что порой я теряю надежду на то, что он сможет когда-нибудь оправиться от постигшего его так неожиданно удара.

...Он всегда был очень больным человеком, и сейчас им овладевает порой прежнее состояние полного упадка, апатии, меланхолии и безволия, усугубляемое крайне плохим состоянием сердца.

Но несмотря на все это, у него есть доброе желание — пересмотреть заново свое творчество и попробовать написать то, что ждет сейчас от писателей партия, то, что нужно сейчас нашему народу.

Однако на пути к осуществлению этого его намерения, помимо его тяжелого душевного и физического состояния и крайне затрудненного материального положения, в котором мы сейчас очутились, стоят еще и другие, почти непреодолимые препятствия: чтобы писать о нашей советской действительности, о «новых советских людях», надо знать эту действительность и этих людей, он же оказался сейчас совершенно оторванным, изолированным от жизни.

Ведь писатели, те самые писатели, которые так восхваляли его до «постановления ЦК», которые дарили ему свои книги с «трогательными» и восторженными автографами, — эти писатели теперь вышвырнули его из своей среды и, за редким исключением, все почти отшатнулись от него.

Поэтому, не состоя в Союзе писателей, он не может ни поехать в творческую командировку, ни связаться с заводами, фабриками, строительствами, воинскими частями, чтобы там увидеть новых людей и новую жизнь, о которых он мог бы написать и которых он не видит, сидя в 4-х стенах своей комнаты, ни получить необходимых для работы материалов из редакций журналов и из Союза писателей.

В своем докладе Вы указали, что задача советской литературы заключается также и в том, чтобы —

— «Смело бичевать и нападать на буржуазную культуру, находящуюся в состоянии маразма и растреления», — и он мог бы ответить на это требование партии, мог бы дать яркую, резкую, уничтожающую сатиру на буржуазное общество, но для такой работы особенно нужны материалы, которых у него нет.

Совершенно ясно, что без помощи партии, без указаний с ее стороны, без дружеской поддержки он вряд ли сможет осуществить свое намерение и своей новой работой вновь заслужить доверие партии.

Больше того — я боюсь, что он просто глупо и ненужно погибнет, что та болезнь, с которой он так боролся всю жизнь, одолеет его. А ведь он мог бы дать еще многое для советской литературы, потому что он действительно и по-настоящему талантлив и еще совсем недавно, в феврале этого года, Н. С. Тихонов называл его «классическим советским писателем», «советским Чеховым», говорил, что «все, написанное им, останется в веках».

Но вот сейчас его порой одолевают и мучат сомнения — а нужен ли еще его талант Родине, или ему лучше отказаться навсегда от мысли вернуться в ряды советских писателей, но тогда — стоит ли вообще жить тогда?

В начале 49 года Михаил Михайлович получает предложение главного редактора журнала «Крокодил» принять участие в работе журнала. Это предложение чрезвычайно обрадовало и обнадежило его, и он с жаром принимается за работу, пишет несколько рассказов — «Воспаление легких», «Слово предоставляется Зайцеву», «Перед судом», стараясь найти новую форму «положительного комического рассказа», что, конечно, было делом крайне трудным, почти невозможным. В этих рассказах исчез весь «блеск» его неповторимого юмора, исчез искрящийся «зощенковский» смех. Возможно, по этой, а может быть, и по другим соображениям эти его рассказы в журнале напечатаны не были, за исключением рассказа «Слово предоставляется Зайцеву», который появился в печати позднее — лишь в 1951 году.

Рассказы были посланы в «Крокодил» с сопроводительным письмом Михаила Михайловича, из которого привожу выдержки:

Мне передал т. Раскин предложение «Крокодила» — принять участие в работе.

Задача оказалась крайне нелегкой — создать положительный жанр в комическом фельетоне.

И главная трудность заключалась в том, что в русской комической литературе нет примеров, на которых можно учиться. Наша комическая литература всегда была обличительной. И все наши журналы (в каких я работал с 21 года) велись в духе «Сатирикона». И отсюда то и возникли многие наши грехи против задач, поставленных перед нашей литературой.

В общем, в нашей комической литературе не было иной традиции. Тем интереснее сломать эту традицию и поискать новых путей.

И в этом направлении я и занялся поисками. Скажу по совести — в тяжком труде провел полтора месяца. Однако нашел некоторые пути и набросал до десятка фельетонов.

И вот посылаю Вам на пробу первые три фельетона...

Итак, «тяжкий труд» Михаила Михайловича не увенчался успехом — рассказы опубликованы не были.

Такая же неудача постигла его и с «злополучной американской комедией» — не поставленная Акимовым, она была разрешена в июне 49 г. к постановке в ленинградском «Новом театре» (режиссер Морщинин), но вскоре же это разрешение было отменено.

Обескураженный всеми этими неудачами, Михаил Михайлович в августе 49 года пишет письмо Фадееву, в то время генеральному секретарю ССП и члену ЦК, с просьбой дать указания — что же ему делать:

Четвертый год я нахожусь без работы и без заработка. Обращаюсь к тебе как к члену ЦК — укажи, как мне поступить, чтоб не быть

лишним человеком в государстве. Все мои искренние желания и многократные попытки включиться в общую работу не дали желательных результатов.

Я прошу у ЦК указания — что я должен делать?

Очевидно, в результате этого письма Михаил Михайлович и был вызван в Москву, к Фадееву, который и дал ему свои указания и правки к его комедии.

Весь 50-й год Михаилу Михайловичу пришлось работать в основном над переводами: он переводит другую повесть М. Лассила — «Воскресший из мертвых», повесть А. Тимонена — «Освещенный берег» и М. Цагараева — «Повесть о колхозном плотнике Саго» (с осетинского).

О предоставлении Михаилу Михайловичу переводнической работы усиленно хлопотал Каверин, который, так же как отец и сын Чуковские, очень высоко оценил перевод М. Лассила «За спичками».

Все последние годы жизни Михаил Михайлович получал через посредство Каверина работу по переводам от Либединского, заведующего отделом иностранной литературы в Москве...

Одновременно с переводами Михаил Михайлович не оставлял и своей «основной», творческой работы.

Он продолжает работу над мюзикомедией, — заново ее переделывает — под новым заглавием — «Шутки в сторону!», придавая ей более острое и современное «политическое звучание» — тем не менее, и в таком виде постановка ее в театре не состоялась.

Из написанных им в 50-м году рассказов некоторые — например «Страшная месть» — были напечатаны в «Крокодиле».

В начале же 50-го года Михаил Михайлович снова, в восьмом варианте, переделывает свою комедию и посылает ее Маленкову с сопроводительным письмом (привожу полностью).

В ЦК ВКП(б)

Секретарю ЦК ВКП(б) т. Г. М. Маленкову

Дорогой Георгий Максимилианович!

После постановления ЦК «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» я приложил все старания и многолетний опыт для того, чтобы выполнить требования, поставленные партией перед советской литературой.

Мне хотелось успешно решить новые задачи и этим несколько загладить мои идеологические ошибки и промахи.

В свое время я писал правильно. Я провожал смехом уходящий мещанский мир, но отнюдь не смеялся над новым советским обществом, которого в двадцатых годах, вообще говоря, и не было — оно

едва начинало возникать на развалинах старого и пошлого быта, со-
зданного веками.

М. Горький не раз говорил и писал мне (в 30—36 гг.), что соци-
альная педагогика моих рассказов ясна и что именно так и надлежа-
ло посмеяться над закоренелыми привычками людей для того, что-
бы крепче утвердилось новое сознание у победившего народа.

Но к концу тридцатых годов, видимо, постарев, а также в силу
некоторой моей (признаюсь) политической малограмотности, я не
увидел жизни в ее историческом развитии, не видел то новое, за что
я боролся, и остался на прежних позициях. Жизнь ушла вперед,
а я, замкнувшись в себе, стал помышлять о темах, ненужных или ма-
лоинтересных народу.

В результате возникли ошибки и промахи.

Постановление ЦК справедливо остерегло меня от ложного пути,
ведущего к разрыву с народом.

За годы 1947—49, учитывая указания партии, я написал — книгу
о партизанах, две комедии, музыкальную комедию и ряд рассказов
и — фельетонов.

Однако все эти работы мои не были реализованы. Всякий раз
я наталкивался на такие препятствия, которые сводили мою литера-
турную работу к бессмысленному занятию.

Например, моя книга о партизанах не была издана, а в журнале
«Новый мир» появилось лишь несколько разрозненных рассказов
даже без сноски, что это отрывок из книги. Тем самым книга потеря-
ла всякий тематический смысл, и читатель получил о ней самое
смутное представление.

По приглашению новой редакции журнала «Крокодил» я долгое
время работал над положительным жанром комического рассказа.
Рассказы мои были приняты, однако они не пошли, и редактор изве-
стил меня, что не от него зависит их напечатать.

Также напрасно работал я над фельетонами для литгазеты и для
театров.

Сложилось впечатление, что дело заключается не в качестве моих
работ, а в принципиальном отношении ко мне, к литератору, исклю-
ченному из союза писателей.

Я пробовал заняться переводами. Перевел с финского две книги.
Одна из них (финского классика М. Лассила) опубликована, другая
принята к печати.

Но и на эту переводную работу у меня нет дальнейших перспек-
тив — издательства продолжают избегать меня, несмотря на распо-
ряжение ССП предоставлять мне работу по переводам.

Я прошу указания ЦК — как мне надлежит поступить? Я искренно хочу отдать мой литературный труд народу (да иного читателя я и не мыслю себе!), но преграды для этого слишком велики.

Осмеливаюсь послать Вам мою комедию, которая была разрешена Комитетом по делам искусств для постановки в ленинградском «Новом театре». Театру не удалось поставить эту комедию, ибо вскоре последовало запрещение.

Теперь, тщательно выправив эту политическую пьесу, я прошу у ЦК позволения напечатать ее.

23 февраля 50 г.

Мих. Зощенко.

Ленинград канал Грибоедова 9 кв. 124 Мих. Мих. Зощенко.

На это письмо, правда спустя значительное время, последовал запрос ЦК в Горком партии в Ленинграде — кто запретил комедию?

Узнав об этом от секретаря ССП Дементьева, Михаил Михайлович пишет по этому поводу письмо Суркову — в то время генеральному секретарю ССП.

В этом письме он отвечает на вопрос ЦК: «Кто запретил комедию?» — что пьеса «была разрешена Комитетом по делам искусств в июне 49 года для постановки в ленинградском Новом театре, но через месяц была запрещена Главреперткомом», и просит Суркова о ее напечатании в том «последнем и, видимо, окончательном, варианте», который у него (Суркова) имеется.

Михаил Михайлович в конце письма пишет:

Мне очень хотелось бы напечатать пьесу, она политического характера, и это мое выступление прекратило бы все вздорные разговоры, которые иной раз ведутся на Западе вокруг моего печально прошумевшего имени.

Покорнейше прошу извинить меня, что отнимаю у Вас время своим делом.

Что касается рассказов для «Огонька», то в самые ближайшие дни я высылаю их на адрес редакции. Рассказы, кажется, мне удались. Но этот жанр сейчас необыкновенно трудный. Оказалось, что маленький челнок нельзя грузить всеми грузами — от этого он тонет. Вот, вероятно, почему у нас мало рассказов.

Возможно, в связи с этими его обращениями в следующем, 52-м году Михаил Михайлович стал получать из «Крокодила» материал для фельетонов с иностранной тематикой и начал работать в этом жанре. Всего им было написано в течение года 18 фельетонов, которые и появились в «Крокодиле» («Затемнение в Сан-Диего», «Джентельменские нравы», «Бархатный занавес», «Вербовать, так с музыкой» и др.).

Пишет он и для «Огонька», но с первым же напечатанным там рассказом — «Домашний тигр», получился инцидент, сильно огорчивший и оскорбивший Михаила Михайловича.

Редакция переслала ему письмо «оскорбленной персональной пенсионерки», которая в недопустимо грубой форме выражала свое возмущение этим рассказом, приняв, по своей глупости, на свой счет ту «усмешку» в адрес «персонального пенсионера», которая была допущена в рассказике.

Михаил Михайлович ответил заведующему отделом сатиры и юмора журнала «Огонек» следующим письмом:

«Уважаемый тов. Секундов!

Я получил Вашу записку с приложением двух читательских писем. Вы просите меня сообщить вам мои соображения.

В первом письме я плохо разобрался. Не понял, о чем идет речь и на чем основано недовольство моим комическим рассказом.

Второе же письмо (весьма оскорбительное по тону и грубости) не содержит, как мне кажется, какой-либо разумной мысли для обвинения. Совершенно неясно, почему автор письма обижен, что в рассказе выведен персональный пенсионер в качестве (якобы) комического персонажа. Это вовсе не так.

Этот пенсионер выглядит в моем рассказе (в худшем случае) как ворчливый человек, но отнюдь не отрицательный. Однако в этой его ворчливости нет ничего обидного. И уж решительно нет никаких оснований подозревать, что автор собирался посмеяться над всеми пенсионерами. Это нелепо и лишено логики. Автор письма, видимо, поверхностно и пристрастно взглянул на мой рассказ.

Конечно, этот персонаж рассказа можно было бы выписать и без ворчливости. Но ведь эта «ворчливость» как раз и говорит о хороших свойствах этого характера — и о том, что человек не удовлетворен и требует от других лучших результатов в работе.

И если этот персонаж выписать только в одном тоне, не придавая каких-либо особенностей и странностей, то ничего не получится. Конфликта не возникнет, да и сам рассказ станет лишь очерком или газетной зарисовкой.

Повторяю, у автора письма нет причин обижаться и тем более нет оснований для такой резкой и возмутительной брани.

Это письмо (и просьба редакции высказаться) говорит мне, к сожалению, о том, что моя литературная позиция и по сие время чрезвычайно уязвима и почти безнадежна.

Я вовсе не становлюсь в позу оскорбленного человека. Дело вовсе не в этом. Речь идет о минимальных возможностях, какие позволили бы мне работать.

Для сборника «Украинских рассказов» Михаил Михайлович дает переводы рассказов Гаврилюка — «Простодушный Папуа», Петро Панча — «Герой дня» и Натана Рыбака — «В Карпатах».

В 52 году он печатает ряд рассказов в «Крокодиле» — «Вербовать, так с музыкой», «Теоретики из торговой палаты», «Почти как в Америке», пишет ряд скетчей, но основной его работой в этом году была работа над книгой — «Что меня больше всего поразило».

Книга должна была состоять из нескольких разделов, в каждый из которых входило по 10 рассказов разных лиц о том, что их больше всего поразило — об «удивительных случаях», встретившихся им в жизни.

Книга должна была носить публицистический характер, нечто вроде «репортажа». («Репортаж с петлей на шее» — как горько-иронически назвал однажды эту свою работу Михаил Михайлович.)

Для этой работы Михаил Михайлович привлек массу материала, много читал, сделал массу вырезок из газет. Он возлагал на нее большие надежды, так как считал, что эта работа будет его ответом на Постановление, что она будет отвечать требованиям времени.

Увы! Надежды его не оправдались.

Во-первых — к концу 52 года было объявлено, что

— «нам Гоголи и Салтыковы-Щедрины нужны» (слова Сталина).

Во-вторых — работа в таком жанре все же была не в плане дарования Михаила Михайловича. Естественно, она должна была разочаровать почитателей его таланта, о чем красноречиво говорит письмо С. Антонова, которому Михаил Михайлович послал 1-ю часть книги для передачи Твардовскому.

Вот что писал Михаилу Михайловичу в письме от 10/12/52 года Антонов, относившийся к нему с большой теплотой и сердечностью и высоко ценивший его талант:

...Куда делась Ваша прежняя прелестная манера иронического повествования, дорогой Михаил Михайлович?

Разве в том дело, что Вы должны изменить свой стиль, свою манеру видеть вещи так, как только Вы это умеете?

По-моему, все дело не в том, КАК Вы писали (а писали Вы здорово!), а в том — о ЧЕМ Вы писали. В каждой Вашей новелле заключается правильное, интересное, нужное зерно. Почему же Вы выплеснули свой неповторимый стиль изложения? Почему мало чувствуется индивидуальность лица, от которого ведется рассказ? Ведь Вы настоящий мастер и лучше многих других можете делать это.

Признаюсь, пишу я Вам с большой робостью, потому что еще мало знаком с Вами и поэтому не знаю, как Вы отнесетесь к моим «наставлениям». Мне хочется только, чтоб Вы знали, что делаю я это

с чувством большой любви к Вам и с чувством обиды за Ваш талант, который Вы, неизвестно почему, сознательно глушите.

...Две последние Ваши новеллы, по-моему, написаны если и не в полную Вашу силу (так и кажется — будто Вас КТО-ТО ДЕРЖИТ ЗА РУКУ, КОГДА ВЫ ПИШЕТЕ), то, во всяком случае, лучше предыдущих. Речь идет о рассказе журналистки и рассказе актера. В них чувствуется Ваша прежняя манера и вместе с тем содержание доброе.

...пишите смелее, не прячьте своей души за безликими фразами, верьте в ПРАВОТУ СВОЮ, так же, как верят в нее Ваши настоящие друзья.

Даже такой умный и чуткий писатель, как Антонов, не понял, что после Постановления писать так, как он писал раньше, Михаил Михайлович не мог.

Во-первых — новое содержание, которого от него потребовали, — положительное содержание — требовало и новой формы. Сочетать «новое содержание» и старый «иронический» стиль было невозможно.

К тому же Михаил Михайлович был слишком травмирован всей грубой бранью, которая была высказана в его адрес — «хулиган», «подонок», «клеветник» — чуть ли не вредитель!

Как же мог он после этого писать в своей «прежней манере»? В «своем стиле»?

Антонов был совершенно прав, когда писал —

так и кажется, будто Вас кто-то держит за руку, когда Вы пишете, — и Михаил Михайлович не раз сам говорил об этом теми же точно словами.

А «держало его за руку» — только «Постановление ЦК» и «Доклад Жданова»!

И писал он в то время свои рассказы, по его словам, которые я уже приводила —

«Будто решал китайскую головоломку!»

Итак, книга, на которую было возложено столько надежд, потрачено столько сил и времени — забракована!

Впоследствии Михаил Михайлович взял из нее несколько новелл и переделал их в рассказы — «Падающие звезды», «23,8» — которые были напечатаны — первый в «Крокодиле», второй — в «Ленинградском альманахе».

В 53 году умирает Сталин.

Летом 53-го года Михаила Михайловича вновь принимают в Союз писателей, причем Саянов дает Михаилу Михайловичу свою «рекомендацию», которой тот, конечно, не воспользовался. (В настоящее

С большой неохотой, буквально через силу, Михаил Михайлович отправился в Дом Писателя, где должна была состояться эта встреча. Вернулся он поздно вечером и сразу же позвал меня к себе. Он лежал, как обычно, на своей постели и казался чем-то озабоченным.

Едва я вошла, он сказал:

— Знаешь, как меня подвела Ахматова. Эти мальчишки спросили меня, как я отнесся к докладу Жданова, на что я, естественно, ответил, что я был не согласен с ним и разъяснил — почему — т. е. — что мои рассказы 20-х годов не могли быть клеветой на советских людей, т<ак> к<ак> в ту пору советское общество только зарождалось, и моя сатира была направлена против дореволюционного мещанства.

Ты понимаешь, не мог же я сказать, что я согласился с тем, что меня называли хулиганом, подонком, клеветником, трусом и чуть ли не вредителем.

Когда я кончил, юнцы устроили мне овацию, бурно аплодировали.

Когда же этот вопрос задали Ахматовой, она кратко ответила:

— А я согласна с Постановлением.

Аплодисментов не последовало, и когда Луговцев (секретарь парт. организации Союза писателей) спросил:

— Почему же вы так дружно приветствовали Зощенко и не приветствовали Ахматову?

— А нас ее ответ не удовлетворил!

Я спросил потом Луговцева, правильно ли я ответил, не сделал ли «накладки», на что тот успокоительно ответил, что, в общем, ответ был правильным, хотя можно было бы сказать несколько иначе, но, в общем, ничего.

Но ведь получилось так, будто я не согласен с Постановлением ЦК, и это очень неприятно.

Видно было, что эта история сильно взволновала и обеспокоила Михаила Михайловича.

Я постаралась его успокоить, сказав:

— Видишь ли, конечно, нужно было ответить несколько по-другому — нужно было сказать, что ты, конечно, полностью согласен с идеологической частью Постановления, с тем, что литература должна быть идейной, что аполитичной, безыдейной литературы не может быть — с этим согласен каждый честный, здравомыслящий человек, — но не согласен с той частью, которая касалась лично тебя — тогда ответ был бы правильным.

Но не беда, не волнуйся — зато ты доказал, что у нас в Советском Союзе — свобода слова и демократия — так что твой ответ на пользу нам, он льет воду на нашу мельницу...

здоровья, но вы сами потянули дело за ниточку, и теперь выслушайте меня без раздражения.

В ГАЗЕТАХ БЫЛО: а) СКРЫЛ б) НЕ СДЕЛАЛ ВЫВОДОВ... Не скрывал, написал Сталину о моем несогласии с критикой моих работ. Не снес головы, а дал указание печатать. В союзе: не согласился ни с бранью, ни с сокрушит<ельной> критикой моих рассказов. И в моем заявлении в ССП.

НА ВЕЧЕРЕ ГДЕ БЫЛИ АНГЛИЙСКИЕ СТУДЕНТЫ,
не было речи о постановлении ЦК. **ВОПРОС ИХ:** «ВАШЕ личное отношение к докладу».

НА ЛЮБОЙ ВОПРОС ГОТОВИЛСЯ ОТВЕТИТЬ ШУТКОЙ,
но в докладе говорилось что я — подонок, хулиган, клеветник, трус и несоветский писатель, который с 20-х годов глумится над советскими людьми.

ПОЭТОМУ Я ОТВЕТИЛ СЕРЬЕЗНО И ТАК, КАК БЫЛО:

Я не согласился с докладом и о моем несогласии написал Сталину. Я не согласился с докладом, потому что 20 и 30 лет назад я писал не о советском обществе, а о мещанах — о порождении прошлой жизни. Я сатирически изображал не советских людей, а мещан, которые были веками созданы укладом прежней жизни.

ПОЧЕМУ НЕПАТРИОТИЧНО?

Что мне надо было ответить в моем положении. АХМАТОВА ответила — согласна.

А может, провокация. Может, нарочно толкали на такой ответ, чтобы посмеяться над советским писателем.

НЕ ХОЧУ ОБЕЛЯТЬ СЕБЯ.

Я допустил тут двойной промах. Не понял, какой яд содержался в этом вопросе. Что означал этот вопрос? «ВАШЕ ЛИЧНОЕ ОТНОШЕНИЕ» — как отнеслись вы к тому, что вас назвали «ПРОХВОСТОМ»?

МОЙ ОТВЕТ ДОМА — ЮНЦАМ

ПОЧЕМУ Я НЕ ПОНЯЛ — АНКЕТА

АНГЛИЙСКИЙ ВОПРОС ПРЕЖДЕ. Бернад ШОУ — форма вопроса влекла к такому же ответу — **ВАШЕ ОТНОШЕНИЕ К ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ.**

Новая английская кухня.

И даже Слонимский с ужасом говорил мне:

— Что Миша наделал, что он наделал! Он сказал, что он не согласен с ЦК, значит — ЦК ошибся, он говорил, что награжден царскими орденами, это ужасно, что он говорил...

На что, помню, я, еле сдержав свое возмущение (я была у них в гостях и со мной был маленький одиннадцатилетний внук), спокойно ответила, что, конечно, Михаил погорячился, что его последний «выкрик» был лишним, но что, конечно, он имел полное право не согласиться с тем, что его называли «подонком, хулиганом, клеветником и трусом», и что «царские ордена» тоже не за трусость давались и он имел полное право упомянуть о них...

И вот опять потянулись дни, месяцы, полные тревоги и ожидания новых бед...

Этот «последний удар» был для Михаила Михайловича роковым — от него он так и не смог оправиться, он и был причиной его преждевременной гибели.

Неизвестно, чем бы кончилась вся эта «история с английскими студентами», — возможно, вторичным исключением из Союза и закрытием всех путей в литературу, если б я, к счастью, не оказалась, «как всегда» — права: в английских газетах появились широковещательные заголовки —

В России свобода слова и демократия. Зоценко не согласился с Постановлением ЦК! Открыто заявил об этом — и т. д.

Итак, ответ Михаила Михайловича английским студентам, действительно, как я и предполагала, оказался нам на пользу!

7 сентября 54 года в «Известиях» появляется статья — «Факты разоблачают клевету», в которой, хотя прямо не говорится об этой истории и имена не называются, однако, сказано следующее:

7 августа <...> в журнале “Нью Стейтсмен энд нейши” член английской студенческой группы, посетившей недавно Советский Союз, — Клаудио Велиз <...> писал, что поездка в Советский Союз развеяла несколько мифов, внушенных ему американской пропагандой...

...Разговоры с советскими людьми развеяли английскому студенту и выдумку о том, что в Советском Союзе не может вестись свободной, непринужденной дискуссии. Наоборот, со всеми встреченными Велизом советскими людьми у него завязывались живые беседы, и все интересовавшие его вопросы исчерпывающе обсуждались.

Таким образом, факты оказались сильнее клеветы, распространяемой по адресу Советского Союза злопыхательской пропагандой...

(подпись — В. Матвеев, собственный корреспондент «Известий»).

Итак, Михаил Михайлович в данном случае «сыграл на руку» Советскому Союзу, поднял наш престиж на Западе, своим смелым и гордым ответом доказал, что у нас действительно существует свобода слова и демократия!

Естественно, что после появления этой статьи все нападки на Михаила Михайловича были прекращены.

Но... злое дело было сделано, и здоровье Михаила Михайловича, в результате всех этих ненужных волнений и переживаний, было попорчено окончательно.

Об этом я писала его товарищам — В. А. Каверину и К. А. Федину, и на декабрь 54 года Михаилу Михайловичу была предоставлена бесплатная путевка в Сочи, в санаторий, где он и провел месяц.

Привожу отрывок его письма ко мне, в котором он пишет о своем пребывании в Сочи и о состоянии своего здоровья:

...В Сочи, конечно, чудесно. Солнце. Зелень. Тепло. Вчера было даже жарко. Солнце такое, как у нас в начале августа.

Сочи я вообще не узнал за 25 лет. Новые отличные дома, мол, пристань. На улицах всюду пальмы. Совершенно южный европейский город.

Санаторий мой великолепен. Комнату мне отвели более чем роскошную — с золотыми бархатными портьерами, с коврами и с балконом на море.

Уход и забота удивительные. Ко мне в особенности. Весь персонал побывал у меня. Но по моему характеру такое внимание не так уж приятно.

Еда отличная — дают, что хочешь, можно заказать любое блюдо. Даже расспрашивают — что хотелось бы съесть.

В общем, здесь отлично. Но со здоровьем печально. Впервые за много лет я позволил себя обследовать. И по встревоженным лицам врачей понял, что дела мои неважны.

Оказалось, что мой порок сердца осложнился «мерцательной аритмией», истощение полное (дистрофия) и, что наиболее всего меня удивило, — слабые легкие. В правом легком катаральное состояние. Доктор сказал, что надо просвечивать, чтоб разобраться. Стал ставить градусник — к вечеру совсем легочная температура — 37,3. Так продолжалось 4 дня. Но сегодня 36,9. Это дает надежду, что процесс небольшой и прервется. Но придется беречься и главное — есть. А с этим делом плохо. Правда (уже с поезда) у меня не было тошноты и отвращения к еде, но заставить себя много есть не могу. Видимо, длительная привычка отучила меня от нормальной еды. Возник тяжелейший невроз, который нарушил все мои жизненные функции

и так подорвал силы, что вряд ли я смогу вернуться к прежнему нормальному состоянию.

Тут вся беда в том, что именно еда была наиболее уязвимым и слабым местом моего психоневроза.

Врачи с ног сбились — не знают, как мне вернуть нормальный аппетит. Одно ясно, что и тут слишком обильная еда приводит меня в смятение. Но все же радуюсь, что аппетит (небольшой) имеется, а ведь полтора года я мучился и ел насильно.

Большую часть дня провожу в постели — слаб и врачи посоветовали мне лежать. Тем более что ходить тут не так-то просто — горы. И даже до моря не дойти. Вернее — не подняться вверх. Надо ждать машину, которая ходит каждый час.

Возможно, что некоторую пользу принесет мне эта поездка в Сочи. Но поправиться за один месяц нельзя. Слишком большие дефекты и разрушения.

Вообще-то жил уже долго и умирать вовсе не страшно. Но вот от чахотки не хотелось бы. Противно.

Буду рассчитывать, что легкие как-нибудь подправлю.

Работать здесь вовсе не могу, да и не насилую себя.

Досидеть до конца не так-то легко, но попробую. В Москву же пока решил не ехать по здоровью.

Оказалось, что за 13 лет я потерял 7 кило. Для меня это чудовищно. Сейчас я хочу вернуть хотя бы 2 кило — этим уйду от дистрофии...

Самым страшным была, конечно, не угроза туберкулеза, которого у него не оказалось — самым страшным были его обострившиеся «психоневрозы», в основном — «страх еды», который, в конце концов, оказался главной причиной его гибели. Психоневрозы же обострились, конечно, в результате тех страшных моральных потрясений, который ему пришлось пережить за годы с 43 до 54...

Ведь они были как бы ответом на то, что все его «страхи» — реальные и что за попытки приблизиться к «ужасным», «запретным» предметам его неизбежно ждет — «удар», «рука», «наказание». Но об его болезни я постараюсь рассказать подробнее в другой раз.

55-й год по-прежнему оставался напряженным и трудным. Несмотря на то что нападки на Михаила Михайловича в газетах больше не повторялись, отношение к нему в Союзе и в издательствах по-прежнему оставалось каким-то недоверчивым, настороженным, а порой даже почти враждебным.

Об этом говорит и сохранившийся в архиве Михаила Михайловича набросок его письма в Союз писателей, в котором он говорит о том, что

деловые отношения с редакциями у меня (как и в 46 году) не завязываются. Журналы и издательства под разными предложениями отклонили мое сотрудничество и даже отказывали мне в малой работе (переводы, правка рукописей) — что я всегда выполнял в должном качестве.

В этом письме Михаил Михайлович также объясняет причины своих, как он говорит, — «неудачных выступлений в Союзе писателей», подчеркивая, что

все указания партии я считаю для себя обязательными. И только в моем личном вопросе я не счел возможным согласиться.

Прошу товарищей учесть, что я был назван в этих документах хулиганом, подонком и чуть ли не вредителем и дезертиром. Смею сказать, что я не сделал в моей жизни ни одного сколько-нибудь предосудительного поступка, за который мне можно было бы дать такие наименования.

Затем — весной 55 года имел место и такой крайне обидный для Михаила Михайловича факт, о котором он мне также рассказывал.

Михаил Михайлович был приглашен в Союз писателей на чествование писательницы Веры Федоровны Пановой по случаю ее пятидесятилетнего юбилея. Приглашен был, очевидно, самой юбиляршей. Надо сказать, что как сама Вера Федоровна, так и ее муж, писатель Д. Я. Дар, относились к Михаилу Михайловичу с большим уважением и симпатией и высоко оценивали его талант и его литературную работу. И вот на юбилее, после тоста за виновницу торжества, Д. Я. Дар предложил тост за Михаила Михайловича, к крайнему смущению последнего.

И не напрасно, так среди «начальства» после этого тоста произошло некоторое замешательство, явно выразившее недовольство по этому поводу.

А после вечера это выступление Дара было поставлено Михаилу Михайловичу на вид, хотя он, конечно, менее всего был в нем повинен, и послужило для него источником новых неприятностей и нападков.

Дело дошло до того, что тяжело переживавший эту историю Д. Я. Дар даже вскоре после «события» пишет Михаилу Михайловичу письмо, которое я и привожу полностью:

Уважаемый Михаил Михайлович!

Приношу Вам свои глубочайшие извинения за те новые неприятности, которые я причинил Вам своим непродуманным тостом на юбилее В. Ф. Пановой.

Я очень виноват и перед Вами, и перед Пановой. Понимаю это и мучаюсь этим.

Уважающий Вас и бесконечно виноватый перед Вами Д. ДАР.

5/5—55 г.

бирался снова — и хотя это обстоятельство и скрывали от Михаила Михайловича, все же непонятная задержка с выходом книги не могла не волновать его. (Вышел сборник из печати лишь в мае 58 года⁴².)

Первого декабря 57 года Михаил Михайлович неожиданно получил из Москвы сообщение о том, что возбуждено ходатайство о назначении ему персональной пенсии, но дело это затянулось до июня 58 года. И это тоже явилось для него источником новых тревог и волнений.

Сохранилась странная отрывочная запись в его записной книжке этого года:

Книга в Госиздате (страх — выходит и не выходит).

Пенсия.

«Новое время». Дезертир.

Федин. Статья (малая)

Заглушают.

Замалчивают.

Статья Федина — очевидно, в книге «Писатель, искусство, время» — показалась ему «малой».

После выхода однотомника в «Советском писателе» он все время ждал появления в газетах рецензий — «реабилитирующих» его... И не дождался. Этим и вызваны слова — «заглушают», «замалчивают»... Последний год жизни он часто с горечью повторял:

Всех реабилитируют, меня одного не могут реабилитировать...

И это было для него самой большой травмой, самым большим огорчением...

А здоровье все ухудшалось и ухудшалось.

Михаил Михайлович стал остро реагировать на малейшие признаки невнимания к себе — например, на запоздание ответов из редакций, обижался он и на Менакера, и на конференсье Гершуни — за заминку с ответами, и на замдиректора издательства «Советский писатель» Онуфриюка, который потребовал от него срочной уплаты долга за не использованную по болезни творческую командировку — Михаил Михайлович даже написал ему в ответ резкое, обиженное письмо.

31 октября 57 года Михаил Михайлович подал заявление в Бюро секции прозы с просьбой освободить его по болезни от обязанностей члена бюро секции.

Зиму 58 года Михаил Михайлович почти не мог работать.

◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆

⁴² Последний прижизненный сборник М. Зошенко под названием «Рассказы и фельетоны» вышел из печати в московском издательстве «Художественная литература» в июне 1958 г.

В мае им был написан последний скетч для Мироновой и Менакера — «Не надо врать», который он слушал по радио в свой последний приезд в Ленинград в начале июля 58 года...

В конце мая его сразила первая болезнь, оправившись от которой он приехал в Сестрорецк, где собирался прожить безвыездно все лето.

В июне он получил, наконец, извещение о назначении ему персональной пенсии, причем страшно волновался, что выход книги в Госиздате (она вышла-таки в мае!) может отразиться на выплате ему пенсии.

Все же назначение пенсии очень обрадовало его — теперь он был уверен в том, что не останется, чего он так боялся все предыдущие страшные годы, — «без куска хлеба».

Но он думал и о работе, начал работать над переводом новой повести А. Полторацкого «В далекие края» — написал несколько первых страниц, думал переделать и подправить пьесу, написанную летом 46 года, — «Пусть неудачник плачет»...

Этим его намерениям не суждено было осуществиться.

В начале июля он, несмотря на все мои уговоры не делать этого, подождать, когда его здоровье полностью восстановится, все же поехал в Ленинград за получением пенсионной книжки и пенсии.

Вернулся он через несколько дней совсем больным...

Через 2 недели его не стало...

Так трагически закончилась его жизнь. И эта его преждевременная смерть (он умер, не дожив 3-х недель до своего шестидесятитрехлетия) была прямым следствием всех обрушившихся на него так несправедливо и нелепо «гонений» — всех «историй» — 43, 46 и 54 годов!

Перед смертью он так ждал обещанного приезда Прокофьева, приезда кого-нибудь из товарищей писателей — и НИКТО не приехал к нему!

И он так и не дождался своей «РЕАБИЛИТАЦИИ», которой он так жаждал!

Этой реабилитации нет и до сих пор — постановление ЦК не отменено и с его имени не смыты позорные, грубые и такие несправедливые, все сплошь ошибочные обвинения!⁴³

⁴³ Официально, на уровне высшего партийного органа, решение Политбюро ЦК КПСС об отмене прежнего постановления «О журналах «Звезда» и «Ленинград»» состоялось лишь в 1988 г., когда уже ни Зощенко, ни Веры Владимировны не было в живых.

КОММЕНТАРИИ

УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ

(с. 33)

Комедия написана в 1929 году. Сюжетно связана с рассказом М. Зощенко «Бурлацкая натура» (Ревизор. 1929. № 38). Впервые пьеса опубликована в журнале «30 дней» (1930. № 9), годом позже — в 6-м томе собрания сочинений М. Зощенко. Переиздана в книге: *Михаил Зощенко. 1935—1937. Рассказы, повести, фельетоны, театр, критика.* Л., 1937. Публикуется по тексту прижизненного собрания сочинений М. Зощенко (Л.; М., 1931. Т. 6).

Некоторые современники положительно оценили первый драматургический опыт М. Зощенко. И. Груздев 6 февраля 1930 года писал М. Горькому в Сорренто: «“Уважаемый товарищ” — пьеса большого мастерства и юмора» (Архив А. М. Горького. М., 1966. Т. 11. С. 215). Интерес к ней проявили и театры. Журнал «Рабочий и искусство» (1930. № 7. С. 7) сообщал о принятии пьесы к постановке московским Театром имени Вс. Мейерхольда. Однако по ряду причин комедия не появилась на его сцене (см. вступительную статью к настоящему сборнику).

Премьера комедии состоялась 17 мая 1930 года в ленинградском Театре сатиры (режиссеры Э. П. Гарин и Х. А. Локшина, в главной роли Барбарисова — Л. О. Утесов). Позднее Утесов вспоминал о своей работе над этой ролью: «Более интересной для меня была роль Барбарисова в комедии М. Зощенко “Уважаемый товарищ”. <...> Она начинается прологом — вступительным словом персонажа, изображающего директора театра. В характерной для Зощенко манере речи директор излагает содержание комедии: “Это грустная, жалкая и веселая история о том, как одного липового партийца вычистили из партии по бытовому разложению”. Через две недели разносится слух, будто его восстановили. Барбарисов (это и есть “уважаемый товарищ”) действительно не был ни в чем плохом замечен, но после исключения быстро “раскрыл свое гнилое нутро”. <...> Грубость в семейной жизни, невежество, жалкое “веселье” в пивной, путаная многословная речь

героя, чье общественное лицо не соответствует его положению — все это давало достаточно материала для создания карикатурно преувеличенного комедийного образа.

Играя Барбарисова, я хотел быть не только смешным, но и разоблачающим. Я стремился показать его так, чтобы легче было его узнать и осудить в повседневной жизни» (*Утесов Леонид*. С песней по жизни / Под ред. Ю. Дмитриева. М., 1961. С. 118–119).

По мнению В. В. Зощенко, побывавшей на премьере, «на сцене пьеса казалась несколько растянутой и особого успеха не имела» (*Зощенко В. В.* Литературный путь М. Зощенко Ч. 2 // РО ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 2. Ед. хр. 92. С. 17. Машинопись).

Рецензии на спектакль вышли в «Красной газете» (1930. 24 мая. Веч. выпуск — Н. Верховский; 25 мая. Утр. выпуск — Л. Тасин), в «Ленинградской правде» (1930. 2 июня — С. Цимбал), в журнале «Рабочий и театр» (1930. № 30 — А. Гвоздев). В большинстве из них предъявлялись претензии не только к режиссуре и исполнителю главной роли, но и к автору. Н. Верховский писал, что «это даже не пьеса, а... инсценированный рассказ, из которого видно, что писатель Зощенко не стал еще драматургом». Ему вторил Л. Тасин: «Никакими сценическими достоинствами “Уважаемый товарищ” не блещет». Как «неудачное» оценил выступление писателя в качестве драматурга С. Цимбал: «“Уважаемый товарищ”, словесно однообразный, сюжетно — малоостроумный театральный вариант обычного зощенковского фельетона». Автору ставили в пример Н. Эрдмана («Мандат») и В. Маяковского («Клоп»), которые «шли по более верному пути преувеличенного, гротескного показа действительности и раскрытия ее средствами агитационного плаката» (А. Гвоздев).

Принимая упреки в сценической неопытности, М. Зощенко, однако, вряд ли мог согласиться с попытками навязать ему «преувеличенно-гротескную», «агитационно-плакатную» манеру других авторов. Ему, как драматическому писателю, были ближе приемы и традиции бытовой реалистической комедии.

Журнал «Печать и революция» в разделе «Хроника» откликнулся на премьеру короткой, но однозначно отрицательной рецензией: «Первая драматургическая проба М. Зощенко “Уважаемый товарищ” (идущая в Ленинградском театре сатиры) оказалась неудачной. Помимо основного недостатка ее — запоздавшая мелкая тема — пьеса эта грешит настолько серьезными драматургическими ляпсусами, что даже популярное имя ее автора не спасло ее от полного провала. “Уважаемый товарищ” — пьеса исключительно разговорная, весь комизм которой сосредоточивается на отдельных смешных словечках. Создать из такого материала интересный спектакль оказалось непосильной задачей для режиссуры (Гарин и Локшина), а потому очередная премьера Театра сатиры... оказалась очередной неудачей, за-

вершившей цепь неудач Театра сатиры в этом сезоне» (Печать и революция. 1930. № 5—6. С. 128).

Подробнее о театральной судьбе этой комедии см.: История одной пьесы: Из воспоминаний В. В. Зощенко / Предисл. и подгот. текста Г. В. Филиппова, коммент. В. П. Муромского // Русская литература. 1998. № 4. С. 185—196. См. также: «Я иду на разрыв не от счастливых обстоятельств»: К истории несостоявшейся постановки комедии М. М. Зощенко «Уважаемый товарищ» (в Театре имени Вс. Мейерхольда) / Публ., вступит. статья и коммент. М. Котовой // НЛО. 2007. № 85. С. 3—25.

В 1985 году спектакль по пьесе М. Зощенко «Уважаемый товарищ» был возобновлен в Московском драматическом театре имени Н. В. Гоголя. В конце 1980-х годов комедия «Уважаемый товарищ» переиздана в книге: *Михаил Зощенко. Избранное* / Сост. Ю. В. Томашевский. М., 1989.

С. 37. *...пойди рыло помой перед гисткой.* — Чистками назывались практиковавшиеся в 1920—1930-х годах проверки состава партийных и общественных организаций с целью освобождения их от нарушителей норм советской идеологии и морали. Для проведения чисток создавались специальные комиссии. Чистки нередко использовались для расправы с политическими противниками.

Уполномоченный коммунальной квартиры — управдом.

С. 39. *Или там в кооперацию побегут.* — Имеется в виду сеть кооперативных магазинов.

С. 40. *Я с нэпом не дружу.* — Нэп — новая экономическая политика, введенная по инициативе В. И. Ленина в 1921 году для преодоления в стране послевоенной (после Гражданской войны) разрухи, восстановления экономики, оживления частной инициативы и торговли.

С. 49. *Какая Спиноза нашлась...* — Спиноза Бенедикт (Барух; 1632—1677) — нидерландский философ-материалист, пантеист и атеист. Здесь имя философа (в женском роде) использовано автором для сатирической характеристики языка Барбарисова.

ОПАСНЫЕ СВЯЗИ

(с. 69)

Пьеса создана в 1939 году. Ранее вышел одноименный рассказ М. Зощенко (1936), сюжетно не связанный с будущей комедией. Фрагмент комедии был напечатан в «Ленинградской правде» (1939. 6 апреля). Впервые полностью она была опубликована в журнале «Звезда» (1940. № 2). В том же году включена автором в состав сборника: *Михаил Зощенко. 1937—1939. Рассказы, повести, театр, фельетоны.* Л., 1940. С тех пор не переиздавалась. Публикуется по тексту последнего прижизненного издания пьесы в вышеназванном сборнике.

Основная тема «Опасных связей» — сознание и психология человека в новом и непривычном для него социуме. Вскоре после написания пьесы М. Зощенко так формулировал ее «мораль»: «Никакие ухищрения не помогут внести в социалистическое общество отвратительные навыки прошлого — эта зараза не прививается. Конечно, сама пьеса построена не на морализировании и, судя по реакции слушателей, которым я ее читал, принимается весело и легко» (*Танк Евг.* Разговор с Михаилом Зощенко // *Реф.* 1939. № 19–20. С. 3 обложки).

Постановка пьесы намечалась в Малом театре (Москва), но на его подмостках и вообще на какой-либо театральной сцене не появилась. Поначалу заведующий литературной частью Малого театра И. Ф. Попов писал Зощенко: «Я прочитал Вашу пьесу “Опасные связи” уже несколько дней тому назад. <...> И все-таки испытанное наслаждение все живет во мне. И трудно без волнения сейчас писать Вам.

Мне кажется, что в Вашей пьесе уже есть то, что делает ее комедией высокой, комедией непреходящего значения. Сечинский и Безнососов — это обобщения большой собирательной силы. Язык комедии несравненный по меткости и выразительности. По моему личному мнению, театр, вместе с Вами, должен сделать все усилия, чтобы довести Ваше произведение до сцены. Ваша вещь открывает возможности для создания спектакля в лучших традициях Гоголевской комедии. <...>».

Через четыре месяца после первого письма, написанного 22 апреля 1939 года, И. Ф. Попов пишет уже не так уверенно: «Число друзей Вашей комедии у нас в театре возросло. Вы спросите, когда же окончательно будет решение? Долговато затянулось, скажете. Верно, долговато. Но ведь Ваша пьеса необычайна... Все оттого, что Ваша пьеса по-настоящему оригинальна. Это — смелая пьеса. Около нее неизбежна борьба мнений. Ее постановка неизбежно многим будет казаться риском. Я лично остаюсь верен убеждению, что Ваша комедия глубокая, серьезная, проникнутая истинным юмором, что ее сатирическое жало очень острое. Но и среди друзей Вашей пьесы есть колебания...» (цит. по: *Зощенко В. В.* История нападок на Зощенко // *РО ИРЛИ.* Ф. 501. Оп. 2. Ед. хр. 103. С. 3–4. Машинопись).

Печатные отзывы о комедии были противоречивы и даже полярны. В. Бакинский писал: «Перед нами — драматургически слаженное произведение, в котором действие развивается органично, интрига остра, характеры главных героев очерчены резко (*Бакинский В.* Комедия М. Зощенко «Опасные связи» // *Ленинград.* 1940. № 13–14. С. 29). Сходного взгляда придерживался и обозреватель журнала «Литературный современник», утверждавший, что один из главных персонажей комедии Безнососов обрисован автором «с настоящей сатирической злостью». Пьеса даже ставилась в пример другим авторам как удачное изобличение ограниченности и невежества, прикрываемых шаблонной, но «правильной», с политической точ-

ки зрения, фразеологией. «У нас появляются еще романы, — писал обозреватель, — по страницам которых разгуливают герои, рассуждающие подобно Ивану Петровичу Безносову. К сожалению, однако, авторы этих романов относятся к своим героям не иронически, а принимают их совершенно всерьез» (*Обозреватель*. По готовому шаблону // Литературный современник. 1940. № 8—9. С. 232).

Вполне доброжелательным и вместе с тем требовательным отношением к пьесе «Опасные связи» отличалась статья Е. Мейеровича «Заметки о комическом». «Многое в этой новой комедии, — по мнению автора статьи, — по-настоящему смешно, многое метко и наблюдательно, многое сатирически остро. Однако, когда знакомишься с этой комедией, создается такое ощущение, что автор ее был как-то не вполне уверен и в своих правах сатирика, и в способности читателя (зрителя) разобраться, что к чему в комедии. Как бы боясь, что читатель не поймет, что Сечинский — человек капиталистической морали, Зощенко заставляет племянницу его Капочку <...> произнести такую сентенцию: “Вот когда я думаю о капитализме — что это такое — вот именно я тебя представляю... У тебя только расчет, выгода, соображения...”» (Театр. 1939. № 5. С. 35). Для автора статьи М. Зощенко оставался объектом больших ожиданий в области сатирической комедии, но не оправдавшим пока этих ожиданий.

С совершенно других позиций оценивал пьесу И. Стариков: «Талантливый М. Зощенко написал пошлую комедию, все персонажи которой либо кретины, либо преступники. Исключение — центральный “герой” Базиль Сечинский. Он хоть и ловкий авантюрист и пройдоха, но зато умен» (*Стариков И.* Просчет Базиля // Театр. 1940. № 11. С. 87). Называя героя пьесы «модернизированным Остапом Бендером», рецензент обвинил автора в том, что он «любовно отдал все свои краски Сечинскому», а не тем, «кто мог бы бороться против Сечинского». Рецензия заканчивалась выводом-приговором: «...не будут жить такие плохие, идейно чуждые нам пьесы, как “Опасные связи”» (Там же. С. 89).

Эти слова вскоре подтвердились. В редакционной статье «За идейную большевистскую принципиальность» (*Литературное обозрение*. 1940. № 18) комедия М. Зощенко, наряду с пьесой «Метель» Л. Леонова и киносценарием «Закон жизни» А. Авдеенко, была подвергнута резкой критике как «политически вредная и клеветническая». Аналогичную оценку получила пьеса М. Зощенко и в передовой статье «Идейное воспитание советских писателей» (*Литературная газета*. 1940. 22 сентября). Стало ясно, что в подобной ситуации пьеса не могла появиться на театральной сцене.

Тогда же был опубликован и прямой упрек в адрес ленинградской литературной организации и особенно Комиссии по драматургии театра и кино, которые «не предостерегли замечательного писателя Михаила Зощенко от такого серьезного срыва, каким явилась его последняя пьеса “Опасные

связи»» (*Рест Б., Варшавский С.* Письмо из Ленинграда // Литературная газета. 1940. 29 сентября. С. 2). Это послужило толчком к последующему (явно запоздалому) обсуждению пьесы в Ленинградском отделении Союза писателей, состоявшемуся зимой 1941 года. Выступая на этом обсуждении, М. Зощенко признавал, что положительные персонажи (Капочка, Сережа) ему не удалось. В то же время он был решительно не согласен с мнением участников обсуждения (С. С. Мокульского, О. В. Цехновицера и др.), что комедия является идейно вредной и нежизненной. Образ Сечинского, злодейская, провокаторская натура которого вызвала наибольшие недоумения и нападки в критике, М. Зощенко связывал с троцкистским процессом 1930-х годов, где такой тип человека, «в руках которого яд и бомба», был представлен «в избытке». «Это наиболее сложный и засекреченный враг», — утверждал автор пьесы (Выступление М. М. Зощенко на обсуждении его пьес «Опасные связи» в Ленинградском отделении Союза писателей СССР, 1941 / Публ. В. П. Муромского // Русская литература. 2012. № 4. С. 213). В ходе обсуждения М. Зощенко пытался защитить свою комедию, но безуспешно: навязанный ему «неравный бой» оказался не в его пользу.

Примечательно, что пьеса «Опасные связи», как и предшествующая ей комедия «Уважаемый товарищ», послужила поводом для того, чтобы через много лет снова противопоставить драматургии М. Зощенко сатирическую традицию В. Маяковского. Причем на этот раз М. Зощенко безосновательно обвинялся в сознательном стремлении «противостоять боевой традиции его (Маяковского. — В. М.) драматургии». Автор этих строк Б. Росточкий писал: «Выведа в “Опасных связях” в качестве центрального действующего лица темного дельца Базиля Сечинского, Зощенко наделил этого проходимца столь незаурядным умом и энергией, что этот носитель гнилой буржуазной морали, открыто проповедуемой им, оказался героем уже не только в узколитературном смысле слова. <...> Окружив своего Базиля компанией ограниченных обывателей, отличающихся от него самого лишь своей явной умственной неполноценностью, Зощенко солидаризировался со своим героем, по существу, утверждая “незыблемость” мещанско-буржуазных норм, восхваляя их стойкость» (*Росточкий Б.* Маяковский и театр. М., 1952. С. 313, 314).

С. 72. Ну, а Парижская выставка?.. — Вероятно, Всемирная выставка в Париже 1937 года.

С. 73. Думали, Кондратий Иванович меня схватил? — Здесь в значении «хватила (ударил) кондрашка».

С. 74. Не пяльте буркалы. — Просторечное выражение, подразумевающее упорный, назойливый, раздражающий взгляд.

С. 76. *Но вот восьмой год ~ земля уходит у меня из-под ног.* — Действие пьесы происходит в 1937 году, из чего следует, что Сечинский ведет отсчет с 1929 года, когда окончательно была свернута либеральная политика нэпа и поправа любезная его сердцу «частная инициатива».

С. 77. *«На земле весь род людской...»* — слова арии Мефистофеля из оперы Шарля Гуно «Фауст».

Или опять вас Япония нервирует? — Намек на агрессивные устремления Японии, подтвердившиеся вскоре военными событиями в районе озера Хасан (1938) и реки Халхин-Гол (1939).

С. 79. Жорж Занд (Санд; 1804—1876) — псевдоним французской писательницы, настоящее имя Аврора Дюпен (по мужу — Дюдеван).

С. 82. *Как я — papa Пий XX...* — Сравнение с несуществующим римским папой Пием XX, подчеркивающее нелепость слов Матильды о «родственниках».

С. 83. *Дрянные акции, купленные «на онколь»...* — Акции, обязывающие их владельца уплатить взятую по чекам сумму по первому требованию банка (англ. on call — по требованию).

С. 84. *Английский полковник Лоуренс ~ один делал перевороты в странах...* — Лоуренс Томас Эдуард (1888—1935) — профессиональный разведчик, работавший в Сирии, Палестине, Аравии, Египте, Пакистане. Автор идеи создания «первого цветного доминиона» в составе Британской империи.

С. 108. *...nobless облич...* — положение обязывает (фр. noblesse oblige).

С. 109. *...такой сказочный тип, как Гарун аль Рашид...* — Гарун аль Рашид (766—809) — халиф из династии Аббасидов, один из героев сказок «Тысячи и одной ночи».

С. 111. *...гости пущай пока в ляун-теннис сыграют...* — Лаун-теннис (англ. lawn-tennis) — устарелое название тенниса.

С. 120. *...Матильда, еще все впереди!..* — В журнальном варианте текста пьесы финальная реплика Сечинского выглядит несколько иначе: «Матильда, мы еще поживем!» (Звезда. 1940. № 2. С. 85).

ПАРУСИНОВЫЙ ПОРТФЕЛЬ

(с. 121)

Наиболее популярная и единственная пьеса М. Зощенко, имевшая сравнительно продолжительную сценическую жизнь. Ранее под тем же заглавием появился в печати рассказ М. Зощенко (Крокодил. 1937. № 10). При этом идея пьесы, по словам В. В. Зощенко, «в корне отличается от идеи рассказа» (Зощенко В. В. Литературный путь Зощенко. Ч. 2. С. 20).

В литературе о Зощенко нет единства относительно конкретной даты создания комедии «Парусиновый портфель». Л. Ершов и А. Старков дати-

руют ее написание 1939-м годом, Дм. Молдавский — 1938-м, Ю. Томашевский — 1941-м (до начала войны). В письме к М. Б. Храпченко 12 ноября 1944 года Зоценко сообщал: «За несколько дней до войны мною был написан первый вариант комедии «Облака» (ныне «Парусиновый портфель»)» (Деятели русского искусства и М. Б. Храпченко. 1939—1948. Свод писем / Изд. подгот. В. В. Перхин. М., 2007. С. 145). Упомянутые расхождения в датах появления комедии, по всей вероятности, объясняются тем, что она создавалась на протяжении многих лет, автор неоднократно возвращался к ней и дорабатывал ее. Не случайно в предисловии к одному из сборников своей прозы он обозначил время написания данной пьесы 1941—1944 гг. (см. предисловие «От автора» в сборнике: *Михаил Зоценко*. Фельетоны, рассказы, повести. 1940—1945. Л.: Лениздат, 1946).

Впервые комедия вышла в свет в вузаповском издании (М., 1956), что было воспринято тогда как некое ослабление опалы Зоценко. Затем, уже после смерти автора, пьеса была опубликована в книге: *Михаил Зоценко*. Рассказы, фельетоны, комедии. Неизданные произведения. М.; Л., 1962. Текст пьесы печатается по этому изданию, сверенному с машинописным экземпляром комедии, хранящимся в архиве Ленинградского драматического театра имени В. Ф. Комиссаржевской (бывшего Блокадного театра), на сцене которого она была поставлена впервые. Премьера состоялась 11 июня 1945 года (постановка В. П. Кожича). В «Хронологической канве жизни и творчества М. М. Зоценко» указана иная дата премьеры — апрель 1946 года (Лицо и маска Михаила Зоценко / Сост. и публ. Ю. В. Томашевского. М., 1994. С. 361). Она, на наш взгляд, неточна хотя бы потому, что отдельные печатные отзывы о спектакле «Парусиновый портфель» появились еще до апреля 1946 года. Факт постановки пьесы в Блокадном театре именно в 1945 году отмечает и В. В. Зоценко в своей статье «История нападков на Зоценко» (С. 16).

По итогам театрального сезона в Ленинграде спектакль «Парусиновый портфель» был назван на страницах «Ленинградской правды» в числе лучших. Б. Загурский писал: «Автор М. Зоценко раскрывает совершенно серьезную, почерпнутую из жизни тему, и это великолепно доходит до зрителя, несмотря на непрерывный смех, которым сопровождается каждая реплика. Но здесь в основном большая заслуга автора, чем актеров и режиссера, поэтому хочется отметить качество пьесы, выгодно отличающее ее от многих примитивных современных драматургических произведений. Она сложна по своему построению, приковывает внимание непрерывностью комедийного действия, остроумием положений и обнаруживает незаурядное знание сцена» (*Загурский Б.* Несколько замечаний о лучших спектаклях // Ленинградская правда. 1946. 1 марта. С. 3).

В материалах смотра лучших спектаклей, изданных Управлением по делам искусств при исполкоме Ленгорсовета, сообщалось: «Перед зрите-

лем проходит вереница добродушных, карикатурно-острых и типических силуэтов, жанровых фигур... В этом спектакле целое менее значительно, чем интересные сатирические частности, но эти последние так хороши и их так много, что смотрится “Парусиновый портфель” с неослабевающим вниманием».

По свидетельству современника, «всякий раз, когда шел спектакль, зал был переполнен. Зошенко, кажется, впервые испытал славу драматурга» (*Мингковский Арк.* Таким он мне помнится // *Воспоминания о Михаиле Зошенко.* СПб., 1995. С. 400). В автобиографии от 5 июля 1953 года Зошенко писал, что комедия «Парусиновый портфель» в Ленинградском драматическом театре «выдержала 200 представлений за 45–46 год» (Лицо и маска Михаила Зошенко. С. 15).

Однако после августовских партийных постановлений 1946 года по вопросам литературы и искусства характер и тональность оценок театральных работ М. Зошенко резко изменились. Комедия «Парусиновый портфель» была заклеена официальной критикой как «пошлая, типично ремесленническая, абсолютно безыдейная пьеса», построенная «на вздорном, неправдоподобном происшествии» (*Борисов Б.* Театр фальшивых пьес // *Советское искусство.* 1946. 23 августа. С. 4).

В том же духе была выдержана статья Р. Мессер: «В “Парусиновом портфеле” все герои представляют некое собрание монстров, людей, способных лишь на мелкие подлости, вранье, измены. И главное, все они — непроходимые идиоты. Преднамеренно идиотской является сама сюжетная завязка пьесы, построенная на том, что серьезный деловой человек поверил в необходимость пойти с секретаршей в театр, чтоб поправить пошатнувшееся здоровье. Вся цепь “комических” положений, выросшая из этого “допущения”, поражает и возмущает демонстрацией выдуманного карикатурного мира, вызванного к жизни злопыхательствующей фантазией» (*Мессер Р.* О пошлости и безыдейности в драматургии // *Ленинградская правда.* 1946. 12 сентября. С. 2).

Газета «Вечерний Ленинград» в редакционной статье осуждала автора пьесы за «странный, уродливый, насквозь фальшивый мир, который изображен в этом “сочинении”. <...> Пренебрежительно относясь к нашим людям, он (Зошенко. — В. М.) не склонен замечать ничего нового, благородного, что так широко расцветает в советской стране» (*Клевета и пошлость* // *Вечерний Ленинград.* 1946. 31 августа. С. 3).

Возвращение «Парусинового портфеля» на сцену произошло лишь после двадцатилетнего перерыва в Московском драматическом театре имени А. С. Пушкина (1965, режиссер О. Ремез). Рецензент спектакля писал: «Как показала недавняя постановка “Парусинового портфеля” в театре имени А. С. Пушкина, комедии Зошенко могут вызывать интерес (даже больше — иметь успех) и сегодня... Зритель хочет видеть, читать, слушать Зошенко»

(Шантаренков Н. Сегодня — Зошенко // Театр. 1966. № 4. С. 64). Спектакль побудил автора рецензии обратить внимание на одну из существенных сторон таланта писателя: «Зошенко уличал не только явно порочных типов, прижившихся в нашем обществе, а смотрел глубоко внутрь человека. Он видел, что этот уровень часто очень невысок, что человек нередко за демагогией выступлений, за “правильными” поступками прячет убогое, стандартное мышление. Эта сторона личности человека волновала писателя не меньше, чем нравственная. Глупость, невежество не учитываются анкетой, но именно они порождают многие пороки, наносящие урон обществу» (Там же).

В 1970—1980-х годах комедия «Парусиновый портфель» многократно публиковалась в сборниках избранных сочинений М. Зошенко, вышедших в Москве, Ленинграде, Минске, Владивостоке, Якутске, Кишиневе и других городах.

С. 126. ...мы с ним в «рамс» играем... — Рамс — разновидность азартной карточной игры.

С. 129. Зоя. Что за тон? — В машинописном тексте пьесы (архив Театра имени В. Ф. Комиссаржевской) эта реплика представлена в более развернутом виде: Зоя. Вы опять? Я прошу вас, не надо. И этот тон...

С. 132. Мейн гроссмуттер... — моя бабушка (нем.).

С. 138. В реплике Баркасова «Кто? Что не задержит?» слово «задержит» в упомянутом тексте из архива заменено более подходящим по контексту словом «выдержит».

С. 146. Вопрос Зои, обращенный к Ядову: «И кому принесете пользу или радость?», в тексте из архива несколько изменен: «И кому хотите принести пользу или радость?»

С. 152. Контролер. Нет, граждане, он не забыл портфель, а переменил. — В тексте из архива слово «переменил» заменено на «перепутал».

С. 156. Анята. Культурные люди не позволяют себе ничего лишнего сказать. — В тексте из архива слово «сказать» заменено на слово «замечать», которое соотносится по смыслу с предыдущей репликой Абрамоткина: «Тихо зайдешь — ничего не заметишь».

С. 167. ...Нелькин берет ландо. И мы с ним едем... — Ландо (фр. landau) — четырехместная карета с раскрывающимся верхом.

С. 175. Слова Зои «Это невыносимо» в тексте из архива дополнены еще одним: «Это, наконец, невыносимо».

ПОД ЛИПАМИ БЕРЛИНА

(с. 181)

Пьеса написана в 1941 году в соавторстве с Е. Л. Шварцем по заказу главного режиссера Ленинградского театра комедии Н. П. Акимова. При-

жизненное издание отсутствует. Как утверждает один из современных исследователей, «целостный текст пьесы не сохранился. По рабочему варианту экземпляра Акимова исследователь творчества Шварца Андрей Богданов в 1974 году воссоздал остов пьесы, этот вариант хранится в РГАЛИ в Фонде Евгения Шварца и в 1987 году опубликован журналом “Театр» (Исаева Е. И. Евгений Шварц и Михаил Зощенко: к истории творческих контактов // XX век: Альманах. Вып. 4. СПб., 2012. С. 15). В настоящем сборнике текст пьесы воспроизводится по указанному изданию: Театр. 1987. № 5. С. 175–189 / Публ. А. А. Богданова.

В. В. Зощенко свидетельствует: «Сразу после начала войны Михаил Михайлович пишет ряд антифашистских фельетонов, в которых едко и зло высмеивает “фюрера” и его “сообщников” (“Скандал в благородном семействе”, “Своя рука владыка”) и возмущается их “философией мракобесов” (“Чингисхан с самолетом”, “Фашисты учатся»)» (Зощенко В. В. Литературный путь М. Зощенко. Ч. 2 // РО ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 2. Ед. хр. 92. С. 39. Машинопись). Театральный памфлет «Под липами Берлина» был создан М. Зощенко и Е. Шварцем за полтора месяца (конец июня – июль) в качестве оперативного сатирического отклика на фашистскую агрессию против Советского Союза. «Оба драматурга восприняли этот заказ как свой патристический долг. Отдельные сцены, сочиняемые порознь каждым из них по сообщая придуманному плану, тотчас репетировались труппой, не дожидаясь окончания всей пьесы» (Рубен Бернгард. Алиби Михаила Зощенко: Повествование с документами. М., 2001. С. 15). Некоторые подробности совместной творческой работы М. Зощенко и Е. Шварца (в частности, разделение сцен между соавторами, связь пьесы с другими их произведениями тех лет) отражены в книге Е. М. Биневица «Евгений Шварц. Хроника жизни» (СПб., 2008. С. 340–341).

Написанная в гротесковой форме, пьеса явилась «первым с начала войны крупным по жанру произведением литературы, обращенным к фигуре Гитлера» (О пьесе «Под липами Берлина» // Театр. 1987. № 5. С. 191). Премьера ее состоялась в Ленинградском театре комедии 12 августа 1941 года в постановке Н. П. Акимова. Однако спектакль не сыграл той агитирующей и мобилизующей роли, на которую рассчитывали авторы и режиссер. «Огонь антифашистской сатиры оказался скудным и не попадающим в цель» (Ленинградские театры в годы Великой Отечественной войны: Сб. статей / Под ред. Т. Я. Карской. Л.: М., 1948. С. 182). Тональность спектакля – балаганно-комическое изображение Гитлера и его окружения – пришла в противоречие с реально надвинувшейся трагедией: «В обстановке постоянных налетов немецкой авиации, в надвигавшейся угрозе полного окружения и блокады города легковесная насмешка над фашистскими главарями звучала неуместно, оборачивалась самопародией» (Рубен Бернгард. Алиби Михаила Зощенко. С. 16). По свидетельству В. В. Зощенко, в связи

с созданием и выходом на сцену пьесы «Под липами Берлина» «сестра Михаила Михайловича, Валентина, с ужасом укоряла его: “Что ты сделал, Миша? Немцы не сегодня-завтра возьмут Ленинград и нас всех повесят!”» (Зощенко В. В. История нападков на Зощенко. С. 20).

Реальная угроза, нависшая над городом, не могла не отразиться на восприятии спектакля. Тягостное молчание зрителей, которым было явно не до смеха (характерна пометка Н. П. Акимова на одном из черновых листов пьесы: «Третий раз смотрят без реакций» (Театр. 1987. № 5. С. 190)) вынудила театр после нескольких представлений снять пьесу с репертуара.

Позднее Е. Шварц, объясняя причину этой неудачи, писал: «Шел 41-й год, а в пьесе довольно похоже описывались события 45-го. Паника в Берлине и прочее — кто же тогда мог поверить, что это возможно» (*Шварц Евгений*. Живу беспокойно...: Из дневников. Л., 1990. С. 652). Тем самым он косвенно признавал, что авторы пьесы вдохновлялись отчасти еще довоенными иллюзиями, верой в быструю победу над врагом, что и предопределило общую тональность пьесы, ее несовпадение с реальными переживаниями и эмоциями зрителей.

С. 187. *Зольдатен. Дас фенстер ист вайс...* — Обрывки фраз, доносящихся с балкона, из пародируемой речи Гитлера: «Солдаты. Окно белое. Стол коричневый. Сегодня прекрасная погода, чтобы идти в школу. Нет. К чему всегда учиться, что позже, однако, забудешь. Гинденбург. Бисмарк. Мольтке... Кровь... Родина. Германия. Родина...»

Гинденбург Пауль фон (1847—1934) — немецкий военный и государственный деятель, президент Германии, передавший власть в руки Гитлеру в 1933 году; *Бисмарк Отто Эдуард Леопольд фон Шёнхаузен* (1815—1898) — рейхсканцлер Германской империи (1871—1890), объединитель Германии на прусско-милитаристской основе; *Мольтке Старший Хельмут Карл Бернхард* (1800—1891) — прусско-немецкий военный деятель, генерал-фельдмаршал, военный теоретик. Его доктриной (упредить противника в мобилизации армии и развертывании ее на границе, внезапное начало военных действий) руководствовался Гитлер при нападении на СССР.

С. 188. *Как Юлий Цезарь...* — Цезарь Гай Юлий (100—44 до н. э.) — древнеримский государственный деятель, выдающийся полководец, писатель.

Так Наполеон держал. Так — Фридрих Великий... — Любопытно, что подобное позиrowание фюрера и его озабоченность расположением своих рук при выходе на публику сатирически обыграны и в пьесе Б. Брехта «Карьера Артура Уи», написанной в том же 1941 году.

Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — полководец, первый консул Французской республики, император Франции; *Фридрих II Великий* (1712—1786) — прусский король, полководец, зачинатель Семилетней войны (1756—1763), при котором территория Пруссии значительно расширилась.

Марголин! Оставляю Вам комедию. Комедию я писал один, но некоторые материалы (отчасти тему) я взял у одного писателя (по его просьбе). По этой причине на комедии двойная фамилия. М. Зоценко. Алма-Ата. 1942 г.».

С. 231. *«Жизнь каждого все то же повторяет, что до него и прежде совершалось...»* — Цитата из исторической хроники В. Шекспира «Король Генрих IV» (1597—1598) в переводе П. А. Каншина (ч. 2, акт 3, сцена 1). Та же цитата использована М. Зоценко в качестве эпиграфа к главе III «Опавшие листья» в повести «Перед восходом солнца» (1943; *Зоценко Михаил. Перед восходом солнца // Зоценко М. Собр. соч. / Сост. и примеч. И. Н. Сухих. М., 2008. С. 28*).

С. 232. *Не хогу, говорит, на «Оветке» ходить... Хогу, говорит, на «Феликсе»!* — «Овечкой» железнодорожники прозвали отечественные паровозы серии ОВ («Основной Вальсхарта»), широко распространенные в России в первой половине XX века. Параллельно в годы индустриализации был создан более мощный и усовершенствованный по многим техническим показателям паровоз серии ФД («Феликс Дзержинский»), сокращенно «Феликс».

С. 236. *В одна тысяга девятьсот тридцатом году я попал, так меня... Выяснили...* — Сидор, по всей вероятности, намекает на то, что он в 1930 году «попал» под раскулачивание.

С. 243. *Я бы герту душу продал, тзоб вернуть свою юность.* — Реминисценция из трагедии И. В. Гете «Фауст» (1808—1831).

С. 247. *«Милосердия! — воскликнул король. — Снисхождения! Жалости! Инаге нет для него пути...»* — Возможно, цитируемое по памяти и потому не совсем точное воспроизведение слов короля Генриха из исторической хроники В. Шекспира «Король Генрих V» (1598) в переводе Е. Бируковой: «О, дайте проявить нам милосердь!.. Я все-таки прощу того беднягу. / Хоть Кембридж, Грет и Скруп в своем усердьи / И в нежном попечении о нас / Хотели б кары» (*Шекспир В. Собр. избр. произведений: В 10 т. Т. 3. СПб., 1992. С. 501—502*).

И в книжку гитает. — Дialeктное синтаксическое выражение как примечательная особенность речи Сидора.

С. 252. *Дом колхозника* — так назывались учреждения в областных или районных центрах, предназначенные для приезжающих в город сельских жителей (колхозников), где имелось общежитие и проводились разнообразные консультации, лекции.

С. 253. *Нет, я записываю ребят-беженцев... которые потеряли родителей. ~ Отправляем в колхозы. Там их воспитывают...* — Подобные меры предпринимались местными властями в глубоком тылу, когда вследствие начавшейся войны с Германией резко возросло число осиротевших и от-

бившихся от рук детей. Для многих из них колхозы становились не только местом пребывания, но и учебы, трудового воспитания.

С. 258. *Новиков нагинаят делать зарядовую гимнастику.* — Здесь в значении «лечебную гимнастику».

С. 266. Слова «ногу сгибает» вставлены рукой М. Зощенко.

С. 269. *А что ты, Ерошкин, прикидываешься к ребенку?..* — Здесь в значении «ведешь себя так, будто хочешь ему (ребенку) понравиться».

С. 270. *В другой раз...* — слова, вставленные рукой М. Зощенко.

ОЧЕНЬ ПРИЯТНО

(с. 277)

Последняя многоактная пьеса М. Зощенко, получившая сценическое воплощение при жизни автора. Написана в 1945 году, 1-й акт опубликован в журнале «Ленинград» (1946. № 1—2). Публикация сопровождалась кратким авторским предисловием: «В годы войны в печати появилось несколько весьма сомнительных рассказов на одну и ту же, видимо, “бродячую” тему. Тема эта варьировалась по-разному, но в основном она сводилась к нижеследующему:

Одиноким боец. Страдает и огорчается, не получая писем. Товарищи, желая поддержать его моральный дух, пишут ему письма от воображаемой особы. И достигают в этом наилучших результатов... И вот в одном госпитале, прочитав такое произведение, решили осуществить нечто подобное в жизни. Однако положительных результатов не добились, ибо в такой литературной выдумке лежала искусственная, нереальная, фальшивая мотивировка. И тут литература резко разошлась с жизнью.

В основу моей комедии положен подлинный такой случай, несколько усложненный мною согласно требованиям сцены» (Там же. С. 8). В итоге, по словам жены писателя, получилась «пьеса о “неуклюжем” внимании к людям, комедия-водевиль, полная всевозможных кви-про-кво» (*Зощенко В. В.* Литературный путь М. Зощенко. Ч 2. С. 44).

Постановку пьесы осуществил Ленинградский драматический театр (июнь 1946 г., режиссер В. П. Кожич). В рецензии на спектакль, появившейся в газете «Вечерний Ленинград», комедия Зощенко воспринималась как очень близкая к водевильному жанру: «В ней много традиционного для этого жанра и в построении интриги, и в использовании сценических приемов. Однако герои Зощенко отнюдь не условные театральные маски, а живые люди, обладающие индивидуальными чертами». Констатируя успех спектакля, автор рецензии писал: «На протяжении четырех действий зрители дружно смеются и аплодируют автору, его неистощимому юмору, тонкой благожелательной иронии». В то же время рецензент был явно не удовлетворен тем, что «постановщик спектакля В. Кожич точно не доверя-

ет ни юмору автора, ни его знанию сцены <...> и, что хуже всего, собственным представлением о смешном подменяет зощенковский юмор» (*Мин Ева*. «Очень приятно». Пьеса М. Зощенко в Ленинградском драматическом театре // *Вечерний Ленинград*. 1946. 12 июня. С. 3).

С аналитическим разбором пьесы и спектакля выступил в газете «Ленинградская правда» Н. П. Акимов. Он оценил пьесу Зощенко как поиск на пути к созданию советской бытовой комедии в ее особой разновидности: «Об этой комедии М. Зощенко нужно говорить как о развлекательной: под иным углом зрения рассматривать все показанные в ней веселые недоразумения и забавные стечения обстоятельств вообще невозможно». Касаясь авторской обрисовки действующих лиц, Акимов заметил: «Все действие строится на внимании окружающих к капитану, потерявшему жену, но сам капитан, а заодно и его найденная жена ничем и никак не характеризованы. Зато, как это часто бывает в пьесах М. Зощенко, эпизодические персонажи показаны с присущими автору иронией и замечательной наблюдательностью». Известный театральный режиссер, выступая в роли рецензента, разумеется, не мог пройти мимо оценки работы постановщика: «Спектакль построен так, что ни в какой мере не исправляет недостатков пьесы. И если автор с присущим ему юмором отшлифовал частности, то и режиссер главное внимание уделил этим порой очаровательным частностям. <...> Спектакль “Очень приятно”, — писал в заключение Акимов, — несомненно доставит зрителям известное развлечение, а отдельные его детали — и настоящее удовольствие. Но нам хотелось бы надеяться, что все это — заготовки, разведка на подступах к советской комедии, хотя бы к настоящей развлекательной комедии, в которой блеск деталей, на сегодня уже достигнутый, будет сочетаться с ясностью общего замысла и точностью драматургического построения» (*Акимов Н.* «Очень приятно». Премьера в Ленинградском драматическом театре // *Ленинградская правда*. 1946. 19 июня. С. 3).

Спустя месяц после премьеры состоялось коллективное обсуждение пьесы и спектакля с участием автора и видных ленинградских писателей, режиссеров: Е. Л. Шварца, М. Э. Козакова, А. А. Брянцева, И. Ю. Шлепачова, Е. А. Морщихина и др. Доброжелательно воспринимая пьесу и спектакль, участники обсуждения впервые заговорили о «театре Зощенко» как «особом художественном явлении» (подробнее см.: *Филиппова А.* «Я ученик в этом трудном деле...» // *Современная драматургия*. 1998. № 3. С. 215–216).

По свидетельству В. В. Зощенко, комедия «Очень приятно» была принята к постановке Новгородским драматическим театром, где работал в то время сын писателя Валерий (*Зощенко В. В.* Воспоминания. Зима 1945–46 гг. // РО ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 5. Ед. хр. 27. Л. 1).

мысль о доработке комедии (при вероятном участии автора) уже в процессе полугодовой подготовки спектакля под руководством режиссера В. П. Кожича. Этот сценический вариант комедии, по-видимому, и опубликован А. Н. Даусоном, работавшим в 1946 году в Ленинградском драматическом театре. По свидетельству А. Филипповой, он был лично знаком с Зощенко, неоднократно беседовал с ним. За четыре года до своей смерти «он не просто предложил к публикации текст пьесы, но и дал возможность познакомиться с записями своих бесед с Зощенко и обсуждения премьеры “Очень приятно”, состоявшейся 5 июля 1946 года» (Филиппова А. «Я ученик в этом трудном деле...». С. 215).

В настоящем сборнике текст пьесы «Очень приятно» воспроизводится по изданию А. Н. Даусона, соотнесенному с авторизованным машинописным экземпляром комедии (РО ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 1. Ед. хр. 410). Добавления в тексте пьесы, опубликованной в упомянутом издании, отличающие ее от хранящегося в архиве первоначального варианта комедии, выделены квадратными скобками.

С. 307. *Номина сунт одиоза* (лат. *Nomina sunt odiosa*) — Имена ненавистны, то есть имена нежелательны. Здесь в значении: называть имена необязательно.

С. 333. *Между прогим, он младший кандидат технических наук.* — Нелепое и неуместное в данном случае слово «младший» использовано автором с целью пародирования языка Уборщицы, отличающегося претенциозной интонацией и канцелярским стилем.

ПУСТЬ НЕУДАЧНИК ПЛАЧЕТ

(с. 345)

Работа над комедией была завершена М. Зощенко летом 1946 года накануне рокового для судьбы писателя партийного постановления «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». Кроме указанного, пьеса имела еще два варианта заглавия — «Всякому свое» и «Не в деньгах счастье». Замысел Зощенко первоначально воплотился в виде сценария музыкальной комедии («Пусть неудачник плачет», 1943: РО ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 1. Ед. хр. 411) и лишь к августу 1946 года превратился в законченную пьесу. Как пишет в своих воспоминаниях жена писателя, Зощенко работал над комедией с большим увлечением и был ей «очень доволен и удовлетворен тем, что его творческая сила не иссякла, что он, вопреки предсказаниям некоторых людей, вовсе не “исписался”, а, напротив, как бы вновь входит в силу...» (РО ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 5. Ед. хр. 27. Л. 39).

Тема денег и их влияния на поведение и психологию человека волновала Зощенко постоянно: недаром ей посвящены целый раздел в его «Голубой книге» (1935), ряд рассказов, одноактная комедия «Американское счастье» (1948). На этот раз он создал пьесу «о человеке старого мира»,

который придает слишком большую цену деньгам. Всю жизнь он стремится только к их приобретению. Думает, что за деньги можно купить все — любовь, уважение, почет. И ошибся... Когда он думает, что умирает, к нему на время приходит прозрение, деньги теряют для него смысл. Но лишь только опасность смерти проходит, он “возвращается к старым богам”» (Зощенко В. В. Литературный путь М. Зощенко. Ч. 2. С. 44—45).

Пьеса была принята к постановке Ленинградским театром комедии. В письме к М. Зощенко от 25 июля 1946 года главный режиссер театра Н. П. Акимов одобрил пьесу («мне очень нравится») и предложил на выбор в качестве возможных исполнителей роли Директора актеров Л. А. Кровицкого, В. Г. Киселева или А. Д. Бениаминова, а на роль бухгалтера С. Н. Филиппова (РО ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 3. Ед. хр. 51. Л. 2 об.). По случайному совпадению читка пьесы в Театре комедии состоялась в тот день, когда в газете «Культура и жизнь» (1946. 10 августа) появились статья Н. Маслина «О литературном журнале “Звезда”» и рецензия Вс. Вишневского «Вредный рассказ Михаила Зощенко» с резким осуждением рассказа «Приключения обезьяны». В отличие от пришедших на читку Зощенко, как выяснилось, еще не успел узнать об этом факте. С. Цимбал вспоминает: «По статье легко было понять, что печаталась она не по инициативе самой газеты и имела в виду не один только разбираемый рассказ писателя. Каждый из нас (присутствующих на читке. — В. М.) отдавал себе отчет в том, что появление статьи способно поставить под сомнение будущую постановку новой пьесы Зощенко...» (Мы знали Евгения Шварца: Воспоминания. Л.: М., 1966. С. 150—151). Данное опасение подтвердилось: через несколько дней было опубликовано упомянутое выше партийное постановление, которое перечеркнуло все надежды на постановку комедии Зощенко.

Впоследствии (летом 1958 года) автор «хотел отделать и несколько переделать свою комедию “Пусть неудачник плачет”» (Зощенко В. В. Литературный путь М. Зощенко. Ч. 2. С. 53), но болезнь и смерть писателя не позволили ему осуществить это намерение.

Впервые пьеса была напечатана посмертно в книге: *Михаил Зощенко. Рассказы, фельетоны, комедии. Неизданные произведения.* М.; Л., 1962. При публикации ее в 3-м действии, эпизоде 6-м после слов Бухгалтера «Негоже вам так говорить, Григорий Борисович» выпала часть текста комедии. Имеется в виду диалог между Бухгалтером и Директором, во время которого последнему звонит по телефону Клавочка, после чего Директор продолжает говорить одновременно и с ней, и с Бухгалтером. Вне этой сцены оставалась непонятной последующая реплика Бухгалтера в эпизоде 9: «А она вам вдруг такие слова — плевать, говорит, я хотела на ваши деньги...».

В настоящем издании сокращенная часть текста, начиная со слов «Телефонный звонок», восстановлена по авторизованному машинописному экземпляру пьесы (РО ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 1. Ед. хр. 414. С. 65).

С. 351. *А у меня картина на стене ~ Гольбейн.* — Немецкий художник Ганс Гольбейн Младший (1497–1543), портретная живопись которого считается одним из ярких достижений искусства эпохи Возрождения.

Главное, хочется лирики... — Мотив, характерный для послевоенных пьес М. Зощенко, начиная с комедии «Очень приятно». В словах Директора «я лирический человек», в его неприятии «сухарей» и «педантов» («А почему нельзя, чтобы музыка звучала? Музыкальные номера должны проходить сквозь всю нашу жизнь...» (с. 371)) ошутима и позиция автора пьесы, обеспокоенного тем, чтобы суровая «поступь истории» не заглушала эмоциональной, душевной стороны жизни человека. У Зощенко в пьесе даже Милиционер поет («Эх, Самара-городок... неспокойная... я...» (с. 364 и др.)), и это лишний раз напоминает, что изначально она задумывалась им как музыкальная комедия.

С. 355. *...талант вроде Розы Тамаркиной.* — Тамаркина Роза Владимировна (1920–1950) — советская пианистка, ученица А. Б. Гольденвейзера и К. Н. Игумнова.

С. 372. *...чтоб все было «комильфо».* — Здесь в значении: чтобы все соответствовало правилам светского приличия (фр. *comme il faut* — как надо, как следует).

С. 376. *Вторая Пунигеская война* — война между Римом и Карфагеном (218–201 до н. э.), закончившаяся победой римлян.

С. 377. *«Голубая кофта. Синие глаза. Никакой я правды милой не сказал...»* — строки из стихотворения С. А. Есенина (цикл «Персидские мотивы», 1925).

С. 389. *«Мemento мори»* (лат. *Memento mori*) — «Помни о смерти». Своеобразное приветствие, которым пользовались в своей среде монахи ордена траппистов, основанного в 1664 году. Здесь данное изречение, вынесенное в заглавие, употреблено как напоминание о неотвратимости смерти, о скоротечности жизни.

ЗА БАРХАТНЫМ ЗАНАВЕСОМ

(с. 411)

При жизни автора пьеса не была опубликована. У нее имеются и другие варианты заглавия — «Здесь вам будет весело», «Счастье доступно каждому», «Топчите свой рай». Первая редакция комедии была создана в 1947 году. «Летом 47 года Михаил Михайлович пишет “американскую комедию” — “Здесь вам будет весело”, зло и остроумно высмеивающую капиталистическую мораль и быт» (Зощенко В. В. Литературный путь М. Зощенко. Ч. 2. С. 46). О том же свидетельствует и запись в дневнике Б. М. Эйхенбаума 22 октября 1947 года: «Вечером в тот же день (20-го) слушал у Толи (Мариенгофа) новую пьесу Зощенко — “Здесь вам будет весело»» (Зощенко М. Уважаемые граждане: Пародии, рассказы, фельетоны, сатири-

ческие заметки, письма к писателю, одноактные комедии / Изд. подгот. М. З. Долинским. М., 1991. С. 106).

В литературе о М. Зощенко упоминается разное количество вариантов пьесы — от восьми до тринадцати. Этот факт подтверждает и В. В. Зощенко: «В первом варианте пьеса звучала превосходно... Впоследствии Михаил Михайлович неоднократно переделывал пьесу, руководствуясь указаниями “литературного начальства”. Всего им было сделано 13 вариантов, отчего пьеса, естественно, потеряла в своем качестве» (*Зощенко В. В. Литературный путь М. Зощенко* Ч. 2. С. 46).

Комедия писалась с ориентацией на театр Н. П. Акимова, проявившего к ней интерес, однако ни на сцене, ни в печати она не появилась. Комитет по делам искусств дал разрешение на постановку пьесу в ленинградском «Новом театре», но вскоре последовало запрещение Главреперткома. Все усилия и хлопоты М. Зощенко, его обращения по этому поводу к А. А. Фадееву, К. М. Симонову, А. А. Суркову, В. Ф. Пименову и в ЦК партии к Г. М. Маленкову, а также многократные доработки пьесы по замечаниям официальных лиц и театральных чиновников оказались безрезультатными.

В письме руководителю Союза советских писателей А. Фадееву от 3 мая 1948 года Зощенко сообщал, что произошло с его пьесой: «Тов. Суслев одобрил ее, но сказал (т. Лебедеву), что до постановки на сцене комедию надлежит напечатать. Это решение было сообщено Н. П. Акимову. Я запросил “Новый мир” — будет ли печататься моя пьеса, однако ответа не получил» (*Фадеев А. Письма и документы. Из фондов РГАЛИ. М., 2001. С. 264*). Фадеев, ответивший Зощенко со значительным опозданием, усмотрел основной изъян пьесы в том, что «комедия не перерастает в сатиру на американский империализм, что она недостаточно остра и зла, что враг показан только смешным, что при отсутствии положительных персонажей юмористическое обыгрывание гангстерства без сатирического разоблачения самой сущности империализма может вызвать у зрителя обратный эффект — благодушного отношения к злу». Автору предлагалось доработать пьесу и «сделать вещь политически и художественно цельную и нужную» (*Фадеев А. Письма: 1916—1956. 2-е изд., расширенное. М., 1973. С. 265—266*).

Не помогло Зощенко и направление своей пьесы 1 июля 1948 года И. В. Сталину (через А. Н. Поскребышева), в результате чего она была передана на отзыв Дм. Шепилову. Последний, не возражая в своем отзыве против стремления Зощенко «показать бесчеловечность капиталистического мира, его моральную растленность», в то же время отметил, что многие персонажи пьесы — «это не столько живые люди, сколько условные маски, движущиеся манекены». Некоторые из них «не участвуют в действии, а лишь высказывают ряд мыслей о банкротстве капиталистической

системы, об обреченности эксплуататорского общества и т. д.». Заключение высокопоставленного рецензента было равносильно приговору: «Рекомендовать пьесу М. Зощенко “Здесь вам будет весело” к напечатанию или к постановке представлялось бы нецелесообразным» (*Файман Г.* Уголовная история советской литературы и театра. М., 2003. С. 220–221). Это окончательно решило судьбу комедии и сделало бесполезными все дальнейшие попытки автора продвинуть ее в печать или на сцену.

О том, какие надежды связывал Зощенко с этой пьесой, он сообщил в письме А. А. Суркову в июне 1950 года: «Мне очень хотелось бы напечатать пьесу, она политического характера, и это мое выступление прекратило бы все вздорные разговоры, которые иной раз ведутся на Западе вокруг моего печально прославившего имени» (РО ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 3. Ед. хр. 39. Л. 1).

Это в значительной мере объясняет, почему Зощенко продолжал хлопотать о постановке пьесы «Здесь вам будет весело» и через много лет после ее написания. Подтверждение тому — его письмо главному режиссеру Московского театра сатиры В. Н. Плучеку в середине 1950-х годов. Отвечая на предложение о творческом сотрудничестве, писатель выслал театру свою многострадальную пьесу со следующей мотивировкой: «Нынче я внимательно перечитал мою комедию. За восемь лет она, несомненно, кое в чем устарела. Но общая характеристика капиталистической страны осталась справедливой. И приемы “холодной войны” во многих деталях сохранили свою силу. Мне думается, что комедия может быть поставлена в наши дни, если подчеркнуть дату действия — 1947 год». Публикация этого письма Ю. В. Томашевским сопровождается пояснением: «Письмо, адресованное Театру сатиры, в руки Плучека не попало. Зощенко ошибся: главным режиссером в 1955 году (а исходя из текста письма, именно в этом году оно было написано) работал тогда Н. В. Петров. Что он ответил Михаилу Михайловичу и ответил ли вообще — неизвестно: зощенковский архив об этом молчит» (*Томашевский Ю. В.* «Литература — производство опасное...» М. Зощенко: жизнь, творчество, судьба. М., 2004. С. 128–129).

Подробнее об обстоятельствах, сложившихся в те годы вокруг данной зощенковской пьесы, см.: *Муромский В. П.* «...Дело не в литературе, а в ситуации»: (Об «американской комедии» М. Зощенко) // Зощенко Михаил. Материалы к творческой биографии. Кн. 2. СПб., 2001. С. 269–278. Там же впервые напечатан текст пьесы «За бархатным занавесом» по хранящемуся в архиве Пушкинского Дома авторскому машинописному экземпляру с пометкой М. Зощенко на титульном листе: «Вариант V», 1948 г. (РО ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 1. Ед. хр. 419).

С. 429. «Я жгу Москву»... — Название брошюры Миллионера заставляет вспомнить антисоветский памфлет французского писателя Поля Морана

«Я жгу Москву» (1924) и написанный, как полемический ответ на него, роман Бруно Ясенского «Я жгу Париж» (1929).

С. 430. Появление Доктора в эпизоде 20 (вопреки ремарке «Доктор уходит» в конце предшествующей сцены) свидетельствует о том, что данный эпизод добавлен автором при переделке комедии. См. примеч. к с. 469.

С. 441. *И при этом он совсем рамоли — вологит ногу...* — Рамоли (фр. ramolli) — старчески расслабленный, впавший в слабоумие человек.

С. 453. *И тогда снова пойдут сверхприбыли... как в ту победоносную войну...* — Имеется в виду Вторая мировая война 1939—1945 гг.

С. 468. *...не снимаем вопроса о Крестовом походе против коммунизма.* — Историческая аналогия с Крестовыми походами западноевропейских феодалов в XI—XIII веках, проходившими под прикрытием религиозных мотивов.

С. 469. *...два посетителя — Молодой и Старый.* — В списке действующих лиц персонажи «Молодой» и «Старый» отсутствуют. Они введены Зоценко при доработке пьесы и отражают реакцию автора на критические замечания официальных лиц по ее адресу. Смысл и цель доработки объясняет запись, сделанная рукою М. Зоценко на отдельном листе в конце машинописного текста комедии: «Добавлены политические рассуждения о природе капитализма на стадии империализма, о преимуществах капиталистической системы. Высказывания против компартии (американской. — В. М.) — запретить, пойти даже на войну» (РО ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 1. Ед. хр. 419. Л. 82).

ДЕЛО О РАЗВОДЕ

(с. 481)

Комедия создавалась в течение 1950—1951 годов для государственного Центрального театра кукол, пригласившего М. Зоценко к сотрудничеству. При жизни писателя не была напечатана. В этой пьесе М. Зоценко сценическими средствами «протестует против поспешных, не обоснованных серьезными причинами разводов» (*Зоценко В. В.* Литературный путь М. Зоценко. Ч. 2. С. 47). «Бракоразводная» тема была популярна в советской драматургии конца 1940-х — начала 1950-х годов: «Ее друзья» В. Розова, «Калиновая роща» А. Корнейчука, «Строгая девушка» С. Алешина, «Сердце не прощает» А. Софронова и др.

Зоценко работал над комедией, поощряемый главным режиссером театра С. В. Образцовым, который в одном из своих писем от 28 января 1952 года заверял автора: «Поверьте, дорогой Михаил Михайлович, мы по-прежнему мечтаем о Вас как о драматурге нашего театра» (РО ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 3. Ед. хр. 257. Л. 2). Работа над пьесой шла нелегко, что связано с непривычной для ее автора поэтикой кукольного театра. В Рукописном отделе ИРЛИ представлены четыре ее варианта. Во втором варианте авторизо-

ванного машинописного текста комедии появилась сцена «Перед началом»: две куклы, одна из которых олицетворяет директора театра, выходят на просцениум и разыгрывают пролог (РО ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 3. Ед. хр. 435. Л. 132).

Мотивы и характер неоднократной доработки пьесы отражены в переписке Зощенко с С. В. Образцовым и заведующей литературной частью театра Л. Шпет. В письме к последней автор пьесы сообщал: «Ваши некоторые замечания позволили мне взглянуть на кукольное представление по-новому. Мне показалось, что тут возможна настоящая драматургия, а не только драматургия, подкрепленная блеском и необыкновенной техникой вашего театра. Вот под этим впечатлением я и правлю сейчас мою комедию» (*Смирнова Н. И. Театр Сергея Образцова. М., 1971. С. 228*).

О специфических трудностях в работе над пьесой и стремлении их преодолеть Зощенко писал и С. В. Образцову: «Наконец-то я разобрался в моей комедии. Оказалось, что причиной моих затруднений было то, что я не понял сущность кукольной драматургии. Однажды Вы мне сказали, что куклы — это деревяшки и они не обладают чувствами, вернее, эти чувства надлежит показывать наглядно — внешними действиями... Эти Ваши слова я, видимо, не так понял, как следует, и “увел” моих кукол от сложных человеческих чувств. В результате чего и появилась комедия положений... В этом была моя основная ошибка. Теперь я подошел к комедии так, как я обычно подхожу к своим вещам, и тогда все встало на место. Появились живые люди и реальные мотивировки» (Там же. С. 229).

Возвращаясь к тексту комедии, Зощенко стремился к большей индивидуализации и обытовлению языка некоторых персонажей (Прораб, токарь Антон), устранил из их речи слишком высокопарно и нравоучительно звучащие нотки.

Тем не менее на сцене пьеса не появилась. Комитет по делам искусств при Совете министров СССР не дал разрешения на ее постановку. В связи с этим Л. Ленч, разделяя горечь автора, дружески подсказывал ему в одном из своих писем: «Вы же можете теперь совершенно свободно на основе этой комедии для кукол сделать комедию для настоящего театра» (РО ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 3. Ед. хр. 215. Л. 1).

В 1954 году спектакль под названием «Дело о разводе» все же был поставлен в театре С. В. Образцова, но по пьесе другого автора — Е. В. Сперанского. Подробнее о комедии М. Зощенко и о перипетиях ее несостоявшегося выхода на сцену см.: *Муромский В. П. «...Непостижимо трудно сейчас в литературе»: (Неизвестная комедия М. Зощенко и ее судьба) // Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 3. СПб., 2002. С. 232—238. Там же впервые опубликован текст пьесы «Дело о разводе» на основе четвертого, т. е. последнего прижизненного варианта произведения, относящегося к 1951 году. Этот текст воспроизводится и в настоящем*

сборнике. В примечаниях оговорены некоторые изменения, внесенные автором комедии, по сравнению с первым ее вариантом.

С. 484. *...муж Евгений Евгеньевич Уважаев...* — В первом варианте комедии герой имел другое имя — Роман Петрович Уважаев (РО ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 1. Ед. хр. 435. Машинопись).

С. 486. *«Сирень цветет неделю и отцветает — так и твоя любовь...»* — Аналогичная фраза уже звучала в устах Володина, героя повести М. Зощенко «Сирень цветет» (1929). Писатель вновь использовал ее в качестве надписи на фото взамен той, что была в первом варианте комедии: «На память о нашей несостоявшейся любви. Сима» (Там же. С. 5.).

С. 489. *...докторша Серафима Громова...* — Профессия и фамилия героини в первом варианте пьесы были иные — чертежница Серафима Барабанова.

С. 490. *...геловек взял власть над природой, и она покорно склонилась перед ним.* — Некоторые слишком декларативно звучащие реплики Прораба автор при доработке комедии либо изменил, как в данном случае (в первом варианте было: «Потому что советский человек взял власть над природой и начал командовать ею...»), либо вообще снял. Например, изъята следующая фраза Прораба: «А вот там за рекой — молодой лесок. Но уже могучий барьер против суховеев и песчаных бурь...» (Там же. С. 9, 10).

С. 492. *Это бесгестный геловек! Это...* — Далее сокращены автором слова жены героя, имевшиеся в первом варианте пьесы: «Я ошиблась в нем... Это не советский человек» (Там же. С. 13).

С. 500—504. Картина 5-я «На кухне» подверглась изменениям по сравнению с первым вариантом комедии. В частности, автором исключены из текста назидательные, в духе газетных передовиц, реплики ведущего собрания токаря Антона Томилина: «Брак — это не шутка и развод не игра. Советский брак основан на глубоком доверии и взаимной любви. Он не омрачен куплей и продажей, как это бывает в некоторых странах. И потому, если у нас случаются такие происшествия, вроде этой нелепой ссоры, то наш общественный долг...» и т. д. (Там же. С. 22).

С. 503. *...знаменитый певец Иван Колковский...* — Созвучно с именем выдающегося русского певца Ивана Семенович Козловского (1900—1993).

ПЕРВЫЕ ШАГИ,

или О том, как Горький стал писателем

(с. 519)

Пьеса создавалась совместно с И. А. Груздевым в течение 1952—1954 годов. Соавторство было оформлено письменным соглашением 29 сентября 1954 года: «Мы, нижеподписавшиеся драматурги — Илья Александрович Груздев и Михаил Михайлович Зощенко (псевдоним Михаил Сурин) дого-

ворились между собой, что весь гонорар (как единовременный, так и авторские) за пьесу “Первые шаги” (или как Горький стал писателем) — делить между собою на равных основаниях, то есть И. А. Груздеву — 50% и М. М. Зоценко — 50%. Гонорар за публикацию пьесы (и экранизацию) делить на тех же основаниях» (РО ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 2. Ед. хр. 67). Из текста соглашения видно, что предполагалась не только публикация пьесы, но и ее экранизация.

Однако это соглашение так и осталось нереализованным. Пьеса «Первые шаги», вопреки ожиданиям авторов, не стала достоянием ни читателей, ни зрителей. В контексте сопутствующих ей событий становится понятным, почему. Пьеса была завершена в том самом 1954 году, когда началась повторная волна гонений на Зоценко после его выступления на встрече с английскими студентами. Опала писателя, начавшая было ослабевать, неожиданно обострилась. Его имя снова стало объектом травли и поношений. Попытка Зоценко как соавтора пьесы скрыть свое имя под псевдонимом Михаил Сурин (фамилия его матери. — В. М.) в данном случае не помогла. В сложившейся тогда ситуации надежда на продвижение этой пьесы (с участием Зоценко) в печать или на сцену, не говоря уже о киноэкране, отпала сама собой.

В архиве М. Зоценко (РО ИРЛИ) сохранились: машинописный экземпляр вполне законченной пьесы «Первые шаги» с пометками Зоценко (РО ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 1. Ед. хр. 439. 95 л.); несколько предшествующих ей вариантов, написанных Груздевым под разными заглавиями («В людях», «Радость жизни») с замечаниями и исправлениями Зоценко (Там же. Оп. 4. Ед. хр. 40, 41); черновые записи Зоценко — планы, наброски, заметки, относящиеся к отдельным сценам и персонажам пьесы (Там же. Оп. 1. Ед. хр. 440). Участие Зоценко как соавтора, судя по этим материалам, заключалось в разработке и уточнении замысла, корректировке общего плана и некоторых эпизодов пьесы, редакторской правке на завершающем этапе работы над ней. Зоценко тщательно вникал во все детали биографии молодого Горького. При этом опорой ему служили не только первоисточник — горьковская автобиографическая трилогия, но и труды соавтора по пьесе. Груздев, по свидетельству В. В. Зоценко, «предоставил Михаилу Михайловичу обширный биографический материал о Горьком» (Зоценко В. В. Литературный путь М. Зоценко. Ч. 2. С. 47).

Кроме упомянутых архивных документов, следы творческих раздумий Зоценко над пьесой остались на титульной стороне обложки одной из книг его личной библиотеки — книги И. Груздева «Горький» (1933). Здесь Зоценко в сжатой форме набросал план пьесы, сопроводив его попутными замечаниями. План выстраивался в такой последовательности: «I сцена. Дед Каширин. После разорен<ной> лавки. II. Отдан в магазин (имеется в виду Алеша Пешков. — В. М.). III. У чертежника. IV. У ключника на Вол-

Пешков (читает). «Что, сынку? — сказал Тарас. — Помогли тебе твои ляхи?» Андрий был безответен. “Так продать, продать своих?» Ср. у Гоголя: «Что, сынку, помогли тебе твои ляхи?» Андрий был безответен. — “Так продать? продать веру? продать своих?» (Там же. С. 135).

С. 544. *Джон Стюарт Милль отлично это доказал в своей книге... — Милль Джон Стюарт (1806–1873) — английский философ и социолог, труды которого по политической экономии печатались в России в переводе Н. Г. Чернышевского. Здесь имеется в виду книга: Милль Д.-С. Подчиненность женщины. СПб., 1870.*

С. 559. *Никому не разрешу даром хлеб есть... — В эту реплику Хозяина М. Зощенко вставил слово «мой» («...мой хлеб есть»).*

С. 563. *Скоро лже конец... Вся фальша уйдет... — Продолжение этой реплики Посетителя — «И в каждом доме будет справедливость и великолепие» — М. Зощенко вычеркнул.*

ИСТОЧНИКИ ПУБЛИКУЕМЫХ ТЕКСТОВ

М. М. ЗОЩЕНКО

- Уважаемый товарищ. Комедия в 3-х д. — *Зощенко М.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. Л.; М., 1931. С. 182—245.
- Опасные связи. Комедия в 3-х д. — *Зощенко М.* 1937—1939: Рассказы, повести, театр, фельетоны. Л., 1940. С. 204—264.
- Парусиновый портфель. Комедия в 3-х д. — *Зощенко М.* Рассказы, фельетоны, комедии. Неизданные произведения. М.; Л., 1962. С. 239—314.
- Под липами Берлина. Пьеса-памфлет в 3-х д. (в соавторстве с Е. Л. Шварцем). — Театр. 1987. № 5. С. 172—189. Публикация А. А. Богданова.
- Маленький папа. Комедия в 3-х д. (в соавторстве с В. Павловским). — Звезда. 2014. № 1. С. 71—112. Публикация В. П. Муромского.
- Очень приятно. Комедия в 4-х д. — Современная драматургия. 1998. № 3. С. 219—246. Публикация А. Н. Даусона.
- Пусть неудачник плачет. Комедия в 3-х д. — *Зощенко М.* Рассказы, фельетоны, комедии. Неизданные произведения. М.; Л., 1962. С. 316—401.
- За бархатным занавесом. Комедия в 4-х д. — М. Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 2. СПб., 2001. С. 277—343. Публикация В. П. Муромского.
- Дело о разводе. Комедия в 3-х д. — М. Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 3. СПб., 2002. С. 239—273. Публикация В. П. Муромского.
- Первые шаги, или О том, как Горький стал писателем. Пьеса в 4-х д. (в соавторстве с И. А. Груздевым). — РО ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 1. Ед. хр. 439. 97 л.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. П. Муромский. Судьба драматургического наследия</i>	
М. М. Зощенко	5
Уважаемый товарищ. Комедия в 3-х действиях	33
Опасные связи. Комедия в 3-х действиях	69
Парусиновый портфель. Комедия в 3-х действиях	121
Под липами Берлина. Пьеса-памфлет в 3-х действиях.	
В соавторстве с Е. Л. Шварцем	181
Маленький папа. Комедия в 3-х действиях.	
В соавторстве с В. Павловским	229
Очень приятно. Комедия в 4-х действиях	277
Пусть неудачник плачет. Комедия в 3-х действиях	345
За бархатным занавесом. Комедия в 4-х действиях	411
Дело о разводе. Комедия в 3-х действиях	481
Первые шаги, или О том, как Горький стал писателем. Пьеса	
в 4-х действиях. В соавторстве с И. А. Груздевым	519
Приложение: <i>В. В. Зощенко. История нападок на Зощенко</i>	583
Комментарии	673
Источники публикуемых текстов М. М. Зощенко	702

Согласно Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред
их здоровью и развитию»,
«книга предназначена для детей старше 16 лет»

Утверждено к печати
Ученым советом Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Научно-популярное издание

ТЕАТР ЗОЩЕНКО

Составитель:

В. П. Муромский

Корректор *Т. Л. Самсонова*

Компьютерная верстка *С. В. Степанова*

Художественное оформление *Л. Модебадзе*

Формат 60 × 88 ¹/₁₆, Гарнитура Octava.
Печ. л. 44,00. Тираж 1000 экз. Зак. № 3432

ООО «Родник»

E-mail: rostokbooks@yandex.ru

URL: <http://www.rostokbooks.ru>

По вопросам оптовых закупок

обращаться по тел.: 8-921-937-98-70

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В. О., 9-я линия, 12